

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

А. Н. Алексеев

**Драматическая социология и
социологическая ауторефлексия**

Том 2

НОРМА
Санкт-Петербург
2003

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского Фонда фундаментальных исследований
(издательский проект ¹ 02-06-87008)

А 49 **Алексеев А. Н.**
Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 2. —
СПб.: Норма, 2003. — 480 с.
ISBN 5-87857-068-8

В этой книге отражены профессиональные и жизненные поиски автора-социолога, относящиеся к исследованию взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов, индивидуального и социального сознания.

В отличие от известных канонов научной монографии, настоящая работа являет собой сюжетно выстроенное произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сквозным сюжетом книги является социально-личностный эксперимент, предпринятый в 80-х гг. Эксперимент начался с инициативного перехода социолога из научного института на завод, в качестве рабочего. В этой социальной роли автор пребывал с 1980 по 1988 г.

В книге представлены материалы исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», а также исследования характерных черт социокультурной среды и общественно-политической жизни периода, предшествовавшего радикальным общественным переменам рубежа 80–90-х гг. Существенными моментами содержания являются как синхронный с событиями эксперимента самоанализ, так и современная интерпретация поведения социолога-испытателя и его непосредственного окружения.

Первый том («В поисках жанра») посвящен начальному этапу «эксперимента социолога-рабочего». На этом этапе был разработан и опробован социологический метод «наблюдающего участия», предполагающий активное вмешательство исследователя в изучаемые социальные процессы, синтез практической деятельности, рефлексии и игры.

Во втором томе («Контрапункты») рассматривается продолжение эксперимента при «вновь возникших» обстоятельствах: состоявшейся в середине 80-х гг. эскалации идеологических и политических обвинений в адрес социолога-испытателя. Социологически осмыслиется личный опыт самообороны от этих обвинений, при товарищеской поддержке коллег (ученых, рабочих, журналистов).

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей, стремящихся понять общество, в котором они живут, и самих себя в этом обществе.

© Алексеев А. Н., 2003 © Базникин © Ронкин В. Е., 2003 ©
А. К., 2003 © Гефтер М. Я., 2003 © Сокирко В. В., 2003 ©
Дудченко В. П., 2003 © Кетегат А. Солипатров А. Г., 2003 ©
А., 2003 © Ленчовский Р. И., 2003 Соснин А. С., 2003 ©
© Очаковский В. Я., 2003 © Шейнис В. Л., 2003 ©
Поршняков С. Н., 2003 © Розет С. Шустрова Н. Я., 2003 ©
М., 2003 Щеголев Ю. А., 2003

© Норма, 2003

Содержание тома 2

Несколько вступительных слов к тому 2	11
---	----

Глава без номера (между 6-й и 7-й). Интермедии

И. 1. Ученик Канта (Следуя категорическому императиву...) (авт. — А. Гулыга)	12
И. 2. Дополнение к семейному преданию	13

Часть 2. Контрапункты

Глава 7. «Дело» социолога-рабочего (начало)

7.1. Экспериментальная социология: незапланированные предметы исследования. 1984	17
7.2. Обыск и выемка — на основании «имеющихся данных»	19
7.3. «Куда ни кинь — всюду дыра...»	21
7.4. Мой правовой ликбез	24
7.4.1. Уголовно-процессуальный кодекс	24
7.4.2. Дискуссия о правовом положении свидетеля. Отличие «заподозренного» от «подозреваемого». Процессуальное принуждение	25
7.4.3. Уголовный кодекс. Статьи 70 и 190-1	29
7.4.4. Право необходимой обороны (авт. — А. Кони; А. Цориева)	32
7.5. Из «объяснений» для органов госбезопасности	35
7.6. В поисках выхода из «мертвой зоны»	39
7.6.1. «С организацией надо вести себя имманентно ее законам...»	39
7.6.2. «Мой способ жизни стал предметом преувеличенного интереса...» ..	43
7.7. Социальное и культурное пространство, или с кем социолог- рабочий тогда знаком не был... (интермедия)	46
7.7.1. «Прививка черенка свободы к тоталитарному режиму...» (авт. — Б. Иванов)	46
7.7.2. Семинар Сергея Маслова (авт. — Я. Гордин)	48
7.7.3. Андроповский зажим (авт. — Л. Лурье)	49
7.8. Коммунист, партийная организация, КГБ	50
7.9. Малолетний взломщик	53
7.9.1. Налет на квартиру. Пропаж не обнаружено	53
7.9.2. «Связь между обыском и налетом на квартиру вовсе не исключена...»	55

7.10.	А жизнь идет...	56
7.10.1.	Официальные приглашения, заказы и напоминания	56
7.10.2.	Социолог-испытатель востребован (авт. — В. Ядов)	58
7.11.	Предостереженный (Мера «профилактического воздействия») ...	58
7.11.1.	«Аспид»	58
7.11.2.	«Информирую о беседе в УКГБ ЛО...»	61
7.11.3.	104 или 103 страницы в «единице хранения» ¹ 17?	62
7.11.4.	«Вполне доверяю партийной организации в выборе позиции, которую она сочтет нужным занять...»	63
7.11.5.	«Боевая ничья»...	65
7.12.	Играем по правилам	66
7.12.1.	Прокуратура Ленинграда надзирает за следствием	66
7.12.2.	Правила для государственных и общественных органов	68
7.12.3.	Прокуратура Ленинграда надзирает за следствием (окончание) ...	70
7.13.	И еще один «свидетель по валютному делу»...	71
7.14.	Траурный митинг (смерть Андропова). «Быть начеку...» (ленинская заповедь)	73

Ремарки:

От «дела» остался только «акт списания»... (раздел 7.1); Детали следственных действий (7.2); Импульсивные реакции (7.2); «...строптивый свидетель...» (7.3); На страже «интересов расследования» (7.4); Не «подозреваемый», а «заподозренный!» (7.4); Для кого пишутся комментарии к кодексу (7.4); Законодательный исход правовой дискуссии (7.4); С опорой на авторитеты (7.4); Не полагаясь на «авось» (7.4); «...да, отвечал...» (Геннадий Климентов) (7.5); «Игра» моего друга (7.5); Спасибо и... простите! (7.5); Социолог-испытатель нервничает (7.6); «Не слабое» место в этом «деле»... (7.6); Прислушиваясь к рецензентам (7.6); Разделение труда между правоохранительными органами (7.6); Раскрытие одного псевдонима (7.6); У каждого своя компания... (7.7); К вопросу об «общественной кристаллизации» (7.7); Предыстория отношений (7.8); «Выстроенная» ситуация (7.8); Правовое положение потерпевшего (7.9); Зашифрованные субъекты и «объекты» (7.11); «Уж ломит бес...» (7.11); Вещественные доказательства (7.11); Формула предостережения (7.11); Три фактора «успеха» (7.11); «Ввоз» и «вывоз»... (7.12); От «Писем...» — к «записям для памяти» (7.12).

Приложения к главе 7

П. 7.1.	Случай в Варадеро (политико-социологический эксперимент, 1983)	75
П. 7.2.	Предложения в Госкомтруд (авт. — А. Алексеев, при участии Г. Климентова и С. Розета)	85
П. 7.3.	В поисках прецедентов. Сочинитель «Моих горячек» (авт. — М. и Я. Гордины)	94

Ремарки:

Извинения перед читателем (раздел П. 7.1); Пороговые пятилетия (П. 7.1); «...грязный пасквиль...» (П. 7.1); Запросы на «новые идеи» (П. 7.2); Публикации социолога-рабочего (П. 7.2); У всех «свои горячки»... (П. 7.3); «Читано в декабре 1983 года...» (П. 7.3).

Глава 8. «Дело» социолога-рабочего (продолжение)

8.1.	Хроника эксперимента. Взгляд из 1988 года (авт. — А. Головков)	98
8.2.	«В отношении Алексева А. Н.» (справка УКГБ ЛО)	99
8.3.	«Разрешаю ссылаться на эти документы...»	101
8.4.	Решение партийного бюро: «Исключить антисоветчика...»	104
8.5.	«Речь идет о жизни и смерти...»	111
8.6.	«Вредитель», «саботажник», «шпион»...	116
8.7.	Репортаж с заседания парткома	119
8.8.	«Примите информацию — из первых рук...»	124
8.9.	Праздник дружбы, который всегда с тобой	126
8.9.1.	Из писем Романа Ленчовского (авт. — Р. Ленчовский)	126
8.9.2.	К вопросу о «дружеских действиях»	136
8.10.	Протокол моего юбилея. 1984	137
8.11.	Беседы в Смольном. Четвертый подъезд	142
8.11.1.	Первые три беседы в Смольном	143
8.11.2.	7-я беседа в Смольном	152
8.12.	«Дело Баранцева»... Интермедия	156
8.12.1.	Психологический этюд эпохи позднего большевизма (авт. — Я. Гордин)	158
8.12.2.	Еще один урок А. А. Любищева (1955) (авт. — А. Любищев)	164
8.13.	Всероссийское театральное общество: разрыв отношений	167
8.13.1.	«Заглазное» отлучение от ВТО	167
8.13.2.	Потеря А. не является невозполнимой для группы	168
8.14.	Союз журналистов очищает свои ряды	169
8.14.1.	Беседа в Доме журналистов на Невском	169
8.14.2.	«Эклектизм воззрений и двойственность поведения...» (авт. — В. Комаров)	171
8.14.3.	«Я, конечно, не Зошенко, но и доцент Комаров — не профессор Плоткин...»	173
8.14.4.	«Несовместимо ни с идеологией, ни с практикой советского журналиста...»	178

Ремарки:

Ожидания оправдались (раздел 8.2); Кому повезло — кому не повезло?.. (8.2); Досье на самого себя (8.3); «Дочерние» досье (8.3); «Эзопов язык...» (8.3); Не всякий опрос — анкетирование (8.4); Болт, предъявленный в партийную комиссию (8.4); Членов партии не убавилось... (8.4); Неудобный член

партийной комиссии (Геннадий Богомолов) (8.5); Смешение слов и понятий (8.5); Доводы разума против доводов силы (8.6); Кому писал? (8.8); Новая партия в нашей «игре» (8.9); От души, ради друга, для общего дела... (8.9); «...вас трое «явлений»...» (8.9); «...исключая диссидентские действия...» (8.9); Он, мы, они... (8.10); «Я вспоминаю...» (Борис Максимов) (8.11); Логика эволюции «дела» (8.11); Как берут «на пушку»... (8.11); Сколько человек надо опросить, чтобы было — «исследование»? (8.11); К вопросу о читательской установке (8.11); Один эксперт — на две комиссии (8.11); В Смольный — как на работу... (8.11); Играем «по правилам»... (8.11); «Неконтролируемые ассоциации» (8.11); Протоколы бесед с должностными лицами (8.11); «Драматургические протоколы»... (8.12); Анатомия и физиология «дела» (8.14); Факты, оценки, концепции (8.14); Уклонение от идеологического спора (8.14); Конец цитаты (8.14).

Приложение к главе 8

П. 8.1. Р. Г. Баранцев. Фрагменты о системных триадах 180

Ремарка:

Три канала познания, по П.Сорокину (раздел П. 8.1)

Глава 9. Год Оруэлла (1984)

- 9.1. Ситуация — статика и динамика. Алексеев — стимулы и реакции ... 188
- 9.2. Несколько частных эпизодов из жизни «изгоя» 200
- 9.2.1. Какая дисциплина главнее: партийная или государственная? 200
- 9.2.2. Голосую против — нормальное дело... 202
- 9.2.3. Неуместная фотография в заводской газете 203
- 9.2.4. Мой друг Володя 204
- 9.2.5. Люди и «рычаги» (в смысле известного рассказа А. Яшина) 205
- 9.2.6. «Полузакрытое» партийное собрание 206
- 9.3. «Бои» местного значения (вокруг партийной характеристики) 208
- 9.3.1. Скромная — не скромная просьба исключенного из партии 208
- 9.3.2. Смольный — партком завода — цеховая партийная организация ... 209
- 9.4. Наука, политика, нравственность
(опыты «лирической политологии») (авт. — Р. Ленчовский) 213
- 9.4.1. «А может, Ты мог бы дать мне заказ...» 213
- 9.4.2. О партийно-политической этике как научном направлении
(методологические проблемы) 215
- 9.4.3. Нравственно-политическая жизнь: опыт определения понятия
в контексте воспитательного процесса 219
- 9.4.4. О стихийности и сознательности 221
- 9.4.5. Неудавшаяся попытка «воспитания воспитателей»
223
- 9.5. На что мы надеялись, или о нравственном смысле анализа
превращенных форм. Интермедия (авт. — Р. Ленчовский) 224
- 9.6. Опасные игры
(вокруг материалов опроса «Ожидаете ли Вы перемен?») 233

9.6.1.	Опыт самостоятельного расследования	233
9.6.2.	45 экспертных интервью — взгляд со стороны. 1983	235
9.7.	ИСЭП-1984 (почти по Оруэллу)	238
9.7.1.	Партийное внимание к науке	238
9.7.2.	«Недостаток идеологической выправки у социологов...» (неологизм проф. Парыгина)	239
9.7.3.	Как отличить «вредные» произведения от «не вредных»? (авт. — Б. Беликов)	246
9.7.4.	ИСЭП: охота на ведьм продолжается	248
9.7.5.	Конкурсные страдания	250
9.8.	Управление КГБ за работой	254
9.8.1.	Из практики объявления официальных предостережений	254
9.8.2.	«Привет от Незабудкина...»	256
9.8.3.	Дружелюбная беседа в приемной КГБ	258
9.8.4.	Новое в советском законодательстве	261
9.9.	Потерпевший, милиция, прокуратура (Дело о «поврежденной двери»)	262
9.9.1.	Милиция. «А был ли мальчик?»	262
9.9.2.	Милиция. Допрос потерпевшей Н. Крюковой	267
9.9.3.	Прокуратура. Закон — на страже неприкосновенности жилища	271
9.10.	Конец 1984-го. Мозаика жизни	278

Ремарки:

Триадная типология (раздел 9.1); Эксперимент продолжается! (9.1); Заводские журналисты (9.2); Поиск «оптимума» (9.3); Партийные страсти (9.3); Партийные характеристики (9.3); «...превращенная форма...» (9.4); Случайное — неслучайное (9.4); Продолжение следует... (9.5); Читатель, скажи! (9.5); «...коммунисты-романтики...» (9.5); О трактовке термина «коммунитарность» (9.5); Экспертный лист¹ 10 и другие (9.6); «Человек со стороны» (9.6); Конфликт двух социально-нормативных систем (9.6); Слушайте, слушайте! («новояз») (9.7); «Увольняйтесь по-хорошему...» (9.7); Идеологически вредная книга о семье (9.7); Памяти Елены Алексеевой (9.7); Советская социология — в зеркале воспоминаний, документов и историко-социологических исследований (9.7); Хитроумная комбинация? (9.8); Новое письмо начальнику УКГБ ЛО (9.8); Нет несущественных деталей! (9.8); Можно ли судиться с правоохранительным органом? (9.8); Разночтения в официальных документах (9.8); Терпение, терпение... (9.9); «...записано верно...» (9.9); Милицейский блеф (9.9); «...проникал ли кто в квартиру...» (9.9); А был ли «следователь»? (9.9); Пропадающие грамоты (9.9); «Параллельное» дело: вопрос остается открытым (9.9); Два «равноценных» преступления (9.9); Разнообразие форм «проникновения в жилище» (9.9); Критика снизу и критика сверху (9.10); Возрождение «производственной летописи» (9.10).

Глава 10. Перемен не надо ждать. Их надо делать!

10.1. Начало 1985-го. Новая формула исключения	288
10.2. Эпистолярный эксперимент (из дружеской поддержки)	289
10.2.1. 34 письма в один день	289
10.2.2. 25 писем отовсюду	291
10.3. Новые разговоры в Смольном	298
10.4. Высокий партийный суд	310
10.4.1. «Изобразить меня антисоветчиком, конечно, можно... А сделать таковым не удастся даже вам, товарищи члены бюро обкома!..» ...	310
10.4.2. Репортаж с заседания бюро обкома КПСС	313
10.5. Джордж Оруэлл, Марина Цветаева и тт. Марков, Смаглиенко и Горячкин	317
10.5.1. «Я эту книгу, как бутылку в волны...» (М. Цветаева)	317
10.5.2. Как я «помогал» партийной комиссии обкома КПСС	320
10.5.3. Партийная комиссия «обиделась»	327
10.6. К вопросу о «неприкосновенности исторических свидетельств» (авт. — В. Дудченко)	328
10.7. «Исключить из рядов КПСС за...» (эволюция формулировок)	332
10.8. Государственные тайны и дружеская поддержка	334
10.8.1. Из переписки с друзьями	334
10.8.2. «Человек на БАМе» в свете партийного «дела»	336
10.8.3. Дружеские хлопоты. «Выполняя поручение...» (авт. — В. Дмитриевский)	338
10.9. Со-умышленники, со-участники, со-авторы... ..	339
10.10. От камня, брошенного в воду, расходятся круги... ..	340
10.10.1. Летопись — «не только ПКР»... (авт. — Н. Поречная)	340
10.10.2. Прожективная ситуация	343
10.11. Контрнаступление — на «производственном фронте»	344
10.12. Письма Любимым женщинам. 1985	348
10.12.1. Жизненные и общественные будни	348
10.12.2. Что такое достоинство? (авт. — Р. Баранцев)	353
10.12.3. И снова — письма Любимым женщинам	355
10.12.4. «Рано или поздно я в партии восстановлен буду!»	359
10.13. Социологическая ассоциация очищает свои ряды	361
10.13.1. Попытка диалога	361
10.13.2. Монологи на заседании бюро ЛО ССА	365
10.13.3. «Полностью отсутствует позитивный опыт...»	368
10.14. «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки»	371
10.14.1. «Человеческий фактор» перемен: за и против. «Экспериментальная» ситуация противодействия переменам ...	371
10.14.2. Перемен не надо ждать. Их надо делать!	374

Ремарки:

Кто узнает себя в письме? (раздел 10.2); Другие — не виноваты! (10.2); Мотивы — действия — последствия (10.3); Формулируют как умеют... (10.3); К вопросу об анонимности опрашиваемых (10.3); «...Тот, кто Хотел Хорошего, но не Успел...» (10.3); «Инакомыслящий» или «инакодействующий»? (10.3); Необходимая самооборона (10.4); Библиографические разыскания (10.5); «...антисоветское чтиво...» (10.5); Еще об Оруэлле (10.5); Не без блефа... (10.5); За кулисами «министерства правды» (10.5); О преимуществах личного архива перед государственным (10.5); «...относиться как к бреду?...» (10.6); «...читайте мои письма...» (10.7); «Тетради по БАМу» (10.8); «Приводные ремни» (10.8); Памяти Натальи Порочной (10.10); За счет чего фактически выполняется производственная программа (10.11); «...условие моей явки на разбирательство...» (10.12); Достоинство и гордыня (10.12); «ЭКО» — «Юность» (10.12); Главный публикатор социолога-рабочего (Людмила Гурьева) (10.12); Второй раз — на те же грабли... (10.12); Судебный иск гражданина к организации (10.12); «Линии» жизни (10.12); Предвидел, но не все... (10.12); Слушайте, слушайте! Не забывайте! (10.12); «...нарушил порядок и условия...» (10.13); «Пусть уж будет все как было...» (Владимир Лисовский) (10.13); Из опыта профессиональных экспертиз (10.13); Устаревшая статья (10.13); Эскиз для «Драматической социологии» (10.14); «Данное» или «наше» общество? (10.14).

Приложения к части 2 (главы 7–10)

П. 7-10.1. Гражданская защита. 1984–1987	379
П. 7-10.2. Тюремные стихи, жизнь и личность Сергея Поршнякова ...	385
П. 7-10.2.1. Стихи, писанные в «Крестах» в 1912–1914 гг. (с авто комментариями 50 лет спустя) (авт. — С. Поршняков)	385
П. 7-10.2.2. Краткое жизнеописание	394
П. 7-10.2.3. Слово о краеведе (В. В. Бианки о С. Н. Поршнякове)	395
П. 7-10.2.4. Духовное завещание (авт. — С. Поршняков)	396
П. 7-10.2.5. Дон Кихот, Гамлет, Загадка (взгляд внука на деда) (авт. — Ю. Щеголев)	400
П. 7-10.3. 100 семей села Викулово 20 лет назад (о самостоятельном социологическом исследовании и гражданском подвиге сельского учителя А. В. Давыдова)	402
П. 7-10.4. Памяти друга (Анатолий Базникин)	407
П. 7-10.4.1. «Драку я затеял... Надеюсь выиграть!» (авт. — А. Базникин) ...	407
П. 7-10.4.2. «Заговоренная» тема (авт. — А. Базникин)	409
П. 7-10.4.3. «Да, это эмоции... Но можно и без них!» (авт. — А. Базникин) .	410
П. 7-10.4.4. «Дальше — зона покоя...» (авт. — З. Вахарловская)	412
П. 7-10.4.5. Дон Кузьмич Ламанчский (авт. — В. Тимощенко)	415
П. 7-10.4.6. Беречь бумаги тех, кто ушел (архив Кузьмича)	419
П. 7-10.5. Бунтарь. «Одиссея» Вилена Очаковского	422

П. 7-10.5.1. Виленса (<i>авт. — Г. Хороших</i>)	422
П. 7-10.5.2. «Откровения о троих Леонидах...» (<i>авт. — В. Очаковский</i>)	430
П. 7-10.6. Последнее «дело» Бориса Беликова	434
П. 7-10.7. Максимы А. (1974–1975)	438
П. 7-10.8. Что сказать мне удалось — не удалось (из авторских заметок по поводу книги «Год Оруэлла»)	446

Ремарки:

Стихи как «человеческие документы»... (П. 7-10.2); Заветы Поринякова (П. 7-10.2); След остается и оказывается востребован (П. 7-10.2); Жизнь не по лжи (П. 7-10.3); «Правда — вот что Русь излечит...» (П. 7-10.5); «Крутой маршрут...» (П. 7-10.5); «...за невякой истца» (П. 7-10.6); «Недеспособный» ответчик (П. 7-10.6); «Нет человека — нет проблемы?» (П. 7-10.6).

Вместо заключения

ВЗ. 1. Староладожская декларация (<i>авт. — колл.</i>)	450
ВЗ. 2. Российская антиутопия. «Что делать — мне?..»	452
ВЗ. 2.1. Российская антиутопия (<i>авт. — В. Ронкин</i>)	453
ВЗ. 2.2. «Что делать — мне?. »	465
ВЗ. 3. К вопросу о «парадигмах» в социологическом знании	467
ВЗ. 4. Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования	471
ВЗ. 5. Возвращаясь к эпитафиям: далекий «желаний край»	477
От автора — сегодня (заключительная ремарка)	479

Несколько вступительных слов к тому 2

Предполагается, что читатель знаком с томом 1 книги «**Драматическая социология и социологическая ауторефлексия**».

Все же напомним, что в первой части, названной «**В поисках жанра**» (главы 1–6) рассказывалось о «приключениях» социолога, предпринявшего попытку экспериментального исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего». Описанные там события относятся к периоду 1980–1983 гг.

Главы, вошедшие в том 1, назывались:

1. Накануне («Ожидаете ли Вы перемен?»)
2. Театр жизни на заводских подмостках (начало)
3. Театр жизни на заводских подмостках (продолжение)
4. «Письма Любимым женщинам» (после эпилога)
5. Человек и его работа: вид изнутри
6. Образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь

Главы 1, 5, 6 и часть 1 в целом сопровождались приложениями.

Вторая часть книги, названная «**Контрапункты**» (главы 7–10), посвящена событиям, которые последовали, а отчасти — проистекли из этого социально-личностного эксперимента. Последний получил своеобразное продолжение — в «деле» социолога-рабочего (1983–1986).

Однако прежде чем углубиться в анатомию и физиологию «дела», позволю себе два небольших отступления, или **интермедии**, прямого отношения к нашему сюжету как будто не имеющие...

А. А., апрель 2002

* * *

В начале был помысел, затем — дело, потом — слово, за которым не замедлило последовать «дело».

(Автоцитата. Из «Года Оруэлла». 2001)

Глава без номера (между 6-й и 7-й). Интермедии

И. 1. Ученик Канта (Следуя категорическому императиву...)

[Ниже — извлечение из книги А. В. Гулыги о Канте, вышедшей, в серии «Жизнь замечательных людей», в 1977 г. и читанной социологом-работчим в 1985 г. — А. А.]

<...> Фридрих Август Ханридер ученых трактатов не сочинял. Он хотел лишь жизнью своей практически обосновать реальность категорического императива. Не окончив курса, один из любимых студентов Канта с рекомендательным его письмом отбыл искать счастья в Россию. Способный и решительный молодой человек быстро получил офицерский чин и был определен адъютантом к генералу Суворову. Участвовал во второй турецкой кампании (1787–1792). Был под Фокшанами, Рымником, Измаилом. Категорический императив не дал ему возможности спокойно взирать на нарушения законов Российской империи, и он обратился к императрице с письмом по поводу чиновных злоупотреблений. Его вызвали в Петербург; состоялся суд, приговоривший правдоискателя «за клевету» ко многим годам тюремного заключения. Из крепости Ханридер, прошедший школу не только Канта, но и Суворова, бежал. В 1796 году без средств к существованию он оказался в родных краях. Кант принял живое участие в судьбе ученика. Ханридеру предложили заняться землемерными работами, которые шли в Западной Пруссии. У него, однако, возникли другие планы; только простой физический труд, по его мнению, мог дать ему возможность жить в соответствии с категорическим императивом. Он решил стать столяром. Он отправился в Берлин, имея в кармане новое рекомендательное письмо Канта. (Обращено оно было к Кизеветтеру, намерение Ханридера называлось в нем «парадоксальным, но отнюдь не фантастическим».) Найти мастера столярного дела, который бы согласился учить ремеслу желающего опроститься интеллигента, оказалось не так просто: ситуация была слишком двусмысленной. В конце концов нашелся один, заломивший, правда, за учение высокую цену. Берлинские друзья и почитатели Канта согласились в складчину ее выплатить, они же обеспечили Ханридера всем необходимым для скромной жизни. Так бывший прусский студент, бывший русский офицер стал простым рабочим.

Он был доволен. Пила и рубанок слушались его. Труд не изнурял, и Ханридер мог не порывать с культурной средой. Он ходил на лекции Кизеветтера, бывал у издателя Бистера, читал Канта, переписывался с ним. «Нравственность не химера, сообщил он учителю, вы это доказали, тако-

во мое убеждение. Сил у меня достаточно; мужества хватило на то, чтобы противостоять опасностям и неприятностям в России, я шел путем, который мне предписывал долг, неужели мужество оставит меня теперь, когда дело обстоит гораздо проще?». Ханридер находил время и для просветительских занятий с товарищами по работе, и для того, чтобы писать мемуары. (Когда они были готовы, Кизеветтер отсоветовал издавать их; не потому, что они были плохо написаны, — Ханридер владел пером не хуже, чем столярным инструментом, — Кизеветтер опасался неприятностей из-за их разоблачительного характера.)

Прошел год. И вдруг Ханридер понял: категорический императив несовместим с наемным трудом. Он не желал быть «простой машиной в руках богатых, чтобы улаживать их чувственность». Велениям нравственного закона может следовать только самостоятельный труженик. Хан-ридер принял новое решение: осесть на земле. Он дошел до высоких правительственных инстанций, добился перевода в крестьянское сословие и получил надел в Западной Пруссии, обзавелся семьей и наконец успокоился. В последнем письме к Канту (1800) к обычной для Ханри-дера экзальтации примешиваются и нотки самодовольства: «Теперь, по-моему, я нахожусь на высшей ступени, которую может достичь смертный, ибо нельзя придумать ничего более великого, чем обрабатывать землю, не завися от чужих капризов; я преисполнен ощущением этого счастья и не променяю свое положение на какое-либо другое. Моя жизнь похожа на роман...». <...>

(А. Гулыга. Кант. М.: Молодая гвардия, 1977, с. 253–254)

И. 2. Дополнение к семейному преданию

Из «Записей для памяти» (январь-февраль 1985)

<...> В середине января 1985 г. я совершенно случайно узнал от своего дядюшки Владимира Васильевича Абрашкевича¹, мужа моей покойной тети Марии Петровны Пузановой, об одном факте (обстоятельстве) моей семейной истории, который **мне никогда не сообщался** [здесь и далее выделено мною сегодня. — А. А. J — ни моей покойной матерью Варварой Петровной Пузановой, ни ее младшими сестрами, ныне тоже покойными тетками, Елизаветой Петровной и Марией Петровной.

Речь идет о **последних годах жизни моего деда** по материнской линии — Петра Михайловича Пузанова (1862–1935)

...О своем деде я с детства знал, что он был инженером, из потомственной инженерной семьи. Его собственным дедом был выдающийся русский металлург, разгадавший тайну булата, Павел Петрович Аносов (1799–1851).

Петр Михайлович работал на Путиловском заводе, а после революции — на железной дороге. Семейное предание хранит о моем деде па-¹ в в

Абрашкевич, инженер-кораблестроитель, скончался в 1994 г

мать также как о пионере автомобилестроения, который своими руками собрал один из первых в Петербурге, еще трехколесный, автомобиль.

(Сохранилась фотография, на которой Петр Михайлович за рулем, а сидящая в автомобиле моя бабушка Ольга Николаевна держит на руках годовалового ребенка — мою мать, которая родилась в 1899 г. На более поздней фотографии — другой автомобиль, уже четырехколесный, и детей трое, моя мать — старшая из них, примерно 12-летний подросток.)

Дед жил в Дачном, где-то в районе нынешней ул. 3-го Интернационала [*потом — ул. Суслова, а ныне — Дачный проспект. — А. А.*], в собственном 2-этажном деревянном доме, сейчас это назвали бы коттеджем. В 30-е гг. он продолжал жить в этом доме, вместе с младшей из дочерей (Марией Петровной) и ее мужем (Владимиром Васильевичем). О доме в Дачном у меня сохранились детские воспоминания.

После войны мы с матерью в развалинах на месте этого дома нашли руль, кажется, от четырехколесного автомобиля (того, который — на второй фотографии).

Дед был дворянин (сохранилась даже стеклянная форма дворянской печати, недавно переданная мною как семейная реликвия моей дочери Оле). Не далее как в прошлом году я случайно обнаружил фамилию деда (имя и отчество тоже совпадают) в «Справочной книге Петрограда» 1913 г. [*Петербурга? Ведь переименование в «Петроград» состоялось в 1914 г. — А. А.*] Там еще указано, что он — титулярный советник. Ну — титул невелик, по тем временам.

Еще я знал (с детства), что дед умер на следующий год после моего рождения. На Красненьком кладбище сохранилась могила — деда, бабушки, и там же похоронена моя мать В. П. Пузанова.

(К стыду своему, эту семейную могилу я не навещал уже несколько лет, в отличие от моей дочери Оли и ее мамы Елены Ивановны Алексеевой².)

Вот, пожалуй, и все, что мне было известно о деде, Петре Михайловиче Пузанове, — до недавнего случайного разговора с дядюшкой Владимиром Васильевичем. И вот что он мне рассказал.

Оказывается, **последние год или два своей жизни (1933–1934) дед провел в «Крестах»**. Выдвинутое против него обвинение, насколько я понял, относилось еще к дореволюционному периоду и, возможно, просто было связано с дворянским происхождением.

Что же все-таки, конкретно, ему инкриминировалось? Дядюшка дословно выразился так: «Петр Михайлович попал в окружение «Союза русского народа». Эта монархическая, черносотенная, во всех отношениях малосимпатичная организация, как известно из истории, была ликвидирована где-то после Февральской революции, еще до Октябрьской.

Еще дядюшка рассказал, что в 1917 г. моим дедом (он тогда, кажется, был начальником цеха) было организовано на Путиловском заводе производство «броневых автомобилей», использовавшихся как будто революционными патрулями.

² Е. И. Алексеева скончалась в 2002 г. См. о ней в главе 9: раздел «ИСЭП-1984 ...»

В 20-х гг. дед служил на железной дороге, кажется, инспектором путей сообщения. А в начале 30-х — был арестован по упомянутому обвинению (подозрению?). Как будто, уже в тюрьме у него обнаружился рак. Поэтому еще в начале следствия он был отпущен домой (М. П. и ее муж В. В., вероятно, также и моя мать хлопотали об этом).

Согласно приговору (?), дед подлежал высылке из Ленинграда. В Дачное, как вспоминает дядюшка, приезжал судебно-медицинский эксперт, зафиксировавший его предсмертное состояние.

Мне было 29 лет, когда умерла моя мать (16.05.63). Ее кончина была внезапной. Возможно, она собиралась **когда-нибудь** мне об этом рассказать, не знаю. <...>

(Записано в феврале 1985 г.)³

* * *

...Что есть лучшего? Сравнив прошедшее, свести его с настоящим...

Сочинения Козьмы Пруtkова. «Плоды раздумья».

* * *

[Ну, а теперь — вернемся во времена, уже не столь отдаленные. Обратимся к «делу» социолога-рабочего середины 80-х. — А. А.]

³ Стремление (усилия) старших поколений уберечь младших от «излишней» информации о своих предках характерно для того исторического времени, на которое пришлась бльшая часть жизни автора этих строк. См. об этом в заключении к тому 2: раздел «Эстафета памяти...»

Часть 2. Контрапункты

Глава 7. «Дело» социолога-рабочего (начало)

Рокировка

Как доберемся?
 Пропали светила
 За пеленой переменчивой мглы! —
 Это гуляет нечистая сила:
 Тропы запутала, перекрутила,
 Наши пути завязала в узлы.
 Это нарочно концы и начала
 Бес передернул, над нами шутя! —
 Лужи зияли бездонней провала
 В черные области небытия.
 Не распознать и в наитьи глубококом,
 Где преисподняя, где небеса!
 Мы в лабиринт забрели ненароком:
 Запад опять обернулся востоком,
 Рокировались в ночи полюса.
 Кто выворачивал мир наизнанку?
 О, антитез роковой переход!
 То-то кристаллы теряют огранку:
 Свет превращается в тень спозаранку;
 Верхом становится бывший испод.
 Это описано в антиромане,
 Что начинается прямо с конца! —
 Высшую ясность здесь видят в тумане;
 Здесь правдеца уличают в обмане,
 На пьедестал поднимают лжеца.
 Я в антилогике этой не дока!
 К черту ее — а не то пропадешь.
 Запад хочу отделить от востока,
 Темень от света, добро от порока,
 Правду от лжи! — ибо ложь это ложь.

Ю. Линник. Из цикла стихов «Босх» (1982) (@)

Мотьяков: «Рога ломать будем! Раз и навсегда...» Кузькин: «Судьба мне опять поставила точку на фролов день, а я ей — запятую, запятую...»

Из повести Б. Можеева «Живой» (1964–1965) (@)

...Необходимая оборона состоит в отражении нападения; нападение это должно быть несправедливое, ибо здесь право противопоставляется несправедливости. Это есть употребление личных сил гражданина на защиту какого-нибудь права. Но употребление личных сил может быть допущено только при отсутствии помощи со стороны общественной власти. В этом случае человек вынужден сам себя защищать. Отсюда видно, что необходимая оборона есть защита против несправедливого нападения...

А. Ф. Кони. 1865 (цит. по: А. Ф. Кони. О праве необходимой обороны. М.: Остожье, 1996, с. 19–20)

7.1. Экспериментальная социология: незапланированные предметы исследования. 1984

[Нижеследующий текст — личное письмо — является своего рода конспектом первых папок «дела» социолога-рабочего, составляющих настоящую главу. — А. А.]

А. Алексеев — ? (февраль 1984)¹

<...> Прости за полугодие молчание. Не писал почти никому, кроме разве информативно-деловых писем.

Конец прошлого года был перегружен событиями, каких в моей экспериментальной практике еще не бывало.

В сентябре [1983 г. — А. А.] в моей квартире был произведен обыск в связи с уголовным делом, возбужденным в отношении человека, с которым я едва знаком.

<...> Очень скоро выяснилось, что никакого отношения к этому делу я не имею, а изъятое у меня при обыске (в основном, личный и научный архив — дневники, письма, рабочие материалы исследования, рукописи статей, конспекты, записные книжки) «выделено» из дела, возбужденного по статье о нарушении правил валютных операций, и передано <...> в органы госбезопасности. Там это изучалось свыше трех месяцев.

Параллельно происходили беседы сотрудников ГБ с моими друзьями и знакомыми, у которых искали подтверждения, что я занимаюсь антигосударственной деятельностью.

Мне пришлось написать письмо начальнику Ленинградского управления КГБ² Носыреву. В нем я настаивал на скорейшем возврате своего архива, а также на том, чтобы обвинения (или претензии) были высказаны мне в лицо.

<...> Формой ответа на это письмо явился вызов в управление КГБ в начале января [1984 г. — А. А.], где мне было объявлено официальное предостережение (есть, оказывается, такая мера «профилактического воздействия»). Тогда же возвращена и большая часть изъятого при обыске.

¹ Адресатом письма является, предположительно, Будимир Гвидонович Тукумцев, один из организаторов первой в Поволжье социологической лаборатории (г. Куйбышев), ныне — канд социол наук, директор по науке НИИ социальных технологий Самарского гос университета

Поручиться за правильность идентификации корреспондента не могу: текст сохранился в моем архиве только в перепечатке, **без указания имени**

² Точное название учреждения: Управление КГБ по Ленинградской области, или УКГБ ЛО

Отказано в возврате одной книги на английском языке, нескольких научных сборников ДСП [«для служебного пользования». — А. А.], а также до 800 машинописных страниц дневников, писем и исследовательских протоколов.

<...> Еще, настойчиво заверяли меня, что я-де распространял идеологически вредную литературу. Но в том, похоже, и состоит отличие «предостережения» от «обвинения», что оно может оставаться голословным.

Я не согласился с содержанием официального предостережения и от подписи под его формулировками отказался. Сотрудники ГБ на согласии особенно не настаивали, поскольку из письма Носыреву, из бесед с разными людьми и из не предназначенных для посторонних глаз писем и дневников, по-видимому, успели составить обо мне достаточно близкое к реальности представление.

По мнению некоторых из моих друзей, оказавшихся вовлеченными во все перипетии этой истории, иного способа «разойтись добром» ни у меня, ни у авторитетной государственной организации просто не было.

В октябре-ноябре многим казалось, что против меня будет возбуждено уголовное дело. Сам я не могу сказать, что был уверен в обратном, однако относился к разряду «крайних оптимистов».

<...> С этими событиями совпал по времени (ноябрь 1983 г.) таинственный налет на мою квартиру: взломана дверь, все перевернуто вверх дном, однако ничего не пропало. На заявление с просьбой разыскать виновного, в милиции объяснили, что «состава преступления»... тут нет. Ну, это так, побочный сюжет последних месяцев моей жизни.

<...> Обращения в прокуратуру пока безрезультатны. Не стану утверждать, что мне неизвестен источник ложного доноса, но для обращения в суд нужна официальная информация. Поживем — увидим, имеет ли гражданин право знать, кто его оболгал...

Ремарка: от «дела» остался только «акт списания»...

Насчет своей осведомленности об «источнике ложного доноса» социолог-испытатель, признаться, блефовал. Некоторые тайные пружины и детали этой истории мне неизвестны до сих пор.

По-видимому, они были отражены в «деле Алексеева», хранившемся в архиве УКГБ ЛО. Как удалось впоследствии выяснить моему другу Виктору Леонидовичу Шейнису (в пору его работы депутатом Государственной Думы РФ), оно было уничтожено в середине 1991 г. (незадолго до августовского путча).

Остался только акт списания этого «дела». (Сентябрь 1999).

...Как видишь, мой опыт социолога-испытателя обогатился за счет расширения сфер включенного наблюдения и наблюдающего участия.

Признаться, я не планировал эти предметы исследования, но грех не воспользоваться уникальной возможностью. <...>

Твой Андр. Ал., февраль 1984

* * * [Предъявив здесь «общий вид», или обзор событий конца 1983 — начала 1984 г., обратимся к деталям, или «подробностям». — А. А.]

7.2. Обыск и выемка — на основании «имеющихся данных»**Постановление следователя (сентябрь 1983)**(Форма ¹ 4б)

«Санкционирую».

Прокурор Кировского р-на г. Ленинграда,
советник юстиции Дмитриев Б. А.

Постановление на обыск и выемку

гор. Ленинград. 16.09.83.

Следователь (инспектор) СО Кировского РУВД старший лейтенант милиции Сорокина Е.В., рассмотрев материалы уголовного дела ¹ 21941,**установил:**

В отношении гр. В.³ прокуратурой г. Ленинграда возбуждено уголовное дело по ст. 88, ч. 1 УК РСФСР. По имеющимся данным, в квартире знакомого В. — Алексева А. Н. В. может храниться валютные ценности и другие документы, имеющие значение для уголовного дела.

Принимая во внимание, что на квартире у гр-на Алексева — ул. Наличная, д. 40, корп. 1, кв. 132, могут находиться предметы и документы, имеющие значение для дела, и руководствуясь ст. 167–168 УПК РСФСР,

постановил:

Произвести обыск и выемку в квартире гр-на Алексева Андрея Николаевича по адресу: ул. Наличная, д. 40/1, кв. 132.

Произведение обыска поручить УБХСС ГУВД ЛО.

Следователь (инспектор), старший лейтенант милиции Сорокина Е. В. «Согласен».

Нач. СО Кировского РУВД, подполковник милиции Писарев А. А.

(На 1-й стр. — печать круглая: Прокуратура Кировского р-на г. Ленинграда.)

Ремарка: детали следственных действий.

Как выяснилось позже, на квартиру приехали еще днем 16.09.83 (пятница), когда я находился на работе. Моя жена, Нелли Алексеевна Крюкова, увидев в глазок незнакомых людей, не только не открыла дверь, но и, по какому-то наитию, даже не обнаружила себя. Замысел начать обыск в мое отсутствие провалился.

Команде ОБХСС-КГБ пришлось «отлавливать» меня после конца рабочей смены (16 час.). Чтобы не пропустить свой «объект» в потоке выходящих с завода рабочих, воспользовались помощью начальника цеха А. Да-нилушкина. Тот после смены вдруг пригласил меня к себе и в течение получаса... «советовался» с социологом-рабочим, как ему, начальнику, лучше руководить цехом. Цель — отсрочить момент выхода с завода — была достигнута.

³ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия

После этого встретить искомое лицо за воротами проходной, для предъявления ордера на обыск и доставки его на машине к дверям собственной квартиры, не составило труда. Обыск продолжался 8 час.: с 18 до 2-х час. ночи (как указано в протоколе).

В составе команды обыскивающих были: ст. инспектор ОБХСС Кировского РУВД Травенников, а также некие Гусев и Соколов, чьи должности в протоколе обыска не обозначены. В качестве понятых были приглашены двое жильцов из соседних квартир. (Сентябрь 1999).

* * *

Из протокола обыска (сентябрь 1983)

[Протокол обыска включал 39 позиций изъятого. Ниже — извлечения (образцы записей) из этого протокола. Орфография и синтаксис сохранены. — А. А.]

<...> 2) записная книжка в синем переплете. 3) выдержки из произведений Мао Цзэ-дуна. <...> 5) книга George Orwell 1984 издания 1964 года. <...> 7) брошюра для служебного пользования ¹ 00086 Выводы и рекомендации научно-практической конференции изд. 1973 г. <...> 12) проблемы использования экспертных методов ¹ 000012 для служебного пользования. 13) Отчет о результатах анкетного опроса рабочих Ленинградского 3-да полиграфических машин на 216 страницах. <...> 15) Тетради по БАМу в количестве 8 штук. <...> 17) папка, содержащая личные письма и другую переписку 104 листа. <...> 18) письма любимым женщинам 315 печатных листов в папке ¹ 2. 19) спектакль театрального критика 105 печатных листов. 20) письма любимым женщинам часть II 417 печатных листов в папке ¹ 4. <...> 26) «Индия ветви персика» на 14 печатных листах. <...> 30) движение рационалистов на 25 печатных листах. 31) письма Марины Светаевой⁴ на 23 печатных листах. 32) письмо, начинающееся со слов дорогой Андрей на 7 листах. 33) «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как предмет социологических изысканий» исп. Алексеев на 22-х печатных листах. <...> 37) пишущая машинка фирмы UNIS Югославия, при осмотре номер не обнаружен. <...>

[Последняя позиция протокола обыска:

«...39) сумка джинсовая, самодельная — чтобы все это унести».

(Своей «тары» у исполнителей обыска не предусмотрено). — А. А.]

Ремарка: импульсивные реакции.

Благодаря тому, что обыск происходил в пятницу, удалось посетить в субботу Государственную публичную библиотеку и наскоро ознакомиться с Уголовно-процессуальным кодексом. После чего я отправился к своему другу Сергею Розету. Тот предложил воспользоваться его пишущей машинкой (мою-то конфисковали!). На квартире Сергея и составлялась «жалоба» в городскую прокуратуру.

⁴ Так — в оригинале документа. Имеется в виду Марина Цветаева

Письмо прокурору г. Ленинграда начиналось с информации о факте обыска. Заявлялось о том, что никакого отношения к делу гр-на В. по ст. 88 УК РСФСР, касающейся нарушения правил о валютных операциях, заявитель не имеет. Утверждалось, что «имеющиеся данные», на которые ссылается постановление на обыск и выемку, являются заведомо ложными и т. д.

Высказывалось наивное требование о немедленном возврате конфискованных материалов личного и научного архива.

Из заявления в прокуратуру от 19.09.83:

«...Надеюсь, что следственными органами Кировского района г. Ленинграда мне будут принесены извинения. Для меня особенно важно, чтобы это было сделано в отношении моей жены (50 лет) и ее матери (70 лет)...»

Первый ответ на заявленные протесты поступил из прокуратуры Кировского района г. Ленинграда, месяц спустя:

«Ваше заявление... проверено. Нарушений уголовно-процессуального закона не имеется. Обыск произведен обоснованно.

Прокурор района, советник юстиции Б. А. Дмитриев. 18.10.1983».

Аналогичный ответ был получен из прокуратуры г. Ленинграда, за подписью начальника отдела по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел, младшего советника юстиции Д. И. Малькова, от 26.10.83.

...Из последнего (январь 1986) ответа из прокуратуры г. Ленинграда:

«...При расследовании уголовного дела по обвинению В. Вы были допрошены в качестве свидетеля, обыск в Вашей квартире производился в связи с тем, что были основания полагать, что у Вас могут находиться валютные ценности. Нарушений действующего законодательства при производстве обыска допущено не было. Обыск произведен обоснованно.

Зам. начальника следственного управления, старший советник юстиции Ф. Готовский. 27.01.86».

Как видно, переписка с прокуратурой на эту тему продолжалась более двух лет. (Сентябрь 1999 — октябрь 2000).

7.3. «Куда ни кинь — всюду дыра...» А.

Алексеев — А. Кетегату (октябрь 1983)⁵

Дорогой Анри!

Моя жизнь не скучна. Уже скоро полгода, как я работаю в бригаде, слесарем, на единый наряд <...>. Слесарь я куда хуже, чем наладчик, да в бригаде и своя табель о рангах. А известный тебе Серега доламывает мой ПКР. Ладно, это мелочи производственного быта.

Пока я был на Кубе, мне присвоили звание ударника коммунистического труда (это несмотря на все конфликты с начальством в прошлом году).

<...> В последнее время различные газеты и журналы стали «искать чести» напечатать социолога-наладчика: «ЭКО», «Советская Россия»... Еле успевал отфутболивать их предложения. Все же кое-что из меня извлекли. В «ЭКО»¹ 8 за 1983 г. посмотри беседу журналиста М. Левина

⁵ Об Анри Абрамовиче Кетегате см. ранее, в главе 5: «Все мы, Серега, лошади Стреноженные Но ржем по разному...» и др. разделы

с В. Ядовым и... со мной. В «Молодом коммунисте»¹ 8 за 1983 г. — читательские отклики на нашу с С. Минаковой статью о вечернем образовании и развитии личности. Этакая пошла популярность...

По слухам, даже сценарий художественного фильма уже написан о социологе-рабочем (ну, не про меня персонально, конечно).⁶

<...> Последние два месяца, в изрядном цейтноте, сочинял я статью про «человека в системе производственных отношений», для московского сборника по инноватике. На 3 печ. листа, аж! <...> Писать — так по всем научным правилам... Одной цитированной литературы — 40 названий. Туда же — и весь 4-летний опыт известной Тебе социально-производственной «авантюры» впихнул. Поставил точку, довольный собой, совсем как Пушкин после «Бориса Годунова».

<...> Чего это твой друг и коллега так расхвастался, подумаешь Ты. А — **для контрапункта!** <...>

[Здесь описано описание ситуации обыска в квартире автора. — А. А.]

...На всякий случай конфискованы («для проверки»):

— записная книжка с адресами и телефонами ленинградских и иногородних знакомых <...> и килограммов 10–12 личного архива, а именно: письма «любимым женщинам и мужчинам», дневники вроде истории про Серегу и дружеские рецензии на эту историю⁷, рукописи опубликованных статей, научные отчеты <...>, заодно и ту самую статью, на 75 стр., которую я назавтра должен был, наконец, отправить в Москву. <...>

В холодном бешенстве, на следующий день, я написал вежливое письмо прокурору г. Ленинграда, а еще через неделю отправил телеграмму прокурору РСФСР. <...>

Неделю спустя следователь РУВД (т.е. милиции) пригласила меня в качестве свидетеля по делу о валютных операциях. И натолкнулась на отказ отвечать на вопросы, не имеющие отношения к делу гр-на такого-то, т. е. по поводу всего, что у меня необоснованно изъято. <...>

Тут пришла очередь беситься следователю...

Вроде бы строптивый «свидетель» теперь и сам подлежит уголовному преследованию (по ст. 73 УПК РСФСР) — за **отказ** ответить на элементарные (кстати, не трудные для него!) вопросы. Но ведь попробуй докажи, что изъятые дневники имеют отношение к валютной спекуляции <...>, когда в самом деле **отношения не имеют!**⁸

На том пока и разошлись.

⁶ Имеется в виду сценарий телевизионного фильма «Включенное наблюдение» (1982), так и не поставленного. Автором этого сценария был киевский социолог Владимир Ильич Паниотто (См о нем ранее, в главе 6: раздел «Мой заслуженный собеседник...») Недавно, при встрече, он подарил мне копию этого сценария. Образ главного героя там вымышлен. Но есть некоторые сюжетные ходы, навеянные тогдашней молвой о социологе-испытателе (Декабрь 2000)

⁷ Автор письма здесь старается предупредить адресата, что и его эссе-отклик на рассказ о том, «как Серега был штрейкбрехером» (см главу 5), изъято при обыске

⁸ Здесь — авторский наив. См ниже: раздел «Мой правовой ликбез»

<...> Но если вдруг оскорбленные блюстители закона решатся все же и на меня заводить дело <...>, то тут уж мои знакомые, как мифические, так и реальные (причем вовсе не склонные к «социальному экспериментированию», в частности — с уголовно-процессуальным законом), могут оказаться в моем «экспериментальном» положении. <...>

Это, признаться, удручает меня куда больше, чем собственная ситуация, которая, вопреки «здравому смыслу», вызывает скорее исследовательский интерес, чем тревогу.

Допускаю, что 2–3 из нынешних или бывших руководящих сотрудников ИСЭПа были бы рады, если бы в моем доме вдруг обнаружили, скажем, оружие или наркотики... Но если кто-то и давал подобные показания, то им грозит статья страшнее моей («ложный донос» или «ложные показания»). А скрывать источник такого доноса по окончании следствия нельзя.⁹

Так что куда ни кинь, всюду дыра!

<...> При отсутствии записной книжки, пишу твоей вильнюсский адрес по памяти. Поэтому дай телеграмму, что я не ошибся в адресе, когда получишь это письмо.

А сам — **не пиши пока!** Уж больно противно, когда читают не только твои собственные, но и тебе адресованные письма...

Обнимаю.

Твой Андр. Ал., 1.10.83

Ремарка: «...строптивый свидетель...»

Согласно статье 72 УПК РСФСР (действующего и по сей день):

«...в качестве свидетеля для дачи показаний может быть вызвано любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу...».

Комментарий к названной статье УПК (издания 1981 г., которым я тогда пользовался) поясняет:

«...Основанием для вызова лица в качестве свидетеля служит предположение, что ему известны какие-либо данные об обстоятельствах, подлежащих доказыванию...».

Статья 73 УПК РСФСР (в современной редакции, не отличающейся от тогдашней, если не считать отсылок к соответствующим статьям Уголовного кодекса) гласит:

«...За отказ или уклонение от дачи показаний свидетель несет ответственность по статье 308 Уголовного кодекса Российской Федерации [тогда — ст. 182 УК РСФСР. — А. А.], а за дачу заведомо ложных показаний — по статье 307 Уголовного кодекса Российской Федерации [тогда — ст. 181 УК РСФСР. — А. А.]».

Из письменных показаний социолога-испытателя следователю РУВД Сорокиной (сентябрь 1983):

⁹ Тут социолог-испытатель безусловно ошибался. Как уже говорилось, источник доноса неизвестен до сих пор.

*«... Приглашение меня свидетелем по делу ¹ 21941 считаю недоразумением... Мой отказ отвечать на вопросы следователя, касающиеся изъятых у меня личных вещей и бумаг, мотивируется тем, что эти вещи и бумаги **заведомо** не имеют отношения к уголовному делу В.¹⁰»*

Формально-правовых санкций за «отказ или уклонение от дачи показаний» не последовало. Были сочтены более подходящими другие меры воздействия, о которых речь впереди. (Сентябрь 1999).

7.4. Мой правовой ликбез

[В сентябре 1983 г. социологу-испытателю пришлось, в срочном порядке, ознакомиться с действующим законодательством, а в октябрю-ноябре им был освоен изрядный массив юридической литературы.

Ниже — извлечения из этих материалов.

Формулировки Закона даны по состоянию на 1983 г. Но для УПК РСФСР они остались неизменными и по сей день. — А. А. Февраль 2000]

7.4.1. Уголовно-процессуальный кодекс

Из статьи 168 УПК РСФСР (Основания для производства обыска)

*<...> Следователь, имея достаточные основания полагать, что в каком-либо помещении, или ином месте, или у какого-либо лица находятся орудия преступления, предметы и ценности, добытые преступным путем, а также другие предметы и документы, могущие иметь значение для дела, производит обыск для их отыскания и изъятия.
<...>*

Из комментария к ст. 168 УПК РСФСР (1981)

<...> Закон не требует для производства обыска (в отличие от выемки) точного знания ни объекта, подлежащего изъятию, ни места его нахождения.

<...> При производстве обыска или до его проведения может возникнуть еще одна цель — обнаружение и изъятие предметов, запрещенных к обращению.

<...> Обыск производится у обвиняемых или подозреваемых; он может быть произведен и у других лиц, если к тому имеются достаточные основания.

* * *

Из статьи 171 УПК РСФСР (Изъятие предметов и документов при выемке и обыске)

<...> При производстве выемки и обыска следователь должен строго ограничиваться изъятием предметов и документов, могущих иметь отношение к делу. Предметы и документы, запрещенные к обращению, подлежат изъятию независимо от их отношения к делу. <...>

¹⁰ В оригинале документа — фамилия

* * *

Из статьи 52 УПК РСФСР (Подозреваемый)

<...> Подозреваемым признается:

- 1) лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления;
- 2) лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения. <...>

Из комментария к ст. 52 УПК РСФСР (1976)

<...> Подозреваемый — самостоятельный субъект уголовно-процессуальной деятельности, он появляется только в стадии предварительного расследования, на срок не свыше десяти суток и не в каждом деле. Закон считает подозреваемым лицо, к которому применена любая из перечисленных в ст. 90 мер пресечения (а не только заключение под стражу).¹¹

<...> Дача подозреваемым показаний не может рассматриваться как его процессуальная обязанность. В этом отношении подозреваемый полностью приравнивается к обвиняемому... В частности, подозреваемый *[в отличие от свидетеля. — А. А.]* не несет уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний об обстоятельствах, связанных с его задержанием или избранием меры пресечения.

* * *

Из статьи 74 УПК РСФСР (Показания свидетеля)

<...> Свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и о своих взаимоотношениях с ними. <...>

**7.4.2. Дискуссия о правовом положении свидетеля.
Отличие «заподозренного» от «подозреваемого».
Процессуальное принуждение**

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1983)

<...> 10 лет назад в журнале «Социалистическая законность» проходила дискуссия о **правовом положении свидетеля**.

Э. Куцова, П. Лупинская (доценты) и М. Евтеев (канд. юрид. наук) в статье, опубликованной в этом журнале (1974, ¹ 1), отмечая «процесс возрастания прав граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве», ставят вопрос о «неурегулированности процессуального положения свидетеля»:

Возлагая на свидетелей серьезные обязанности, требуя от них честного исполнения гражданского долга, закон должен последовательно ограждать их интересы, честь и достоинство...

В материалах следственной и судебной практики, работах ученых процессуалистов и криминалистов обращалось внимание на недопустимость ставить перед свидетелем вопро-¹Обыск является всего лишь «следственным действием», а не «мерой пресечения», поэтому в ст. 90 УПК РСФСР, естественно, не фигурирует

сы, направленные на изобличение его самого в совершении преступления, т. е. на недопустимость превращать допрос свидетеля в допрос подозреваемого. Указания в законе, ограждающие свидетеля от обязанности отвечать на подобные вопросы, — необходимая и очень важная гарантия защиты интересов гражданина, выступающего в качестве свидетеля. Ведь в отличие от обвиняемого и подозреваемого свидетель подлежит уголовной ответственности за отказ от показаний и за заведомо ложные показания. Закон, однако, не содержит прямого запрета задавать свидетелю вопросы с целью изобличить его в совершении преступления и не предусматривает права свидетеля отказаться отвечать на такие вопросы.

На наш взгляд, необходимо сформулировать в законе такой запрет: **предоставить право свидетелю не отвечать на вопросы, направленные на изобличение его в совершении преступления...** (с. 38, 40–41 указ. издания).

А. Рагинов в своей статье, опубликованной в этом же журнале (1974, ¹ 5), указывает на «двусмысленность и неопределенность положения таких свидетелей, которые по существу остаются подозреваемыми в течение всего производства по делу, но без всяких правовых гарантий», и тоже ставит вопрос о предоставлении права свидетелю не отвечать на вопросы, «связанные с самообвинением».

Названным авторам возражает проф. **А. Карнеева** в статье «Интересы расследования и правовое положение свидетеля» (Социалистическая законность, 1974, ¹ 10):

...В сущности эти предложения не столько в защиту прав свидетеля, сколько имеют целью исключить допрос в качестве свидетелей лиц, заподозренных в совершении преступлений...

Проф. Карнеева вводит понятие **заподозренного**, отсутствующее в уголовно-процессуальном законе:

... Заподозренный — лицо, о котором собраны доказательства, свидетельствующие о совершении им расследуемого преступления; однако их недостаточно для предъявления обвинения. В отличие от подозреваемого (ст. 52 УПК РСФСР) заподозренный не задерживается (ст. 12 УПК РСФСР) и к нему не применяются меры пресечения до предъявления обвинения (ст. 90 УПК РСФСР), ввиду отсутствия для этого достаточных оснований...

Допрос лиц, которым следователь намерен предъявить обвинение, для формирования внутреннего убеждения, нельзя считать предосудительным... (с. 59).

Проф. Карнеева полагает, что

...проблема может быть решена путем внесения в уголовно-процессуальный закон дополнения, согласно которому лицо, заподозренное в совершении преступления, должно запрашиваться по поводу обстоятельств, которые в последующем могут быть ему инкриминированы в порядке, предусмотренном ст. 123 УПК РСФСР, т. е. в качестве подозреваемого, независимо от того, есть ли основания к его задержанию или применению меры пресечения до предъявления обвинения. Причем на такого заподозренного должны быть распространены все права и обязанности подозреваемого. Ведь допрос по обстоятельствам, послужившим основанием для возникновения подозрения, — не только средство получения показания, но и средство защиты от возникшего подозрения....

Ремарка: на страже «интересов расследования»...

Продраться через эту казуистику нелегко. Не станем обременять читателя описанием всех перипетий правовой дискуссии, развернувшейся четверть века назад вокруг правового положения свидетеля (в частности, такого сви-

детеля, который «заподозрен», но «не настолько», чтобы можно было его задержать или применить иные меры пресечения).

Интересно, что, по данным приводимой той же А. Карнеевой выборочной статистики дел, завершённых производством, «лиц, заподозренных в совершении преступлений, допрашивали в качестве свидетеля в 45,7 процента случаев». То есть это было тогда (полагаю — осталось и теперь!) широко распространённой практикой.

Мысль профессора юриспруденции резюмировалась предложением об «усовершенствовании» уголовного-процессуального закона:

«...В интересах расследования [! — А. А.], может быть, целесообразнее предусмотреть право следователя, суда выносить, например, постановление о непривлечении к уголовной ответственности лица, заподозренного в совершении преступления, ввиду того, что нет оснований или необоснованно подозрение [! — А. А.], чем предоставить право не отвечать на избобличающие вопросы...» (Социалистическая законность, 1974, ¹ 10, с. 60).

Итак: свидетеля можно допрашивать «о чем угодно» (включая избобличающие его вопросы) — под страхом уголовного наказания от дачи показаний. А дальше, следуя логике проф. Карнеевой:

1) если подозрение предстаёт необоснованным (в итоге этих или иных свидетельств), то пусть следователь или суд «не привлекают» такого свидетеля к уголовной ответственности (не ясно за что: за несовершенно преступление? или за отказ от дачи показаний?);

2) ну, а если свидетель «признался» (т.е. подтвердил подозрение в отношении себя), то не возбраняется его судить — используя также и эти его «свидетельские» показания (ведь в качестве подозреваемого или обвиняемого он мог бы и «промолчать»!).

Даже если моя интерпретация не точна, приоритет «интересов расследования» перед гражданскими правами в постановке вопроса дискуссионтом — очевиден. (Октябрь-ноябрь 2000).

...Дискуссия в журнале завершается обзором читательских откликов: «...Большинство приславших отклики считают **неприемлемым** [выделено мною. — А. А.] предоставление свидетелю права не отвечать на вопросы, избобличающие его в совершении преступления... (Социалистическая законность, 1974, ¹ 11, с. 68). (Записано в ноябре 1983 г.)

Ремарка 1: не «подозреваемый», а «заподозренный»!

Как видно, описанные выше действия правоохранительных органов (объиск и т. д.) вовсе не были лишены формальных, правовых оснований, как автору хотелось думать вначале. Другое дело, что сам Закон, «нуждающийся в совершенствовании», развязывал руки его исполнителям.

Добросовестно изучив правовые источники, социолог-испытатель пришел к выводу, что наиболее подходящим определением его нового статуса — с юридической точки зрения — является именно «заподозренный» (отметим: не процессуальное понятие; не путать с «подозреваемым»!). (Сентябрь 1999).

Ремарка 2: для кого пишутся комментарии к кодексу.

Увы, в ту пору не было, да и быть не могло таких комментариев к Уголовно-процессуальному кодексу, которые писались бы для граждан, а не для работников правоохранительных органов, вооружали бы гражданина в его самозащите от государства, а не наоборот.

Сегодня такие работы имеются. См., например: Д. Серебряков. Особенности национального следствия. Лучшие комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Кн. 1–2. СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: Олма-пресс, 1999.

Из введения к этой книге:

«...Цель данной книги — рассмотреть использование Законодательных Норм в качестве Инструмента достижения определенных целей, какими они по сути и являются. Сухие и бессмысленные, на первый взгляд, строчки статей могут стать и Вашим оружием, с помощью которого Вы способны значительно осложнить жизнь Вашим оппонентам в форме и заставить их в какой-то степени соблюсти часть Ваших прав...» (Д. Серебряков. Указ соч., кн. 1, с. 7–8).

Как увидит наш читатель, социологу-испытателю пришлось тогда любительски предвосхищать эту профессиональную правозащитную работу. (Август — сентябрь 2000).

* * *

Из «Записей для памяти» (декабрь 1983)

<...> Еще несколько компетентных мнений по вопросу о коллизии интересов личности и правосудия. <...> Канд. юрид. наук **Е. Подголин**:

...Оценивая допустимость данных, содержащихся в протоколе допроса, необходимо иметь в виду, были ли у следователя основания допрашивать лицо в качестве того или иного субъекта процессуального действия — подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля.

В следственной практике имеют место случаи, когда лицо, не отвечающее условиям, указанным в ст. 52 УПК РСФСР, допрашивается в качестве подозреваемого. При этом следователи находят оправдание для таких действий, приводя такие аргументы: если лицо не задержано или в отношении него нет оснований для избрания меры пресечения, его нельзя допрашивать в качестве подозреваемого, незаконно также допрашивать его в качестве свидетеля по вопросам, относящимся к совершенному преступлению, вместе с тем у **фактически заподозренного** (выделено мною. — А. А.) необходимо выяснить существенные обстоятельства. Представляется, что такие аргументы оправдывают произвольное отношение к поставлению граждан в положение подозреваемых...

Представляется, что показания лица, допрошенного в качестве подозреваемого, но не отвечающего признакам ст. 52 УПК, следует считать недопустимыми в качестве доказательств... (Е. Подголин. Оценка судом допустимости доказательств, содержащихся в протоколах следственных действий // Советская юстиция, 1974, 1 10, с. 21–22).

См. также «Сборник постановлений пленума и определений коллегии Верховного суда СССР по уголовным делам. 1971–1979» (М.: Известия, 1981, с. 725):

...Допрос в качестве свидетеля подозреваемого в совершении преступления лишает его возможности осуществить свое право на защиту и потому не может быть признан соответствующим требованиям процессуального закона... (Дело Садыкова Н. 1973 г. — Частное определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 25.10.73).

Выходит, у меня, в качестве свидетеля, были **законные** основания не отвечать на вопросы следователя Сорокиной, имеющие отношение **только** ко мне самому!

(Записано в декабре 1983 г.)

Ремарка: законодательный исход правовой дискуссии.

Стародавняя дискуссия насчет прав и обязанностей свидетеля и т. д. все же не осталась совсем бесследной. Статья 51 современной Конституции РФ гласит:

«1. Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется Федеральным законом.

2. Федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания».

(Октябрь 2000).

* * *

Из брошюры И. Ковалева «Прокурорский надзор за обеспечением прав личности при расследовании преступлений» (1981)

<...> Меры процессуального принуждения подразделяются на меры пресечения и иные меры процессуального принуждения.

Применение мер процессуального принуждения связано с существенным ограничением прав граждан.

<...> Некоторые из мер процессуального принуждения, не являющиеся мерами пресечения, могут применяться не только к обвиняемому, но **и к другим гражданам** [выделено мною. — А. А.].

Таковыми являются привод свидетеля или потерпевшего к следователю, наложение ареста на имущество в целях обеспечения возмещения причиненного преступлением материального ущерба, наложение ареста на поч-тово-телеграфную корреспонденцию, обыск, выемка, отобрание образцов почерка в качестве сравнительных материалов для проведения судебной экспертизы и др. <...>

(И. А. Ковалев. Прокурорский надзор за обеспечением прав личности при расследовании преступлений. М.: Изд-во МГУ, 1981, с. 117–118)

Ремарка: с опорой на авторитеты.

Интересна еще одна цитата из той же брошюры (с. 27): «...Известны указания В. И. Ленина о том, что граждан нужно научить воевать за свои права по всем правилам законной в РСФСР войны за права (ПСС, т. 43, с. 149)...».

Социолог-испытатель принял это «неосторожное» высказывание основателя советского государства не только «к сведению», но и «на вооружение». (Октябрь 2000).

7.4.3. Уголовный кодекс. Статьи 70 и 190-1

[Ниже — извлечения из действовавшего в ту пору Уголовного кодекса РСФСР и официального комментария к нему. Эти выписки сделаны «заподоз-

ренным» социологом-испытателем в конце 1983 г. — статьи УК, по которым, как он в сложившейся ситуации допускал (предполагал), ему могут быть предъявлены обвинения. — А. А.]

Статья 70 УК РСФСР. Антисоветская агитация и пропаганда

Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный строй, а также распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания

наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки.

Из комментария к ст. 70 УК РСФСР (1980)

<...> С объективной стороны под антисоветской агитацией и пропагандой понимается распространение среди более или менее широкого круга лиц идей антисоветского содержания. Это может быть беседа, выступление, доклад и т. п. Для квалификации не имеет значения, какое количество лиц присутствует при этом. Данное обстоятельство должно выясняться при оценке тяжести содеянного и, следовательно, для назначения наказания.

<...> Антисоветская агитация и пропаганда возможна и в письменном виде: в виде распространения антисоветской литературы, ее изготовления или хранения.

Под **литературой** в смысле ст. 70 следует понимать книги, брошюры, статьи и иные произведения, фиксирующие антисоветские идеи (пластинки, фотоснимки, магнитофонные записи и т. п.).

Под **распространением** антисоветской литературы понимаются все способы доведения ее до сведения окружающих (показ, рассылка по почте, подбрасывание в почтовые ящики, в общественных местах, расклеивание и т. п.).

Распространением антисоветской литературы является посылка ее за границу официальным учреждениям или лицам, а также частным лицам в антисоветских целях. Для квалификации не имеет значения, является ли распространитель автором или получил ее от других лиц.

<...> Не будет состава антисоветской агитации или пропаганды, если лицо ознакомило других с произведениями антисоветского характера не в целях идеологической обработки, а, например, с целью похвастаться своим доступом к антисоветской литературе. Подобные действия могут быть квалифицированы по ст. 190-1.

<...> Под **изготовлением** антисоветской литературы следует понимать создание ее (авторство), редактирование, фиксацию или размножение.

О том, что произведение было изготовлено для распространения, можно судить по ряду признаков: по характеру произведения (манифест, обращение ко многим лицам), по количеству изготовленных экземпляров, по попытке скрыть авторство путем изменения почерка и т. д.

<...> **Хранение** антисоветской литературы, изготовленной виновным или другими лицами, образует состав преступления, если она хранится для последующего ее распространения в антисоветских целях. Поэтому не образует состава антисоветской агитации и пропаганды хранение антисоветской литературы для ее изучения в научных целях [макс! — А. А.], ведение дневников и личных записей, если эти записи не были рассчитаны на ознакомление с ними других лиц.

<...> Субъективная сторона преступления характеризуется умысленной виной и специальной антисоветской целью.

Виновный сознает, что он распространяет антисоветские идеи, и желает этого. Кроме того, виновный преследует одну из антисоветских целей: цель подрыва или ослабления Советской власти либо цель совершения особо опасных государственных преступлений. <...>

* * *

Статья 190-1 УК РСФСР. Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй

Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей.

Из комментария к ст. 190-1 УК РСФСР (1980)

<...> Под **распространением** понимаются различного рода высказывания, сообщения, сделанные виновным среди других граждан. Распространяемые сведения, различного рода оценки явлений и событий, характеризующих советский государственный строй, являются **заведомо ложными**, т. е. явно не соответствуют действительности. Это означает, что виновный сообщает такие факты, сведения, которые не имели места в жизни, либо излагает отдельные явления в явно искаженном, тенденциозном виде.

<...> Преступлением признаются указанного рода действия, если они совершаются **систематически**, т. е. неоднократно, и в целом характеризуют поведение виновного лица.

<...> Единичные случаи подобных клеветнических высказываний не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 190-1, хотя и заслуживают морального осуждения.

<...> Сообщение другим гражданам о каких-либо реальных негативных явлениях, хотя бы и в чрезмерно резкой форме, не влечет уголовной ответственности.

<...> Состав преступления, предусмотренный ст. 190-1, предполагает наличие у лица прямого или косвенного умысла, который состоит в том, что виновный сознает заведомо ложный характер распространяемых им измышлений, предвидит, что его действия порочат государственный и общественный строй, и желает или сознательно допускает наступление такого рода последствий. <...>

* * *

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1983)

<...> Согласно ст. 126 УПК РСФСР, по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 190-1 Уголовного кодекса РСФСР, предварительное следствие производится следователями органов прокуратуры, а по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 70 УК, — также следователями органов государственной безопасности.

Ст. 190-1 относится к разделу «Преступления против порядка управления». Ст. 70 — к разделу «Особо опасные государственные преступления». <...>

(Записано в ноябре 1983 г.)

Ремарка: не полагаясь на «авось».

Как видно, социолог-испытатель пытался подойти к рассмотрению собственного «случая» — со всей возможной «заинтересованностью, компетентностью и ответственностью», т. е. не полагаясь на «авось». (Ноябрь 2000).

7.4.4. Право необходимой обороны

[Тогда не читал (и даже не слышал!) о первой научной работе А. Ф. Кони, посвященной праву необходимой обороны, написанной им в возрасте 21 года. А жаль! Очень пригодилась бы...

Ниже — извлечения из этой работы. В скобках указаны страницы по изданию: А. Ф. Кони. О праве необходимой обороны. М.: Остожье, 1996. — А. А.]

Из работы А. Ф. Кони «О праве необходимой обороны» (1865)

<...> Человеку присуще чувство самосохранения. Оно присуще ему и как существу нравственно-разумному, и как высшему созданию животного царства. Это чувство вложено природой в человека так глубоко, что не оставляет его почти никогда; человек стремится к самосохранению, с одной стороны, инстинктивно, а с другой — сознавая свое право на существование. В силу стремления к самосохранению человек старается избежать опасности и принимает все меры к ее отвращению; — он имеет на это право и притом право, которое должно быть рассматриваемо, как прирожденное (Utrecht). Сознывая свое право на существование, человек

ограждает это право от всякого чуждого посягательства, от всякого неправа. Но очевидно, что действия человека в этой сфере не могут быть безграничны... (7).

<...> Большая часть определений необходимой обороны сходна между собою в общих чертах, но отличаются большею или меньшею подробностью. Обыкновенно в это определение стараются уместить все условия необходимой обороны, даже и такие, которые сами собойразумеются. Для примера я сопоставлю несколько определений.

Лефига: Необходимая оборона есть право употребить, в случае нужды, самозащитные, соединенное с нарушением права нападающего.

Гейб: Необходимая оборона есть дозволенное и ненаказуемое действие (само по себе недозволенное), — против нападающего, для отражения несправедливого и еще продолжающегося нападения. <...>

Ортолан: Необходимая оборона состоит в праве отразить всякое несправедливое нападение своими личными силами, если при этом будет отсутствие или недостаток общественной помощи.

Бернер: Необходимая оборона есть защита против настоящего неправового нападения.

Фейербах: Правом необходимой обороны называется употребление частной силы гражданина для защиты своих прав, или прав другого, против начатого нарушения, в тех случаях, когда защита общественной властью невозможна.

Миттермайер: Необходимая оборона есть право отражать собственной своей силой незаконное нападение на личность и собственность, если для ограждения их невозможно прибегнуть к защите местного начальства, или имеющиеся налицо правительственные силы оказываются недостаточными.

<...> Наконец, необходимую оборону определяют как «защитение своего или чужого права против угрожающего несправедливого нападения, при отсутствии помощи общественной власти» («Очерк теории уголовного права» в Юридическ. журнале, изд. Салмановым) или говорят, что «состояние необходимой обороны есть такое положение лица, когда оно вынуждено, чрез принуждение, проявившееся в незаконном нападении другого лица, к собственной защите» (Богдановский. «Развитие понятий о прест. и наказании в русском праве до Петра Великого», 1857 г.). Это разнообразие объясняется стремлением, — как можно точнее определить это важное право. Но мне кажется, что того определения, которое приведено выше, совершенно достаточно. Именно: необходимая оборона есть вынужденное защитение против несправедливого нападения. Если анализировать это определение, то можно вывести все главнейшие условия необходимой обороны. (20–21).

<...> Необходимая оборона есть вынужденное защитение против несправедливого нападения. Защитение здесь понимается в смысле право-защитения. Таким образом, как только является такое несправедливое нападение на право, так является и необходимость защищать это право.

Но что такое право? — Прежде чем вывести, что такое право, я обращусь к самой жизни человека. Жизнь человека является двоякою — как жизнь физическая и как жизнь нравственно разумная. Первая есть жизнь животного, вторая жизнь человека по преимуществу. Она отличает человека от животного, возвышает его над ним и есть вообще жизнь сознательная. Только живя такой жизнью, человек является человеком в высшем значении этого слова. Но жизнь есть проявление известной деятельности, стремление к известным целям. Цель жизни — возможная полнота и совершенство; в стремлении к этой цели, в достижении ее человек и проявляет свою разумную деятельность. Жизнь, не как прозябание, не как соединение различных отправлений организма, но как жизнь сознательная, — есть, следовательно, разумное стремление к достижению нравственно разумных целей.

Но для достижения всякой цели необходимы известные условия. Только при существовании подобных условий может быть не бесплодным стремление к достижению цели. Условия эти необходимы и в жизни, совокупность их есть право.

Право есть совокупность условий для достижения разумных целей жизни. В достижении этих целей состоит, как я сказал, жизнь, — следовательно, право есть совокупность условий нравственно разумной жизни. Человек *eo ipso* (т.е. уже по тому одному, что он человек) может требовать для себя возможности вести жизнь нравственно разумную. Следовательно, он может и должен отстаивать те условия, без которых такая жизнь немыслима. А эти условия и составляют право.

Человек и может и должен защищать право неограниченно. Поэтому необходимая оборона должна быть допускаема для защиты всех прав вообще, безразлично и без всяких исключений. Так, по моему мнению, можно решить этот вопрос отвлеченно.

При практическом применении этого вывода не может встретиться затруднений и несообразностей, если только требовать, чтобы: 1) защищаемое право было действительное, а не фиктивное, не воображаемое; 2) чтобы защищалось право, которым человек действительно обладает, а не то, которым он еще хочет обладать, которого он добивается; 3) действие в защиту права должно быть действительно необходимой обороной, а не преждевременным употреблением силы. (47–49).

(А. Ф. Кони. О праве необходимой обороны. М., 1996)

* * *

**Из предисловия А. Цорневой к современному изданию
работы А. Ф. Кони «О праве необходимой обороны» (1996)**

<...> Труд молодого ученого был большим вкладом в скудную русскую уголовную литературу того времени.

Однако рассуждения молодого автора «О праве необходимой обороны», проникнутые надеждой на обновление и верой в новый гласный суд

[1865. — А. А.], едва не обернулись для Кони трагедией. Некий высокопоставленный чиновник по фамилии Смирный усмотрел в его труде опасные для государственного строя рассуждения. Право необходимой обороны против незаконных действий агентов государственной власти могли поставить царских чиновников в сложное положение, да и не только чиновников, но и все высшее сословие, ибо автор допускал оборону для защиты всех прав вообще, без всяких исключений.

Особенно встревожил чиновников тезис автора «права необходимой обороны», его рассуждения о том, что «власть не может требовать уважения к закону, когда сама его не уважает, граждане вправе отвечать на ее требования: «врачу, исцелися сам», и революция является последним средством защиты от своевластия власти. <...>

Власти предложили предать «г. Кони судебному преследованию за одобрение и оправдание действий, запрещенных законами».

Однако после многочисленных проверок Цензурным Комитетом и другими ведомствами было решено не возбуждать судебного преследования, поскольку книга была отпечатана лишь в 50 экземплярах для научных целей.

Эта неприятность, к счастью, не имела для А. Ф. Кони каких-либо особых последствий. <...>

А. Цориева (Цит. по: А. Ф. Кони. Указ. соч., с. 5)

[Пожалуй, все дальнейшие действия социолога-испытателя, равно как и некоторых других участников этой социодрамы, могут интерпретироваться в терминах концепции молодого Кони о праве на необходимую оборону. — А. А.]

7.5. Из «объяснений» для органов госбезопасности

Несколько вступительных слов

При изобилии «тайн», сложившаяся ситуация вскоре обрела некоторую определенность.

От разных людей к социологу-испытателю стала стекаться конфиденциальная информация о беседах, которые его знакомым пришлось иметь с сотрудниками органов госбезопасности. Всем задавались примерно одни и те же вопросы:

1) *Случалось ли получать от А. какую-либо недозволенную литературу?*

Все, за исключением одного, ответили отрицательно. (См. об этом ниже: раздел «Разговоры в Смольном. Четвертый подъезд».)

2) *Знакомились ли с «Письмами Любимым женщинам»?*

Большинство не знакомилось, а кто читал — не отрицался.

3) *Приходилось ли отвечать на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?»?*

Последнее отрицали все, кроме одного — Г. Климентова, заявившего, что да, отвечал и... не усматривает в содержании вопросника ничего предосудительного. (Сентябрь 1999).

Ремарка: «...да, отвечал...» (Геннадий Климентов).

С канд. экон. наук Геннадием Александровичем Климентовым, в ту пору — доцентом Высшей профсоюзной школы культуры, социолог-рабочий тесно сотрудничал.¹²

Ныне Геннадий Климентов живет и работает в Москве, профессор Международной славянской академии (Январь-ноябрь 2000).

* * *

Из «Записей для памяти» (декабрь 1983)

<...> Из числа лиц, которых из-за меня приглашали в органы госбезопасности, в период с начала октября по начало декабря 1983 г., мне об этом **сообщили сами** — 12 чел. Всем пришлось писать так наз. «объяснения».

Некоторые сумели сохранить для себя копию «объяснения»; и я эти копии видел. <...>

(Записано в декабре 1983 г.)

[Ниже — два текста «объяснений», сохранившихся в моем архиве. — А. А.]

Объяснение (№ 1)

Начальнику <...> ГО УКГБ СССР по <...> области от <...>, прожив. по адресу <...>

Объяснение или ответы на вопросы, поставленные передо мной по поводу Андрея Николаевича Алексеева

1. О хранении и распространении изданий идейно-политически ущербного содержания А. Н. Алексеевым мне ничего не известно.

2. Ничего мне не известно и об опросе о путях исторического развития. Как я представляю, история вообще не входит в круг научных интересов А. Н.

3. Об опросе студентов мне тоже ничего не известно. Вопрос <...> вызывает удивление, потому что студентов у Алексеева нет, он не преподает, и как-то непонятно, где, когда и зачем бы он это делал. <...>

4. Могу высказать свои соображения по поводу «Писем к любимым женщинам». В 1980 и 1981 гг. А. Н., по-видимому в рамках проекта «Человек и его работа», приступил к исследованию этой проблемы методом наблюдающего участия, для чего поступил работать на завод. Это известный в социологии метод *[здесь имеется в виду скорее метод включенного наблюдения. — А. А.]*, но его мало кто решается применить, потому что от социолога в данном случае требуется полное включение в производственную деятельность.

Короче говоря, социолог должен наравне со всеми работать на производстве, а научной работе отдавать все свое свободное время. Кроме этого, он должен покинуть на время спокойный и «непыльный» рабочий кабинет научного учреждения, овладеть рабочей специальностью.

¹² Краткий очерк оригинальной экономической концепции Г. Климентова см. в приложениях к этой главе: «Предложения в Госкомтруд»

<...> «Письма» явились своеобразной формой протоколов наблюдающего участия, способом группировки и самой примитивной обработки первичного эмпирического материала. Одновременно это был и способ общения со специалистами, потому что наблюдающее участие — метод редкий, и естественно было спросить у коллег и мнения, и совета.

Текст получился громоздкий, перегруженный докладными, заявками на запасные части к станку и пр. Несмотря на то, что автор пытался его оживить, сделать пригодным для чтения, материал очень сырой.

<...> Упорство и терпение, да и сама форма «Писем» позволили А. Н. Алексееву собрать в пригодном для дальнейшей работы виде эмпирический материал.

<...> Можно обсуждать, насколько удачной или неудачной получилась вся эта работа (сбор материала, влияние личности социолога на этот процесс, оформление его в виде «Писем», первые попытки теоретического осмысления), повторяю, опыт уникальный <...>, но говорить, что «Письма» — какое-то идейно-ущербное сочинение, совершенно нелепо: писал специалист коллегам, за юмором стояли методические и теоретические трудности, с которыми он сталкивался.

5. <...> *[Здесь опущена история нашего с автором «объяснения» знакомства и описание обстоятельств профессионально-научного сотрудничества. — А. А.]*

6. Мне странно давать объяснения по поводу А. Н. Алексеева для КГБ. Вся его научная деятельность протекает на виду, она вся фиксирована в его многочисленных научных трудах, по моему мнению, не оставляющих времени для какой-либо другой деятельности.

У А. Н. Алексева обширная научная библиотека, и коллеги приходили к нему поработать, иногда в его отсутствие, для чего А. Н. охотно давал всем ключ от квартиры. *[Насчет того, чтобы «всем», — автор объяснения преувеличивает, возможно, намеренно. — А. А.]* У меня и сейчас есть его ключ. Думаю, что подозреваемый в чем-либо человек не стал бы держать фактически открытыми двери своего дома.

Все, кто интересовались книгами и наукой, беспрепятственно могли брать с полок все, а если хотели брать что-то с собой, то должны были сказать А. Н., чтобы он записал, для памяти. <...>

7. А. Н. Алексеев — человек, отрешенный от практических бытовых проблем и дел. <...> Для него наука — образ жизни. <...> Но характер у А. Н. довольно трудный во всем, что не касается научной работы. В научной работе он исключительно трудолюбив, добросовестен, обязателен, ответственен. Хороший редактор, отличный сотрудник.

8. Я не располагаю всеми сведениями, которые, возможно, имеются у вас, но, по моему мнению, никакая вредная для общества деятельность для него неприемлема, неосуществима даже физически, потому что невозможно работать на производстве, проводить социологические исследования и представлять к публикации такое количество текстов, которое

не под силу иному освобожденному от производственной деятельности ученому, и тратить еще время на какую-то деятельность, да еще идущую вразрез с его убеждениями и самим образом жизни.

9. Я знаю А. Н. Алексеева как члена КПСС, патриота, глубоко заинтересованного в успехах нашего общества, занимающего активную жизненную позицию. Его исследования и публикации конструктивны и проникнуты заботой о совершенствовании нашего образа жизни.

Свидетельство тому - его недавняя публикация в «Литературной газете», посвященная бригадному подряду; свидетельство тому - его производственное исследование, основным инструментом которого он решился сделать самого себя.

<...> Недруги у него вполне могли быть, и их, наверное, нетрудно обнаружить среди бесплодных ученых.

<...> 1983. Город <...>

* * *

Объяснение († 2)

В Комитет государственной безопасности от <...>

Объяснительная записка

На предложенные мне вопросы могу ответить следующее.

1. О докладе Заславской.

С докладом Заславской не знаком. Ни Андрей Николаевич, ни какое-либо другое лицо мне текста доклада Заславской не передавали.¹³

2. О тексте «Исторический режим воспроизводства...».¹⁴

Текст читал. Работа представляет собой попытку нахождения количественных характеристик процесса изменений высшего руководства страны и ограничивается исключительно этой задачей. Никаких объяснительных и оценочных моментов, а тем более - политических выводов работа не содержит.

3. Об опросе экспертов.¹⁵

В опросе не участвовал. От самого А. Н. Алексеева знаю, что:

1) экспертный опрос о перспективах развития был проведен им несколько лет назад;

2) опрос был пилотажным;

3) целью опроса был поиск эвристически ценных предложений по решению существенных социально-экономических проблем, а также проверка самой методики прогнозного опроса;

¹³ Речь идет о тексте доклада академика Татьяны Ивановны Заславской на научном семинаре в г. Новосибирске, 1983, изданном «для служебного пользования». Социологу-рабочему инкри минировались самодельная перепечатка и «распространение» этого текста.

¹⁴ Речь идет об изъятой при обыске, в числе прочих материалов моего архива, работе «Исторический режим воспроизводства высшего руководства страны как предмет социологических измерений», написанной весной 1983 г. Текст этой работы см. в приложениях к главе 7: раздел «Случай в Варадеро...».

¹⁵ Речь идет об андерграундном опросе рубежа 70-80-х гг. См. ранее, в главе 1: «Ожидаете ли Вы перемен? (несколько вопросов о перспективах исторического развития)» и др. разделы.

4) искомым результатов опрос не дал, а сам опросный документ был признан исследователем методической неудачей;

5) после обработки результатов все печатные экземпляры интервью были исследователем уничтожены...

Разговор с А. Н. об экспертном опросе состоялся у нас после проведения у него поиска валютных ценностей [*обыска в сентябре 1983 г. — А. А.*] и в связи с тем вниманием, которое было проявлено к этому вопросу органами государственной безопасности.

Ремарка: «игра» моего друга.

Здесь отвечающий искусно соединяет две роли: человека неосведомленного («знаю только со слов Алексева...») с адвокатурой в пользу А. , т. е. ненавязчиво демонстрирует, что тот говорил сотрудникам УКГБ ЛО то же, что и ему — своему другу. (Август 2000).

...К Андрею Николаевичу как к ученому и как к коммунисту отношусь с самым большим уважением. <...> 1983.

Ремарка: спасибо и... простите!

Перечитывая эти тексты, которые оставляю здесь анонимными, думаю: нет, невозможен эксперимент «только над собой»!

В «испытание» неизбежно вовлекаются и другие люди, и прежде всего — близкие тебе. Они принимают этот «вызов судьбы» (за что им благодарен). Но это наверняка стоит им «напряжения» (которого они, может быть, не искали).

И вот, приходится и этим людям тоже — проходить между «сциллой» и «харибдой»... Говорить — что думают (врать всегда противно!), а о чем-то и умалчивать, или даже давать заведомо «не правдивый» ответ (еще не зная, а не избалуют ли тут же и их самих...).

(И еще: «Беспокоиться, как бы нечаянно не навредить тому, о ком спрашивают...» — замечено при чтении рукописи автором одного из «объяснений». А ведь верно! Я это даже сегодня как-то упустил из виду...)

Тем, кто писал эти объяснения, не в чем себя упрекнуть. А мне — невольно поставившему их перед необходимостью «объясняться»? (Август-ноябрь 2000).

7.6. В поисках выхода из «мертвой зоны» 7.6.1. «С

организацией надо вести себя имманентно ее законам...»

Ремарка: социолог-испытатель нервничает.

«Заподозренный» рассудил, что должен что-то предпринять. Тогда им был написан «проект» пространного документа — обращения в Управление КГБ по Ленинградской области, как бы превосходящего предполагаемые обвинения (вплоть до их реальных формулировок, несколько месяцев спустя!) и заранее отвечающего на вероятные обвинения. «Проект» (его здесь не привожу) подвергся справедливой критике друзей и коллег. См. ниже. (Сентябрь 1999).

? — А. Алексееву (ноябрь 1983)

Дорогой Андрей!

Не знаю, отправил ли ты прочтенный мною документ или нет. Если нет, то, по-моему, делать этого не следует. Почему?

1) Стиль — не для этого адресата (аналитико-философский, научный); 2) какие-то оправдания, упреждающие официальное предъявление обвинений; 3) самоанализ, свидетельствующий о страхе. <...>

Функцию (роль) свою для тебя этот документ **уже** выполнил. Ты, благодаря ему: 1) проанализировал все; 2) упорядочил, выстроил ситуацию; 3) сбросил напряжение (частично). И хорошо. А двигать его не стоит, поверь. Я имею в виду **данный этап** продвижения дела и **данный уровень** твоего адресата (Ленинград).

Не исключаю, что создастся ситуация, когда писать придется. Это — когда дело «созреет», когда предъявят **обвинение в лицо**. Но тогда писать не в этот адрес, а выше. И писать суше, деловитее и острее, резче, в тоне обвинения тех, кто наломал дров.

Это — другой стиль. Придание «делу» другого звучания. Мол, ребята, что же делается-то? Кого вы обвиняете-то? Журналиста, что он пишет? Социолога, что он работает? Философа, что он мыслит? Рабочего, что он, работая, еще и думает? И т. д., и т. п. Побойтесь бога! И т. д., и т. п.

А сейчас — рано. Потерпи, отойди. Хотя и трудно тебе, понимаю. <...>

Вкратце

Далее следуют советы: как именно «работать над собой» и как себя вести в сложившейся ситуации. Как выработать «содержательную позицию» и «психологию-стиль поведения» в предстоящей самозащите.

...**Мой прогноз:** «дело» завершится в твою пользу без отрицательных для тебя последствий, кроме тех, которые ты уже имеешь. Не представляю себе другого исхода. Опять же, сделай скидку на мою провинциальность, незнание общей атмосферы в данной «подсистеме» нашего общества, а также в Ленинграде, и т. п. Но, на уровне своего разума, ожидаю положительного итога.

Хотя нынче, с учетом количества (= состава) «преступлений», перечисленных тобою, — сегодня жутко очень, не скрою. Влезаю в твою шкуру, ощущаю эту жуть — холодно, страшно.

Однако отрицательного (в любой степени) конца — не представляю, не вижу. Ибо знаю тебя изнутри, и с тобою же этот конец (= исход «дела») сверяю, соотношу. Понимаешь мысль? <...>

ЛЛ, ноябрь 1983

* * *

? — А. Алексееву (ноябрь 1983)

Дорогой Андрей!

Нет слов, чтобы описать, как я хотел бы быть в Л-де. К сожалению, сейчас это невозможно. Да здесь, вероятно, и не тот случай, когда можно чем-то реально-деловым помочь, разве только моральной поддержкой и сочувствием. Да, может, еще и мнением.

<...> Текст мне не понравился, в принципе. <...> Нельзя писать в ГБ так, как будто объясняешь мне или другому аналогично мыслящему человеку. У них совершенно иной подход, стиль мышления, лексикон, задачи и т. п. С государственной организацией надо себя вести **имманентно ее законам**... Этого требует социологический профессионализм.

Что имеется, с **их** точки зрения? Материалы (много и разные), которые могут пролить свет на **возможно** антигосударственную деятельность, в частности, твою. «Материал» на тебя у них уже наверняка был: какие-нибудь доносы, звонки, и даже прямые указания — поставить на место, приструнить и т. п. человека, который везде лезет, пишет, суется не в свое дело.¹⁶

<...> Что в таком случае **они** [*сотрудники госбезопасности. — А. А.*] должны делать? Разобраться принятыми у себя методами. И вот: вызывают, собирают сведения, фотографируют, проверяют.

А тут вдруг им пишет гражданин, социолог (к тому же еще и «заподозренный»), и начинает их учить. То есть опять «выступает», «считает за дураков»... Еще одно подтверждение «не системного» поведения — этакой «свободной личности», которая проводит опросы по самым жгучим проблемам, не учитывая, что это «может нанести вред государству», и т. п. <...>

Мне представляется более правильной твоя предыдущая манера действий — по законам и правилам системы — обращаться только по строгому факту неверных действий.

<...> Во всем этом эпизоде, насколько могу судить по имеющейся информации, самое слабое место — привязка тебя к валютному делу и изъятие — **по этому делу** — рукописей, пишущей машинки и проч. Этим и следует, как мне кажется, заниматься. <...>

Ремарка: «не слабое» место в этом «деле»...

*Мой корреспондент, как поначалу и я сам, не учитывал, что — по любому делу — «можно», в соответствии с буквой советского уголовно-процессуального закона (действующего, напомним, и сегодня в Российской Федерации), «привязать» — по усмотрению следователя — **любого** гражданина.¹⁷*

*А изымать при обыске (так сказать — попутно) можно и нужно, следуя Закону, любые предметы и документы, которые, по мнению производителей обыска, запрещены к обращению, — «независимо от их отношения к делу». Мол, **искали одно, а нашли** — другое... (Сентябрь 2000).*

...По-моему, ты должен всерьез отдать себе отчет в том, что такое ты есть в нашей жизни. Какова твоя осознанная, гражданская, профессиональная позиция. И как соотносится с этим все, что тобою делалось, сделано и написано, независимо от того, опубликовано это или нет. Дальше — держаться строго этой позиции.

¹⁶ Имеются в виду, в частности, обращения социолога-рабочего в высшие партийные инстанции по поводу недостатков в «партийном руководстве наукой» в Ленинграде

¹⁷ См. выше: раздел «Мой правовой ликбез»

Понимаешь, Андрей, ты сейчас на передовом социальном фронте. И, как водится, все шишки — тебе и иже с тобой. И это — закон (из класса «закономерностей»). А «передовой фронт» — это и ошибки, и беды, но и новые достижения, которых иначе не было бы. А тогда — застряли бы мы все на пещерном уровне.

Я не вижу иного серьезного основания для **самоподдержки**, кроме как осознание этого факта. <...>

Обнимаю, и считай меня — рядом!

ММ, ноябрь 1983

* * *

? — А. Алексееву (ноябрь 1983)

Здравствуй!

<...> Твой способ жизни всегда необычен. Давать обычные советы трудно. Однако попробую.

<...> Создается впечатление, что у человека не выдержали нервы и он сам лезет на рожон. Правда, можно списать на необычность заявителя, поскольку и само заявление весьма необычно.

Есть ли уверенность, что это «те» самые вопросы, на которые от тебя хотели бы получить ответ? Если даже «те», стоит ли их так формулировать, систематизировать, категоризировать? Не помогаешь ли ты составить обвинение на тебя? <...>

Не кажется ли тебе, что вы говорите на **разных** языках и о **разном**? Ты стараешься показать формально-правовую невинность. Вероятно, для данной организации это и нужно. Но люди в ней — они ведь, наверное, прежде всего решают вопрос: виноват ли он «по сути дела», по поведению, по «способу жизни» [и «образу мыслей». — А. А.]? Аргументации в этом плане, по-моему, в письме недостает.

<...> Во всем твоём образе жизни и действий сильно звучит мотив гражданственности. Его и надо поднимать на щит, на него нажимать. Пусть тебя «сожгут на костре», но ты должен пострадать **за идею**, а не за распространение писем и т. п.

Надо ли обращаться в обком? Если в наступательном духе, с просьбой о защите («не дают проводить... ценную работу»), то да. В оправдательном же духе, думаю, не стоит.

Еще раз подчеркиваю, что ощущаю малоприспособленность обычных средств. Например, твой стиль быть насквозь «вентилируемым», информировать всех о своих шагах, вроде бы не рациональный с обычных позиций, имеет свои сильные стороны.

Возможно, надо остыть, освободиться от подавленности актами грубого вмешательства. <...>

НН, ноябрь 1983

Ремарка: прислушиваясь к рецензентам.

Тексты этих писем (полученных, как правило, не по почте, а с оказией) сохранились в архиве только в моей собственной, тогдашней перепечатке. Где — из осторожности! — не указывались имена корреспондентов.

К сожалению, по прошествии без малого 20 лет, уверенно определить, кому принадлежит то или иное письмо, не удалось.

Что же касается самого предмета обсуждения, то социолог-испытатель прислушался к рецензентам и свой первоначальный вариант послания в УКГБ ЛО забраковал.

Лишь месяц спустя в эту инстанцию ушло существенно переделанное обращение, которое приводится ниже. (Сентябрь 1999).

7.6.2. «Мой способ жизни стал предметом преувеличенного интереса...»

А. Алексеев — начальнику УКГБ ЛО Д. Носыреву (декабрь 1983)

[Это — окончательная версия официального обращения, своего рода итог коллективной работы (см. выше). Письмо публикуется здесь с небольшими сокращениями. — А. А.]

Глубокоуважаемый Даниил Павлович!

Обратиться к Вам с настоящим письмом меня побуждает своеобразное, как мне представляется, двусмысленное положение, в которое я оказался поставлен действиями некоторых сотрудников Ленинградского управления КГБ. К сожалению, их имена мне неизвестны. Лично встречаться ни с кем из них не приходилось.

Я — профессиональный социолог (имею ученое звание старшего научного сотрудника по этой специальности); журналист по образованию и по роду основных занятий до 1965 г., сотрудничаю в массовой периодической печати и сейчас, член Союза журналистов СССР.

Начиная с 1980 г. мною осуществляется экспериментальное исследование социальных и социально-психологических предпосылок повышения трудовой и общественной активности работника в условиях современной перестройки хозяйственного механизма. Особенностью этого исследования является изучение производственной жизни «изнутри», глазами рабочего. <...>

[Здесь опущены приводившиеся в письме другие сведения о себе: предыдущее место работы; обстоятельства поступления на завод; работа по совместительству и т. п. — А. А.]

События последних трех месяцев моей жизни таковы, как если бы у автора этого письма было и еще какое-то «второе лицо», скрываемое им от глаз общественности, коллектива, партийной организации.

16 сентября 1983 г., с санкции прокурора Кировского района, в моей квартире был произведен обыск — в связи с уголовным делом, возбужденным по статье УК РСФСР, касающейся нарушения правил о валютных операциях, в отношении гр-на В.¹⁸ <...> Сотрудники ОБХСС, разумеется, не обнаружили у меня никаких валютных ценностей. Зато в качест-¹⁸ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия

ве предметов и документов, «могущих иметь значение» для данного уголовного дела», **у меня был изъят мой личный и научный архив** [здесь и далее — выделено мною сегодня. — А. А.].

<...> Моя жалоба прокурору г. Ленинграда на необоснованность предпринятого в отношении меня следственного действия (копию той жалобы я прилагаю к настоящему письму) получила отказ. Из чего я заключил, что в материалах упомянутого уголовного дела, видимо, содержатся какие-то лжесвидетельства на мой счет. Однако каких-либо разъяснений насчет своей «причастности» к данному делу я не получил и до сих пор, когда суд над В. уже состоялся.

Недавно, согласно рекомендации городской прокуратуры, я обратился к следователю Кировского РУВД Сорокиной по вопросу о возврате изъятых у меня при обыске вещей. От нее мне стало официально известно, что материалы моего личного и научного архива переданы **на экспертизу** в Ленинградское УКГБ, где находятся и сейчас. На вопрос о сроках их возврата следователь ответить затруднилась.

Мне не вполне ясен процессуальный порядок, согласно которому предметы и документы, изъятые при обыске в связи с уголовным делом, по которому уже вынесен приговор, все еще находятся у экспертов.

Однако главной причиной моего обращения к Вам является иная, уже не официальная информация, которую я не могу оставить без внимания. Дело в том, что, как я узнаю на протяжении последних двух месяцев от разных лиц, мой способ жизни, круг общения, научная деятельность стали предметом особого и, насколько я могу судить, преувеличенного интереса сотрудников возглавляемой Вами авторитетной организации. Это находит выражение в продолжительных, и даже многократных, беседах работников Управления КГБ с моими друзьями и знакомыми. Темой этих бесед являются различные стороны моей жизнедеятельности.

Разумеется, я не могу поручиться за абсолютную точность полученной мною информации, однако имею достаточно оснований полагать, что в ходе указанных бесед со стороны сотрудников Управления КГБ допускались утверждения, **бесосновательно меня порочащие**. Складывается впечатление, что я, мало сказать, заподозрен, но уже и обвиняюсь в неких государственных преступлениях.

Между тем никаких преступлений я не совершал. Мне остается непонятным, почему это убеждение в виновности, совокупность подозрений, пусть даже просто претензий (если в чужой передаче краски вольно или невольно сгущены) сотрудников государственной организации к гражданину **не высказываются ему в лицо**. Почему он должен узнавать об этом от других?

Во время обыска у меня, похоже, искали и изымали то, что мною вовсе не пряталось. <...> Теперь, как будто, настолько не доверяют или даже опасаются меня, что предпочитают выяснять у других людей то, что проще было бы узнать от меня самого.

Не понимаю я такой линии поведения ответственных работников, особенно в отношении коммуниста с более чем 20-летним стажем.

Здесь замечу, что я незамедлительно информировал первичную партийную организацию как об обыске, произведенном в моей квартире работниками ОБХСС, так и о том профессиональном интересе, который был проявлен сотрудниками Ленинградского УКГБ к изъятым у меня личным и научным документам. Копию настоящего письма также считаю себя обязанным передать в партийную организацию.

Моя просьба к Вам, Даниил Павлович, сводится к следующему. Во-первых — исключить ненормальную ситуацию, при которой ошибочные предположения на мой счет отдельных сотрудников возглавляемого Вами учреждения приобретают форму обвинений, предъявляемых мне «за глаза».

Во-вторых, принять меры к скорейшему возврату мне моих дневников, писем, научных отчетов и т. д. **Их экспертиза в Управлении КГБ явно затянулась.**

В заключение позволю себе одно соображение общего характера. Тенденциозный, как я убеждаюсь, интерес ко мне, в той мере, в какой он вызван действительными фактами моей профессиональной деятельности, свидетельствует, на мой взгляд, о недостаточном понимании специфики, общественных целей и способов научной, социологической работы.

Как известно, на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС высказывалась справедливая критика в адрес ряда научных учреждений, занимающихся исследованием общественных проблем. Мне представляется, что, в частности, мой скромный опыт экспериментального, научно-практического социального исследования (о чем шла речь в начальной части этого письма) оказывается в русле современных партийных требований к общественной науке. К важнейшим из этих требований относятся актуальность и реалистичность.

<...> Путать партийную заинтересованность ученого в разрешении наиболее важных общественных проблем, которые он исследует, с антигосударственными проявлениями, по-моему, недопустимо. Такую ошибку, как я считаю, совершают неизвестные мне сотрудники Ленинградского управления КГБ.

Очень надеюсь, что это мое письмо Вам не останется без ответа.

С уважением

А. Алексеев, 4.12.83

Ремарка 1: разделение труда между правоохранительными органами.

Вообще говоря, социологу-испытателю довелось столкнуться с заурядной практикой работы органов госбезопасности. Последние обычно держались в тени, предоставляя осуществлять процессуальные действия органам внутренних дел и прокуратуре.

В качестве оснований для обыска, например, часто использовались посторонние поводы, чтобы заполучить недостающие доказательства преступных

действий или умысла. (Эта практика иногда принимала и совсем уж одиозные формы, когда при обыске подбрасывались фальшивые улики; примеры — см. ниже.)

Соответственно и уголовные дела возбуждались зачастую по поводам, совершенно посторонним относительно действительного «состава преступления»... (Сентябрь 1999).

Ремарка 2: раскрытие одного псевдонима.

...В частности, упоминавшийся выше «гр-н В.» (по делу которого производился обыск в моей квартире) был осужден, по счастью, условно, за нарушение правил о валютных операциях: у него была изъята коллекционная монета, приравнивавшаяся тогда к валюте. Но преследовали В. — на самом деле — за хранение недозволенной литературы.

Свой «условный срок» ему довелось отбывать по месту своей работы — в Институте социально-экономических проблем АН СССР.

Спустя несколько лет мы с В. — социологом Виктором Михайловичем Воронковым — оказались в одном секторе Ленинградского филиала Института социологии АН СССР и между нами возникло тесное сотрудничество. Но в пору описываемых событий действительно были мало знакомы.

Ныне В. Воронков — руководитель Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге. (Сентябрь 2000).

7.7. Социальное и культурное пространство, или с кем социолог-рабочий тогда знаком не был... (интермедия)

[Ниже — извлечения из публикаций, помещенных в тематическом номере журнала «Звезда» (2000, ¹ 4): «Восьмидесятые годы». — А. А.]

7.7.1. «Прививка черенка свободы к тоталитарному режиму...»

Из книги писателя Б. И. Иванова «По ту сторону официальности» (2000)

<...> Круги моих знакомств. Это прежде всего участники религиозно-философского семинара, который, благодаря интеллектуальной активности Татьяны Горичевой, начиная с 1973 года, продолжал собирать ленинградскую интеллигенцию. Посещал домашний семинар Сергея Маслова, объединивший видных правозащитников Революта Пименова, Эрнста Орловского, Льва Копелева с математиками и физиками, живущими широкими общественными интересами. Я был знаком с наиболее активной частью художников-неофициалов, которым впервые удалось прорвать культурную блокаду; после «бульдозерной акции» их завоевания права на выставки шли по нарастающей. «Часовщики» [участники андерграунд-ного журнала «Часы» 70–80-х гг., главным редактором которого был Борис Иванович Иванов. — А. А.] сблизились с Ефимом Барбаном, который был редактором независимого малотиражного журнала джаз-клуба «Квадрат». Мы посещали его лекции, посвященные джазу, и присутствовали на пер-

вых выступлениях в ДК Ленсовета группы гениального Сергея Курехина. Культурное движение, — очевидно, было на подъеме, в то время как правозащитное движение к началу восьмидесятых годов было разгромлено.

Драматизм правозащитного движения заключался в том, что оно было в жесткой зависимости от западных информационных агентств и дипломатических представительств. То, что, казалось, должно было гарантировать правозащитникам хотя бы минимальную безопасность, в действительности обрекало их на беспощадный жандармский прессинг, подавляющий всякую возможность демократизации правозащитного движения в целом. У кого поднимется рука бросить камень в истинных героев этого движения? Но в сущности оно сводилось к функционированию двух-трех московских точек, через которые осуществлялась перекачка информации на Запад. Высылка Андрея Сахарова в Горький, прекращение выпуска «Хроники текущих событий» больно отозвались в либеральной России и подстегнули эмигрантские настроения.

Культурное движение развивалось иначе — вширь. Оно было, действительно, движением, со своими печатными органами, выставками, семинарами, лидерами, связями. Силу ему придавали не жертвенность и альтруизм, а нечто прямо противоположное, эгоцентризм его. «Культурное движение духовно, идейно, экзистенциально разрешает проблему становления личности в наших конкретных исторических условиях. В культурном движении личность утверждается не в голословности индивидуалистических заявлений, а в самобытном профессиональном творчестве. То, что некоторые воспринимают как слабость: отсутствие в движении единой платформы, — на деле есть условие свободы внутри самого движения. <...>».¹⁹

Стремление художественной интеллигенции, несмотря ни на какие санкции, обрести социальное и культурное пространство для существования и роста, я назвал «новым почвенничеством», из которого, в частности, следовало: «Не важно, вещают или не вещают о нас по «голосам», упоминают или нет нас эмигрантские газеты и журналы, все существенное происходит здесь, где мы живем». Установка была прагматической. В самом деле, если я-ты-мы остаемся здесь, нам ничего не остается как прививать к тоталитарному дереву черенок свободы. Мне был ближе образ человека-садовника Экзюпери, чем мститель и ниспровергатель. «Почва», прямо-таки, никуда! Но ведь кое-что все-таки получалось! <...>

(Б. Иванов. Узкая дорога к демократии. Глава из книги «По ту сторону официальности» // Звезда, 2000, ¹ 4, с. 212–213)²⁰

¹⁹ Борис Иванов здесь цитирует свое выступление на 1-й конференции культурного движения «КД как целостное явление» (Часы, 1979, ¹ 21)

²⁰ Далее в этом фрагменте книги Б. Иванова рассказывается об истории возникновения «Клуба-81» («Монако свободы», как его называли позднее)

Подробнее о культурном движении того времени см. в сб.: История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. СПб.: Деан, 2000. Там же см. библиографию более ранних публикаций на эту тему

7.7.2. Семинар Сергея Маслова Из очерка

писателя и историка Я. А. Гордина «Дело Баранцева» (2000)

<...> Идея научного сообщества, способного бесконтрольно рассматривать самый широкий круг проблем, была достаточно популярна. Осмелюсь предположить, что одним из импульсов к возникновению семинара по семиодинамике было существование семинара, организованного другом Баранцева талантливым математиком Сергеем Масловым, семинара, собиравшегося на его ленинградской квартире. Сергей Маслов, человек решительный и яркий, был отнюдь не безразличен госбезопасности — хотя бы потому, что был автором нескольких писем в защиту Сахарова. Вместе с профессором матмеха ЛГУ Анатолием Вершиком он выпускал самизд-датский журнал «Сумма», история которого тоже заслуживает отдельного исследования. Рабочий репертуар семинара Маслова был чрезвычайно разнообразен. Вячеслав Всеволодович Иванов делал доклад о миграции народов и связи языков, Баранцев развивал теорию триадности (в более поздней работе он так формулировал основную принцип: «Целостные триады, сложившиеся в истории человечества, такие как истина-красота-добро, ум-чувство-воля, тело-душа-дух, объединяют в себе рациональное понятие, эмоциональный образ и интуитивный символ. Можно предполагать, что такой архетип обусловлен триединой природой человека, созданного по образу и подобию Творца. Святая Троица, нераздельная, неслиянная, единосушая является совершенным примером объединения различий. Аналогичные гибкие структуры можно обнаружить во всех жизнеспособных религиях мира»). Известный востоковед-иранист Владимир Лившиц прочитал доклад «Об Ассирии и Вавилоне по личным впечатлениям», геолог и философ Яков Виньковецкий — «О нестандартной космологии», читались доклады о духоборах, о Швейцере, об истории с точки зрения физики, о психологии азартных игр. Лидия Яковлевна Гинзбург излагала свои идеи о лирической поэзии. Револьт Пименов, дважды сидевший за антисоветскую деятельность, во время приездов из своей сыктывкарской ссылки посещал семинар и, в частности, сделал доклад «О картинах Глазунова и еще кое о чем». Автор этого очерка докладывал об исторических идеях Льва Толстого, о политических движениях XVIII века.

В качестве докладчика неоднократно выступал и сам Сергей Маслов.

Разумеется, семинар находился под наблюдением, но время было — по выражению Ахматовой — вегетарианское, и неудовольствие власти сказывалось, пожалуй, только на научных карьерах некоторых его участников.

Сам же Сергей Маслов в 1982 году погиб в автомобильной катастрофе при не вполне ясных обстоятельствах... <...>

(Я. Гордин. «Дело Баранцева. Психологический этюд эпохи позднего большевизма // Звезда, 2000, 1 4, с. 21)²¹

²¹ Другой фрагмент из цитированного выше очерка см в главе 8: раздел «“Дело Баранцева” Интермедия»

7.7.3. Андроповский зажим

Из воспоминаний историка Л. Я. Лурье (2000)

<...> Ситуация казалась особенно неприятной потому, что все, кто открыто противостоял советской власти, уже оказались к тому времени либо в тюрьме, либо за границей, и, следовательно (так как КГБ надо же чем-то заниматься), наступила очередь периферии. Особенностью этой волны репрессий (за каждой посадкой следовали административные чистки среди знакомых арестованных) стала их полная непредсказуемость: бомбили, как в 1937-м или 1949-м, по площадям. Посажены были, как я уже говорил, историк Рогинский, коллекционер живописи Михайлов, филологи Азадов-ский и Мейлах, археолог Клейн, религиозный философ Пореш, публицист Евдокимов, библиотекарь Поляков, сторож текстильной фабрики Митяшин, глава местного «солженицынского фонда» Репин, феминистка Лазарева, поэт Трифонов. Сроки давали чаще всего по вымышленным уголовным делам (Азадовского — за наркотики, Клейна и Трофимова — за гомосексуализм, Рогинского — за подделку справки для допуска в архив, и т. д.), Опера «пятерки» изымали рукописи и книги Солженицына, Набокова, Мандельштама и Флоренского, а тем, кто их хранил, не давали защищать диссертации, публиковаться, выгоняли из музеев и НИИ.

На моих глазах был разгромлен невиннейший журнал молодых античников «Метродор». Одного редактора, Леонида Жмудя, обыскали вместе с Виктором Кривулиным в поезде Ленинград — Москва и, обнаружив какую-то вполне вегетарианскую нелегальщину, предупредили по 70-й статье и лишили всяких академических перспектив. С другим — Дмитрием Панченко — провели соответствующую суровую беседу. Закрылись и другие самиздатские журналы в Питере, обычно абсолютно аполитичные — «Мария», «Северная почта» (одного из редакторов, Сергея Дедюлина, выдавили в эмиграцию), «Обводный канал», «37». Тайнственный химический ожог получил художник Юрий Жарких. После рок-фестиваля в Тбилиси начались неприятности у Бориса Гребенщикова.

Опасности можно было ожидать отовсюду, как в фильме Хичкока. <...>

Смерть Андропова не улучшила ситуации. Суд над Борисом Митяшиным в 1984 году был особенно характерен. Свидетели пугались в показаниях, обыск ничего не дал, и тем не менее Митяшин получил на полную катушку (семь — лагеря, пять — ссылки). В ноябре того же 1984 года в ресторане гостиницы «Советская» в большой компании, где был и психиатр Андрей Васильев, отмечали победу ленинградского «Зенита» в чемпионате СССР. Мы с женой уехали домой, а Васильев задержался и не успел к мостам. Утром я узнал: он задержан милицией за то, что якобы обрывал той ночью красное полотнище, обвевавшее светильник на Марсовом поле. ГБ была зла на Васильева за «неискренность» в деле Михаила Мейлаха.

Ему дали 4 года усиленного режима. <...>

(Л. Лурье. Андроповский зажим // Звезда, 2000, ¹ 4, с. 232–233)

Ремарка 1: у каждого своя компания...

Отзвуки всех этих событий доходили до социолога-испытателя в первой половине 80-х.

Однако прямых связей ни с андерграундным культурным движением, ни с правозащитным движением, вообще — с «внесистемной оппозицией», у «ученого, гражданина и коммуниста» А. тогда практически не было. (Разумеется, круги общения пересекались, но не более того.)

Лишь в конце 80-х — начале 90-х гг. мне довелось встретиться и подружиться с некоторыми из тех, кто упомянут в вышеприведенных воспоминаниях, равно как и с авторами этих текстов. (Май 2000).

Ремарка 2: к вопросу об «общественной кристаллизации».

Здесь стоит напомнить одну из позиций вопросника «Ожидаете ли Вы перемен?» (1978):

«...18. Замечаете ли Вы в данном обществе какие-либо нарастающие признаки общественной кристаллизации (направления, течения, оттенки мысли, культурные феномены и т. п.)?»

Если да, то какие из них наиболее симптоматичны и значимы в свете Вашего представления о возможных переменах?»²²

Ответы наших экспертов тогда разнились. Отмечались и правозащитное движение, и феномен «второй культуры», и попытки создания независимых профсоюзов... Назывались и иные «оттенки мысли» и «формы действия».

Примечательно, однако, что ни одна из примет общественной кристаллизации, как правило, не расценивалась экспертами, да и не могла бы выступить — в качестве «самодовлеющей» или «решающей»...

Думается, что подспудная кристаллизация происходила в те годы практически во всех социальных слоях, также и среди людей, вовсе не сознававших этого, и уж во всяком случае не склонных к каким бы то ни было «манифестам».

Достаточно вспомнить экономические инициативы, возникавшие снизу, в отличие от директивных «усовершенствований» хозяйственного механизма и т. п. Или хотя бы описанную в предыдущих главах (3 и 4) рабочую «партизанищину», без которой просто не могло бы функционировать общественное производство.

Многочисленные и разнообразные проявления независимого индивидуального и коллективного социального поведения, в самых различных сферах, складывались в «параллелограмм сил», в конечном счете и приведший к общественной трансформации. (Ноябрь 2000).

7.8. Коммунист, партийная организация, КГБ

[Как уже отмечалось, о предпринятых в отношении него «следственных действиях» социолог-испытатель первым делом информировал партийные органы. Так же — и о своем обращении к начальнику Управления КГБ. — А. А.]

²² См. ранее, в главе 1: раздел «Ожидаете ли Вы перемен? (несколько вопросов о перспективах исторического развития)»

**А. Алексеев — заведующему сектором науки
Ленинградского ОК КПСС Е. Овсянникову (декабрь 1983)**

Глубокоуважаемый Евгений Клавдиевич!

Направляю Вам копию своего письма начальнику УКГБ ЛО Д. П. Носыреву.

<...> Благодарю Вас за внимание и время, которые Вы сумели уделить мне в беседе 30.11.83. Мне представлялось важным получить именно Ваш совет, поскольку возникшие у меня сегодня чрезвычайные для коммуниста жизненные обстоятельства имеют, как мне кажется, прямое отношение к моей научной, социологической деятельности...

Ремарка: предыстория отношений.

Надо пояснить, что контакты с отделом науки обкома КПСС возникли у социолога-рабочего еще полугодом раньше, в связи с его обращением в ЦК КПСС по вопросу о «партийном руководстве наукой» в Ленинграде: грубое давление со стороны обкома в деле смещения В. А. Ядова с поста председателя Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации (его сменил Б. Д. Парыгин) и т. п.

Упомянутое обращение наверх вызвало большое неудовольствие (и даже угрозы) со стороны тогдашнего партийного «куратора» ленинградской социологии, инструктора обкома КПСС Ю. И. Мазуренко²³, а зав. сектором науки Е. К. Овсянников тогда сглаживал углы и «разъяснял» социологу-испытателю, что обращаться по этому вопросу в ЦК не следовало.

Визит в обком в ноябре 1983 г. происходил уже не по «приглашению», а по инициативе самого «заподозренного» члена КПСС. (Октябрь 2000).

...В задачи органов государственной безопасности входит, как я понимаю, охрана специфических государственных интересов. Выражение же политического доверия или недоверия коммунисту, итоговая оценка его общественного, производственного, научного лица, и даже личной жизни, если она имеет общественное значение, является, по моему убеждению, делом партийной организации.

Ваша рекомендация — обращаться с соответствующими вопросами «по ведомственной принадлежности» *[имеются в виду государственные органы. — А. А.]* — была для меня ценной.

Одновременно я передаю копию письма на имя Д. П. Носырева в свою партийную организацию (секретарь партбюро цеха¹ 3 Ленинградского завода полиграфических машин В. И. Новиков).

С уважением,

А. Алексеев, 4.12.83

* * *

**А. Алексеев — в партийное бюро цеха¹ 3 «Ленполиграфмаша»
(декабрь 1983)**

С настоящим передаю в первичную партийную организацию копию своего письма начальнику УКГБ ЛО тов. Д.П.Носыреву от 4.12.83. В ука-

²³ См о нем в главе 9: раздел «ИСЭП-1984...»

занном письме излагаются некоторые, в основном уже известные партийной организации, чрезвычайные обстоятельства моей жизни за последние три месяца, а также выражено отношение к ним.

Прошу партийную организацию навести соответствующие справки и занять в данном, по-видимому, немаловажном для нее вопросе ту позицию, которую она сочтет нужной.

Поскольку отмеченные чрезвычайные обстоятельства имеют, как я полагаю, непосредственное отношение к моей научной, социологической работе (которую я на протяжении ряда лет <...> совмещал с основной, производственной деятельностью), копия письма тов. Д. П. Носы-реву направлена мною также в сектор науки Ленинградского обкома КПСС (зав. сектором науки Е. К. Овсянников).

А. Алексеев, 5.12.83

Ремарка: «выстроенная» ситуация.

Такие инициативные «рапорты» о развитии событий еще «не объявленного» (как бы подстудного) «дела» поступали от социолога-рабочего в партийную организацию завода регулярно, пока последней не пришлось заняться этим вопросом самой.

Что касается данной ситуации, то она, вообще говоря, выстроена социологом-испытателем «грамотно»: о письме на имя начальника УКГБ ЛО информированы партийные органы как на «верхнем», так и на «нижнем» уровнях; причем каждый уровень осведомлен об остальных адресах информации. (Октябрь 2000).

* * *

Из «Записей для памяти» (декабрь 1983)

<...> 13.12.83 (вторник) секретарь партбюро цеха Новиков, подойдя к моему рабочему месту, сообщил мне следующее.

Мое заявление в цеховую парторганизацию от 5.12.83 с прилагавшейся копией письма начальнику УКГБ ЛО Носыреву передано им в партком завода. Секретарь парткома Щекин связался по телефону с «большим домом» на Литейном и выяснил, что письмо поступило лично тов. Носыреву и на него обязательно будет дан ответ, в установленный законом (месячный) срок.

Поскольку Носырев является членом бюро Ленинградского обкома КПСС, мне следует рассматривать его предстоящий ответ также и в качестве ответа на мой запрос в парторганизацию.

Новиков сообщил также, со ссылкой на Щекина, что партийная организация «Ленполиграфмаша» к коммунисту Алексееву «претензий не имеет...».

(Записано в середине декабря 1983 г.)

* * *

[Между тем в «деле» социолога-испытателя неожиданно возник, так сказать, побочный сюжет. См. ниже. — А. А.]

7.9. Малолетний взломщик

7.9.1. Налет на квартиру. Пропаж не обнаружено...

А. Алексеев — начальнику 60-го отделения милиции г. Ленинграда
(декабрь 1983)

Заявление

11 ноября 1983 г. в моей квартире (адрес указан) была взломана наружная дверь, а также запирающаяся дверь в одну из внутренних комнат (комната тещи). В двух из трех комнат квартиры содержимое шкафов и комодов выброшено на пол, разбросано по коридору. Сумочка с документами жены валялась на полу у входной двери, документы из нее расшвыряны.

Прибывшим на место происшествия инспектором уголовного розыска тов. Комышаном А. И. был произведен осмотр и составлен соответствующий протокол.

При поверхностном осмотре в присутствии инспектора и понятых, а также при последующем осмотре мною и членами моей семьи — пропаж ценных вещей не обнаружено.

В связи с имевшим место незаконным проникновением в мое жилище, а также нанесенным материальным ущербом (сломанная дверь, требующая замены), прошу найти виновника и привлечь его к ответственности.

А. Алексеев, 11.12.83

* * *

Из «Записей для памяти» (январь 1984)

<...> С 25.10 по 10.11.83 я находился на бюллетене и практически не выходил из дома. 11 ноября я впервые вышел на работу, а по возвращении домой застал картину, описанную в нижеследующем [вышеприведенном. — А. А.] заявлении. Копией протокола осмотра места происшествия, составленного инспектором уголовного розыска А. И. Комышаном и подписанного как мною, так и понятыми из соседних квартир, я, к сожалению, не располагаю.

Примерно аналогичный взлом квартиры (без существенных пропаж) имел место в начале октября 1983 г. у моих родственников (сын жены — Крюков Алексей Борисович и его семья). К моему удивлению, это обстоятельство не заинтересовало работника милиции.

Инспектор Комышан настаивал на том, чтобы я немедленно принял решение, буду ли я подавать заявление в милицию о возбуждении уголовного дела. При этом мне было дано понять, что при отсутствии пропаж такое заявление не только малоперспективно, но может оказаться и «несостоятельным». Я сказал, что приму решение позже.

В соответствии с пожеланием инспектора уголовного розыска, я позвонил ему несколько дней спустя. <...> Тот сообщил мне, что взломщик **разыскан**: им оказался подросток 13 лет. На получении более подробной информации я не настаивал.

Как мне удалось выяснить в юридической консультации, подростки подлежат уголовной ответственности начиная с 14 лет. Единственным способом возмещения понесенного моей семьей ущерба может быть только гражданский иск к родителям подростка, для оплаты стоимости установки новой двери. А для подачи такого иска в суд мне следует получить из милиции документированную информацию об ответчике (кто-либо из родителей подростка).

При моем обращении к инспектору уголовного розыска месяц спустя после события (по 11 декабря Комышан находился в отпуске), тот «забракował» мое уже составленное, в соответствии с полученной ранее от него информацией, заявление (просьба сообщить фактические сведения, необходимые для обращения с гражданским иском в суд). Дело в том, что прямыми доказательствами, что мою квартиру взломал заподозренный подросток, он, оказывается, не располагает.

Инспектор Комышан предложил мне сформулировать свое заявление иначе: «прошу найти виновника и т. д.». Что я и сделал. [См. выше. — А. А.] Заявление было принято.

Десять дней спустя, 22 декабря, я был приглашен тов. Комышаном, как оказалось, только для того, чтобы взять с меня как потерпевшего (или заявителя) «объяснение» (форма аналогичная протоколу допроса свидетеля, с подписью: «с моих слов записано верно»). Никакой новой информации, по сравнению с текстом заявления, этот документ не содержит.

Инспектор сказал, что такое объяснение надо было взять у меня одновременно с принятием заявления и попросил моего согласия датировать его «задним числом»: 11.12.83. Я согласился. [А зря! — А. А.]

На мой вопрос, что последует дальше, инспектор Комышан заметил, что ответ на мое заявление будет, по всей вероятности, отрицательным (отказ в возбуждении уголовного дела), о чем мне официально сообщат в течение нескольких дней.

Я поинтересовался мотивами предполагаемого отказа, однако вразумительного ответа не получил и предпочел ждать письменного ответа. Жду уже полтора месяца.

(Записано 28.01.84)

Ремарка: правовое положение потерпевшего.

Может вызвать удивление «нерешительность» автора насчет подачи заявления о возбуждении уголовного дела — по явному факту преступления. Между тем тут было над чем задуматься. (И это не отражено в тогдашней записи!)

В действительности, социолог-испытатель опасался, что его как потерпевшего начнут допрашивать, как это обычно бывает в таких случаях, о круге людей (знакомых), бывавших в квартире: ведь следствию нужно строить свои «версии»! После только что (в октябре 1983 г.) с трудом отраженных попыток допроса в качестве свидетеля по уголовному делу «гр-на В.» мне вовсе «не улыбалось» оказаться в аналогичном положении, хотя бы и в роли потерпевшего по другому делу.

Ведь правовое положение потерпевшего регулируется (кстати, и по сей день) теми же статьями Уголовно-процессуального и Уголовного кодексов, что и правовое положение свидетеля.²⁴

Было не лишнее оснований предположение, что вся ситуация «спланирована» — для психологического давления и для создания новых поводов задавать субъекту (или его знакомым) вопросы, не имеющие отношения к делу.

К событиям вокруг «таинственного» налета на квартиру еще вернемся. См. в главе 9: раздел «Потерпевший, милиция, прокуратура...». Сейчас же ограничимся резюме этой истории из позднейшего документа. См. ниже. (Сентябрь 1999 — октябрь 2000).

7.9.2. «Связь между обыском и налетом на квартиру вовсе не исключена...»

Из инициативной аналитической записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (апрель 1986)

<...> Два месяца спустя после обыска мне довелось оказаться в положении не только «заподозренного» по валютному делу, но и в роли потерпевшего по делу, позднее квалифицированному по статье о нарушении неприкосновенности жилища граждан. 11 ноября 1983 г. произошел налет на квартиру: входная дверь взломана, квартира разгромлена и... никаких пропаж. Я обратился в милицию с просьбой о розыске и привлечении к ответственности неизвестных преступников.

И тут возникла как бы зеркальная, по сравнению с обыском, ситуация.

Свыше полутора лет 60-е отделение милиции г. Ленинграда отказывалось возбуждать уголовное дело под предлогом то «отсутствия состава преступления», то «малозначительности» действия, якобы «не представляющего общественной опасности». Пришлось обратиться в прокуратуру. Только в мае 1985 г. прокуратурой Василеостровского района было возбуждено уголовное дело <...>.

Но и после этого дело не сдвинулось с мертвой точки, а после моего обращения в городскую прокуратуру с жалобой, начались новые нарушения законности.

<...> Надо сказать, что работники милиции расспрашивали меня и мою жену не столько о налете на квартиру, сколько о предшествовавшем ему обыске. Связь между двумя столь разнопорядковыми событиями, действительно, не исключена. <...>

А. Алексеев, апрель 1986

* * *

Из книги Д. Серебрякова «Особенности национального следствия» (1999)

<...> Отнюдь не самый выгодный статус в процессе следствия, как бы привлекательно ни звучало это гордое слово — «потерпевший».

²⁴ См. выше: «Мой правовой ликбез» и др. разделы

<...> В целом (Автор позволит себе ненадолго отвлечься) общая картина в расследовании уголовных дел складывается немного странноватая — с одной стороны, имеют место постоянные нарушения гражданских прав подозреваемых, с другой стороны — законные права и интересы потерпевших соблюдаются через пень-колоду. Единственное «светлое пятно» в этой мрачной картине — Права следователей и сотрудников Правоохранительных Органов. Потерпевших, обвиняемых, а затем и все население в целом сажают «по другую сторону стола», и это определяет положение в обществе. Происходит четкое разграничение граждан на «ксивных» и «бесксивных», одним из основных критериев является некое мифическое «право» трактовать Закон в соответствии с уровнем собственной образованности или выгоды для себя лично.

Конечно же, лишней работы никто для себя не ищет, но положение в Системе современного Правосудия ставит Правоохранительные Органы не на службу своего народа, а как бы наоборот — выделяет их в некую касту и ставит граждан в позицию подчинения. Зависимость удовлетворения просьбы или Законного требования обычного человека, обратившегося за этим к Системе, от сиюминутного настроения сотрудника или его желания работать превращает все действие в выпрашивание милостыни.

И только практическое знание Законов и умение пользоваться ими как Инструментами для достижения цели обеспечит Вам соблюдение Ваших прав. <...>

(Д. Серебряков. Особенности национального следствия. Лучшие комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Ч. 1. СПб.-М., 1999, с. 133, 136–137)

7.10. А жизнь идет...

7.10.1. Официальные приглашения, заказы и напоминания

Из текущей почты (октябрь-ноябрь 1983)

Уважаемый А. Н.!

Вот и наступила осень, а осенью Вы обещали вернуться к нашему предложению подготовить несколько очерков для «Советской России». Если обещание остается в силе, как говорится, пора и за работу.

Может быть, Вам удобнее переговорить для начала по телефону? Мой телефон: <...>

Зам. редактора газеты по отделу пропаганды А. Каменев, 27.10.83

* * *

Уважаемый тов. Алексеев А. Н.!

Приглашаем Вас принять участие в работе секции «Социологические исследования журналистики» (рук. — проф. Е. П. Прохоров), которая со-

стоится 6–11 февраля 1984 г. в рамках ежегодной научной конференции «Советская журналистика в 1983 году» на факультете журналистики Московского университета. <...>

Оргкомитет, 9.11.83

* * *

Уважаемый Андрей Николаевич!

Сибирское отделение Советской социологической ассоциации проводит 10–12 января 1984 года в г. Новосибирске в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР заседание секции СО ССА по количественным методам и семинар «Современные методы контент-анализа в социологии».

Приглашаем Вас принять участие в работе семинара. <...>

Ученый секретарь СО ССА Пронина Г.И., ноябрь 1983

* * * М. Левин — А.

Алексееву (январь 1984)²⁵

Дорогой Андрей!

<...> Получили ли Вы ¹¹ 8 и 9 «Молодого коммуниста» с откликами на «Овладение специальностью и овладение собой»?²⁶

Тема и сам материал настолько заинтересовали моих начальников в редакции, что они велели мне подготовить соответствующую справку для ЦК комсомола, что и было добросовестно выполнено.

<...> На днях я получил телеграмму из Новосибирска, и мало какой корреспонденции был когда-нибудь так рад: А. Г. Аганбегян сообщает, что наш материал в «ЭКО» признан одним из лучших в году и просит принять поздравления.²⁷

Признаться такого сюрприза я не ожидал. Кстати, до сих пор не знаю: прислали ли Вам оттиски? <...>

Ваш М. Левин, январь 1984

[Информация об обыске и прочих «чрезвычайных обстоятельствах» жизни социолога-рабочего пока не вышла за пределы достаточно узкого круга людей.

Во всяком случае, редакций газеты «Советская Россия», журналов «Молодой коммунист» и «ЭКО», а также иногородних оргкомитетов научных семинаров и конференций эта информация еще не достигла.

А вот автор нижеследующего письма — проф. В. А. Ядов — конечно же, хорошо осведомлен. — А. А.]

²⁵ Михаил Борисович Левин — в ту пору корреспондент журнала «Молодой коммунист». Позднее уехал в Канаду. Недавно, после многолетнего перерыва, мы встретились с МБ, навес тившим меня в Санкт-Петербурге. Ныне он — доктор философии.

²⁶ Речь идет о статье С Минаковой и А Алексеева, под указанным названием, опубликован ной в названном журнале в ¹ 10 за 1982 г. Статья вызвала поток откликов, опубликованных в «Молодом коммунисте» в августе-сентябре 1983 г.

²⁷ Речь идет о публикации в августовском номере названного журнала за 1983 г.: Молодежь и труд. Размышления социологов и журналиста // ЭКО, 1983, ¹ 8. Автор — М Б Левин. Его собеседники в названном материале: А Н Алексеев, Н Ю Щербаков, В А Ядов.

7.10.2. Социолог-испытатель востребован

В. Ядов — А. Алексееву (ноябрь 1983)

Андрей!

Вчера мне позвонили из Госкомитета по труду и социальным вопросам и просили уточнить данные, приведенные «в Вашем и Алексеева интервью в «ЭКО» относительно того, что рабочие готовы работать с б/льшей отдачей при условии справедливой оплаты труда».

Я сослался на свою статью в «СИ» [*журнал «Социологические исследования»*]. — А. А.], откуда можно извлечь данные о выборке и характере всего исследования, и где также приведены форма вопроса и ответы на него.

Далее было сказано, что Госкомтруд создал комиссию по подготовке «для правительства» предложений о решающей перестройке нормирования труда, и нас, т. е. «Ядова и Алексеева», просят дать свои предложения по этому вопросу.

Я объяснил, что такие предложения, на мой взгляд, очень интересные, есть у Алексеева. Объяснил, что А. — наш бывший сотрудник, который пошел на завод как исследователь, а затем был уволен по сокращению штатов. Сейчас он числится рабочим, не сотрудником института, и не может выступать от имени института, а только от своего имени.

Было сказано, что они будут рады получить материалы Алексеева по данному вопросу, каковые надо направлять заместителю председателя Госкомтруда Гаврилову Борису Николаевичу, со ссылкой на председателя комиссии по данному вопросу Осипова Анатолия Карповича (с которым я говорил).

Если материал поступит в течение 7 дней, он будет использован комиссией, **со ссылкой на автора**.

Я считаю, что надо **непременно** выслать эти материалы, а именно:

—обсуждение нравственных эффектов нынешней системы нормирования и, конечно, самого существования этой системы, как ты ее описываешь;

—предложения об участии рабочих в нормировании (передача в бригады, с последующим закреплением в нормативных документах). Сами рабочие должны быть **решающей** инстанцией в этом деле — основная идея.

В. Ядов, 19.11.83

[Как видно, В.А. Ядов пользуется тем, что «дело» еще не получило огласки, и, «как ни в чем не бывало», рекомендует своего коллегу Государственному комитету по труду и социальным вопросам при СМ СССР, в качестве эксперта.

Подготовленные тогда социологом-рабочим «Предложения в Госкомтруд» см. в приложениях к настоящей главе. — А. А.]

7.11. Предостереженный (Мера «профилактического воздействия»)

7.11.1. «Аспид» Из «Записей

для памяти» (январь 1984)

<...> 3.01.84, месяц спустя после отправки мною письма начальнику УКГБ ЛЮ, я был вызван к зам. директора по кадрам завода В. Л. Понома-

реву, где меня ожидали сотрудники госбезопасности: капитан-инженер Ожгихин и ст. лейтенант Веремеев. Был ознакомлен с повесткой, где предлагалось явиться в Управление КГБ (Литейный 4, подъезд 2) к тов. Владимирову Э. В. 5 января, в 14 час.

Форма повестки на бланке включала предупреждение: «В случае неявки будете подвергнуты приводу», что отвечает известным процессуальным нормам вызова в следственные органы или в суд, в определенном качестве (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый).

Однако никаких указаний на то, в связи с чем (или в каком качестве) меня приглашают, в повестке не было. Устных разъяснений ни по этому вопросу, ни по двум другим (следует ли рассматривать это приглашение как форму ответа на мое письмо начальнику УКГБ ЛО тов. Носыреву от 4.12.83; далее — могу ли я быть уверен, что приглашающий меня Владимиров Э. В. не является одним из тех лиц, действия которых я обжаловал) — также не получил.

Ввиду всего сказанного, принять эту повестку и расписаться на ней я отказался.

На вопрос Веремеева, согласен ли я встретиться с тов. Владимировым в Управлении КГБ в назначенное время, не пользуясь повесткой, я ответил утвердительно, впрочем, обусловив это необходимостью согласования с администрацией (поскольку встреча предусматривается в рабочее время). Зам. директора по кадрам Пономарев, переговорив по телефону с начальником цеха, сообщил, что согласование достигнуто.

Мы расстались с сотрудниками госбезопасности на устной договоренности о предстоящей встрече с тов. Владимировым.

Однако, как выяснилось уже в цехе, начальник цеха Данилушкин готов дать увольнительную на вторую половину дня 5.01, но без оплаты, т. е. как бы для моих **личных** нужд. Такая увольнительная, особенно в условиях работы в бригаде, предполагает обязательную отработку пропущенных часов. Таким образом, администрация как бы «идет мне навстречу», если я **желаю** отлучиться для встречи с сотрудником УКГБ.

Не имея на самом деле ни такого желания, ни крайней необходимости, я заявления об увольнительной подавать начальнику цеха не стал.

Обдумав ситуацию, на следующий день, 4 января, в обед (между 12-00 и 12-30), отправил, с ближайшей к заводу почты, телеграмму:

Ленинград Литейный проспект 4 Ленинградское управление КГБ Владимирову Э В
Сожалению наша встреча 5 января 14 часов состояться не может тчк Прошу перенести на 17 часов или любой другой день от 17 часов = Алексеев А Н (*Обратный адрес — домашний*)

Телеграмма была отправлена с уведомлением о вручении, и это уведомление я получил в тот же день, 4 января, вечером (около 22 час.).

5 января, в 13 час. к моему рабочему месту подошел начальник цеха Данилушкин и озбоченно спросил, не забыл ли я про свою договоренность о встрече в Управлении КГБ. Я ответил, что «в рабочее время надо работать».

— Вы хотите сказать, что не пойдете?

— Я перенес встречу.

— ?!

— Вчера в обед отправил телеграмму. Она получена.

К концу рабочего дня был извещен мастером Тимофеевым, что в 16-10, т. е. после окончания работы, меня (вновь) приглашает к себе зам. директора по кадрам Пономарев. Там ожидали двое сотрудников госбезопасности, один из которых — тот же, что был 3 января (Веремеев), а фамилия второго мне неизвестна. Этот второй спросил, согласен ли я сейчас встретиться с тов. Владимировым.

Я ответил: «Разумеется! Я же это и предлагал в своей телеграмме».

Уже по дороге с завода на Литейный, из обмена репликами в черной «Волге», выяснилось, что Владимиров моей телеграммы к настоящему времени еще не получил, т. е. действия сотрудников Управления КГБ с телеграммой как будто не связаны. Я показал «уведомление о вручении», которое имел с собой.

Беседа с тов. Владимировым в присутствии и при участии еще одного сотрудника УКГБ ЛО А. В. Невзорова, по-видимому, старшего по должности или по званию (оба — в штатском), началась 5.01 в 16-45 и закончилась, включая процедуру возврата изымавшихся у меня при обыске вещей и бумаг, по описи, около 20 час. То есть продолжалась чуть более 3-х часов.

Что касается моей телеграммы, то она, как мне было сообщено Владимировым, поступила к нему только во время нашей беседы. <...>
(Записано в тот же день, 5.01.84)

Ремарка: зашифрованные субъекты и «объекты».

Как водится, всякому осведомителю и всякому «объекту разработки» в органах госбезопасности присваивается своя «кличка». Например — где-то я об этом читал — у Андрея Дмитриевича Сахарова была кличка «Аскет», а у писателя Владимира Войновича — «Гранин» (вероятно, потому, что печатался в «Гранях»).

Как автору этих строк стало известно несколько лет спустя, в УКГБ ЛО он был наделен кличкой «Аспид». (Сентябрь 1999).

* * *

Из «Записей для памяти» (январь 1984)

<...> Из скромности и благоразумия [так! — А. А.], в силу соображений исключительно автоцензуры, а не формального запрета, не фиксирую на бумаге содержание и характер беседы, происходившей между гг. Невзоровым, Владимировым и мною в Ленинградском УКГБ 5.01.84. Однако бережно храню в памяти все то, что успел запомнить.
<...>

(Записано в середине января 1984 г.)

Ремарка: «Уж ломит бес...»

Сквозь «скромность и благоразумие» в протоколах социолога-испытателя иногда все же проступали следы «эпистолярного хулиганства».

В архивной композиции тех лет («Дело Алексеева, или приключения социолога-наладчика...»; см. о ней ниже), из которой я сейчас черпаю материалы для этой главы, вдруг нахожу (причем непосредственно за вышеприведенной записью о беседе в «большом доме» на Литейном) цитату из пушкинской «Гаврилади»:

«Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет;

Но, к счастью, проворный Гавриил

Впился ему в то место роковое

(Излишнее почти во всяком бое),

В надменный член, которым бес грешил.

Лукавый пал, пощады запросил

И в темный ад едва нашел дорогу.»

(А. С. Пушкин. Сочинения в трех томах, т. 2, М.: Художественная литература, 1974, с. 107)

Интересно, кого цитирующий имел в виду под «бесом», а кого под «Гавриилом»?

А дальше — вновь «бюрократический» текст. (Октябрь 2000).

7.11.2. «Информирую о беседе в УКГБ ЛО...»

А. Алексеев — партийное бюро цеха (январь 1984)

В партийное бюро цеха ¹ 3 ЛЗПМ от члена
КПСС с 1961 г. Алексеева А. Н.

Информация от коммуниста

Сообщаю в первичную парторганизацию о результатах своего обращения с письмом к начальнику УКГБ ЛО тов. Д. П. Носыреву от 4.12.83, копия которого была передана мною в партийную организацию 5.12, а также — информирую о беседе, проведенной со мною в Управлении КГБ 5.01.84.

В соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 25 декабря 1972 г. «О применении органами государственной безопасности официальных предостережений в качестве меры профилактического воздействия», Управлением КГБ, в лице подполковника Владимирова Э. В., ко мне применена упомянутая мера профилактического воздействия.

Со своей стороны, я не счел для себя возможным согласиться с предъявленными ко мне претензиями и под формулировками официального предостережения подписаться отказался.

К сожалению, более полно и точно информировать партийную организацию о содержании указанного документа не могу, так как переписать его текст мне позволено не было. Соответствующие справки, в случае необходимости, парторганизация может навести в управлении КГБ или у прокурора г. Ленинграда тов. Васильева (которому, как мне было сказано, отправлена копия документа).

Сообщаю также, что следственным отделом Кировского РУВД и Управлением КГБ мне возвращены 23 из 39 ед. хранения предметов и документов, изъятых при обыске в сентябре 1983 г. Перечень тех мате-

риалов моего личного и научного архива, в возврате которых отказано, я готов передать в партийную организацию, по первому требованию...

Ремарка: вещественные доказательства.

Среди не возвращенного были:

- «Письма Любимым женщинам», машинопись (авт. - А. Алексеев);
- «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как предмет социологического измерения», машинопись (авт. А. Алексеев);
- 7 изданий ДСП (в двух из них А. - автор, в одном редактор-составитель);
- Т. И. Заславская. Проблемы совершенствования социалистических производственных отношений и задачи экономической социологии (препринт доклада. Новосибирск, ИЭиОПП, 1983; машинопись);
- Дж. Оруэлл. «1984» (на английском);
- Мао Цзэ-дун. Цитатник (на русском);
- М. Цветаева. Письма конца 30-х гг. (машинопись);
- Ф. Искандер. Не публиковавшиеся фрагменты романа «Сандро из Чегема» (машинопись);
- «Тетради по БАМу» (конспект доклада А., рукопись).

Вот это, вместе с вопросником «Ожидаете ли Вы перемен?» (при обыске в квартире А. не обнаруженным), и стало затем «вещдоками» партийно-политического «дела». (Октябрь 2000).

...В заключение заявляю, что официальное предостережение органов госбезопасности СССР мною как гражданином и коммунистом принято к сведению, хотя я и не могу согласиться с содержанием этого предостережения.

А. Алексеев, 8.01.84

[Пожалуй, нестандартный жанр официального обращения: не «заявление», а «информация от...»; не «прошу...», а «сообщаю...»; «не согласен», но - «принял к сведению». - А. А.]

7.11.3. 104 или 103 страницы в «единице хранения» ¹ 17?

[Все же, отказавшись от составления исчерпывающего протокола беседы в Управлении КГБ (вспоминаю, что беседа была «миролюбивой»; получить какую-либо новую для себя информацию сотрудники госбезопасности, по-видимому, не рассчитывали, а итог беседы был предreshен заранее: «официальное предостережение!»), социолог-испытатель отразил в своих записях один момент: перипетии возврата ему части изъятого при обыске. См. ниже. - А. А.]

Из «Записей для памяти» (январь-февраль 1984)

<...> Я принимал возвращаемые материалы с разной степенью внимательности. Так, ограничился беглым внешним осмотром папок с целостными рукописями своих произведений. <...> Однако очень дотошно обследовал возвращаемые мне конверты с обратными адресами моих кор-

респондентов. <...>. Так же внимательно освидетельствовалась мною папка с копиями собственных, в основном — личных, писем разным людям за 1982 г. (всего — 72 письма, как я потом насчитал).

Последняя была изъята при обыске целиком, при том, что письма не были пронумерованы и листы не были сброшюрованы. <...> В протоколе обыска зафиксировано, что ¹ 17 («папка, содержащая личные письма и другую переписку») содержит 104 листа.

При освидетельствовании оказалось, что в данной, возвращаемой папке не 104, а всего 103 листа. Это замеченное мною обстоятельство вызвало озабоченность моих официальных собеседников, каждый из которых лично удостоверился в том, что листов на один меньше положенного.

Было высказано предположение, что изымавшие эти материалы сотрудники ОБХСС [! — А. А.] ошиблись в подсчете количества листов. Такая возможность не исключалась и мною, но я сказал, что придется зафиксировать это расхождение с протоколом обыска — в моей расписке.

Тогда кто-то из двоих моих собеседников обратил внимание на то, что в данной папке, кроме 103-х исписанных листов лежит художественная открытка с конвертом (вид Ленинграда: Ростральная колонна) — чистая, не исписанная. Может, будем считать ее 104-м листом?

С этим предложением я согласился, хотя и знал, достоверно, что открытка эта — из другой папки (¹ 20, «Письма любимым женщинам. Часть II, 417 листов», согласно протоколу обыска). В итоге, я не стал отмечать в расписке недостачу одного исписанного листа в возвращаемой мне единице хранения ¹ 17. Чем мои собеседники были, кажется, довольны.

Примечание. То обстоятельство, что данная открытка входила в состав другой папки, известно не только мне и при необходимости может быть подтверждено. <...>

(Записано в феврале 1984 г.)

7.11.4. «Вполне доверяю партийной организации в выборе позиции, которую она сочтет нужным занять...»

Из «Записей для памяти» (январь 1984)

<...> Рукописный текст «Информации от коммуниста» [см. выше. — А. А.] был вручен секретарю партбюро цеха ¹ 3 В. И. Новикову 9.01.84, около 8-30.

Ознакомившись с ним, Новиков заметил, что «если бы было преступление, то занимались бы не профилактикой». Об Указе Президиума ВС СССР от 25.12.72 шлифовщик, секретарь партбюро цеха, так же как и слесарь механосборочных работ, старший научный сотрудник, ранее не слыхивал.

Я изложил Новикову общее содержание протокола на бланке «Официальное предостережение», насколько его запомнил. Пояснил, что формой предостережения предусмотрено перечисление тех действий, «представляющих угрозу для государственной безопасности», которые

вменяются гражданину в вину. Причем эти действия, как я сказал, описываются в выражениях, близких к формулировкам ст. 70 УК РСФСР.²⁸

Однако самой формой документа не предусмотрено перечисление доказательств ни того, что определенные действия имели место, ни того, что они действительно являются антиобщественными.

Не будучи формальным обвинением, предостережение органов госбезопасности исключает и возможность его формального обжалования, сказал я. Однако в случае совершения предостереженным лицом какого-либо преступления, все те действия, которые перечислены в этом протоколе, присовокупляются к составу преступления. (Это я пересказал стандартные формулы документа.)

Новиков спросил, настаиваю ли я на защите со стороны партийной организации, по поводу предъявленных органами госбезопасности претензий. Я сказал, что «вполне доверяю партийной организации в выборе позиции, которую она сочтет нужным занять».

Еще секретарь партбюро вернулся к предмету нашей прошлой беседы, месяц назад, и заметил, что, когда секретарь парткома Щекин звонил в Управление КГБ в связи с передачей мною в парторганизацию копии письма Носыреву, ему там сказали, что «к Алексееву претензий не имеют».

(Тогда я понял секретаря партбюро так, что это партийная организация завода, как таковая, не имеет ко мне претензий.)

В ответ на это замечание, я заверил секретаря партбюро, что «претензии» ко мне у Управления КГБ все-таки имеются. Другое дело, что я с ними не согласен. Тут Новиков заметил, что работники госбезопасности могли «не счесть нужным» информировать секретаря парткома завода об этих претензиях. С чем я согласился.

Еще я информировал секретаря партбюро о разъяснениях, полученных мною в УКГБ ЛО, касательно порядка поступления изъятых при обыске 16.09.83 материалов в эту организацию. Оказывается, по первичному ознакомлению с ними, следователь Сорокина сочла нужным выделить эти материалы из уголовного дела, возбужденного в отношении гр-на В., как могущие, по ее мнению, дать основание для обвинения по ст. 70 УК РСФСР (что подведомственно уже не органам МВД, а органам госбезопасности; ст. 126, ч. 3 УПК РСФСР).

Передача указанных материалов в УКГБ ЛО состоялась еще в сентябре 1983 г., в процессуальном порядке, в соответствии с постановлением следователя Кировского РУВД от 28.09.83.

Изучив эти материалы, с привлечением экспертов²⁹, Управление КГБ сочло необходимым применить меру профилактического воздействия — официальное предостережение, которое и было мне объявлено 5.01.84, о чем партийному бюро уже (от меня) известно.

²⁸ См выше: раздел «Мой правовой ликбез»

²⁹ Позднее выяснилось, что экспертиза производилась в Управлении по охране государственных тайн в печати при Леноблгорисполкомах, т.е. в Облгорлите. См об этом в главе 10: «Высокий партийный суд» и др. разделы

Секретарь партбюро цеха Новиков поблагодарил меня за информацию. Наша беседа продолжалась около 15 мин. <...> (Записано 12.01.84)

Ремарка: формула предостережения.

Как видно, в конце 1983 — начале 1984 г. социологу-испытателю довелось расширить круг своих эпизодических и долгосрочных социальных ролей, в частности, определяемых юридически.

Среди них: свидетель по уголовному делу; «заподозренный» (см. выше: раздел «Мой правовой ликбез»); лицо, в отношении которого вынесено постановление на обыск и выемку по месту жительства; потерпевший (см. выше: раздел «Малолетний взломщик»); «объект разработки» органов госбезопасности; наконец, «предостереженный» этими последними.

Что касается стандартной формулы предостережения, то лишь три года спустя удалось ее выяснить. Она звучит так:

«...Гр-ну (имярек) объявлено официальное предостережение о недопустимости указанных выше действий, противоречащих интересам государственной безопасности СССР, и разъяснено, что подобные поступки с его стороны в дальнейшем, если он не сделает надлежащих выводов, могут привести к преступлению и повлечь за собой уголовную ответственность. Ему сообщено, что о содержании предостережения будет уведомлен прокурор г. Ленинграда. Гр-ну (имярек) разъяснено также, что в случае совершения им преступления, наносящего ущерб интересам государственной безопасности, настоящий протокол будет приобщен к уголовному делу....»

...В общем — пока — не преступник. А только — **предостереженный** («профилактически»). (Сентябрь 1999).

7.11.5. «Боевая ничья»... А.

Алексеев — Б. Сазонову (январь 1984)³⁰

Здравствуй, Борис!

Спасибо за теплый новогодний привет, за память и доверие. Теперь и мне пора сообщить Тебе о своих новостях.

Помнится, я писал Тебе об обстоятельствах, задержавших отправку моей статьи. Опуская детали последующего развития событий, информирую о предварительном итоге.

Проще всего — документально: копия моего письма в авторитетную государственную организацию; копия моей информации для первичной организации; моя «заметка для памяти» от 12.01.84. [См. выше. — А. А.]

Вот такая «боевая ничья» определилась к настоящему времени. По мнению друзей, когда танк сворачивает — человек победил. Ну, может и так. Комментировать не стану.

³⁰ Борис Васильевич Сазонов — московский социолог, канд филос наук, редактор-составитель сборника НИИ системных исследований, для которого предназначалась изъятая при обыске в сентябре 1983 г., а затем возвращенная автору статья об эксперименте социолога-рабочего. Ныне Б С заведует лабораторией в НИИ системного анализа РАН (г Москва)

Подчеркивать, что в этих отправляемых Тебе текстах нет лукавства, — тоже не стану. Ты меня достаточно знаешь.

Среди возвращенных вещей — статья, писавшаяся для вашего сборника. Не возвращены — рабочие исследовательские материалы (дневники, письма, протоколы «наблюдающего участия»). Последние, так сказать, «изъяты из обращения» (хоть и не предназначались мною для этого).

Статья же (как и все остальное) исследовалась в Управлении по охране государственных тайн в печати. Управление КГБ привлекло эту организацию для экспертизы.

(Может, этим можно компенсировать отсутствие у меня акта экспертизы, приобретение которого, как я слышал, вызвало у Тебя трудности. С улыбкой рекомендую, в случае безвыходного положения, запросить в УКГБ ЛО подтверждение, что государственных тайн в статье нет.)

Вообще говоря, формальных противопоказаний для использования моей работы о «человеке в системе реальных производственных отношений», как будто, нет. Остаются — другие проблемы: истекшие сроки, превышенный объем статьи, мера ее тематической вписанности в сборник...

Из последних производственных событий, «не отраженных» в статье: после увольнения моего бывшего ученика я с 1 декабря [1983 г. — А. А.] вернулся на свой станок, на котором теперь работаю сдельно, в бригаде на единый наряд, причем с резким повышением зарплаты. Много и всякого другого интересного, но — до встречи. <...>

С новым 1984-м годом! Поклон — Тане. От Нели — тоже.

Твой Андр. Ал., 15.01.84

Ремарка: три фактора «успеха».

«Только» предостереженный!.. Большинство друзей это расценивалось как успех. Одна из моих тогдашних корреспондентов отнесла то, что «удалось выйти из противоборства с авторитетной организацией с Вашим прочным перевесом», — исключительно за счет поведения социолога-испытателя.

Из ответного письма (февраль 1984):

«...Ваша оценка лестна. Но, думаю, дело не только в моем поведении. Сработали три фактора: а) историческая ситуация; б) поведение других людей; в) собственное поведение. А. А. 25.02.84».

Впрочем, «дело» только начиналось... (Октябрь 2000).

7.12. Играем по правилам 7.12.1.

Прокуратура Ленинграда надзирает за следствием

Из «Записей для памяти» (январь 1984)

<...> 23.01.84 был на приеме в городской прокуратуре у ст. помощника прокурора г. Ленинграда по надзору за следствием в органах госбезопасности И. В. Катуковой. Тов. Катукова проявила осведомленность об обстоятельствах дела, помнила и о своем ответе мне от 16.01.84.

[Соответствующее заявление социолога-испытателя в городскую прокуратуру и ответ оттуда, за подписью И.Катуковой, касались вопроса о возврате материалов, изъятых при обыске. — А. А.]

Это заставило меня отказаться от подробного изложения «предыстории», и я ограничился объяснением лишь непосредственного повода своего обращения: недоумение относительно содержания ответа из прокуратуры, за ее, тов. Катуковой, подписью. <...>

Вкратце

В ответе сообщалось, что «все материалы за исключением литературы, не подлежащей ввозу и распространению на территории СССР, Вам (т.е. мне. — А. А.) возвращены». Между тем не возвращены были как раз мои собственные сочинения, понятно, ниоткуда не «возвизившиеся».

...Тов. Катукова проявила сдержанный интерес к предъявленному мною перечню предметов и документов, изъятых во время обыска и оставшихся не возвращенными. Этот перечень моя собеседница пожелала оставить у себя. Она также оставила у себя предъявленный ей текст ее собственного ответа от 16.01.84, чтобы затем, сверившись не только с моим перечнем, но и с самими материалами, задержанными Управлением КГБ, принять решение о необходимости (или отсутствии необходимости) давать своему ответу иную редакцию.

Во всяком случае, на мое замечание о несоответствии формулировки ответа за ее подписью фактам и здравому смыслу помощник прокурора г. Ленинграда не возразила.

Другую часть обращения, где я настаивал на информировании меня об источниках сведений, будто гр-н В. «мог хранить» в моей квартире валютные ценности и т. п., тов. Катукова отклонила: надзор за следствием и дознанием в органах внутренних дел (в отличие от органов госбезопасности) в ее прерогативы, как она сказала, не входит.

Как мне сообщено тов. Катуковой, в отношении гр-на В. было возбуждено уголовное дело не только по ст. 88 (нарушение правил о валютных операциях), но и в связи с фактами хранения и распространения им литературы, не подлежащей ввозу в СССР. Правда, в этой части дело в отношении него ныне прекращено, заметила она.

Я сказал, что в данном пункте своего заявления мог опираться только на формулировки постановления следователя Сорокиной о производстве обыска в моей квартире, где об этом ничего не сказано.

Тов. Катукова сообщила мне свой телефон (210-03-42, Инесса Васильевна), а также телефон своего секретаря <...>, и предложила позвонить через две недели. Ее приемные часы в городской прокуратуре — понедельник, с 9-30 до 11-00.

Я был первым в этот день на приеме у помощника прокурора города по надзору за следствием в органах госбезопасности. Очереди за мной не было. Беседа продолжалась около 15 мин.

* * * <...> 25.01 был на приеме в городской прокуратуре у тов. Шумиловой, замещавшей начальника отдела прокуратуры г. Ленинграда по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел Д. И. Малькова (приемные часы: среда, с 11-00 до 13-30). Здесь была очередь.

Я информировал Шумилову о том, что на свое письмо Малькову, от 11.12.83, недавно получил ответ от работника прокуратуры Катужковой, но только в той части, которая относится к действиям органов госбезопасности; а ответа на вопрос об источнике ложной информации обо мне, как возможном укрывателе валютных ценностей и других предметов и документов, могущих иметь значение для уголовного дела, возбужденного в отношении гр-на В., так и не получил.

По существу заявления тов. Шумилова ответила мне отрицательно, мотивируя это «тайной следствия» (пусть даже законченного следствия!). Что касается отсутствия письменного ответа, то работник прокуратуры согласилась с необходимостью исправить это упущение.

Зафиксировав нынешнее обращение к ней в регистрационном журнале, моя собеседница сказала, что соответствующий ответ будет дан, как положено, в **месячный**, с момента последнего (настоящего) обращения, срок.

(Записано в январе 1984 г.)

7.12.2. Правила для государственных и общественных органов

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР

«О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» (от 12 апреля 1968 г., с изменениями и дополнениями в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 4 марта 1980 г.)

<...> 1. Государственные и общественные органы, предприятия, учреждения и организации, их руководители, другие должностные лица обязаны принимать и в соответствии со своими полномочиями, в установленные настоящим Указом и другим законодательством Союза ССР и союзных республик порядки и сроки — рассматривать предложения, заявления и жалобы граждан, давать на них ответы и принимать необходимые меры.

<...> 3. В целях своевременного рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан:

предложения и заявления подаются гражданами в те государственные и общественные органы, предприятия, учреждения, организации или тем должностным лицам, к непосредственному ведению которых относится разрешение данного вопроса; жалобы подаются в те органы или тем должностным лицам, которым непосредственно подчинены государственный, общественный орган, предприятие, учреждение, организация или должностное лицо, действия которых обжалуются.

<...> Государственные и общественные органы, предприятия, учреждения, организации, их руководители и другие должностные лица, к ведению

которых не относится решение вопросов, поставленных в предложениях, заявлениях, жалобах, направляют их не позднее чем в пятидневный срок по принадлежности, извещая об этом заявителей, а при личном приеме разъясняют, куда им следует обратиться.

5. Запрещается направлять жалобы граждан для разрешения тем органам или должностным лицам, действия которых обжалуются.

<...> 7. Государственные и общественные органы, предприятия, учреждения, организации, их руководители и другие должностные лица при рассмотрении предложений, заявлений и жалоб обязаны:

внимательно разбираться в их существе, в случае необходимости истребовать нужные документы, направлять работников на места для проверки, принимать другие меры для объективного разрешения вопроса;

принимать обоснованные решения по предложениям, заявлениям, жалобам, обеспечивать своевременное и правильное исполнение этих решений;

сообщать гражданам в письменной или устной форме о решениях, принятых по предложениям, заявлениям, жалобам, а в случаях их отклонения указывать мотивы; по просьбам граждан разъяснять порядок обжалования.

<...> 8. Гражданин, не согласный с решением, принятым по его предложению, заявлению, жалобе, имеет право обжаловать это решение в тот орган или тому должностному лицу, которым непосредственно подчинены государственный, общественный орган, предприятие, учреждение, организация или должностное лицо, принявшие обжалуемое решение.

9. Заявления и жалобы разрешаются в срок до одного месяца со дня поступления в государственный, общественный орган, на предприятие, в учреждение, организацию, обязанные разрешать вопрос по существу, а не требующие дополнительного изучения и проверки — безотлагательно, но не позднее 15 дней.

<...> В тех случаях, когда для разрешения заявления или жалобы необходимо проведение специальной проверки, истребование дополнительных материалов либо принятие других мер, сроки разрешения заявления или жалобы могут быть в порядке исключения продлены руководителем или заместителем руководителя соответствующего органа, предприятия, учреждения и организации, но не более чем на один месяц, с сообщением об этом лицу, подавшему заявление или жалобу. Предложения граждан рассматриваются в срок до одного месяца, за исключением тех предложений, которые требуют дополнительного изучения, о чем сообщается лицу, внесшему предложение.

<...> 18. Действие настоящего Указа не распространяется на порядок рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, установленный уголовно-процессуальным, гражданским процессуальным законодательством Союза ССР и союзных республик, Положением о порядке рассмотрения трудовых споров, Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, Уставом связи и другим законодательством Союза ССР и союзных республик. <...>

(Цит. по: Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, ¹ 11, ст. 192; см. также: О работе с письмами трудящихся. Сборник нормативных актов. М.: Юридическая литература, 1986, с. 22–28)

[Я долго искал соответствующие нормы в современном российском законодательстве. Не нашел. Обратился к профессиональным юристам и выяснил, что этот Указ Президиума ВС СССР 1968 г. действует и по сей день. — А. А. Декабрь 2000]

7.12.3. Прокуратура Ленинграда надзирает за следствием (окончание)

Из «Записей для памяти» (февраль 1984)

<...> Десять дней спустя, 4 февраля (суббота), по возвращении из театра («Необычайные приключения на волжском пароходе» в Театре им. Ленинского Комсомола), обнаружил в почтовом ящике письмо за подписью и.о. городского прокурора, ст. советника юстиции В.А. Немченко, от 1.02.84. Это письмо дублировало ранее полученный ответ за подписью ст. помощника прокурора по надзору за следствием в органах госбезопасности Катуковой, от 16.01.84, однако — **в новой редакции**:

...05.01.84 года материалы обыска, за исключением литературы, не подлежащей ввозу, **вывозу** (выделено мною. — А. А.) и распространению на территории СССР, Вам возвращены. (Ранее было: «за исключением литературы, не подлежащей ввозу и распространению...». — А. А.). Оснований к возврату Вам этих материалов не имеется...

Ремарка: «ввоз» и «вывоз»...

Понятие «литература, не подлежащая вывозу...», естественно, отсутствует в Законе. Можно предположить, что имелись в виду если не письма и дневники социолога-рабочего, то изъятые при обыске издания «для служебного пользования». (Сентябрь 1999).

...В понедельник, 6 февраля, как раз истекали две недели со времени визита к Катуковой, когда та просила связаться с нею. Я позвонил ее секретарю и попросил записать для начальника информацию: «Звонил Алексеев; он получил письмо за подписью и.о. городского прокурора Немченко и благодарен Инессе Васильевне за оказанное ему (т.е. мне) внимание».

Секретарь оказалась заранее предупреждена о возможности звонка. Она обещала передать мою телефонограмму по назначению.

* * * <...> Все ответы из прокуратуры (городской и районной) поступали ко мне в конвертах одной серии (картинка: «бабочка», хотя расцветка крыльев и разнообразится). Складывается впечатление, что эта серия почтовых конвертов является «фирменной» для ленинградской прокуратуры. <...>

(Записано в феврале 1984 г.)

Ремарка: *от «Писем...» — к «записям для памяти».*

Жанр «записей для памяти», сложившийся у социолога-испытателя в тот период, являет собой стилистическую противоположность письмам и дневникам предшествующих лет.

Фиксируя только события, эти записи отодвигают личностное отношение к ним в глубокий подтекст. Они адресованы самому себе и... кому угодно — от личных друзей до официальных лиц, которые могут этими протоколами наблюдающего участия «поинтересоваться».

Характерным для «записей для памяти» тех лет является также представление официальных лиц реальными именами и фамилиями, а лиц, с которыми автора связывают личные отношения, — только инициалами или псевдонимами.

(В прежних протоколах наблюдающего участия, вроде «Писем...», под псевдонимами фигурировали и те, и другие.)

(Сентябрь 1999 — сентябрь 2000).

7.13. И еще один «свидетель по валютному делу»...

От автора — сегодня

Здесь пора рассказать о событиях, приключившихся в конце 1983-го — начале 1984-го года с моим давним другом и коллегой, научным сотрудником Института социально-экономических проблем АН СССР Борисом Дмитриевичем Беликовым.

*В его квартире тогда тоже был произведен обыск, причем **одновременно** со мной — 16 сентября 1983 г., и по тому же самому уголовному делу¹ 21941 (возбужденному в отношении «гр-на В.», с которым Б.Б. был в ту пору знаком, кажется, еще меньше меня).*

Разумеется, ничего имеющего отношения к упомянутому делу у него обнаружено не было. Зато... сотрудник ОБХСС Варвашиеня (это — фамилия) отыскал 84 фотопленки — микрофильмы книг. Вместе с пишущей машинкой (как и у меня) и использованными листами копирки («а что там перепечаты-валось?»), заинтересовавшие исполнителя обыска фотопленки были забраны у Б. Б. «оптом».

В основном это были микрофильмы редких книг типа: «Полное солнечное затмение 1914 года»; «Труды по знаковым системам»; «Философия математики» Бертрانا Рассела на английском языке; публикация «Улитки на склоне» бр. Стругацких в журнале «Байкал» 70-х гг. Но среди них оказалось также несколько фильмокопий изданий «не подлежащих ввозу и распространению на территории СССР», вроде «Доктора Живаго» Б. Пастернака или «Второй книги» Н. Мандельштам.

Дальше — та же схема, что и у меня: вызов к следователю Кировского РУВД Сорокиной в качестве «свидетеля» по делу; возврат пишущей машинки; «выделение» материалов обыска из дела В.; приглашение в Управление КГБ... В итоге Борису Беликову было также объявлено официальное предостережение органов госбезопасности (7.02.84, т. е. месяцем позже, чем мне; кстати, тем же подполковником Владимировым).

В октябре 1984 г. эти обстоятельства были обнародованы по месту работы Б. Б. После проведенного там обсуждения Борис понял, что ему в институте больше не работать.³¹

Уволившись из академического института «по собственному желанию», Б. Беликов, будучи физиком по базовому образованию, завербовался на несколько лет в качестве начальника сейсмостанции на Чукотку.

* * *

Два частных эпизода из этой старой «детективной» истории. Первый. За несколько недель до обыска Борис столкнулся со странными стечениями событий.

...Вот звонит в дверь незнакомый человек, объясняет: ему нужен карандаш, чтобы написать записку соседям, которых он не застал дома. Хозяйка оставляет его на минуту в коридоре, а когда приносит спрашиваемое, застаёт того за внимательным рассматриванием дверного замка.

Несколько дней спустя довольно неуклюже выстраивается ситуация, при которой никого не оказалось бы дома: жена Бориса — на работе; дочь — в школе; сам Борис срочно вызван в отдел кадров института, якобы для уточнения анкетных данных; а пожилую мать Бориса в это самое время (опять же срочно!) телефонным звонком приглашают в собес. Когда та отказалась, ссылаясь на состояние здоровья, выходит одна из дома... предлагают прислать за ней машину (так пенсионерка вдруг понадобилась собесу!).

Мать Бориса от любезного приглашения все-таки уклонилась. (На следующий день надобность явки в собес так же беспричинно отпала.) Если предполагался негласный досмотр квартиры, то устроить его не удалось.

Второй эпизод (мы с Борисом потом вспоминали его с улыбкой). Обыски в наших квартирах начались примерно в одно и то же время, около 17 час. У него эта процедура закончилась раньше. Борис решил, что следует срочно известить друга о происшедшем. Телефона у меня тогда не было. Б. Б., приезжает ко мне домой поздно вечером и застаёт... ту же картину.

А по закону, «лицам, приходящим в это помещение или место» (где производится обыск), можно «запретить покидать его» (ст. 170 УПК РСФСР). Ну, Бориса все же «отпустили» (записав все паспортные данные), и он успел вернуться к себе домой на метро.

Так, довелось моему коллеге в этот день присутствовать сразу на двух обысках.

* * *

Почему у меня и у Б. Беликова обыски — в один день? В отличие от социолога-испытателя, Б. Б. никому «поперек дороги» не стоял... Наша гипотеза была такова.

Тасия Беликова, жена Бориса, незадолго до этого перепечатывала на машинке докторскую диссертацию моей жены Нелли Крюковой (биохимики). Нам случалось обсуждать это по телефону. Если разговор прослушивался, могло возникнуть предположение, что перепечатывается вовсе не диссертация, а что-то другое, например: материалы опроса «Ожидаете ли Вы перемен?», о котором в Управлении КГБ было уже, по-видимому, известно.

³¹ Подробнее см. в главе 9: разделы «ИСЭП-1984...» и «Управление УКГБ ЛО за работой 1984–1985»

Потому, наверное, и изымали при обыске в квартире Беликовых использованные листы копировальной бумаги.

Предположение сотрудников ГБ не подтвердилось. (И в самом деле, оно было ошибочным!) Но за микрофильмирование романа Б. Пастернака и воспоминаний Н. Мандельштам — мой друг расплатился «сполна»...

* * *

По возвращении с Чукотки в конце 80-х, Б. Беликов стал работать в Ленинградском филиале Института социологии АН СССР (ныне — Социологический институт РАН). Но это уже другая история.

А. А., сентябрь 1999 — ноябрь 2001

7.14. Траурный митинг (смерть Андропова). «Быть начеку...» (ленинская заповедь)

...Нам надо трезво представлять, где мы находимся. Забегать вперед — значит выдвигать неосуществимые задачи; останавливаться на достигнутом — значит не использовать все то, чем мы располагаем. Видеть наше общество в реальной динамике, со всеми его возможностями и нуждами — вот что сейчас требуется...

Ю. В. Андропов. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР (цит. по: Ю. В. Андропов. Избранные речи и статьи. М.: ИГЛ, 1983, с. 245)

Из «Записей для памяти» (февраль 1984)

<...> Траурный митинг в связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. **Ю. В. Андропова** на нашем заводе состоялся в понедельник 13 февраля 1984 г., в 11-15.

Я был приглашен на митинг партгруппом нашего участка, токарем Е. Лобовым, в качестве члена КПСС.

Митинг происходил в одном из пролетов 1-го цеха (3-й этаж).

Митинг открыл секретарь парткома завода Щекин. На митинге выступили: токарь 4-го цеха, Герой Социалистического Труда Захаров; начальник узла связи завода, ветеран Великой Отечественной войны Михайлова; директор завода, лауреат Государственной премии Долбежкин; слесарь, комсорг 3-го цеха Лапухов.

Траурный митинг памяти Ю. В. Андропова продолжался около 15 мин. <...>
(Записано 14.02.84)

* * *

Из выступления кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, председателя Комитета государственной безопасности СССР В. М. Чебрикова на встрече с избирателями Сухумского-Ленинского избирательного округа по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР 20 февраля 1984 г.

<...> Защищая интересы нашего государства и общества, органы госбезопасности тем самым защищают интересы и каждого советского гражд-

данина, ибо эти интересы в социалистическом обществе полностью совпадают. Именно поэтому органы государственной безопасности в своей деятельности, которую они проводят при строгом соблюдении социалистической законности, неизменно находят полное доверие и поддержку трудящихся. Применяя силу закона к тем, кто его нарушает, органы госбезопасности в то же время проводят большую работу по оказанию профилактического воздействия на лиц, допускающих политически вредные проявления. Чекисты настойчиво борются за каждого оступившегося советского человека.

Эффективным оружием в борьбе с любыми происками классового врага является политическая бдительность советских людей, постоянная готовность исполнить свой патриотический долг. В. И. Ленин указывал: «...пер-вой заповедью нашей политики, первым уроком, ...который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — **быть начеку...**» [*выделено мною. — А. А.*] В нынешней сложной международной обстановке эта заповедь вождя революции является исключительно актуальной.

Повышение бдительности, воспитание классового чутья, чувства гордости за свою Родину, умения правильно ориентироваться в сложных ситуациях, твердости в своих убеждениях и способности отстаивать их — это наше общепартийное, общегосударственное, общенародное дело...

(Правда, 21.02.84)

[*Обойдусь без комментариев. — А. А.*]

* * *

В Архиве

О чем историк умолчал стыдливо,
Минувшее не вычерпав до дна, О
том на полках старого архива,
Помалкивая помнят письма.
Бумажная безжалостная память, Не ведая
ни страха, ни стыда, Немало тайн сумела
заарканить В недавние и давние года.
Пером запечатленные навеки, Здесь тысячи
событий и имен Как бы в непотопляемом
ковчеге Плывут по миру бурному времен. И
отметая все хитросплетенья, История —
бессмертная карга — Здесь словно Ева в
час грехопаденья, Бесхитростно бесстыдна
и нага.

В. Шефнер

Приложения к главе 7

П. 7.1. Случай в Варадеро (политико-социологический экспромт. 1983)

[Нижеследующая работа в оригинале называлась: «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как предмет социологических измерений (опыт любительского исследования)». Что довольно точно обозначает ее содержание.

Была написана в апреле 1983 г., во время пребывания автора в туристской поездке на Кубе. В известном смысле, может служить образцом «не санкционированного» исследования.

Здесь публикуется в сокращении. — А. А.]

Работа, написанная на досуге (1983)

1. Нейметя людям

(ситуационно-психологическая мотивировка исследования)

Двое советских туристов встретились далеко за рубежом, почти в тропиках, на берегу сияющего лазурью океана. Сидеть бы под пальмой, да греть кости...

Но нейметя людям! Придумали себе «пулюку». Один оказался профессиональным статистиком, другой — профессиональным социологом, и оба — историками-любителями. Один из двоих — вроде бы и не зная зачем! — хранит в своей памяти массу статистически и хронологически упорядоченных фактических сведений об именитых спортсменах и академиках, космонавтах и лауреатах. Среди прочего также — всю 65-летнюю хронологию кадровых перемещений в высшем политическом руководстве нашей Родины... Другой предложил применить к этому «информационному банку» кое-какие содержательно обоснованные математические процедуры.

В итоге возник кисло-сладкий (как некоторые тропические фрукты) плод досуемого (свободного), любительского (научного) творчества двоих советских туристов за границей.

2. Америка давно открыта (вместо научного введения)

Эта «америка» математико-исторических, равно как и политико-социологических исследований, с использованием количественных методов, — давно открыта... Небось наши нынешние соседи, по ту сторону субтропического залива, давно нас опередили. Но исследователи-любители не гоняются ни за славой, ни за приоритетом. Им доставляет удовольствие сам процесс постижения реальности, в котором они, по своей любительской бесхитростности, не знают табу...

3. Задачи любительского исследования

Предлагаются следующие формулировки исследовательских задач, в их логической последовательности:

а) Разработка методики измерения внутренней стабильности и интенсивности обновления состава высшего политического руководства страны (на примере советской политической системы).

б) Оценка степени внутренней стабильности состава высшего политического руководства советского общества, в различные исторические периоды.

в) Оценка степени интенсивности обновления состава высшего политического руководства советского общества, от одного исторического периода к другому.

г) Анализ изменений внутренней стабильности и интенсивности обновления, или исторического режима воспроизводства высшего политического руководства страны, за 65 лет.

4. Объект и предмет исследования.

Уточнение понятий и обоснование способов измерения

Под **высшим политическим руководством**, в строго операциональном смысле, будем понимать совокупность конкретных лиц (политических деятелей, исторических личностей), осуществляющих, с большей или меньшей степенью коллегиальности, функции принятия основных внешне- и внутривнутриполитических решений относительно обстоятельств существования и развития данного общества. Такая совокупность лиц, очевидно, не может быть слишком большой; она должна быть достаточно четко организационно оформленной; наконец, при всех возможных изменениях в составе высшего политического руководства, последнее должно характеризоваться определенной преемственностью состава.

Нам представляется, что всем указанным требованиям, в случае советского общества, удовлетворяет такой орган политического руководства, как Политбюро ЦК КПСС (в период 1952–1966 годов этот орган назывался Президиумом ЦК КПСС).

Всего за период с марта 1919 г. (момент учреждения Политбюро как элемента партийной структуры) по ноябрь 1982 г. (момент, на котором завершается наше наблюдение) в составе Политбюро (Президиума) нашей партии (ВКП(б) — КПСС) — последовательно состояли 72 исторических личности. *[Речь идет только о членах Политбюро, кандидаты в члены Политбюро не учитывались. — А. А.]* При этом количественный состав Политбюро (Президиума) в разные годы колебался, от 5 до 25 чел.

Под **внутренней стабильностью** состава высшего политического руководства будем понимать меру устойчивости или неизменности кадрового состава руководящего органа на протяжении конкретного исторического периода.

В таком случае, степень внутренней стабильности состава политического руководства за данный период времени целесообразно измерять коэффициентом, принимающим наивысшее значение в случае, когда ни один из членов соответствующего политического органа не выходил из него и ни один не вводился, в течение всего этого периода. Такой коэффициент может быть рассчитан по формуле:

$$r(\text{внутр. стаб.}) = \frac{\text{Сумма } d(i)}{D \cdot N}, \quad (1)$$

где: $r(\text{внутр. стаб.})$ — степень внутренней стабильности состава высшего политического руководства страны за данный период времени;

D — продолжительность исторического периода (в целых годах);

N — число исторических личностей, одновременно или последовательно состоявших в высшем политическом органе в течение данного периода;

$d(i)$ — продолжительность пребывания в составе высшего политического руководства страны i -того члена из списка исторических личностей, входивших в состав указанного органа, в пределах данного периода.

Понятно, что степень внутренней стабильности $r(\text{внутр. стаб.})$ тем выше, чем меньше было «выходов» и «вхождений» в состав высшего политического органа за этот период. И, напротив, она тем ниже, чем больше было таких выходов и вхождений. Вообще, наш коэффициент $r(\text{внутр. стаб.})$ есть не что иное, как отношение среднего «стажа» пребывания исторической личности в высшем политическом органе в пределах данного периода к общей продолжительности соответствующего периода.

Значение коэффициента может варьировать от сколь угодно малой величины (при большом количестве кадровых перемещений) до единицы (при полном отсутствии кадровых изменений за данный период времени).

Вопрос о разбиении всей истории советского общества на периоды достаточно сложен. Можно использовать формальное подразделение по равным интервалам, например $D = 5$ лет. Такой способ удобен, в частности, тем, что позволяет достаточно строго выстраивать тренды (график) внутренней стабильности состава высшего политического руководства страны и выявлять «переломные» моменты.

Другой подход к периодизации — содержательный. Здесь в качестве границ между периодами берутся некоторые исторические события, существенные с точки зрения целей исследования. К таким историческим событиям, очевидно, относятся **смены главного политического лидера**, которых за 65-летнюю историю советского общества было всего пять. Можно предположить, что эти рубежи будут характеризоваться как раз минимальными значениями показателя внутренней стабильности, замеренного по пятилетиям. Такова наша **гипотеза**.

В качестве целевой, содержательной периодизации нами предлагается следующая:

Таблица (1)

Период	Условная хронологическая граница между периодами	Продолжительность периода (в целых годах)
Период 1. 1919–1924	март 1919	5
Период 2. 1924–1941	январь 1924	16
Период 3. 1941–1953	июнь 1941	12
Период 4. 1953–1964	март 1953	11
Период 5. 1964–1982	октябрь 1964	18
Период 6. 1982 —	ноябрь 1982	?

Как нетрудно заметить, неодинаковая продолжительность выделенных исторических периодов ставит под вопрос возможность использования нашего коэффициента γ (внутр. таб.) для целей сопоставления этих периодов в интересующем нас отношении. Ведь предложенный коэффициент обратно пропорционален продолжительности периода D : чем этот период больше, тем — хотя бы по чисто естественным причинам — меньше можно рассчитывать на отсутствие кадровых изменений в политическом руководстве.

Для «выравнивания» периодов в указанном смысле, т. е. для погашения этой зависимости оказываются необходимыми специальные статистические процедуры. <...>

[Здесь опущено описание способа расчета коэффициента поправки на продолжительность исторического периода. — А. А.]

Впрочем, для содержательной периодизации очень удобно применить другие интересные показатели.

Введем еще одно понятие. Под **интенсивностью обновления** состава высшего политического руководства страны будем понимать меру изменчивости или сменяемости кадрового состава этого руководства в одном историческом периоде относительно предыдущего. Особый интерес представляет интенсивность или «скорость» обновления состава соответствующего политического органа на рубеже двух содержательно выделенных исторических периодов.

Нами предлагаются два показателя интенсивности обновления высшего политического руководства страны при переходе от одного исторического периода к другому:

— Время «полураспада» прежнего состава — t (полурасп.), или количество целых лет, которое потребовалось, чтобы в составе высшего политического органа осталось не более половины от числа исторических личностей, пребывавших в нем к концу предыдущего периода (условно исключая из этого списка нового главного политического лидера).

— Время возникновения «нового большинства» — t (нов. больш.), или количество целых лет, которое потребовалось, чтобы в новом (относительно предыдущего периода) составе высшего политического органа свыше половины составили лица, вошедшие в него уже после начала нового исторического периода (условно включая нового главного лидера в их число).

Будучи показателями по природе своей абсолютными, t (полурасп.) и t (нов. больш.) могут трактоваться и как относительные (в сопоставлении с продолжительностью соответствующих исторических периодов).

В заключение этой методолого-методической части нашей работы укажем, что как внутренняя стабильность, так и интенсивность обновления (в изложенном понимании) соответствующего политического органа характеризуют собой то, что можно назвать **историческим режимом воспроизводства** высшего политического руководства страны. Этот последний и составляет предмет нашего исследования.

5. Исходный фактический материал

Ниже представлены данные о хронологических рамках пребывания в составе Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС каждого из политических деятелей, когда-либо состоявших в этом руководящем органе.

Ремарка: извинения перед читателем.

В ныне публикуемом тексте эти данные заново выверены по «Советскому энциклопедическому словарю» (М., 1990). В момент написания работы автору приходилось пользоваться сведениями, хранившимися в феноменальной памяти его коллеги. В них впоследствии были обнаружены отдельные неточности.

Однако ошибки в исходном фактическом материале оказались не настолько велики, чтобы существенно повлиять на представленные здесь результаты тогдашней статистической обработки. (Январь 1997).

Полный список политических деятелей — членов Политбюро ЦК ВКП(б) — КПСС за период 1919–1983 гг. (72 чел.)

Крестинский (1919–1921); Ленин (1919–1924); Зиновьев (1919–1926); Каменев (1919–1926); Троцкий (1919–1926); Сталин (1919–1953); Рыков (1922–1930); Томский (1922–1930); Бухарин (1924–1929); Рудзутак (1926–1932); Калинин (1926–1946); Молотов (1926–1957); Ворошилов (1926–1960); Куйбышев (1927–1935); Киров (1930–1934); Орджоникидзе (1930–1937); Косиор (1930–1939); Каганович (1930–1957); Андреев (1934–1952); Чубарь (1935–1939); Микоян (1935–1965); Жданов (1939–1948); Хрущев (1939–1964); Берия (1946–1953); Маленков (1946–1957); Вознесенский (1947–1950); Булганин (1948–1958); Косыгин (1948–1952; 1960–1980); Андрианов (1952–1953); Игнатьев (1952–1953); Коротченко (1952–1953); Кузнецов В. (1952–1953); Мальшев (1952–1953); Мельников (1952–1953); Михайлов Н. (1952–1953); Пономаренко (1952–1953); Чесноков (1952–1953); Шкирятов (1952–1953); Первухин (1952–1957); Сабуров (1952–1957); Аристов (1952–1953; 1957–1961); Куусинен (1952–1953; 1957–1964); Шверник (1952–1953; 1957–

1966); Суслов (1952–1953; 1957–1982); Кириченко (1955–1960); Жуков (1956–1957); Беляев (1957–1960); Игнатов (1957–1961); Мухитдинов (1957–1961); Фурцева (1957–1961); Козлов (1957–1964); Брежнев (1957–1982); Полянский (1960–1976); Подгорный (1960–1977); Воронов (1961–1973); Кириленко (1962–1982); Шелест (1964–1973); Шелепин (1964–1975); Мазуров (1965–1978); Пельше (1966 —); Кулаков (1971–1978); Гришин (1971 —); Кунаев (1971 —); Щербицкий (1971 —); Андропов (1973 —); Гречко (1973 —); Громько (1973 —); Романов (1976 —); Устинов (1976 —); Черненко (1978 —); Тихонов (1979 —); Горбачев (1980 —).

Пользуясь этой суммарной сводкой, мы всегда можем определить требуемый для расчета показателя внутренней стабильности «стаж» пребывания каждого из политических деятелей в составе Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в пределах всякого отдельно взятого исторического периода. Из этих же данных может быть реконструирован состав высшего политического органа за всякий данный год. <...>

[Здесь опущено описание некоторых технических моментов статистической обработки данных вышеприведенной сводки. — А. А.]

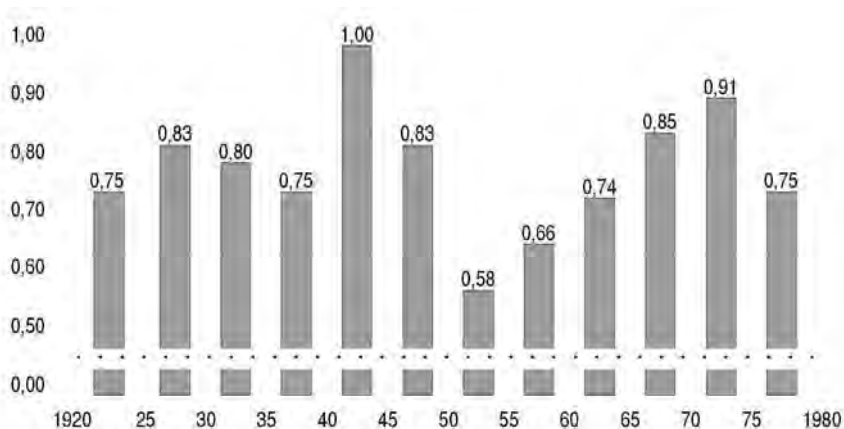
6. Расчет показателя внутренней стабильности состава высшего политического руководства советского общества с динамикой по 5-летним интервалам

При $D = 5$, формула коэффициента внутренней стабильности (1) приобретает вид:

$$r(\text{внутр. стаб.}) = \frac{\text{Сумма } d(i)}{5N} \quad (2)$$

Результаты этих простейших вычислений для каждого из 5-летних периодов с 1920 по 1980 год сведены в столбиковую диаграмму:

Динамика показателя внутренней стабильности состава высшего политического руководства советского общества

Итоговое обсуждение полученных результатов будет произведено чуть позже. Пока ограничимся предварительными наблюдениями, в основном методического характера.

Во-первых, предложенный нами показатель внутренней стабильности высшего политического руководства страны обнаруживает свою несомненную информативность. Наблюдаемая вариация значений оказывается в диапазоне от 0,58 (1951–1955) до 1,00 (1941–1945), т. е. очень велика.

Далее, колебания уровня внутренней стабильности на протяжении 60 лет предстают отнюдь не случайными и достаточно легко поддаются историко-социологической интерпретации. В основном подтверждается предположение о том, что «спады» внутренней стабильности совпадают или близки к историческим моментам смены главного политического лидера (1921–1925; 1951–1955; 1976–1980). Спад внутренней стабильности высшего политического руководства страны наблюдался также в пятилетие 1936–1940 годов.

Судя по нашему графику, снижение внутренней стабильности приходится обычно если не на само пятилетие смены главного политического лидера, то на пятилетие, предшествующее такой смене, что позволяет трактовать снижение внутренней стабильности состава высшего политического органа как **симптом** и/или **фактор** приближающейся смены главного политического лидера.

Создается впечатление, что «критериальным» порогом в вариации показателя, ниже которого есть основания говорить о возникновении или сохранении (от предшествующего периода) «внутренней нестабильности» или напряженности, является: 0,75. <...>

Вкратце

Здесь опущен опыт расчета показателя внутренней стабильности состава высшего политического руководства советского общества с динамикой по пяти выделенным ранее историческим периодам.

В целом этот способ обработки данных признается автором менее информативным, поскольку «...существенные колебания показателя наблюдаются и внутри исторических периодов, что нивелируется рассмотрением каждого из них целиком».

Но: «...достаточно наглядно видно возрастание внутренней стабильности во второй половине 60–70-х гг., после существенного спада 50-х — начала 60-х гг.».

7. Показатели интенсивности обновления состава высшего политического руководства советского общества при переходе от одного исторического периода к другому

Результаты обработки имеющихся данных сведены в таблицу.

[Автор настоящей книги еще раз приносит свои извинения читателю: именно на этих результатах могли сказаться некоторые неточности в исходном фактическом материале. Однако уместно рассматривать эти результаты лишь как пробу методики. — А. А.]

Таблица (2)

Граница историч. периода	t(полурасп.)	t(нов. больш)
1924	2 года (1926)	2 года (1926)
...		
1953	1 год (1954)	5 лет (1958)
1964	3 года (1967)	7 лет (1971)
1982		

Здесь заслуживает быть отмеченным прежде всего сам факт «обязательности» полураспада прежнего состава, равно как и возникновения нового большинства в высшем политическом руководстве страны, в рамках всякого из содержательно выделенных нами исторических периодов. В тех случаях, когда имела место смена главного политического лидера, время полураспада прежнего состава высшего политического органа оказывается весьма коротким — от года до трех лет.

8. Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны. Итоговое обсуждение результатов

Можно следующим образом охарактеризовать исторический режим воспроизводства высшего политического руководства советского общества за 65 лет.

Указанный режим воспроизводства далек от равномерности. В рамках исторической ретроспективы 1919–1982 гг. отмечаются существенные колебания в степени внутренней стабильности состава высшего политического руководства страны, как правило, обозначающие состоявшуюся или приближающуюся смену главного политического лидера.

Соответствующие снижения внутренней стабильности высшего политического органа в этих условиях обычно следуют за сменой главного политического лидера, выступающей, тем самым, непосредственным фактором этого снижения. Однако возможны и такие ситуации, когда падение уровня стабильности начинается еще до смены главного политического лидера (и, возможно, стимулирует эту смену)...

Ремарка: пороговые пятилетия.

Действительно, снижение показателя до «критериального» порога — 0.75 (или даже ниже) — наблюдалось в пятилетия, на которые приходятся: смерть В. И. Ленина, смерть И. В. Сталина, смерть Л. И. Брежнева, соответственно — связанные с этими событиями кадровые перемещения в составе высшего политического руководства.

Интересно, что такого спада внутренней стабильности не наблюдалось в период 1960–1965 гг. (когда смена главного политического лидера — Н. С. Хрущева — произошла в результате его смещения «сговорившейся» верхушкой Политбюро. (Сентябрь 1999).

...В истории советского общества отмечается критический момент, когда уровень внутренней стабильности состава высшего политического руководства страны падает особенно низко. Это середина 1950-х гг.

[Как известно, Сталин незадолго до своей смерти, в целях ослабления своего окружения, предпринял существенное расширение состава органа высшего политического руководства страны, именно тогда переименованного из «Политбюро» в «Президиум». — А. А.]

Заметные снижения этого уровня после периодов относительного подъема имели место в конце 1930-х *[время «большого террора».* — А. А.] и в конце 1970-х гг. *[последнее пятилетие «правления Брежнева».* — А. А.]

Максимально внутренне стабильным был состав высшего политического руководства страны в период Великой Отечественной войны. Из всех прочих исторических периодов наивысшим показателем характеризовалась первая половина 1970-х гг.

Для исторического режима воспроизводства высшего политического руководства страны характерна достаточно высокая интенсивность обновления состава этого руководства в период, непосредственно следующий за сменой главного политического лидера. Максимально скорым это обновление было после смерти Ленина в 1924 году. Уже два года спустя (1926) в составе высшего политического органа оставалось не более половины членов Политбюро, состоявших там при жизни Ленина. В этом же году возникло положение, при котором большинство в составе Политбюро оказалось за новыми членами.

Достаточно быстрым было обновление состава высшего политического органа и после смерти Сталина (1953). Возникновение «нового большинства» в высшем политическом органе отмечается уже в 1958 году *[сразу после изобличения «антипартийной группировки» в составе «Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепило-ва».* — А. А.]

Относительно замедленным было обновление состава высшего политического руководства страны после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС. Но и здесь уже через три года (1967) из исторических личностей, составлявших Политбюро в 1964 году, в этом органе осталось не более половины.

Для большинства исторических периодов, выделенных по критерию соотнесенности с конкретным главным политическим лидером *[В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев.* — А. А.], отмечалось своего рода **фазовое** колебание уровня внутренней стабильности (нарастание к середине, снижение к концу).

Таким образом, единными для всей 65-летней истории советского общества предстают следующие закономерности:

— относительно резкие снижения уровня внутренней стабильности состава высшего политического руководства страны, связанные со сменой главного политического лидера;

—относительно высокая интенсивность обновления состава высшего политического руководства, после смены главного политического лидера;
 —своеобразная цикличность в подъемах и спадах внутренней стабильности состава высшего политического руководства страны, определяемая 10–15-летним интервалом.

Указанная **цикличность** обусловлена, как правило, многосложным взаимодействием различных исторических причин, которые здесь не обсуждаем.

9. Предупреждение богов (вместо заключения)

Более чем скромно оцениваем мы результаты этого любительского изыскания. Они скорее состоят в демонстрации того, **что** и **как** может исследоваться (когда не отбита охота и не утрачена память).

Впрочем, то и другое потерять недолго. Подтверждения? Пожалуйста:

Настоящим хочу подтвердить, что зайти в море по пояс при шторме опасно для жизни даже прилично плавающего человека.

17 апреля 1983 года около 16 час. меня в такой ситуации отбросило на заднем скате высокой волны в море метров на 20–30 от берега. Попытки выплыть обратно не удавались в течение 10–15 мин. — относилось в море дальше, разве что я замедлял это своими усилиями. Если бы не спасатель отеля «Кариба» Мигель, оказавшийся на месте происшествия вовремя, похоже, я сам бы не выплыл. Низкий поклон Мигелю. Глубокие извинения — моим товарищам-ленинградцам, которых этот случай заставил поволноваться.

Варадеро. Куба. 17.04.83. А. А.

Выплыл — не выплыл бы (сам!) — сейчас сказать трудно...

Вообще, человеку свойственно шутить. Но «боги» шуток не понимают.
 А. Алексеев, апрель 1983

Ремарка: «...грязный пасквиль...»

Автор затрудняется определить жанр настоящего произведения. Пожалуй, пародия на научный отчет...

Примечательно, что, будучи изъято при обыске в сентябре 1983 г., данное сочинение почти не упоминалось при последовавших разборах «дела» социолога-рабочего, никак не фигурировало в официальных обвинениях. Не исключено, что это обусловлено утрированным объективизмом работы и, в силу этого, неуязвимостью для прямой идеологической критики.

*Недопустимым полагался сам **выбор объекта** исследования, попытка выяснения «анатомических» особенностей «священной коровы». В таких случаях против автора оставался единственный аргумент: **«Вы должны сами понимать...»**.*

Как мне стало известно позднее, в справке Управления по охране государственных тайн в печати (Горлит), куда этот текст посылался на экспертизу из Ленинградского ОК КПСС в 1985 г., он квалифицировался как «грязный пасквиль... под видом «социологического» исследования».

Правда, еще раньше наиболее осведомленные оппоненты социолога-испытателя (вероятно, близкие к «компетентным органам») намекали на существование некой статьи, которую «...даже обсуждать невозможно». (Сентябрь 1999).

П.7.2. Предложения в Госкомтруд

[В нижеследующей работе обобщены некоторые производственные наблюдения социолога-рабочего 1981–1983 гг., и по своему содержанию она тяготеет скорее к главам 2, 3 и 5.

Однако подготовлен этот текст был в ноябре 1983 г., на начальном этапе «дела». Так что воспринимать его следует все же в контексте описываемых здесь событий. — А. А.]

Материалы для комиссии по подготовке предложений о совершенствовании системы нормирования труда (1983)

Заместителю председателя Гос. комитета по труду
и социальным вопросам при СМ СССР тов. Б. Н. Гаврилову

1. Вводные замечания

Ниже рассматриваются некоторые данные, полученные путем непосредственного наблюдения социолога-исследователя, включенного в производство в качестве рабочего-повременщика (наладчик технологического оборудования), потом — сдельщика (слесарь в комплексной бригаде, работающей на единый наряд), и подкрепляемые материалами социологических опросов среди рабочих. <...>

[Здесь опущена информация о задачах и «реквизитах» проводимого исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего». — А. А.]

2. Основные недостатки существующей системы нормирования и их экономические последствия

Два вида очевидной рассогласованности между нормативными требованиями организации производства и фактическим положением вещей наиболее болезненно воспринимаются рабочими и серьезно препятствуют повышению производительности и эффективности труда.

Во-первых, это **рассогласование между документально зафиксированной технологией и фактической технологией изготовления изделий.**

Во-вторых, это **разрыв между нормированием производственных операций и фактическими затратами времени на эти операции.**

В результате несогласованности фактической технологии работ с технологией, предусмотренной соответствующей документацией, иногда снижается качество продукции. (Впрочем, простейшие, а иногда и достаточно сложные самодельные приспособления обеспечивают выполнение задания зачастую не только быстрее, но и более качественно; разрыв между реальной и документированной технологией сплошь и рядом свидетельствует о низком уровне инженерной, технологической подготовки производства.)

В результате же крайнего несовершенства системы нормирования утрачивают силу материальные стимулы повышения производительности труда.

Не только в языке производственников, но и в научной литературе стало обычным употребление понятий «выгодные» и «невыгодные» работы. Выгодные — те, где норма времени, в силу тех или иных обстоятельств, отстает от его фактических затрат (иногда за счет не афишируемых, инициативно изготовленных самими рабочими-сдельщиками, приспособлений, не оформленных в «рациях», как их называют производственники), невыгодные — наоборот. Это один из хорошо известных изъянов действующей системы нормирования и оплаты труда рабочих-сдельщиков. Однако масштабы этого явления, а особенно его социальные следствия, пожалуй, недооцениваются.

При одинаковой или относительно близкой разрядности двух производственных операций (т.е. требуемой для их выполнения квалификации), работая, в том и другом случае, с равной степенью интенсивности и строго соблюдая технологическую дисциплину, один и тот же рабочий может в одном случае перевыполнить норму в 5 раз, а в другом — едва достигнуть ее 25-процентного выполнения. Примерно таких наблюдаемый нами диапазон разнонаправленных несоответствий в предполагаемой и фактической трудоемкости.

В условиях действующей системы тарификации труда всякой норме времени на работу определенной степени сложности однозначно соответствует величина расценки за операцию. В таком случае основная часть заработка рабочего (без премиальных доплат) оказывается зависимой не только и не столько от меры его собственно-трудовых усилий, сколько от той комбинации нормированных работ, которая ему нынче «выпала». Рабочий озабочен тем, чтобы организовать себе устраивающую его комбинацию, низовая линейная администрация — тем, чтобы обеспечить «справедливое» распределение работ.

При этом, **более или менее стихийно, уровень заработка каждого приводится в соответствие не с его трудовым вкладом, а с общественно сложившейся оценкой его трудовой способности** (кто сколько «стоит»).

Оценка работника определяется стажем, опытом, общественным поведением, потребностью в нем (данном работнике) производства, отчасти — его личными запросами. К социалистическому принципу распределения по труду такая практика, понятно, никакого отношения не имеет.

Роль же системы нормирования для регулирования интенсивности труда работника и оценки его продуктивности при этом оказывается весьма условной, чтобы не сказать иллюзорной. Она объективно выступает скорее инструментом управления людьми, чем средством управления трудовым процессом (а кроме того, открывает возможность для злоупотребления властью распределителя работ). **Действующая сегодня система пересмотра технических норм не улучшает, но скорее усугубляет указанные недостатки нормирования труда.** Регулярный пересмотр норм имеет целью плановое снижение показателей трудоемкости и должен опираться на научно обоснованные критерии, в частности, хронометраж рабочего времени. Однако

научное обоснование норм зачастую не соотнобразуется с реальными условиями производства (организация труда, состояние и загрузка оборудования, обеспеченность оснасткой и т. п.), а хронометраж рабочего времени, в силу тех же реальных условий, и — особенно — в ситуациях большого объема номенклатуры (количество норм, применяемых в одном только цехе, по числу операций измеряется десятками тысяч), становится все более затруднительным. И трудность разрешается, как правило, более или менее пропорциональным — для всех или большинства операций — ужесточением норм, отвечающим общей тенденции роста производительности труда.

При этом возникают характерные, наблюдавшиеся нами ситуации, хорошо обнажающие формальный характер нормировочной деятельности. Согласно плановому снижению трудоемкости на одно изделие, при не запланированном на этот год соответствующем пересмотре норм на другие, унифицированные (одинаковые) детали того и другого получают **разные** нормы времени на изготовление. Или: плановое снижение трудоемкости на изделие, включающие детали, изготавливаемые на новом оборудовании, может повлечь за собой изменение нормы и расценки еще до того, как эта операция **хотя бы раз** выполнялась.

Происходит своего рода «подгонка» уровня норм к сложившемуся или планируемому уровню зарплаты (явление, получившее в экономической литературе даже особое название «потребительского подхода» к нормированию труда).

Понятно, что при таком «планово-пропорциональном» пересмотре норм «невыгодные» работы становятся еще более невыгодными, а «выгодные» — относительно еще более выгодными, и неадекватность используемого инструмента измерения количества и качества труда усугубляется.

3. Морально-психологические последствия недостатков в нормировании труда

Указанные выше рассогласования между технологическими требованиями производства и реальной технологией, между заданной нормой и фактическим временем, нужным на данную операцию или изготовление детали, в сущности деморализуют работника, прививают привычку искать обходные пути для выполнения производственных заданий, подрывают веру в необходимость соблюдения трудовой и технологической дисциплины, существенно ослабляют эффективность социалистического соревнования в воспитании добросовестного, граждански ответственного отношения к труду, особенно молодежи, вступающей в производство.

Наиболее остро это положение вещей отражается на представлениях о справедливости оплаты труда. По данным массовых обследований, выполненных сотрудниками ИСЭП АН СССР, 52% рабочих указывают, что их не устраивает «справедливость оплаты труда», среди инженеров такое мнение высказывают 77%. При этом оценивают свой заработок как «низкий» 18% рабочих и 35% инженеров. То есть основные претензии как тех,

так и других относятся не к величине заработной платы, но именно к тому, что они ущемлены **несправедливостью** существующей системы нормирования и оплаты труда. (Приведены сведения, полученные из опроса, который проводился в Ленинграде по анкете Института социологических исследований АН СССР в рамках всесоюзного исследовательского проекта; при необходимости, можно запросить в ИСИ АН СССР дополнительную информацию, отражающую картину по другим регионам страны).

Наши наблюдения на предприятии уверенно фиксируют несовпадение интересов рабочего-сдельщика и мастера, распределяющего работу. В сущности, вместо принципа **оплаты по труду** на практике используется принцип **труда по оплате**.

(Нижеследующий анализ процесса замещения принципа «оплаты по труду» принципом «труда по оплате» в условиях ныне действующей системы нормирования труда предпринят автором совместно с социологом, ныне также рабочим одного из ленинградских заводов, **С. М. Розетом**¹.)

Мастер заинтересован: а) в выполнении плана по валу и по номенклатуре; б) в выполнении так называемых «аварийных» работ, срочно требуемых для следующего звена технологической цепочки; в) в сохранении сложившейся в данном коллективе иерархии «социально-экономических статусов» своих подчиненных; г) в минимизации конфликтов по поводу оплаты труда в конце месяца; д) в отсутствии перерасхода фонда заработной платы.

Рабочий-сдельщик заинтересован: а) в заработке, соответствующем его «социально-экономическому статусу» в данном коллективе; б) в повышении этого статуса и, следовательно, в повышении заработной платы (универсальный способ самоутверждения в коллективе); в) в гарантиях того, что этот статус, по итогам данного месяца, не снизится; г) в отсутствии претензий со стороны ОТК, а также в следующем звене технологической цепочки; д) в поддержании отношений сотрудничества в коллективе и с непосредственным руководителем (мастером).

При таком соотношении интересов (как видим, далеко не сводящихся к интересам материальным!) **«труд по оплате» становится нормой поведения**, равно принимаемой как рабочими, так и низовой администрацией.

(Примечательно, что бригадная форма организации труда сама по себе, при сохранении существующего порядка нормирования труда и материального стимулирования, не снимает проблемы разделения работ на «выгодные» и «невыгодные». А лишь переносит эту проблему в плоскость взаимоотношений между мастером и бригадиром, представляющим интересы своей бригады как «совокупного работника».)

В условиях описанного искажения социалистического принципа распределения по труду, понятно, возникает предпосылка для возникновения и такой позиции работника: «Сделай меньше, получи больше!». По

¹ О Сергее Михайловиче Розете (ныне покойном) см. ранее, в главе 1: раздел «Индивидуальная жизненная перемена Социолог-рабочий...»; в приложениях к части 1: «Памяти друга (Тексты Сергея Розета)»

нашим наблюдениям, эта рваческая норма поведения отвергается большинством кадровых рабочих. Однако нетрудно заметить, как возрастает здесь опасность распространения также и таких асоциальных стереотипов и форм трудового поведения.

(Как правило, рабочий-сдельщик всегда заинтересован в «выгодной» работе, но именно — в работе, а не в «плате за безделье». Социальный тип хапуги, гонящегося за «длинным рублем», в рабочей среде не популярен. Вообще, для многих рабочих этические нормы «справедливости» в соотношении труда и оплаты и готовности «оплатить» трудом за достигнутый уровень общественной оценки своего труда — в общем превалируют над собственно «денежным» интересом. В этой связи, нам представляется глубоко ошибочным довольно распространенное сведение механизма личной заинтересованности только к такому интересу.)

Итак, своеобразная «перевернутая» зависимость труда и оплаты в реальных производственных условиях, с одной стороны, выступает своего рода способом обеспечения заданного уровня производительности труда, а с другой — создает предпосылки для развития разного рода антиобщественных проявлений.

К сожалению, практика участия рабочих в пересмотре норм также не способствует повышению «трудовой морали», в силу того, что реальная инициатива рабочих нередко подменяется ее искусственным, сугубо бюрократическим оформлением. Такая «инициатива» откровенно признается рабочими вынужденной и предвосхищающей административный пересмотр технических норм, уже не сопровождающийся «льготным» периодом оплаты труда по старым нормам или соответствующей премией (как это имеет место в случаях, если инициатива исходила от самих рабочих).

Воспитанная многолетней практикой формального планирования «от достигнутого», личность работника (будь то слесарь, будь то директор) сформировала устойчивый ценностно-нормативный стереотип снижения своего (или коллективного) трудового потенциала.

Этот потенциал обычно не скрывается в анонимных **опросах**. Так, по данным обследования 4 тыс. ленинградских рабочих (1976 г.; ИСЭП АН СССР; руководитель исследования — проф. В. А. Ядов) доля рабочих, готовых увеличить свою выработку на величину от 10 до 50%, при условии соответствия заработка трудовому вкладу, достигает в общей сложности 70% всех опрошенных.

4. Предложения по пересмотру системы нормирования и оплаты труда

(Настоящие предложения разработаны автором совместно с доцентом Высшей профсоюзной школы культуры, кандидатом экономических наук **Г. А. Климентовым**².)

² О Геннадии Александровиче Климентове см выше: раздел «Из объяснений для органов госбезопасности»

Следует обратить внимание, что современный бригадный подряд в строительстве и промышленности в его наиболее прогрессивных формах (единый коллективный наряд, с оплатой по конечному результату, причем с распределением не только приработка, но и всей «заработанной зарплаты» по коэффициентам трудового участия, т. е. контролируемая самим коллективом оценка личного трудового вклада каждого) отчасти уже отменяет существующую тарифно-нормировочную систему — на уровне первичных трудовых коллективов. В подрядных бригадах (если, конечно, они созданы не формально) сам коллектив осуществляет контроль за соблюдением взаимного соответствия «меры труда» и «меры потребления».

Если, однако, подняться несколько выше уровня бригады, то здесь обнаруживается многократно отмечавшийся парадокс: чем напряженнее план и, соответственно, выше реальный трудовой вклад коллектива, тем более коллектив проигрывает по сравнению с теми, кто к этому вовсе не стремится. Дело, как нам представляется, упирается в существующий порядок нормирования фонда заработной платы и контроля за ней.

Отсутствие прямой связи фонда заработной платы коллектива с величиной его трудового вклада (при одновременной гарантии заработной платы каждому члену коллектива на основе тарифной ставки или оклада) порождает личную незаинтересованность в увеличении индивидуального и общего трудового вклада и безответственность за общие результаты работы.

Как же установить эту прямую связь?

Общее направление указано нашей партией: последовательный хозрасчет, оплата за конечный результат. В условиях социализма главным измерителем конечного результата является **цена** произведенного продукта, установленная на уровне общественно необходимых затрат труда, за вычетом затрат «чужого» труда (стоимость комплектующих изделий, полуфабрикатов, других ресурсов, а также амортизационные отчисления за износ оборудования, использование основных фондов). Иначе говоря — чистая продукция, вновь созданная трудом данного коллектива стоимость. В экономическом смысле именно эта вновь созданная стоимость есть конечный результат труда коллектива.

В чем же должна состоять оплата по «конечному результату»?

Естественно принять, что такая оплата предполагает пропорциональное разделение овеществленного в продукте труда коллектива на две части: **труд на себя** (зарплата и отчисления в общеколлективный фонд предприятия) и **труд на общество** (отчисления в государственный бюджет для нужд общественного развития, реализация социальных программ и т. п.). Эти две составляющих цены каждого продукта (включающей, как уже отмечалось, и другие структурные компоненты) должны находиться в определенном, едином для всех производителей продуктов (и хорошо известном им!) количественном соотношении.

Сразу оговорим, что сегодня цены образуются иначе, и фонд зарплаты коллектива определяется не как вновь созданная стоимость за вычетом вре-

мени труда на общество и отчислений в общеколлективный фонд, а (отвлекаясь от деталей!) как средняя зарплата, исчисляемая на основе тарифных ставок и окладов, помноженная на штатную численность работников.

То есть оплата труда продолжает быть привязанной к работнику (рабочей силе), а не к продукту труда. В этих условиях и возникает рассмотренное выше замещение принципа «оплаты по труду» фактически действующим принципом «труд по оплате». Однако важная предпосылка перехода к оплате действительно по конечному результату создана начавшимся использованием, в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июня 1979 г., нормативного метода планирования фонда заработной платы (норматив зарплаты на рубль чистой продукции).

Теперь посмотрим, что вытекает из возможности последовательного внедрения единой пропорции труда на себя и труда на общество в цене каждого продукта. В таком случае у любого хозрасчетного коллектива (будь то бригада, цех, предприятие, объединение) и фонд заработной платы, и отчисления в бюджет оказываются в прямой зависимости от реального трудового вклада (чистая стоимость, созданная коллективом). Чем выше этот вклад, тем выше размеры как отчислений в бюджет, так и фонда заработной платы вкупе с общеколлективными накоплениями.

Получается, что **выгодное трудовому коллективу выгодно и обществу, и наоборот.**

В этой новой для себя ситуации трудовой коллектив, взятый в целом, обретает заинтересованность информировать плановые органы о своих действительных производственных возможностях (чего сегодня, как известно, нет). Но само по себе выявление этих действительных возможностей немислимо без участия членов коллектива, рядовых работников (в чем они сегодня, как правило, не участвуют). Так могут возникнуть условия для естественного, органичного втягивания трудящихся в начальную и во многом определяющую сферу управления коллективом — планирование.

Думается, что лишь при этом условии и более высокие уровни планирования (сообразующие объективную информацию о производственных возможностях всякого коллектива с объективной же информацией об общественных потребностях в соответствующих продуктах и формирующие на этой основе сбалансированный план) смогут обрести «почву под ногами», а трудовой коллектив, выполняя этот план, сможет «заработать себе заработную плату». И он же (трудовой коллектив) сможет сам ее распределять, в соответствии с трудовым вкладом каждого из своих членов.

Тут вновь не обойтись без участия самих трудящихся в управлении — теперь уже для распределения фонда зарплаты внутри коллектива (включая, напомним, необходимые отчисления в общеколлективный фонд). Тогда отпадает необходимость множества регламентаций сверху, фактически выступающих формой установления цены рабочей силы (тарифных ставок и должностных окладов, с неизбежно сопутствующими им множественными и противоречивыми премиальными системами).

Оказывается тогда избыточной и нынешняя система нормирования труда, которая по существу (как было показано выше) построена на личной незаинтересованности работников в технически обоснованных нормах. В ведение первичных коллективов могут перейти и вопросы определения размеров индивидуальной заработной платы (внутри заработанного коллективом фонда заработной платы, исчисленной на основе норматива «труда на себя»), и вопросы установления индивидуальных норм выработки.

Решению задачи распределения заработной платы без «помощи» государственных тарифных ставок и окладов уже сегодня обучаются рабочие в хозрасчетных бригадах. **Опыт показывает, что и без участия нормировщика рабочие могут определять нормы и своевременно их пересматривать.** (См., например: В. Парфенов. Бригады // Правда, 27.06.83). Установление соотношений в оплате труда можно было бы осуществлять на основе рекомендаций государственных органов, в рамках коллективного договора. Нет сомнений, что практика найдет тысячи различных способов решения этой задачи, если принцип будет приведен в действие.

Не забудем оговорить, что отказ от тарифной системы как основы регулирования заработной платы вовсе не означает ни умаления роли государства в контроле за распределением, ни ликвидации гарантий в оплате труда. Все позитивные функции тарифной системы могут быть реализованы с гораздо большим эффектом при установлении нормативов зарплаты в ценах соответствующих продуктов. К тому же, **в лице членов хозрасчетных коллективов государство приобрело бы заинтересованных контролеров за мерой труда и мерой потребления.**

Не исключена ситуация, когда коллектив по не зависящим от него причинам не заработает себе минимальный уровень зарплаты. Повидимому, компенсация должна осуществляться за счет специальных страховых фондов (по сути дела такая практика широко применяется и сейчас, при субсидировании «планово-убыточных» производств). При зарплате, существенно превысившей по тем или иным причинам общественно-нормальный уровень, государство могло бы применить прогрессивный подоходный налог. Однако решающую роль здесь должен играть механизм государственного регулирования цен. (См. наше интервью корреспонденту журнала «ЭКО», 1983, ¹ 8).

Мы здесь не имеем возможности вникать в обсуждение всех деталей данной экономической модели, выступающей, на наш взгляд, действительно социалистической альтернативой — и директивно-бюрократическим способам управления общественным производством (включая механизм нормирования труда), и разнообразным моделям так называемого «рыночного социализма» (с которым данное предложение не имеет ничего общего).

Социологическая суть предлагаемого решения видится нам в действительной **взаимувязке «экономической» стороны совершенствования производственных отношений (эффективное стимулирование труда) с «политической» (демократизация управления производством).** В этом — гвоздь всего дела. (См. вышеупомянутое интервью в журнале «ЭКО»).

Последовательный, полный хозрасчет в сочетании с демократизацией распределительных отношений (включая систему нормирования труда), при сохранении жесткой плановой дисциплины и государственного контроля за ценообразованием, — таким видится перспективный путь совершенствования социалистических производственных отношений и реализация социалистического принципа распределения по труду.

5. Заключение

Подводя итог всему сказанному, отметим следующее.

1) Современная система нормирования труда не удовлетворяет актуальным требованиям интенсификации социалистического производства и сдерживает рост производительности труда.

2) Данная система не только обнаруживает свою экономическую неэффективность, но и существенно расшатывает трудовую мораль работников.

3) Система тарифных ставок и окладов, составляющая и по сей день основу нормирования труда, ныне перестала обеспечивать реализацию социалистического принципа распределения по труду и требует замены более гибкими формами измерения и контроля за качеством и количеством труда.

4) Основу для перестройки системы нормирования труда должна составить всемерная передача функций оценки трудового вклада каждого работника в ведение трудовых коллективов, в пределах «заработанной зарплаты» (норматива заработной платы на рубль чистой продукции).

5) При этом сами трудовые коллективы и масса рядовых работников заинтересованы участвовать в установлении «справедливых» норм, стимулирующих повышенную трудовую отдачу.

Автор признателен проф. **В. А. Ядову** за инициативу и помощь в разработке настоящей научно-практической записки для Комитета по труду и социальным вопросам при Совмине СССР.

Старший научный сотрудник, кандидат философских наук А. Н. Алексеев, 26.11.83

Ремарка 1: запросы на «новые идеи».

С аналогичными предложениями мне, совместно с Г. А. Климентовым, приходилось выступать еще в конце 70-х, т. е. до эксперимента социолога-рабочего.

Стоит заметить, что с соответствующими запросами на «новые идеи» к общественоведам в ту пору обращался не только Государственный комитет по труду и социальным вопросам (1983), но и другие правительственные органы (например: Государственный комитет по науке и технике; 1979). У социологов и экономистов запрашивались предложения «по совершенствованию имеющихся и разработке новых форм и методов привлечения трудящихся к управлению производством», «по развитию коллегиальных форм управления производством» и т. п.

Когда такие запросы попадали к В. А. Ядову, он — как правило — адресовал их мне, я же, при подготовке соответствующих предложений, обычно опирался на оригинальную социально-экономическую концепцию своего коллеги и друга Геннадия Климентова, которую полностью разделял.

Идеи «полного хозрасчета» в рамках социалистического производства встречали тогда неоднозначное отношение, однако находили поддержку у многих хозяйственников и экономистов-практиков, стремившихся к развязыванию инициативы снизу. (Ноябрь 2000).

Ремарка 2: публикации социолога-рабочего.

Как уже говорилось, собственная статья об эксперименте социолога-рабочего, только что написанная (сентябрь 1983), оказалась изъятой при обыске. Вскоре затем она была, правда, возвращена... Опубликована же — шесть лет спустя:

— А. Алексеев. Человек в системе реальных производственных отношений. Опыт экспериментальной социологии / Новое политическое мышление и процесс демократизации. М.: Наука, 1989.

Что касается «Предложений в Госкомтруд» 1983 г., то их дальнейшая судьба неизвестна. Зато... состоялась публикация вышеприведенного текста — не далее, чем в 1985 г. (автор уже исключен из партии, все апелляции отклонены!):

— А. Н. Алексеев. Социальные проблемы нормирования труда и оплаты / Проблемы социального познания и управления. Томск: Изд-во ТГУ, 1985.

Эта дерзкая акция была предпринята Людмилой Семеновной Гурьевой, канд. филол. наук, заведующей социологической лабораторией Томского гос. университета. (Как мне потом писала Л. Г., «не только ж тебе быть авантюристом...»). (Сентябрь 1999).

П. 7.3. В поисках прецедентов. Сочинитель «Моих горячек»

Несколько вступительных слов

Не следует думать, что социолог-испытатель в ту пору ничего не писал, кроме заявлений в прокуратуру и предложений в Госкомтруд, и ничего не читал, кроме комментариев к Уголовно-процессуальному и Уголовному кодексам.

Опровержение такому предположению нахожусь все в той же архивной композиции «Дело Алексеева, или приключения социолога-наладчика...» 1983–1984 гг., на которую уже ссылался и еще буду ссылаться.

В 1 3 журнала «Звезда» за 1983 г. была опубликована историческая повесть М. и Я. Гординых, из которой «заподозренный» не поленился тогда перепечатать на возвращенной пишущей машинке наиболее заинтересовавшие его страницы. См. ниже. (Октябрь 2000).

Из повести М. и Я. Гординых «Иван Крылов — сочинитель» (1983)

<...> Утром 11 мая [1792 г. — А. А.] в Царском Селе, куда переехал двор, Платон Александрович Зубов — очередной фаворит, недавний гвардейский корнет — принимал донесение от петербургского губернатора Коновницы на о столичных происшествиях и новостях. (Будучи человеком Потемкина, Зубов при жизни светлейшего не смел вмешиваться в управление империей, но после его смерти уверенно потянулся к власти, и вскоре через его руки уже шли все важнейшие государственные дела). Выслушав

Коновницына, Зубов дал ему разного рода инструкции. Среди прочего велено было отрядить частного пристава в типографию «Крылов с товарищи» и, отобрав у типографщиков две рукописи (заглавия которых были указаны в переданной Коновницыну бумаге), представить эти рукописи ему, Зубову.

Ранним утром 12 мая частный пристав с несколькими хожальми был уже в типографии. Он объяснил сонным владельцам цель своего визита, и деревянные полицейские пальцы принялись ворошить книги и бумаги. Ни в самой типографии, ни в комнатах владельцев, ни в помещении книжной лавки никаких запрещенных изданий не обнаружили. Не было там и искомым сочинений: повести Крылова «Мои горячки» и поэмы Клушина «Горлицы». Пришлось напрямик спросить авторов, где их творения. Клушин отвечал, что поэма ему разонравилась и он ее давно изодрал и выбросил. Крылов сказал, что свою повесть дал почитать Преображенского полка капитан-поручику Скобельцыну, у которого при надобности может ее забрать. Пристав посадил Клушина на дрожки и повез к губернатору, а Крылова с унтерофицером отправил в Преображенские казармы, где жил капитан-поручик Скобельцын, — за рукописью.

Через час встретились у Коновницына. В донесении, посланном вечером Зубову, губернатор рассказывал: «Отставной провинциальный секретарь Крылов оригинальное свое сочинение под названием «Мои горячки» по первому вопросу с частным приставом лейб-гвардии у капитан-поручика Скобельцына, которому давал для прочтения, отобрав, сам мне представил, объясняя, что писал оное назад два года без всякого умысла, по одной склонности к сочинениям, еще не кончил, никогда нигде не печатал и прямого к тому намерения не имея, прочитывал некоторым из своих знакомых, именно Дмитревскому, Плавильщикову, Сандунову, а после давал г-ну Скобельцыну и, наконец, показал мне те главы, где описано изображенное в приложенном о сем письме, почему, переписав оное набело, при сем я самое то сочинение в особом конверте вашему превосходительству представляю...».

Совершенно очевидно, что «приложенное о сем письмо» — донос. Крылов не любил держать свои сочинения под спудом и охотно раздавал их на суд приятелям. Переходя от одного приятеля к другому, сочинение в конце концов могло попасть на глаза кому угодно. Врагов у Крылова хватало.

Посылая рукопись «Моих горячек» Зубову, губернатор Коновницын заложил белой бумагой главу «О женщине в цепях» и на полях поставил NB. Тут, видимо, находились те сомнительные страницы, на которые указывал доносчик. И Зубову с императрицей предстояло определить степень виновности сочинителя.

Что касается Клушина, то он в разговоре с губернатором повторил то, что сказал уже частному приставу, а именно: «Что о горлицах писано им было в аллегорических его снах, но без всякого намерения, и что их читал Плавильщиков, но не одобрил, почему он и изодрал, что и Плавильщиков подтвердил при господине оберполицимейстере». К оберполицимейстеру вместе с Плавильщиковым были посланы для дачи свидетельских показа-

ний Дмитревский и Сандунов. Им была показана рукопись «Моих горячек», и они подтвердили, что содержание представленного экземпляра в точности сходно с тем, который они читали, «и что в том ничего вредного отнюдь не было»...

Ремарка: у всех «свои горячки»...

Вот не знал (или не помнил?) социолог-испытатель, хоть и филологический факультет окончил, что было у Крылова такое сочинение: «Мои горячки». А то бы наверняка «собезьянничал» и поставил бы это подзаголовком к своим «Письмам Любимым женищинам»... (Октябрь 2000).

...С Клушина требовали письменных объяснений относительно его уничтоженной поэмы. Он написал: «1792-го года сочинял я книжку под названием «Сатирические, Философические и Аллегорические сны», содержание ее, сколько упомяну, было судьи, превращенные в птиц, разумя их раскаяние и в царстве пернатых, горлицы изображали суеверие народное и прочее. А поелику сие сочинение мне не нравилось, то я его изодрал еще недоконченным; читал его г. Дмитревскому, и как мне помнится не все; и прежде сего читал же актеру Сандунову. Впрочем, маленькое сие сочинение не имело в себе ничего противного образу мыслей истинного человека, преданного священным властям и повинующегося законам». Затем Клушин пересказал свои «сны» — весьма кратко и обще...

Это объяснение Коновницын также отправил в Царское Село и в конце своего доклада приписал: «...Представляю за тою же типографией, тож Крыловым и Клушиным наблюдение и, не упуская из виду поведения, которое доньже никем не осуждается, дальнейшее исследование до высочайшего благоусмотрения остановил, дабы не последовало и малейшей обиды или притеснения, как о том мне предписать изволили».

Ясно, что императрица и Зубов относились к Крылову и Клушину с должным уважением. Что же касается крыловских «горячек», то императрица опять же сочла за лучшее пренебречь намеками и не принимать на свой счет издевательских фантазий.

Обыск прошел для издателей «Зрителя» без видимых последствий, если не считать, что у Крылова изъяли уже готовую для печати повесть. Однако полицейский надзор не был снят. Напряженность в отношениях с властями сохранялась. След этого крайне настороженного отношения издателей ко всему происходящему вокруг — пометки Клушина на книге басен Лафонтена, подаренной ему Крыловым летом 1792 года. Крылов на время уезжал из столицы и на прощание подарил другу свои любимые басни с нежным стихотворным приветом: «Залогом дружества прими Фонтена ты, и пусть оно в сердцах тогда у нас увянет, когда бог ясных дней светить наш мир престанет или Фонтеновы затмит кто красоты». Клушин тут же приписал меланхолически: «Подарены любезным другом Иваном Андреевичем Крыловым июля 29 дня 1792-го в бытность в типографии; по причине нашей разлуки на время; а может быть — судьбе од-

ной известно». Если, расставаясь с приятелем на краткий срок, вовсе не сентиментальный Крылов решил оставить ему залог своей дружбы, а Клушин при этом задавал себе вопрос, увидятся ли они снова, значит для этого были какие-то особые основания.

В начале января следующего 1793 года Карамзин в письме из Москвы спрашивал Дмитриева: «Мне сказывали, что издателей «Зрителя» брали под караул: правда ли это? и за что?». Неизвестно, справедлив ли был дошедший до Карамзина слух. Но показательно уже и то, что такие слухи распространялись в литературном мире — наблюдая, как Крылов и Клушин отчаянно дразнят правительство, многие со дня на день ждали их ареста.

После майского обыска Крылов поместил в «Зрителе» несколько сатирических «похвальных речей» и «восточную» повесть «Каиб». Чтобы дать понятие о крыловском бесстрашии, скажем только, что под видом трех визирей калифа Каиба он в своей повести издевательски представил трех столпов екатерининской администрации — князя Потемкина, князя Безбородко и князя Вяземского. Как свидетельствовал вполне осведомленный Державин, «Потемкин, Безбородко и Вяземский, у коих были в руках бразды правления, чтоб не мешать друг другу, составили тогда между собой триумвират...». Потемкин занимался армией и внутренней политикой, Безбородко — иностранными делами, а генерал-прокурор Вяземский в Сенате вершил судопроизводство и управлял финансами. Одноглазого Потемкина автор «Каиба» вывел под именем Дурсана, Вяземского (которого, по словам самой Екатерины все называли дураком) — под именем Ослашида, а стремительно богатеющего Безбородко наименовал Грабилеем. С фамилией Безбородко Крылов даже позволил себе поиграть: о Грабилее сказано, что он «не имел долгой бороды».

Печатавая все это, Крылов точно знал, что не только полицейские чины, которым была поручена слежка за ним и Клушиным, не только проявившие благосклонное внимание к его журналу вельможи, но и императрица с Зубовым прочтут его повесть: в мае, тотчас после обыска в типографии, было велено выписать журнал «Зритель» для библиотеки Эрмитажа ее величества.

<...> Конечно, императрица могла без дальних слов стереть его [Крылова. — А. А.] в порошок. Но, как уже говорилось, Екатерина умела быть терпеливой и милостивой, когда считала, что это в ее интересах. <...>

(М. и Я. Гордины. Иван Крылов — сочинитель // Звезда, 1983, ¹ 3, с. 121–123, 130)

Ремарка: «Читано в декабре 1983 года...»

Как видно, ничто не ново в России. И есть с кого брать пример всем участникам нашей социодрамы.

Из «Записей для памяти» (02.84):

*«Читано в декабре 1983 г.; перепечатано в феврале 1984 г.»
(Октябрь 2000).*

Глава 8. «Дело» социолога-рабочего (продолжение)

Дело...

1. Работа, созидательная деятельность...
2. Чья-л. деятельность, имеющая идеологическую, марксистско-ленинскую платформу, направленная на построение социализма и коммунизма...
3. То, что непосредственно, близко касается кого-л., чего-л., входит в чьи-л. задачи...
4. Специальность, профессия, круг занятий...
5. Административное, судебное разбирательство; судебный процесс по поводу какого-л. факта, события...
6. Собрание документов, относящихся к какому-либо факту, лицу...

В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. М.: Фолио-пресс, 1998, с. 150–152

Не беги от волны, милый мальчик,
побежишь — разобьет, опрокинет, но к
волне обернись, наклонись и прими ее с
твердой душою.

Н. К. Рерих («Священные знаки») (@)

...Я пытался сохранить спокойствие, но мне это не всегда удавалось. Меня спасло то, что на каком-то этапе борьбы я решил, что ко всему надо относиться с юмором, поскольку всякое познание есть благо. Я успокоился, ненависть во мне сменилась любопытством, которое мой противник удовлетворял активно, обнажаясь как на стриптизе. **Я уже не боролся, а собирал материал для данного сочинения** [выделено мною. — А. А.]: а мой противник и его дружки деятельно мне помогали, развивая этот грандиозный сюжет и делая один за другим ходы, которые, может быть, не всегда придумаете за столом. Сюжет этот не просто увлекателен, он, мне кажется, объясняет некоторые происходящие в нашей стране явления, которые не то что со стороны, а изнутри не всегда понятны...

В. Войнович. «Иванькиада»

(Цит. по: В. Войнович. Малое собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. М.: Фабула, Рипид, Сиа-банк, 1995, с. 435)

8.1. Хроника эксперимента. Взгляд из 1988 года

Из очерка А. Э. Головкова <...мир погибнет, если я остановлюсь!>
(май 1988)

<...> Весьма подробно об этом уже писала «Литературная газета» (Л. Графова. «Преодоление пределов», «ЛГ» от 23 сентября 1987 года, ¹ 39). Поэтому ограничимся хроникой.

1982 год. После первых докладов на ученом совете ИСЭПа о результатах примененного им метода «наблюдающего участия» и вывода о том, что «своеобразным солнечным сплетением системы производственных отношений является управление распределением, а ключевой проблемой — реализация принципа «от каждого — по способностям, каждому — по труду», Алексеева на всякий случай увольняют из института (он работал там на полставки) под предлогом «сокращения штатов». Это было в январе.

1983 год. Обыск и налет на квартиру. [*Как явствует из сказанного в предыдущей главе, это два разных события. — А. А.*]

1984 год, март. Справка «В отношении Алексеева А. Н.» разослана [*из УКГБ ЛО. — А. А.*] по организациям, в том числе и на завод «Ленполиграфмаш».

1984 год, май. Заводской комитет [*правильно: партком завода. — А. А.*] утверждает решение цехового партийного собрания об исключении Алексеева из рядов КПСС.

1984 год, август. Секретариат Ленинградской организации принимает решение об исключении Алексеева из Союза журналистов СССР.

1986 год, январь. На бюро Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации Алексеева исключают из рядов ССА. <...> (Огонек, 1988, ¹ 19)

8.2. «В отношении Алексеева А. Н.» (справка УКГБ ЛО)

[*Нижеследующий документ был отправлен из УКГБ ЛО в партийный комитет «Ленполиграфмаша» и в некоторые другие официальные адреса в марте 1984 г. — А. А.*]

Справка. 12.03.84. ¹ 5-3/493. Ленинград

В отношении Алексеева А. Н.

В январе с.г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия» Управление КГБ по Ленинградской области объявило официальное предостережение

Алексееву Андрею Николаевичу, 1934 г. рождения, русскому, члену КПСС с 1961 г., кандидату философских наук, работающему слесарем-наладчиком завода «Полиграфмаш», проживающему по адресу: Ленинград, Наличная ул., дом 40, корп. 1, кв. 132,

— в связи с тем, что он хранил и распространял среди своих знакомых произведения политически вредного содержания, не издававшиеся в СССР и не подлежащие распространению на территории Советского Союза, а также распространял в своем окружении изготовленные им машинописные документы, содержащие политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности.

Алексеев в 1956 г. окончил факультет журналистики ЛГУ им. А. А. Жданова, член Союза журналистов СССР с 1961 г. В 1964–1965 гг. работал в редакции «Ленинградской правды» в должности заведующего промышленным отделом, в 1975–1981 гг. — старшим научным сотрудником в Институте социально-экономических проблем АН СССР.

В январе 1980 г. Алексеев приступил к проведению социологического исследования в рабочей среде по типу «включенного наблюдения» и перешел на работу в качестве слесаря-наладчика на завод «Полиграфмаш», продолжая до декабря 1981 г. научную работу в ИСЭП АН СССР по совместительству.

Имеющиеся в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области материалы свидетельствуют, что Алексеев хранил и в 1978–1982 гг. распространял среди своих знакомых копии изданных за границей клеветнических произведений «Зияющие высоты» и «Светлое будущее», автором которых является бывший советский гражданин Зиновьев А. А., сотрудничающий с эмигрантскими антисоветскими организациями.

В 1980–1982 гг. в период работы на заводе «Полиграфмаш» на основании полученных им материалов в процессе т. н. «включенного наблюдения» Алексеев написал несколько статей политически вредного содержания, под названием «Письма любимым женщинам», в которых он в иносказательной форме допускает измышления о генеральной линии партии, с клеветнических позиций оценивает советскую пропаганду, оскорбительно отзываясь о рабочем классе.

Кроме того, установлено, что в 1979–1981 гг. Алексеев организовал и провел несанкционированное партийными органами и администрацией ИСЭП АН СССР социологическое исследование «О состоянии и перспективах развития советского общества». Вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?» и методологический комментарий к ней носили тенденциозный характер и были построены таким образом, чтобы получить негативные ответы о состоянии и перспективах развития советского общества.

По месту жительства у Алексеева изъяты политически вредные произведения Дж. Оруэлла «1984» на английском языке, цитатник Мао-Цзэ-дуна, машинописные отрывки из книги Ф. Искандера «Сандро. Новые главы», клеветнического содержания, и восемь документов с грифом «Для служебного пользования». Один из документов — доклад академика Т. И. Заславской «Социальный механизм развития экономики» — был размножен им и распространен в своем окружении. Такое обращение с документами «Для служебного пользования» является нарушением установленных правил работы с ними.

На беседе в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области Алексеев А. Н. вел себя неискренне, от дачи правдивых объяснений по указанным выше фактам уклонился.

Начальник подразделения УКГБ ЛО В. И. Полозюк

Ремарка 1: ожидания оправдались.

Фактические неточности в документе: 1) правильное обозначение работы автора на заводе, по штатному расписанию, — не «слесарь-наладчик», а «наладчик технологического оборудования»; 2) окончил — не «факультет журналистики», а филологический факультет ЛГУ. О «хранении и распространении» произведений А. Зиновьева специально речь пойдет ниже.¹

...Стоит заметить, что круг обвинений в справке УКГБ ЛО (за исключением «эпизода» с произведениями Зиновьева) в общем совпал с теми, которые социолог-испытатель сам «вычислил», сразу после обыска, и который хотел было «авансом» опровергать в тексте своего первоначального варианта письма начальнику УКГБ ЛО Носыреву, осенью 1983 г. (От чего его вовремя предостерегли друзья; см. выше). (Сентябрь-ноябрь 2000).

Ремарка 2: кому повезло — кому не повезло?..

Вообще говоря, Управлению КГБ в этом деле... не повезло. (Или повезло мне?)

*Обыск, прикрытый фиговым листком поиска валютных ценностей и т. п., был рассчитан на обнаружение запрещенной литературы. Скажем, изъяли бы те же «Зияющие высоты», или «Архипелаг ГУЛАГ»... И нет проблем для органов! Можно было бы и судить (как минимум, по статье 190-1 УК), можно и **раскалывать** (под угрозой уголовного преследования). Формально все было бы «по закону»...*

А тут, как на грех: ни «Посева», ни даже «Имки-пресс»! Оруэлл — и тот на английском языке... С Мао-Цзэ-дуном — и совсем смешно. Несколько машинописных листков с неопубликованными фрагментами романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема» и с письмами М. Цветаевой... В общем, «не тянет» ни на какую статью!

А особенно не повезло сотрудникам госбезопасности — с материалами опроса «Ожидаете ли Вы перемен?»². Надежды заполучить при обыске записи крамольных экспертных интервью не оправдались. (А уж там — хватило бы и на «коллективное» дело!)

Вот и пришлось, в обоснование последующих санкций, сосредоточиться на «Письмах Любимым женщинам», окрестив их «статьями».

Ход вообще-то не самый сильный... По крайней мере, открывающий путь для самообороны и даже для контратаки. (Сентябрь 1999).

8.3. «Разрешаю ссылаться на эти документы...»**Ремарка: досье на самого себя.**

В конце 1983 — начале 1984 г. социолог-испытатель активно собирал «досье на самого себя»: все документы, имеющие отношение к обыску в его квартире и к последующим событиям, включая официальное предостережение органов госбезопасности и т. п.

«Досье» имело вид композиции документов, с длинным и, пожалуй, претенциозным названием:

¹ См: «Беседы в Смольном Четвертый подъезд» и др разделы

² См о нем в главе 1, а также в главе 9: раздел «Опасные игры (вокруг материалов опроса “Ожидаете ли Вы перемен?”)»

«Дело Алексеева (из опыта экспериментальной социологии), или: Приключения социолога-наладчика (личная хроника конца 1983 года), или: Игры сталкера. 1984 (документально-драматургический поиск)».

Тогдашняя «автоаннотация»:

«Что это такое? Конечно, черт-те что... Но “знающий меня — улыбнется” (заимствовано у М. Цветаевой)».

На титульном листе каждого из разделов надпись:

«Личный архив! Чтение и даже перелистывание — только с согласия А. Н. Алексеева. 01.1984».

Как же, как же!

Ниже — оглавление этой композиции. (Сентябрь 2000).

«Дело Алексеева». Оглавление (конец 1983 — начало 1984 г.)

0. Пролог: «Не только о себе»

1. Начало

II. Канун

1. Утро года. Характеристики
2. На сонно умных — один дурак³
3. Социология театра
4. Детектив с псевдонимом
5. Из деловой переписки
6. Предупреждение богов⁴
7. Социология жизни
8. Ох, уж этот А.!
9. Человек в системе реальных производственных отношений

III. Заподозренный

1. Обыск и выемка
2. Свидетели по валютному делу
3. А жизнь идет...
4. Прокурорский надзор
- 4а. Отличие заподозренного от подозреваемого
5. «Уважаемые товарищи!..»
6. Товарищеская критика
7. Объяснения Любимых
8. Малолетний взломщик
9. Предложения в Госкомтруд
10. «Нам надо трезво представлять, где мы находимся...»
11. Бригадный подряд
12. Место встречи изменить нельзя⁵

IV. Предостереженный

1. Несогласный с претензиями
2. Остается на счете

³ Имеется в виду история смены руководства Ленинградского отделения ССА и попытки автора противодействовать этому

См ранее, в приложениях к главе 7: «Случай в Варадеро...»

⁵ Все названия легко соотносятся с описанием «дела» социолога-рабочего в предыдущей главе

3. По следам наших выступлений
4. Не подлежит ввозу, вывозу и распространению 4а.

Минута молчания

0. **Эпилог:** «Театральный разъезд»

А. А. , 1984

Ремарка: «дочерние» досье.

Из этого многостраничного «Дела А. » формировались композиции поменьше (только официальные и публичные документы): «Фрагменты дела А.» и «Выжимки из дела А.». Такие «микрокомпозиции» предназначались для «распространения»...

Здесь надо заметить, что из официальных документов социолог-испытатель, на «законных» основаниях, располагал тогда лишь протоколом обыска (полным списком изъятого) и несколькими ответами на свои запросы в прокуратуру и т. п. Не без труда удалось снять копии с некоторых других документов: ордер на обыск и выемку, справка УКГБ ЛО... Собственных же письменных обращений в различные инстанции (прокуратура, милиция, Управление КГБ, партийная организация) накопилось несколько десятков.

Обнародование, ознакомление с этими текстами всех, «кому это может быть интересно», и стало главным способом самозащиты: «на миру и смерть красна!». (Сентябрь 2000).

* * *

Из «открытого письма» социолога-испытателя (март 1984)

[Нижее — текст публичной записки, предвалявшей собрания документов под названиями «Фрагменты...» и «Выжимки...». — А. А.]

<...> Как я имел несколько случаев убедиться, молва о «чрезвычайных обстоятельствах» гражданина, ученого и коммуниста Алексеева конца 1983 г., как и положено молве, получила не контролируемое ни авторитетными организациями, ни, тем более, самим А. распространение.

Я не могу себе позволить — оставить иногда фантастические, иногда сочувственные, иногда злорадственные домыслы и легенды без корректив. Настоящие 27 документов («Фрагменты...») и, соответственно, 10 документов («Выжимки...») из «дела» Алексеева могут внести на сей счет необходимую ясность.

С этими 27 или 10 документами (не обязательно со всей их подборкой) я ознакомил уже добрую сотню человек, кто меня спрашивал: «Что же с тобою произошло?».

Не налагаю ограничений на ознакомление с этими документами и впредь — всех тех, кто меня знает лично, или хотя бы знает о моем существовании. Разрешаю ссылаться на указанные документы в разговорах, столкнувшись с невольным или намеренным искажением истины. Рекомендую обращение лично ко мне, в целях ознакомления с каким-либо из них или для иных разъяснений.

Глубоко убежден, что прилагаемые документы не компрометируют ни меня, ни лица и организации, в них фигурирующие. Каждый делает свое общепартийное, общегосударственное, общенародное дело — кто лучше, кто хуже... На ошибках, как известно, учатся.

Андрей Алексеев, март 1984

Ремарка: «эзопов язык...»

Двусмысленность последнего абзаца довольно очевидна. Тоже своего рода «эзопов язык»...

К словам «...иногда злорадственные домыслы и легенды...» было примечание: «Субъекты типа: И.С., Б.П., Н.Л., В.М. (последнему — первый кнут)».

Намек, спрятанный за инициалами, был понятен «посвященным». (Сентябрь 2000).

* * *

Р. Рывкина — А. Алексееву (январь 1984)⁶

<...> Прочитала — все! [*Речь идет о «Фрагментах дела А.» — А. А.*]

Потрясена практическим решением проблемы «Личность и организация»... Сотни пухлых монографий (в мире). Правда, у нас — меньше десятка (две-три). А пример — **один!**

С этой точки зрения, тебя есть с чем поздравить также. А не только с победой по прямой линии... [*Под «победой», вероятно, имелось в виду то обстоятельство, что органы госбезопасности не пошли дальше официального предостережения социологу-рабочему. — А. А.*]

Получен научный эффект — как «побочный результат» происшедшего взаимодействия с социальными институтами.

К тому же, еще один новый жанр: **социологическая документалистика**. Тексты написаны в двух измерениях:

- 1) деловом (в адрес должностного лица) и
- 2) аналитическом (в адрес некоего «совокупного социолога», который в них увидит, если сумеет, инструмент, анализирующий ситуацию, расставляющий измерительные приборы, с тем, чтобы затем снять показания). <...>

Инна, январь 1984⁷

8.4. Решение партийного бюро: «Исключить антисоветчика...»

Несколько вступительных слов

Стоит напомнить, что до поступления на «Ленполиграфмаш» справки УКГБ ЛО «В отношении Алексеева А. Н.» первичная партийная организация занимала в «деле» социолога-рабочего нейтральную и, так сказать, выжидательную позицию.

⁶ Напомним, что Розалина Владимировна Рывкина — одна из адресатов «Писем...» социолога-рабочего 1980–1981 гг. В ту пору она жила в Новосибирске. См. о ней ранее, в главе 2: «Формула разгильдяйства» и вынужденная инициатива...», и др. разделы; в главе 4: раздел «Я вспоминаю...»

⁷ Продолжение переписки с Р. Рывкиной см. в главе 9: раздел «Ситуация — статика и динамика Алексеев — стимулы и реакции»; в главе 10: раздел «Письма Любимым женщинам 1985»

С марта 1984 г. заработала «партийная машина».

Ниже — извлечение из «объяснения», затребованного партийной организацией у своего члена сразу после того, как на завод поступила упомянутая справка из Управления КГБ.

Поскольку основные положения этого документа воспроизводятся и в позднейших текстах (выступление на партийном собрании цеха и др.), приведем здесь только его «резюме». (Сентябрь 1999 — ноябрь 2000).

Из «Объяснения коммуниста» (март 1984)

<...> Внимательное сопоставление всего сделанного, написанного, сказанного мною за сознательную жизнь, совпадающую с пребыванием в партии [так! — А. А.], исключает версию о «двойном дне», которую, похоже, хотяя ко мне отнести. Я не только уверен в своей невиновности, но и убежден, что делаю нужное, партийное дело. Хорошо или плохо [делаю. — А. А.] — другой вопрос. Тут уж не мне судить. Но свою позицию коммуниста я готов отстаивать, буду отстаивать и настаиваю на ошибке, допущенной конкретными сотрудниками УКГБ ЛО в отношении меня.

Для меня жизненно важно, чтобы партийная организация не повторила этой ошибки, а, наоборот, помогла ее исправить.

А. Алексеев, 24.03.84⁸

* * *

Из акта комиссии партийного расследования цеха¹³ Ленинградского завода полиграфических машин (апрель 1984)

<...> В своем объяснении Алексеев А. Н. не признал себя виновным ни по одному из положений предъявленных обвинений, изложенных в справке Управления КГБ по Ленинградской области от 12 марта 1984 г. Не дал принципиальной оценки своим заблуждениям и действиям.

<...> В ходе партийного расследования Алексеев А. Н. проявил неискренность, вины своей не признал.

Убеждения и действия Алексеева А. Н. несовместимы с пребыванием в рядах КПСС.

Председатель комиссии: Максимов Б. Г.

Члены комиссии Калинин М. Ф., Лобов Е. А.⁹

* * *

Из «Записей для памяти» (апрель 1984)

<...> Утром 13.04.84 (пятница), между 9 и 10 час., к моему рабочему месту подошел секретарь партбюро цеха Новиков и известил, что заседание партийного бюро, на котором будет обсуждаться мое персональное

⁸ Современный авторский комментарий к текстам такого рода — см в последующих разделах

⁹ Этот текст датирован между 6 и 13 апреля 1984 г. Ту часть справки комиссии партийного расследования, которая посвящена «Письмам...» социолога-рабочего 1980–1981 гг., см ранее, в главе 4: раздел «Официальные отзывы»

дело, назначено на 10-30. Но сначала — другой вопрос (прием в ряды КПСС). Так что я понадобился только в 10-45. Чтобы мне не ожидать у дверей, меня специально пригласят от рабочего места.

Я был вызван на полчаса позже назначенного срока: либо начало заседания задержалось, либо затянулся предыдущий вопрос, либо (что наиболее вероятно) обсуждение моего вопроса началось еще до того, как меня пригласили. Заседание партийного бюро происходило в кабинете начальника цеха. Там присутствовали:

— члены партбюро цеха: В. Новиков (секретарь), А. Червяков (зам. секретаря по идеологической работе), М. Калинин (зам. секретаря по орг. работе), Е. Понтюхов, Н. Толстова, А. Данилушкин (первые четверо — рабочие, Толстова — технолог, Данилушкин — начальник цеха);

— члены комиссии партийного расследования: Б. Максимов (председатель), Е. Лобов (оба — рабочие; первый — член парткома завода, второй — партгруппорг участка). Третьим членом комиссии является М. Калинин, член партбюро цеха, уже упоминавшийся.

На заседании партийного бюро присутствовала также зам. секретаря парткома по идеологии Л. Герасимова.

(Кабинет начальника цеха — довольно тесный. Начальник цеха сидел на своем обычном месте, во главе стола. За столом, приставленным к его столу в виде ножки буквы «Г», сидели Толстова (ведшая протокол) и Червяков. На стульях, приставленных к стене, ближней ко входной двери, сидели Понтюхов, Калинин, Максимов, Лобов. На стуле у противоположной стены — Герасимова. Секретарь партбюро Новиков — за столом начальника цеха, сбоку. Я сел на стул, приставленный к торцу второго стола, т. е. в основании ножки буквы «Г»).

Стенные часы были у меня за спиной, так что я лишь приблизительно могу сказать, что обсуждение началось в 11-15, а закончилось в 12-30 (обеденный перерыв в цехе с 12 до 12-40). По ходу дела выступающие вставали. Вопросы задавались сидя. Я вставал, отвечая на вопросы.

Обсуждение началось с информации секретаря партбюро Новикова, сообщившего, что в партком завода поступила справка из Управления КГБ «В отношении Алексеева А. Н.». В связи с чем было проведено партийное расследование. Алексеевым представлена «объяснительная» («объяснение коммуниста», как тут же сам поправился секретарь партбюро). Имеется акт комиссии партийного расследования.

Было предложено зачитать документы. Новиков зачитал: сначала — справку УКГБ ЛО от 12.03.84, затем — мое «Объяснение...» от 24.03.84. [См. выше. — А. А.]. Последнее зачитывалось полностью, по предложению одного из членов партбюро (было и предложение — обойтись без этого).

Что касается акта комиссии, то Червяков предложил зачитать его потом, а сначала — пусть присутствующие зададут мне вопросы.

Вопросов было много. Я делал заметки для себя и, кажется, могу сейчас воспроизвести все вопросы, в той последовательности, как мне их задавали.

* * *

Максимов: В свое время Вы сменили профессию журналиста на профессию социолога. По собственной инициативе или по чьему-либо совету?

Я ответил, что по собственной инициативе. Вообще, среди социологов с 15-20-летним стажем практически нет людей, которые бы не вышли из какой-либо другой профессии.

Калинин: Почему Вы, как коммунист, не подсказывали, не направляли (так! — А. А.) партийную организацию, имея высшее образование и профессиональный опыт социолога?

Я сказал, что считаю своей главной обязанностью хорошо делать свое производственное дело. Когда что-либо этому препятствовало, я искал помощи у партийной организации, ставил вопросы перед администрацией, обращался с предложениями к главному технологу, не получив на них ответа — обратился в партком (правда, также ответа не получил), выступал на партийных собраниях. Что же касается того, чтобы «направлять» партийную организацию, то я полагаю такую постановку вопроса неуместной.

<...> Вопрос Данилушкина, который я не успел записать, но смысл сводился к претензии, что я занимался своими личными делами, в частности — писанием писем, в рабочее время.

Я поинтересовался, откуда ему об этом известно. Данилушкин сказал, что знает об этом из моих же писем.

Я сказал, что вообще-то нехорошо читать чужие письма, но коль скоро его интересует этот вопрос, то могу сообщить, что в 1980–81 гг. (Данилушкин тогда в цехе еще не работал) я имел неполную производственную загрузку. Насколько мог, я инициативно увеличивал загрузку — за счет того, что работал и за технологов, и за ремонтников, и выпускал на своем станке продукцию, не предусмотренную штатными технологическими процессами на ПКР.

Вопрос о внутрисменных простоях неоднократно поднимал — не только устно, но и в служебных записках на имя начальника цеха (тогда — А. М. Соловейчик). Я даже просил разрешения на освоение дополнительной специальности — шлифовщика (но поддержки, к сожалению, не получил). Вопрос о вынужденных простоях наладчика ПКР ставился мною на цеховом партийном собрании, в декабре 1981 г.¹⁰

Лишь в 1982 г. удалось-таки добиться полной производственной загрузки, а с вступлением в бригаду этот вопрос вообще оказался снят.

Так что своими «личными» делами в рабочее время я, если и занимался, то лишь тогда, когда оказывались исчерпаны все возможности занять себя производственным делом.

Лобов: Адресаты Ваших писем — настоящие или вымышленные?

Ответ: Я писал конкретным, реальным людям. Это мои личные друзья и, как правило, коллеги по социологической профессии.

¹⁰ См ранее, в главе 3: раздел «Я вот уже два года здесь работаю...»

Данилушкин: Кто Вы все-таки больше сегодня: социолог или рабочий?

[Вопрос характерный, задававшийся неоднократно и после. Социолог-рабочий отвечает на него с готовностью. — А. А.]

Ответ: Думаю, что и то, и другое в равной мере. В качестве социолога я за все время работы на заводе не совершил ни одного исследовательского шага, не вызванного необходимостью выполнения своих обязанностей в качестве рабочего. Например, кому как не социологу интересоваться действующими на заводе формами оплаты в бригаде на единый наряд? Но я ознакомился с этим не раньше, чем сам стал членом бригады, т. е. только в прошлом году.

Данилушкин: На какой срок рассчитано Ваше «включенное наблюдение»?

Ответ: Строго говоря, это не «включенное наблюдение», как об этом написано в справке УКГБ ЛЮ. Такое наблюдение действительно рассчитывается на определенный срок: узнал, что надо, «выведал» (по возможности незаметно) и ушел. Мое положение или позицию правильнее назвать — «наблюдающее участие». Я делаю свое производственное дело, участвую в жизни коллектива и осмысливаю это. Такое участие может быть бессрочным.

Данилушкин: Где помещены, как использовались результаты Ваших исследований?

Ответ: Пока я работал по совместительству в ИСЭП АН СССР, я представлял туда научные отчеты. Насколько мне известно, года два назад секретарь партбюро института ознакомил партком завода с моим отчетом (правда, это было сделано почему-то втайне от меня).

Немало публикаций в журналах, в научных изданиях. И отчеты, и публикации последних трех лет ныне переданы мною в комиссию партийного расследования. Кстати, там есть предложения по совершенствованию системы нормирования труда, подготовленные по заказу Госкомтруда — не далее, как в ноябре прошлого года.

Вообще, в науке период внедрения результатов более продолжителен, чем, скажем, период между запуском и выпуском нового изделия на производстве. Мои заводские наблюдения еще не успели найти полного отражения в публикациях. В прошлом году написана большая статья, обобщающая результаты исследований на заводе. Возможно, она будет опубликована. <...>

Новиков: Вы настаиваете, что не занимались распространением копий антисоветских сочинений Зиновьева?

Ответ: Да, я на этом настаиваю.

Данилушкин: Что представляет собой издание Мао Цзэ-дуна, о котором говорится в справке УКГБ ЛЮ. Какого оно года?

Ответ: Середины 60-х гг.

Данилушкин: А где издано?

Ответ: Думаю, что в Пекине.

Данилушкин: Как оно к Вам попало?

Я выразил готовность ответить, но Новиков сказал, что это не интересно.

<...> Калинин: Считаете ли Вы себя хоть в чем-то виноватым?

Ответ: Всякий человек может иметь недостатки и совершать ошибки. И я наверняка не составляю исключения. Однако в том, что мне инкриминируется в справке УКГБ ЛЮ, я себя виноватым решительно не считаю.

Новиков: Проводилось ли Вами не санкционированное исследование?

Ответ: Если Вы имеете в виду исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», то оно стояло в плане научного института, и мое поступление на завод происходило при поддержке партийных органов.

Новиков пояснил, что имеется в виду анкетирование по общественным проблемам советского общества.¹¹

Я: Об этом сказано в моем «Объяснении коммуниста». То было опробование социологической методики, в ограниченном кругу моих знакомых.

Данилушкин: Значит, анкетирования Вы не проводили?

Ответ: Анкетирования я не проводил...

Ремарка: не всякий опрос — анкетирование.

Здесь социолог-испытатель пользуется тем, что начальник цеха не искушен в социологической терминологии и не видит разницы между экспертным опросом и «анкетированием». (Ноябрь 2000).

...Данилушкин: В своем объяснении Вы пишете, что заботились о такте, деликатности. Как Вы объясните, что, обращаясь к конкретной «любимой женщине», Вы употребляли нецензурные выражения?

Ответ: Хотелось бы знать, какие именно выражения имеются в виду. Но для этого, наверное, надо спросить разрешения у присутствующих здесь женщин.

Данилушкин: Например, «придунок».

Я: Это слово — из литературного языка.

Данилушкин: Там попадают и другие, правда, с точками...

Я: Вот именно, что с точками. Впрочем, врач врачу может сказать и без точек. Я напоминаю, что мой адресат является также социологом.

<...> Лобов: Вы писали в своих письмах о «Генеральной линейке», которая искривлена. Что имелось в виду?

Ответ: Ох, уж эта «Генеральная линейка»! Так я называл поперечину траверзы своего станка (координатный пресс с револьверной головкой).

Лобов: Не было ли там иносказания?

Ответ: Конечно, было. Там даже сказано — «притча о генеральной линейке». Иносказательный смысл заключался в том, что...

Тут я был прерван Червяковым, который заявил, что и так ясно.

И все же я настоял на том, чтобы сообщить, что «притча о генеральной линейке» является ничем иным, как иллюстрацией к известному высказыванию Ленина: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “натывать” на эти общие вопросы» (ПСС, т. 15, с. 368).

¹¹ См ранее, в главе 1: «“Ожидаете ли Вы перемен?” (несколько вопросов о перспективах исторического развития)» и др разделы

В ответ на это мое заявление Новиков подал реплику, что Ленин говорил также: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Я не стал эту реплику комментировать.

Новиков: Отдавая должное всему хорошему, что Вы сделали для нашего коллектива (так! — А. А.), как все-таки понимать такую фразу из Вашего письма (зачитывает по записной книжке цитату, из которой усматривается «циничное отношение к коллективу»).

Я: Вырванная из контекста, эта фраза не может обсуждаться. Если бы мои письма лежали на этом столе, я мог бы показать, что такое истолкование, которое дает тов. Новиков, неправомерно.

Данилушкин: <...> Вы пишете, что можете нарочно вынуть из станка деталь, без которой работать нельзя, и требовать, чтобы устранили неполадку.

Я: Четыре года назад, когда ремонтники не хотели заниматься станком, мне пришлось вместо положенной пробки заглушить пневмоцилиндр обыкновенным болтом. Его надо бы заменить, но он и сейчас там стоит.

Данилушкин: Так Вы вынимали, нарочно, этот болт?

Ответ: Конечно, нет. Это воображаемая ситуация. В реальности подобные случаи в цехе бывали, но не со мной...

Ремарка: болт, предъявленный в партийную комиссию.

С социологом-рабочим такой «случай» все же однажды произошел, несколько месяцев спустя: он решил въяве продемонстрировать этот, не дававший его оппонентам покоя, болт в партийной комиссии горкома КПСС.

Пропутешествовав из цеха в Смольный и обратно, злополучный болт на следующий день был ввинчен в тот же пневмоцилиндр. (Сентябрь 1999).

<...> Понтюхов: Почему Вы не выступали на собраниях, когда сталкивались с производственными неполадками?

Ответ: Вероятно, Вам случайно не довелось присутствовать на тех собраниях, где я выступал.

* * *

После того, как я ответил на вопросы, В. И. Новиков зачитал акт комиссии партийного расследования.¹² С содержанием этого акта до заседания партийного бюро меня не знакомили. После зачитания акта тов. Новиков предложил высказаться членам партийного бюро. Выступали: Калинин, Червяков.

Калинин в своем выступлении просто повторил заключительные слова акта комиссии партийного расследования, отметив, что комиссия была единодушна. При этом он заметил, что комиссия для своих заключений получила «все материалы, которыми могла располагать» (так! — А. А.).

Червяков в своем выступлении сказал, что за 30 с лишним лет жизни у него «никогда и в мыслях не было, чтобы органы внутренних дел или госбезопасности могли ошибиться». Он присоединяется к мнению комиссии партийного расследования.

¹² Его фрагмент, касающийся, в частности, дневников и писем, приводился в главе 4: раздел «Официальные отзывы»

Председательствующий (Новиков) спросил, хочет ли еще кто-либо из членов бюро высказаться. Нет. Мне высказаться, кроме ответов на вопросы, не предлагалось.

Новиков предложил следующий проект решения партийного бюро: — Рекомендовать партийному собранию **исключить Алексеева А. Н. из партии за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания.**

Других предложений не поступило. Голосовали шестеро присутствующих членов партийного бюро цеха: Новиков, Калинин, Червяков, Данилушкин, Понтохов, Толстова. Предложение секретаря партбюро принято единогласно.

После этого Новиков известил, что партийное собрание цеха, на котором будет разбираться персональное дело А., состоится 16 апреля, в понедельник, в 16-15.

Объявление о партийном собрании было вывешено в тот же день, около 14 час. Повестка дня: 1. Прием в члены КПСС (Кутуев К.Х.) 2. Персональное дело (Алексеев А. Н.)

(Записано в апреле 1984 г.)

Ремарка: членов партии не убавилось...

По иронии судьбы, на одном и том же партийном собрании в апреле 1984 г. состоялись исключение из партии социолога-рабочего и прием в партию председателя цехкома К. — того самого, который в «Письмах...» фигурировал с неосторожным эпитетом: «придурок с домкратом». (Сентябрь 1999).

8.5. «Речь идет о жизни и смерти...»

Авто stenogramma выступления социолога-рабочего на партийном собрании цеха ¹ 3 «Ленполиграфмаша» (апрель 1984)

Товарищи коммунисты!

На сегодняшнем партийном собрании стоит вопрос об исключении меня из партии «за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания» (таково решение партийного бюро цеха). Будучи 23 года коммунистом по убеждению, а не ради должности, никогда не имевшим даже небольших партийных взысканий, я бы сказал: речь идет о жизни и смерти.

Устав нашей партии требует: «При решении вопроса об исключении из партии должен быть обеспечен максимум внимания и тщательный разбор обоснованности обвинений, предъявляемых коммунисту».

Я утверждаю, что такого разбора пока не было, хотя сегодня партийному собранию уже предлагается готовое решение. Я утверждаю, что комиссия партийного расследования не сумела, а может быть, не имела возможности объективно разобраться в этом деле. Я утверждаю, что партийное бюро не только повторило ошибку комиссии, но и усугубило ее своим решением.

Причиной всего этого, как я считаю, является ошибка работников другой организации. Организация очень авторитетная, и ее авторитет может действовать завораживающе на отдельных коммунистов.

Тов. Червяков, выступая в пятницу на партийном бюро, сказал, что он за 30 с лишним лет своей жизни не знает, чтобы органы внутренних дел или госбезопасности допустили ошибку. Он «и представить себе такого не может». Он — не может, а я в свои 50 лет могу, и даже ощущаю на собственной шкуре.

Ошибки бывали, рано или поздно исправлялись. И совсем недавно бывали... Освобождение от своих обязанностей Министра внутренних дел Щелокова и вывод его из ЦК — это уже на памяти тов. Червякова.

Уверен, что рано или поздно будет исправлена и эта частная ошибка, допущенная в отношении коммуниста Алексеева.

Я действительно, как написано в акте партийного расследования, не считаю себя виновным ни по одному из пунктов обвинения, изложенного в справке УКГБ ЛО. То же заявил и в Управлении КГБ на беседе. Если бы я в самом деле занимался распространением антисоветской литературы, меня надо было бы судить, а не на собрании обсуждать.

Полгода назад, когда я узнал о повышенном интересе к себе органов госбезопасности и сообщил об этом тов. Новикову, он сказал: у партийной организации к Вам, тов. Алексеев, претензий нет. Теперь тов. Максимов мне говорит: мы, тов. Алексеев, стоим перед фактом.

Как же разбирались комиссия и партийное бюро в моем деле?

Первое (не в порядке важности). Мне едва успели сообщить о поступившей на меня в партком «справке», я еще только объяснение пишу, а уже по цеху, причем среди беспартийных, самые фантастические слухи: что Алексеев — антисоветчик, что он оскорбил рабочий коллектив... Какие-то «письма», каким-то «любимым женщинам», да еще мне же цитаты из писем приводят, преобразованные до нецензурщины.

Я сразу спросил Новикова: как это понимать? Он мне ответил, что не считал нужным делать секрета. А я считаю, что не дело дискредитировать коммуниста, еще не получив его объяснений.

Второе. Членам комиссии партийного расследования была предоставлена возможность ознакомиться с двумя папками моего личного архива 3-летней давности. Это единственное «доказательство» моей вины, которое комиссия, как говорится, подержала в руках...

Что же в этих папках? Личные письма, дневники, замечания по технологическим процессам, научные отчеты, опубликованные или подготовленные к печати статьи (что я совмещаю научную работу с работой на заводе, коммунистам давно известно — либо от меня самого, либо из партийной характеристики, выданной мне для поездки на Кубу, в прошлом году). Папки объемистые — там больше 700 страниц. <...>

Личные письма, конечно, не предназначались для чтения людей, с которыми, как говорится, за одним столом не сидел. Вообще, у нас тайна переписки охраняется законом и ознакомление с личной перепиской до-

пускается только в том случае, когда ведется расследование преступления. Об этом не случайно напомнил в своей книге Константин Устинович Черненко («КПСС и права человека». М., 1982, с. 238).

Я преступления не совершал. Но тт. Новиков, Максимов, Калинин, Лобов вынуждены были читать эти письма, без моего на то согласия.

Как же они их читали? Тов. Новиков мне сказал, что прочитал шесть писем [из 18-ти. — А. А.], первые по порядку, и даже успел сделать выписки... Я поинтересовался, сколько же он на все это затратил времени. Оказывается, три часа. Первые шесть писем — это примерно 180 страниц убористого машинописного текста... Может, он читал в основном то, что кем-то уже подчеркнуто?

Сколько времени затратили на эту работу члены партийной комиссии — не знаю. Говорят, много. Но когда они со мной беседовали, я убедился, что доброй половины они просто не читали. Однако пишут в своем акте: «Все материалы... имеют вредную политическую направленность». Ну, как же так можно?..

Ремарка: неудобный член партийной комиссии (Геннадий Богомолов).

Как социолог-испытатель узнал гораздо позже, в состав комиссии партийного расследования, среди прочих, был включен также знаменитый не только на «Ленполиграфмаше», но и на всю страну фрезеровщик-виртуоз, лауреат Государственной премии Геннадий Александрович Богомолов.

(Несколько лет спустя мы стали близкими друзьями, тогда же — знакомы не были: работали в разных цехах.)

Г. Богомолов, человек независимый и, как говорится, «неуправляемый» (кстати, потому в свое время и не получивший звание Героя Социалистического Труда), сначала отказался читать «чужие письма». Когда ему объяснили, что это только «литературный прием» такой, а на самом деле — «антисоветские статьи», ознакомился с несколькими письмами и... солидаризировался с их содержанием!

Из состава партийной комиссии Г. Б. тогда, понятно, вывели. А из партии его исключили лишь пару лет спустя.

О Геннадии Богомолоче см. документальную повесть: А. С. Ежелев. Лучший из грехов. М.: Известия, 1988. В этой повести, кстати, описывается и эксперимент социолога-рабочего¹³. (Сентябрь 1999).

...**Третье.** Когда мне стали приводить отдельные фразы из писем 4-летней давности, я сказал, что должен иметь перед глазами весь текст. Оказывается, этого нельзя. Да ведь даже обвиняемому на суде дают ознакомиться с материалами дела!

Кое-как я разыскал и разобрал некоторые сохранившиеся у меня рукописные черновики. Что-то выпросил из своих писем у конкретных адресатов (кто сберег, а кто и нет).¹⁴ Стал сравнивать текст с формулировками акта партийного расследования.

³ Автор названной повести — Анатолий Степанович Ежелев — в ту пору был ленинградским собкором «Известий», впоследствии — Народный депутат СССР. Ныне — главный редактор еже-месячного правозащитного альманаха «Terra Incognita»

¹⁴ Здесь — лукавство: на самом деле автор располагал еще одним, уцелевшим при обыске комплектом «Писем...»

Ограничусь одним примером. В акте написано: «...не стесняясь в выражениях, поносит, порою непристойными словами, рабочих и хозяйственных руководителей цеха, как например: «придурки», «паскуда» и т. п.».

Ну, в умывальнике или «на бочке»¹⁵ можно еще и не такое услышать (в адрес отдельных лиц). Но этого мало: «Алексеев пишет, что к одним он питает ненависть, а к другим — презрение».

Ни больше ни меньше!

А вот, что в действительности было написано в личном письме, через полгода после поступления на завод. Перечислив тех, с кем мне уже приходилось иметь дело по работе, я пишу:

К троице из этого списка я сам испытываю чувство глубокой и искренней признательности. Это Федор Филиппович К., Иван Александрович С. и Станислав П. — все трое рабочие.

По крайней мере трое должны бы испытывать не меньшую признательность мне. Это — К., Т. и К. — все трое ИТР. Однако ни я по отношению к этим троице, ни они по отношению ко мне своей признательности пока явно не выражают.

К двоим я испытываю ненависть. Это — С. и Р. (оба ИТР). Надеюсь, взаимно.

К двоим — презрение. Это Е. и К. (оба не рабочие, но и не ИТР, а так — придурки).

Ко всем остальным я либо расположен, либо индифферентен эмоционально. Соответственно, и они ко мне (либо то, либо другое).

...А Вы, Нина, никогда не пробовали подводить подобные балансы своих служебных контактов?¹⁶

Вот кусок реального письма. А в акте партийного расследования об этом сказано, повторяю: «...к одним он питает ненависть, а к другим — презрение».

С тех пор, за четыре года, я узнал многих, и меня узнали многие. Есть люди, с которыми работать одно удовольствие, например Виноградов и Сыцевич, с каждым по-своему. Есть люди, которые мне меньше нравятся. Есть и такие, к которым я не питаю теплых чувств, и они ко мне, возможно, тоже.

Но люди в коллективе притираются друг к другу. Зачем же применять запрещенные приемы и обобщать личное мнение о конкретном человеке (которого, кстати, я даже настоящим рабочим не считаю!) за мнение о рабочем классе?

А вот чего не захотели увидеть в моих письмах. В 1980–1981 гг., делясь с коллегами-социологами своими первыми заводскими впечатлениями, я, в первом приближении (не для печати!), отразил те самые наиболее болезненные проблемы производства, о которых два года спустя во весь голос было сказано на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Если не отдельные фразы выхватывать, а непредвзято читать **все подряд**, то оказывается, что в письмах, не говоря уж о научных отчетах (которые тоже в этой папке), остро ставятся такие проблемы, как недостаток исполнительской дисциплины и порядка на производстве, неуважительное отношение администраторов к труду и мнению рабочих, формализм и показуха, недостаток заинтересованного участия рабочих в управлении производством и многое-многое другое.

¹⁵ «На бочке»... Что это такое — см. ранее, в главе 2: раздел «Оживший памятник...»

¹⁶ См. ранее, в главе 2: раздел «Чем дальше, тем страшнее...»

Когда я членам комиссии сказал об этом, тов. Максимов не стал возражать, но заметил, что я пишу об этих проблемах «зло». Я с этим согласен. Но как можно относиться к общественным недостаткам «подобному»? Я боролся с ними и как ученый, и как коммунист на производстве, а не зубоскалил у пивного ларька.

У меня в этих письмах усмотрели «оскорбление рабочему классу», а я нахожу сквозную и множеством наблюдений и фактов представленную тему рабочей инициативы в выполнении производственных заданий, а также тему доброжелательства и бескорыстной помощи новичку, в рабочей среде.

В первые два года работы на заводе я столкнулся с массой бюрократических трудностей в деле внедрения нового оборудования. Я писал об этом в своих письмах со всей откровенностью. И, кстати, о том же говорил на цеховом партийном собрании, в этом самом помещении. В одно из последних писем включен полный текст моего выступления на том партийном собрании. Но члены комиссии этого, как и многого другого, почему-то не заметили.

Четвертое и последнее. Мои дневники и личные письма выдаются теперь за «статьи политически вредного содержания». Но ведь не могут же не понимать товарищи, что письма и дневники — это не статьи.

Статей своих, опубликованных в научных сборниках и массовых журналах за последние годы, я принес в комиссию целый мешок. Почему же их не читали? А если и успели прочитать за тот один день, что этот мешок находился у тов. Калинина, то почему на партийном бюро об этом никто и словом не обмолвился?

В своем «Объяснении коммуниста» я уже отмечал, какой общественный резонанс получили мои публикации в центральных журналах. Отклики на статью в «Молодом коммунисте» публиковались в двух номерах подряд, включая письмо Министра высшего и среднего специального образования СССР, академика Елютина.

После интервью в «ЭКО» Госкомитет по труду и социальным вопросам запросил у меня предложения по совершенствованию системы нормирования труда.¹⁷

Это все — только в одном, минувшем году.

О выполнении своих прямых производственных обязанностей (наладчик, слесарь) я уж и не говорю. Это что — тоже несовместимо с пребыванием в партии? Меня и за это надо исключать?!

Допускаю, что, прочитав или услышав только отдельные, специально подобранные выдержки из личных писем, вы можете составить об их авторе превратное представление. Но я надеюсь, что коммунисты, принимая свое решение, не будут столь односторонними.

Я надеюсь, что партийное собрание сможет потребовать более тщательного разбора персонального дела, т. е. поступить в соответствии с требованиями Устава КПСС.

¹⁷ См ранее, в приложениях к главе 7: «Предложения в Госкомтруд»

Отдавая себе отчет во всей ответственности своего заявления, я утверждаю, что не нарушал ни советских законов, ни Программы и Устава партии, ни нравственного закона коммуниста. Считаю себя коммунистом и по убеждениям, и по действиям.

А. Алексеев, 16.04.84

Ремарка: смешение слов и понятий.

Авторская самозащита — на высокой ноте: «Речь идет о жизни и смерти...», и т. д. Вопрос: был ли в этой речи наигранный? Пожалуй, да. Но и убежденность в высшей, «идеальной» правоте была. А последняя для субъекта «драматической социологии» не имела тогда адекватного названия.

Не отсюда ли апелляция к «симулякрам» — партийной программе, уставу, «нравственному закону» коммуниста и т. п.? Индивидуальное сознание — в путях «господствующих мыслей эпохи»...

Впрочем, это предмет особого разговора, к которому еще не раз будем возвращаться. (Сентябрь 1999).

8.6. «Вредитель», «саботажник», «шпион»...

**А. Алексеев — в партийный
комитет «Ленполиграфмаша»
(апрель 1984)**

Секретарю парткома ЛЗПМ тов. Щекину В. Д.
от Алексеева А. Н., члена КПСС с 1961 г.

Заявление¹⁸

<...> В минувший понедельник, 16.04.84, на партийном собрании цеха¹ 3 было принято решение об исключении меня из партии, при двоих воздержавшихся и одном голосовавшем против (это был я сам). Формула исключения: за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания. <...>

Думаю, что партком уже ознакомился с соответствующими документами, в том числе с протоколом партийного собрания от 16.04, к которому должен быть приложен текст моего выступления, переданный секретарю собрания. Уж не знаю, насколько полно отражены в протоколе высказывания отдельных коммунистов о том, что я — «вредитель», «саботажник», «шпион», короче — заведомый враг. Без фактических доказательств эти обвинения превращаются в клевету. Я глубоко ими возмущен.

Зачем шпиону и вредителю, например, ремонтировать основательно разбитый новый станок, требовать его полной загрузки, вскрывать ошибки в технологических расчетах, обращаться к главному технологу с предложениями о скорейшем внедрении новой техники? Если меня так называть, тогда как назвать тех, кто в свое время подписывал акт приемки

¹⁸ Публикуется в сокращении

непригодного к эксплуатации оборудования, кто не спешил его загрузить, кто допускал брак в технологической документации, кто не реагировал на деловые обращения? Патриотами, что ли?

<...> Не повторяя всего того, что написано в моем «Объяснении коммуниста» от 24.03 и сказано мною на собрании 16.04, подчеркну лишь еще раз, что утверждение о том, что я якобы занимался распространением антисоветской литературы, — совершенная неправда, а что мои дневники и письма являются якобы статьями политически вредного содержания, — совершенная нелепость.

Первое — по существу уголовное обвинение, только источник информации (начальник подразделения УКГБ ЛЮ тов. Полозюк) его почему-то избегает доказывать, а просто предлагает верить ему на слово. (Не случайно этот вопрос на собрании отошел на второй план, почти не затрагивался в выступлениях.)

Второе обвинение подкрепляется личными впечатлениями четверых коммунистов (тт. Новиков, Максимов, Калинин, Лобов), которые имели возможность поддержать в руках мой личный архив, состоящий из дневников, писем, деловых и научных документов, публикаций.

Выступления названных лиц на партийном собрании дают основания утверждать, что они не просто «не разобрались», но их подход к делу был заведомо тенденциозным.

<...> Не могу сейчас останавливаться на каждой использованной против меня фразе из того или иного письма. Это можно обсуждать только имея в руках **полный текст** моего собрания личных и научных документов. Такой возможности у меня пока **не было**. Надеюсь, что партком такую возможность обеспечит.

Тогда не возникнет конфузов вроде тех, когда тов. Лобов на партийном собрании 16.04, словно забыв, что я уже зачитывал вслух кусок личного письма о своих взаимоотношениях с людьми в первые два года работы на заводе, читает тот же кусок... только без начала и конца, чтобы доказать, что я с пренебрежением отношусь к рабочему классу. Или когда тов. Калинин, в качестве доказательства моей моральной несостоятельности выдает за мой текст... шутливую пародию на мое письмо, написанную другим человеком.¹⁹

С усердием и «искусством», более приличествующим настоящим антисоветским пропагандистам, чем членам комиссии партийного расследования [! — А. А.], четверо коммунистов выискивали в моих дневниках и письмах словечки и фразы, которые вне контекста либо теряют смысл, либо даже, при соответствующей аранжировке, приобретают обратный смысл. Этак не только личные документы, но и газету «Правда» или «Известия» можно препарировать и представить как «порочащие» нашу действительность.

Особенностью большинства выступлений на собрании была попытка не только выдать личные письма за политически вредоносные статьи, но

¹⁹ См ранее, в главе 2: раздел «Производственные драмы и “ужасное дитя” цеха 1 3»

и истолковать, под заданным углом зрения, всю мою жизнь, и особенно — последние четыре года производственной и научной деятельности. И тут пошли конфузы...

Перелистав мои научные и журналистские работы последних лет и не найдя в них ничего, с его точки зрения, предосудительного, тов. Калинин усмотрел там «погоню за гонораром». Можно подумать, что социологи и журналисты, в отличие от тов. Калинина, должны работать бесплатно...

Тов. Данилушкин усмотрел «нечестность» в желании перейти из института на завод. Как я смел согласиться быть наладчиком, со среднемесячным заработком 150 руб., не имея технической подготовки и опыта! Начальник цеха Данилушкин теперь интересуется — кто помог мне «внедриться» на завод. Да партком же и помог, а еще — отдел кадров. И вообще, вся история моего перехода отражена в партийной характеристике, данной мне для зарубежной туристской поездки в прошлом году. <...>

[Здесь опущена цитата из характеристики. — А. А.]

Теперь, год спустя, все эти слова обо мне произносятся только с частицей **не**: не «квалифицированный», а только притворялся таковым (Данилушкин); не «обеспечил освоение нового оборудования», а вставлял палки в колеса (Максимов); не «передавал опыт», а утаивал его, потому и ремонтников к станку не подпускал (Новиков). Вместо «трудолюбия» — использовал рабочее время в личных целях.

(Между прочим, не в рабочее время, а дома перепечатывал я акты производственных испытаний и сводки бесчисленного множества расчетных ошибок в технической документации, допущенных технологами ОГТ.)

<...> В одном из личных писем 1980 г. рассказывается, как я, видя, что отдел главного механика не торопится выполнять своих обещаний насчет оплаты труда приглашенного для ремонта ПКР специалиста, расплатился с ним **своими** деньгами, которые тот мне затем вернул, получив, некоторое время спустя, положенное ему по ведомости.²⁰

«Вы спасали честь завода», — сказал мне тогда тов. Новиков. Сейчас — тов. Калинин истолковывает это как «делаж сорванного куша»...

В апреле 1983 г., когда я уже работал слесарем, уступил ПКР своему ученику, мне было присвоено звание ударника коммунистического труда. Теперь этого ударника представляют... действовавшим «не на пользу, а во вред производству» (Никитин).

На основании чего же все это говорится? Лучше всего объяснил секретарь партбюро цеха Новиков: «Своими откровениями Алексеев перечеркнул свои действия!». Выходит, по делам я был хорош, а по цитатам из дневников и писем — наоборот. И на этом основании производится переоценка всей моей предыдущей деятельности.

Вообще, судить человека надо по его делам. Но даже когда начинают судить по словам, нельзя передергивать.

²⁰ См ранее, в главе 2: раздел «Производственные драмы и “ужасное дитя” цеха¹ 3»

<...> Не случайно воздержавшимися при голосовании вопроса об исключении из партии <...> были двое бригадиров, с которыми я работал. Именно им показался недостаточно тщательным разбор моего «дела». ²¹

<...> О моей научной деятельности рабочим-коммунистам судить, конечно, труднее. Дело, которым я занимаюсь, — новое. Экспериментальная социология не у всех встречает правильное понимание.

Допускаю, что фиксация «изнутри» и последующий анализ как положительных, так и отрицательных моментов в работе производственной организации могут вызвать настороженность некоторых «заинтересованных» лиц в самой организации. Вместе с тем, надеюсь, что партийный комитет, дав в свое время согласие на научно-практический эксперимент, ныне оценит его результаты с позиций требований, сформулированных на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Если, пренебрегая моими объяснениями и здравым смыслом, запишут Алексеева в «антисоветчики», тогда получит оправдание позиция тех ученых, кто вовсе не склонен исследовать действительность и способствовать разрешению назревших общественных проблем.

* * *

С учетом всего сказанного, прошу партийный комитет о следующем:

— Создать комиссию партийного комитета, которая заново изучила бы всю совокупность материалов, характеризующих мою жизнедеятельность за последние годы, включая такие интимные ее свидетельства, как личный архив (коль скоро он уже стал достоянием гласности).

А. Алексеев, 22.04.84²²

Ремарка: доводы разума против доводов силы.

Стоит обратить внимание, что в своей самообороне социолог-испытатель поначалу пытается перевести обсуждение «дела» в «режим диалога», апеллирует к разуму, логике, здравому смыслу, иногда — к чувствам, в отличие от «силовых приемов» своих оппонентов.

Впоследствии, убедившись в бессмысленности такой линии поведения, он, как читатель сможет заметить, все чаще будет использовать против своих противников их же «оружие». (Октябрь 2000).

8.7. Репортаж с заседания парткома

Из справки комиссии парткома

Ленинградского завода полиграфических машин (май 1984)

<...> Заявление Алексеева А. Н. о неправильном исключении его из партии считать необоснованным. В этом выводе комиссия опирается на материалы партийного расследования, проведенного первичной партийной организацией цеха ¹ 3, а также на материалы, изъятые у тов. Алексеева.

¹ И В Виноградов и А В Сысевич См о них в главах 3 и 5

² К заявлению прилагался текст статьи «Человек в системе реальных производственных отношений...», с просьбой вернуть его, по ознакомлении

Алексеев А. Н. проявляет неискренность, своей вины не признает, он грубо нарушил Устав КПСС, уставные обязанности. Убеждения и действия Алексеева А. Н. несовместимы с пребыванием в КПСС.

Председатель комиссии: Ефремов

Члены комиссии: Егоренко, Муравых, Суматохин

16.05.84

* * *

Из «Записей для памяти» (май 1984)

<...> 23.05.84 (среда), в 13 час., секретарь партбюро цеха А. П. Червяков известил меня, что на сегодня, 17 час., назначено слушание персонального дела на заседании парткома завода. Ни накануне, на комиссии парткома, ни даже утром этого дня, полтора часа назад, когда я знакомился в парткоме со справкой комиссии, мне об этом не говорилось.

В отличие от вчерашнего дня, когда, будучи предупрежден заранее о заседании партийной комиссии, я имел при себе партбилет, в этот день у меня его с собой не было. О чем я сообщил Червякову и спросил, являться ли на партком без партийного билета.

Через несколько минут, подойдя вновь, Червяков сказал, что мне следует взять увольнительную, чтобы съездить домой за партбилетом; с мастером, мол, уже договорено. Поразмыслив, я брать увольнительную отказался.

Еще через некоторое время ко мне подошли, вместе, Червяков и член парткома Новиков, с настойчивым требованием, чтобы я все-таки взял увольнительную, мотивируя это требование «партийной дисциплиной». Я сказал, что партийная дисциплина не должна приходить в противоречие с производственной, и подтвердил свой отказ.

Полчаса спустя тт. Новиков и Червяков подошли снова и сказали, что мне будет предоставлена возможность съездить после работы домой на машине.

В 16-20 Червяков встретил меня на проходной, и мы вместе совершили поездку до моего дома и обратно, на зеленом пикапе (заводской, личный?), так что за минуту до 17 час. были у дверей большого зала завода, где происходило заседание парткома.

* * *

В заседании партийного комитета завода участвовало около 30 чел. (так называемое расширенное заседание парткома, или полный его состав, в отличие от бюро парткома, утверждавшего год назад мою характеристику для зарубежной турпоездки). В зале были установлены микрофоны. Вел заседание секретарь парткома В. Д. Щекин.

Перед началом слушания моего дела, мне было предложено Щекиным предъявить свой партийный билет, который я ему вручил и... не получил обратно.

Докладывал по моему делу председатель партийной комиссии Ф. Г. Ефремов. Ни один документ не зачитывался, вся фактическая информация

давалась в пересказе. Ефремов сообщил, что содержание персонального дела подтверждается такими документами, как справка УКГБ ЛО, справка Управления по охране государственных тайн в печати при Ленобл-горисполкомах, а также партийным расследованием цеха, материалами партийной комиссии завода.

Тов. Ефремов информировал партком о состоявшемся решении партийного собрания цеха об исключении меня из рядов КПСС «за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания». При этом им было сообщено о распределении голосов: 36 чел. — за исключение из партии, один — против (это был я), двое — воздержались.

(На самом деле на партсобрании цеха 16 апреля присутствовали 30 чел, переписанных мною поименно. Из них трое являются кандидатами в члены КПСС, т. е. без права решающего голоса. Таким образом, всего в голосовании могли участвовать только 27 чел. На учете же в парторганизации цеха состоят, как сообщил тогда же секретарь партбюро, — 39 чел, из них трое — кандидаты в члены партии. Один человек — К. Кутуев — был принят из кандидатов в члены только на данном собрании, т. е., строго говоря, права решающего голоса тоже еще не имел.)

Ефремову было задано несколько вопросов, выясняющих точку зрения комиссии парткома относительно «степени бесспорности» предъявленных обвинений. Тот подтвердил безусловность грубого нарушения мною Устава КПСС.

В отличие от партийного собрания цеха 16.04 и заседания комиссии парткома 22.05, мне, для самостоятельного выступления, слова здесь не предоставлялось (так же, как не предоставлялось его и на заседании партбюро цеха 13.04), а было предложено только ответить на вопросы.

Первым вопросом, заданным председательствовавшим тов. Щекиным был: «Что Вы считаете неправильным в заключении комиссии партийного комитета?». Я сказал, что усматриваю в этом заключении много частных ошибок и неточностей и общую неправильную оценку всего дела по существу.

Все последующие вопросы зачастую совмещались с репликами, носили характер неявных выступлений, к каждому из которых мне предлагалось выразить свое отношение.

Например (Щекин): «Вы утверждаете, что все — и государственная организация, и партийная организация Вас оклеветали. Как это может быть?». Я сказал, что никогда такого не утверждал. Организация вообще не может оклеветать человека, это способны сделать отдельные лица, что и имеет место в моем случае. Организация же может допустить ошибку, а еще точнее — конкретные работники конкретной организации, как, например, начальник подразделения УКГБ ЛО Полозюк, подписавший соответствующую справку обо мне.

Другой пример «риторического» вопроса: «В своем письме Вы пишете, что в условиях социалистического производства сделать все как надо невозможно. Как Вы это объясните?». Я сказал, что считаю, что сделать

«все как надо» — невозможно в условиях любого производства. Утверждать иное — все равно, что признавать реальное существование абсолютной истины, в отличие от истины относительной.

Практически в вопросах и репликах членов парткома не была опущена ни одна из тем, затрагивавшихся на заседании комиссии парткома 22.05. Но был и ряд новых моментов, а именно:

(а) Истребование объяснений по поводу «антисоветской» анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?». Вопросы об этом задавал сам председательствующий, и они были первыми в последовательности вопросов. Причем Щекин проявил осведомленность, что на анкету отвечали 45 моих знакомых и что экспертизу ответов делал не сотрудник Управления КГБ, а профессиональный ученый-социолог.²³

Я отвечал аналогично тому, что написано в «Объяснении коммуниста» от 24.03.84 и что я говорил на заседании партийного бюро цеха 13.04.

(б) По ходу выяснения моего отношения к содержащемуся в справке УКГБ ЛО утверждению о том, что я якобы занимался распространением антисоветской литературы, секретарь парткома сослался на свое знакомство со «свидетельскими показаниями» на этот счет.

Я сказал, что уже многократно заявлял, что это утверждение не соответствует действительности; что же касается «свидетельских показаний», то они мне неизвестны.

(в) Изобиловали вопросы общего, мировоззренческого характера.

Мне запомнился такой: «С какого времени Вы стали искажать учение марксизма-ленинизма?» (*так!* — А. А.). Я сказал, что учение марксизма-ленинизма не искажал.

Было несколько фактологических вопросов. Их задавали те самые члены парткомиссии, которые уже знали мой ответ на них (дававшийся накануне), но, по-видимому, хотели, чтобы и все остальные услышали его здесь. Это — вопросы об обстоятельствах и мотивах приобретения мною цитатника Мао Цзэ-дуна и 9-страничного машинописного фрагмента из романа Ф. Искандера «Сандро».

Я ответил, что первый приобрел на базаре в Улан-Удэ, еще в начале 70-х гг., а второй обнаружил в номере московской гостиницы, по дороге на Кубу, в прошлом году.

<...> Из вопросов общего характера несколько были направлены на то, чтобы получить хотя бы косвенное согласие с утверждением о несовместимости моих убеждений и действий с пребыванием в партии.

Например: «Представьте себе, что Вы в качестве члена парткома присутствуете при обсуждении персонального дела человека, который совершил те же проступки, но признал бы их за собой?..».

Я сказал, что, во-первых, хотел бы увидеть такого человека, а во-вторых, судил бы на основании своего знания об этом человеке. Вообще,

²³ См. об этом в главе 9: раздел «Опасные игры...»

отвечать на вопросы, заданные в подобной форме, не умею и не берусь, сказал я. (Была кем-то брошена реплика, что для человека с ученой степенью такой вопрос не должен быть труден.)

Вопрос не столь изощренный: «Вы считаете, что не можете заблуждаться?»

Ответ: «Конечно, могу заблуждаться в чем-то. Но в том, что выдвигаемые против меня обвинения необоснованны и несправедливы, не заблуждаюсь. В этом я вполне уверен».

Вопросы и ответы в общей сложности заняли около 40 мин. После чего было предложено высказаться членам парткома. Выступлений, как таковых, было два.

Первый выступающий (фамилия которого мне неизвестна) сообщил, что он является кандидатом технических наук. Я успел записать только, что он не может назвать меня «товарищем», ибо я приношу вред обществу, нарушал Устав КПСС и допускал явное вредительство.

Второй выступающий — рабочий Зайцев (из какого цеха — не знаю). Еще раньше он подавал реплику в связи с моим ответом на вопрос, как я отношусь к рабочему классу. («Отношусь к рабочему классу с уважением и сам являюсь в настоящее время рабочим»). Смысл реплики был тот, что я — вовсе не рабочий; четырех лет для того, чтобы стать рабочим, недостаточно.

В своем выступлении Зайцев поддержал предыдущего оратора: мол, меня нельзя назвать «товарищем», а только «гражданином». Что я подобен тем старьевщикам 30-х гг., которые собирали мусор по углам. «Мы сами знаем, что у нас хорошо и что плохо!». Я-де недостоин быть коммунистом. Почему раньше никто не обратил на меня внимание? Если бы я работал с ним (Зайцевым) рядом, он бы меня за несколько дней «раскусил». Надо «подумать о дальнейшем» (имея в виду, по-видимому, мою дальнейшую судьбу). <...>

Оба выступления членов парткома были очень короткими и энергичными. Щекин поставил на голосование вопрос об исключении из партии (или об утверждении решения первичной парторганизации цеха¹ 3 об исключении меня из партии). При этом формулировка постановления (за что именно исключить) дословно произнесена не была.

Решение об исключении Алексеева А. Н. из рядов КПСС было принято единогласно. Это произошло около 18 час. (без нескольких минут). <...>

(Записано в конце мая 1984 г.)

* * *

Из очерка А. Головкова «...мир погибнет, если я остановлюсь!» (май 1988)

<...> Вывод парткома был однозначен: коммунист такого написать не мог, так мог написать только отщепенец! Никакие... объяснения, письменные или устные, не помогли. Доказывал — не слышали. Читали главным образом отчеркнутое красным карандашом. Никому оказались не выгодны наблюдения социолога-ученого «глазами рабочего». <...>

(Огонек, 1988, ¹ 19)

8.8. «Примите информацию — из первых рук...»

Из личной переписки (июнь 1984)

Дорогой <...>!

Думаю, Тебе следует **от меня** узнать о факте исключения меня из КПСС, имевшем место сначала на цеховом партсобрании (16.04), а затем на заседании парткома завода <...> — 23.05. Таковы — неисповедимые пути «экспериментальной социологии».

Формула исключения — «за нарушение Устава КПСС...», с такими конкретизациями: «**распространение антисоветской литературы**» и «**написание статей политически вредного содержания**». Это тот редкий случай, когда апеллирующий в вышестоящие инстанции будет оспаривать не «строгость» наказания, а сам его «предмет». Но сейчас излагать все это в письме некогда. (УжЛ — при встрече или в другом письме.)

Мой рисунок жизни (внешний) — без изменений: завод, дом, друзья, социологическое творчество. Публикация основной работы «Человек в системе реальных производственных отношений» сейчас, до результатов апелляции, естественно, откладывается. Пока все. Обнимаю.

Тв. Андр. Ал., 1.06.84

P.S. Моя информация вовсе не является «закрытой», но и нет нужды сообщать ее тем людям, которые **лично** меня не знают. А свою осведомленность «из первых рук», в случае встречных сообщений, можешь проявлять, перед кем угодно. Как о факте, так и о моей позиции. А. А.

* * *

Дорогой <...>!

Очевидной обязанностью Алексеева является информировать всех своих редакторов и издателей о состоявшемся 23.05 факте его исключения из партии: «...за нарушение Устава КПСС, его уставных обязанностей, выразившихся (*так!* — А. А.) в распространении антисоветской литературы и написании статей политически вредного содержания».

(Цитирую точно, с сохранением грамматики, как она представлена в постановлении, за подписью секретаря парткома «Ленполиграфмаша».)

Сам я голосовал на партийном собрании цеха — **против** этого решения, и был поддержан (косвенно) несколькими своими товарищами по слесарному труду, которые при голосовании воздержались. Партком завода у нас — на правах райкома. Так что реализую свое право апелляции в горком КПСС, а если понадобится, то и дальше.

Ограничусь этой скупой информацией, отложив подробную до встречи или до другого письма.

Не уверен, что до получения соответствующего ответа на мою апелляцию следует информировать тех, кто меня **лично** не знает. Но Вас — я известить об этих событиях обязан. Что и делаю.

Ваш Андр. Ал., 2.06.84

* * *

Здравствуйте <...>!

Дружеское и товарищеское чувство обязывает меня самолично сообщить своему старому другу и соавтору о факте исключения Алексева А. Н. из рядов КПСС, состоявшемся на заседании заводского парткома 23.05 (партсобрание цеха было за месяц до этого). Формулировка: <...>. [См. выше. — А. А.]

При случае готов информировать подробнее, ну, а о мере справедливости предъявленных мне обвинений вы оба, зная меня, можете судить, я надеюсь, получше парткома. Наши общие друзья достаточно осведомлены мною (при встречах). Увидите их — поинтересуйтесь.

Я — в Ленинграде до середины июля. Потом — в отпуске (поеду к брату в Кавказский заповедник).²⁴

Сейчас занят сочинением апелляции («вплоть до ЦК КПСС»), согласно Уставу, который, судя по постановлению парткома, я как раз и нарушал.

Обнимаю Вас обоих.

Ваш Андр. Ал., 2.06.84

* * *

Дорогие <...>!

<...> [Здесь опущена информация, сообщенная в письмах, приведенных ранее. — А. А.]

Как вы можете догадаться, первое обвинение [*«распространение антисоветской литературы»*]. — А. А.] ко мне никакого отношения не имеет, и я имею не только формальные основания, но и внутреннюю уверенность на этом настаивать. [*Интересная формула!* — А. А.]

Что касается второго [*«написание статей политически вредного содержания»*]. — А. А.), то имеются в виду мои письма и дневники, архивная папка (так называемые «Письма Любимым женщинам»), изъятая у меня сотрудниками ОБХСС 16.09.83 при обыске.

Мои заявления, что письма, дневники — **не статьи** (статей у меня, слава богу, хватает), остались без внимания. В письмах же имеются фразы типа «В условиях социалистического производства сделать все как надо невозможно», и один из ремонтников назван «придурком», что интерпретировано как **«оскорбление рабочему классу»**.

Комиссия партийного расследования, ознакомившись, похоже, с извлечениями из моих писем, приняла все это близко к сердцу. Сам я, оставшись без инкриминируемой мне архивной папки, настаивал на собственном ознакомлении с тем, что активно цитировалось, но такой возможности не получил.

Одним из проявлений моей «неискренности» был отказ называть конкретных адресатов конкретных писем (поскольку в папке только инициалы). Но в принципе, поимев (при обыске) мою записную книжку с адресами, об этом спрашивать было не обязательно.

²⁴ Имеется в виду мой двоюродный брат Владимир Абрашкевич (см о нем ранее, в главе 2: раздел «Притча о Генеральной линейке») Последний к тому времени уже уехал из Ленинграда и работал лесником на кордоне Пслух Кавказского заповедника

Парадоксально, что моя статья «Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии)» противопоставлялась дневникам и письмам как нечто «очень правильное» (что, очевидно, свидетельствует о моей «двойственной» сущности). Статью можно почитать: она готовилась для сборника, редактором которого является Л. [Н. И. Латин. — А. А.], и находится у его сотрудников.

<...> Настроение — деловое и боевое. Недавно мне был сделан комплимент, что «у А. полиэтиленовые нервы»...

Обнимаю Вас обоих. При случае — повидайте в М-ве кого-нибудь из наших общих друзей. Они достаточно в курсе про меня. А то я и так превысил лимит, отпущенный самому себе на информацию об очередных приключениях социолога-наладчика.

Ваш Андр. Ал., 2.06.84

Ремарка: кому писал?

Как и в случае с письмами того времени, адресованными мне, эти — сохранились в моем архиве лишь в перепечатке, где имя адресата, «на всякий случай», не указывалось. Сами же тексты писем несут на себе довольно отчетливые следы «автоцензуры». (Сентябрь 1999).

P.S. Могу предположить, что предпоследнее из вышеприведенных писем адресовалось Е. и В. Дмитриевским, а последнее — А. Назимовой и В. Шейнису. (Декабрь 2000).

...Когда меня спрашивают, кто же я: пессимист или оптимист, я отвечаю, что мое знание пессимистично, но мои воля и надежда оптимистичны...

А. Швейцер (Из «Моей жизни и мыслей». 1931)

8.9. Праздник дружбы, который всегда с тобой

8.9.1. Из писем Романа Ленчовского

[Ниже — извлечения из писем моего киевского друга и коллеги Романа Ивановича Ленчовского.²⁵

Здесь уместно напомнить, что Р. Л. работал тогда в Институте истории партии при ЦК КП Украины (филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), младшим научным сотрудником. — А. А.]

Р. Ленчовский — А. Алексееву (апрель 1984)

Дорогой Андрей!

И в будни и в праздники *[приблизился первомайский праздник. — А. А.]* мы — вместе с тобой.

<...> Что Чехов-социолог — подарок для социолога, — это понятно.²⁶

²⁵ См о нем в главе 6: «Мой “заслуженный собеседник”...» и др разделы

²⁶ Р Л прислал мне тогда «Остров Сахалин» А П Чехова

Подвиг в науке — идейный, нравственный, гражданский — потому возможен, что наука «отнодь не является логическим построением, ищущим истину аппаратом. Познать научную истину... можно лишь жизнью» (как удачно вспомнил слова Вернадского пронизательный психолог В. Зинченко в «Парадоксах психологии» — февральский «Курьер»).

Познавая жизнью, экспериментируя, т. е. превращая рефлексию в практику, а практику в рефлексию, мы всякий раз оказываемся в самом центре «парадоксов» жизни, и, быть может, именно исключительная интеллигентность, казалось бы, такая уязвимая «в практическом отношении», позволяла великим людям русской литературы превращать ее в классику. <...>

Таким же подарком я хотел бы сделать для тебя утонченно-философские штудии о **культуре как условию свободы**. В этой маленькой книжке есть идеи очень высокого ранга, для которых и автору в тексте, и читателю в собственной душе — нужен разбег, нужно пройти путь достаточно трудный.²⁷

<...> Круг друзей, как и круг подлинных идей, одновременно и тесен, и бесконечен. Идейная солидарность коммунистов — это творчество самой «формы общения», которая активно противостоит всем и всяким «пре-вращениям», в смысле Маркса.

Праздник Честного Труда — становление Труда Чести. С праздником, который всегда с тобой!

<...> **Ком. привет** от Валерия [В. Е. Хмелько. — А. А.] .

Твой Роман, 20.04.84

Ремарка: новая партия в нашей «игре».

Здесь стоит заметить, что, информируя иногородних друзей о «чрезвычайных обстоятельствах» своей жизни, социолог-испытатель старался предостеречь их от переписки по почте: вряд ли письма, приходившие к нему в тот период, не досматривались.

*Но не все ко мне прислушались. В данном случае видно, что Роман начал **свою партию** в нашей «игре»...*

Впрочем, пусть лучшие он объяснит это сам. См. ниже. (Октябрь 2000).

* * *

Современный комментарий Р. Ленчовского к своему письму от 20.04.84

«Наш праздник...»

Далеко не каждый читатель наших дней, в особенности молодой, может воспринять, чем могло быть **первомайское поздравление** в 70–80-е гг. для того круга «советских людей», к которому мы с А. Н. относили себя.

И, конечно, отнодь не случайно и очень к месту в «Толковом словаре языка Совдепии» (СПб., 1998, сост. — В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина)

²⁷ Речь идет о работе киевского философа В. А. Малахова «Культура и человеческая целостность» (Киев, 1984)

растолковывается (на стр. 272) **обычное** для людей «тех лет» (а для многих — даже сентиментально-ностальгическое) выражение, которым я **счел необходимым** закончить это свое послание: «ком. привет»...

В чем же дело?

Первое — **контекст времени**. В высшей степени знаменательный сюжет, который мог бы стать предметом серьезного исследования для социолога и историка той эпохи: каким был **тираж** поздравительных открыток к «красным дням» календаря? Отдельно — по праздникам: начиная с по-зднезимнего «дня Советской армии» и ранневесеннего «женского международного» — до предзимнего «революционного Октября», сдвинутого потом на 13 дней. И отдельно — по годам советской эпохи.

И чтобы понимать, о чем речь, чтобы отделить официально-государственные акции-задания типографиям от нашего реального быта, провести бы такие разыскания: сколько «поздравительных единиц» печаталось, каковой была динамика и ритмика почтовых отправок, а сколько тонн нереализованного идейного праздничного товара превращалось во вторсырье...

Рабочая гипотеза, из тысяч и тысяч «незапротоколированных наблюдений»: «красные дни календаря» были не только официальной, но и **лично принимаемой** действительностью (конечно же, с огромной вариативностью степени принятия — в физическом времени и социальном пространстве).

Второе — **«Первомай»**. В некоторых отношениях это было весьма своеобразное социально-мобилизационное действо. Суть не только в «миротворчески-голубых» — в отличие от «красных»! — и весенне-обрядовых, почти пасхальных, коннотациях. Дело в том, что эти государственно-повседневные торжества должны были символизировать **солидарность трудящихся**. А это уже — в нашем случае — совсем «горячо»! Ведь «трудящимися» считались **мы** (и никто с этим, конечно, не спорил), и «отмеченная» солидарность, следовательно, была именно **нашей** — в открывшемся отличии от **их** взаимозавязанности и «круговой поруки», такой очевидной для всех.

...Вполне уместным здесь представляется **личное** свидетельство довольно известного в гуманитарных кругах человека, который по своему «старорежимному» воспитанию, образованию, полученному еще в германских университетах, миросозерцанию и «социальной психологии» как раз не хотел идентифицироваться ни с теми, ни с другими. «...Я был далек от классовой с кем-либо солидарности», — эти слова академика АПН Сергея Леонидовича Рубинштейна конца 50-х годов явно не предназначались для печати. (См. первую полную публикацию рукописи «Человек и мир» в книге: С. Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: Наука, 1997, с. 107).

В том-то и дело, что была и **иная солидарность**, помимо официально декларируемых, показушных «солидарностей» — **много** «морально-политического единства советского народа», «единства партии и народа», «единства» самой квазипартии и «единства» ее идеологии, вышитой, по известному выражению, «из одного куска стали», наконец (но не в последнюю очередь), эрзацединства высшего руководства (над всеми прочими, само собой разу-

меется, «единствами»). Ведь живы еще люди, которые помнят такую самую высокую инстанцию тоталитарной поры: «Партия-и-Правительство» — на одном слове-вздохе, без каких-либо квазисоветских погромашек...

Эта иная солидарность могла быть и такой, как у людей, стремившихся **предельно дистанцироваться** от «классовой политики», но верных солидарности **нравственно-гуманистической** — в светском (как академик Рубинштейн) или религиозном (как академик Ухтомский, о котором у нас еще будет речь) вариантах.

Но она была и такой, как у нашего с А. Н. круга — того круга, который по многим существенным социальным параметрам был един с определенным кругом в рабочей среде (далеко не со всем «классом»!). С этим последним «отрядом авангарда советского общества» как раз и нельзя было близко сойтись иначе, чем это делали мой друг и его «побратимы» — социологи-рабочие...

А что до того, чтобы **манifestировать солидарность нашего круга** — и для **самих себя**, и для **них!** — то **Первомай** был самым своевременным поводом. Причем придаться-то ведь не к чему было!

Более того, начиналась — и вполне осознанно! — некоторого рода **игра**, т. е. вполне серьезная нравственно-политическая самозащита — в социальном пространстве, как минимум, нашего профессионального цеха и наших гражданских и профессиональных судеб. Мы использовали «их» лозунги, но только **в том свете**, который «они» как раз и стремились **погасить**. С их стороны не требовалось большой проницательности, чтобы увидеть, к чему мы стремимся, и «они» делали, наверное, максимум для себя возможного, чтобы А. Н. скатился, образно говоря, в пропасть, которая нас с ними разделяла. Без какой-либо профессиональной перспективы, кроме, скажем так, научно-кочегарного андерграунда (достаточно распространенного среди интеллектуалов тех лет).

Что могли **мы?** Использовать такое традиционное оружие настоящей политической борьбы, как **идентификацию** — и реальную и мнимую, личную и групповую. **Реальную** — друг с другом: для понимания самих себя, и перед **их** лицом. **Мнимую** — с ними (о последнем нашем «оружии» разговор нужен специальный). [*И этот разговор — впереди. — А. А.*]

...Думается, смысл «первомайских подарков» становится прозрачнее: очень своевременно попали ко мне и с радостью были переданы другу книги о философии культуры-свободы и о тюрьмах славного острова Сахалина (открытие для нас Антона Павловича Чехова как исследователя, заложившего традицию честной отечественной социологии тюрем).

Р. Л., 28.10.2000.

* * *

Р. Ленчовский — А. Алексееву (июль 1984)

Жму руку и обнимаю Тебя, дорогой Андрей!

Времени, которое мы имели, чтобы установилась наша душевная и духовная близость, достаточно для принятия и на свой «счет» ударов, адресованных Тебе.

Противоречия общественные разрешаются в личностях, личных судьбах, и самое высокое счастье, которое мы могли бы иметь, — это выбор судьбы собственной <...>, выбор именно своего «Я», полное владение своим «голосом» в диалоге с историей. Забота «о себе» вовсе не есть «уход», «бегство» от общественных забот, как то обычно представляется. Напротив, **суть** вопроса в том, в каком качестве, какими мы участвуем в общем деле, **что** мы вносим в него — некий суррогат жизни, экскременты вчерашнего дня, или целый мир, который дано каждому вырастить в собственной душе: вобрать в себя и не просто «передать», а отдать как самих себя.

Жизни **по совести** неоткуда взяться, как из совести каждого из нас, и чистая совесть — это, собственно, единственное, что требуется от нас историей — людьми, которые жили до нас и будут жить после...

Иметь совесть — уметь выходить один на один к жизни, истории, людям как целому, трудиться для успеха этой встречи. Эта интимнейшая в отношении к личности целостность мира, которую люди верующие, я думаю, и называют Богом, — есть Вопрос, нам адресованный, а наша жизнь — Ответ на него.

* * * <...> С Тобой и легко и

трудно... На коммунистической баррикаде место свое Ты занимаешь как-то непривычно открыто. И бороться с Тобой — значит пускаться в такие сальто-мортале совести, чести, идейного лица, что ни одна маска не удержится. «Маска, тебя знает каждый порядочный человек» — вот чего бояться, бояться, что Ты это скажешь — не на ушко судьбе-келейщику, а суду всей партии. (Пожалуй, это — идеализм!..)

Твоя **открытость** — вызов. Она подозрительна до озлобления именно потому, что **нормой считается скрытность** — тем более «умная», чем циничнее исповедующие ее субъекты. Ты не должен удивляться мстительности всех тех, кому **ничего сказать Тебе**, кто потерял и веру в нашу жизнь, и веру в себя.

* * * <...> Как быть коммунистом

сегодня? «Правда» 4 июля отстаивает литературного героя — молодого учителя из романа Г. Маркова, которого исключают из партии, увольняют с работы и даже отдают под суд, поскольку тот «осмелился выступить против установки районного руководства»; ведь «правым может оказаться отнюдь не тот, у кого больше прав, а тот, кто ближе стоит к истине, чей взгляд на вещи — перспективней». А 12 июля из той же «Правды» мы узнаем об уголовнике всамделешнем, которого высший в нашей партии суд партийной чести признает подлецом и вором, но... в партии оставляет и от суда, следовательно, оберегает: то ли потому, что он вернул награбленное (не все!), то ли потому, что он из тех, «у кого больше прав» (по **нашему** ли «праву»?).

Что ж, на то и Правда, чтобы не было иллюзий, чтоб подставные герои и литературные муляжи не лишали нас способности узнавать добро и зло «в лицо»...

Один коммунист (без предъявления билета) открыто от имени рабочих, людей «рядовых», заявляет, что все мы прекрасно видим зло, знаем его природу, но стараемся его не замечать, потому что нам оно не всегда «по зубам», т. е. «по правам». Другой печатает, бьет в многомиллионный набат («ЛГ» за то же 4 июля, что и цитированная «Правда», стр. 3). Третий — не коммунист, а карманник, укравший партбилет, — из одного кабинета переползает в другой, но он вовсе не тот, что «ближе к истине». Четвертый — бесхребетник, помогает третьему. И т. д. — Борьба... И ничего другого не остается!

* * *

<...> Как случилось, что Ты попал в самый излом нашей внутривополитической жизни, что ее противоречия встают для Тебя не из учебника, сообщающего очень правильные вещи об обществе, сложностях его жизни и сложностях развития, — то, что для многих так и остается **«знанием-вещью»**, поскольку они не видят себя в обществе и общества в себе, точнее — все видят как вещи, которыми нужно обмениваться (и при этом глядеть, чтоб не надули!). Как случилось, что эти самые сердцевинные противоречия суть противоречия твоего собственного жизненного пути; что попались они Тебе на экзамене личной судьбы, и их разрешение — в самой твоей личности, в твоих ответах, для которых не существует шпаргалки, личностных ответов, циркулирующих в вещном знании **чужих** вопросов и **отчужденных** ответов?

Почему все это случилось — можно представить себе только тогда, когда начнешь читать **историю общества как историю судеб людей**, а написанную тобою для отдела кадров автобиографию — как одну из тех судеб, что не просто складываются в общественной жизни, но несут эту жизнь в себе.

Есть пропасти и есть люди — мосты над пропастями...

* * * Друг! Излом жизни, в который

Тыходишь, не склоняя головы, не замедляя шаг, открыв глаза и свету, и тьме, излом этот — ничем иным и не может быть для коммуниста попытка столкнуть его с активно-гражданственной позиции в болото социального конформизма! — подлинное испытание, тяжкий опыт социально-нравственного познания и чистейший, в бэконовском смысле, эксперимент. А Ты здесь — инструмент. Твоя твердость, надежность не просто жизненная, а эпистемологическая — неперемненное условие адекватности открываемого Тобой знания...

* * * <...> Вот ведь ситуация,

парадоксальная, трагичность которой для жизни идейной, гражданской осознается как-то не сразу: удар по чувствам заклинивает разум... И лишь затем, как в инсайте [*психоаналитическом?* — Р. Л. Ноябрь 2000] узнаешь: условием сохранения статуса коммуниста объявляется... отказ и от внутренней жизни, поиска, труда критической мысли, и от откровенного обнаружения позиции личностной

в деятельности общественной, — все то, что обеспечивает жизнённость, **человеческую во-площённость** высокой идеи, ответственными наследниками которой мы являемся.

Коммунист, оказывается, должен дрожать за сохранение **статус кво**, — не издевательство ли это над революционным духом нашего движения?! Диалектический дух этот именно «доктринерам-идеологам», с которыми коммунисты должны были бороться с первых шагов своего движения, внушает «лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны...» (Маркс).

Сохранение (консервирование) или развитие — вот гребень нашей баррикады, если не бояться называть вещи своими именами, линия поляризации социальных интересов.

Продолжать ли прошлое в будущее, начиная открытие его для себя со своей души, страсти своего сердца, или **прятаться в прошлом от будущего**, что опять-таки начинается для человека с себя самого — с прятания от самого лучшего в себе, от не убитой еще совести, от когда-то открытого будущему детства, от идеалов, если они действительно загорались в глазах на пороге вхождения в мир? Короче говоря: творить, что значит жить, или — присасываться к тому, что сотворили **без тебя** другие, умерщвляя и себя и все вокруг себя? Вот вопрос, важнейший вопрос, вполне однозначный ответ на который определяет для каждого человека — может он быть коммунистом или нет, по самому существу идеи коммунизма, идеи творчества **исторического**, а не в пределах жалованья и персональной пенсии; творчества, впервые в истории **совместного**, а не **вместо, за меня, за спиной** нашей, совершаемого мистифицируемым демиургом, «забота» которого о нас требует, конечно, не действия, а лишь **послушания**. Но коммунист — не послушник.

* * *

<...> Видимо, самое сложное в политическом отношении при конструировании социального единства движения любого типа — это обеспечение **единства действий**. Движение коммунистическое отличается тем, что никак не может строиться на «социальном послушании», к которому, к слову сказать, призывал один московский социолог, по невежеству ума и сердца, полагая (если не предположить еще худшее — неискренность!), что конформизм «трудящихся масс», к которым и адресовался этот идеолог, т. е. **массовый конформизм**, как-то вмещается в парадигму марксистского мировоззрения.

Нет необходимости вопрошать основоположников — здесь грубейшее забвение «азбуки» не то, что марксизма, а социалистической идеи в ее колыбели.

Вот что писал — чуть ли не по нашему поводу! — еще в пору Великой французской революции, Вильям Годвин:

Пока человек находится в оковах послушания и по привычке ждет, чтобы его поведением руководили другие, его сознание и сила духа будут находиться в дремоте. Если я желаю, чтобы он проявил всю ту энергию, на которую способен, то я должен возбудить его

самосознание, научить его не склоняться ни перед какими авторитетами, рассматривать те принципы, которых он сам придерживается, и давать отчет в основаниях своих поступков собственному рассудку» (У. Годвин. *О собственности*. М., 1958, с. 227).

Для меня эти слова прозвучали как аргумент в твоём споре, в твоей борьбе за право идейно-нравственного самоопределения, в борьбе не просто за свою честь, а за нашу общую честь коммунистов.

Партия коммунистов [интересно: Р. Л. *нигде, кажется, не пишет в письмах 1984 г.: «Коммунистическая партия», а — «партия коммунистов», вкладывая в это свой смысл. — А. А.]* может строиться только на таком единстве действий, которое выражает единство **воли**, единство соратников на основе внутренней лично-интимной целостности жизненной мотивации каждого из нас.

Люди низкой культуры не видят той диалектики души, которая не позволяет вламываться без спросу туда, где развивающаяся личность должна оставаться один на один с собой, с совестью своей, вбирающей мир этой личности. Человек без права на внутренний мир — потерян для мира внешнего, социального творчества. Зачем же выворачивать зрачки?! Ведь достаточно самой «обычной» социально-нравственной **чуткости**, благодаря которой люди вообще могут жить совместно, не превращаясь в безликие тени своих социальных функций, чтобы по одной только «тональности» объективированной жизни услышать всего человека... Недоверчивость — от ампутированности души.

* * * <...> Ты уже, видимо,

догадался, что я все никак не могу успокоиться, что в соответствующей моему собственному стилю форме реагирую на твою ситуацию, на те ее моменты, которые вызывают внутренний протест. Но я хотел бы сказать даже что-то большее: ведь ситуаций мерзопакостных кругом предостаточно, они уже могли бы и не задевать...

Отзываюсь я **на Тебя**, на Твою **судьбу**, которая, конечно же, много значительнее любой **ситуации**, в которую хоть полк задействуй, и — ни крупицы **живой жизни** не породит. Не в «ситуациях», а в **людях** что-то рождается и в людях гибнет. <...>

Твой Роман, июнь-июль 1984

Ремарка: от души, ради друга, для общего дела...

Мой друг уже откомментировал свое первомайское поздравление 1984 г. (см. выше). Пожалуй, стоит и мне откомментировать его письма того времени.

*«Коммунистический пафос» вышеприведенного письма был и формой самовыражения (в принципе искреннего, хотя и не без наигрыша), и формой дружеской поддержки (до самоотвержения), и формой внутренней (для себя, для нас...) подготовки к коллективной защите. То был поиск аргументов для **идейного** сопротивления партийно-бюрократической машине, добивавшейся от «инакодействующих», вроде социолога-испытателя, лишь социального конформизма и послушания («А не слушаешься... пеняй на себя!»).*

*Необходимая **коллективная** оборона началась именно тогда: с попыток «уяснения самому себе» и «проговаривания» для друга всего того, что впоследствии*

составило содержание и настрой уже достаточно массовой гражданской (публичной) защиты, вплоть до выступлений СМИ на эту тему в 1987–1988 гг.

Когда мы с Романом перечитывали эти письма сегодня, я признался ему, что **тогда** этот их третий смысл не вполне осознавал. Понимал — что «от души», понимал — что «ради друга», но вот что «для общего дела» — понял не сразу. (Октябрь 2000).

* * *

Р. Ленчовский — А. Алексееву (август 1984)

Дорогой Андрей!

Письмо твое пришло 29-го [29 июля. — А. А.] вечером. <...> Ты, наверное, получил мою телеграмму, посланную неделю назад [поздравление с 50-летием. — А. А.]. Она была про то, что итог первой половины твоего эксперимента столь значителен — нравственно, гражданско-партийно, научно, что надо, **чтобы на вторую половину достало сил**, духовных и физических. Неизменная любовь друзей пусть будет Тебе опорой на всем твоём пути.

<...> Твои тексты (в том числе последние, присланные Тобой) — в пружину мысли и действия свернутая совесть. Эта пружина раскручивается по законам, почти неизвестным, заставляя вращаться одни колесики, часто нам невидимые, и стопоря, как раз на наших глазах, другие. Твой эксперимент просвечивает этот механизм именно потому, что сам попадает под действие полустихийных, полууправляемых сил, познанных до сих пор в весьма небольшом спектре.

Лишь совместная работа многих исследователей <...> могла бы высветить без ослепления или расцвечивания, пусть даже временного, путь истории — путь, проходящий через наш день и через нас самих.

<...> Еще одна интерпретация, расширение контекста: «просвещение»... Ты — это, позволь по-философски, онтология для них (и для себя, и для нас), т. е. не эпифеномен, а самый что ни есть реальный Феномен, **сама реальность**, говорящая не «их», а **своим** голосом.

Эксперимент перестал уже быть научным (продемонстрировав тем самым **невозможность научного экспериментирования** [в тех условиях. — Р. Л. Ноябрь 2000]), невозможность науки в какой-то из ее классических форм.

P.S. Тебе не удалось захватить в Киев по дороге из заповедника. Но удивительно (**не** удивительно!): всю эту встречу [речь идет о проходившем в это время социологическом семинаре в Киеве. — А. А.] Ты был между всеми нами, **в нас**. Для меня это была также встреча еще с двумя **явлениями** — В. и С. Вас трое — Явлений!²⁸ Разные, но **настоящие**...

<...> Обнимаю!

Твой Роман, 1.08.84

²⁸ Современное примечание Р. Ленчовского: «Имелось в виду — “явлений духа” (Гегель) или “Событий” (Хайдеггер): явное стремление вписать сложившуюся ситуацию, суету быстротекущих дней, в координаты философского взгляда на мир Ноябрь 2000»

Ремарка: «...вас трое “явленный”...»

«В.» (Владимир Исаакович Герчиков) и «С.» (Сергей Самойлович Рапопорт), упоминаемые в письме Р. Ленчовского, — социологи: первый — из Новосибирска, второй — из Вильнюса.

Оба — мои друзья тех лет и по сей день. (Декабрь 1999).

* * *

Современный комментарий Р. Ленчовского к своему письму от 1.08.84

О личных местоимениях

В отличие от других писем этой подборки, данное письмо, скорее всего, передавалось с оказией, т. е. не было «подцензурным»; оно предназначалось только для дружеского взгляда. Сужу об этом по самому показательному здесь индикатору: местоимению **они** («Ты — онтология для них...» и т. п.).

Еще раз подчеркну, что наша с А. Н. «игра-партия» против «них» в том и состояла, чтобы увести все эти «разборки» подальше от той пропасти, которая реально **разделяла** обе стороны.

Я (и, похоже, А. Н.) не имели тогда никаких контактов с «внесистемной оппозицией» (термин, если не ошибаюсь, более поздний, во всяком случае я узнал о нем уже в конце 80-х, из литературы партии «Демократический союз»). Перспектива «свалиться в пропасть» вырисовывалась для нас со всей отчетливостью.

Ошибались ли мы тогда в тактике и стратегии своей «игры»? В частности, в том, где и как провести рубеж между **нами** и **ими**? Вставал вопрос: какую позицию по отношению к этому режиму, тогда уже явно деградировавшему, занимать? Ясно, что позицию оппонирования, т. е. оппозиции. Но какой именно: **внутри-** или **внесистемной**?

Вот как тогда звучал для нас вопрос о собственном бытии, нашем **Dasein** — **присутствии** в этом мире.

Мой сегодняшний ответ: мы находились **внутри** этой системы, при этом во многих отношениях не отождествляли себя с нею; но иного пути, как ее реформирование, на основе социалистических, а точнее — социал-демократических принципов, я тогда, в 1984 году, не видел.

Р. Л., 29.10.2000.

*[Я не уверен, что цитированное выше письмо пришло не по почте. Роман вполне мог «нечаянно» употребить местоимение **они** и в «подцензурном» послании. А вот следующее письмо наверняка пришло с оказией. См. ниже. — А. А.]*

* * *

Р. Ленчовский — А. Алексееву (сентябрь 1984)

Спасибо, Дружище!

У меня еще меньше времени, чем в прошлый раз — 5–10 мин. Спасибо за все, что Ты несешь в себе и даешь нам и «им», «спаси-тя-Бог» за то, что ты **выковал** из себя (я только подозревать раньше мог, какой в тебе гранит).

Не знаю, под какой плотности «колпаком» Ты сейчас находишься, поэтому:

1) пишу Тебе «юбилейное» послание — такое, что мне даже хочется, чтобы его читал не один Ты со своими ближайшими друзьями. Прошу его присовокупить к тому возможному **ряду документов**, который мог бы содержать **отклики** на твою «ситуацию» (благодаря твоим личным качествам, ситуацию — **нашу**, вовсе не «ситуативную», а **глубинную**). Скоро Ты получишь его в полном объеме по почте заказной бандеролью.

2) интимнейшие свои признания в любви к Тебе я все же почте доверить не могу — «изнутри» непубличности всякой любви. Свои пожелания в связи с этим я ранее уже передал устно.

(Этим признанием я хочу свести все обвинения к Тебе — к тем, что делались Сократу: а) не признавал «их» богов; б) совращал молодежь. Вообще о Сократе <...> не вспомнить нельзя.)

<...> Обращаю твое внимание на статью Бутенко («Вопросы философии», 1982, ¹ не помню — о противоречии) и нападки на самую тему — Р. Косолапова (в «Правде»). Цикл работ Бутенко о социализме заслуживает внимания своей честностью, такой редкой среди известной Тебе публики.

Вывод: мы находимся в стадии скрытой и очень острой политической борьбы за то, будем ли мы (общество) двигаться в направлении реализации идеалов, или и мы и идеалы наши будут **изнасилованы**.

В Публичной библиотеке посмотри, если будешь иметь время, **гениальную** — художественную и политически острую — скульптуру и графику Бурганова (есть 2 альбома).

<...> Тебя обнимают все наши общие друзья. <...>

Твой Роман, 16.09.84 ²⁹

8.9.2. К вопросу о «дружеских действиях»

А. Алексеев — <...> (октябрь 1984)

Дорогая НН!

Извините за задержку с ответом на Ваше письмо. Я не сразу и сообразил, **что** Вы имеете в виду. Да, действительно, использование дружеских связей для «выхода» на высокопоставленных лиц, в расчете на их доброжелательное вмешательство в мою нынешнюю ситуацию, — **не мой** путь.

Я понимаю, что всякие «дружеские действия» могут быть важны не только и не столько мне, сколько тому, кто их совершает (для самого себя). А у каждого — свои возможности или представления об этих возможностях. Потому и не накладываю запретов ни на какие действия «ради меня», исключая — в широком смысле — диссидентские (тут я не только запрещаю, а готов даже, как говорится, «морду набить»)...

²⁹ Фрагменты «юбилейного» послания, которое мой друг тогда разрешал и даже предлагал **обнародовать**, см выше: письмо от июля 1984 г

Ремарка: «...исключая диссидентские действия...»

Социолог-испытатель тогда действительно опасался «утечки» информации о своих «приключениях» за рубеж и предупреждал от этого своих знакомых. А если письменно («подцензурно») — то и в подобных вышеприведенному, «сильных» выражениях. (Сентябрь 2000).

...Замечу лишь, что Ваш замысел (цепочка: Ваша московская подруга — ее муж, спортивный тренер, — «тренируемое» им высокопоставленное лицо) наивен до умиления. Но бог с Вами. Я пока еще настолько уважаю высокопоставленных лиц, чтобы предполагать от таких шагов больше прагматического вреда, чем пользы. Но и не запрещаю, следуя уже постулированному правилу *laissez faire* (исключая единственно оговоренный выше случай, впрочем, применительно к Вам не актуальный).

Ну, а в горкоме КПСС рассмотрение апелляции идет своим неспешным чередом. Срок апелляции в Союзе журналистов — 3-месячный, так что далеко не истек.

<...> Да, еще: знаю я или не знаю о Ваших дружеских шагах — в принципе не имеет значения. Я их в данном случае просто «не беру в голову».

Благодарю!

Дружески Ваш Андрей Алексеев, 13.10.84

8.10. Протокол моего юбилея. 1984

Из «Записей для памяти» (июнь 1984)

<...> В июне 1984 г. я дважды работал в субботу: 16-го и 23-го. Первый раз это были обычные сверхурочные. Второй — всесоюзный комсомольский субботник (на который приглашались «комсомольцы всех поколений»). Работают по субботам — не как в будни (с 7-08 до 16-00, а приходят примерно в 8 и кончают работу в 12 час.

* * *

В первую из этих двух суббот я сообщил своему бывшему бригадиру Игорю В. [И. В. Виноградов. — А. А.], что «на днях» мне исполняется 50 лет, и предложил ему отметить это событие. Игорь в этот день домой не спешил, и согласился.

Для двоих бутылки водки, кажется, многовато. Игорь предложил пригласить третьим Ивана О. (члена его бригады). Мною эта кандидатура была отвергнута, поскольку тот голосовал за исключение меня из партии на собрании 16.04. (Сам И.В. тогда воздержался, и вообще был одним из немногих в цехе людей, проявлявших человеческий интерес к моим партийным делам).

Третьим в нашей компании стал член той же бригады Саня Б. [Александр Брикач. — А. А.]: я предложил, Игорь — поддержал. Выбор между «бочкой» и моим домом в качестве места встречи был сделан в пользу первого варианта (поскольку Сане нужно было затем куда-то ехать).

Однако после первой бутылки, опорожненной «на бочке» (общепринятое место выпивки на пустыре у пивных ларьков, у моста через р. Кар-повку), показалось все же не лишним съездить ко мне домой, чтобы «продолжить», да заодно и посмотреть, «как я живу».

Такие не запланированные визиты обычно не приветствуются женами, но я сказал, что моя жена будет рада, хотя скорее всего ее сейчас нет дома.

У меня дома была выпита вторая бутылка водки (уже не 0,5, а 0,8), а также несколько бутылок пива и еще — приобретенная («на всякий случай») уже не мною, а Игорем в универсаме — бутылка сухого вина. Неожиданно оказавшаяся дома Нелли приготовила нам купленные Игорем попутно, для собственного дома, голубцы.

Мы провели несколько часов в содержательной, хотя и несколько сумбурной застольной беседе, посвященной в основном юбилюру, его производственной и научной деятельности за 50 прожитых лет (иногда отвлекаясь и на другие предметы разговора). Разъехались около 18 час. К этому времени подошел Ленья К. [Л. Е. Кесельман. — А. А.], с которым еще раньше договорились о встрече, и некоторое время мы успели провести впятером, продолжая непринужденное общение.

Игорь В. и Александр Б. (член КПСС и беспартийный, бригадир и член бригады, в составе которой я работал с мая по ноябрь 1983 г. и проходил там слесарную выучку) — оба люди, с которыми я все эти годы был тесно связан по работе и к которым испытываю уважение и симпатию, и пользуюсь у них взаимной расположенностью.

Что и было лишним раз выражено нами друг другу в этот субботний день.

* * *

Неделю спустя, 23.06 я обратился с аналогичным предложением к Анатолию С. [А. В. Сычевич. — А. А.], возглавляющему бригаду, в которой я работаю с декабря 1983 г. К сожалению, вопреки моим ожиданиям, на комсомольский субботник вышли не все члены бригады (даже — не все состоящие в ней комсомольцы). И это исключало возможность пригласить **всех**, как я предполагал вначале.

Мое предложение пришло в некоторое противоречие с намерением компании комсомольцев и людей, не так давно вышедших из комсомольского возраста (к которым относится и бригадир А. С.), отправиться после субботника в Озерки, отдохнуть.

Оказывается, в бригаде и раньше знали о моем предстоящем 50-летию, однако собирались поздравить в июле (когда эта дата реально исполнится). Но не учли, что на этот раз у меня в июле отпуск. Так что мое предложение «выставить» именно **сегодня** каждому комсомольцу бригады по стакану («А тем, которые постарше, можно и по полтора», — пошутил я), показалось не лишенным смысла. Однако... это требовало увязки с первоначальной программой комсомольского пикника.

После консультаций с комсомольцами, бригадир предложил мне присоединиться к их поездке в Озерки, на что я с благодарностью согласился.

Около 10 час. Анатолий С. и Михаил К. (другой член нашей бригады околокомсомольского возраста) ушли с завода — для обеспечения «организационной подготовки». Все остальные предполагавшиеся участники проработали на субботнике до 12 час.

Перед уходом Анатолия я передал ему свой 20-рублевый взнос в складчину, в которой как юбиляр претендовал на повышенное участие. (От более крупного вклада А. С. отказался.)

С завода, около 12 час., мы вышли всемером: комсогруппорг участка, член моей бригады слесарь Сергей С.; молодой коммунист, фрезеровщик В. Г.; комсомолец, токарь Б.; три девушки-комсомолки (двое токарей, одна гравер) Вера, Ира и Таня; и я — комсомолец 50-х гг. На станции метро «Удельная» встретились с ушедшими ранее Анатолием и Мишей. Туда же отдельно добирались комсорг цеха, слесарь Сергей Л. (он был на субботнике, а потом куда-то заезжал за гитарой) и слесарь С. (недавно поступивший в наш цех; на субботнике не был).

Всего, таким образом, компания состояла из одиннадцати человек, включая меня. Почти все (исключая двоих) — с одного участка (того, на котором я работаю). Все — рабочие. Семейные (Анатолий С., Миша К. и Сергей Л.) — без жен. Из моей бригады — всего четверо (включая меня). Двое — члены КПСС: Анатолий С. и В. Г.; один — кандидат в члены КПСС (Сергей Л.). Пятеро — члены ВЛКСМ: три девушки, Сергей С. и Б. Один — беспартийный, уже вышедший из комсомольского возраста (впрочем, был ли в комсомоле — не знаю, Миша К.). Один — вероятно, исключенный из рядов ВЛКСМ (если был в комсомоле; это недавно вышедший из заключения, едва ли не самый молодой из всех, С.). И один — коммунист, недавно исключенный из партии (т.е. я). Я, понятно, **старший по возрасту**, Анатолию и Михаилу — за тридцать, остальным — от 22 до 28.

От станции метро «Удельная» на автобусе добрались до третьего озера. Анатолий и Михаил привезли три бутылки водки, кроме того наша компания располагала двумя порядочными флягами спирта, который пили, разбавляя водой из озера (для чего плавали с бутылками на середину) либо пепси-колой. Стол на траве украшался огурцами (для мужчин) и черешнями (для девушек), не считая прочей, заурядной закуски.

Обычно, выпивая, скажем, «на бочке», пользуются одним стаканом на троих (стаканом обеспечивает пенсионер или инвалид, подбирающий бутылки). Здесь на 11 чел. припасли один граненый стакан (для сока и пепси) и три фужерчика, поменьше стакана (для более крепких напитков).

... Жилось нам хорошо. Пили. Ели. Купались. Молодые люди боролись на траве. Слушали песни под гитару (в исполнении Сергея Л. и С.). Пели все. Танцевали под ту же гитару, на траве. Рассказывали приличные анекдоты. Сергей Л. и С., уже без гитары, исполняли запомнившиеся им номера из репертуара Райкина, Жванецкого и Хазанова. Девушки облагораживали мужскую компанию. (Например, Михаил, вместо более ему привычных связок между словами, старательно употреблял в нужных местах — «елки-палки».)

Мое, не по возрасту, участие в комсомольско-молодежном пикнике представлялось естественным для других, раз уж мое 50-летие почти совпало со всесоюзным комсомольским субботником.

Кажется, единственным поразившим воображение комсомольцев поступком с моей стороны была нескромная демонстрация способности достаточно надежно удержаться в стойке на кистях после 300 граммов водки — свидетельство устойчивости не только моральной. Один из комсомольцев 80-х гг., чтобы не ударить в грязь лицом, сделал стойку на голове («на трех точках»).

Стойки «на четырех точках» (соответствующей более сильным стадиям опьянения) в этот день не демонстрировал никто.

Единственным «запланированным» номером во всей этой стихийной молодежной программе было состоявшее не более чем из десятка слов поздравление меня с днем рождения, произнесенное бригадиром, и преподнесение мне «скромного подарка». Это — **перед тем**, как выпить по первому фужерчику...

То есть получилось как бы так, что мы собрались **ради этого** (пусть повод и был привнесен). Но на общем ходе пикника данное обстоятельство никак не сказалось.

Подарком оказался элегантный, киевского производства светильник фирмы «Прометей», с выгравированной на нем надписью: «Андрею — в день 50-летия — от коллектива, 22 июля 1984 г.» . Стоимость этого симпатичного (и чуть ли не символического!) подарка — 12 руб. 50 коп. — мне стала известна благодаря тому, что на современных пластмассовых изделиях принято отливать цену.

Как видно, приобретение этого подарка, наряду со всей снедью, было предпринято Анатолием и Михаилом за те 2,5 час., что прошли с момента их ухода с субботника до нашей встречи на Удельной. Точную дату своего рождения я никому прежде не сообщал, и либо она была известна моим дарителям заранее, либо специально выяснена в этот промежуток времени.

Других содержательных тостов на пикнике не было, если не считать моей шуговой поправки к поздравительному тосту бригадира (выпьем... «за 35-летие со дня моего вступления в комсомол») и моего же, еще более краткого, «встречного» тоста перед вторым фужером — «за коллектив!».

Кажется, уже ближе к концу мероприятия, зашел у нас с Анатолием (не по моей инициативе!) приватный разговор о моих личных планах и перспективах. Анатолий С. — тот самый единственный на собрании 16.04 член партии, который не только воздержался, как и Игорь В., при голосовании вопроса об исключении из партии, но и выступил наперекор всему ходу собрания, заявив, между прочим, что я являюсь «образцом коммунистического отношения к труду»... (ни больше, ни меньше!).

Надо сказать, что мы с Анатолием питаем друг к другу безусловное взаимное уважение. Он, благодаря моему переходу в его бригаду после увольнения из цеха моего бывшего ученика Сереги 3-ва, по его собственному

(Анатолия) выражению, «с ПКР забот не знает». (И это, пожалуй, действительно так!). Мне же импонирует его самоуверенность, деловитость и независимость. А. С. сочетает в бригаде функции формального и неформального лидера. (Члены бригады зовут его «Бугром», а я — «Капитаном».)

Это взаимоуважение было лишнее раз заявлено в нашей беседе в тот день. Оказывается, бригадира продолжает заботить, что ему в декабре прошлого года не удалось добиться для меня обещанного им дневного производственного задания 9 руб., которое он считал бы справедливым.

Со своей стороны, я заверил «Капитана» в своей нынешней заинтересованности оставаться в его бригаде. Если я когда-нибудь и вздумаю увольняться, то он, Анатолий, узнает об этом **первым**, и уж во всяком случае, месяца за три, пообещал я.

...Обратная дорога с озера мне помнится смутно, хоть наше возвращение и было вполне благопристойным. Не помню, по моей ли инициативе или по инициативе комсорга цеха Сергея Л., мы уже вечером оказались вдвоем у меня дома. (Скорее всего, он меня провожал, а я пригласил зайти.) Дома у меня только беседовали, спиртного не пили.

Сергей Л. — отчасти мой ученик на ПКР. (В отличие от Сереги З-ва, который был учеником официально оформленным, я обучал другого Сергея явочным порядком, для выполнения ПКР-ных заказов Игоря В., в его бригаде.) Сейчас Сергей числится слесарем, а фактически является оператором на ПКР нового поколения, с программным управлением, задействованном в начале этого года. Ему — 23 года. Недавно принят кандидатом в члены КПСС. Считается (думаю, заслуженно) одним из лучших на заводе цеховых комсоров.

У Сергея сочетаются личная симпатия и уважение ко мне с идейным неприятием того моего образа, который был нарисован в ходе обсуждения персонального дела. Ему запомнилось мое выступление на партийном собрании 16.04, которое он считает очень убедительным. Вместе с тем он не может не верить справке УКГБ ЛО на мой счет.

Он совершенно **согласен** с исключением меня из партии (даже поднял руку за это решение, хотя как кандидат и не имеет права решающего голоса). Но он с готовностью, и даже с радостью, воспримет и мою реабилитацию, если таковая **официально** состоится.

Позиция Сергея Л., по своему, целостна. Наши симпатии — взаимны. Я предложил ему еще раз вернуться к этому разговору **через десять лет**, когда ему будет 33, а мне (если я до тех пор доживу) — 60 лет. Он так и записал эту будущую дату (23 июня 1994 г.), вместе с моим домашним адресом, в своей записной книжке.

В первом часу ночи спохватились, что Сергей может не успеть на метро. Я проводил своего гостя до ст. Нарвская и далее, к дверям общежития, где им с женой выделена комната. (Свадьба состоялась не далее как в этом месяце, мы все подписывали приветственный адрес.) Забжав домой, Сергей вернулся с женой, чтобы теперь проводить уже меня. Но был второй

час ночи и пришлось ловить такси. Деньги таксеру мой провожатый вручил сам (пока с ним договаривался). Хоть у меня были с собой и свои.

Машина успела проскочить на Васильевский остров по мосту лейтенанта Шмидта, уже готовому для разводки.

* * *

Так, в июне 1984 г. был, чуточку досрочно, отпразднован 50-летний юбилей социолога-наладчика, месяцем ранее исключенного из партии, — в кругу товарищей по работе, коммунистов, комсомольцев и беспартийных «Ленполиграфмаша». Другого «юбилея» мне, пожалуй, и не надо. <...> (Записано в конце июня 1984 г.)

Ремарка: он, мы, они...

Вообще, в отношениях социолога-испытателя с рабочим окружением, после его изобличения в качестве «антисоветчика» и т. п., изменений практически не произошло. Там — «политика», а тут — работа; там — «идейное лицо», а тут — личные отношения.

Для большинства товарищей по цеху «дело» социолога-рабочего — это «его» (мое) и «их» (начальства, «партийцев»), а не «наше» дело... (Ср. с комментарием Р. Ленчовского «о личных местоимениях», выше).

Пройдут еще три года, прежде чем в это «дело» включится рабочий коллектив, как таковой. (Сентябрь 1999 — ноябрь 2000).

8.11. Беседы в Смольном. Четвертый подъезд

Несколько вступительных слов

7.06.84, т. е. две недели спустя после заседания парткома завода (действующего на правах райкома), социолог-испытатель адресовал свою апелляцию в Ленинградский горком КПСС.

В этой апелляции, достаточно объемной, несколько страниц занимал анализ процедуры рассмотрения его персонального дела. В последней не обошлось без отдельных нарушений Устава партии (см. об этом ниже).

*Вторую половину апелляции занимал анализ **суущества** обвинений. Автор настаивал на двух пунктах:*

1) «...исключение меня из партии за написание статей политически вредного содержания» я считаю совершенно необоснованным, обвинение же это — просто нелепым...».

При этом подчеркивалась необходимость приобщения к партийному делу материалов личного и научного архива (в частности, «Писем Любимым женщинам»), изъятых при обыске, во избежание заключений о них на основании косвенных данных (справка УКГБ ЛО и т. п.).

2) «...я настаиваю на том, что «распространением антисоветской лите-ратуры» я не занимался, обвинение же это является просто ложным...».

Резюме:

«...Прошу пересмотреть и отменить ошибочное, как я считаю, решение первичной партийной организации об исключении меня из рядов КПСС...».

Характерным для этой апелляции (равно как и для всех последующих) является сопровождение основного текста пакетом приложений — документов, подкрепляющих содержащуюся в обращении аргументацию или предвосхищающих возможные ошибки или подтасовки в официальном делопроизводстве.

*Ниже — «**протоколы наблюдающего участия**», записи бесед в партийной комиссии ЛГК КПСС в августе-ноябре 1984 г. (Сентябрь 2000).*

8.11.1. Первые три беседы в Смольном

Из «Записей для памяти» (август-сентябрь 1984)

<...> С 16.07 по 8.08.84 я находился в очередном отпуске, в отъезде из Ленинграда.

<...> Утром первого дня на работе 9.08, между 9 и 10 час., был приглашен в контору участка, к внутризаводскому телефону. Зам. секретаря парткома Зуев сообщил, что мне следует позвонить в горком КПСС тов. Грачевой Антонине Яковлевне.

Я сразу же позвонил по указанному телефону. Тов. Грачева выразила желание встретиться в понедельник, 13.08, в 14 час., но, с учетом моего пожелания, была достигнута договоренность о встрече в послерабочее время.

* * *

Я явился в Ленинградский горком партии (4-й подъезд, комната 419) 13 августа, в 17 час. Эта первая, как выразилась тов. Грачева — предварительная, встреча в парткомиссии горкома продолжалась примерно 1 час. 20 мин. Беседа была, как я считаю, деловой, корректной, информационно ценной (в частности, для меня; хочу думать, что и для работника горкома тоже).

Прежде всего, мне стало известно, что апелляция, поданная в экспедицию Смольного 8.06 (пятница, конец дня), поступила в партийную комиссию 12.06 (понедельник). А 21.06 комиссия получила запрошенное ею с завода партийное дело. (Что касается письма в горком от 13.07, то оно поступило в комиссию 16.07.)

Тов. Грачева еще в разговоре по телефону три дня назад заметила, что во время отпуска «приглашать» у них не принято. Поэтому горком и не воспользовался сообщенным мною временным (иногородним) почтовым адресом.

Беседа началась с высказанного А. Я. Грачевой предложения ознакомиться с полным набором документов партийного дела. Это стандартная папка, с типографски предусмотренными на обложке графами для номеров описи и единицы хранения в архиве Института истории партии при Ленинградском ОК КПСС.

Перелистав папку, я обнаружил подшитыми, в строго хронологическом порядке, следующие 18 документов:

1) Копия партийной характеристики, выданной для туристской поездки за границу (15.01.83).

2) Моя информация в партийное бюро цеха ¹ 3 «Ленполиграфмаша» о работе в качестве члена Советской социологической ассоциации в 1980–82 гг. (март 1983 г.).

3) Мое письмо прокурору г. Ленинграда (19.09.83).

4) Мое письмо начальнику УКГБ ЛО (4.12.83).

5) Мое заявление в партбюро цеха ¹ 3 «Ленполиграфмаша» (5.12.83).

6) Моя «Информация от коммуниста» в партбюро цеха ¹ 3 (8.01.84).

7) Справка УКГБ ЛО «В отношении Алексеева А. Н.» (12.03.84).

8) Мое «Объяснение коммуниста» (24.03.84).

9) Акт партийного расследования цеховой партийной комиссии по моему персональному делу (точную дату не помню).

10) Характеристика на коммуниста Алексеева А. Н. (13.04.84).

11) Текст моего выступления на партийном собрании цеха ¹ 3 «Ленполиграфмаша», 16.04.84 (рукописный экз., переданный мною секретарю собрания, непосредственно после выступления).

12) Выписка из протокола партийного собрания цеха ¹ 3 «Ленполиграфмаша» (16.04.84).

13) Мое заявление в партком «Ленполиграфмаша» (22.04.84).

14) Заявление беспартийного, ст. инженера отдела НОТиУ «Ленполиграфмаша» Б. И. Максимова, с просьбой разрешить ему выступить на заседании парткома, где будет рассматриваться мое персональное дело (3.05.84).

15) Справка комиссии парткома «Ленполиграфмаша» по моему персональному делу (16.05.84).

16) Еще одна справка комиссии парткома «Ленполиграфмаша» по персональному делу (22.05.84).

17) Выписка из моей партийной учетной карточки.

18) Постановление парткома «Ленполиграфмаша» (23.05.84).

Документы 1-6, 8, 11, 13 в разное время и по разным поводам передавались мною самим в партбюро цеха или в партком. С документами 7, 9, 15, 18 (справка УКГБ ЛО и т. д.) я имел поводы знакомиться раньше (в партбюро цеха или же в парткоме). Во всяком случае, я знал о существовании этих четырех документов.³⁰

О заявлении Б. Максимова (документ 14) мне было известно от самого Максимова...

Ремарка: «Я вспоминаю...» (Борис Максимов).

То был один из первых актов гражданской защиты.

Мой друг и коллега, канд. филос. наук Борис Иванович Максимов до 1982 г. работал в ИСЭПе, занимался производственной социологией. На протяжении свыше 10 лет возглавлял секцию заводских социологов в Ленинградском отделении Советской социологической ассоциации.

³⁰ Почти все указанные документы приводились или цитировались ранее: в главе 7 и в настоящей главе

Будучи «выдавлен» из ИСЭПа тогдашним зав. сектором социально-экономических проблем труда Н. Лобановым, Б. М. был вынужден устроиться инженером по организации БФОТ (бригадных форм организации труда) на «Лен-полиграфмаши», где проработал до 1986 г.

В период раскрутки «дела» социолога-рабочего, Борис Максимов с самого начала занял небезопасную позицию защиты автора этих строк — и на заводе, и в ассоциации социологов.³¹

После завода Б. М. работал год сторожем в садоводческом товариществе, потом заведовал лабораторией актуальных методов обучения в ИПК Минэнерго. В 1990 г. был избран депутатом Ленсовета-Петросовета.

С 1989 г. работает старшим научным сотрудником в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН (ныне — Социологический институт РАИ). Автор серии прекрасных работ по проблемам рабочего движения и социально-трудовых отношений в условиях российской трансформации.

В своих исследованиях использует преимущественно качественные методы. (Сентябрь 1999 — февраль 2002).

...Новыми для меня, ранее не виденными документами были: 10, 12 и 16. В отличие от 7, 9, 15, 18, эти — являются рукописными и, если не ошибаюсь, написаны одной рукой.

Документ **10** (последняя партийная характеристика) является своего рода антитезой предыдущей партийной характеристике (документ 1). В характеристике 1984 г. (в отличие от 1983 г.) дана резко негативная оценка моего производственного и общественного лица. Причем в двух документах дается прямо противоположная интерпретация **одних и тех же фактов**.

Другой ранее мне не знакомый документ — **12** (выписка из протокола партийного собрания цеха 16.04). Он содержит довольно подробную (хотя и неравноценную по полноте) запись выступлений на собрании, где меня исключали из партии.

Я не считал себя вправе отнимать время от работника горкома на внимательное ознакомление с этим пространным протоколом. Но успел заметить, что в нем уже **правильно** указаны: количество присутствовавших на собрании членов партии (27 членов КПСС и 3 кандидата) и результаты голосования (24 — за исключение из партии, 1 — против, 2 — воздержались), в отличие от ранее известного мне текста постановления парткома «Ленполиграфмаша», где было ошибочно записано, что за исключение проголосовали 36 чел.³²

<...> Я сказал Грачевой, что вижу документы 10, 12, 16 впервые.

В ходе беседы выяснилось также, что утверждение характеристики на партбюро цеха 13.04 происходило **без меня**. Грачева сказала, что это является нарушением партийных норм, и комиссия горкома даст указание, чтобы характеристика была **повторно** обсуждена, причем в моем присутствии.

* См в главе 10: раздел «Социологическая ассоциация очищает свои ряды»

* См выше: раздел «Репортаж с заседания парткома»

А. Я. Грачева спросила, имею ли я еще какие-либо замечания к документам. Я сказал, что в акте цеховой партийной комиссии и в протоколе собрания — иногда неточно отражены мои ответы на вопросы, указал на пару таких неточностей (в качестве примеров); но добавил, с другой стороны, я понимаю, что протокол вели живые люди: они могли что-то недослышать, неправильно записать.

Вообще же, я озабочен прежде всего **сутью дела**, утверждаемой мною ложностью или нелепостью предъявляемых мне обвинений — по их существу, а не редакцией отдельных протокольных документов.

После этого мы перешли к обсуждению «сути моего проступка» (выражение Грачевой).

* * * <...>

Из дальнейшей беседы я получил разнообразную прямую либо косвенную информацию о шагах, уже предпринятых А. Я. Грачевой.

В частности: она беседовала с сотрудниками УКГБ ЛО; знакомилась со справкой Горлита [*правильно: Облгорлит, или Управление по охране государственных тайн в печати при Лениблгорисполкомах. — А. А.*], где дается оценка содержания некоторых изъятых у меня материалов (по ходу разговора она дважды цитировала эту справку, но не показывала мне ее); знакомилась с **закрытыми** материалами Управления КГБ, на которые опирается заключение, что я занимался распространением антисоветской литературы; наконец, по сообщению Грачевой, она **полностью** («правда, только один раз», ее выражение) прочитала все 700 с лишним страниц моих «Писем...».

В основу содержательной части нашей беседы был положен текст справки УКГБ ЛО. Именно по этому документу, а не по тексту, скажем, постановления парткома «Ленполиграфмаша», обозревались А. Я. Грачевой, предъявленные мне партийной организацией, вслед за Управлением КГБ, обвинения...

Ремарка: логика эволюции «дела».

Надо сказать, что круг обвинений (претензий?) в справке УКГБ ЛО был шире, чем в обобщенной и отчасти редуцированной формуловке постановления парткома завода.

Поскольку социолог-испытатель в своей апелляции в горком КПСС не выходил за рамки этой формуловки и опровергал «только» то, что ему в ней инкриминировалось, он «вынудил» своих партийных оппонентов включить в круг рассмотрения также и те вопросы, которые из «широкого» обсуждения — в первичной партийной организации — поначалу были изъятые («не санкционированный» экспертный опрос; нарушение порядка работы с документами ДСП).

Смысл: не за то, так за это Вы подлежите изгнанию «из рядов»! Формуловки исключения в дальнейшем расширились и обогащались за счет упомянутой справки Управления КГБ. (Сентябрь 2000).

...Моя собеседница со вниманием выслушала соображения, почему дневник, личное письмо и протокол социологического наблюдения синтезировались в одном тексте. Мое категорическое, что «Письма...» не яв-

ляются статьями, вызвало у Грачевой поддержку. Она согласилась, что это **не статьи, а дневник**. При этом обратила мое внимание, что в отзыве (справке) Горлита слово «статьи» отсутствует. (Правда, оно присутствует в справке УКГБ ЛО.)

«Значит, мы сейчас обсуждаем дневник?» — спросил я.

Прямого согласия с этим замечанием я в тот раз не услышал. Без ясного ответа остался и еще один встречный вопрос: не считает ли тов. Грачева, что цитирование дневников и писем в ходе разбора персонального дела <...> было односторонним, тенденциозным? Моя собеседница заметила только, что в тексте много высказываний, подобных тем, что тогда цитировались.

Собственное отношение Грачевой к моим дневникам и письмам является определенно отрицательным («...там столько злости, много грязи!»). Однако это отношение не формулировалось ею в тех выражениях, которые использовались в официальных документах («с клеветнических позиций», «антисоветское содержание»...). Грачева, впрочем, несколько раз цитировала эти документы.

А. Я. Грачева сказала, что к вопросу о дневниках и письмах еще вернемся в очередных встречах, когда (так я понял!) будем иметь две папки моего конфискованного архива на столе, перед собой.

* * * <...> В вопросе о будто бы

имевшем место распространении антисоветской литературы А. Я. Грачева сослалась на личное знакомство с «объяснениями» людей, которые это утверждают. Но назвать их имена мне — «пока нельзя».

Заверение, многократно высказывавшееся и письменно, и устно, что распространением антисоветской литературы я **не занимался**, повторенное и на этот раз, было принято к сведению. Заявлений о моей «неискренности», многократно слышанных и в Управлении КГБ, и на парткоме, в этом разговоре не было.

Грачева обещала еще раз переговорить по этому вопросу с сотрудниками госбезопасности.

<...> Я обратил внимание работника горкома, что особенное недоумение у меня вызывает упоминание в справке УКГБ ЛО конкретных произведений конкретного автора (А. Зиновьев), якобы мною распространявшихся. С этими произведениями я не знаком. В числе изъятых во время обыска материалов их также, естественно, не было...

Ремарка: как берут «на пушку»...

Здесь полезно небольшое отступление к событиям конца 1983 г.

Один из моих знакомых, социолог НН, при случайной встрече сообщил мне, что «признался» сотруднику КГБ в том, что брал у меня книгу А. Зиновьева, названия которой он «не запомнил», но она была «явно антисоветского содержания».

Он объяснил свой поступок оказанным на него психологическим давлением, и в частности, тем обстоятельством, что ему предъявили мою «тетрадку для памяти», в которой он увидел соответствующую запись.

Такая тетрадка, где отмечалось, кому что я давал читать (будь то собственные, будь то чужие сочинения), действительно, существовала, и была изъята при обыске. Но записей касательно «недозволенной» литературы там, разумеется, не было.

Получив вскоре эту тетрадку (на обложке было написано: «Кому что отдано, переслано») из Управления КГБ обратно, социолог-испытатель детально ее обследовал, и даже составил опись и произвел статистическую обработку именных упоминаний и «передач» (за представленный там период: август 1982 — сентябрь 1983). Оказалось, что в тетрадке упомянуты (хотя бы однажды) чуть больше 100 чел. Всего отдельных упоминаний конкретного лица — 350. Отдано или переслано отдельных текстов (рукописей, книг) — около 550. Из них около 400 — рукописи и публикации, принадлежащие авторству А. (включая «Письма...», зашифрованные как «ПЛДЖ»). Из 550 отданных или пересланных текстов около 330 отданы насовсем, т. е. подарены.

Упоминание имени НН было обнаружено в этой тетрадке 7 раз. Упоминаний имени А. Зиновьева (или названий его произведений), равно как и других «крамольных» авторов, — ни одного.

Из «записей для памяти» (18.01.84):

«...Я собрался было написать НН письмо, но потом решил, что лучше задать ему свои вопросы устно. Наша встреча состоялась 16.01.

Я попросил НН описать тетрадку, в которой он, по его словам, увидел свою фамилию рядом с записью «Зиновьев». Его описание разошлось с видом моей тетради для записей. Когда же я показал ему свою [к тому времени уже возвращенную из УКГБ ЛО, вместе с другими «безобидными» материалами. — А. А.], тот сказал, что ему показывали «какую-то другую». Но другой-то у меня просто не было! Видимо, загадку эту я уже никогда не разгадаю...

[Современное примечание: ну, тут и разгадывать нечего! «Взяли на пушку»: показали НН сфальсифицированную, якобы мою тетрадь, да и все. А продолжение тогдашней «записи для памяти» очень интересно... — А. А.]

...Самое поразительное, что, теперь уже безотносительно к тетради, НН уверяет меня, что книгу А. Зиновьева он у меня все-таки брал. Какая-то чертовщина! То, как он все это говорит, даже побудило меня поверить в его искренность. Но, если его утверждение и искренно, оно не перестает от этого быть ложным [! — А. А.]. Я сказал, что верю в то, что он действительно так думает, однако ошибки памяти в подобной ситуации морально недопустимы. Поэтому, хоть и жаль, мне придется прервать с ним всякие отношения...».

Это — аутентичная запись от января 1984 г.

Но вернемся к нашим «разговорам в Смольном». (Сентябрь 1999 — октябрь 2000).

* * *

<...> Далее обсуждался 8–9-страничный машинописный текст отрывков из романа «Сандро» Фазиля Искандера. Грачева зачитала вслух резкую политическую оценку, которую этот текст получил в справке Горлита. Я сказал, что хотел бы перечитать эти странички, которые сейчас плохо помню. Знаю только, что роман «Сандро из Черема» известного советского писателя Ф. Искандера был издан у нас в 1977 г.

Сказал, что очень ценю этого писателя, многие его произведения читал, а вот «Сандро» — нет. Могу пока только предположить, что эти фрагменты отсутствовали в издании романа, раз им дается такая оценка. Еще мне известно, что произведения Фазиля Искандера постоянно печатаются (в прошлом году вышла очередная книга, в 1984 г. он публиковался в «Юности», в «Литературной газете»³³).

* * * <...>

Вопрос об изъятых изданиях ДСП [«для служебного пользования»]. — А. А.] был случайно затронут мною самим. Это дало повод тов. Грачевой высказаться вполне категорически — о недопустимости их хранения на дому. Я информировал ее о реальной практике работы с такого рода печатными изданиями в кругу обществоведов, на протяжении последних 10–15 лет.

Лишь в самое последнее время в научных учреждениях ужесточился режим хранения и пользования изданиями ДСП. Наверное, это правильно, сказал я (если, например, учесть известный инцидент со спекулятивным использованием доклада академика Заславской нашими идеологическими противниками). Но и по сей день такие издания (и особенно — авторские экземпляры) продолжают выдаваться на руки. Я не знаю, чтобы существовали официальные инструкции на этот счет. Если они существуют, следовало бы ознакомить с ними специалистов, под расписку.

У себя на заводе я несколько раз в год расписываюсь в том, что прошел [якобы! — А. А.] инструктаж по технике безопасности. А вот, что прошел инструктаж по правилам обращения с изданиями ДСП, за 15 лет работы в научных институтах не расписывался ни разу, заметил я...

* * * <...>

Еще одним предметом разговора был вопросник «Ожидаете ли Вы перемен?», разработанный мною в 1978 г. и опробованный в методических целях в 1979–1980 гг. (в справке УКГБ ЛО это названо «не санкционированным исследованием о состоянии и перспективах развития советского общества»). Кроме того, что уже указано на этот счет в «Объяснении коммуниста», я сообщил А. Я. Грачевой следующее.

Самостоятельным исследованием это назвать нельзя. 45 чел. — не социологическое обследование, исследование — это когда по меньшей мере несколько сотен опрошенных...

Ремарка: сколько человек надо опросить, чтобы было — «исследование»?

В этом объяснении социолог-испытатель следовал тогдашним канонам социологической практики. Ныне, как известно, стали нормой качественные исследования, построенные на десятке-другом глубинных интервью. (Сентябрь 1999).

³³ По поводу упомянутых отрывков из романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема» особо пойдет речь в главе 10: раздел «Новые разговоры в Смольном»

...Текстов ответов тех лиц, которые согласились в свое время принять участие в испытании методики, ныне **не существует**. Я лично уничтожил все комплекты этих ответов (т.е. три машинописные копии, сделанные в свое время на моей пишущей машинке, для работы с ними).³⁴

Кроме одного человека, которому доверил обработку этих материалов, я никому их не показывал. То, что доверил эту работу **другому** лицу, очень сожалею. Тем более, что этот человек произвел количественную обработку, что для совокупности 45 единиц недопустимо. Выводы моего коллеги NN (с результатами его обработки экспертных листов, насколько я понял, моя собеседница знакома) считаю неверными.

Вообще же, разделение труда принято у социологов: один разрабатывает методику, другой опробует, третий обрабатывает. Но здесь доверять обработку и обобщение постороннему лицу — не следовало.

А. Я. Грачева сделала несколько полуреplik-полуутверждений. Например, что копий ответов было больше 3-х. Я сказал, что об этом никто не может знать лучше меня.

<...> Еще моя собеседница заметила вскользь, что, вероятно, я опрашивал **близких** знакомых. Я сказал, что не обращался к совсем не знакомым людям, но и не отдавал в этом предпочтения самым близким.

Все изложенное было принято сотрудником партийной комиссии горкома к сведению. Собственных оценок тов. Грачева не высказывала. Я же высказывался на эту тему вполне самокритично. <...>

Ремарка: к вопросу о читательской установке.

Воспроизводя здесь эти «записи для памяти» прошлых лет, ловлю себя на мысли: а не переутомляю ли я читателя перипетиями и подробностями, хотя бы вот этих «бесед в Смольном»? Нельзя ли покороче?

Все зависит от установки, с которой читатель взял в руки эту книгу. Если относиться к ней как к своего рода «триллеру», то да, конечно, можно бы кое-чем и пожертвовать. (Сейчас, но не тогда, когда это было протоколом...) А если относиться все же как к «исследованию случая» и т. п., то тут, мне кажется, нет лишнего. Иначе потеряется достоинство документальной точности, а также полноты анализа.

Читатель волен решать, в какие страницы ему здесь «вчитываться», а какие — пробежать «по диагонали»... (Сентябрь 2000).

* * * <...> В заключение, тов. Грачева сказала, что эта встреча — первая (как я понял, их будет несколько). Следующую она предполагает назначить на четверг, 16.08, но не в 17, а в 14 час.

Я сказал, что по условиям работы у себя на производстве (бригадный подряд, коллективная сдельщина) могу явиться в это время, только взяв отпуск на один день без содержания. Конечно, я готов это сделать. Но адми-

³⁴ Здесь автор лукавил: один комплект экспертных листов все же был им сохранен. См. об этом ранее, в

нистрация такие отпуска дает неохотно. Так что мне нужна помощь. Грачева обещала связаться с парткомом, чтобы в этом вопросе помогли, и предложила, для контроля, позвонить ей на следующий день, 14.08, от 10 до 10-30.

* * *

<...> Вторая встреча с сотрудником горкома, 16.08 (четверг) продолжалась недолго. А. Я. Грачева сообщила, что обстоятельства для «нашей работы» складываются неудачно: ее неожиданно отправляют в командировку до 1 октября. Она запрашивала свое руководство, не передать ли дело другому сотруднику. Однако было сочтено целесообразным отложить рассмотрение апелляции до ее (Грачевой) возвращения. Поэтому сейчас беседу не стоит и начинать.

Я выразил сожаление, но и готовность подчиниться этим неудачным обстоятельствам.

<...> Вообще говоря, мы могли на этом и расстаться. Но наша встреча имела и своего рода «неформальную» часть. Грачева выразила, как мне показалось, обычный человеческий интерес к мотивам моего перехода из института на завод четыре с лишним года назад. Пожалуй, в моих «Письмах...» (с которыми она знакомилась) сказано об этом немало... Отвечая на ее вопрос, я подчеркнул исследовательский мотив.

А. Я. Грачева тут заметила, что из нашего общения успела вынести впечатление обо мне, как о «разумном» и «сухом» человеке. А вот из дневников и писем вырисовывается совсем другой образ... Ее замечание показалось мне относящимся скорее к психологическому портрету, чем к чему-либо другому.

Я сказал, что считаю себя человеком сдержанным, что особенно заметно в официальном общении, но в дружеском общении может быть и иначе.

<...> В заключение, я попросил А. Я. Грачеву еще раз показать мне ту самую характеристику, которая утверждалась на партбюро цеха 13.04, в мое отсутствие. Та выполнила просьбу, и я имел возможность теперь уже дословно запомнить текст.³⁵ Грачева подтвердила, что характеристика будет рассматриваться партийным бюро **заново**.

* * *

<...> 22.08 (среда), около 18 час. наш контакт с А. Я. Грачевой был буквально минутным.

<...> Я информировал работника горкома о том, что повторное обсуждение характеристики на заседании партийного бюро цеха уже состоялось, накануне (21.08), и... опять **в мое отсутствие!** На вопрос «Почему?» — я передал тов. Грачевой заявление в партийную комиссию ЛГК КПСС от 22.08.84, со своей интерпретацией этого события. <...>

[Здесь опущен текст заявления. — А. А.]

Грачева стала при мне звонить секретарю парткома Щекину. Связаться с ним ей не удалось. (Вероятно, уже ушел — 18 час.) Что собиралась сказать работник горкома секретарю парткома, мне остается неизвестным.

³⁵ См ранее, в главе 5: раздел «Так кто же нарушал трудовое законодательство?»

Еще я сообщил Антонине Яковлевне, что накануне (21.08) я был приглашен секретарем ЛО Союза журналистов А. Заниным и имел беседу с ним и экспертом ЛО СЖ, деканом факультета журналистики ЛГУ В. Комаровым. (Сообщил только о факте беседы, содержания не пересказывал.) К этой информации тов. Грачева никакого интереса не проявила...

Ремарка: один эксперт — на две комиссии.

Как выяснилось позднее, эксперт ЛО СЖ В. Г. Комаров работал также и по поручению парткомиссии Ленинградского ГК КПСС. И вообще отсрочка рассмотрения дела в горкоме партии, судя по всему, была «тактическим ходом», с учетом запланированного на следующий месяц исключения социолога-рабочего из Союза журналистов. После чего и отклонять партийную апелляцию было бы «легче».

Впрочем «тактических ходов» во взаимодействии с официальными органами было немало и со стороны социолога-испытателя. (Сентябрь 1999).

...Мы расстались с работником партийной комиссии горкома КПСС на договоренности, что я ей позвоню в первых числах октября. (Записано в конце августа 1984 г.)

Ремарка: в Смольный — как на работу...

Встречи с сотрудником партийной комиссии А. Грачевой (их было свыше десяти) продолжались с августа до января 1985 г. Был месячный перерыв (конец августа — сентябрь), в течение которого состоялось исключение социолога-испытателя из Союза журналистов СССР.³⁶

Одним из результатов встреч в Смольном явилось письменное, многостраничное «Объяснение-комментарий к отдельным фрагментам и страницам материалов личного и научного архива А. Н. Алексеева 1980–1981 гг.», от ноября 1984 г.³⁷ Ниже — запись о том, как выдавалось «задание» на эту работу. (Сентябрь 1999).

8.11.2. 7-я беседа в Смольном

Из «Записей для памяти» (октябрь 1984)

19.10.84. <...> Тов. Грачева выразила готовность продолжить выдачу мне «задания» для подготовки письменного объяснения по тем фрагментам моих дневников и писем 1980–1981 гг., которые вызвали вопросы у партийной комиссии.³⁸

Я сказал, что имею предложить **процедуру**, облегчающую ее, тов. Грачевой, а также и мою задачу в этом деле, и положил на стол листок, на котором было написано:

³⁶ См ниже: раздел «Союз журналистов очищает свои ряды»

³⁷ Отрывки из этого «Объяснения-комментария» приводились ранее, в главе 4: раздел «В поисках понимания и ясности ...»

³⁸ Имеются в виду пассажи вроде «формулы разгильдяйства» или «болта, который можно вынуть...» и т п (См ранее, в главе 4: раздел: «В поисках понимания и ясности ...»)

Личный и научный архив А. Алексеева (так наз. «Письма Любимым женщинам»).
Требуют объяснений, комментариев (для партийной комиссии Ленинградского горкома КПСС). Октябрь 1984 г.:

¹ стр.
(сплошная нумерация)

¹ письма

¹ стр.
(внутри письма)

Нижне моей рукой были вписаны ¹¹ писем и страниц, отмеченных тов. Грачевой в нашу предыдущую встречу 12 октября, до 4-го письма включительно.

Левая колонка позволит потом Грачевой, при знакомстве с моим письменным объяснением, легко находить нужные страницы по «своему» экземпляру³⁹. Средняя и правая колонки позволят мне находить нужные места в моем рукописном оригинале (сохранившемся у меня и после обыска), где я — по первым 4-м письмам — уже отметил отчеркнутые в «не моем» (изъятом при обыске) машинописном экземпляре абзацы и фразы.⁴⁰

<...> Я предложил тов. Грачевой самой вписать в этот «реестр» нужные стр. из последующих разделов архива. Но она доверила вести эти записи мне самому...

Ремарка: играем «по правилам»...

*Можно рассматривать этот эпизод как черный юмор, вроде намыливания веревки самим приговоренным к повешению. Однако, к чести социолога-испытателя, он и тут пытается задать партнеру **свои** правила игры, по крайней мере — добивается участия в формулировании этих правил, чтобы обеспечить их елико возможную ясность и прозрачность, а в игре — «честность».*

Некоторые мои оппоненты, вроде той же А. Грачевой, более или менее охотно принимали такие «технологические» услуги; а у некоторых... не выдерживали нервы (как, например, позднее — у сотрудников партийной комиссии Ленинградского обкома КПСС).⁴¹ (Сентябрь 1999).

...Таким образом мы «прошли» всю первую папку архива 1980–1981 гг. (первые 9 писем). На 300 с лишним стр. этой папки набралось 18 фрагментов (29 страниц), вписанных мною в «реестр», по указанию Грачевой.

<...> Когда мы перешли ко второй папке, я предупредил тов. Грачеву, что, в отличие от первой, располагаю здесь в «своем» рукописном экземпляре не всеми текстами (сообщил, какими именно располагаю). В таком случае некоторые страницы из второй части, требующие письменного объяснения, мне придется попросить Вас дать мне на время выполнения задания («Это невозможно», — сказала А. Я.) либо переписать их в Вашем присутствии.

* Имеется в виду изъятый при обыске машинописный экземпляр писем, переданный на время рассмотрения партийного дела из УКГБ ЛО в горком КПСС

* Вообще-то, у меня в ту пору оставался еще один, избежавший изъятия, комплект «Писем...», но я этого, понятно, не афишировал

* См в главе 9: раздел «Джордж Оруэлл, Марина Цветаева и тт Марков, Смаглиенко и Горячкин»

Этот второй вариант действий показался тов. Грачевой (как кажется и мне) слишком трудоемким. И мы ограничились краткой устной беседой по второй папке (имевшей, кстати, значительно меньшее количество отмеченных мест).

Мне запомнились три замечания А. Я. Грачевой по этой второй папке.

На стр. 340 (кажется, это письмо к Ю. С. от середины 1980 г.) говорится о моем «жизнеощущении» на заводе: мне удалось, писал я, довольно быстро пройти стадии «хозяина на своем рабочем месте» и «хозяина в своем цехе», и я близок к тому, чтобы почувствовать себя «хозяином на своем предприятии».

Тов. Грачева нашла это мое заявление в личном письме неприемлемым (нескромным и т. п.). Я объяснил, что формулировки «хозяин на своем рабочем месте» и, соответственно, «в цехе», «на предприятии» — это своего рода «методическое клише», широко используемое в социологических анкетах (что хорошо известно моему адресату — профессиональному социологу). Рабочий, согласно известной *[декларативной! — А. А.]* социальной норме участия в управлении производством, должен чувствовать себя **хозяином** в своем трудовом коллективе. Другое дело, что не всегда он себя таковым сознает и ощущает (о чем свидетельствуют те же данные социологических обследований, при использовании соответствующего вопроса).

Усмотрение себя «хозяином», достигнутое уже через полгода после поступления на завод, мне не в минус (нескромность), а в плюс (активная позиция). Замечание тов. Грачевой вызвано недоразумением, разве что она полагает, что рабочий не должен чувствовать себя «хозяином» на производстве (но я не думаю, что она так полагает).

А. Я. Грачева на своем замечании настаивать не стала, по-видимому, удовлетворившись этими аргументами. (Вообще, данное замечание — в русле сложившегося у тов. Грачевой, на основании знакомства с моими дневниками и письмами, представления, сформулированного ею в этой же беседе: будто я считаю, что «Я — это я, а остальные — это так...». Последнее выражение записано мною дословно.)

Другое замечание (стр. 361). В моем письме к А. Н. *[А. К. Назимова. — А. А.]*, при обсуждении текста нашей, уже готовой совместной статьи, мною высказывалось полу-предложение насчет еще одной возможной темы совместной публикации — «Социалистическое соревнование» (по материалам моего ИСЭПовского отчета конца 70-х гг.). «Может ударим и в этот чайник?» — написано мною в непринужденной, полушутливой манере, в какой я привык разговаривать с друзьями.

Отвечая на вопрос тов. Грачевой по этому поводу, я сказал, что мой корреспондент умеет понимать шутки. Антонина Яковлевна, однако, сочла такую шутку неуместной (имея в виду, очевидно, серьезную тему предполагаемой статьи...). Если бы не эта фраза, не было бы вопросов, заметила она дружелюбно.

И третий вопрос. Одно из писем называется «Наладчик и бригада («партизанщина»)»⁴². Слово «партизанщина» для тов. Грачевой имеет отрицательный смысл, и его соединение со словом «бригада» представляется ей неуместным.

Я объяснил, что **партизанщиной** в производственном обиходе называют работу по самостоятельной рабочей технологии (в отличие от разработанной инженерными службами). Это явление подробно описано в данном письме и осмыслено в статье «Человек в системе реальных производственных отношений», с которой тов. Грачева может, при желании, ознакомиться. Что касается самого по себе соединения слов («бригада» и «партизанщина»), то подзаголовок (в скобках) уточняет, вокруг чего складывались тогда взаимоотношения бригады и наладчика ПКР (в ту пору в бригаду еще не входившего).

(Впрочем вопрос Грачевой относился не к **предмету** обсуждения в письме, а именно к «соседству» слов и названий, одно из которых для нее позитивно эмоционально окрашено — «бригада», а другое — негативно: «партизанщина». Такую же негативную смысловую нагрузку для моей собеседницы несут слова «игра» и «самостоятельность», довольно часто употребляемые в моих письмах и дневниках.)

Ремарка: «неконтролируемые ассоциации».

Ловлю себя на мысли, что наш разговор с работником горкома партии чем-то напоминает тождание разговоров редакторов с цензорами («вычерки», борьба с «неконтролируемыми ассоциациями» и т. п.).

О работе цензоров (работников Облгорлита того времени) еще пойдет речь ниже.⁴³ (Сентябрь 2000).

<...> Некоторые вопросы тов. Грачевой (типа приведенных выше) буквально ставили меня в тупик. При этом я никак не могу пожаловаться на недостаток доброжелательности и — субъективного! — такта, проявляемого моей собеседницей.

В заключение беседы А. Я. Грачева выразила желание вновь встретиться со мной на следующей неделе. Я сказал, что объем ее «задания» таков, что потребует от меня по крайней мере 3-недельной работы. Будучи ежедневно занят на производстве, я могу рассчитывать только на выходные дни. Думаю, что справлюсь с комментарием к 29 отобранным страницам (а вряд ли комментарий может быть короче самого комментируемого текста!) к первому послепраздничному (ноябрьские праздники) дню.⁴⁴

А. Я. попросила меня по возможности «ужать» письменное объяснение, на что я ответил, что сам в этом заинтересован, но это тем более потребует труда.

⁴² См ранее, в главе 3: одноименный раздел

⁴³ См в главе 10: «Новые разговоры в Смольном» и др разделы

⁴⁴ Извлечения из указанного «Объяснения-комментария...» приводились ранее, в главе 4: раздел «В поисках понимания и ясности...»

Мы договорились, что я **позвоню** тов. Грачевой в понедельник, 29.10 и информирую ее о ходе своей работы. Тогда и договоримся о следующей встрече. <...>

(Записано в конце октября 1984 г.)

* * *

Из «Записей для памяти» (октябрь 1984)

<...> Не могу не отметить высокую степень корректности и вообще — соблюдения уставного требования максимума внимания и тщательности при рассмотрении случая исключения из партии, в партийной комиссии Ленинградского горкома КПСС, продемонстрированных работником этой комиссии А. Я. Грачевой в наших встречах 13.08, 16.08, 22.08 и 3.10.84. <...>

(Записано 5.10.84)

Ремарка: протоколы бесед с должностными лицами.

Здесь заслуживает, еще раз, пояснения сам жанр «записей для памяти», образцы которого приведены выше.

Для этого жанра (вариант протокола!) характерна своего рода «остраненность» и сугубая, подчеркнутая фактографичность: кто что сказал, сделал и т. п. Авторское отношение можно усмотреть почти исключительно в подтексте.

Последнее обстоятельство отчасти вызвано опасением нового обыска, при том, что факты требовали «сохранения» (точной регистрации) — не только из исследовательских соображений, но и в целях «самооснащения» для дальнейших контактов с официальными органами и лицами.

Самодельные протоколы и «репортажи», посвященные заседаниям партийных органов и встречам с должностными лицами, писались «по горячим следам», с использованием рукописных заметок, сделанных по ходу встречи, заседания, и отличаются высокой точностью.

Авторский цикл «Записи для памяти (1983–1986)» содержит свыше сотни таких протоколов. (Сентябрь 1999).

8.12. «Дело Баранцева». Интермедия

От автора — сегодня

Вскоре после описанных выше событий, в конце 1984 г. (а точнее — 8.12.84, как удалось установить моему другу по записям «ежедневника»), состоялась встреча социолога-рабочего с математиком и философом, профессором математико-механического факультета Ленинградского университета Рэмом Георгиевичем Баранцевым.

Нас познакомил человек, с которым как я, так и он тогда дружили (хотя 10 лет спустя имели возможность, оба, убедиться, что этот человек не заслуживает не только дружбы, но даже и того, чтобы здесь его называть).

Помню, мы, в течение пары часов, сидя в разных комнатах большой квартиры на Московском пр., только читали: Рэм — «выжимки из дела А.», я — «выжимки из дела Б.». Закончили чтение примерно одновременно. Вышли из «своих» комнат и обменялись крепким рукопожатием.

Стаж нашей дружбы, таким образом, 16 лет. И я этой дружбой горд.

...А дело в том, что пути и духовные поиски беспартийного профессора математики, с одной стороны, и члена КПСС, социолога-рабочего, с другой, при всем их своеобразии, оказались настолько близкими, что мы не могли, с первой же встречи, не понять, что это — «один путь».

Высокоавторитетный (у нас и за рубежом) специалист в области математической физики и газовой динамики, доктор наук в 33 года (1964), профессор (1968), лауреат Государственной премии (1973), трижды представлявшийся к званию члена-корреспондента АН СССР, Р. Баранцев на рубеже 70–80-х гг. «впал в идеологическую ересь»: он занялся разработкой междисциплинарных, общеметодологических проблем, объединенных им тогда в понятие «семиодинамика».

«...Семиодинамика — наука о динамических аспектах теории знаковых систем, возникающих на стыке лингвистики, логики, системологии и других наук. Она изучает общие закономерности происхождения и развития естественных систем, разрабатывает механизмы синтеза целостных образований» (Цит. по: Семиодинамика. Труды семинара. СПб, 1994, с. 2).

В 1980 г. Рэмом Баранцевым, совместно с коллегами, был организован не «невидимый колледж» (как, скажем, авторами экспертной методики «Ожидаете ли Вы перемен?»), а вполне легальный (при Совете молодых ученых ЛГУ) семиодинамический семинар, в котором участвовали филологи, математики, философы, биологи, физики, геологи и т. д. Семинар успешно действовал в течение двух с половиной лет, пока не был разогнан (запрещен).

Еще в 1981 г. возникла идея издания трудов семинара, поддержанная на всех уровнях. Рукопись сборника под редакцией проф. Баранцева поступила в издательство ЛГУ в 1982 г., а в начале 1983 г. была «арестована» и водворена в сейф университетского парткома, где пролежала вплоть до 1989 г.

Из отзыва председателя Головного совета по философии, зав. кафедрой диалектического материализма, проф. В. Г. Иванова:

«...Таким образом, сборник в целом не содержит в себе ничего научного, является проповедью иррационализма и мистики, лишь слегка замаскированных под эзоповский язык псевдонаучной терминологии, имеет явную антимарксистскую направленность. Он не подлежит ни публикации в настоящем виде, ни в какой-либо доработке, и должен быть изъят из делопроизводства издательства...». (30.01.83) (Цит. по: Семиодинамика... 1994, с. 3).

(Как явствует из источника цитирования, труды семинара по семиодинамике были все-таки изданы Рэмом Баранцевым, но... 10 лет спустя.)

*Здесь опускаем детали «охоты на ведьм» и перипетии «дела Баранцева» середины 80-х, описанные в позднейших выступлениях СМИ.⁴⁵ Существенным в «деле» Рэма Баранцева, опережавшем, так сказать, по фазе, мое собственное «дело» примерно на полгода, является линия активной **идейно-нравственной самообороны**, от которой мой друг и «побратим» не отступил ни на йоту, все эти годы.*

⁴⁵ См.: Преловская И. Ярлык // Известия, 30 05 87; А тень осталась // Известия, 18 10 87; Максимова Н. Встретимся через 900 лет О семиодинамике, которая была «идеологически вредной», а сегодня стала «гостьей из будущего» // Новая сибирская газета, 1994, ноябрь

Различие этих двух «дел» состояло в задаче, которую решали преследователи: А. нельзя оставлять в рядах КПСС (в институте он и так не работает...), а Б. — в стенах университета (в партии же он никогда не состоял...). В конечном итоге, «споткнулись» на обоих.

Только что вышел очередной номер журнала «Звезда» — тематический: он посвящен восьмидесятым годам. Там — очерк писателя и историка Якова Аркадьевича Гордина: «Дело Баранцева». Психологический этюд эпохи позднего большевизма».⁴⁶

«“Феномен Баранцева”, которому посвящен этот очерк... это тот чрезвычайно важный для понимания существа процесса случай, когда ученый, не принимая статуса диссидента, оказывался в непримиримом противоречии с правилами игры, на которых настаивала власть...», — пишет Я. Гордин.

Ниже — композиция извлечений из упомянутого очерка, позволяющая увидеть «общее и особенное» в обстоятельствах обоих «дел» и способах действий, как наших с Р. Б. «оппонентов», так и своих собственных.

А. А., май 2000

8.12.1. Психологический этюд эпохи позднего большевизма

Из очерка Я. Гордина «Дело Баранцева» (2000)

<...> 22 марта [1983 г. — А. А.] на кафедре диалектического материализма философского факультета ЛГУ Вячеслав Григорьевич Иванов принял уличенного им во всех смертных грехах профессора Баранцева. Разговор этот, записанный Баранцевым, интересен не столько содержанием, сколько формой — «философ» допрашивал математика.

Иванов: Кто утверждал руководство семинара и редколлегию сборника по семиодинамике?

Баранцев: Этим вопросом мы не интересовались, потому что перед нами он не ставился.

И.: Кто дал разрешение на проведение семинара в Пущино?

Б.: Соответствующее разрешение было. На каком уровне — точно не помню, так как этим вопросом занимался местный оргкомитет.

И.: Почему сборник не был проведен через Головной совет по философии (какая, оказывается, существовала замечательная организация — Головной совет по философии! — Я.Г.)?

Б.: Потому что это не философский сборник, а междисциплинарный семиодинамический, то есть по динамическим аспектам знаковых систем в различных областях науки и культуры.

И.: Ваш сборник на 90 % является философским. Но это не марксистский сборник. Можете ли вы назвать положения марксистско-ленинской философии, которые в нем развиваются?

Б.: Мы занимались семиодинамикой, включая методологические проблемы теории знаковых систем. Философское осмысление — ваша забота, ваша профессия.

И.: В предисловии вы пишете о единстве участников семинара, общности, замкнутости, цельности сборника. В чем это единство? В цели, в подходе?

Те, кому довелось читать протоколы допросов в КГБ последних десятилетий советского периода, безошибочно узнают стиль поведения следователя и допрашиваемого. Иванов пытается получить компрометирующую семинар информацию, а Баранцев, человек, близкий к диссидентским кругам, искусно от этого уходит.

⁴⁶ Этот очерк уже цитировался; см. в главе 7: раздел «Социальное и культурное пространство...»

В последнем из процитированных вопросов Иванова — откровенное стремление квалифицировать семинар как некую политическую антимарксистскую организацию — «единство, замкнутость, цель».

Не получив информации, которую можно использовать оперативно, Иванов переходит в несколько иной план.

И.: Читали ли вы статью Ю. Жданова в одном из последних номеров журнала «Коммунист»?

Б.: Нет, не читал...

И.: В сборнике всего две ссылки на основоположников марксизма-ленинизма и масса ссылок на идеалистических философов. Такие мракобесы, как С. Трубецкой и В. Соловьев — высший авторитет **для вас**? Знаете ли вы, что на них нельзя ссылаться без специального разрешения? [! — А. А]

Б.: Неужели? Только недавно я читал в «Неделе» очень хорошую статью о В. И. Вернадском, где С. Трубецкой назван одним из его друзей, наряду с Л. Толстым, В. Ключевским, С. Чапыгиным.

И.: Почему из деятелей культуры авторов сборника привлекают, главным образом, декаденты?

Б.: Не знал, что Чюрлениса и Тютчева следует считать декадентами...⁴⁷

...Поскольку у «философа» не было возможности отправить математика в камеру, то дискуссия завершилась весьма своеобразным конфликтом. Иванов решил подавить оппонента стройным набором обвинений.

И.: Вот прочтите мой подробный отзыв на ваш сборник.

Б.: Он длинный, и я должен показать его всем членам редколлегии.

И.: Это у меня последний экземпляр.

Б.: Я верну его вам!

И.: Дать с собой не могу.

Б.: Тогда я не буду его читать.

Иванов сделал последнюю хитроумную попытку.

И.: Может быть, вы хотите узнать, что написано в отзыве о вашей статье? **Б.:**

Нет, никаких привилегий!

Единственно, что Иванову удалось вручить Баранцеву для немедленного прочтения — докладную записку в партком и обком, которая, по словам Баранцева, была «составлена как политический донос с вопиющими идеологическими обвинениями».

Итак, профессора кафедры гидроаэродинамики обвинили в том, что он пытается подменить марксистско-ленинское учение идеалистической семиодинамикой, опираясь на философов-идеалистов и писателей-декадентов.

Характер последующих бесед Баранцева с его обвинителями был многозначительно однообразен. На комиссии парткома ЛГУ, куда беспартийный профессор был вызван 6 мая, у него пытались получить прежде всего имена «зачинщиков» и «покровителей».

⁴⁷ Ср выше: разделы «Решение партийного бюро: “Исключить антисоветчика...”» и «Репортаж с заседания парткома» Ср также в главе 10: «Новые разговоры в Смольном» и др разделы

Но и не только с «делом» социолога-рабочего, как таковым, уместны тут сопоставления. См., например, в главе 9: раздел «ИСЭП-1984...»

<...> Отчаявшись получить необходимые данные окольным путем, философы-следователи двинулись напрямую.

Иванов: Кто приезжал на семинар из Тарту?

Баранцев: Кто-то собирался, но не смог. **И.:**

Знакомы ли Вы с Лотманом и Успенским?

Б.: Приглашением Ю. М. Лотмана приехать в Тарту я еще не воспользовался. С Успенским мы не знакомы.

И.: Знакомы ли Вы с Клейном?

Б.: Вы имеете в виду археолога? Нет, лично не знаком.

Последний вопрос — главный. Профессор Клейн, известный историк и археолог, активно «разрабатывался» КГБ и вскоре был арестован. Затем последовал еще один любопытный заход.

Иванов: Не могли бы Вы ознакомить комиссию с перепиской между вами и Шрейдером по поводу семинара в Пушино?

Баранцев: Странный вопрос! Как же я могу это сделать без разрешения Шрейдера?

И.: Но среди членов семинара она распространялась.

Б.: Я показывал ее нашим общим друзьям. Если кто-то распространял шире, на том и ответственность.

Судьба сборника была решена категорически. На очереди было решение судьбы самого Баранцева.

31 мая 1983 года у Баранцева состоялась беседа с деканом мат.-мех. факультета З. И. Боровичем в присутствии секретаря партбюро факультета А. И. Буравцева.

Борович: Должен сообщить, что нам придется расстаться с вами. Как декан и как человек, давно знающий вас, хочу дать совет: сделать это лучше миром, полюбовно, по-доброму. Иначе будут крупные неприятности и для вас, и для факультета.

Смысл угрозы был вполне определен. На партийных инструктажах представители инстанций давали понять, что на факультете раскрыта антисоветская организация. Если учесть, что при парткоме ЛГУ тогда действовал «Координационный совет по борьбе с буржуазной идеологией», то нашлось достаточно желающих раскрутить «дело Баранцева» или, если угодно, «дело семиодинамики», чтобы продемонстрировать свою бдительность и реальность вражеских происков. Ситуацию наверняка контролировал КГБ.

Но начинать следствие, отталкиваясь от одного только факта цитирования С. Трубецкого и В. Соловьева вместо Маркса и Ленина, равно как и предъявлять в качестве уголовного обвинения (политических статей в нашем законодательстве уже не было) философские заблуждения власти все же не решились. Тем более, что речь шла об известном ученом.

Для того, чтобы стать фигурантом уголовного дела со всеми атрибутами — обыском, арестом, судом, лагерем, — нужно было все же или попасться на «хранении и распространении» самиздата или тамиздата, или того и другого, или раздражить КГБ демонстративным обще-

нием с иностранцами, или заниматься изданием компрометирующих систему материалов за рубежом, или открыто противостоять власти политически.⁴⁸

Были, разумеется, и акции устрашения, касающиеся, в основном, людей, популярных в интеллигентской и студенческой среде — «дела» Азадовского и Клейна, организованные как раз в то же время. Но ситуация Баранцева была и похожей, и непохожей.

С одной стороны он [Р. Г. Баранцев. — А. А.] был уважаемым в студенческой и аспирантской среде профессором, окруженным учениками, и, стало быть, мог тлетворно на них влиять. Эту опасность ликвидировали простым способом, отстранив Баранцева от преподавания и запретив брать новых аспирантов. С другой стороны, он не делал никаких вызывающих политических жестов, не был пойман на «хранении и распространении» (хотя занимался этим). **Он был опасен нетривиальностью и независимостью мышления.** [Здесь и далее выделено мною. — А. А.] Но построить на этом политическое обвинение было сложно, а идти на откровенную провокацию вроде подброшенных наркотиков (как в случае с Азадовским), очевидно, не сочли возможным.

Баранцева решили уничтожить как профессионала. И прежде всего его нужно было вынудить уйти из университета.

Для того, чтобы понимать дальнейшее, следует хотя бы приблизительно представить себе личность профессора Баранцева.

Рэм Георгиевич Баранцев происходит из вятских крестьян. Его родители, родившиеся в деревне, стали провинциальными интеллигентами в первом поколении: мать — учительницей, отец — агрономом.

Думаю, что именно крестьянская закваска и традиция спокойного упорства в сохранении своего мировидения, свойственная провинциальным русским интеллигентам, объясняют стиль поведения, выбранный профессором Баранцевым в конфликте с принципами системы, а отнюдь не только с парткомом ЛГУ.

После заявления декана о неизбежном «расставании» беседа продолжалась в стиле, характерном для всего процесса противостояния.

Баранцев: Прежде чем говорить об уходе, я хотел бы услышать, так сказать, состав обвинения. Когда проректор Ермаков 23 марта [1983 г. — А. А.] сообщил мне распоряжение ректора об отстранении от преподавательской работы со следующего учебного года, он сказал только, что семинар по семиодинамике был «слишком широким». Но почему семиодинамика вообще предосудительна? — до сих пор никто официально не сформулировал...

Боревич: Воинственная позиция вам не на пользу. Вы должны сами понимать, чем вызвано решение парткома, и относиться к нему серьезно.

Это очень важный пассаж. Объяснить ясно и четко свою позицию представители власти в подобных случаях могли только признавшись в своем

⁴⁸ В этом почти исчерпывающем перечислении отсутствовавших у Рэма Баранцева, как и у меня самого, «грехов» (компроматов) нахожу объяснение, в частности, тому, что и «дело» социолога-рабочего, в это же самое время, развивалось по относительно «мягкому» варианту

паническом страхе перед любым инакомыслием. Но никто из официальных лиц не хотел брать на себя ответственность за подобные признания. Отсюда и классическая формула: **«Вы должны сами понимать...»**.

Баранцев, разумеется, **понимал. Но упорно делал вид, что искренне недоумеает. И это оказалось правильной тактикой.**

Большинство советских ученых в подобной ситуации — неприкрытая угроза, возможное вмешательство карательных органов — немедленно сдались бы и написали заявление об увольнении по собственному желанию. Баранцев решил **стоять до конца**. В этом и была нетипичность данного случая, о которой сказано в самом начале.

Баранцев: Просить обоснования — не воинственность, а право... **Боревич:** Ваше упорство вредно и для вас и для факультета. Принудительное увольнение потребует больше хлопот и принесет лишние неприятности. А исход однозначен. Ученый совет проголосует согласно принятому решению. Так что лучше расстаться полюбовно, пока такая возможность еще имеется.

Баранцев: Для взаимной любви нужно взаимопонимание. Объясните все-таки, чем плоха семиодинамика.

Такие разговоры продолжались несколько месяцев. Очевидно, руководству университета было дано указание избежать открытого скандала — насильственного увольнения крупного ученого по невятным идеологическим причинам. Он **не поддавался**.

6 июня того же года беседа с деканом прошла в том же стиле.

Боревич: Ну, что у вас в папке? Заявление?

Баранцев: Нет. Текущие дела, в частности, по семиодинамике...

Баранцеву стали предлагать компромиссные варианты.

Боревич: Речь может идти о должности старшего научного сотрудника по хоздоговору на два-три месяца, пока вы ищете постоянную работу. Разумеется, если вы немедленно подпишете заявление об уходе по собственному желанию. И то я не могу ничего гарантировать...

Баранцев: Временно, по хоздоговору, конечно, несерьезно.

Боревич: То есть вы наотрез от этого отказываетесь?

Баранцев: Почему же? Оставим, как запасной вариант.

Боревич: Тогда пишите заявление.

Баранцев: Начинать надо с основного варианта. Давайте искать.

Боревич: Очень жаль, но вынужден фиксировать ваш отказ.

Это стало внешне напоминать **абсурдистский театр**, хотя во всем происходящем была **несомненная логика**. [*Чем-то напоминает еще корриду... — А. А.]* 30 июня состязание продолжилось.

Боревич: Мы надеемся, что вы хорошо подумали и пришли наконец к тому решению, которое мы с самого начала советовали вам принять.

Баранцев: Извините, но я не давал оснований для таких надежд..

Боревич: Уход из университета был бы наилучшим исходом для вас.

Баранцев: А для университета? **Боревич:** И для университета.

Тут Баранцев, который вошел уже во вкус своей рискованной игры *[Игра! но — по своим, а не по их правилам; в этом суть, как справедливо отмечает Я. Гордин (см. выше). — А. А.]*, устроил небольшую провокацию.

Баранцев: Вы до сих пор так думаете? (Декан и секретарь партбюро Буравцев переглядываются).

Буравцев (полувопросительно): Рэм Георгиевич, видимо, имеет в виду какую-то новую информацию, которой мы не располагаем?

Баранцев: Из моих слов не вытекало, что я обладаю новой информацией».

Это замечательный момент для понимания психологии функционеров — страх неточно сориентироваться в происходящем, упустить перемену настроений наверху и схлопотать неприятности за излишнее рвение...

Вообще записи разговоров — а это десятки страниц! — Баранцева с властью имущими разного уровня, от декана до ректора ЛГУ или инструктора обкома, обнаруживают **множество драгоценных для социального психолога и будущего историка нюансов.**

<...> Разумеется, патовыми дискуссиями с научным и партийным начальством действия Баранцева не ограничивались. Он писал в ЦК КПСС, он убеждал отдел науки обкома в неправильности и неграмотности принятых в ЛГУ решений, в перспективности развития семиодинамики и так далее.

Его противники тоже не дремали. Баранцев руководил «хоздоговорными» проектами, непосредственно касающимися космической проблематики, то есть «оборонки». Приказом ректора от 8 июля 1983 года он был лишен допуска к «закрытым темам» и тем самым отстранен от разработки направлений, считавшихся важнейшими.

Когда перед властью вставал даже туманный призрак «идеологической диверсии» — за ценой не стояли.

С этого же времени под окнами Баранцева стала демонстративно дежурить черная «Волга». В процесс давления — пока пассивно — включился КГБ.

Хотя Баранцев и не мог предвидеть того, что произойдет в стране, но **тактику он выбрал правильную.** Время работало на него. <...>

(Я. Гордин. «Дело Баранцева». Психологический этюд эпохи позднего большевизма // Звезда, 2000, ¹ 4, с. 23–26)

Ремарка: «драматургические протоколы»...

Как видно, не надо быть «социологом-испытателем», чтобы строить «моделирующие ситуации»...

Яков Гордин прав, говоря о «драгоценных нюансах», заключенных в «драматургических протоколах» Рэма Баранцева. Заверяю, однако, что они могут быть ценны и не только для «будущего историка». Помню, читая еще тогда (в середине 80-х) эти «разговоры Человека с чиновниками», я извлекал практические уроки для себя: уроки достойного поведения, изящества полемики и... неуступчивой толерантности.

Можно усмотреть немало переключек между «делами» Б. и А. Здесь образу читательское внимание лишь на один характерный штрих.

Сначала независимо друг от друга (а после состоявшегося знакомства — в тесном контакте!), Рэм Баранцев и автор настоящей книги вели именно протоколы социально значимых встреч, бесед, заседаний и т. п., фиксируя, предельно аккуратно, развитие событий в «драме» собственной не приватной (а значит — общественной!) жизни.

Кстати, ни Рэм, ни я не были «первооткрывателями» жанра. Так, во все более открывающемся для современного читателя архиве Александра Александровича Любичева⁴⁹ находим страницы вот таких же «протоколов»... См. ниже. (Май 2000).

8.12.2. Еще один урок А. А. Любичева (1955)

Из архива А. А. Любичева (50-е гг.)

<...> Разговор с Василием Васильевичем Ивановым. Отдел пропаганды и агитации [ЦК КПСС. — А. А.] .

[Беседа Любичева с В.В.Ивановым непосредственно предшествовала его беседе с В. П. Орловым в сельскохозяйственном отделе ЦК КПСС. — А. А.]

Разговор продолжался короче, чем предполагалось (45 мин.), так как по телефону я договорился сначала с Орловым на 12 час. и Иванов тоже меня просил сначала на 12 часов, когда же я сказал, что я занят, он перенес на 13 час., но и тут меня задержал Орлов, а потом беготня (это в другом здании и требуется новый пропуск), привело меня к тому, что я попал к Иванову в 13 ч. 45 м., а в 14 ч. 30 мин. у него начиналось совещание работников кафедр общественных наук. Секретарша Иванова меня спросила, не на совещание ли я прибыл. Когда я узнал, на какое совещание, то заявил: «Что вы — кафедры общественных наук мне только мешали в работе».

Иванов — довольно пожилой солидный мужчина — сначала заявил о своем уважении к представителям старой интеллигенции, а потом стал разъяснять разницу между «Крыльями» и «Гостями». Он сам заявил, что истинная сущность обвинения Зорина в клевете была сформулирована не четко и что дело в том, что Зорин указал, что власть разрешает и что у нас закладывается новая буржуазия и высший свет. Что объективным законом советского строя является то, что такие разложившиеся люди выявляются и подвергаются наказанию, между тем как по Зорину выходит, что советская власть закономерно такие явления, как Кирпичева и Дремлюгу, порождает. Поэтому за «Гостей» чрезвычайно ухватились наши враги в Библиси, «Голосе Америки» и даже английском журнале «Экономист», обычно не касающемся вопросов литературы. Он привел пример Александрова, которого разоблачили и устранили с поста. Я ответил, что появление новой буржуазии и высшего света — несомненный факт. Они не являются закономерным порождением советской власти, но вполне закономерным порождением того культа личности, который у нас господствовал последние годы до 1953 г., когда без личного участия Сталина

⁴⁹ См. о нем ранее, в главе 6: «Человек, смотрящий в часы...» и др. разделы

и солнце не всходило и земля не родила, что такое нарожение нового высшего света представляет собой огромную опасность для всего дела социализма.

Когда он спросил, как же могут закономерно вырождаться избранники народа, я ответил, что будем откровенны: хорошо известно, что список выставляемых кандидатов составляется обкомами и горкомами, в большинстве случаев настоящие лица кандидатов нам неизвестны, а когда они хорошо известны, то часто кандидат уклоняется от встречи с хорошо знающими его избирателями: наш первый секретарь Скулков не баллотируется в Ульяновске. Избиратель, голосуя за кандидата, обычно голосует за советскую власть, а вовсе не за ему неизвестного кандидата (большей частью). Поэтому большей частью наши депутаты не имеют права считать себя персонально избранниками народа.

Что касается Александрова, сказал я, то, во-первых, он не был разоблачен, так как истинная причина его снятия с поста министра не была опубликована, а кроме того, с моей точки зрения, вина Александрова ничтожна по сравнению с виной такой фигуры, как Лысенко, а Лысенко продолжает оставаться президентом ВАСХНИЛ и проч. и тормозит развитие науки. Вот тут, кажется (а может быть я сказал это обоим), я сказал, что пока у власти Лысенко умные люди имеют право бояться рецидивов ежовщины. «Это невозможно» — ответил Иванов. «Я тоже думаю, что это невозможно, — ответил я, — но это мое убеждение я не в силах передать моим товарищам».

Поэтому я сказал, что в обвинении Зорина в клевете смешиваются две вещи: 1) возможность закономерного порождения разложившихся бюрократов советской властью и 2) такая же возможность, как следствие культа личности; и забывают, что время действия «Гостей» относится к началу пятидесятых годов. Вот если бы Зорин отнес это действие к настоящему времени, то тут обвинение в клевете имело бы основание, так как сейчас о подобных злоупотреблениях в судебном ведомстве не слышно. Иванов ответил: «Но она была напечатана в 1954 году».

Я спросил о судьбе Зорина. «Он уже написал какую-то комедию, которая идет на сцене, — ответил В. В. Иванов. — Никаких репрессий он не претерпел».

Я спросил еще, что, значит, Бибиси и «Голос Америки» оказали Зорину плохую услугу, создав ему такую «паблисити»? Он ответил, что мы не настолько наивны, чтобы не заметить того политического вреда, который имела [нанесла? — А. А.] эта пьеса. «Однако многие товарищи не заметили, так как пьеса шла беспрепятственно в ряде театров».

В конце я заявил, что очень удовлетворен беседой, так как для меня сейчас вполне ясны психологические основания кампании, поднятой против Зорина, но я все-таки сохраняю свое старое мнение, что эта кампания была ненужна. Подробно обосновывать свою точку зрения по вопросу партийности культуры я не считаю возможным, так как думаю это сделать осенью в пятой главе «О монополии», которую я надеюсь,

В. В. Иванов сможет прочесть.⁵⁰ Вкратце же могу сказать, что хотя в политике никакого участия не принимал, но давно интересуюсь как политикой, так и общефилософскими вопросами, и давно известен, в частности, как виталист (этот термин В. В. Иванову оказался неизвестен и он спросил: «А что это такое?» — пришлось вкратце разъяснить), и что понятием диалектического материализма сейчас пользуются вкривь и вкось. Необходимо творческое отношение к марксизму, а не догматическое, противное всякому духу марксизма, которое господствует в настоящее время.

На этом мы расстались.

26.VIII.55 г.

Москва. А. А. Любищев

(Цит. по: А. А. Любищев. Этика ученого. Подбор писем и статей А. А. Любищева против лысенковщины. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 1999, с. 61–63).⁵¹

* * *

Вместо заключения («Дело Баранцева»...)

Недавно (февраль 2002) в журнале «Санкт-Петербургский университет» появилась заметка математика И. В. Андрианова, под названием «Нонконформист. 70 лет профессору Рэму Баранцеву». Среди прочего там есть такие строки:

«...Достаточно вспомнить борьбу с произволом администрации и партийной бюрократии Ленинградского университета в годы застоя, когда Р. Г. вопреки всему, в том числе советам доброжелателей, отстоял свое достоинство и победил... В этой борьбе не было ничего от истерической жертвенности, не было надрыва, зато присутствовал, как это ни покажется странным, интерес исследователя, попавшего в непривычную область «драматической социологии». В дальнейшем сам Р. Г. лапидарно сформулировал уроки этой борьбы:

«Если учиться на жизни и для жизни, то именно критическая ситуация наиболее содержательна и плодотворна для изучения реальных весьма динамических процессов». [Выделено мною. — А. А.] Конечно, цена, которую заплатил Р. Г. за этот совсем не обязательный опыт, очень высока... «. (Санкт-Петербургский университет, 2002, ¹ 3/4, с. 32).

На этот юбилейный привет Рэм откликнулся письмом к его автору, которое опубликовано в том же номере названного издания. процитирую:

«...Посмотреть на себя так, «как смотрят души с высоты на ими брошенное тело», вполне ответственно, если не ограничиваться сладкой грустью, а решить проблему переходного слоя к более целостному состоянию. Этот слой был бы внешним, на пределе знания, если бы не многократный опыт критических переходов, которым одарила меня судьба. Помню, как мучительно было осознавать, что привычная жизнь закончилась, а будущее неизвестно. Пройдя несколько жизней в одном теле, я должен понять и объяснить их единство. [Выделено мною. — А. А.]

⁵⁰ Речь идет о работе А. А. Любищева «О монополии Т. Д. Лысенко в биологии»

⁵¹ Цитирую по современному изданию любивцевских материалов. Однако, благодаря Рэму Баранцеву (хранителю любивцевского архива), мне довелось ознакомиться с образцами «записей для памяти» А. Любищева такого рода (и в частности с этой) еще в 1985 г.

На этом бы пока остановиться, но мешает еще одна зацепка. Название «нонконформист» негативно, а ощущаю я себя не столько против, сколько за. Заслужить положительное определение, значит, еще предстоит».

Отдельные фрагменты из трудов Р. Г. Баранцева, посвященных триадно-му синтезу, см. в приложении к этой главе. (Февраль 2002).

8.13. Всероссийское театральное общество: разрыв отношений

[Об исследовательской группе «Социология и театр» при Ленинградском отделении ВТО см. ранее, в главе 1: раздел «Индивидуальная жизненная переменна. Социолог-рабочий...». — А. А.]

8.13.1. «Заглазное» отлучение от ВТО

А. Алексеев — ответственному секретарю Правления ЛО ВТО

А. Журавлевой (июль 1984)

<...> Как мне стало известно вчера, 10.07.84, через посредника <...>, руководство Ленинградского отделения ВТО не считает возможным продолжение моего сотрудничества в исследовательской группе «Социология и театр».

Какими бы ни были обстоятельства и мотивы, которыми в данном случае движимо руководство ЛО ВТО, обсуждение этих обстоятельств могло бы вестись при участии лица, которого это непосредственно касается. Равно как и информация о разрыве отношений с ведущим сотрудником группы, организованной 10 лет назад по его *[совместно с В. Н. Дмитриевским. — А. А.]* инициативе и с тех пор приобретшей всесоюзную известность — могла бы быть доведена до меня руководством ЛО ВТО в личной беседе.

Коль скоро без такого обсуждения сочли возможным обойтись, информирую Вас письменно, что работа в названной исследовательской группе мною **прекращена с 11 июля**.

Одновременно сообщаю, что работа, проведенная мною, согласно плану исследовательской группы, в период 1.07–10.07.84, пока осталась без оформления соответствующим трудовым соглашением.

Ст. научный сотрудник А. Алексеев, 11.07.84

* * *

Из «Записей для памяти» (октябрь 1984)

<...> Косвенным ответом на письмо ответственному секретарю ЛО ВТО А. А. Журавлевой явилось распоряжение последней об оплате моей работы за период 1.07–15.07.84. 16 октября в бухгалтерии ВТО мне была выплачена соответствующая сумма (50 руб.).

В этот же день состоялось очередное заседание группы «Социология и театр», посвященное подготовке предстоящего научно-практического семинара: «Театр в культурной жизни Ленинграда» (Ленинград, 21–22.10.84). В этом заседании я участвовал в качестве «друга-наблюдателя». <...>

(Записано в середине октября 1984 г.)

8.13.2. Потеря А. не является невосполнимой для группы**Из «Записей для памяти» (декабрь 1984)**

<...> В ноябре-декабре 1984 г. состоялись премьеры театральных спектаклей «Вы чье, старичье?» (Театр им. Ленсовета) и «Сирано де Бержерак» (Молодежный театр), предназначенных наряду с «Зинулей» (Театр им. Ленсовета; премьера еще не состоялась) группой «Социология и театр» при ЛО ВТО к специализированному исследованию «жизни спектакля» и его [спектакля. — А. А.] эффективности [? — А. А.] на различных этапах «жизни».

Один из членов группы, Л. К. [Л. Е. Кесельман. — А. А.], фактически стал наблюдающим участником подготовки этих спектаклей, присутствовал чуть ли не на всех репетициях и сдачах, стал своим человеком и в зрительном зале, и за кулисами, и только что не на сцене. Он присутствовал на заседаниях художественных советов театров, а затем художественного совета города, где принимались эти спектакли (также заседания проходят, как правило, при закрытых дверях).

Будучи настоящим энтузиастом, Л. К., по своей инициативе, произвел опробование на двух спектаклях («Вы чье, старичье?» и «Сирано де Бержерак») всех разработанных группой методик опроса актеров, экспертов (театральных критиков) и даже зрителей, постоянно совершенствуя эти методики.

На спектакле «Вы чье, старичье?» проведен в декабре уже не один зрительский опрос.

Обработка материалов всех опросов производилась им и вручную, и на ЭВМ (включая факторный анализ) настолько оперативно, что он мог уже через несколько дней докладывать руководству театра о результатах, выступать с этими результатами перед коллегами и т. д.

В результатах экспертных и зрительских опросов оказались весьма заинтересованы сами создатели спектакля. Возник подлинный прообраз повседневно-социологического «барометра» театральной жизни.

Творческая и организационная активность Л. К. (в разной степени поддержанная другими членами группы «Социология и театр») лично у меня вызывает восхищение.

До сих пор опросы театроведов и критиков по поводу новых спектаклей (проводившиеся с 1976 г., по методике «Ваше мнение о спектакле», усовершенствованной мною в 1983 г.) происходили единожды в году. Мои отчеты о результатах социолого-театроведческой экспертизы поступали в ВТО уже много времени спустя после того, как соответствующие премьеры состоялись.

Теперь возникла реальная перспектива заменить этот порядок оперативной профессиональной оценкой по методике Л. К., непосредственно на городских художественных советах, где происходит приемка всякого нового спектакля. Таким образом, социолого-театроведческая экспертиза может стать непосредственным фактором жизни спектакля.

Методика Л. К. для экспертов — совершеннее моей, при сохранении необходимой преемственности с нею.

Члены городского художественного совета (ведущие театральные критики) уже рассматривают такой экспертный опрос (непосредственно на приемке спектакля) как **естественную** [выделено мною сегодня. — А. А.] форму обобщения их мнений.

При последующем накоплении данных таких опросов по всем театральным премьерам в течение года (что в известном смысле проще, да и надежнее, чем каждого театроведа опрашивать ретроспективно — по всем премьерам года сразу) сохраняется возможность производить ежегодные анализы структуры и динамики театрального репертуара в целом.

Так что мой уход из группы «Социология и театр» в июле 1984 г. нельзя теперь рассматривать как невосполнимую потерю для группы.⁵²
(Записано в середине декабря 1984 г.)

8.14. Союз журналистов очищает свои ряды

[Автор настоящей книги вступил в Союз журналистов СССР в 1961 г., т. е. в год учреждения этой общественной организации. — А. А.]

8.14.1. Беседа в Доме журналистов на Невском

Из «Записей для памяти» (март-август 1984)

<...> Моя первая встреча с представителями Секретариата правления ЛО СЖ состоялась около полугода назад, 26.03.84. После соответствующего обмена телеграммами, уточняющими часы встречи (меня поначалу приглашали к 16 час., т. е. в рабочее время), я имел тогда беседу с одним из секретарей правления Е. С. Шарковой, а также с тов. Ребиковым (не знаю, в какой газете он сейчас работает) и еще одним членом какой-то из комиссий правления (кажется, пенсионером), фамилию которого не запомнил.

Меня тогда информировали о справке УКГБ ЛО от 12.03.84 «В отношении Алексева А. Н.», поступившей в ЛО СЖ <...>, и затребовали объяснений. Я сказал, что только что передал в свою первичную партийную организацию «Объяснение коммуниста» от 24.03 и предложил моим собеседникам с ним ознакомиться. С их согласия, я зачитал это объяснение вслух (12 стр. на машинке). От предложения передать им этот текст я в ту встречу уклонился. Сказал, что если Секретариату правления ЛО СЖ это нужно, я могу изложить свои соображения специально для него.

Тт. Шаркова и Ребиков интересовались, уплачены ли у меня членские взносы в СЖ. Я показал свой членский билет, в котором стояла отметка об уплате взносов за 1983 г. За текущий год — рекомендуется уплачивать в течение 1-го квартала, который еще не истек.

⁵² Последующее участие автора этих строк в работе группы «Социология и театр» (вплоть до конца 80-х, когда эта группа прекратила свое существование) носило факультативный характер и происходило на общественных началах

Тов. Ребиков выразил желание, чтобы я оставил свой членский билет для сверки записи об уплате взносов с ведомостью. Однако это предложение было настолько странным, что он сам на нем не настаивал.

Тг. Ребиков и Шаркова тогда не очень убедительно говорили о том, что я **потерял связь** с Союзом журналистов, поскольку не принимаю участия в его секциях. Я сказал, что согласно Уставу СЖ это является моим правом, а не обязанностью; что же касается моего сотрудничества в органах периодической печати, то оно в последние годы не только не ослабло, а, напротив, активизировалось (о чем свидетельствуют мои публикации).

Меня попросили сделать письменный отчет о своей работе в прессе за последние годы. Я сказал, что если в Союзе приняты такие отчеты своих членов, то я хотел бы увидеть образец. Писать же подобный отчет в связи со справкой, поступившей из УКГБ ЛО, считаю неуместным.

Мы расстались на договоренности, что в течение последующей недели я письменно отвечу на вопросы ко мне, возникшие в связи с поступившей в ЛО СЖ справкой УКГБ ЛО.

30.03 я встретился вновь с Шарковой и передал ей запечатанный конверт на имя председателя правления, редактора «Ленинградской правды» А. К. Варсобины, в который были вложены мое заявление на его имя от 27.03.84 и копия «Объяснения коммуниста» от 24.03.84. Последнее, как я сказал, может заменить специальное объяснение для ЛО СЖ, поскольку предмет объяснений — тот же.

В тот же день я уплатил в бухгалтерии Дома журналистов членские взносы (5 руб.) за 1984 г.

Это происходило **полгода назад**. С тех пор, вплоть до августа 1984 г. никакой реакции на мое заявление тов. Варсобину или новых инициатив встречи со мной у Секретариата правления ЛО СЖ не было. <...>

Вкратце

Далее описывается встреча с секретарем ЛО СЖ А. Ф. Заниным и деканом факультета журналистики Ленинградского университета В. Г. Комаровым уже в августе 1984 г.

Приглашение к этой встрече поступило на следующий день после того, как сотрудник партийной комиссии горкома КПСС А. Грачева сообщила социологу-испытателю, что рассмотрение его апелляции исключенного из партии откладывается на месяц, ввиду ее «отъезда в командировку».

(Записано в августе 1984 г.)

Ремарка: анатомия и физиология «дела».

Автор вполне отдает себе отчет в том риске утомить читателя, который он берет на себя, приводя эти «протоколы», хотя бы фрагментарно.

Однако напомним: наша цель — не только развлекательная, но и исследовательская. И здесь важно показать «анатомию и физиологию» социального организма — средствами «драматической социологии».

(Напрашивается аналогия с методикой «меченых атомов»). (Октябрь 2000).

8.14.2. «Эклектизм воззрений и двойственность поведения...»

[Ниже — экспертная справка, подготовленная деканом факультета журналистики Ленинградского университета В. Г. Комаровым, по заданию партийной комиссии Ленинградского ГК КПСС и секретариата ЛО СЖ СССР (август 1984). — А. А.]

По поводу персонального дела Алексева А. Н.

По поводу написанного А. Н. Алексеевым не оставляет сомнений в том [так! в дальнейшем таких помет делать уже не буду. — А. А.]: 1) что он идейно порвал с последовательным коммунистическим мировоззрением, 2) подвержен влиянию буржуазной идеологии, 3) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой члена КПСС и партийного журналиста.

Нужно прежде всего констатировать эклектизм его идейных установок и практического поведения, и в то же время сам этот эклектизм рассматривать не как движение незрелого сознания в направлении к коммунистическому мировоззрению, а наоборот — от научной идеологии и практики в оппортунизм и ревизионизм, к двойственному увертливому поведению.

Эклектизм воззрений и двойственность поведения обнаруживаются во всем:

— в том, что А.⁵³ как бывший ст. научный сотрудник ИСЭП АН СССР, с одной стороны, в состоянии проводить исследования и обобщать эмпирический материал на основе научной методологии, а с другой стороны — в незавершенном им «О состоянии и перспективах развития советского общества» — резко отходит от процедуры и методологии научных социологических исследований, собирая мнения «экспертов» из круга своих знакомых (это не вписывается даже в понятие случайной выборки), большинство из которых не имеет устойчивых политических принципов и минимальной компетенции в оценке общественно-политических явлений. Тем самым вопросы предложенной им анкеты можно квалифицировать в равной мере и как выражение политической беспринципности этого самого круга знакомых. По-видимому, чувствуя или понимая это, А. предпочел передать обобщение ответов «экспертов» другому лицу, что по-своему тоже свидетельствует об уклончивости и двойственности поведения.

— в том, что он, А., с одной стороны, не считает понижающим его социальный статус труд рабочего, с другой стороны, в так называемых «Письмах любимым женщинам» позволяет себе судить о рабочих с позиций либо снисходительного высокомерия (тех, кто ему помог или предлагал помощь, он зачисляет в разряд попавших под воздействие «эффекта Тома Сойера, красящего забор»), либо грубого очернительства, договариваясь до приписывания цеховому собранию милитаристского духа — вздор, который рабочие-коммунисты совершенно справедливо квалифицировали как клеветническое измышление.

⁵³ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия

— в том, что А. в «Письмах любимым женщинам», с одной стороны, стремится облекать свои претенциозные изыскания в наукообразную форму, т. е. пытается создать видимость объективного исследования, называя его «методом моделирующей ситуации», а с другой стороны — произвольно подгоняет частные недостатки на производстве в одном из лучших ленинградских предприятий под предвзятые и огульные негативные характеристики нашей экономики в целом и системы управления ею.

— в том, что А. в так называемом «Предупреждении» к «Письмам...», с одной стороны, кокетничает уничижительными самооценками, а затем в объяснениях представляет это чем-то вроде подготовительных материалов для будущих добропорядочных статей.

Всю эту и подобную мешанину, от которой несет духом буржуазных ярлыков, наклеиваемых на нашу действительность антикоммунистической пропагандой, он пытается уберечь от подобной квалификации тем, что требует не вырывать из контекста отдельные суждения, фразы, оценки. А. не понимает или делает вид, что не понимает, что именно эти суждения, фразы, оценки, носящие особенно одиозный характер, наиболее отчетливо раскрывающие некоторые из его некоммунистических идейных установок, и определяют контекст, придают соответствующий смысл всему другому и потому прежде всего обращают на себя внимание всякого, кто способен за смысловыми вывертами амбициозного себялюбия видеть общественно-политическую суть дела.

Тем не менее многое, думается, было бы еще поправимо, если бы А. хоть с малой толикой искренности и подлинного понимания отнесся к предостережениям и суровой критике со стороны всех, кто указывал на опасную идейную эволюцию в его сознании и признаки непартийного поведения.

К сожалению, в эти ответственные моменты он предпочитал увертываться и не просто все отрицать, но и обвинять других в предвзятости, непонимании и даже возможном злом умысле. А это уже означает, что А. сделал намеренный выбор и не только в сознании, но и практически отошел от Устава КПСС и Устава Союза журналистов СССР.

В заключение несколько замечаний частного характера:

1) На мой взгляд, несанкционированное социологическое исследование «О состоянии и перспективах развития советского общества» нельзя считать законченным по двум причинам: во-первых, потому, что А. сам довел его, можно сказать, лишь до стадии полуфабриката, предоставив обобщение полученного материала другому лицу; во-вторых, потому, что ни по процедуре, ни по методике это «исследование» до ранга сколько-нибудь научного не доросло, даже с учетом обобщения. Все это осталось на уровне несостоявшейся **попытки**.

2) «Письма любимым женщинам» — не статьи, не письма и не подготовительные материалы в подлинном смысле слова. Они представляют собой почти механический конгломерат элементов всех этих жанров.

Отмеченное в пп. 1 и 2 — опять-таки проявление все тех же эклектизма, мешанины, раздвоенности сознания и поведения.

Декан факультета журналистики Ленинградского ун-та, канд. философских наук В. Г. Комаров, 3.08.84

Ремарка: факты, оценки, концепции.

Вышеприведенная «рецензия», как и некоторые другие приводимые здесь документы, может рассматриваться как «классика жанра». Но у каждого жанра — свои особенности. Данный текст, в отличие от справки УКГБ ЛО, констатирующей «факты», в отличие от актов партийного расследования, изобилующих «оценками», являет собой образец «концепции». (Сентябрь 1999).

...И мне освободят одно из мест
И, умиляясь, зов души услышат,
И на меня рецензию напишут,
Правдивую, как ордер на арест...

Димчо Дебелянов (перевод с болгарского Г. Ефремова) (@)

8.14.3. «Я, конечно, не Зоценко, но и доцент Комаров — не профессор Плоткин...»

**Из автостенограммы выступления на заседании
Секретариата правления ЛО СЖ (август 1984)**

Вкратце

У этого выступления была довольно обширная преамбула, в которой автор упрекает Союз журналистов, за «выжидательную» позицию: его персональное дело не рассматривалось в течение полугода, пока не состоялось исключение из партии.

Социолог-журналист-рабочий сообщает некоторые факты своей профессиональной биографии, которые участникам заседания в общем-то известны (а с некоторыми из присутствующих он просто лично знаком, по прежней — 60-е гг. — штатной работе в ленинградской печати).

Дальше идет — самозащита.

<...> Ознакомившись с моими «Письмами...», тов. Комаров в своей справке делает скоропалительный вывод об «идейном разрыве Алексева с последовательным коммунистическим мировоззрением», о его (Алексева) «подверженности влиянию буржуазной идеологии» и несовместимости его действий, особенно «последующего поведения» (имея в виду попытки защитить свою честь и достоинство), ни с идеологией, ни с практикой члена КПСС и партийного журналиста.

И содержание, и стилистика этого документа мне очень напомнили недавно перечитанную статью Л. Плоткина в журнале «Звезда»¹ 8/9 за 1946 г. Ну, я, конечно, не Зоценко, но и тов. Комаров не профессор Плоткин...

Неделю назад, когда впервые познакомился со справкой доцента Комарова, журналиста и философа (так что «дважды» коллеги!), я заявил, что пред-

почел бы выразить свое отношение к ней письменно, вот только не знаю, успею ли до заседания. Не успел. Сейчас ограничусь констатацией того неловкого положения, в котором оказался сам тов. Комаров и в которое он, вольно или невольно, вовлекает также и Секретариат правления ЛО СЖ (поскольку другого «собственного» эксперта у Союза журналистов, похоже, не было).

<...> Можно ли считать объективной оценку профессионального творчества и выраженной в этом творчестве идейной позиции, построенную только на том, что поддержали в руках тов. Комаров и, отчасти, тов. За-нин? С каких пор работа ученого и журналиста оценивается по дневниковым записям, личным письмам, черновикам?!

Может быть, тов. Комаров читал мои статьи в журналах «Литературное обозрение», «Театр», «Нева», «Молодой коммунист», «ЭКО», в «Литературной газете» (я называю только массовые издания, в которых публиковался в последние годы). Нет, ничего этого он не читал, разве кое-что оказалось вложенным в папку архива, шужливо названную «Письма Любимым женщинам».

Поначалу мои «Письма...» сгоряча были кем-то из сотрудников УКГБ ЛО окрещены «статьями». А теперь уже и сам тов. Комаров признает, что это «не статьи, не письма и не подготовительные научные материалы», а — «почти механический конгломерат элементов всех этих жанров».

Что ж, тут близок к истине тов. Комаров: «конгломерат», т. е. **личный архив**, в котором сберегаются и некоторые личные письма, и рукописи статей, и научные отчеты, и докладные записки, и чего там только нет, что может оказаться в личном архиве! (Может, и у самого тов. Комарова есть, только я с его архивом не знакомился). <...>

[Здесь опущено обозрение материалов конфискованного личного архива. — А. А.]

Всего, что там есть, тов. Комаров, как он сам говорит, не читал. Зато личная переписка им **обследована и квалифицирована** как свидетельство «эклетицизма, мешанины, раздвоенности сознания и поведения». Причем сам этот «эклетицизм» следует, по его мнению, рассматривать «не как движение незрелого сознания в направлении к коммунистическому мировоззрению, а наоборот — от научной идеологии и практики в оппортунизм и ревизионизм, к двойственному увертливому поведению» (я цитирую).

Проф. Плоткин, по крайней мере, выговаривал Михаилу Зощенко за его **опубликованные** произведения, а не за письма и дневники. <...>

Я не считаю себя носителем абсолютной истины — ни в опубликованных статьях, ни, тем более, в черновых набросках и дневниковых записях. Но и не считаю последовательное коммунистическое мировоззрение более присущим моему рецензенту, чем мне.

Может быть, мне еще придется в другой раз подробно отреставрировать рецензию моего оппонента, которая, впрочем, во многом сама за себя говорит.

Особенно поразительно, как тов. Комаров связывает мое «не партийное поведение» с действительно отсутствующей у Алексеева способностью,

«с учетом ситуации» (это выражение он употребил в личной беседе, может быть, даже желая мне «помочь!»), соглашаться со всеми анафемами в свой адрес. <...>

Нет, не выйдет из меня сегодня «оппортуниста» и «ревизиониста», как не вышло полгода назад «антисоветчика»! (Ведь и такое слышал о себе). <...>

Вкратце

Здесь опущены возражения социолога-рабочего по поводу политических обвинений, связанных с разработкой и опробованием методики «Ожидаете ли Вы перемен?».

В заключение выступающий призывает участников заседания «не торопиться» с принятием решения.

...Я вовсе не считаю себя выдающимся журналистом. Но, надеюсь, сумел показать, что в данной ситуации одного только заключения тов. Комарова для итоговой оценки труда (не говоря уж о мировоззрении!) человека недостаточно.

Уж коли сошлись на мне лучи социальных прожекторов, **изучайте**, привлеките и еще экспертов. Пусть они непредвзято просмотрят все написанное мною. В частности, прошу рецензии на мои публикации в массовой периодической печати, за последние пять лет. Было бы нескромным требовать этого в другой ситуации. Но сейчас я имею на то основания.

<...> Жду разумного ответа от Секретариата правления ЛО СЖ.

А. Алексеев, 30.08.84

Ремарка: уклонение от идеологического спора.

Похоже, что социолог-испытатель несколько растерян или «устал»... Во всяком случае, его самозащита до сих пор была сильнее, аргументы — разнообразнее, контратаки — напористее.

*На заводе было проще: ясно, что — не «вредитель», не «шпион», не «антисоветчик», наконец! Тут же — навязывается **идеологическая** дискуссия, к которой субъект «драматической социологии» пока не готов. И он от нее фактически уклоняется. (Сентябрь 1999)*

* * *

Из «Записей для памяти» (август-сентябрь 1984)

[Здесь опущено описание интерьера и начальной части заседания Секретариата правления ЛО СЖ 30.08.84. — А. А.]

<...> Мое выступление не осталось не замеченным участниками заседания в том смысле, что квалифицировалось ими как свидетельство непримиримой позиции по отношению к людям, которые озабочены тем, чтобы я понял и осознал свои ошибки. Некоторая неловкость от моих критических замечаний касательно выжидательной позиции ЛО СЖ сквозила, как мне показалось, в высказываниях членов Секретариата; но она так или иначе перекрывалась их полной убежденностью в моей виновности.

Председательствующий А. К. Варсобин раза два употребил выражение «Не крутите!», однако после моего протеста больше таких реплик не допускал.

Он же несколько раз пытался перевести процедуру заседания в «диалог» вопросов и ответов («было?» — «не было»...), зачитывая одно за другим утверждения из справки УКГБ ЛО. Особый упор делался на то место моего «Объяснения коммуниста», где говорилось: «недоразумение или злой умысел...». — «Чей злой умысел?» Я сказал, что пока не располагаю доказательствами, поэтому не могу называть имена предполагаемых «злоумышленников». <...>

Варсобину же принадлежит постановка «ключевого» вопроса: кто же я, в конце концов, социолог, журналист или рабочий? Мой ответ, что — и то, и другое, и третье, вызвал его активную критику, которую можно расценить как неприятие уже самого по себе совмещения этих профессий. (Примечательно, что этот вопрос и эта позиция практически полностью совпадают с позицией начальника цеха Данилушкина на заседании партбюро цеха в апреле.)

Другой мотив обсуждения (тоже Варсобин): «Все не правы, в Вы правы». Все — это КГБ, партийная организация, теперь вот и ЛО СЖ. (Этот аргумент совпадает с аргументами секретаря парткома Щекина на заседании парткома завода в мае.) Был момент, когда мне пришлось уточнить, что считаю ошибающимся не Управление КГБ в целом, а персонально тов. Полозюка, подписавшего известную справку этой организации.

Было и одно, по видимости, доброжелательное выступление: почему мы должны верить Вам, а не КГБ? Комитет «просит разобраться и принять меры» (вообще-то в справке УКГБ ЛО такого пожелания не было). «Ни с того, ни с сего обыск не делают...». (Тут Варсобин: «Обыск — по другому делу, а нашли случайно, сами видите — что!») Впрочем, этот же доброжелательный оратор и предложил исключить меня из Союза журналистов.

Наибольшего внимания заслуживают выступления В. Г. Комарова (их было два, в начале и в конце заседания), который хоть и не член Секретариата, но наиболее «в курсе дела». <...>

[Здесь опущено изложение первого выступления В. Комарова, в основном повторяющего вышеприведенную справку эксперта ЛО СЖ и горкома КПСС. — А. А.]

Второе выступление В. К. имело характер обобщения, вывода. Его смысл: нельзя говорить, что эти материалы носят интимный характер. В какой-то мере они предназначены для общественного распространения. (Ссылка на фразу из моего предуведомления к «Письмам...».) Являются ли эти дневники черновыми научными разработками? Научное содержание этих вещей равно нулю. Экстраполяции — неоправданные. Обобщения предельно абсурдны. От станка — к предприятию, уже несерьезно. Не все антисоветчина, кое-что — вздорно. А. склонен навешивать ярлыки на наш хозяйственный механизм, на систему управления. Значительное место в этих так наз. дневниках занимает саморефлексия, ироническая самооценка, где сам себя поругивает. Вот образец эклектики и мешанины.

Одно высказывание тов. Комарова записано мною дословно:

«Перед нами не враг советской власти, не антикоммунист, у него есть коммунистические воззрения и убеждения, но образуется тенденция отхода, при котором возникает совпадение с ярлыками, которые навешивает на нашу действительность оголтелая антикоммунистическая пропаганда».

[Выделено мною сегодня. — А. А.]

Этот процесс, по мнению Комарова, находится, «по счастью», в начальной стадии. Но сейчас, под влиянием «тех прецедентов» (так записано в моей стенограмме, не соображу, что имелось в виду), А. делает выбор — признать или не признать. И — не признает! Тов. Алексеев отвергает предлагаемую **идейную помощь**. И надо открыть ему глаза не только увещеваниями, но и практическими социальными мерами.

Своим нынешним (больше нынешним, чем прошлым! таков смысл) поведением А. ставит себя вне партии и вне партийного Союза журналистов. <...>

Ремарка: конец цитаты.

*А теперь, спросим себя, вместе с читателем: так ли уж не прав был мой тогдашний рецензент? Например, насчет «эклетицизма», «мешанины», «раздвоенности сознания и поведения»? (Не «между» сознанием и поведением, а «внутри» того и другого — **раздвоение**, разумеется.)*

*И — уж не комплиментом ли в адрес социолога-испытателя звучит **сегодня** утверждение об «идейном разрыве с коммунистическим мировоззрением»?*

На самом деле, окончательный разрыв с официальной идеологией состоялся позже. Но тогдашний оппонент, пожалуй, правильно угадал тенденцию...

...Интересно, где сейчас доцент Комаров? Чем занят? Чему учит студентов, если не сменил профессию? В какой партии теперь состоит?

P.S. Эти строки были написаны в конце сентября 1999 г. А в «Вечернем Петербурге» от 6.10.99 я прочитал некролог:

*«5 октября на 62-м году жизни скоропостижно скончался доцент кафедры общественных связей факультета журналистики СПбГУ **Владимир Георгиевич Комаров**.*

Многие годы он был связан с журналистикой, работал зам. редактора «Ленинградской правды», преподавателем и деканом факультета журналистики. Он скончался по дороге на факультет, на лекцию к своим студентам.

Светлая память о Владимире Георгиевиче будет жить в наших сердцах». (Конец цитаты).

...Что же касается «взаимоотношений» с коммунистической идеологией, то этот вопрос специально рассматривается в эссе моего друга — Романа Ленчовского.⁵⁴ (Октябрь 1999).

...Проект постановления об исключении меня из Союза журналистов был принят единогласно.

⁵⁴ См в главе 9: раздел «На что мы надеялись, или о нравственном смысле анализа превращенных форм...»

Заседание затянулось почти до 19 час. (началось в 17). Как мне раньше сказала технический секретарь, других вопросов в повестке дня не было. (То есть собирался Секретариат правления ЛО СЖ «ради меня» специально.)

Когда я подошел к Варсобину, чтобы вручить ему свой членский билет Союза журналистов, заметил у него на столе журнал «Молодой коммунист» (1982, ¹ 10) и журнал «Нева» (1982, ¹ 3) с моими (в соавторстве с С. М.) публикациями: «Овладение специальностью — овладение собой» и «Способ быть счастливым».⁵⁵

Как видно, от тоже готовился к этому заседанию...

(Записано 1.09.84)

8.14.4. «Несовместимо ни с идеологией, ни с практикой советского журналиста...»

Из постановления Секретариата правления ЛО СЖ СССР (август 1984)

<...> Члены оргкомиссии ЛО СЖ Занин А. Ф., Воронцов А. Ю., Ребиков Б. А., а также декан факультета журналистики ЛГУ, кандидат философских наук В. Г. Комаров внимательно ознакомились с имеющимися по делу документами и провели беседы с тов. Алексеевым. <...>

[Здесь опущена констатирующая часть постановления. Она почти дословно воспроизводит справку УКГБ ЛО от 12.03.84. См. выше. — А. А.]

Из анализа написанных Алексеевым материалов комиссия пришла к выводам, что:

- 1) у тов. Алексеева А. Н. прослеживается опасная идейная эволюция;
- 2) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой советского журналиста.

Исходя из вышеизложенного, секретариат СЖ постановляет:

— исключить Алексеева А. Н. из членов Союза журналистов СССР за действия, несовместимые с этим высоким званием.

Председатель правления ЛО СЖ СССР А. К. Варсобин, 30.08.84

* * *

Из очерка А. Головкова «...мир погибнет, если я остановлюсь!» (май 1988)

<...> Как забыть это ощущение, словно тебе приходится жить на полигоне, где ежедневно упражняются снайперы... Где «чересчур» смелая статья, даже не пропущенная в печать, подпись под письмом в чью-то защиту или просто неловкое высказывание могли любого превратить в «мишень». <...>

(Огонек, 1988, ¹ 19)

* * *

Из сценария телевизионной передачи «Интерпретация» (1988)

<...> — Из чего возникли эти обвинения? Кто был их инициатором?

— Тут надо различать источник, пусковой механизм и следствия.

⁵⁵ Вторую из этих статей см в главе 6: раздел «Что такое счастье?»

Своей линией поведения я, по-видимому, раздражал некоторых деятелей из научной сферы и партийного аппарата. Затем им на помощь пришли работники правоохранительных органов, включая органы госбезопасности. Заводская партийная организация в своих выводах опиралась на справку этих органов. Другие общественные организации (Союз журналистов, Советская социологическая ассоциация) исходили из факта исключения из партии. Одни инстанции просто переписывали предыдущее решение, другие дополнительно его расцветчивали.

Таков **механизм** общественной, политической дискредитации. <...>

(Автор и ведущий телевизионной передачи — Сергей Дегтярев. ЛСТ. 1988)

* * *

...Стоики учили весьма мудро, что надо различать в каждом отдельном случае то, что мы можем сделать, и то, что нам не по силам. И делать надо, конечно, только то, что нам доступно. Совершив же максимальное усилие и выполнив **все**, что мы могли, можно принять как неизбежное воздействие на нас превосходящей силы. Но такое принятие должно быть условным, а отнюдь не принципиальным. Признавая, что сейчас я слаб и не могу разбить стены, я вместе с тем должен быть убежден, что я могу преобразиться и тем самым умножить свои силы. Следовательно, если я сталкиваюсь с непреодолимым препятствием, это должно быть основанием не для моей пассивности и пребывания в состоянии покоя, а, наоборот, для возможно интенсивной работы над собой с целью освобождения спящих моих сил. Увеличение же своей силы зависит не только от внутренних процессов живого существа, но главным образом от объединения его усилий с усилиями других существ в общем деле совместного наступления на встретившееся препятствие...

В. Муравьев. Из «Мыслей и афоризмов». 20-е гг. (Цит. по: В. Н. Муравьев. Овладение временем. М., 1998, с. 293)

А жертвы тоже ведь виновны,
когда виновного вина,
глаз не отводят от себя,
от ран своих стигмаподобных,
когда их раны — зеркала,
когда страдание — заслуга...
Перепаша обиду плугом,
пусти беду на семена.
Уж если стих — из сора, лебеды,
взрастет и радость из беды.

Анри Кетегат, 1999

А ошибаться — это не что иное, как медлить в делах, кои должно вершить быстро, и слишком торопиться с теми, кои должно делать не спеша...

Кэнко-Хоси. Записки от скуки (XIV век)

Приложение к главе 8

П. 8.1. Р. Г. Баранцев. Фрагменты о системных триадах

[Ниже — предпринятые мною извлечения из работ Рэма Георгиевича Баранцева, о котором рассказывалось в этой главе.

С попытками применения мною тринитарной методологии (научного направления, признанным лидером которого в России является Р. Г. Баранцев) читатель уже встречался (и еще встретится) на страницах этой книги.¹ — А. А.]

1982:

<...> Метод.

Познание движется не только рациональной дорогой. Наше мышление способно оперировать и четкими понятиями, и художественными образами, и размытыми символами одновременно. Соответственно, выделяются рациональный, сенситивный и интуитивный способы познания. Иными словами, можно говорить об аналитическом, качественном и субстанциональном аспектах мышления. Постулат о равноправии и единстве этих сторон ведет к следующей структурной формуле:

Такая триада, названная нами системной², оказалась весьма плодотворной при исследовании целостных объектов. Она помогает сознательно контролировать полноту описания и позволяет дополнять отдельные монады и диады до целостных комплексов. Интересны также классификационные и дефинитивные функции этой структуры. <...>

Триаδικие конструкции системного типа имеют глубокие исторические корни. Встречаются они и в современной литературе <...>. Но доминирует в настоящее время диадная схема мышления. Поэтому восстановление триадного сознания требует значительных усилий и качественной перестройки. Первым действительно трудным шагом оказывается различение интуицио и эмоцио.

¹ См., например, ранее, в главе 6: «Человек, смотрящийся в часы...» и др. разделы

² Баранцев Р. Г. Дефиниция асимптотики и системные триады / Асимптотические методы в теории систем. Иркутск, 1980, с. 70–81

Следует подчеркнуть, что системная триада — структура двумерная, причем равноправие сторон заставляет мыслить ее плоскость горизонтальной. Этим она существенно отличается от переходной триады Гегеля [*тезис — антитезис — синтез*]. — А. А.], которую естественно представлять вертикальной. Пользуясь для экономии места одномерной разверткой вида «рацио-эмоцио-интуицио», мы всегда будем подразумевать правильный треугольник. При чисто рациональном подходе это не принципиально <...>. Однако системная триада — не просто моделирующая структура.

По своему определению системная триада обязана обладать внерациональными свойствами; иначе от слов «интуицио» и «эмоцио» останутся только пустые оболочки. Эти свойства действительно существуют и проявляются они, прежде всего, в семантической мягкости структурной формулы. Используя ее как эталон или генетическую матрицу, можно варьировать названия аспектов, сохраняя их специфику и взаимное равновесие. Но все варианты каждого угла будут лишь представителями того целого, чему пока не дано общего имени. Конкретное понятие может занимать в триаде различные места в зависимости от соседей. Так, «структура» замыкает диаду «сущность-явление» в аналитической роли, а диаду «часть-целое» — в качественной. Смысловая нагрузка при этом меняется. Тем более она меняется при переходе понятия из диады в триаду.

Формула системной триады допускает и действие субъективного фактора. Трехотомия одного и того же понятия даже в заданной плоскости у разных людей получается, вообще говоря, разной. Более того, неоднозначной видится иерархия понятий. Например, у Ю. К. Лекомцева <...> символ — тип знака, у К. А. Свасьяна <...> знак — актуализация символа, у А. Ф. Лосева <...> «знак-миф-символ» — триада языка.

Такая размытость конструкции, возможная неубедительность выбора, неполная определенность решения — настораживают, мучают, смущают. В рациональной плоскости сила гибкости смотрится как слабость. Однако, задавая вопрос «Почему так, а не иначе?», следует осознать, что он — из диадной парадигмы. Триада же больше сопоставляет, соединяет, сращивает, чем противопоставляет, расщепляет, отталкивает. Различение признаков, сторон, аспектов не должно переходить в разделение, уничтожающее целостность. Чрезмерный анализ губителен для триады. А степень неточности соответствует естественной гибкости языка. При всей неопределенности триадических процедур их ценность для осмысления понятий на пути синтеза достаточно велика. Правильный аспект, подходящие соседи, надлежащий уровень придадут термину точность, убедительность, основательность.

Используя системную триаду как метод, мы не настаиваем на гносеологичности ее статуса. В триаде «гносеология-аксиология-онтология» ее роль, на наш взгляд, потенциально равномерна.

<...> Диалектическая спираль обычно строится на основе вертикальной триады «тезис-антитезис-синтез». Однако для получения пространственной фигуры необходимы и боковые импульсы <...>. Синтез фактически всегда достигается с помощью третьего элемента. Попытки примирения в рамках одномерного мышления не приводят к успеху, ибо, как заметил еще Гете, между двумя противоположными мнениями находится не истина, а проблема.

В разрешении любого бинарного противоречия участвует третий фактор, расположенный вне оси исходной оппозиции. <...>

(Р. Г. Баранцев. Динамика как путь к синтезу / Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994, с. 14–17)³

1988:

<...> Научные исследования троичности подтвердили существование архетипа системной триады, допускающего различные проявления при различной специфике компонент: аналитический (рацио), качественный (эмоцио), субстанциональный (интуицио).

<...> Актуальность триадической структуры обусловлена необходимостью перехода человечества к новому мышлению, нелинейному по структуре, системному по природе, планетарному по масштабу. Если диада — элементарное орудие анализа, то системная триада — простейшая структура синтеза. <...>

(Р. Г. Баранцев. Об архетипе триединства / Вторая Изварская научная конференция, посвященная 60-летию института «Урусвати». Л., 1988, с. 19–20)

1999:

<...> Особого внимания заслуживает общее семантическое свойство всех системных триад, сложившихся в самых разных культурных традициях. Попытаемся увидеть его, собрав вместе несколько классических триад, прочность которых проверена временем.

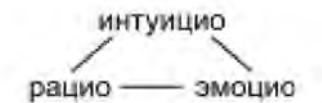
³ Тот самый «идеологически вредный» сборник, рукопись которого была в свое время (1983 г.) арестована парткомом Ленинградского университета (См. выше: раздел «Дело Баранцева Интермедия») Этот сборник вышел в свет лишь 10 лет спустя

Расположение элементов здесь уже не случайно. Смысловые ряды:

Истина, ум, тело, надежда, равенство;

Красота, чувство, душа, любовь, братство;

Добро, воля, дух, вера, свобода очевидно различаются, и появляется потребность подобрать обобщающие понятия, выражающие специфические свойства каждого ряда, отличающие его от двух других. В первом ряду доминирует аналитическое начало (рацио), во втором — качественное (эмоцио), в третьем — субстанциональное (интуицио). Именно такие аспекты проявляются в каждой устойчивой системной триаде. Источник этой закономерности можно видеть в способности человека мыслить одновременно и понятиями, и образами, и символами. Предлагаемая семантическая формула системной триады

использует понятия, сложившиеся в диадной парадигме и потому довольно условные. Новое смысловое содержание должно постепенно наполняться по мере их проявления в такой триадической структуре. Перекодировка понятий составляет значительную трудность при любой смене парадигмы. <...> Стереотипы, закрепленные в подсознании, очень трудно вытащить и преодолеть на уровне сознания. Тут не обойтись без «эмоцио» и «интуицио».

Системная триада появилась у нас как простейшая структурная ячейка синтеза.⁴ Третий элемент оказался необходимым для решения проблемы бинарных противоречий как мера их компромисса, как третейский судья, как условие существования. Результат синтеза можно представить как вершину тетраэдра, в основании которого - системная триада. Очевидно, это переходная тетрада. Можно ввести понятия вырожденной и системной триады, а также пентады и т. д. Но не будем забегать вперед по формальному пути, чтобы не уйти в так называемую «дурную бесконечность». Не будем отрываться от семантики, обнаруженной в системной триаде. Она кажется довольно глубокой, интересной, многообещающей.

Какие возможности открывает наша структурная формула? Прежде всего появляется желание замыкать существующие бинарные оппозиции на целостные триады, дополняя их недостающими компонентами. Так, если в паре «явление-сущность» не хватает рационального элемента, то можно произвести аналитическое замыкание, скажем, через «структуру». В дилемме «множество-единство» отсутствует феноменальный фактор, роль которого могло бы сыграть «отношение».

⁴ См. Барцев Р. Г. Системная триада - структурная ячейка синтеза // Системные исследования Ежегодник 1988 М., 1989

Оппозиция «преступление-наказание» замыкается в области духа, допустим, через «раскаяние». Расположение исходной диады на семантической матрице показывает, где, в каком аспекте искать недостающее звено. Характер замыкания может быть, как видим, и аналитическим, и качественным, и субстанциональным. <...>

(Р. Г. Баранцев. Из конспекта лекционного курса «Концепции современного естествознания». 1999)⁵

1999:

<... > Вообще семантическое пространство отношений можно рассматривать как коллективное взаимодействие, в котором парные «столкновения» выступают как основной элемент анализа, а тройные комплексы оказываются элементарными ячейками синтеза. Следует различать триады линейные, переходные и системные. Первые являются одномерными, вырожденными; структурно они не богаче, чем диады. Вторые, характеризуемые гегелевской формулой «тезис - антитезис - синтез», лишь манифестируют снятие противоречия, не раскрывая его движущие структуры. В системных триадах элементы априорно равноправны и каждый из них может служить мерой совмещения двух других, обеспечивая тем самым целостное единство. <... >

(Р. Г. Баранцев. Из доклада на Международном симпозиуме «Синергетика и общество», Санкт-Петербург, январь 1999 г.)

1999:

<...> Структурирование происходит обычно в пространстве предметном, реже - в методологическом. Но существует и пространство смыслов, которое осваивается, например в работах В. В. Налимова, Н. Н. Моисеева, Г. В. Рязанова.

Большинство работ о судьбе России начинается с определения ее места между Востоком и Западом, причем переход из географического пространства в смысловое совершается беспрепятственно. При такой постановке вопроса создается впечатление, что характеристики России можно получить путем комбинации свойств Востока и Запада.

Еще Гете заметил, что между двумя противоположными мнениями находится не истина, но проблема. Однако россияне по сей день продолжают оставаться в тисках бинарного мышления, выводя отсюда метания, распри, раскол российского общества:

«Организационная основа культуры всегда дуальна... Третье - срединное. Россия - промежуточная неорганическая цивилизация, где спор двух основных цивилизаций разрывает ее тело и душу, порождая катастрофы, угрозы ее существованию» (А. Ахизер).

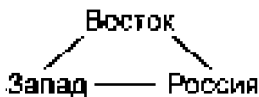
⁵ Этот лекционный курс Р. Баранцев вот уже несколько лет читает студентам гуманитарных факультетов Санкт-Петербургского университета. Ныне он опубликован: Баранцев Р. Т. Концепции современного естествознания: опыт целостного подхода. СПб.: СПб ГУ. Юридический факультет. 2001. См. также: Реальность и субъект. 2000, ¹ 4; 2001, ¹¹ 1, 2, 4.

Идейные блуждания, казалось бы, должны выводить в многомерное пространство социокультурных координат. Но расплодившиеся перечисления цивилизаций, менталитетов, свойств национального характера еще не свидетельствуют о расширении сознания. Ибо даже упорядоченное расположение в ряд остается одномерной структурой.

Но в одномерном мире нет места синтезу. Для разрешения противоречий необходима мера, которая может появиться лишь при взгляде со стороны. Минимальная ячейка синтеза — системная триада, элементы которой априорно равноправны и каждый из них может служить мерой совмещения двух других, обеспечивая тем самым целостное единство. Этим она существенно отличается от триад линейных (вырожденных), остающихся одномерными, и переходных (гегелевских), лишь манифестирующих снятие противоречия, не раскрывая его движущей структуры.

Системные триады, сложившиеся в самых разных культурных традициях, обладают общим свойством: один элемент отражает аналитический аспект целого (рацио), другой — качественный (эмоцио), третий — суб-станциальный (интуицио). В семантическом пространстве тем самым выявляются универсальные координаты.

Признавая за Востоком доминанту «интуицио», за Западом — «рацио», меру их совмещения очевидно следует искать в аспекте «эмоцио». Не эту ли роль играет Россия в поддержании целостности триады

Оглядываясь на классические триады: дух-тело-душа, добро-истина-красота, вера-надежда-любовь, воля-ум-чувство, видим, что специфика России там, где душа, красота, любовь. Именно эти понятия всегда ассоциировались с российским менталитетом. Чувство в России преобладает над умом и волей.

Различая онтологию, гносеологию и аксиологию, стоит обратить внимание на аксиологический аспект русской философии. Для нее характерно не стремление к созданию завершенных систем, а нравственные искания и литературный стиль. Душу России сильнее всего выразили как раз писатели.

В России сейчас политический нос и экономический хвост вязнут в безнравственной реальности, ибо душа народа еще не прошла через очищающее раскаяние. По словам А. Солженицына, мы должны строить Россию нравственную — или уж никакую. А пока — мы заслуженно терпим бесконтрольные, безнаказанные, безответственные власти, мечтая о государственном руководстве, которое будет бескорыстным, мужественным, мудрым и высвободит животворящую самодеятельность российского народа, питаемую многовековыми традициями.

Тем временем душа России продолжает жить и трудиться. Искусство по-прежнему служит надежной опорой российского менталитета. Может быть, благодаря именно осознанию Красоты, и Наука, и Искусство, и Духовные учения объединяются под Знамя культуры и на российской земле создается Международная Лига Защиты Культуры, инициированная Н. Рерихом еще в 1931 году.

Говоря о помехах, стоящих на пути к Космическому сознанию, В. Налимов называет логизированность науки и догматизированность религии. Что касается искусства, то оно жестких преград не ставит, а как раз способствует объединению науки и религии в целостную культуру.

(Р. Баранцев. О месте России в семантическом пространстве социума / 2-й Российский философский конгресс. Т. 2, ч. 1. Екатеринбург, 1999, с. 128–130)⁶

[Здесь ограничусь этим выборочным цитированием.

*Библиография трудов Р. Г. Баранцева, посвященных разработке тринитарной методологии, на сегодня приближается к сотне наименований. В мировой же литературе проблематике тринитарности (тернарности) посвящены многие тома. См. специализированную энциклопедию: *Bibliotheca Trinitariorum. International Bibliography of Trinitarian Literature / Ed. by E. Schadel. Munchen e.a. 1984, v. 1, 624 p.; 1988, v. 2, 594 p. — A. A.]**

Ремарка: три канала познания, по П. Сорокину.

*Что касается социологии, то уместно соотнести сказанное с известной интегралистской концепцией психосоциального знания П. Сорокина. Последний различал в психосоциальной реальности три аспекта: сенсорный (чувственный), рациональный (рассудочный) и сверхчувственно-сверхрациональный, — которым соответствуют три канала (метода) познания: **сенсорный, рациональный и интуитивный.***

*Лишь на пути кооперации и объединения (синтеза) всех трех методов возможен, по мысли Сорокина, выход психосоциальной науки «на коронную дорогу обновления социологии и психологии». (Sorokin P.A. *Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences*. Chicago, 1956; цит. по: Н. Серов. Питуризм Сорокин о трех основных каналах познания // *Реальность и субъект*, 1999, ¹ 1/2, с. 74).*

Ср. также сорокинское различие господствующих типов культуры и общества: идеационального (сверхчувственного), чувственного и идеалистического (или интегрального) в его «Социальной и культурной динамике».

*Интересно, что в этом фундаментальном труде (30-е гг.) П. Сорокин еще ближе к бинарной (диадной) парадигме, и лишь в вышеприведенной постановке вопроса о трех — равноправных! — каналах познания и необходимости их согласованного использования и синтеза (50-е гг.) отчетливо просматривается выход к парадигме **тернарной**. (Сентябрь 2001 — февраль 2002).*

⁶ Подробнее эти мысли развиты в работе: Баранцев Р. Г. Находится ли Россия между Востоком и Западом? // *Мир огненный*, 1997, ¹ 3/14

* * *

А. Алексеев — Р. Баранцеву (июль 2000)

Рэм!

Предлагаю твоему вниманию фрагменты своей новой книги, имеющие более или менее прямое к Тебе касательство (от твоих собственных текстов до беглых, однако оценочных упоминаний твоей персоны).

В общем, Ты тут — и «действующее лицо», и «собеседник», и «соавтор» (не только в этих кусках, но в них, в частности и в особенности).

...По извлечении этих разделов⁷ из полного текста книги, замечая, что они вместе складываются в какую-то брошюру, не без внутренней целостности.

(Впору поручить какому-нибудь студенту писать курсовую работу: «Образ Рэма Баранцева в книге А. Алексеева»; впрочем, так в старину назывались обычно школьные сочинения).

Так или иначе, жду твоего суда и **разрешения** (на каковое — надеюсь).

Тв. Андр. Ал., 18.07.2000

[Разрешение моего друга было получено. Как, впрочем, и соответствующие разрешения других со-авторов этой книги. — А. А.]

* * *

...Для меня мир идей не менее реален (действителен), чем мир материальный. Согласен, что плотный мир жестче (и я писал об этом), но не согласен, что он целостен. Суровость нынешнего социума — показатель недостаточности диад и трудный зов к спасительному выходу в расширенное пространство реальности... Теперь об «устойчивости». Не думаю, что всякая целостность обязательно устойчива. Согласен, что в материальном мире борьба не на втором плане. Но живые материальные объекты не распадаются, мне кажется, именно потому, что они не только материальные. Их целостность обеспечивается идеальным...

Р. Г. Баранцев. Из письма А. Н. Марасову. (Цит. по: А. Н. Марасов. И звук, и свет. Ульяновск, 1997, с. 87–89)

⁷ Кроме «Дела Баранцева» (глава 8), см также в главе 6: раздел «Человек, смотрящийся в часы...»; в главе 10: раздел «Письма Любимым женщинам 1985» (текст Р Г Баранцева «О достоинстве»), а также включенные в эту книгу мои собственные работы в русле тринитарной методологии

Глава 9. Год Оруэлла (1984)

Война — это мир.
Свобода — это рабство.
Незнание — это сила

Дж. Оруэлл. «1984»

Литература — жизнь, но жизнь —
не литература.

Иванов-Разумник. «Юбилей»

9.1. Ситуация — статика и динамика. Алексеев — стимулы и реакции

[Ниже — эпистолярное обсуждение обстоятельств «дела» социолога-рабочего, под углом зрения «драматической социологии». — А. А.]

Р. Рывкина — А. Алексееву (январь 1984)

Дорогой Андрей!

<...> Как повлияло все случившееся на твою психику (психофизиологическое состояние)? И, важнее, на систему ценностных ориентаций? Что изменилось (если изменилось) в тебе?

Вот это я хотела бы понять, ощутить. Как проявились вокруг тебя люди? Близкие, средние, дальние? Что изменилось в твоей системе общения, в кругу твоих друзей? Как изменилось (если изменилось) твое положение на работе? А отношение социологов Ленинграда, Москвы?

Видишь — «черного кобеля не отмоешь добела»... Я и на любимом друге сочинила программу конкретного исследования: «А. и его окружение: статика и динамика (опыт микросоциологического исследования)». Или: «А. в стрессовой ситуации: стимулы и реакции». (Это — тоньше.) <...>

И. Р. — Новосибирск, январь 1984

* * * А. Алексеев — Р.

Рывкиной (октябрь 1984)¹

Дорогая Инна!

<...> «Не идем мы друг у друга из головы» — взаимно, не только я из твоей. И по счастью, я располагаю сегодня достаточным запасом времени для размышления вслух, чуточку даже выходящего за пределы проблематики твоего последнего письма.

¹ Подзаголовки сделаны мною сегодня, для данной публикации

Могу заявить: дружеское внимание, озабоченность и личностная и гражданственная готовность помочь, а зачастую, и реальная помощь — стали нормой «наблюдающего участия» друзей в ситуации А. 1984-го года. Это — что касается **окружения**, если коротко.

Что же касается собственной персоны, то я оказался «кобелем почернее тебя»... Ведь, при всей чрезвычайности происшедших событий, как исследователь, кажется, даже не изменил предмета. (Разве что — расширил поле наблюдения.)

«Эксперимент на самом себе...»

Ведь и раньше я исследовал не столько общество (на примере конкретной социальной микросреды) и не столько личность (на собственном примере), сколько **взаимоотношения личности и общества** (с элементами экспериментирования). Такое исследование, строго говоря, не совсем социологическое. Оно — чуть ли не «эмпирико-философское».

(Раньше от философии шли к социологии, теперь у меня получается вроде наоборот.)

Вообще же, подобное «исследование» — вовсе не монополия социальных исследователей. Как заметила одна любимая мною женщина, писатель: «...что такое, в сущности, вся наша жизнь, как не эксперимент, поставленный на самом себе. Или на других... Иногда...²».

Просто большинство людей, как и мольеровский Журден, не осознают, что говорят... прозой.

С другой стороны, тут такое переплетение жизненной и научной позиций, Рефлексии, Деятельности и Игры (последнее понятие, увы, слишком скомпрометировано шулерами, а ведь в моем смысле жизненная игра — это следование собственным, внутренним, стало быть — нравственным правилам, с учетом обстоятельств, но не подчиняясь им), так вот — тут такое переплетение, что нужно быть Бахтиным, Рубинштейном или Швейцером, чтобы до конца разобраться. Я пока — на уровне «наивных прозрений».

Ладно, хватит философии. Я не медик, прививший себе чуму для опробования новой сыворотки, а всего лишь человек, не отказавшийся от себя в новых жизненных условиях. Случайно этот человек оказался социологом...

«Баланс» общения и миграции на дружеских орбитах

Вот, дошел до этого места и не решу — то ли отвечать на твои сегодняшние тревожные вопросы, то ли сначала подробнее ответить на вопросы тогдашнего (январского) письма, касающиеся «статики и динамики» моей личности и моего окружения. Все же логичнее начать с первоначальных вопросов.

² Цитата из рассказа Н. Катерли «Коллекция доктора Эмиля» Нина Семеновна Катерли — одна из адресатов «Писем...» социолога-рабочего 1980–1981 гг

Итак, о «статике и динамике» окружения. Из нашей переписки последних полугодия этот момент мог остаться не вполне проясненным. (Развитие личности твоего корреспондента больше на виду, и даже документировано.)

Заводское положение сейчас не затрагиваю (там — свои «статика» и «динамика», кстати, вовсе меня не удручающие), а только — о дружеской и товарищеской профессионально-социологической среде.

В основном, все осталось на своих местах. Относительная стабильность отношений оказалась главным результатом динамики, совершавшейся как бы внутри индивидов (я-сам, другие), при неизменном уровне отношений. Но были и некоторые перемещения на «дружеских орбитах», как правило, не слишком заметные.

Есть люди, которые из «близких» теперь пожелали стать «ближайшими». Большинство же из этого круга остались на прежней дистанции. Есть «средние», которые захотели придвинуться «ближе»; но я не сделал встречного движения (может быть, и сделаю, со временем). Есть и такие «близкие», которые как бы отодвинулись на периферию этого круга (со временем, может быть, отойдут и к «средним»).

В общем, происходят миграции с одной орбиты на другую, но, как правило, «внутрипоясные», а не «межпоясные», пока (если считать «близких» и «средних» — поясами).

Вполне вероятно утечка из «средних» в «далекие», но я ее пока не замечаю, поскольку со «средними» привык общаться в организациях либо в компаниях, а я там и раньше не часто бывал, теперь же — практически отменил (без сожалений).

Отсутствие телефона облегчает регулирование этих процессов (когда возникает потребность в таком регулировании, в основном — ввиду дефицита времени). Я сейчас, пожалуй, больше «в долгу» (не ответченными письмами, не сделанными своевременно телефонными звонками), чем «должны» мне.

Но, признаться, и раньше так было. Разве что «Письмами Любимым женам» я сделал нескольких корреспонденток своими «должниками» — демьяновой ухой «себя в обществе» и «общества в себе», в виде этих писем.

Процесс миграции на дружеских орбитах совершался и раньше, всегда. Я не могу сказать, что он существенно интенсифицировался. При том, что отдаление — мною нынче почти сознательно облегчается, а приближение — намеренно не стимулируется, сохранение прежнего потенциала и «баланса» общения является, как я уже сказал, результатом **динамики**.

Можно сказать, что круг общения сужен мною (иногда, может быть, упреждающе), но близкий круг сам это общение углубил (возможно, компенсаторно).

(Один крутой разрыв отношений с моей стороны в этот период тоже был, но бывали они и прежде.)

Конечно, это «динамическое равновесие» само по себе небезынтересно. Но оно касается, главным образом, эмоционально-психической, душевной, человеческой расположенности, выступающей, а иногда и крепнущей в стрессовых ситуациях.

(Поведенческим показателем этой стороны общения может отчасти служить частота контактов, суммарная величина которых не уменьшилась. А отождествлять здесь поведение и время общения с эмоциональной стороной — можно, ибо «светское», несколько принужденное общение я и раньше отвергал.)

Но тут следует обратиться к содержанию «стресса». И не к душевности, а к **духовности** контактов с дружеским окружением, их, не скажу — мировоззренческому (мировоззрение у нас у всех одно — диалектико-материалистическое!), а — **мироотношенческому** характеру. Вот здесь — очень разнообразные проявления.

Но все же можно выделить **три типа**, определенные мною для данного, конкретного случая, а уж как их подвести под более общие категории — сейчас не соображаю. Эти типы не соотносимы с понятиями «близости» или «далекости» (эмоционально-поведенческой близости-далекости, которая складывается из многолетнего предшествующего опыта). Уверен, что среди «средних» и «далеких» (может быть, полужнакомых мне) людей могла бы быть проведена аналогичная дифференциация.

Итак, «стимул» — нынешняя жизненная ситуация А., с навешенными политическими обвинениями, исключением из партии и из Союза журналистов, «отлучением», кстати, и из ВТО, и т. д. **Ситуация** — это не только «обстоятельства». Это: **личность + обстоятельства**; поведение личности, во многом вызываемое обстоятельствами, и обстоятельства, во многом создаваемые поведением личности. «Реакция» же — отношение, оценка, тревоги и надежды, слезы и смех (кое-что ведь и смешно!), боли и радости, относящиеся к конкретной личности и к конкретному обществу, поскольку то и другое взаимодействуют в ситуации.

...Под **жизненной ситуацией** индивида имеется в виду совокупность значимых, т. е. «втянутых» в орбиту его жизнедеятельности, событий и обстоятельств, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на его мировосприятие и поведение в каждый данный конкретный период его жизненного цикла.

Жизненные ситуации отнюдь не всегда отличаются устойчивостью. Поэтому следует различать «устоявшиеся» и «проблемные» ситуации. Проблемная жизненная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни, а необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата...

Т. М. Дридзе. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования, 2000, 12, с. 25.

Типология дружеских реакций

Как же типологизировать «реакции» не по личностно-эмоциональному, а по мироотношенческому критерию?

Один тип реакции назову — **диагноз**. Вот, человеку «не повезло»... Упал на него кирпич, или заразился проказой, или — чего полегче (каждый не обязательно определяет, а скорее — ощущает по-своему). Но именно — «диагноз». Вопрос: как ему «вылечиться»? Разумеется, слушать назначения врачей. Или же — «народная медицина»... Но так или иначе, человек — болен. Тут нет вопросов.

Поведение «диагностика» иногда героическое. Он «целует прокаженного» (полагая его таковым и рискуя так же нелепо заразиться). Он может и «надеть перчатки» при рукопожатии (кстати, вовсе не обидев этим самого «прокаженного»). Но при этом рукопожатие не станет менее **душевно** крепким.

Свой диагноз можно держать при себе, а можно и высказывать вслух (все-таки не «рак»!). Искреннее сочувствие переплетается со стихийной (редко — сознательной) «педагогикой».

«Диагностик» может быть прагматиком или идеалистом (это уже другой срез). Прагматик озадачен одним, идеалист — другим, но оба сходятся на том, что **заболел А.** «неприятной» болезнью, а человек-то — хороший, и как ему теперь помочь, его **сберечь** — для него самого, «для нас», «для науки», «для общества».

Логика рассуждения тут такова. Жизнь — главная ценность. И психическая (тут ведь и «сдвинуться» недолго), и физиологическая (вон и сердце зашалило), и социальная (того гляди, печатать совсем перестанут). Он же, вместо физического или интеллектуального отдыха, или вместо научного творчества, продолжает работать слесарем и пишет свои апелляции — милый Чацкий, бедный Чацкий, «горе от ума», да и только...

В Молчалины, конечно, не зовут, сами совсем не такие (ведь Чацкий с Молчалиным никогда не дружили), но ведь — «ситуация»!.. Что ж он, не понимает?!

(Я, конечно, утрирую, почти пародирую и, ей-богу, не найду для описанного типа реального прототипа. Но **тип**-то — тот.)

Второй тип «реакции» назову **прогноз**. Здесь переплетаются дружеские «прогнозы», общественные и личностные. Вот такая — «ситуация»... О чем она свидетельствует, куда общество идет, если таких, как А., вышибают из партии? Или: куда пойти самому А., чтобы его в партии восстановили?

Могут быть «прогнозы-предостережения» (когда «прогностик» искренне желает, чтобы его предсказание не сбылось, и иногда даже знает, что для этого надо сделать самому А.). Могут быть «прогнозы-утешения» (тоже вполне искренние, когда «прогностик» заражается историческим или субъективным оптимизмом А., а может быть — и сам по натуре такой оптимист). Наконец, могут быть «трезвые» прогнозы, причем настолько

точно рассчитанные, что сбудутся, хоть локальная ядерная война разразись. (И ведь сбываются, черт возьми; сам А. не без придури, а дружит с умными людьми.)

Для «прогностика» — А. не «больной», которого надо «лечить», а он, А., — вполне «здоровый» человек, которому надо выработать **оптимальную** линию поведения, чтобы относительную невинность соблудности, и относительный капитал приобрести («капитал» — научный, жизненный и моральный, и, может быть, даже партийный). В полной мере это, может быть, и невозможно, но ему надо пройти между Сциллой и Харибдой, не только личной, но и общественной.

При одних социальных изменениях — «ничто не поможет», при других — «есть шанс».

«Прогностик» зачастую деловит. Он (особенно — если из пояса «средних») первым делом уточняет у А., какова же все-таки его идейная, мировоззренческая позиция. Он вполне допускает возможность, что «объяснение» и «апелляция» — это просто «игра» (не в моем смысле — см. выше). А получив дружеское заверение, что позиция — та самая, **которая там изложена**, т. е. его, А., действительная, «внутренняя» позиция, он ищет путей адаптации этой позиции к нынешнему общественному состоянию (для которого эта позиция, может быть не вполне «адекватна»). Бывают, конечно, прогнозы и «апокалипсические»...

(Я искренне люблю и благодарен тем «прогностикам», из числа «близких», которые учат меня уму-разуму, хоть «чистого» прототипа не нахожу и здесь.)

Наконец, третий тип «реакции». Тут с названием потруднее. До сих пор называл — **позиция**. Хотя, почему так? Ведь своя позиция есть и у предыдущих. **Моя** позиция, что ли? Значит — просто идентификация с «моей» позицией?! Но это лишало бы данный тип друзей духовной самостоятельности. Мало ли что А. выкинет, так уж со всем и идентифицироваться?

Скорее всего, это тот тип, к которому принадлежал бы я сам, окажись близкий мне человек моего типа в сходных обстоятельствах.

Позиция, во-первых, чуть ли не фаталистическая. «Все, что случается с человеком, похоже на него самого» (О. Хаксли). Так может сказать (или подумать) и «диагностик», и «прогностик», но представитель данного, третьего типа скажет это не без иронии (может быть, потому, что сам такой).

Позиция, во-вторых, оптимистическая: не в прагматическом и даже не обязательно в историческом смысле (хотя, как правило, именно так!), а в смысле способности (готовности, предрасположенности?) усмотреть высшую партийно-гражданственную правоту там, где иной усмотрит либо болезнь, либо глупость.

Позиция, в-третьих, деятельностная. Конечно, люди формируются обществом, но ведь и общество движется людьми. «Каждый делает, что в его силах, и делать это надо как можно лучше... Не всегда получается, но надо стараться».

(В предельно обостренной, гиперболично-парадоксальной форме это изобразил С. Кинг в замечательном романе «Мертвая зона».)

Позиция, в-четвертых, «эгоистическая»: **мне** это пригодится, может быть. А. действует так, ну, примерно так, как я хотел бы поступить в сходных обстоятельствах (конечно, лучше бы их не было!). И вот с ним вместе «прорепетирую», наберусь горького и сладкого опыта.

Позиция, наконец, максималистская. Не помню, кто сказал, что нравственность должна быть максималистской, иначе — уже не нравственность. Максимализм, кстати, не так уж бесперспективен, в прагматическом смысле. В трудных обстоятельствах выигрывает тот, кто не боится проиграть. А проиграть, **сделав все, что мог**, не зазорно.

Вот теперь, я нашел точное определение для третьего типа дружеской «реакции» — **принцип!**

(Среди «принципалов», кстати, нахожу иногда заботливых и яростных критиков моих действий, обычно — еще не совершенных, не предпринятых действий, ибо успеваю получить эту критику заблаговременно. При этом оспаривается не сам принцип моих действий — который приемлется, как факт — а лишь тот или иной способ реализации его.)

Итак: **диагноз, прогноз и принцип**. Такова мироотношенческая типология, построенная на данной, конкретной модели, коль скоро жизнь мне ее предложила, а я не стал отказываться.

Еще раз подчеркну: а) мои «идеальные» типы не имеют реальных прототипов (хотя для третьего типа, пожалуй, их вижу); б) моя типология строится по критерию, отличному от «мировоззренческого»; в) моя типология строится не по критерию «душевной», эмоциональной близости к субъекту, взявшему на себя смелость анализировать взаимоотношения с близкими друзьями.

(Ты из меня эту искру высекала своим январским письмом!)

Типология, понятно, **эгоцентричная**. Но другой у меня нет. До корректно-философского обобщения мне сейчас не подняться. Да и неуместно было бы.

*Ремарка: **триадная типология**.*

*Вообще говоря, как соображаю уже сегодня, эта типология: **принцип, диагноз, прогноз**, — укладывается в семантическую матрицу (триадный архетип), по Р. Баранцеву: **эмоцио — рацио — интуицио**.³ (Май-декабрь 2000).*

Человек живет под нагрузкой

Теперь — актуальный отчет о своем психофизиологическом состоянии, которое Тебя беспокоит.

Здоров ли? Да. Физиологически — более или менее (50 в этом году стукнуло). Нервно-психически — безусловно. Добрая, умная, любимая

³ См. об этом в приложениях к главе 8: раздел «Фрагменты о системных триадах»

Инна, пять лет назад, перед моим переходом из ИСЭПа в рабочие, Ты ведь тоже беспокоилась...⁴ А что потом? Перестала беспокоиться. А сейчас? — Ну, давай через пять лет к этой теме вернемся.

Человек живет под нагрузкой (физической, психологической, социальной). Вытащи глубоководную рыбу на поверхность — она взорвется. Человек — тоже. Перепады давления бывают. Но человек адаптируется. Он живет, пока ему есть чего преодолевать, в себе ли, в обществе ли (т.е. преодолевать не отказался).

По этому пункту, будем считать, я высказался.

[Автор ныне полагает, что в этих своих наблюдениях и рассуждениях он был довольно проницателен; тот редкий случай, когда я со своим заявлением и сегодня «полностью согласен». — А. А.]

...Люди — робкие — не могут понять, что лед трещит и рушится под ногами — это самое доказывает, что человек идет; и что одно средство не провалиться — это идти не останавливаясь...

Л. Толстой — А. Герцену (цит. по: Я. Гордйн. Три повести, Л., 1983, с. 350) (@)

«Я и так иду...»

Своеобразным стимулом для твоего особого беспокойства и душевной боли послужил, вероятно, мой замысел воспользоваться актом экспертизы, не без труда полученным в июле 1984 г. в заводской «экспертно-партийной» комиссии, на мою статью об «экспериментальной социологии», 1983 г.

Ну, не безумие ли — апеллировать по такому поводу в научные организации, испрашивая у них профессионального отзыва на статью, да еще сообщая, что, в известном смысле «за это самое», исключен из партии? (А скрывать — что ли?) Тебе, в этой связи, забрезжил образ «чудака, из числа пенсионеров, которые качают права». Тут — «и за психа сочтут»...

Выдумал я это в кавказских горах, на свежем воздухе. Случайно («в кустах») обнаружив пишущую машинку, использовал ее для сочинения, для начала, **неофициального** запроса друзьям насчет их разрешения или «вето» на обращение в институты, где они работают.

Как Ты знаешь, я не только существенно видоизменил свой замысел, но и отложил реализацию видоизмененного — еще до получения Твоего письма. *[Впоследствии от этого замысла социолог-испытатель вообще отказался, посчитав его и бесперспективным, и не корректным по отношению к коллегам. — А. А.]* Но «симптом» как будто опасный...

И твоя конечная реакция была: «ладно, в нашу организацию пищи, а вообще — кончай переписку с организациями!»

...Вот Союз журналистов. Это уж — избыточно, «уж извини!» — пишешь Ты. **Что** избыточно — мои возражения доценту Комарову из

Ле-⁴ См ранее, в главе 2: раздел «“Формула разгильдяйства” и вынужденная инициатива...»

нинградского университета? Да благодарить мне его, что ли, за то, что он меня из «антисоветчиков» перевел в разряд «оппортунистов», «идейно порвавших с последовательным коммунистическим мировоззрением»?!⁵

По мне, так у него (В. Г. Комарова) такого мировоззрения — ни последовательного, ни непоследовательного! — нет. И, в отличие от членов заводской парткомиссии, тут уж не спишешь на недостаток соответствующей образовательной или «научной» подготовки.

Примечательно, что главный упрек ко мне доцента Комарова и иже с ним состоит именно в том, что А. не проявляет хотя бы «малой толики искренности и подлинного понимания... предостережений и суровой критики со стороны всех, кто указывал на опасную идейную эволюцию в его сознании», и т. п. Согласиться с **такой** критикой — значило бы действительно порвать с коммунистическим мировоззрением (что, наверное, тов. Комарова устроило бы).

«Нехорошее впечатление» от всей этой «истории с журналистами», действительно, появляется. Но, спрашивается, кого в этом винить: твоего корреспондента или же эксперта Союза журналистов и горкома партии?

При этом Ты выдвигаешь следующие явные или неявные соображения (иногда противоречащие друг другу):

1) Ты (т. е. я) «устал». И обстановка вокруг — то ли кислотная, то ли щелочная («социально вредная», в общем). Всякие твои (т.е. мои) шаги только усиливают раздражение общественной среды. Надо — сменить обстановку.

2) Твой настоящий цех — профессиональная, традиционная социология. Твоей пятилетней работе (статья о «человеке в системе...») уже выставлен шлагбаум (пресловутый акт заводской экспертной комиссии, «запрещающий» публикацию). Так будет и впредь, пока... ты на заводе.

3) Если ты изучаешь проблему «личность в организации», то что за самоубийственные методы? Да и — «что за эмпирическая база, почему только один объект?». То ли дело — **массовая** статистика, **массовый** опрос! (Это я уже за Тебя домысливаю, но вытекает из предыдущего.)

(Вот ведь какая переключка с тов. Комаровым, слышавшим и даже употребляющим слово «репрезентативность», не говоря уж об ученом совете ИСЭПа в 1981 г., где что-то похожее говорил ставший недавно заместителем директора по науке Н. Лобанов.)

4) Уезжай, говоришь Ты, — то ли во Владивосток, то ли в Калининград, то ли в Мурманск, то ли в Ашхабад, для работы **социологом**. (А то — я сейчас не социолог!) Тебя, мол, там — «поймут»; а в Ленинграде, на заводе — тяжелый психологический климат. Издергался! (А если — нет?!)

5) Мол, апелляцию рассмотрят и там. Или же — не жди никаких ленинградских решений и стучись в двери ЦК, проси помощи, объясняй всю эту чертовщину, «все же — живые люди»... Зачем этот твой «педантизм-формализм»?

⁵ См ранее, в главе 8: раздел «Союз журналистов очищает свои ряды»

б) И, наконец, сакраментальный вопрос: чего тебе (т.е. мне) **надо**: «шашечки» или «ехать»? (известный анекдот про такси...). Отвечаю: мне не нужно ни того, ни другого. Я и так — **иду**.

Мне страшно обидеть очень близкого мне человека, но иначе, как <...>, твои предложения я назвать не могу. Отвечу последовательно по всем шести пунктам:

1) Мне есть где жить и работать, и кроме ИСЭПа и «Ленполиграфмаша». Но я бы считал косвенным признанием своей неправоты (а не своей мнимой издерганности!) покинуть именно сейчас свое нынешнее рабочее место.

2) Сайентистские ценности академической социологии далеко не бесспорны и для Тебя самой. Все эти годы я не прекращал работать в качестве социолога. Не место дает человеку профессиональную принадлежность, а человек реализует свои профессиональные способности — в том или ином месте, в тех или иных формах.

3) Разнообразие известных методов эмпирической социологии велико. Но здесь есть и нечто новое. «Экспериментальная социология», может быть, и не самое удачное название...⁶

4) Уже ясно (из сказанного выше).

5) Почему я должен совершать судорожные движения, когда разбор моего партийного дела идет своим нормальным, уставным порядком? И неужели судьба коммуниста А. должна зависеть от того, как он «покажется» кому-либо из «первых лиц» (которые его вовсе и не ждут)?

Ну и (6): Все, что я делаю, — обдуманно и делается сознательно. (Хотя иногда, как, например, Союз журналистов, сообщивший мне о заседании своего секретариата чуть ли не накануне, меня и вынуждают к «импровизациям»...)

Знание — побочный продукт всякого жизненного движения. Это движение не прекращается. Альтернативы «шашечки или ехать?» для меня не существует.

Разумеется, я отстаиваю, **как умею** и как считаю необходимым, свою партийную, научную и гражданскую позицию — не для того, чтобы составить еще один «протокол наблюдающего участия». Но когда в этом процессе я получаю еще и знание, я его осмысляю, как и сейчас, в этом письме.

Обратить поражение в опыт

Предположим даже, что я **уже** потерпел поражение. Эту ситуацию, по-моему, точно анализирует А. Гельман в своей интереснейшей статье «Гарантии победы» (Литературная газета, 15.08.84). Не поленюсь на большую цитату:

⁶ К истории терминологических новаций. Некоторые из терминов, употреблявшихся автором с начала 80-х гг., «прижились»: «**наблюдающее участие**», «**эксперимент социолога-рабочего**»... От формулировки «**экспериментальная социология**» впоследствии сам отказался. Термин «социолог-испытатель» употреблен, кажется, впервые в объяснении для партийной комиссии горкома КПСС (1984).

Выражение «**драматическая социология**» употреблялось тогда изредка, так сказать, спонтанно, и поначалу не претендовало на терминологический статус, хотя «соединение практической деятельности, рефлексии и игры» постулировалось изначально.

...Я знаю три типа поведения людей после поражения. **Первый** — человек уходит в тень, замыкается в себе, на работе никогда ни во что не вмешивается, в его речи все чаще сквозит болезненная ирония, иногда такие люди запивают «по черному». Словом, человек подавлен, сломан.

Второй тип — это когда праведник после поражения с ходу делает поворот на сто восемьдесят градусов и буквально на наших глазах превращается в оборотня. Иногда он предварительно меняет место работы (*между прочим!* — А. А.), а иногда «обновление» личности происходит тут же, на том же самом месте, в том же коллективе. И вот он уже поддерживает тех, против кого еще совсем недавно боролся. И как поддерживает — яростно, без всякого стеснения, с каким-то зловещим вызовом судьбе.

Третий тип — это люди, которые остаются такими же, какими были. Они обращают поражение в опыт (! — А. А.), в новую энергию, в бойцовскую мудрость. Они становятся еще более последовательными и несгибаемыми противниками лжи, несправедливости, корыстолюбия и невежества. Одно их присутствие в коллективе держит в постоянном напряженном напряжении любителей приписок, подтасовок и махинаций.

Где же они берут силы, такие люди, обратить поражение а победу? На каком фундаменте зиждется эта непреклонность? Пожалуй, главное здесь то, что они сознают себя не исключительно бунтарями-одиночками, а участниками широкой битвы, целого фронта борьбы, где десятки и сотни людей решительно поднимают свой голос против опасных для общества проявлений эгоизма, особенно группового эгоизма. Это сегодня в самом деле целый фронт — недаром почти каждый день в каждой газете можно прочитать прелюбопытные аналитические материалы о сложнейших «операциях» на этом «поле брани». Вот и наша дискуссия в «ЛГ» (*«Личность и обстоятельства»*. — А. А.) тому подтверждение. Именно фронт, и ощущение этого фронта, его динамика и дает силы пережить свое поражение с достоинством.

Человек понимает и чувствует: его поражение, сколь обидным и горьким бы оно ни было, не итог, а всего лишь один из неудачных **эпизодов** (*выделено мною*. — А. А.) борьбы. Он понимает и чувствует — пока он остается в строю, пусть на этот раз и не добивается цели, зло не одержало над ним победы. Он знает: зло торжествует победу только тогда, когда личность совестливого человека разрушена, раздавлена, выведена навсегда из бойцовских рядов. Или когда ему, злу, удастся вообще перетянуть человека в свой стан, сделать его своим активным «штыком». В таких случаях — да, зло вабадрируется, преисполняется новых радужных надежд.

Люди этого третьего типа, по моим наблюдениям, отличаются еще тем, что они не просто ненавидят зло, они пристально **изучают** (*выделено мною*. — А. А.) его структуру, повадки, замашки, способы маскировки. В самом же деле, противника надо знать, если хочешь с ним успешно бороться...

* * *

...«Конечно, в начале “дела” тебя упрекнуть не могу, — пишешь Ты. — Тебе все это свалилось на голову. Истый советский человек и вдруг... обыск, обвинения, КГБ! Жуть! Но далее. Далее все тоже естественно, лишних шагов не вижу. А вот “журналисты” — это уж извини! Этого уже не понимаю...». «Впрочем, я — далеко, знаю не все», — замечаешь Ты.

(В общем-то, пожалуй, все существенное из того, что произошло со мной и что делал я сам, за последний год, Ты знаешь.)

Отвечаю: я — советский человек, только не «истый», а скорее **неистовый** (пишется вместе). Таким, наверно, и помру. [*А вот тут автор ошибся!* — А. А.]

...Наговорил я Тебе резкостей, «заслуженных» Тобою (как мне кажется!), правда, только в мироотношенческом, но никак **не** в душевно-эмоциональном плане. Потому — отправляю это письмо не без страха. Обидишься — что мне тогда делать?..

Твой Андр. Ал., 8.10.84

P.S. Ты просила показать твоё письмо — Нелли [*Н. А. Крюкова. — А. А.*]. Я сделал это — вместе с уже написанным своим. Её реакции, как всегда, непредсказуемы. Вкладываю в конверт её записочку для Тебя, к сочинению которой сам не причастен.

Её восприятие ситуации не является ни «умственным», ни «душевым», ни «духовным» — ни в какие типологии моя жена, как обычно, не укладывается. Замечу, что других экстрасенсов в моем окружении нет. А она — в самом деле — года три назад прошла жесточайший профессиональный отбор «кандидатов в экстрасенсы»...

(Ей даже предлагали соответствующую работу: искать полезные ископаемые где-то на Севере; да она отказалась уезжать из Ленинграда, хотя бы и на несколько месяцев, — «по семейным обстоятельствам».)⁷

Нелина осведомленность в логико-рациональной стороне дела, думаю, поменьше твоей. Но она справедливо считает, что язык эмоций в таких делах для твоего корреспондента неприемлем. Может, она «щадит» меня, но скорее — Тебя. В общем, разгадать этого Оракула — не суждено никому.

<...> Вот и получился письмо — на 18 машинописных страницах (= 53 рукописных стр.). Совсем как во времена «Писем Любимым женщинам»...

А. А., 9.10.84

* * *

Из «Записей для памяти» (декабрь 1984)

<...> В ходе последующей переписки выяснилось недоразумение. Мария [*таким псевдонимом автор наделил тогда Р. Рывкину в своих «записях». — А. А.*] не обратила внимания на то, что мое обращение к председателю правления ЛО Союза журналистов Варсобиному от марта 1984 г. [*здесь оно не приводится. — А. А.*] вовсе не было инициативной просьбой к общественной организации «защитить» своего члена от организаций государственных, а — непосредственным откликом на информацию о том, что в ЛО СЖ поступила, из УКГБ ЛО, справка «В отношении Алексева А. Н.».

Так что аргументы и соображения Марии из её сентябрьского письма ко мне оказались сняты, равно как и мои аргументы и соображения в октябрьском письме к ней перестали относиться к самой милой Марии. <...>

(Записано в декабре 1984 г.)

Ремарка: эксперимент продолжается!

Стоит заметить, что ближайшие друзья: Р. Рывкина, Р. Ленчовский и другие (которых здесь, в этой связи, не цитировал), — при всем человеческом сочувствии, с одной стороны, и товарищеской (а потом и гражданской) поддержке, с другой, — приняли авторский взгляд на «дело» социолога-рабочего как на «продолжение и развитие» его эксперимента.

Их солидарность с социологом-испытателем имела — равноправную с первыми двумя! — исследовательскую компоненту. Что было для меня в ту пору особенно важно. И за что я и по сей день глубоко моим друзьям признателен. (Сентябрь 1999).

⁷ Прочитав эти строки сегодня, Нелли Крюкова заметила, полусмешливо, полусерьезно: «А не разглашаешь ли ты здесь государственную тайну?» Я заверил ее, что **теперь** — уже нет 24 12 2000

* * *

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984)

<...> Мне очень жаль, что я сейчас не имею возможности (не считаю себя вправе!) отразить в архиве все множество случаев и разнообразие форм товарищеской помощи и дружеского участия в моей судьбе 1983–1984 гг.

Во всяком случае **я их помню**. Когда-нибудь потом — запишу. <...>
(Записано 25.11.84)

9.2. Несколько частных эпизодов из жизни «изгоя»

[Если в предыдущем разделе речь шла о динамике ситуации социолога-испытателя по преимуществу в рамках круга друзей и коллег-социологов, то ниже — зарисовки соответствующей ситуации в производственном, рабочем коллективе. — А. А.]

9.2.1. Какая дисциплина главнее: партийная или государственная?

Из «Записей для памяти» (сентябрь 1984)

<...> В начале обеденного перерыва 24.09.84 (понедельник) я собирался переговорить с секретарем партбюро цеха, токарем А. Червяковым. Но перед самым перерывом мастер Г. Соколов настоял на проведении бригадного собрания для обсуждения уже не первого прогула слесаря Сергея И. и замеченного, но не пресеченного пребывания на работе в не совсем трезвом состоянии фрезеровщика Михаила К.

Наша бригада выразила готовность наказать С. И. своими средствами (снижение к. т. у., что фактически означает, на нашем заводе, снижение сменного задания, т. е. зарплаты). Однако поскольку администрация уже решила перевести его, в порядке дисциплинарного взыскания, на нижеоплачиваемую работу (транспортировщик) на срок три месяца, то собственного бригадного решения принимать не стали.

Собрание кончилось, когда перерыв уже начался, и секретарь партбюро Червяков успел занять свое место за столом для домино, так что отрывать его от этого дела было неудобно.

Пришлось подойти к нему после обеда. Я сказал, что давно хотел ознакомить его с пунктом 19 «Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций» (утверждены Госкомтрудом СССР 29.09.72, по согласованию с ВЦСПС). Эти типовые правила опубликованы, в частности, в «Справочнике профсоюзного работника» (1983 г. издания, который я сегодня принес из дома).

Пункт 19 гласит:

Запрещается в рабочее время:

- а) отвлекать рабочих и служащих от их непосредственной работы или снимать их с работы для выполнения общественных обязанностей;
- б) созывать собрания, заседания и всякого рода совещания по общественным делам.

Когда Червяков прочитал отчеркнутый пункт на стр. 137 указанного издания, я сразу же открыл перед ним другой справочник — «Организационно-уставные вопросы КПСС», 1984 г. издания, где написано:

...ЦК КПСС неоднократно обращал внимание партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских организаций на недопустимость проведения в рабочее время массовых мероприятий, собраний, совещаний, семинаров, слетов, заседаний с отвлечением на них трудящихся от работы на производстве (с. 200 указ. издания).

Червяков ознакомился и с этим источником. После чего я спросил, как он относится к отмеченным мною моментам.

—Я тоже считаю неправильным, что общественные мероприятия проводятся в рабочее время, — сказал А. Ч., уловив, что я имею в виду.

(А я хотел показать ему неправильность претензий, высказанных недавно в мой адрес на партийном собрании цеха 20.09, что я отказался участвовать в обсуждении своей партийной характеристики на заседании партбюро 21.08, которое происходило **в рабочее время**.)

—Тогда почему же Вы так поступаете?

—Жизнь заставляет.

—Вас заставляет жизнь, а претензии Вы предъявляете ко мне.

—Если я неправ, меня накажут.

—А Вы сами считаете себя здесь правым?

—Я не считаю себя правым, — именно так сказал тут тов. Червяков.

(Записано в конце сентября 1984 г.)

* * *

Из газеты «Правда» (сентябрь 1983)

Какую дисциплину нарушать?

Да, вопрос поставлен именно так! Обращаясь к редакции «от имени группы коммунистов города Калуги», Г. Веремей просит «рассудить спор — какая дисциплина выше или, если можно так выразиться, главное — партийная или государственная?»

Вопрос, как выясняется далее, не абстрактный. Он подсказан вполне конкретной обстановкой. Дело в том, что в ряде организаций города партийные собрания проводят тогда, когда часть коммунистов работает. «Как они должны поступать? — спрашивает автор письма. — Если не пойдут на собрание, нарушат партийную дисциплину. Если уйдут с работы, нарушат государственную».

Мнение местных руководящих органов на этот счет, оказывается, «весьма разноречивы». Они тоже почему-то не могут догадаться, что просто-напросто собрания надо проводить тогда, когда люди не работают.

Во многих местах это уже поняли, усвоили, перестроились. Однако не везде. Еще приходят и такие письма, в которых сообщается, что собрания и митинги, спортивные соревнования и занятия кружков художественной самодеятельности по-прежнему проводятся в рабочее время. <...>

[Здесь опущено еще несколько примеров, приводимых автором обзора писем на эту тему. — А. А.]

Действительно, доколе? Таким массовым, «организованным» нарушениям дисциплины всюду пора положить конец. Виктор Кожемяко (Правда, 9.09.83. Рубрика «На злобу дня»)

9.2.2. *Голосуя против — нормальное дело...*

Из «Записей для памяти» (октябрь 1984)

<...> 12 или 13.10.84 слесарь Валентин К. из бригады Игоря В. [И. В. Виноградов. — А. А.] поделился со мной сначала одним, потом другим своим житейским огорчением. Одно: болит нога, аж скрутило ночью, и днем бывает — не ступить. Уж не тромб ли? Я сказал — похоже такая болезнь, которую связывают с курением. Надо — к хирургу. Если велит не курить — придется хотя бы ограничиться.

Другая неприятность: Иван О. (из той же бригады) назвал его, Валентина, полушутя-полусерьез, «антисоветчиком». (Похоже, выражение вошло в моду...)

«Это за что же?» — «А я не захотел подписаться отработать на субботнике в честь...».

Я посоветовал Валентину это обязательство все же подписать.

Через 5 мин. снова подходит: «Если бы я не был в бригаде И. В., нипочем бы не подписал, а тут я, пожалуй, бригаду подведу...». (Бригада Игоря В. — одна из самых знаменитых на заводе.)

Валентин К. — старше меня, беспартийный, работает на заводе 35 лет (примерно) и имеет дневное производственное задание 12,6 руб. (такое же, как у И.В., т. е. чуть ли не самое высокое в цехе).

Иван О. — фрезеровщик, работает на заводе лет 20, полное среднее образование, служил на Кубе, член партии, зам. пред. цехкома, ответственный за ДНД по участку и ответственный за подписку. Его производственное задание — 11,8 руб. (тоже одно из самых высоких).

Месяца два назад Иван О. поинтересовался, на какое партийное издание я хочу подписаться. (Ну, исключили меня из партии, а подписку-то надо проводить!) Я сказал, что, как обычно, подпишусь на журнал «Коммунист». «А есть такой?» — спросил у меня Иван.

(Как выяснилось потом, ему дали «разнарядку» только на «Партийную жизнь»...)

Валентин К., отчасти по моему совету, все же присоединился к обязательству о субботнике. (Так и не знаю, специфическое ли это обязательство для их бригады или нет; наша бригада — не подписывала пока.)

А со мной самим, дней за 10 до этого, произошел такой случай.

...На общем цеховом собрании выбирали народного заседателя. Им испокон веков является бывший секретарь партбюро цеха, член парткома завода, шлифовщик В. И. Новиков. Тут выступил один из

бригадиров, тоже член партбюро, и сказал: «У нас сегодня необычное (? — А. А.) собрание, мы должны избрать человека кристальной честности...», и т. д.

Я подумал: могу ли я считать таковым человека, который в течение года подписывает два взаимоисключающих документа (две мои партийные характеристики — 1983 и 1984 г.) При голосовании я поднял руку против (разумеется, единственный!). Посчитали голоса, записали в протокол.

Следующим пунктом шло принятие цехового соц. обязательства на октябрь. Ведшая собрание зам. пред. цехкома М-ва, стоявшая за «столом президиума» посреди цеха так, что многие (в том числе и я) стояли или сидели у нее за спиной, оглянулась (может, Алексеев опять против?). Но это решение было принято единогласно.

Никто у меня ни о чем не спросил, почему я голосую против избрания Новикова в народные заседатели. Даже сидевший со мной рядом и выступавший в его поддержку бригадир со второго участка.

Он — за, а я — против... Нормальное дело. <...>

(Записано в октябре 1984 г.)

9.2.3. Неуместная фотография в заводской газете

Из «Записей для памяти» (октябрь-ноябрь 1984)

<...> В заводской газете «Трибуна машиностроителя» от 25.10.84 появилась нижеследующая заметка:

Внесли предложение

Комплексная бригада 003 цеха ¹ 3, которую возглавляет Анатолий Васильевич Сыцевич, трудится в счет февраля 1985 г. Сегодня она готовится достойно встретить 67-ю годовщину Октября. Этот коллектив объединил тринадцать рабочих различных специальностей. Есть здесь фрезеровщики, граверы, слесари. Бригада изготавливает детали для фотонаборных машин. Каждый владеет смежной профессией. А слесарь Е. А. Рыжов освоил новую специальность — точечную сварку. Его коллега С. Б. Самойлов может трудиться штамповщиком.

За прошедшие восемь месяцев бригада подала восемь рационализаторских предложений, которые позволили значительно улучшить качество изготавливаемых деталей. За счет совмещения профессий, рационализации производства, опыта и дисциплинированности коллектив А. В. Сыцевича достиг значительного опережения.

На одном из заводских собраний бригадир выступил с инициативой: чтобы каждый полиграфмашевец — от рабочего до директора — внес предложение по досрочному выполнению плановых заданий и социалистических обязательств, встал на трудовую Вахту памяти.

[Бригадиру Сыцевичу «предложили» выступить с инициативой, а он «не возражал»... — А. А.]

Профгруппа бригады А. В. Сыцевича уже подала предложение: расширить участок и установить необходимые прессы. «Тогда мы сможем быстрее и качественнее

изготавливать детали для машины ПОЛ-35», — объясняет Анатолий Васильевич. Сейчас это предложение профгруппы бригады рассматривает экспертная комиссия. М. Николаев

На снимке: члены бригады **Е. Рыжов, А. Алексеев, М. Колпаков, С. Самойлов, А. Сыцевич, В. Николаев, М. Гушин, С. Русинов, Н. Реутов.**

Молва утверждает, что у редактора заводской газеты были за эту публикацию неприятности. Ведь среди прочих на снимке был изображен... и исключенный из партии А. (и в подписи назван!). Это называется — утрата политической бдительности...

(Записано в ноябре 1984 г.)

Ремарка: заводские журналисты.

*В ту пору социолог-испытатель еще не был знаком с редактором заводской газеты **Ниней Николаевной Харьковой** и корреспондентом этой же газеты **Натальей Киримовной Поречной** (ныне покойной).*

Впоследствии они очень сильно поддержали его в самообороне от политических обвинений. (Январь 2000).

9.2.4. Мой друг Володя

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984 — февраль 1985)

<...> В понедельник, 26.11.84 заточник из моего цеха — В. З. [Владимир Владимирович Земсков. — А. А.], отношения с которым у меня являются не только деловыми, но и личными, был приглашен зам. секретаря парткома Л. Л. Герасимовой. В основном это было связано с несколькими нарушениями трудовой дисциплины В. З. в последние недели.

Само по себе такое внимание заводского партийного руководителя к В. З. (он — беспартийный, не так давно вышел из комсомольского возраста) может показаться необычным. Впрочем, В. З. был знаком с Герасимовой и раньше.

В ходе воспитательной беседы (за которую, как полагает сам В. З., он должен быть благодарен Ларисе Львовне, поскольку это, по-видимому, избавило его от более крупных неприятностей) была обронена его собеседницей фраза:

— Вот, и с Алексеевым Вы общаетесь...

— А что, нельзя? — спросил В. З.

— Ну, Вы же, наверное, слышали, — сказала Л. Г.

— Слухом земля полнится, — сказал В. З., — но вообще-то я ничего толком не знаю.

— Вы помните М.? — сказала Л. Г. — Так вот, здесь вроде того, только несколько по-другому.⁸

— Так не надо общаться с Алексеевым? — спросил В. З.

⁸ Речь идет о другом знакомом Владимира Земскова — организаторе кружка по восточным единоборствам, что в ту пору преследовалось

—Ну, смотрите сами... — ответила Л. Г.

—Ладно, — сказал В. З., — спасибо, что предупредили.

Беседа зам. секретаря парткома с В. З. оказалась эффективной... в плане прекращения им нарушений трудовой дисциплины, которыми, как мой товарищ, между прочим, благородно полагает, тот мог бы поставить **меня** под дополнительный удар.

(Записано в феврале 1985 г.)⁹

9.2.5. Люди и «рычаги» (в смысле известного рассказа А. Яшина)

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984)

<...> На цеховом партийном собрании 20.09.84 бригадир И. В. вынужденно проголосовал за утверждение партийной характеристики, содержащей сведения о моей производственной деятельности и участии в общественной жизни, заведомо не соответствующие действительности. (Эту характеристику потом пересмотрел партийный комитет завода, о чем в цехе почти никто пока не знает.)

Так вот — после этого неловкого для него факта И. В. перестал подходить ко мне и спрашивать, как мои «партийные дела» (как бывало не раз до этого, после партийного собрания 16 апреля с.г., где было принято решение об исключении меня из партии, а И. В. за это решение голосовать не стал).

Мое с ним общение в течение всего октября было исключительно производственным (а поскольку я — в другой бригаде, то его почти и не было). В начале ноября возобновилось наше **не деловое** общение.

8 частности, 10 ноября И. В. был первым, от кого я узнал о лишении Н. Щелокова (бывшего Министра МВД) воинского звания генерала ар мии. Под рукой (у одного из членов бригады) оказалась газета «Известия», от 9.11.84. В ней следующая информация:

Указом Президиума Верховного Совета СССР за злоупотребление служебным положением и дискредитацию воинского звания советского генерала армии Н. А. Щелоков лишен воинского звания. (ТАСС)

<...> И. В. интересовало, между прочим, как будет с «Золотой Звездой», которую бывший генерал, как он помнит, получил незадолго до смерти Л. И. Брежнева (я этого не знал и до сих пор в этом не уверен). «Так теперь отберут Звезду или нет?».

И. В. был также первым, кто сообщил мне, неделей раньше, о кончине Индиры Ганди, в результате покушения террористов.

(Записано в ноябре 1984 г.)

⁹ Дружеские отношения с Владимиром Земсковым, сложившиеся с первых лет моей работы на заводе и не ослабевшие, а укрепившиеся после возникновения «дела» социолога-рабочего, сыграли впоследствии немаловажную позитивную роль в восстановлении доброго имени автора этих строк

9.2.6. «Полузакрытое» партийное собрание

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984 — февраль 1985)

<...> В понедельник же, 26.11.84, должно было состояться партийное собрание цеха, посвященное состоянию трудовой дисциплины и мерам по ее укреплению (докладчик — врио нач. цеха Решетов, беспартийный). Как обычно, увидев объявление, я поинтересовался у секретаря партбюро А. П. Червякова, является ли это собрание открытым. Тот ответил утвердительно, но добавил, что мое присутствие на этом собрании «нежелательно». Меня, мол, нет среди приглашенных на него. Из разговора выяснилось, что это не личное мнение Червякова, а «советовались» (специально по этому вопросу!) в парткоме.

Я взял увольнительную с обеда и отправился в Петроградский райком КПСС, за консультацией.

Первым, к кому мне довелось обратиться, был инструктор РК КПСС тов. Прохоров. Сообщив предварительно, что я исключен из партии в мае 1984 г., я сказал, что встретил препятствия со стороны секретаря партбюро цеха в своем намерении присутствовать на **открытом** партийном собрании, которое должно состояться сегодня.

Инструктор ответил, что это — «какое-то недоразумение», но все же стал искать Устав партии и сборник «Организационно-уставные вопросы КПСС». Я сообщил, что знаком с тем и другим настолько, чтобы утверждать, что прямого ответа на данный вопрос там нет, скорее всего — ввиду его очевидности.

Инструктор райкома счел целесообразным проконсультироваться по телефону с более компетентным товарищем и получил ответ, соответствующий моим предположениям.

Тогда инструктор сам предположил, что собрание все же **закрытое**, и я просто «недопонял» секретаря цеховой партийной организации. С его разрешения, я тут же позвонил в партком «Ленполиграфмаша», зам. секретаря парткома тов. Зуеву и получил подтверждение, что партийное собрание цеха ¹ 3 сегодня является **открытым**, т. е. как я и говорил.

(Мой телефонный звонок в партком происходил где-то около 14 час. Откуда я звоню — я не сообщал, но Зуев мог понять что не из цеха, поскольку снимал трубку городского телефона.)

— Ну, так и идите на собрание, — сказал Прохоров.

— Так я потому и пришел в райком, что мне этого не разрешают, — сказал я.

Я предложил тов. Прохорову самому позвонить в партком завода, для разъяснения того, как следует поступить первичной партийной организации в данном случае. Инструктор райкома от этого шага уклонился и, видимо, решив, что «тут что-то не так», вдруг изменил своей первоначальной деликатности: «Вас, наверное, потому и исключили из партии, что Вы не знаете Устава партии: что на открытых собраниях могут присутствовать беспартийные».

Умозаключение тов. Прохорова, в общем контексте нашей беседы, было настолько парадоксальным, что мне осталось только поблагодарить партийного работника за консультацию и откланяться.

По удачному стечению обстоятельств, в этот же день (четвертый понедельник месяца) предусматривался прием заведующих отделами РК КПСС.

Принимал зав. отделом пропаганды тов. Воротников, однако только с 15 час. (а собрание должно было начаться в 16-15).

Моя очередь подошла где-то около 15-45, и я был вынужден очень кратко объяснить Воротникову цель своего обращения и необходимость **срочно** ответа. (Впрочем, и тов. Воротников был, как и Прохоров, первым делом, осведомлен мною о факте исключения из партии несколько месяцев назад.)

Зав. отделом РК КПСС сказал, что «мой вопрос» представляется ему хоть и беспрецедентным, но очевидным. Но именно беспрецедентность побуждает и его «проконсультироваться». Он позвонил при мне кому-то, с кем разговаривал на «ты» и по имени, но было ясно, что его собеседник — из вышестоящего партийного органа (горком? обком?).

После этого тов. Воротников сказал мне совершенно решительно:

«У Вас осталось 20 минут до начала собрания — идите, я позвоню в партком». — «А если меня не пустят?» — спросил я. — «Вас пустят», — заверил он.

В 16 час. 15 мин. я вошел в красный уголок цеха, где уже собралось большинство коммунистов и небывало большое количество беспартийных (беспартийные администраторы, бригадиры, комсомольский актив). Сидевший за столом президиума секретарь партбюро цеха Червяков вел учет присутствующих.

Когда наступил момент открывать собрание, Червяков сделал публичное заявление, внесшее в ситуацию необходимую ясность:

«Товарищи, **час назад** состоялось заседание партийного бюро, на котором решено сделать собрание **закрытым**. Поэтому лиц, которые на него специально не приглашены, просим нас покинуть».

Я поднялся и вышел немедленно (услышав за спиной чью-то негромкую реплику: «ну и ну!»). Вместе со мной покинул помещение беспартийный, старший диспетчер цеха Р. Видимо, он «специального приглашения» получить не успел и принял информацию секретаря партбюро также и на свой счет.

На состоявшемся 26.11 закрытом партийном собрании цеха, с участием **приглашенных** беспартийных, обсуждался (напомню!) только один вопрос: о состоянии трудовой дисциплины и мерах по ее укреплению.

(Записано в феврале 1985 г.)

[Этот последний, да и некоторые другие эпизоды характеризуют усилия партийных активистов завода по «изоляции» бывшего члена КПСС и минимизации его возможного участия в общественной жизни коллектива, раз уж нельзя от него (меня) вообще избавиться. — А. А.]

9.3. «Бои» местного значения (вокруг партийной характеристики)

Несколько вступительных слов

Как уже рассказывалось, в ходе рассмотрения «дела», социологу-рабочему попробовали было приписать (наряду со всеми другими преступлениями) также и «производственную нерадивость» и т. п. Что нашло отражение в соответствующей характеристике, утвержденной цеховой партийной организацией.

Предпринятая самооборона, в этом плане, возымела действие (см. ранее, в главе 5: раздел «Так кто же нарушал трудовое законодательство?»). В итоге возникла новая, «более объективная» характеристика, утвержденная вышестоящей инстанцией — парткомом завода.

Ниже — продолжение этого сюжета. (Сентябрь 2000).

9.3.1. Скромная — не скромная просьба исключенного из партии Из

«Записей для памяти» (октябрь 1984) <...> Итак, практически все претензии к производственному и общественному лицу социолога-рабочего, которые оспаривались мною в несостоявшемся выступлении на партийном собрании цеха 20.09.84 (текст которого, хоть выступление и не состоялось, получил движение от партбюро цеха, через партком, до горкома КПСС и обратно), — **сняты**. <...> (Записано в конце октября 1984 г.)

* * *

А. Алексеев — Ленинградский горком КПСС (ноябрь 1984)

В партийную комиссию Ленинградского горкома КПСС от Алексеева А. Н., члена КПСС с 1961 г., исключенного из партии в апреле-мае 1984 г.

Заявление

Как партийной комиссией известно, 20 сентября с. г. партийное собрание цеха ¹ 3 Ленинградского завода полиграфических машин, без обсуждения, утвердило предложенный партийным бюро текст характеристики, содержащей сведения о моей производственной деятельности и участии в общественной жизни, не соответствующие действительности. После возвращения этой моей характеристики из горкома КПСС обратно в первичную организацию, партийный комитет завода 24 октября утвердил **другую** характеристику, большинство формулировок которой, по сравнению с утвержденной на партийном собрании 20 сентября, заменено на противоположные.

Тут же, на заседании парткома я обратился с просьбой поставить в известность об этих изменениях коммунистов цеха. Ведь если вышестоящая партийная инстанция поправляет нижестоящую, то последняя должна быть, по крайней мере, об этом осведомлена. Думаю, понятны и личные мотивы, побудившие меня к такой просьбе.

Однако в этой скромной просьбе мне было на парткоме отказано. Поэтому я обращаюсь в партийную комиссию Ленинградского горкома партии:

—Прошу на очередном партийном собрании цеха ¹ 3 «Ленполиграфмаша» довести до сведения коммунистов содержание моей партийной характеристики, утвержденной парткомом завода 24 октября 1984 г.

Вместе с тем, должен сказать, что в нынешнем тексте характеристики сохранилась одна фактическая ошибка — относительно случаев «использования рабочего времени в личных целях» (такое имеет место, когда работник пренебрегает своими производственными обязанностями, а не когда он оказывается на вынужденном простое, как это бывало со мною в 1980–1981 гг.).

Что касается содержащихся в характеристике политических обвинений, то свое несогласие с ними я уже выразил в апелляции и в других документах, имеющихся в моем партийном деле.

А. Алексеев, 10.11.84

Ремарка: поиск «оптимума».

Текст этого обращения сохранился в моем архиве в шести (!) существенно различающихся по объему, стилистике, да и содержанию, версиях, которые создавались последовательно — в поисках оптимального варианта. В Смольный ушел этот последний.

Что последовало за обращением в горком? См. ниже. (Сентябрь 2000).

9.3.2. Смольный — партком завода — цеховая партийная организация

Из «Записей для памяти» (декабрь 1984)¹⁰

«Крутят...»

<...> 5.12.84 (среда) я должен был после работы ехать в Смольный для заключительной беседы с сотрудником партийной комиссии ЛГК КПСС тов. Грачевой. Ввиду предстоящей беседы, именно в этот день я обратился к секретарю партбюро цеха А. Червякову с вопросом, который меня очень интересовал. <...>

Наш разговор с тов. Червяковым 5.12 происходил утром, между 9 и 10 час., и не у станка Червякова, а в конторе участка, где я случайно его встретил. (В конторе в тот момент больше никого не было.)

—Здравствуйте, Александр Павлович. Можно ли задать Вам вопрос?

—Пожалуйста, Андрей Николаевич!

—Скажите, пожалуйста, доведено ли до сведения коммунистов содержание моей новой характеристики, утвержденной парткомом?

—Нет, не доведено.

—А предполагается ли это сделать?

¹⁰Фрагменты озаглавлены мною сегодня

— Решение этого вопроса, А. Н., остается за партийным бюро.

— За полтора месяца вопрос не решен?

Тут тов. Червяков задумался и вдруг сказал следующее:

— Вообще-то, Ваша новая характеристика до сведения коммунистов доведена.

— Можно ли узнать, в какой форме она доведена до сведения?

— В устной форме, она зачитывалась.

— По-видимому, это происходило на последнем собрании 26 ноября, где я не смог присутствовать? [См. выше. — А. А.] .

— Да, на этом собрании.

— Характеристика зачитывалась полностью?

— Нет, мы не располагали текстом.

— Значит, все-таки не зачитывалась, а пересказывалась?

— Да, пересказывалась.

— Почему же Вы вначале сказали, что содержание моей характеристики до сведения коммунистов не доведено?

— Я считаю, что это незачем было делать, потому так вначале и сказал.

(Эту беседу здесь воспроизвожу почти дословно.)

Естественно, мне было небезынтересно узнать, что же услышали коммунисты на собрании, и я сразу вслед за этой беседой обратился к четырем членам партии со своего участка: И. С., И. В., Е. Л., А. С. <...> Все четверо — независимо друг от друга! — заверили меня, что **даже упоминания** обо мне на партийном собрании 26 ноября не было.

Каждому из собеседников я коротко пересказал содержание предшествующего разговора с секретарем партбюро цеха, заключив вопросом: выходит, Червяков солгал?

Двое, опять же независимо друг от друга, употребили в этой связи одно и то же слово: «**крутят...**». Третий довольно подробно рассказал, какие именно вопросы обсуждались на собрании. Но про мою характеристику ни слова не было сказано, это он ручается. <...>

Один из тех, с кем я разговаривал (партгруппорг, токарь Е. Л.), по-видимому, сообщил Червякову, **что** я о нем думаю. Тот теперь сам подошел к моему станку, будто бы для того, чтобы известить меня, что сегодня в Смольный ехать не надо, встреча с работником партийной комиссии горкома откладывается.

Ну, об этом меня уже успела предупредить, по внутривзаводскому телефону, зам. секретаря парткома Л. Герасимова...

Я поблагодарил А. Ч., сказал, что уже знаю. Короткий разговор (тоже практически дословно):

Червяков: — Мне трудно с Вами тягаться!

Я: — А Вы ведь меня дезинформировали (насчет характеристики и собрания).

Червяков: — Может быть...

Я: — Зачем же Вы это сделали?

Червяков: — Наверное, у меня доминировала антипатия к Вам, А. Н.

Я: — Ваши личные чувства, А. П., вероятно, не должны влиять на выполнение Ваших партийных обязанностей. А секретарю партбюро не пристало говорить неправду.

Червяков: — Вы, конечно, можете на меня жаловаться...

Я: — Уж и не знаю, как мне с Вами поступить, Александр Павлович.

Во время этой беседы я не прекращал работу (установка инструмента в револьверную головку станка). <...>

«Запутались...»

Перед концом дня 5.12 (около 16 час) я позвонил сотруднику партийной комиссии ЛГК КПСС А. Я. Грачевой и сказал, что до меня дошла информация о переносе нашей встречи. После чего попросил у нее разрешения «поговорить». «По телефону?» — спросила она. — «Да», — сказал я. И в 2 мин. изложил обстоятельства «доведения до сведения» коммунистов цеха содержания моей новой партийной характеристики.

—Получается, что Вам говорят одно, делают другое, а мне — **уж и не знают, что сказать**, — заметил я.

Грачева согласилась, что «это не дело» и что «мы этот вопрос решим»...

—Уж, пожалуйста, — сказал я. — По крайней мере **этот** вопрос — не составляет трудностей для решения. <...>

(Записано 6.12.84)

«Тянут...»

<...> В четверг, 13.12.84, я решил позвонить заместителю секретаря парткома завода Л. Герасимовой, чтобы информировать ее о ставшем мне известным из телефонного разговора с Грачевой переносе срока рассмотрения моей апелляции на партийной комиссии горкома КПСС (т. е. что это рассмотрение отложено как минимум на неделю) и заодно выразить недоумение по поводу того, что не она мне, а я ей (Герасимовой) об этом сообщаю. <...>

Когда я представился по телефону, то не успел сказать двух слов, как услышал раздраженную речь (почти крик):

—Я Вам говорила, что заседание партийной комиссии переносится!.. Вы нарочно услышали только то, что Вам выгодно было услышать!.. Я сделала единственную ошибку, что не взяла у Вас расписки!.. У меня есть свидетели, что я Вам это говорила!.. Вы еще стали перепроверять у тов. Грачевой!..

(Похоже, Грачева успела сделать телефонное внушение Л. Г. насчет нечеткости ее сообщения мне, еще неделю назад: одно дело — приглашение в Смольный для очередной беседы, а другое — официальное рассмотрение апелляции на партийной комиссии горкома.)

Единственная реплика, которую подал я:

—Кто-то из нас, Лариса Львовна, либо обманывает, либо ошибается.

—Я не ошибаюсь! — воскликнула Л. Г.

— Хорошо, я принял к сведению Вашу уверенность в этом. И второе недоразумение, о котором хотел бы Вам сообщить. Пару недель назад секретарь парткома Шекин заверил работника горкома, что моя новая характеристика будет доведена до сведения цеховой партийной организации. Неделю назад секретарь партбюро цеха Червяков заверил меня самого, что это уже сделано. И, как оказалось, солгал. Коммунисты цеха до сих пор не поставлены в известность. Думаю, парткому следует принять какие-то меры.

Тут тов. Герасимова проявила неосведомленность. И сказала, что узнает, проверит.

Где-то посередине разговора Л. Г. вдруг спохватилась: «Кстати, почему Вы звоните по городскому телефону? Вы что, не на работе?» — «Почему же, я на работе. — «?!» — «Просто я не знаю Вашего внутривзводного телефона. Поэтому звоню по телефону-автомату», — объяснил я.

(Телефон-автомат, иногда глотающий монетки, у нас установлен на лестничной площадке, у входа в цех.)

(Записано в декабре 1984 г.)

Ремарка: партийные страсти.

Перечитываю эти старые записи и думаю: сколько же «хлопот» доставил партийным функционерам исключенный из партии социолог-испытатель; но зато как же он и обогатил страстями «рутину» их служебных будней! (Сентябрь 2000).

«Прогнулись...»

<...> 14.12.84 (пятница) в обеденный перерыв состоялось **внеочередное закрытое** партийное собрание цеха, специально для ознакомления коммунистов с моей характеристикой, утвержденной парткомом завода еще 26.10. <...>

Собрание продолжалось не больше 10 мин. Впоследствии один из присутствовавших рассказал мне, что там было. Новая характеристика была зачитана полностью. Стало ясно, что вышестоящая инстанция «поправила» нижестоящую (которая «погорячилась»), и вот теперь — информирует об этом последнюю. Обсуждение было, естественно, исключено — просто «принять к сведению».

Был задан всего один вопрос (тем человеком, кто мне об этом рассказывал): «Почему не пригласили Алексеева?». Ответ секретаря партбюро цеха Червякова: «Партком не рекомендовал». (Понять можно двояко: не рекомендовал приглашать или же рекомендовал — не приглашать.)

Официально информировать меня, что характеристика, наконец, действительно доведена до сведения коммунистов, Червяков также не счел нужным (т.е. не получил указаний ставить меня в известность).

<...> Больше ни в этот, ни в последующие дни никто из коммунистов не дал мне понять, что вопрос, стоявший на партийном собрании 14.12, имел ко мне отношение. Видимо, полагали, что я и так знаю. <...>

(Записано в декабре 1984 г.)

Ремарка: партийные характеристики.

За 8,5 лет работы на «Ленполиграфмаше» в моем архиве скопилось до десятка разных характеристик, весьма противоречащих друг другу. И все — проходили процедуру утверждения на партийном собрании цеха и на парткоме!

Каждый раз вокруг этих характеристик возникали «бури страстей», и не столько вокруг формул политического обвинения (так или иначе воспроизводившихся из справки УКГБ ЛО), сколько по поводу оценки производственного и общественного лица «аттестуемого».

Особенно трудно было отказаться составителям характеристик от однажды принятой формулы: «использовал рабочее время в личных целях».

В конечном итоге, какие-то «сомнительные» места из характеристик изымались, потом вписывались новые...

То обстоятельство, что каждая очередная партийная инстанция при рассмотрении апелляции запрашивала новую, очередную характеристику, а всякая характеристика на члена КПСС (или исключенного из нее), согласно действовавшим партийным нормам, должна утверждаться на собрании, создавало ситуацию не прекращающегося — на протяжении 1984–1987 гг. — диалога между партийным «отщепенцем» и партийным «коллективом».

И такой диалог постепенно расшатывал «монолитность» последнего. (Сентябрь 1999 — октябрь 2000).

9.4. Наука, политика, нравственность (опыты «лирической политологии»)

Несколько вступительных слов

Выше, в разделе «Праздник дружбы, который всегда с тобой» (глава 8) приводились фрагменты писем Романа Ленчовского 1984 г. То были акты личностной поддержки — отклик друга на обстоятельства «дела» социолога-рабочего.

Само по себе это «дело», по свидетельству Р. Л., дало мощный импульс для его исследовательской работы в области «лирической политологии» (выражение Романа), а именно — в проблематике «партийно-политической этики», соотношения политики и нравственности и т. д.

Ниже — некоторые из работ Р. Ленчовского 1984–1985 гг. на эту тему.

Но сначала — фрагмент его письма от декабря 1983 г., задающего «тон» всему последующему. (Сентябрь 2000).

9.4.1. «А может, Ты мог бы дать мне заказ...»

Р. Ленчовский — А. Алексеву (декабрь 1983)

*<...> Сегодня для нас первая проблема: как мы могли бы присоединиться — **соучаствовать в твоей жизни?** Мало того, что в своей профессиональной деятельности, по крайней мере я с Валерием [В. Е. Хмелько. — А. А.] , идем плечом к плечу с Тобой, но **что** мы могли бы сделать **для Тебя** — чем Тебе помочь?*

Например, если брать сотрудничество только теоретическое, мог бы Ты сейчас вникать (и по времени, и по распределению интересов) в мои соображения по таким вопросам:

1) **морально-политическая** подготовка трудящихся к **управлению** (содержательно во многом с опорой на твой эксперимент);

2) **социальное творчество** личности (в некотором отличии от темы инновации, по своему категориально-философскому наполнению, хотя «инновациями», а больше всего такой, как твой «метод», абсолютно конгениальный моему мироощущению, я в этой теме и вдохновляюсь.

<...> Эта тема — резюме «мироотношенческой» проблематики, но сейчас погружать Тебя в лабиринты ее разработки, пока еще слишком спекулятивной, я не рискнул бы);

3) анализ проблемы **превращенных форм**, в смысле Маркса <...>;

4) **культура / творчество / деятельность / отчуждение / свобода / диалогичность-монологичность**. <...>

Как, в какой форме, когда все это было бы для Тебя сподручно?

А может быть *[внимание! — А. А.]* Ты мог бы дать мне «заказ» на не названную здесь тему, чтобы я мог покопаться в своих философских познаниях или быть для Тебя «путеводителем» в знакомой мне литературе (почти все, что писалось у нас о личности в философии Маркса, особенно в ранних произведениях и рукописях к «Капиталу»; о философских проблемах человека, деятельности, культуры, творчества, социального познания; к сожалению, к новой этической литературе я только приступаю, а старая — до 70-х гг. — мало чего стоит).

Все, что Ты **открываешь** в самом точном смысле этого слова, на избранном тобой пути, вырастает в проблемы не только, так сказать, практически-организационные, — это, как Ты понимаешь, проблемы **личностного творения жизни**, и возможности их рефлексии на всех уровнях — от эмоционального до глубоко философского, сопряженные с нашим жизненным соучастием, — это некоторый духовный горизонт, движение к которому означает для меня дарение друг другу нашей подлинной свободы.

Мне трудно не продолжать «течение» мысли в уже заданной тональности, но для нашей сегодняшней встречи <...>, наверное, уже достаточно мною сказано, чтобы Ты мог увидеть меня рядом с собой — так же, как я вижу Тебя. <...>

Твой Роман, декабрь 1983

* * *

Современный комментарий Р. Ленчовского к своему письму от декабря 1983 г.)

Философское «прикрытие» и «обеспечение»

Что текст этот — «манифестный», видно и сегодня. Как и другие, отправлявшиеся открытой почтой, он, по существу, многоадресен. Среди реальных и воображаемых адресатов: и непосредственно Друг; и его ан-

типоды, собственно и создавшие экстремальную для него ситуацию (возможно, они прочтут это письмо еще раньше его); и «мы», т. е. определенный круг друзей непосредственного адресата (здесь — прежде всего киевских); и я сам, в **самонастройке** «на Волну А. »... Все же главной является здесь ориентация на «своих».

Речь шла о необходимости совместной мобилизации всех наших «ресурсов», прежде всего профессиональных, но не в последнюю очередь — силы духа.

Ну, конечно же, и азарт появляется, да и «на войне как на войне».

...Был тогда в ходу в партийных и обществоведческих цехах такой термин: «идейно-теоретическое **обеспечение**» (в «Толковом словаре языка Совдепии» тут, к сожалению, пропуск, в новом издании надо бы дополнить!). Любая общественная акция, от апрельско-ленинского субботника до «освоения целинных и залежных земель» имела целую серию «обеспечений» — как «естественных» (материальных, кадровых и т. п.), так и «противоестественных» (пропагандистских).

Так вот, я считал, что по нашу сторону «линии фронта» именно мне выпадает взять на себя «мировоззренческо-методологическое обеспечение», или, на языке «боевых действий» — **прикрытие**.

Увидеть, какие это все вызывало «интеллектуальные эмоции», я думаю, еще и сегодня возможно — даже для читателя, не очень осведомленного в деталях истории советского обществоведения тех лет.

Р. Л., 30.10.2000

9.4.2. О партийно-политической этике как научном направлении (методологические проблемы)

[Нижеследующий документ (1984) — служебная записка, обоснование перспективной научной темы Р. Ленчовского в Институте истории партии при ЦК КП Украины, где он тогда работал. Текст предназначался к печати, но опубликован не был.

Присланный мне экземпляр имел надпись на заглавном листе: «Питер-ленинградскому другу, Андрею Алексею посвящается. Роман».

Здесь публикуется в сокращении. — А. А.]

<...> Социальные преобразования, каким бы ни был их масштаб — от коммунистического строительства до внедрения новой служебной инструкции, становятся возможными благодаря особым качествам субъекта деятельности, которые в целом характеризуются как креационные (творческие).

(Термин «творчество» чаще употребляется в позитивно окрашенном контексте. За «креацией» поэтому целесообразно закрепить нравственно-нейтральный контекст, поскольку она становится здесь предметом нравственной оценки.)

Креационный социально-исторический процесс испытывает влияние моральной атмосферы, актуальных нравственных отношений, нравствен-

ных качеств «действующих лиц и исполнителей», коль скоро он предполагает мобилизацию всех регулятивных механизмов личности, общественных групп, общества, а нравственная регуляция поведения людей, групп во многих исторических ситуациях — например, революционных — оказывается наиболее, если не единственно, действенной. (Безотносительно к ее знаку, т. е. включая и аморальную, так сказать, революционность: нечаевщина, «бесы» в революции, анархическая стихия и т. д.)

Те нравственные силы, которые действуют в социально-политической жизни, можно назвать **политической нравственностью**. Она мотивирует вовлеченность личности в коллективное действие и изнутри связывает человека с общественно-политическим движением, обеспечивая этому движению такую энергию, какую никакими формами взаимосвязи людей не разжечь.

Нравственный потенциал, качества личности, находящие выражение в направленности ее отношений и действий, не являются данностью, независимым фактором общественной жизни и истории. Самый ход событий воздействует на процесс личностного формирования субъектов деятельности, что затем бумерангом возвращается в историю. Ритмы политической истории явно несут на себе печать нравственной атмосферы, в которой совершаются все события, складывающиеся в исторический процесс. равно как и эта атмосфера, будучи для истории условием, средством, а для людей — самооценностью, прямо определяется политическим климатом.

Политика оказывается настолько связанной с этикой, моралью, нравственностью, политическая история с историей политической нравственности, что трудно что-либо понять и в истории, и в людях, не осознавая тончайших механизмов их сопряжения в целостной общественной жизни.

Категории **политической этики** всем известны — это и ответственность, и «героический энтузиазм», и справедливость, т. е. вообще все те понятия, которые используются для морального суждения о социальных явлениях, деятельности, поступках людей и групп, их нравственной оценки, так сказать, идеологический антураж событий, привлекающий и вовлекающий или, наоборот, отталкивающий. Однако интенсивное использование всех этих понятий в духовной жизни общества, в идеологическом процессе вовсе не означает, что известны и познаны законы нравственно-политической регуляции индивидуального и массового поведения.

Сращенность с жизнью, защитно-стабилизирующие механизмы общественной психологии, господство стереотипов, предрассудков, иллюзий в массовом сознании — все это превращает само собой очевидные реальности нравственной жизни общества в такие непростые научные проблемы, что условием верного хода их просветления является уже та дистанция, которая будет отделять добытые результаты от обыденных представлений.

Политическое значение теоретической разработки нравственно-политической проблематики — в тех возможностях, которые открываются при

этом для существенного повышения уровня идеологической работы партии, идейно-политической мобилизации общества на историческое творчество, вдохновленное коммунистическими идеалами.

Не менее важным представляется и **общенаучное значение** политико-этических исследований. В их результате может быть получен такой аппарат, который позволит выявить, учесть нравственную составляющую общественных явлений любого типа — от революционного героизма до бытового экономического поведения (коль скоро оно осуществляется в реальной политической обстановке и обслуживается специфическими социальными установками и мировоззрением).

* * *

<...> Проектирование механизмов формирования определенного нравственного качества, нравственно-политического «облика» всех дел общества, коллективов, организаций <...>, станет в недалеком будущем одной из важнейших научно-политических задач в партийной работе. Вопросы справедливости, порядочности, совести и долга, партийной «этики» (а точнее — нравственности), добра и зла будут не только само собой разумеаться, но и открыто предъявляться всем лицам и делам. <...>

Можно сказать, что если социальные программы революционерам — этим «инженерам истории» — далеко не всегда суждено было реализовать, то нравственный потенциал, заложенный в этих программах, как и вообще в любых исторических начинаниях, актуально воплощен в нравственных нормах, в поле которых действуют исторические лица, в разной степени идентифицируясь с ними. Это позволяет оценивать в общеисторическом контексте меру реальной прогрессивности проектов, планов и т. д. уже в самом начале их исторической судьбы.

Кодекс чести подлинного революционера-коммуниста вбирал в себя наивысшие достижения общечеловеческой нравственной культуры во всей ее проблемной неоднозначности и открытости для развития последующими поколениями. Используя, если можно так выразиться, наследие прошлых лет, необходимо ясно представлять, каким станет **вклад нынешнего поколения коммунистов** в нравственную традицию партии, общества.

Воплощение нравственных идеалов, определенных норм в политическом действии, сознании, культуре, равно как и исторически адекватный политический выбор, совершаемый нравственным сознанием лиц и масс, — процессы непростые, противодействующие **деморализации** и **де-политизации**, которые инспирируются известными анти- и псевдодемократическими типами политики.

Нервом этих процессов является диалектика адекватных и превращенных форм. Методология их анализа была выработана Марксом для критики «поставленных с ног на голову» социальных отношений буржуазного общества, для исследования политико-экономических представлений как непосредственных агентов производства, так и теоретиков-идеологов, не порвавших с предрассудками своих классов.

<...> **Политическая** перспектива, открытая благодаря совершенной Марксом **революции в науке**, была изначально сопряжена с перспективой **нравственной**. Обеспечение единства этих трех взаимообусловленных моментов целостного мировоззрения и жизненной позиции — коммунистической нравственности, классово-пролетарской политики и не знающего границ познания — задача актуальная для каждого **нового** поколения, принимающего на себя всю полноту **исторической ответственности**, задача, решение которой невозможно «отложить» до, так сказать, лучших времен, невозможно, без ущерба для «репутации» поколения, «переложить» на другие плечи.

Итак, коммунистическая мораль, партийно-политическая нравственность, нравственный климат советского общества в своем единстве образуют систему, которая должна стать предметом научного анализа и в историческом генезисе, и в структурно-функциональном взаимодействии с иными аспектами реальности, во влиянии на исторический процесс. Интегральным является то качество этой системы, которое позволяет ей быть значимым содержанием внутреннего мира личности **нового типа**, родственного социально-творческому складу людей **всех эпох**.

* * *

<...> Составной частью политической этики является этика партийная (партийно-политическая). <...> Партия как политический институт, ядро политической системы советского общества, выполняет ответственнейшую историческую миссию в сфере нравственности: она создает такие идеологические и социально-политические механизмы, которые должны были бы способствовать коммунистически ориентированному развитию нравственности общества и его членов.

Одним из важнейших путей решения этой задачи является утверждение коммунистической морали во внутрипартийной жизни, наполнение адекватным нравственным содержанием политических форм, средств, с помощью которых решается весь комплекс встающих перед партией проблем, а значит — политики нашего общества в целом. <...>

Р. Ленчовский, ноябрь-декабрь 1984

Ремарка: «...превращенная форма...»

В цитированной выше программной для себя работе мой друг предпринял попытку построения идеальной теоретической модели.

Ясно, что между этой моделью и партийной практикой лежала пропасть. Эта пропасть (хорошо выветившаяся, в частности, в «деле» социолога-рабочего) стимулировала его поиск.

По-видимому, наука, политика и нравственность действительно составляют системную триаду (в смысле Р. Баранцева). Однако их синтез есть дело весьма отдаленной перспективы.

К реализации этой перспективы КПСС, разумеется, не имела никакого отношения и сама по себе являлась заведомо «превращенной» формой, в Марксовом смысле. (Сентябрь 2000).

9.4.3. Нравственно-политическая жизнь: опыт определения понятия в контексте воспитательного процесса

[Эта работа Р. Ленчовского конца 1984 г. была опубликована позднее, в сборнике: Воспитание воспитателей. Материалы конференции. Тюмень, 1988. Здесь печатается по рукописи, в сокращении. — А. А.]

Идея — не заученная истина, которую человек при случае может произнести. Идея — это боль сердца за правду, истину, красоту.

В. Сухомлинский.

<...> По мысли Л. Н. Толстого, воспитание — это жизнь воспитателя как личности «на виду», «в открытую», благодаря чему и может возгореться еще одна, пусть сначала «маленькая», жизнь. Идея **жизненной общности** воспитателей и воспитанников стала одним из ведущих мотивов прогрессивной педагогики, она ориентирует на проблематику глубинную, сущностную, решение которой не дается в рамках поверхностного научения, нетворческого тиражирования заданных некогда образцов в законсервированной обстановке, сразу же приходящей в противоречие с динамичнейшей жизненной средой.

Чуть ли не главной проблемой педагогики «слияния с жизнью» является проблема **выбора**, причем в данном аспекте анализа — выбора не экстенсивного, не объема того жизненного материала, который следовало бы преподавать, а выбора идейного, нравственного: всю ли жизнь показывать — во всей ее противоречивости, с теневыми сторонами, зигзагами, «прогрессом» ценой регресса и т. д., или **только** «светлую» ее часть, реальность воплощенного идеала?

При школярском подходе, однако, этот выбор как раз и не может быть проблемой, напротив, его проблематизация представляется «непедагогичной»: реальная жизнь как бы заранее просеивается на «педагогическом сите» и в поле зрения воспитанника допускается лишь заорганизованная, показная жизнь.

Возникает двойной стандарт: (1) для **педагога** (взрослых, если речь идет о воспитании детей, вообще — «тех кто воспитывает», «кто может понять») и (2) для его, так сказать, **послушника** (поскольку послушание при таком воспитании оказывается первейшей добродетелью воспитанника). Жизнь допускается лишь в виде школьного муляжа, а добываемые потом и кровью добро, истина, красота обращаются в прописи. И аморальность такой «бухгалтерии» циничный «наставник молодежи» будет оправдывать — «политикой»!

Политика, большая политика, пронизывающая всю писаную историю, сворачивается в шпаргалку-подсказку, обесмысливающую всякий нравственный выбор, лишаящую новое поколение **энергии выбора**.

Что в метаморфозах освящаемого «принципами дидактики» упрощенчества (может быть и полезного в узком диапазоне специализированно-предметного обучения, но только не в воспитании!) и политика, и нравственность в их сущности, со всеми их сложностями, противоречиями, —

аннигилируют, — до этого «педагогике на один день» нет дела. Но сколько-нибудь ответственный подход к делу заставляет сосредоточить внимание на **«педагогическом редукционизме»**, на той мере подлинного педагогического такта, деликатнейшей дистанции между воспитателями и воспитуемыми, за нарушение которой приходится платить, — если быть вполне откровенными — и деморализацией, и деполитизацией (помимо всего прочего).

Методологически связанная с редукционизмом проблема двухступенчатости воспитательного процесса, выделение в нем помимо собственно **воспитания воспитуемых** еще и **воспитания воспитателей**, может адекватно интерпретироваться лишь в контексте реальных жизненных выборов. Дает ли особая суверенность воспитателей в процессе воспитания полномочия на «отбор» жизненных проблем или же (и?) их миссия — в самой высокой, личностной концентрации мира жизненных проблем (с «отбором»?) перед лицом тех, кто в этот мир вступает, — решить не вообще, а во всей многосторонней и многоступенчатой конкретике, не так-то легко.

Необходимой предпосылкой здесь должен стать анализ политических и нравственных выборов, регулятивных инстанций, апелляция к одной из которых в конкретных исторических условиях (и непосредственно в педагогическом процессе) часто приходит в противоречие с апелляцией к другой.

<...> Методологический узел на определении нравственно-политической жизни и построении схемы ее исследования завязывается тем реальным обстоятельством, что нравственность и политика — относительно автономные по своему генезису и способу функционирования сферы жизни. <...> Указанная автономия и приводит к неразрешимости коллизий, возникающих между нравственностью и политикой (целями и средствами, мотивами и действиями и т. д.) в слишком узких исторических границах.

Узел в определении нравственно-политической жизни развязывается именно по мере раздвижения **исторического интервала** настолько, что может быть зафиксировано единство нравственности и политики в форме **взаимоопределяющего** развития политических и нравственных детерминант.

<...> Политика как реальный механизм восхождения от социально противоречивого — до несовместности — разнообразия непосредственных интересов, разделяющего людей и общества, к целостному диалектически развивающемуся обществу, содружеству обществ, и всесторонне развитым, объединенными подлинными формами общения людям — может рассматриваться как **зависимый от наличного положения вещей путь реализации нравственного идеала**, возникающего и развивающегося на этом пути и включающего, не в последнюю очередь, освобождение от негативной зависимости от прошлого, от внешних условий существования.

<...> Нервом воспитательного процесса оказывается диалектика адекватных и превращенных форм. Каким будет здесь выбор воспитателя — зависит прежде всего от нравственной целостности, искренности его партийной позиции.

Р. Ленчовский. 29.11.84

* * *

Современное замечание Р. Ленчовского по поводу работы 1984 г.

К вопросу об «искренности партийной позиции»

Последняя фраза этого эссе и тогда выглядела, и сегодня предстает проблематичной.

Мы жарко спорили по поводу **допустимой меры нашей искренности в публичной жизни**. Что в этом сюжете и была «зарыта собака» — в некоторой, но далеко не в полной мере было понятно. Быть вполне искренним порой трудно даже с самим собой. Мы, я думаю, были искренними **в той степени, в какой доверяли своему собеседнику**. Бытовавший некогда императив для членов ВКП(б) — КПСС «быть искренним перед партией» — после XX съезда утратил какое бы то ни было моральное значение.

Проблема **искренности политической позиции** и в ретроспективе антиобщественных режимов, и в перспективе режимов как бы вполне демократических, — думается, все еще остается открытой.

Р. Л., ноябрь 2000

9.4.4. О стихийности и сознательности

[Ниже — еще один текст Р. Ленчовского, рукопись начала 1985 г. — А. А.]

<...> Когда «сознательность» понимается как «точное знание социальной действительности» и ассоциируется с «передовой наукой», а «стихийность» — лишь как «упорное сопротивление» со стороны «невежества», «обмана», «предрассудков», «сознательно-планомерному» «введению» прогресса, то при этом игнорируются важнейшие моменты той реальности, которая отражается в понятиях **сознательности и стихийности**.

Сознательность отнюдь не беспредельна!

«Гносеологический оптимизм» — важнейший импульс в исторической деятельности, которая, однако, всякий раз демонстрировала существенную относительность, условность «точных знаний»; забвение всегда актуальных границ истинности теоретических программ закономерно приводило в истории познания к утопизму, самообману или идеологическим фикциям.

Сознательность — не только благо!

Рациональность — основополагающая черта сознательности при своем последовательном проведении, отклоняющем, как уже сказано, всякую условность, — прямо или косвенно **подавляет** все «не рациональные» картины мира, исходящие из ценностных способов освоения мира, как более или менее закономерные заблуждения. При этом оставляется в тени, что в любом из рациональных построений закрепляется и некоторое ценностное видение мира, не изъятое из всего спектра ценностных отношений. Оно-то и объявляется — «на основе науки» — единственно истинным. Это приводит к деформации целостного образа жизни [мира? — А. А.],

насильственному доминированию только одного из моментов реальности, его противопоставлению всем иным моментам (будущего — настоящему, например).

То, что рациональность (сознательность) сама по себе не содержит в себе гарантий своей подлинности, история демонстрирует на каждом шагу (фашизм, спекулирующий на «науке», вполне «рациональные» концепции рабства и т. д.). Лишь непонимание того, что общественный идеал — целостен и выражает все способы восприятия мира и утверждения в мире (непрерывно включая нравственность, художественность, а также все аспекты эмоционального переживания истины), должным образом может ограничить «логическую беспристрастность» **внутри** идеала.

Сознательность включает в себя стихийность...

...если не мистифицировать реальную жизнь сознательности — вполне реальную борьбу (диалог, полемику) концепций, мнений (и их авторов). Не случайно, что противопоставляя сознательность — стихийности, имеют в виду только один-единственный тип (вариант, модель) знания, соответствующим образом выстраивая в две шеренги все другие варианты: одни из них образуют жесткий иерархический ряд — «по ступеням сознательности», другим — вообще отказывается в звании «сознательности», как «антиистинам».

Признание многовариантности истины вносит в саму систему элементы **случайности**, а для той односторонне-детерминистской логики, которую исповедует «сознательность», эта акция была бы самоубийственной.

Стихийность — не только зло!

Являясь синонимом естественно-исторической регуляции, стихийность самым непосредственным образом «участвует» в генезисе и утверждении добра, подлинных ценностей человеческой жизни. Стихийность в этом отношении — одно из проявлений **свободы**, она представляет реальное многообразие жизни в любых жестко организованных системах, точнее — противостоит им как сама реальность.

Это не значит, что стихийность не несет в себе также и тенденций, противоположных добру, она лишь арена этой борьбы добра со злом, и всякие попытки **«изгнать»** ее (стихийность) в «идеально» регламентированном устройстве жизни — значит практически и идеологически закреплять лишь один из моментов этой реальности, **мистифицируя** его в качестве всеобщности, что является уже безусловным злом.

* * * <...> Для поиска путей

построения теории современного общества нет ничего более губительного, чем представление о том, что познавательная цель «в принципе» **уже** достигнута. Напротив, лучшее, что мы имеем, — реальное, живое **движение познания**, относительное в каждый данный момент и абсолютное в реально создаваемой интеллектуальной культуре общества.

Р. Ленчовский, март 1985

Ремарка: *случайное — неслучайное.*

Оговорю своего рода прихотливость (случайность?) моего отбора текстов Р. Ленчовского, в частности, для данного раздела. Они — из тех, которыми я располагал на момент написания этой книги.

Вполне допускаю, что Роман, если бы сам составлял свое «избранное», отобрал бы что-то другое... Но это была бы уже другая книга!

*И в своем отборе из наличного, у меня, пожалуй, есть право на такую «прихотливость», имея в виду: а) значимость этих текстов для меня — **тогда**; б) их релевантность содержанию данной книги — **теперь**. (Август-декабрь 2000).*

9.4.5. Неудавшаяся попытка «воспитания воспитателей»

От автора — сегодня

*В контексте описываемого «дела» социолога-рабочего теоретизирование моего друга может показаться чрезмерно абстрактным. Но именно оно сыграло для субъекта «драматической социологии» немаловажную роль **идейного подспорья** («философского прикрытия», по выражению Р. Л.) в нравственной самообороне от политических обвинений.*

Особую ценность для меня тогда представляли разработки, посвященные «диалектике адекватных и превращенных форм» (о чем специально речь еще впереди).

Интересно, что о том же, в сущности, писал Роман и в своих письмах, приводившихся выше (раздел «Праздник дружбы, который всегда с тобой»). Но адресаты у этих текстов — разные. Примерно, как у социолога-рабочего, писавшего «об одном и том же» — в своих «Письмах Любимым женищинам» и, скажем, в «Предложениях в Госкомтруд»...

*У теоретической работы Р. Ленчовского вскоре обнаружился и **прикладной аспект**. Запрос ситуации (партийно-политическое «дело» А.) — побудил Романа проанализировать нормы **прав членов партии**, как они формулировались в уставах РСДРП — КПСС на протяжении всей ее истории. В качестве «научных рекомендаций» (самый распространенный, наверное, обществоведческий жанр тех лет) Р. Л. обосновывал внесение существенного изменения в параграф 3 Устава КПСС. Он предложил снять ограничение для права коммуниста «свободно обсуждать» и «открыто высказывать и отстаивать свое мнение» — лишь периодом «до принятия организацией решения».¹¹*

*Эта формула («до принятия... решения»), утверждал Роман, не соответствует духу коммунистической партийности и традиции. Точнее, **одной из двух традиций**, в какой-то степени конкурирующих в оформлении организационных принципов в партийных уставах — от РСДРП до КПСС.*

*А вот от другой традиции, согласно которой Устав ограничивает свободу коммуниста «свое суждение иметь» по уже **принятому** решению (ситуация*

¹¹«Член партии имеет право: ... б) свободно обсуждать на партийных собраниях, конференциях, съездах, на заседаниях партийных комитетов и в партийной печати вопросы политики и практической деятельности партии, вносить предложения, открыто высказывать и отстаивать свое мнение до принятия организацией решения» Так это формулировалось в действовавшем тогда Уставе КПСС (принят на XXII съезде КПСС, 1961)

в высшей степени актуальная для многих членов партии, в особенности тех, чья партийность — под вопросом), традиции, как обнаружил Р. Л., вовсе не всегда «легитимной» — с позиции буквы Устава, — пора отказаться.

Все это обосновывалось как в служебной записке, которую автор передал «по инстанциям», так и в большой статье на 30 страниц, с синхронистической таблицей, «деревом» партийных норм, документальными приложениями.¹²

«Записка» и статья были приурочены к XXVII съезду КПСС (1986), на котором предстояло принимать новый Устав. Они обсуждались на разных уровнях (Киев, Москва) — и до, и после съезда. Отношение высказывалось порой вполне положительное. (Статья Р. Л. была даже принята к печати в двух партийных журналах, но так и осталась в редакционных портфелях или, скорее, «корзинах».)

Чем эта попытка «воспитания воспитателей» тогда закончилась?

В Уставе КПСС, понятное дело, ничего в желаемом направлении не изменилось. О степени «идейного» воздействия (просвещения-давления) этой научной рекомендации на «них» судить трудно. Ну, а в кругу читателей-друзей и единомышленников интерес к такого рода темам, обостренный в ту пору, был, пожалуй, удовлетворен.

А. А., сентябрь-ноябрь 2000

9.5. На что мы надеялись, или о нравственном смысле анализа превращенных форм. Интермедия

[Ниже — современный комментарий Романа Ленчовского к своим текстам середины 80-х, впрочем, выходящий за рамки только комментария, как такового. — А. А.]

Р. Ленчовский — специально для этой книги (ноябрь 2000)

Когда память обращает нас к тем или иным нашим действиям в социальном и политическом пространстве века, во многих отношениях уже минувшего, тем паче — действиям во «фронтных условиях», и они предстают в серии документов, значительная часть которых была «подцензурной» (т. е. их адресатом были или могли быть как **мы**, так и **они** — в заранее предусмотренной или предполагаемой очередности; порой даже **они** могли упреждать...), возникает естественный вопрос: **на что же мы надеялись?**

Вопрос этот задаешь сам себе, его чувствуешь, представляя себе читателя-интерпретатора. Его адресуешь и друзьям тех лет; ведь наше понимание прошлого и самих себя в прошлом не константно и близость давняя и недавняя отнюдь не гарантирует таковую в то время, когда, так сказать, «ноги» и «головы» в нашем видении мира не один раз «поменялись местами»...

¹² Предложение Р. Л., в итоге всех исторических разысканий и теоретического анализа, предусматривало замену категорической формулы «...до принятия организацией решения» — более широкой: «...руководствуясь принципом упрочения и развития идейного, политического и организационного единства партии». То есть давало известную свободу отстаиванию «особого мнения» и не выглядело «подкопом» под принцип демократического централизма

Что бы мы ни манифестировали, что бы ни старались тогда скрыть (в условиях «боевых действий»), вопрос — что имеется, имелось в виду, какой смысл нами **усматривался**, а какой был с нашей стороны наверняка и **недосмотрен**, — остается. И представляется, что такой разговор здесь уместен.

* * *

Первое, что видно не вооруженным глазом — то была попытка поговорить о веревке в доме повешенного. С соответствующим нравственным привкусом, совсем не чувствовать который и тогда было невозможно...

А ведь в нашем духовном активе уже были и «Архипелаг ГУЛАГ», и «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». (Только что переспросил А. Н., когда он читал впервые эти вещи экс-зэка А. И. Солженицына и экс-Героя Социалистического Труда А. Д. Сахарова? Оказалось, тогда же, когда и я, даже несколько раньше — в середине 70-х).

В чем же дело? На что мы рассчитывали?

Дело, как представляется, в том (если взять на себя смелость формулировок, вкратце резюмирующих большие временные интервалы и значительное разнообразие жизненных позиций), что на наше общество и свое место в нем, на наши судьбы, мы смотрели с некоторой **теоретической «высоты»**: она, как я считал, была «завоевана» Карлом Марксом в борьбе против идеологического прикрытия классового эгоизма, корысти и подлости, в критике социального дальтонизма классической науки и мнимоченых пошлостей ее вульгаризаторов, в развенчании иллюзий теоретического и обыденного сознания, порождаемых **объективным положением дел в этом «извращенном, с ног на голову поставленном мире»** (die verkehrte Welt).

Движение Марксовой мысли от феноменологии отчуждения и самоотчуждения (вырастающих из диалектических превращений, по Гегелю, **господина и раба**) до «деконструирующего» (по позднейшей терминологии) анализа того, что называлось **превращенными формами** (die verwandelte Formen), — было главным для меня и моего друга в марксистской методологии. И в высшей степени актуальным.

Эта методология позволяла **дистанцироваться** от того, что мы не принимали в системе, от адептов и апологетов превращенных и извращенных форм. Но сама эта дистанция была для нас не пустым пространством, а сферой особого рода практики, социального взаимодействия: друг с другом — в одном плане, с «ними» — в другом (об этом втором плане речь впереди).

Как вмонтировать анализ социальных превращенностей в нашу профессиональную деятельность обществоведов, без которого, повторяю, мы не мыслили социально-антропологических исследований в целом (а без этой деятельности — себя самих)? Ведь это **для нас** теоретико-критическая направленность Марксовой мысли была той составляющей марксистского наследия, которую мы считали **своей**, — в полном соответствии с ролью, какую

мы усматривали в целом в прогрессивной свободу-утверждающей социальной рефлексии (тот же Гегель: «история есть прогресс в сознании свободы»).

Естественно, мы знали и о других претензиях на Марксово «наследство» (и отнюдь не заблуждались в отношении могущества государственной монополии на «всесильное учение о диктатуре пролетариата»). Успехи социал-демократической политики в Западной Европе, достижения «критической теории» франкфуртцев (Хабермас, Адорно, Маркузе) и вообще резонанс, который имела Марксова мысль у западных интеллектуалов (включая даже Хайдеггера и не говоря уж о тех, кто, как Сартр, прямо об этом заявляли), — все это волновало и вдохновляло, но было далеко и, очевидно, недоступно для каких-то прямых интеракций.

На что же мы надеялись? Да еще после того, как «мороз ударил из Кремля» в 1968 г. (выражение одного из идеологов «Пражской весны»). Однако что-то же надо было делать — здесь и теперь, пусть ты и переживал «черный август» шестьдесят восьмого как личную драму...

...В 1970 г., в Москве, вышел из печати 5-й том «Философской энциклопедии», — и это был скандал в коммунистическом семействе! Доносы посыпались даже из Парижа, от ЦК Французской компартии, о чем мы, конечно, не могли подозревать. Сор из избы идеологические власти почему-то постеснялись выносить (т. е. том этот из продажи и из библиотек не изъяли), и всех, кто уже успел взять «на вооружение» такие категории из Марксова словаря, как **отчуждение**, **опредмечивание** и **распредмечивание** (какими бы оговорками это по необходимости ни обставлялось), ожидало подкрепление — и снова из резерва самого главноточительствующего классика!

Концептуализация **превращенной формы**, извлеченная и развернутая Мерабом Константиновичем Мамардашвили из «арсеналов» «Капитала», стала, пожалуй, «самым страшным снарядом» в «голову» советской идеологии (памятна ли еще подобная воинственная риторика?). **Дезавуирующий эффект** Марксово-Мамардашвилевского анализа фантомов общественного сознания даже не с чем было в то время сравнить (см., например, **юбилейную** статью М. К. Мамардашвили в «Вопросах философии» 1968 г. (!): «Анализ сознания в работах Маркса»).

Объективные видимости и видимые зависимости, квазисубстанциональные мнимости и мистифицирующие подстановки — весь инструментарий анализа превращенных форм использовался нами, прежде всего, для разрыва изнутри «кокона», в котором мы были закупорены.

Мы убедились, что здание советского режима построено, в конечном счете, на превращенных формах, спецификой которых «является не столько действительно (а не в сознании наблюдателя) существующее извращение, сколько ее (*превращенной формы*). — Р. Л.) особая, объективно-«сущностная» роль, на этом извращении основанная и делающая ее индивидуально-цельным элементом самой же системы» (Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970, с. 387).

Один из лучших примеров, как это все работало в социологии, — серия работ вильнюсского друга А. Н. — Сергея Рапопорта в «Трудах Академии наук Литовской ССР» (1977–1981), с которыми я, как и самим автором, познакомился в середине 80-х.¹³

Получалось, что превращенные и извращенные формы, на которые мы систематически натывались, — это еще не вся наша действительность, что в любой системе есть бреши, открывающие перспективу ее преобразований — на основе адекватного понимания ее морфологии, в основе которого — концепция превращенных форм; что, таким образом, и для нас есть дело (и даже так выходит, что без нас, т. е. без «социальной критики», или интеллектуальной, как сейчас сказали бы, раскрутки — не обойтись). А главное — **эту систему**, говоря в целом, **можно реформировать**. Но только при условии, что, находясь **внутри** системы, ты найдешь искомую **дистанцию**, которая позволит быть одновременно и адекватным, и социально-эффективным.

Казалось: беспросветной, марионеточной, превращенной квазидеятельности «лагерника» из социалистического лагеря открывается, наконец, **нравственно оправданная альтернатива!**

Я догадывался, как трудно будет совместить обновленную философско-социологическую лексику, с одной стороны, и официально запатентованные идеологемы, с другой, пусть все это и было номинально «из одной оперы». Но все же внутренняя свобода, которая подпитывалась из очищенных мировоззренческих и методологических источников, — проецировалась на некоторую часть действительности. Ее границы, однако, просматривались смутно, более того, без соответствующих **действий** — вообще не могли быть установлены.

А тут и ситуация наша представала таким образом, что я, например, не видел для себя иного пути, как объявить по начальству: Марксова парадигма (слово, уже запущенное к тому времени в словесный обиход обществоведов) безусловно включает в себя такие **нравственные** и **интеллектуальные** горизонты, за пределы которых действия моего питер-ленинградского друга не только что не выходят, а, напротив, побуждают к совершенствованию «демократических механизмов развития» и в советском обществе, и в партии. Иначе, мол, одна перспектива — летальная, которую и просветляет Марксова концепция превращенных форм...

Начальство — люди очень разные. Были и такие, кому **можно** было рассказать (пусть не во всех подробностях!) об «опыте А. Н.». А если отваживаться поддерживать опального друга через механизмы **этой** системы, если **испытывать** эту систему изнутри на меру прочности, меру извращенной тотальности, то моделирование идеала и предъявление этой модели выглядели как вполне рациональные действия.

Как тут не вспомнить гегелевскую конструкцию «хитрости разума»!
Разум столь же могуществен, сколь и хитер: между собой и предметом он

¹³ См ранее, в главе 2: раздел «Чем дальше, тем страшнее...»

помещает систему средств, которая обеспечивает разуму овладение предметом с целями, которых предмет сам по себе лишен. Такова мысль Гегеля.

Еще один шаг, и вполне объяснимой (если и не очевидно приемлемой) становится еще более знаменитая идея: «Все действительное разумно, все разумное — действительно». (Увы, расхожие суждения о философии Гегеля на этой формуле часто спотыкались, хотя она — в системе философских понятий — выглядит вовсе не так одиозно, как на «естественном» языке, о чем можно было прочитать еще у Белинского и Герцена, если не у Энгельса.)

Тема диалектического «опосредствования», конечно, не исчерпывала проблематику «разумного действия» и его превращений, но существенным образом ее конкретизировала. Впечатление **циничности**, которое возникало в некотором диапазоне восприятия и интерпретации слов философа, можно было дезавуировать, ограничивая сферу действия «закона опосредствования» чуждой субъекту предметностью и перетолковывая «хитрость» как **лукавство**, или «игру».¹⁴

Впрочем, когда дело доходит до **борьбы**, то не менее знаменитое Одиссеево **хитроумие** оказывается востребованным. Модель идеала, т. е. действительности, понимаемой по-гегелевски как «осуществленная и абсолютная разумность», очевидным образом не совпадает с путем к идеалу — путем неминуемо превращенным. (Эвальд Васильевич Ильенков, когда-то начинавший в одном «кружке» с М. К. Мамардашвили, выразил эту ситуацию в запоминающемся образе **«земных приключений небесного идеала»**.)

Иначе говоря, нравственные максимы о том, каковыми должны были бы быть отношения между людьми, сталкиваются с материей наличного положения дел... Вечная тема, которую, однако, каждый день каждому человеку надо как-то решать, чтобы и не быть выброшенным за борт, и не потерять к себе уважение.

Так каким же был наш выбор в этом лабиринте? Я бы назвал его **рефлексивно-рефлексивным сопротивлением**. Рефлексивным — поскольку не мы начинали, с нашей стороны были **ответные** действия на вызов того, что называлось **деформациями социализма**. Мы сопротивлялись навязываемой нам ломке наших личностных и групповых идентичностей, атаке на то, что мы считаем нормой — в общественной жизни, в себе. Идеалы, ценности весьма определенной социальной направленности — именно той, которую мы исповедовали и проповедовали, — отнюдь не были для нас пустым звуком или разменной монетой. Может быть именно потому, что наш **профессиональный выбор** мы воспринимали как **призвание** и интеллектуальный труд был **стилем нашей жизни**.

¹⁴ Я бы хотел возразить против отождествления «игры» с «лукавством». Но Р. Л. тут же пояснил: «игра», в соответствии с различением адекватных и превращенных форм — многолика, она бывает и «светлой», и «полусветлой/полутемной» и вовсе «темной»; **светлая** игра имеет, так сказать, оборотную сторону, т. е. **тьень** — фальшь, обман, плутовство. Здесь — **полутьень**, когда — в отличие от «простого» обмана! — обе стороны **знают**, что они — «играют», представляются

Отсюда и рефлексивный тип нашей реакции — он не мог быть иным, скажем, специфически политическим или политико-силовым.

Понятно, что и наши «умственные упражнения» имели **специфицированную** политическую окраску, определенный «цвет», о чем уже много было сказано. Но это не было специально политической деятельностью как формой **властных отношений**. Иными словами, нам достаточно было бы иметь возможность оказывать некоторого рода влияние на власть, не давать власти скурвиться, перевернуть общество с ног на голову. Влияние, оправдываемое высотой той теоретической «колокольни», с которой мы «наблюдали» за обществом и политической властью, как самой шаткой, неверной его подсистемой как раз в нашем типе общества.

Что наше сопротивление перекликалось в истории с **протестной традицией** в целом, только увеличивало наш моральный (символический) капитал. **Сопротивление сталинизации** общества (плохо замаскированной) черпало вдохновение, прежде всего в **сопротивлении фашизму**, и особенно актуальными для нас, в силу уже сказанного, были духовные формы сопротивления.

В связи с тем, что сопротивление установившемуся в советском обществе режиму власти было системой из многих составляющих, о чем мы могли тогда только догадываться в самых общих чертах и о некоторых из этих партизанских, так сказать, отрядов узнать что-то конкретное удалось лишь в последнее время, необходимо уточнение: наше сопротивление было оппозицией не системе в целом, которая была для нас чем-то исходным, условием, с которым мы в любом случае, раз мы остаемся здесь, «внутри» этой общественной системы, — должны считаться. Мы сопротивлялись как раз тому, что было для нас и нами воспринималось как **извращение** системообразующих принципов.

Речь шла о присущей каждой социальной форме **инерционности, «торможении»** (как это было сформулировано позже «перестроечными силами», которые к 1985 г. созрели внутри самой официальной власти), о противоречии между **сохранением** системы и ее **изменением**.

Был ли возможен **компромисс** между изменением системы в каком-то диапазоне и ее сохранением, прежде всего, в отношении преемственности власти (коль скоро она сама — в какой-то своей части, по крайней мере, — отважилась на отход от «режима стабильности», официально осуждаемого потом как «застой»), — это уже новый ряд вопросов. Ответ, даваемый нами сегодня, не должен был бы накладываться на тот, который давался вчера.

И снова вопрос-лейтмотив: **на что мы надеялись?** Тогда — на возможность «сбрасывания» превращенных, извращенных отношений в обще-цивилизационном движении к такому общественному устройству, которое — в значительном соответствии для нас с Марксовыми формулами — было бы более продвинутым к общечеловеческому идеалу.

И Сахаров (по «эту» сторону), и Ясперс (по «ту»); например, в работе «О смысле истории» вполне убедили нас в перспективности ожидаемой

в творимом нами будущем **конвергенции** двух противостоящих систем, все еще очень далеких от совершенства — по распространенному убеждению того времени.

* * * ...Таков мой первый ответ на естественный сегодня вопрос о нашем, в 1984 г., горизонте — духовном, нравственном, политико-гражданском, профессиональном. Никаких разрывов между нравственностью, политикой и наукой в рамках целостной картины мира, кроме как разрывов между их **превращенными** (извращенными) формами, я не видел. Что и придавало сил.

Но это только самый первый ответ.

Для углубления же ответа, для продолжения разговора, представляется необходимым привлечение и новых собеседников — Хайдеггера и Сартра, Бубера и Левинаса, Милоша и Валицкого, Бахтина и Батищева... Это имена — почти наугад — мыслителей, книги которых попали на наши библиотечные полки в основном лишь недавно.

Более того, это означало бы включение в уже институционализированный дискурс об истории советской социологии и философии — свидетельств, интерпретаций и реинтерпретаций представителей поколения моего друга А. Н. — шестидесятников, за которым — локоть к локтю — шло и мое поколение (см. сборники: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб: ИС РАН, 1999; Социология и власть. Документы: 1953–1968. М.: Academia, 1997; и др.)

Только движение это было отнюдь не одной колонной. Что и выражает формула: **наше сопротивление** — в нашем с А. Н. и наших учителей поколениях — **их торможению динамики развития общества по направлению к исходному для нас идеалу...**

* * * Сказать, что эти мои рассуждения дают повод для новых вопросов, — значит просто предложить продолжить разговор... Но в первую очередь должно было **засвидетельствовать** некоторое рода состояние умов и душ в нашем кругу — в 1984 году.

Р. Ленчовский, ноябрь 2000

Ремарка 1: продолжение следует...

Этот текст написан Романом, в основном, у меня дома, в Питере, и отчасти является также и плодом наших совместных обсуждений, при участии других внутренних рецензентов.

Это — его ответ только по первому кругу... Но до отхода поезда «СПб — Киев» осталось уже немногим больше часа. (5.11.2000. 16 час. 30 мин.)

Ремарка 2: читатель, скажи!

*Хоть и в цейтноте, Роман Ленчовский, кажется, сделал то, что до сих пор не удавалось мне: прояснить (и для нас, и, надеюсь, также для читателя) **мотивацию** своих, моих, нашего тогдашнего дружеского круга — действий в описываемой здесь ситуации. При этом — дать им **концептуальное** объяснение.*

*Мы были правы или не правы (это — другой вопрос!). Но мы, по-видимому, исходили именно из этих предпосылок (далеко не вполне отдавая тогда себе в том отчет). По этой логике получается: говорили, что думали, и действовали, как говорили. Пусть обманывались, но не лицемерили... Выбирали доступные для себя **способы сопротивления**.*

Вывод, пожалуй, не только объяснительный, но и утешительный... Что ж: жили (чувствовали, мыслили и действовали) — «как умели»; объясняем — «как можем».

*Но тут все же и после этого объяснения останется **знак вопроса**.*

Чего на самом деле добивались, и зачем? И чего — в итоге — добились?

*Вопросы эти адресуются — **читателю**. Читателю — современному (имея в виду и наше, и младшие поколения). Читателю — также и будущему (если «где-то, когда-то, нескоро...» попадутся ему на глаза эти строки). (Ноябрь-декабрь 2000).*

* * *

[Ниже — извлечение из письма Романа Ленчовского, которым он предварил свой приезд в Санкт-Петербург, в конце октября 2000 г. Тогда еще не было написано приведенное выше эссе «На что мы надеялись...».

Я попросил у своего друга разрешения включить в книгу и эту «сырую» заготовку. Он согласился. — А. А.]

Р. Ленчовский — А. Алексееву (сентябрь 2000)

<...> Пожалуй, то был своего рода нравственно-научный «невидимый колледж». <...> Объединял нас поиск (аутентичного, адекватного, «достойного нас») пути к (аутентичной, адекватной) цели, т. е. стремление к нравственному образу жизни или нравственному пути к нравственной цели, каковой представлялась «нравственная общность» (= воплощенность «простых форм нравственности и справедливости» (Маркс), что мы вкладывали в понятие «коммунизма»).

Нам чужды были и буржуазность (в смысле Маркса и неомарксистов), и застойная советская доктринальность (ассоциирующаяся с неизжитым сталинизмом), не говоря уж о тоталитаристских идеологиях (фашизм, большевизм). <...>

Речь идет, пожалуй, о «верификации» идеи **коммунитарности** на микроуровне.

«Коммунитарность» (ее псевдоним: «коммунистичность», но не в официальном, а в «нашем» — «подлинно-творческо-марксистском» — понимании) может быть описана, в своих самых существенных чертах, следующим образом:

— это межличностные, общественные (отчасти и межгрупповые) отношения, которые являются «непосредственными» в том смысле, что они **не опосредуются** через отчужденные (превращенные, а тем более — извращенные) формы.

Не **меновые** отношения (денежные отношения найма и т. п.), не отношения **иерархически-бюрократические**, не говоря уж о физическом **наси-**

лии (вплоть до рабства — американского, в XIX веке, нацистского и большевистского, в XX веке), а — отношения **общения** (от обмена «готовыми» продуктами до **со-творчества**). <...> Р. Л., 17.09.2000

Ремарка: «...коммунисты-романтики...»

В свете всех этих замечаний моего друга становятся как будто понятными и «коммунистический» пафос наших тогдашних сочинений, и логика поведения социолога-испытателя, столь «истово» («неистово»...) защищавшего идеи «коммунитарности» (слова такого тогда не знал!) в условиях господства превращенных и извращенных форм как самих этих идей, так и их «воплощений».

Как выразилась о нас мой внутренний рецензент Зинаида Вахарловская: «...коммунисты-романтики!». (Октябрь 2000).

* * *

Из «Большого толкового социологического словаря» (Collins)

<...> **Коммуитаризм** (communitarianism) — точка зрения на проблемы благосостояния, подчеркивающая общие интересы и ценности, являющиеся продуктом общественных связей. В этом смысле коммуитаризм противоположен сугубо индивидуалистским концепциям благосостояния. Коммуитарные подходы недавно пережили возрождение в результате реакции на политическое господство тезисов благосостояния, основанных на чисто рыночных ценностях. <...>

(Дэвид Джери, Джулия Джери. Большой толковый социологический словарь. Collins. Том 1. М.: Вече, 1999, с. 315)

Ремарка: о трактовке термина «коммуитарность».

Р. Ленчовский почеркнул термин «коммуитарность» не из данного словаря, и его трактовка, как читатель мог понять из контекста вышеприведенного письма от сентября 2000 г., несколько шире, чем в словаре Д. и Дж. Джери.

«Коммуитарность» versus «коммунистичность»... (Ноябрь 2000).

* * *

Вместо заключения («На что мы надеялись...»)

Уже когда был написан (и лег в книгу) современный текст моего друга о «нашем сопротивлении — их торможению динамики развития общества по направлению к исходному для нас идеалу», — «откопал» я в своем архиве забытое было (и мною, и им) письмо 1984 г.

Повторю, из этого письма:

*«...Мы находимся в стадии скрытой и очень острой политической борьбы за то, будем ли мы (общество) двигаться в направлении реализации идеалов, или мы, и идеалы наши будут **изнасилованы**... Роман. 16.09.84»¹⁵*

¹⁵ См ранее, в главе 7: раздел «Праздник дружбы, который всегда с тобой»

*Как видно, сегодняшний самоанализ Р. Ленчовского вполне адекватен тому, что тогда думалось и переживалось, и **выражалось** — в сугубо интимном (письмо без почтового штемпеля!) общении. (Ноябрь 2000).*

9.6. Опасные игры (вокруг материалов опроса «Ожидаете ли Вы перемен?»)

Несколько вступительных слов

Напомним, что одной из, если не главной пружиной «дела» социолога-рабочего был интерес органов госбезопасности к «не санкционированному исследованию состояния и перспектив развития советского общества», как определены (в справке УКГБ ЛЮ) разработка экспертной методики «Ожидаете ли Вы перемен?» и ее опробование на рубеже 70–80-х гг.¹⁶

Ниже — о некоторых аспектах «дела» социолога-рабочего, в связи с данным «эпизодом». (Сентябрь 2000).

9.6.1. Опыт самостоятельного расследования

Из «Записей для памяти» (декабрь 1984)

<...> 17.12.84 (понедельник) я позвонил по служебному телефону NN и сказал, что мне нужно с ним встретиться — сегодня или завтра. Он предложил — в этот же день. Мы встретились на ст. метро «Невский проспект», около 17 час., и беседовали минут 20.

(В этом году мы общались нечасто, при случайных встречах ограничивались лишь приветом и минимальными новостями.)

Я коротко информировал NN о своих делах и сказал, что мне надо уточнить с ним некоторые моменты, по поводу которых понадобилось отвечать в партийной комиссии горкома, а я не уверен в датах. В частности: когда именно я передавал ему для обработки комплект из 45 экспертных листов (перепечатанных мною ответов на вопросы поискового варианта методики «Ожидаете ли Вы перемен?»)?

NN припоминает, что это было в ноябре 1981 г. «А когда ты их мне вернул, вместе со своим отчетом?» — «Весной 1983 года, еще до твоей поездки на Кубу». (Поездка состоялась в апреле.) Мне раньше казалось, что я передавал ему этот комплект позже — уже в 1982 г., и получил обратно тоже позже — где-то в мае-июне 1983-го. Но может я и ошибаюсь.

Далее, я поинтересовался: не показывал ли NN кому-либо эти экспертные листы? Он говорит — нет. А где хранил? Говорит — только дома, на <...> улице, где он тогда снимал однокомнатную квартиру. (На этой квартире мне приходилось бывать; там я обычно заставлял кого-либо из сотрудниц или учениц NN.)

«Все ли материалы ты мне вернул?» — «Все». — «А проверял?» — «Да, я знаю твой педантизм и пересчитал все 45 интервью». (Я, будучи «педан-⁶

См. об этом ранее, в главе 1: «История и социология...» и др. разделы

том», как раз не проверил, когда он мне их отдавал, как не проверил, к сожалению, и все три комплекта перед тем, как их уничтожить в сентябре 1983 г.)

Я объяснил NN причины своего интереса к последнему обстоятельству. Дело в том, что в партийной комиссии горкома мне на днях была показана ксерокопия с одного из экспертных листов (№ 10, 3–4 стр., от марта 1979 г., под псевдонимом «Тройка»). Причем работник партийной комиссии сказала мне, что сама видела и оригинал.

У меня теплилась надежда, что этот экспертный лист, может быть, случайно, оставался у NN (т.е. не был возвращен мне), а потом передан им в Управление КГБ, вместе с текстом своего отчета (материалами анализа экспертных листов, на 15 стр.) и моим 1-страничным комментарием к этому отчету. Но NN рассеял эту мою надежду.

Значит, оригинал экспертного листа № 10 был передан в Управление КГБ кем-то другим, кто получил доступ к рабочим материалам опроса в доме NN или в моем доме (где хранились остальные два комплекта), так что хозяин дома об этом не знал. Факт печальный, ибо свидетельствует о том, что должная сохранность этих материалов — NN ли, мною ли — не была обеспечена. А раз так — остается уповать, что этот (а может и еще несколько экспертных листов, теперь уже невозможно проверить!) стал достоянием только УКГБ ЛО, и никого больше.

Более вероятно, что этот экспертный лист «пропал» из дома NN (с учетом сказанного выше о его повышенной общительности, да, пожалуй, и некоторой безалаберности).

Впрочем чего других винить... Самому надо было проверить, хотя бы перед уничтожением всех трех комплектов.

Напомню сам себе, что NN был одним из первых, кого сотрудники УКГБ ЛО расспрашивали по моему поводу в сентябре-октябре 1983 г., вскоре после обыска в моей квартире¹⁷. Вопросы о «не санкционированном исследовании советского общества», по методике Алексеева, заданные ему тогда, свидетельствовали о достаточно высокой степени осведомленности тех, кто его об этом спрашивал.

Вот тогда-то NN и передал в УКГБ ЛО тексты своего аналитического отчета и моего комментария к нему (комплект экспертных листов к тому времени он уже не располагал). Позиция, занятая NN, по его рассказу (которому я верю), состояла в утверждении (точнее сказать — попытке объяснения сотрудникам государственной организации) актуальности и общественной полезности таких исследований.

В этом пункте с ним в Управлении КГБ тогда не согласились. Однако — в общем согласились с **выводами** его отчета (с которыми, со своей стороны, не согласен я).¹⁸

Так или иначе, главный вопрос, который меня интересовал: как же «пропал» экспертный лист № 10 из комплекта? — так и остался не проясненным.

¹⁷ См ранее, в главе 6: раздел «Из объяснений для органов госбезопасности»

¹⁸ Заключительная часть этого отчета — «выводы» — будет приведена ниже

Еще NN сообщил мне новую для меня информацию: оказывается, в июне 1984 г., свыше полугода спустя после первого вызова в Управление КГБ, его снова туда пригласили, чтобы объявить официальное предостережение за «накопление (хранение?) клеветнических материалов». Однако, как NN тогда понял, соответствующую справку по месту его работы посылать не собираются. Во всяком случае никто ему больше никаких претензий не предъявлял.

Мы оба были ограничены во времени и не успели обменяться другой информацией. NN сообщил мне свой новый домашний телефон.

(Записано в декабре 1984 г.)

Ремарка: экспертный лист ¹ 10 и другие.

В этой записи 1984 г. есть две намеренные неточности:

1) Как уже говорилось ранее, в октябре 1983 г. мною были уничтожены только два комплекта экспертных листов из имевшихся трех; а один — как раз тот, который в свое время мне вернул NN, — был сохранен.

2) Все три комплекта (включая уцелевший до наших дней) на самом деле хранились постоянно не у меня дома; но к тем двум, которые были уничтожены, гарантированно никто кроме меня не притрагивался.

Как выяснилось уже позднее, «пропал» только один экспертный лист (¹ 10; «Тройка») из 45, причем именно из того самого комплекта, который в течение полутора лет находился у NN, а затем — еще пять лет — в «тайнике».

Теперь можно раскрыть псевдоним «Тройки». Это был социолог **Владимир Никифорович Павленко**, ныне работающий в Социологическом институте РАН. (Декабрь 1999 — декабрь 2001).

9.6.2. 45 экспертных интервью — взгляд со стороны. 1983

Ремарка: «человек со стороны».

Как уже отмечалось ранее, NN не участвовал ни в составлении вопросника «Ожидаете ли Вы перемен?», ни в самом опросе, т. е. имел дело только с набором **анонимных текстов** (перепечатанных на моей машинке). Им тогда была предпринята попытка качественно-количественного анализа содержания совокупности экспертных листов, что было отражено в его отчете.

Надо сказать, что количественная обработка записей бесед изначально не предусматривалась авторами методики: предполагался только качественный анализ.¹⁹ Применение статистических процедур для 45 текстов не приветствовалось мною.

«...И все же, пожалуй, неплохо, что обозрел ответы наших экспертов «человек со стороны», безусловно профессиональный и... не успевший ни воодушевиться, ни разочароваться в этой затее», — написал я в своем тогдашнем (июнь 1983) комментарии к отчету коллеги.

(Сам я к тому времени «успел» как раз «и воодушевиться, и разочароваться».)

Вскоре, однако, пришлось пожалеть о привлечении «постороннего лица» к этой деликатной работе.

Ниже — заключительная часть отчета NN по итогам нашего андерграундного опроса. (Декабрь 1999 — ноябрь 2000).

¹⁹ См ранее, в главе 1: раздел «Как вчера изучали сегодня...»

Из аналитического отчета NN (1983)

<...> Подводя итоги характеристике 45 экспертных мнений, необходимо отметить следующие моменты.

1. В отношении социалистического общества эксперты занимают преимущественно нигилистическую или критическую позицию, т. е. считают, что данное общество не способно справиться с характерными для него противоречиями общественного развития. При этом состояние общества оценивается ими как относительно устойчивое, напряженно-консервативное. Считается, что эти противоречия не могут быть разрешены обществом в обозримый период. Проявления общественных противоречий экспертами отмечаются преимущественно в сфере экономики, социальных отношений, общественного сознания. При конкретизации общественных противоречий на политическом уровне наблюдается тенденция противопоставления партийно-государственного аппарата — трудящимся, интеллигенции и хозяйственным руководителям, при этом чаще подчеркивается прогрессивная роль интеллигенции.

В прогнозах общественного развития преобладают мнения о переменах к лучшему, причем лучшее понимается как демократизация общественной жизни, усиление экономической самостоятельности и инициативы, ограничение партийно-государственного контроля над общественной жизнью.

В мнении экспертов преобладает политическая или идеологическая трактовка существа общественных противоречий, практически отсутствует последовательный политико-экономический анализ. Обнаруживается приблизительно равная представленность рационального, эмоционального и амбициозного способов обоснования позиций экспертов, т. е. преобладают обоснования эмоционального, нравственно-эстетического и чувственного характера.

2. Независимо от способов описания и позиций экспертов обнаруживается признание ими устойчивости социалистического общества и наличие возможностей его дальнейшего прогрессивного развития. (Этот вывод тем более интересен, что практически противоречит переживаниям, оценкам, позициям экспертов.)

3. Необходимо отметить отсутствие в позициях экспертов критической программы, представляющей действительную альтернативу социалистическому пути развития. Единственно ясно выраженное программное положение — требование демократизации политической и общественной жизни.

4. Выражена тенденция связывать все недостатки социалистического общества с деятельностью партийно-государственного аппарата.

5. Приблизительно у половины экспертов наблюдаются высказывания эмоционального, амбициозного, безответственного характера. Эти эксперты выражают излишне остро собственные переживания по поводу проблем и противоречий общественного развития, делают в ходе экспер-

тизы необоснованные утверждения, предлагают в качестве истин или разумных положений идеи, носящие антисоциалистический и антигосударственный характер.

6. Характерной чертой в мнениях экспертов является отсутствие попыток приложения теории Маркса к анализу состояния общества и перспектив его развития. Наблюдаются попытки приложения отдельных понятий или отдельных теоретических положений, но фактически отсутствуют попытки последовательного концептуального анализа.

Выражено влияние абстрактно-системного подхода к анализу общественных явлений. Достаточно часто эксперты пользуются субъективистскими трактовками законов общественного развития, т. е. предполагают зависимость состояния общества от состояния сознания социальных групп и отдельных личностей.

Следует отметить, что к замене теоретического анализа мнениями отчасти склоняет содержание вопросов интервью. Однако в любом случае налицо дефицит серьезного теоретического мышления при рассмотрении актуальных общественных проблем среди высококвалифицированной интеллигенции, представителями которой являются эксперты.

* * * Анализ результатов экспертного оценивания позволил прийти к следующим выводам:

1. В условиях, когда свободное обсуждение внутривнутриполитических проблем социалистического общества не принято в широкой печати и официальных научных кругах, формируется тенденция к организации именно критической экспертизы как раскрывающей действительные общественные проблемы, а у экспертов (в условиях свободного, неконтролируемого, неофициального высказывания) наблюдается тенденция к крайне критической оценке системы социализма.

2. При эмоциональности и богатстве способов описания проблем и недостатков социалистического общества, и критика этих недостатков, и позитивные предложения носят узкий, однонаправленный, абстрактный характер. По сути дела они сводятся к критике партийно-государственного руководства и абстрактным требованиям демократизации общества. В критических представлениях выражено преувеличенное отражение роли интеллигенции в процессах общественного развития.

3. Проведение свободных, бесконтрольных обсуждений общественно-политических проблем приводит к амбициозным высказываниям у большей части экспертов.

4. При данной организации экспертизы обнаруживается, что эксперты не пользуются для обоснования своей позиции теорией Маркса. Низкий уровень теоретической обоснованности экспертиз нужно объяснять, очевидно, не столько результатом некорректной организации интервью, сколько результатом непопулярности марксистской ориентации в контингенте экспертов.

5. В целом можно говорить о полярности структуры оценок экспертов в данном исследовании и представлений трудящихся. *[По-видимому, имеются в виду «санкционированные» массовые опросы. — А. А.]* Если для последних характерна общая положительная оценка социальной действительности, при критике отдельных ее сторон, то для настоящей экспертизы характерна отрицательная оценка действительности, системы социализма в целом, при признании отдельных позитивных моментов, а также констатации устойчивости системы и возможности ее прогрессивного развития.

NN. *[Не позже июня 1983 г. — А. А.]*

Ремарка: конфликт двух социально-нормативных систем.

Как я считаю и сегодня, NN не преследовал цели написать некое «обвинительное заключение», которое могло бы получить внеаучное использование. Однако именно такое использование его аналитический отчет вскоре затем получил.

Но и безотносительно к способам использования, как я вижу уже теперь, есть принципиальная, «органическая» несовместимость методологического подхода автора цитированного выше отчета и предмета его тогдашнего анализа.

По принципиально разным правилам «играли» участники опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» и обработчик их ответов: первые — по нормам свободного исследования, второй — по нормам управляемой науки.

С позиций двух разных социально-нормативных систем, обе стороны действовали и рассуждали, по-своему, «правильно». (Январь-ноябрь 2000).

9.7. ИСЭП-1984 (почти по Оруэллу)

[Ниже — обсуждение ситуации, сложившейся к концу 1984 г. в институциональной, в частности, академической социологии, на примере Института социально-экономических проблем АН СССР. — А. А.]

9.7.1. Партийное внимание к науке Из официальных сообщений (октябрь 1984) В обкоме КПСС

<...> На заседании бюро [Ленинградского обкома КПСС. — А. А.] обсужден вопрос о серьезных недостатках в работе Института социально-экономических проблем Академии наук СССР.

Подчеркнуто, что администрация и партийная организация не создали в коллективе обстановку высокой требовательности и ответственности за порученное дело, допустили просчеты в воспитании кадров, редакционно-издательской деятельности, работе со служебными документами и в организации научного обмена.

За допущенные недостатки директор института И. И. Сигов строго предупрежден. Принято к сведению его заверение о том, что он примет исчерпывающие меры к устранению вскрытых упущений.

И. Г. Васильев освобожден от обязанностей секретаря партийного бюро института, ему объявлен выговор.

Партийные взыскания объявлены также заместителю директора Н. А. Толоконцеву и ученому секретарю В. И. Старинскому.

Заведующему сектором Б. М. Фирсову за серьезные недостатки в научной деятельности, грубые нарушения установленного порядка работы со служебными документами объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Он освобожден от занимаемой должности.

Дзержинскому райкому партии поручено усилить руководство партийной организацией института, обеспечить повышение ее роли в деятельности коллектива.

(Ленинградская правда, 17.10.84)

9.7.2. «Недостаток идеологической выправки у социологов...» (неологизм проф. Парыгина)

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984)

<...> Несколько человек рассказывали мне о партийном собрании в ИСЭПе 1 ноября 1984 г. Сопоставляя и объединяя их рассказы, я могу реконструировать то, что там происходило. (Разумеется, возможны и некоторые ошибки и неточности.)

Собрание было посвящено обсуждению постановления бюро Ленинградского обкома КПСС «О серьезных недостатках в работе ИСЭП АН СССР». (За точность названия постановления не ручаюсь; сообщение об этом заседании бюро обкома опубликовано в «Ленинградской правде», 17.10.84.)

В президиуме собрания были представлены: А. Быстрова (вновь избранный секретарь партбюро ИСЭП); И. Васильев (от обязанностей секретаря партбюро решением бюро ОК КПСС освобожден); А. Румянцев (зав. сектором; в 1981–1982 гг. был секретарем партбюро); И. Сигов (директор института); О. Горяин (первый секретарь Дзержинского РК КПСС); Ю. Мазуренко (инструктор отдела науки Ленинградского ОК КПСС).

* * * Докладчиком на собрании

был объявлен директор института Сигов.

Однако еще до доклада слово было предоставлено секретарю РК КПСС тов. **Горяину**.

Он рассказал о постановлении Ленинградского обкома партии по поводу института. В мае-июне в институте работала комиссия, которая выявила, что директор Сигов и ученый секретарь Старинский не сделали выводов из предыдущей проверки, проведенной в марте 1983 г. По-прежнему нет порядка в работе 1-го отдела и канцелярии, имеет место «занижение» грифа ДСП, вновь обнаружена утрата служебных документов (около 10 штук!), размножение документов ведется с грубым нарушением соответствующих инструкций, допускается публикация материалов без утверждения Управления по охране государственных тайн в печати (Горлит).

Международные связи имеют явно выраженный односторонний характер: за 1975-84 гг. в институте побывали около 300 ученых из социалистических стран и свыше 450 из капиталистических; за это время в зарубежные научные командировки выезжали лишь 80 сотрудников института.²⁰

Особенно грубые нарушения в международном обмене имели место в секторе, возглавляемом Б. Фирсовым. 22 апреля 1983 г. он получил «вывозное разрешение» на передачу семи докладов в советско-финский сборник. Однако эти доклады были переправлены Б.Фирсовым в обход официальных каналов, через случайных лиц. Б. Фирсов и раньше допускал нарушения в работе со служебными документами. Его международные контакты не связаны с плановыми темами сектора. Сама работа сектора не обеспечивает необходимых директивным органам выводов и рекомендаций. Фирсов мало внимания уделяет работе сектора, много времени затрачивает на работу вне института, в частности, по трудовому договору в ВТО²¹. Общий его заработок значительно превышает оклад в институте. *[Оказывается, тоже - криминал! - А. А.]*

Институт неразборчив в установлении международных контактов, которые зачастую используются зарубежными гражданами для сбора информации о социально-экономическом положении в регионе. В феврале-марте в институте работал известный специалист по СССР Рубл. Им собран очень широкий круг информации и подготовлен доклад для американского консульства в Ленинграде. При выезде из страны у него изъят вопросник о социально-политическом положении в регионе.²²

Все это оказалось возможным потому, что тов. Сигов не предъявлял требований к сотрудникам, тов. Толоконцев неудовлетворительно исполнял свои обязанности, тов. Васильев плохо руководил воспитательной работой, тов. Старинский не обеспечил организацию работы. Поэтому Сигову поставлено на вид и принято к сведению его заверение, что впредь будут приняты исчерпывающие меры к устранению вскрытых нарушений. <...>

[Здесь опущено перечисление репрессивных мер (партийные взыскания, освобождение от занимаемой должности), принятых по отношению к некоторым руководителям института и его подразделений: И. Васильеву, Н. Толоконцеву, В. Старинскому, Б. Фирсову; см. выше: «В обкоме КПСС». - А. А.]

* * *

Далее слово предоставляется докладчику И. И. Сигову, который вкратце повторяет информацию о двух комиссиях (март 1983 и май-июнь 1984 г.). Первая комиссия выявила серьезные недостатки, и нами была

²⁰ Вероятно, имеется в виду, что было 80 зарубежных командировок сотрудников института; сам же круг командированных был куда уже.

²¹ Имеется в виду исследовательская группа «Социология и театр», которой Б. М. Фирсов в ту пору руководил.

²² По-видимому, речь идет о вопроснике какого-либо из социологических обследований «для служебного пользования», периодически проводившихся по специальному заказу партийных органов.

проделана серьезная работа по выправлению положения. Освобождены были от обязанностей заведующих отделами В. А. Ядов и И. И. Травин. На их место были назначены заметно улучшившие работу соответствующих подразделений Н. А. Лобанов и Скамарцева.

Некоторые другие негативные факты, отмеченные второй комиссией (1984 г.), уже были известны нам, и мы с ними боролись.

В частности, мы приостановили работу над коллективной монографией «Семья в крупном городе», в которой содержались более чем сомнительные выводы о развитии советской семьи. Вместо серьезной доработки книги ее отв. редактор В. Б. Голофаст, в ответ на замечания издательства, занялся латанием дыр и организацией положительных рецензий от крупных специалистов. Документ с издательскими замечаниями тов. Голофаст не довел до сведения дирекции, в чем проявились его безответственность и идеологическая незрелость.

С учетом этого, дирекция сняла книгу из издательского плана. Судьбу рукописи необходимо теперь обсудить в партийном порядке.

Очень плохо в институте организована работа по международному сотрудничеству. Не получили должной профессиональной оценки разнообразные встречи с иностранными учеными, не оценивается их научная эффективность, равно как и эффективность международных связей в целом.

Так, план V советско-венгерского сборника (монографии) был отправлен в Будапешт без согласования с Ученым советом института. Принято решение проверить международные связи сектора Фирсова и, в частности, советско-венгерский сборник. В этом сборнике серьезные замечания имеются к статьям Фирсова и Голофаста. Очевидно, что такого рода сотрудничество не послужило науке и не может быть использовано для директивных (партийных) органов. Всю работу по советско-венгерскому сотрудничеству необходимо завершить (свернуть) до конца этого года. Необходимо также заслушать на партбюро отчет Марьенко о работе международного отдела.

На бюро ОК КПСС зав. отделом науки тов. Булатов докладывал, что институтом проделана большая позитивная работа по изучению социально-экономических проблем региона, однако вместе с тем имеются и недостатки. При обсуждении работы института Л. Н. Зайков особо отметил необходимость улучшения идейного качества работ института, более надежной организации хранения информации в ВЦ и координации всех социальных исследований в регионе. <...> Но все это только «фабула событий». Нам же необходимо вскрыть причины.

То, что мы стали объектом внимания обкома КПСС, не случайно. Еще в 1978 г. наш институт привлек внимание комиссии народного контроля и, в результате проверки, был смещен директор института [Гелий Николаевич Черкасов, ныне покойный. — А. А.]. В 1982 г. в институте был забаллотирован секретарь партбюро (А. А. Румянцев), и это при том, что в его адрес не было высказано никакой критики! Далее — 1984 год. Все это не случайно.

Причина такого положения видится в отсутствии требовательности к авангардной роли коммунистов. Все это — последствия политической беспринципности и инфантильности. Ведь первую положительную рецензию на книгу Голофаства написал О. Иванов, в прошлом хороший секретарь партбюро. На обсуждении советско-венгерского сборника секретарь партбюро И. Васильев не выступил с необходимой критикой этой незрелой работы. Секретарь партбюро отдела Колесников также проявил беспринципность при обсуждении этой книги, а член партбюро отдела Б. Докторов солидаризировался с Фирсовым.

Беспринципно вел себя партгруппорг бывшего сектора Ядова Л. Кесельман, ответственный за развал этого сектора [*мак!* — А. А.], но не был за это никак наказан. А партгруппорг сектора Фирсова М. Елизарова при обсуждении решения ОК КПСС заявила от имени партгруппы, что «мы не понимаем, почему нас обвиняют в плохой работе» и что «мы все любим Б. М. Фирсова и не согласны с его наказанием». Разве в такой ситуации говорят о любви?

Все это свидетельствует об отсутствии руководства со стороны партбюро отдела. Правда, член партбюро отдела, зав. отделом Н. Лобанов очень много делает для улучшения работы (конференция по образу жизни, конференция по соцсоревнованию, доклады в секцию экономики АН, в ВЦСПС и т. д.). Много делает для налаживания системы социальных исследований в регионе Б. Д. Парыгин. Обещают стать хорошими сотрудниками Махалов и Крылов.

В свете последнего постановления ОК КПСС следует сказать, что у нас не на должном уровне находится идейное воспитание. На днях [?! — А. А.] нами получено сообщение о том, что 5 января этого года бывшему сотруднику нашего института А. Алексееву объявлено официальное предостережение органов госбезопасности за написание, хранение и распространение литературы политически вредного содержания. Бюро Петроградского райкома КПСС исключило Алексеева из партии.²³

7 февраля сотруднику института Б. Беликову объявлено аналогичное предостережение за хранение негативов с изданий, не подлежащих ввозу в СССР. 21 февраля бывший сотрудник института В. Глухов получил предостережение органов госбезопасности за распространение литературы политически вредного содержания. Такие же предостережения получили 29 февраля сотрудники института В. Воронков и Е. Здравомыслова. При этом некоторые материалы были размножены Воронковым на машинках института.

8 ситуации обострения международной обстановки мы должны усилить внимание к идейно-политическому воспитанию. <...>

* * *

После докладчика слово взяла **А. Быстрова**, доложившая собранию план по реализации указаний ОК КПСС. В плане, наряду с разъяснением коллективу постановления обкома и уже идущим собранием, — совеща-²³

Здесь неточность докладчика: на самом деле — не бюро райкома, а партийный комитет

«Ленполиграфмаша», на правах райкома

ние с комсомольским и профсоюзным активом; серия заседаний партбюро, на которых должны быть заслушаны: Марьенко, Литовка, Поляков, Скамарцева, Ухов. За улучшение работы редакционно-издательского отдела ответственным назначается зам. директора по науке Лобанов. Овси-евич должен отчитаться за работу ВЦ по обеспечению режима, а зам. директора по общим вопросам — за материально-техническое обеспечение хранения ДСП. Должны быть проведены собрания в отделах, а также проведена работа по улучшению международного обмена. Партбюро должно также обсудить работу Голофаства над его книгой и реорганизацию 3-го отдела (создание двух новых секторов).

Должны быть проведены собрания коллективов по укреплению дисциплины и соответствующие занятия с партгруппоргами. В целом исправление недостатков должно осуществляться под лозунгом «партийная дисциплина против расхлябанности».

Зав. отделом, канд. экон. наук **Н. Лобанов**: Несмотря на все случившееся, я считаю, что у нас коллектив высокой политической зрелости. Однако нам мешает отсутствие принципиальности. Следует также сказать, что мы и до бюро обкома принимали меры по исправлению положения в отделе. Однако не все коммунисты при этом заняли принципиальную позицию. Так, при обсуждении положения дел в бывшем секторе Ядова, за развал этого сектора надо было наказать партгруппорга Кесель-мана. Я об этом говорил тогда и сейчас считаю это необходимым. Однако секретарь партбюро Колесников, хотя и согласился вначале, но при голосовании проявил беспринципность. При обсуждении V советско-венгерского сборника совет отдела не поддержал меня, когда я предложил не голосовать за утверждение книги, а дать авторам возможность доработать ее. Однако Фирсов настоял на голосовании, а Васильев и Колесников проголосовали за него. Нам необходимо избавиться от беспринципности.

Потом говорил зав. 1-м отделом (режим) **Полков**. <...>

Зав. сектором, проф. **Б. Парыгин**: Наши пробелы в идеологической подготовке связаны с отсутствием у нас должной **идеологической выправки** [так! — А. А.]. Недостаточно идеологической выправки у наших партийных руководителей — членов партбюро отдела Колесникова и Доктора-ва. Они неправильно вели себя при обсуждении советско-венгерского сборника. Особо слабой идеологической выправкой владеет Голофаств, написавший идеологически невыдержанную статью в этот сборник...

Ремарка: слушайте, слушайте! («новояз»).

Записи велись многими присутствовавшими на собрании и, как правило, совпадали.

К особенностям нашего «новояза» (термин Оруэлла) относится переворачивание значений слов (например, здесь: «беспринципность» — «принципиальность»).

«Новояз», как будто, состоит из клише. Однако это отнюдь не мертвый язык. Он способен к развитию, в нем постоянно рождаются неологизмы (например: «идеологическая выправка»). (Август 2000).

... Нам пора навести порядок в работе социологов не только в институте, но и во всем регионе. Однако Советская социологическая ассоциация до сих пор не имеет ни одного нормативного акта, кроме Устава. Нам нечего ждать, пока москвичи задумаются над этим. Мы всегда были инициаторами. Вот и теперь мы (бюро ЛЮ ССА) совместно с отделом обкома КПСС разработали положения: по программе социологического исследования; об основных направлениях исследований в регионе; о порядке проведения исследований; а также положение о социологической службе в регионе. Все это позволит заметно улучшить идеологическую выправку социологов.²⁴ Далее говорил **Марьенко**, отрицавший добросовестность работы последней комиссии. Выступали **Скамарцева, Агафонов, Кудрин**. <...>

Вкратце

Здесь опущено изложение содержания выступлений В. Голофаства, Е. Берхмана, Б. Докторовой, Маточкина. В некоторых из этих выступлений есть элементы самообороны. Преобладает однако «самокритичность».

... Ст. науч. сотр., канд. психол. наук **В. Максимов**: Работая в секторе Фирсова, я приобрел не столько опыт работы, сколько опыт борьбы. Борьбы со стилем руководства Фирсова. В секторе была круговая порука, которую мне никак не удавалось разорвать. Фирсов извращал направленность исследований, которые ему поручал ОК КПСС. Я сам был свидетелем того, как ему и Докторову было дано указание в обкоме, но он впоследствии извратил суть этого задания, и, поскольку задание давалось устно, то мне потом не удалось доказать подлог. Тем более, что Докторов всегда поддерживал Фирсова.

Я думаю, что Сигову надо чаще бывать на собраниях секторов, и тогда можно будет пресекать извращения. У меня есть также опыт работы секретарем партбюро института. И здесь мне приходилось постоянно бороться с беспринципностью членов бюро. Особенно тяжело было бороться с Тра-виным и Васильевым.

Мы либеральны и не принципиальны. С этим надо бороться. Я предлагаю организовать при каждом ученом совете отдела подсовет из представителей промышленных предприятий, которые смогут осуществить настоящий рабочий контроль за деятельностью этих советов [так! — А. А.].

Последним перед представителем обкома КПСС было дано слово заместителю директора института, проф. **Ухову**, который сказал, что ему не понравились некоторые выступления. В частности, выступление В. Голофаства. «У меня нет впечатления, что Вы поняли критику в свой адрес», — сказал он, обращаясь к Голофаству. Тот с места ответил репликой: «Но ведь Вы не читали мою книгу!» — «Ну и что, — сказал Ухов, — я и так уверен, что критика в ее адрес была правильной».

²⁴ В ту пору Б. Д. Парыгин состоял председателем бюро Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации; о его деятельности на этом посту см. ниже: раздел «Социологическая ассоциация очищает свои ряды»

* * *

Последним в прениях выступал представитель ОК КПСС **Ю. И. Мазуренко**.

Общий вывод, который можно сделать из хода обсуждения постановления обкома, — коммунисты института поняли его правильно, сказал он. Когда нам поручили подготовить вопрос на заседании бюро ОК, мы вначале удивились: зачем такой, казалось бы, незначительный вопрос, как результаты проверки института по вопросам режима, выносить на бюро. Ведь у бюро обкома имеется множество более важных дел. Но потом мы поняли, почему вопрос о вашем институте разбирался на таком высоком уровне.

Причин для этого можно назвать три:

1) В последнее время ЦК партии уделяет особое внимание институтам вашего профиля. Вспомните июньский (1983 г.) Пленум, где поднимался вопрос об Институте социологических исследований. Вспомните постановление ЦК по Институту экономики.

2) Особое место вашего института в регионе. Институт постоянно работает в контакте с директивными (*партийными*. — *А. А.*) органами и по их непосредственным заданиям. Институт располагает большим объемом информации о социально-экономической ситуации в регионе.

3) Год назад комиссия указала на многие недостатки, к устранению которых не было принято никаких мер.

Таковы основные причины вынесения вопроса на столь высокий уровень.

В вашем институте скопилось очень много информации, и мы стояли перед выбором: либо закрыть вам доступ к особо важной информации и перепрофилировать институт, либо закрыть институт для иностранцев, т. е. ужесточить режим секретности. Но мы решили оставить статус-кво. Это очень высокое доверие вам, хотя было много оснований не доверять вам.

В целом у вас все же здоровая организация. И дело не только в вашем институте. На примере ИСЭПа мы указали на недостатки, которые имеются в работе ВПШК, ЛГУ, ЛФЭИ. В последнее время эти организации проводят очень много опросов, идейный уровень которых не всегда оказывается на должной высоте. За этими массовыми опросами практически нет никакого контроля. Обком поручил ИСЭПу совместно с бюро ЛО ССА разработать положение по упорядочению социологической работы в регионе. И это также образец доверия к вам.

В ноябре 1985 г. отдел пропаганды и агитации будет отчитываться на бюро ОК КПСС о результатах работы, проведенной в институте по исправлению отмеченных бюро обкома недостатков. Но исправлять эти недостатки надо начинать уже сейчас.²⁵

²⁵ Инструктор Ленинградского обкома КПСС Ю. Мазуренко, по-видимому, сыграл одну из главных ролей в «деле» социолога-рабочего Свидетельства тому (которыми автор располагает) — хоть и косвенные, но убедительные

* * *

<...> В заключительном слове **И. И. Сигов** ответил на вопрос Т. Протасенко: «Что имелось в виду в постановлении ОК КПСС под ошибками в издательской деятельности, кроме книги Голофаства?» — «Кроме книги Голофаства, — сказал Сигов, — имелся в виду V советско-венгерский сборник».

Далее докладчик отметил неправильную и несамокритичную позицию Марьенко, не признавшего объективности выводов комиссии. Голофаству же (отвечая на его выступление) было сказано, что Лобанов и в самом деле является «правой рукой» директора, потому что проводит его линию. Если Голофаств будет проводить тот же курс, то он может стать «левой рукой» директора.

В заключение был зачитан проект решения, в констатирующую часть которого было в основном положено постановление ОК КПСС, постановляющая же часть сводилась к утверждению должного А. Быстро-вой плана реализации этого постановления. Проект был утвержден без изменений и дополнений. <...>

(Записано в ноябре 1984 г.)²⁶

...**Словарь «В»** состоял из слов, специально сконструированных для политических нужд, иначе говоря слов, которые не только обладали политическим смыслом, но и навязывали человеку, их употребляющему, определенную политическую позицию.

...Как мы уже видели на примере слова «свободный», некоторые слова, прежде имевшие вредный смысл, иногда сохранялись ради удобства — но очищенные от нежелательных значений...

Дж. Оруэлл. О новоязе. Приложение к роману «1984» (цит. по: Дж. Оруэлл. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989, с. 203–204)

9.7.3. Как отличить «вредные» произведения от «не вредных»?

Из выступления Б. Беликова на собрании сектора ИСЭП АН СССР (ноябрь 1984)

<...> 1.11.84 на партсобрании ИСЭП директор назвал ряд сотрудников (в т. ч. бывших), которые получили официальное предостережение УКГБ ЛО. В их числе был и я. По поводу меня было сказано следующее: «7 февраля 1984 г. сотруднику института Беликову было объявлено предостережение за хранение негативов с изданий, не подлежащих ввозу в СССР» (записано со слов тех, кто был на этом партийном собрании).

Я заинтересован в том, чтобы окружающие меня люди были знакомы с фактами, легшими в основу упомянутого предупреждения (предостережения). <...>

[Здесь опущено описание обстоятельств и результатов обыска на квартире Беликовых 16.09.83.²⁷ — А. А.]

²⁶ Надеюсь, что читатель не будет слишком доверчив к «фактам», фигурировавшим в выступлениях-автопортретах некоторых участников вышеописанного собрания. Комментарий к каждому из них занял бы слишком много места.

²⁷ См. ранее, в главе 7: раздел «И еще один «свидетель по валютному делу»»

В феврале 1984 г. в приемной УВД г. Ленинграда и УКГБ ЛО (на ул. Чайковского) мне возвратили все [всего было около 80. — А. А.] изъятые при обыске в моей квартире микрофильмы, за исключением текстовых микрофильмов следующих произведений: 1) Б. Пастернак. Доктор Живаго; 2) Н. Мандельштам. Вторая книга; 3) Дж. Оруэлл. Памяти Каталонии; 4) Н. Бердяев. Русская идея у Толстого и Достоевского; 5) Г. Маркузе. Одномерный человек (на английском яз.); 6) Дейл Карнеги. Как завоевать друзей...

Все перечисленные произведения переснимались мною самим в те времена, когда о них в советской печати критических статей еще не было. Насколько мне известно, «Доктор Живаго» предполагался к изданию в СССР и лишь публикация книги за рубежом помешала этому событию. А о перечисленных книгах Н. Мандельштам, Оруэлл и Бердяева я не встречал даже упоминаний. Статья советского философа Шахназарова о романах-антиутопиях О. Хаксли («Новый brave мир») и Оруэлла («1984»), из журнала «Новый мир», была также переснята мною и приложена к пленке «Памяти Каталонии». В статье нет упоминания об этой книге. Пленка указанной статьи мне также не возвращена.

Книга Дейла Карнеги «Как завоевать друзей...» представляет собой курс для управленцев (менеджеров) и коммивояжеров. Еще лет десять назад она была издана в Эстонии на русском языке, а лет пять назад опубликована в новосибирском журнале «ЭКО», имеющем общесоюзное распространение.

Во время беседы с сотрудником Управления КГБ, возвращавшим мне пленки, я задал вопрос: «Как отличить произведения «вредного» содержания среди книг художественных, философских, посвященных литературоведению и т. п., если они не содержат никаких антисоветских высказываний? Ведь перечня «вредных» произведений нет...». Сотрудник госбезопасности, вынося предостережение, разъяснил мне, что надежным критерием является место издания.

Книги, издаваемые на русском языке в капиталистических странах, даже если они посвящены поэту Пушкину, без специального разрешения не подлежат ввозу в СССР.

Далее, я задал вопрос в отношении книг на английском языке, которым в какой-то мере владею. Мне разъяснили, что только библиотечный штамп может служить гарантией отсутствия в книге вредного содержания.

Конечно же, речь здесь идет о произведениях по гуманитарным дисциплинам, о художественной литературе и публицистике. Я же, привыкший, в начале своей научной деятельности, иметь дело с публикациями по физике, математике и другим естественным наукам, перенес эту легкость, не критичность обращения с попадающей ко мне в руки литературой также и на книги по дисциплинам гуманитарным.

<...> Пересъемка микрофильмов была сделана в давно прошедшее время, когда я был моложе и неопытнее, и эпоха была другой. В те годы, я помню, на выставке новых поступлений лежали газеты «Таймс» и «Нью-Йорк таймс», а книги, подобные вышеупомянутым, не считались компрометирующими.

Я, конечно, очень сожалею о том, что вовремя не вспомнил об этих микрофильмах и сам не освободился от них. К моему глубокому сожалению, мне помогли это сделать работники ОБХСС и УКГБ.

Б. Беликов, 10.11.84

* * *

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984)

<...> На следующий день после собрания сектора, 11.11.84, с Борисом Беликовым беседовал секретарь партбюро отдела М. Гусаков. Ссылаясь на мнение руководства, Гусаков посоветовал коллеге поискать работу за пределами института. По мнению Гусакова, после всего случившегося, Беликову предстоящего в ИСЭП в 1985 году конкурса не пройти. Б. Б. принял эту рекомендацию к сведению. <...>

(Записано в ноябре 1984 г.)

Ремарка: «Увольняйтесь по-хорошему...»

Как мне кажется, претензии к Б. Беликову, со стороны органов госбезопасности, были минимальными, по сравнению, скажем, со мной. Однако для руководства ИСЭПа было достаточно самого факта обыска и официального предостережения, чтобы указать Б. Б. «на дверь». (Сентябрь 2000).

9.7.4. ИСЭП: охота на ведьм продолжается

Из «Записей для памяти» (декабрь 1984 — февраль 1985)

<...> 5.12.84 (среда) состоялось партийное собрание отдела социально-экономических проблем труда и образа жизни ИСЭП, посвященное обсуждению постановления бюро Ленинградского обкома КПСС от 16.10.84.

<...> Несколько человек рассказывали мне об этом собрании, и у всех отложилось в памяти в основном 4-часовое обсуждение вопроса о партийной ответственности ст. научного сотрудника В. Голофаства, в связи с подготовкой к изданию коллективной монографии «Семья в крупном городе» (В. Г. — ответственный редактор).

Заседавшее в этот же день, до собрания, партийное бюро отдела (секретарь партбюро — Колесников), опираясь на результаты работы специально образованной комиссии партийного расследования, рекомендовало вынести В. Голофасту строгий выговор с занесением в учетную карточку — за идеологические просчеты при подготовке монографии и за отсутствие личной ответственности и принципиальности при ее доработке. (Формулировка приблизительна; кажется, сначала речь шла об отсутствии личной ответственности и принципиальности вообще, а слова «при ее доработке» вошли уже в окончательную формулировку решения собрания.)

Вопрос об этой отозванной администрацией ИСЭП из издательства «Наука» рукописи ранее поднимался на партийном собрании ИСЭП 1.11 и (если не ошибаюсь) на заседании бюро Ленинградского ОК КПСС 16.10.

Мнения коммунистов о мере партийной ответственности редактора коллективной монографии на собрании разделились. (Кажется, не было едино-

гласным и решение заседавшего до этого партийного бюро.) Многие коммунисты выступали против предложения партбюро о строгом выговоре с занесением в учетную карточку. Среди лиц, настаивавших за вынесение В. Г. указанной меры партийного взыскания, были: зам. директора по науке ИСЭП, зав. сектором Н. Лобанов; зав. сектором, член партбюро отдела проф. Б. Парыгин; секретарь партбюро отдела, м. н. с. Колесников; член партбюро, м. н. с. В. Д.

Сам В. Голофафт энергично оспаривал предъявленные ему комиссией партбюро идеологические претензии.

При попытке голосования мнения коммунистов разделились: 6 чел. — за строгий выговор с занесением в учетную карточку; 6 чел. — за (просто) выговор с занесением в учетную карточку; 8 чел. — за выговор без занесения в учетную карточку; 2 чел. — воздержались.

При повторном голосовании, после дополнительных дебатов, было принято решение вынести В. Голофафту выговор с занесением в учетную карточку, большинством 12 голосов против 8, при двоих воздержавшихся. (Возможно, приведенное соотношение голосов не точно, но мера взыскания именно такова.) Такое партийное взыскание должно утверждаться на партийном собрании института и, далее, на бюро РК КПСС.

На этом же собрании обсуждалось персональное дело члена партийного бюро, м. н. с. В. Д., в связи с недавно поступившим из милиции извещением о его доставке в выпрезвитель. Еще в прошлом году ему предъявлялись претензии: в связи с неявкой на работу на овощебазу, а также — неявкой на демонстрацию и на коммунистический субботник. Отмечалось, что членом партбюро В. Д. был избран уже в нынешнем году, с учетом «наметившегося исправления» ранее допущенных им провинностей.

(Рекомендовал В. Д. в партийное бюро его непосредственный начальник — зав. сектором, проф. Парыгин.)

Б. Парыгин, Н. Лобанов и некоторые другие высказались за минимальную (из предлагавшихся на собрании) меру партийного взыскания В. Д. Решением партийного собрания отдела ему был вынесен выговор без занесения в учетную карточку.

<...> Еще раз подчеркиваю, что в изложении этих событий я вынужден пользоваться вторичной (опосредованной) информацией. Возможны неточности в деталях и в отдельных формулировках, но общий смысл передан правильно. <...>

* * *

<...> В середине января в ИСЭП АН СССР состоялось общепартбюро партийное собрание, на котором рассматривалось персональное дело В. Голофафта. Вопрос обсуждался несколько часов (собрание затянулось до 10 час. вечера).

В конечном итоге собрание, минимальным большинством голосов (52 — за, 11 — против, остальные воздержались, при общем количестве присутствующих около 100 чел.), поддержало решение партийного бюро о вынесении В. Г. выговора с занесением в учетную карточку — «за недо-

статочное ответственное отношение к доработке рукописи, отсутствие должной принципиальности и исполнительской дисциплины, что выразилось в нежелании прислушаться к критическим замечаниям и слабой доработке отдельных положений монографии в идеологическом плане».

В феврале 1985 г. эта мера взыскания (с сохранением формулировки) была утверждена на бюро Дзержинского РК КПСС г. Ленинграда. <...> (Записано в декабре 1984 — феврале 1985 г.)

Ремарка: идеологически вредная книга о семье.

Здесь приведем оглавление рукописи книги: Семья в крупном городе. Под редакцией В. Б. Голофаства. Л.: Наука, 1983: «Введение (В. Голофаст);
 — гл. 1. Региональные различия и состояние семьи в СССР (В. Голофаст);
 — гл. 2. Анализ структурных параметров ленинградских семей (В. Черейский);
 — гл. 3. Состав семьи (В. Голофаст);
 — гл. 4. Связи семьи с родителями супругов (В. Голофаст, Л. Докторова);
 — гл. 5. Напряженность в семье (В. Голофаст, Л. Докторова, О. Божков);
 — гл. 6. Распределение функций в семье, супружеская напряженность и нормативные ориентации супругов (В. Голофаст);
 — гл. 7. Счастье в браке: факторы, динамика, связь с жизненными ориентациями (Л. Докторова);
 — гл. 8. Социально-психологические и нравственные проблемы супружества (С. Голод);
 — гл. 9. Ценности семьи в структуре жизненных ориентаций.
 Проблема валидности методик (В. Голофаст, Г. Красноносенко, О. Божков, Л. Бозрикова).»

Аннотация:

«В книге рассматриваются общие проблемы изменения семьи в крупных городах, зависимость состава и структуры семьи от социально-экономических, социально-психологических и других факторов. Анализируются связи между поколениями, особенности конфликтов в семье и супружеского счастья, нравственные проблемы укрепления семьи, ее место в структуре жизненных ценностей. Монография опирается на результаты цикла социологических обследований в Ленинграде, Риге и Даугавпилсе.

Для исследователей проблем семьи, образа жизни, социальной политики, практических работников служб семьи».

...Оглавление и аннотация публикуются по тексту единственного сохранившегося оттиска рассыпанных гранок, с любезного разрешения ответственного редактора книги Валерия Борисовича Голофаства, канд. филос. наук, ныне — зав. сектором Социологического института РАН. (Январь 2000 — декабрь 2001).

9.7.5. Конкурсные страдания Из

«Записей для памяти» (январь-март 1985)

<...> В январе 1985 г. в ИСЭП АН СССР проходил очередной конкурс на замещение должностей младших научных сотрудников. При этом в ходе

подготовки к конкурсу возникли специфические «трения» в отношении троих сотрудников ныне ликвидированного сектора социальных проблем личности и образа жизни [бывший сектор В. А. Ядова. — А. А.] и одного сотрудника сектора социальных проблем социалистического соревнования (в названии этого последнего сектора я не уверен).

Из этих четверых двое — Л. К. и О.Б. [Л. Е. Кесельман и О. Б. Божков. — А. А.] являются моими личными друзьями, а одна — Е. А. — не только моим другом, но и родственницей. <...>

На заседании Ученого совета ИСЭП 15.01.85 конкурсные дела этих сотрудников были отложены, затем проведены специальные собеседования, в которых принимали участие секретарь партбюро института А. Быст-рова, зав. отделом социальных проблем труда и образа жизни (он же — зам. директора по науке) Н. Лобанов, а также заведующие соответствующими секторами института Махалов и Потемкин.

При этом к названным сотрудникам предъявлялись претензии типа: «не пишет диссертацию», «сотрудничает с театральным обществом», «не выполнил общественного поручения». В отношении двоих членов КПСС (Л. К. и Е. А.) было решено через полгода заслушать их самоотчеты на партийном бюро отдела.

В основном претензии к названным сотрудникам исходили от Н. Лобанова. Особенно тенденциозными были претензии Потемкина к Е. А. (вплоть до отрицательной оценки ее работы в 1982 г., когда самого Потемкина в институте еще не было, а Е. А. работала в другом отделе). Надо сказать, что эти претензии тов. Потемкина к Е. А. решительно отвергаются общественностью того сектора, который он возглавляет (где Потемкин уже успел порастерять авторитет руководителя).

В конечном итоге, кандидатуры этих троих сотрудников были все же поддержаны партийным бюро и руководством отдела, с учетом высказанных замечаний (критики, претензий). <...>

В конце февраля, ранее «отложенные» кандидатуры Л. К., О. Б. и Е. А. «прошли» Ученый совет института. Таким образом, эпизод с переизбранием по конкурсу в ИСЭП АН СССР лиц, с которыми я состою в близко дружеских или родственных отношениях, оказался благополучно исчерпан.

(Записано в январе-марте 1985 г.)

Ремарка 1: Памяти Елены Алексеевой.

«Е. А.» — Елена Ивановна Алексеева, мать моей дочери Ольги Новиковской.

...Наш супружеский союз распался давно, еще в 60-х гг. Но случилось так, что уже после этого мы почти 30 лет проработали «бок о бок»: в Ленинградских секторах Института философии АН СССР, потом — в ИСЭПе, потом в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН. Мы с Е. И. были не только коллегами и родственниками, но и тесно дружили всю жизнь.

Те, кто знал Елену Алексееву, думаю, разделяют со мной горечь утраты и сохраняют о ней светлую память: вчера, 17 марта 2002 г., Елены Ивановны не стало. (Март 2002).

Ремарка 2: советская социология — в зеркале воспоминаний, документов и историко-социологических исследований.

Как видно из материалов этого раздела, еще неизвестно, кому в тот период приходилось труднее или «больше доставалось»: социологу-рабочему, за его станком, или его коллегам в академическом институте, за их письменными столами.

Отсылаю читателя к появившимся в последние годы сериям мемуарных публикаций ведущих российских социологов в научных периодических изданиях («Социологический журнал», «Журнал социологии и социальной антропологии» и др.).

См. также:

— *Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность. Материалы симпозиума 23 марта 1994 г. / Под ред. В. А. Ядова, Р. Грат-хоффа. М.: Институт социологии РАН, 1994;*

— *Ленинградская социологическая школа (1960-е — 1980-е годы). Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 23–25 сентября 1994 г. М.-СПб.: РОС, СПАС, 1998;*

— *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и автор предисловия Г. С. Батыгин. СПб.: ИС РАН, 1999.*

История советской социологии становится нынче также предметом и специальных культурологических и историко-социологических штудий, среди которых хотелось бы особенно приветствовать появление двух работ:

— *Рапорт С. С. Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних // Социологический журнал, 1998, ¹ 1/2;*

— *Фирсов Б. М. Лекции по истории советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001.²⁸*

(Октябрь 2000 — февраль 2002).

* * *

От автора — сегодня

Из изложенного выше не следует, однако, заключать, что социология в целом оказывалась лишь «страдающей» стороной (во взаимоотношениях с властью). Это относится не только к сервильным фигурам, вроде радателя «рабочего контроля» за деятельностью ученых советов или изобретателя неологизма «недостаток идеологической выправки», а и ко многим из тех, у кого такой «выправки» и впрямь не доставало.

Приведу здесь современное размышление на эту тему Б. М. Фирсова: «...Не умаляя ни не йоту действительных заслуг и достижений социологии 60-х годов, я бы рискнул назвать два ее неотмоленных греха. Первый — ослеп-²⁸

Первый, ранний опыт аналитического обозрения истории советской социологии был предпринят В. Э. Шляпентохом, еще в 80-х гг.: *Shlapentokh V. The Politics of the Sociology in the Soviet Union* Boulder, London: Westviewpress, 1987 См также фундаментальный коллективный труд: *Социология в России / Под ред В А Ядова М: Институт социологии РАН, 1998*

Мой собственный давний (1980), в общем не изменившийся с тех пор, взгляд на «пути и перепауга» советской социологии см в главе 3: раздел «Мистифицированная наука...» Заметим, что обозначенный в предложенной там динамической модели процесс «реидеологизации» социологии в «год Оруэлла» (1984) достиг своей кульминации

Остается под вопросом справедливость моего тогдашнего прогноза о новом «прорыве к реальности» Произшел или нет такой прорыв после, в связи с радикальными общественными переменами в России на рубеже 80–90-х гг, — это особая тема

ление образом государства. Гипноз и слабование обществоведческой мысли, включая социологическую, под влиянием государства, чьи иллюзорные добродетели и фальшивое человеколюбие служили щитом для маскировки абсолютной и жестокой власти, является фактом недавнего прошлого. Идеология подавила в значительной мере независимость научного мышления.

...Грех второй — примирение с социальным порядком. Большинство профессиональных социологов не опускалось до уровня примитивной идеологической манипуляции массовым сознанием, но компромисс с властью не оставался без последствий. Социология оказалась втянутой в процесс утверждения уни-формизма общественной жизни и удержания людей в границах повиновения...

...Перечисленные выше дисфункции социологического знания имели место вопреки намерениям большинства социологов...» (Б. Фирсов. Как добывались послушания социологии / Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999, с. 349–350).

В упомянутом выше курсе лекций по истории советской социологии Борис Фирсов выделяет шесть типов (моделей) «политических и профессиональных позиций и поведения советских социологов»: 1) индивидуальное существование в нише профессиональной деятельности; 2) дистанцирование от власти; 3) коллективная иммунная защита от власти на основе «игр по правилам»; 4) социальный конструктивизм в сочетании с критическим отношением к институтам партийно-государственной власти; 5) активное сотрудничество с органами власти; 6) поддержка режима из карьерных интересов (см. Б. Фирсов. История советской социологии..., с. 119–131).

Разумеется, в жизни любой тип крайне редко можно встретить «в чистом виде»: субъективная мотивация всегда плюралистична. Следует также иметь в виду, что типология Б. Ф. обобщает в основном профессиональный опыт «социологической элиты». Многие исследователи, которые в свое время «не успели» или «не сумели» или «не захотели» достигать ученых степеней, в эту типологию укладываются лишь с натяжкой.

В отличие от преобладающего, пожалуй, сегодня взгляда, С. С. Рапопорт в упомянутой выше статье «Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних» отмечает, что:

«...ошибкой было бы представлять ее [советскую социологию. — А. А.] как нечто единое и цельное; было несколько социологий — от официальной до неофициальной, с промежуточными смешанными вариантами; они влияли друг на друга и в целом составляли немалую часть стиля жизни тогдашней интеллигенции...» (С. С. Рапопорт. Указ. соч., с. 245).

В континууме от «официального» до «неофициального» полюсов, С. Р. выделяет «руководящую», «рядовую» («рутинную»), «почти официальную», «эзоповскую», «там- и самиздатскую» и «устную» социологии.

«... И официальные, и неофициальные социологии различаются словарем, референтными авторами, правилами чтения, шкалами оценок — и престижем в широкой культурной среде...» (Там же, с. 246).

По мысли автора, этому подразделению неоднозначно соответствуют три главные биографические ниши, которые — в нашем пересказе — обозначим упрощенно: (1) «**карьеристы**», (2) «**выживающие**» и (3) «**публознательные**».

«...Конечно, перечисленные типы биографических ниш представляют собой упрощенные идеализации, известны редкие случаи социологического диссидентства; в действительности чаще всего встречались смешанные варианты...» (Там же, с. 248).

Автор показывает, что в разных «нишах» имела место дивергенция с тяготением (в зависимости от конкретных обстоятельств) к разным позициям на вышеуказанной биполярной шкале. Анализируя историческую ситуацию социологии времен тоталитаризма, С. Р. делает следующий вывод:

«...В контексте тогдашней социальности никакой самый высокий профессионализм — с базовой подготовкой — не мог бы спасти качество профессиональной социологии по двум причинам: а) при обслуживании канона тоталитарной идеологии качество профессиональной социологии вообще лишается смысла; б) находясь в конфронтации с этим каноном, текст в принципе не мог бы появиться публично, то есть легально существовать...» (С. С. Рапопорт. Указ. соч., с. 248).

...Если воспользоваться терминологией Сергея Рапопорта, описанная здесь ситуация «ИСЭП-1984» являет собой пример неравноправного конфликта «руководящей» социологии, с одной стороны, и «полуофициальной» и даже «рутинной» социологий, с другой.

А. А., декабрь 2001 — февраль 2002

9.8. Управление КГБ за работой

9.8.1. Из практики объявления официальных предостережений

[Выше упоминалось (в изложении выступления директора ИСЭП АН СССР Сигова на партийном собрании института), что некоторым социологам (в том числе сотрудникам этого института) объявлено официальное предостережение органов госбезопасности.

Вот как комментировалась тогда эта информация социологом-испытателем. — А. А.]

Из «Записей для памяти» (декабрь 1984 — январь 1985)

<...> И В. Г. [Валерий Дмитриевич Глухов. — А. А.], и Б. Б. [Борис Дмитриевич Беликов. — А. А.] были в числе тех моих друзей и знакомых, которых в сентябре-октябре 1983 г. приглашали в Управление КГБ и расспрашивали обо мне, в поисках свидетельств «антигосударственной» (как тогда, видимо, предполагалось) деятельности. Но, в отличие от бесед с остальными, где моя персона была единственным предметом разговора, и тому, и другому были предъявлены и свои претензии со стороны органов госбезопасности.

В частности, В. Г. было заявлено, что, будто бы, он тоже распространял литературу политически вредного содержания (в частности, то самое произведение А. Зиновьева, которое упоминается в справке УКГБ ЛО «В отношении Алексеева А. Н.» от 12.03.84) [«Зияющие высоты». — А. А.]. При этом, в отличие от меня, ему было устроено что-то

вроде «очной ставки» (при отсутствии уголовного дела это надо называть как-то иначе!), с двумя людьми, которые это утверждали (удостоверяли).

Особенностью ситуации было то, что эти двое (не близкие знакомые В. Г.!) являются супругами. Кроме того, один из них, будучи сам лицом официальным (призванным пресекать обращение подобной литературы), оказался объектом своего рода «служебного расследования» по поводу собственной причастности к «распространению». По-видимому, у этого человека, поддерживаемого его супругой, была особая личная заинтересованность выгородить себя любыми средствами, вплоть до наговора.

Поскольку В. Г., разумеется, никакой вредной литературы не распространял и свидетельства обоих супругов насчет него были в лучшем случае недоразумением, а в худшем — сознательным оговором, В. Г. заявил об этом со всей определенностью. Тем не менее, три месяца спустя, 21.02.84, «заподозренный» был повторно приглашен в Управление КГБ, и ему было объявлено официальное предостережение — тем же самым подполковником Владимировым, который имел дело и со мной.

Как и я в своем случае, В. Г. отказался подписать текст предостережения, поскольку инкриминируемый ему проступок попросту не имел места.

<...> Что касается Б. Б., то наши жизненные обстоятельства во второй половине 1983 г. довольно сходны и развивались параллельно.²⁹

Беседа с Б. Б. в доме на Литейном в октябре 1983 г. касалась: а) наших с ним взаимоотношений; б) изъятых у Б. Б. во время обыска микрофильмов книг, среди которых оказалось несколько изданных за рубежом. Эти материалы обыска у Б. Б., равно как и мои материалы, были «выделены» следователем Сорокиной из дела В. и переданы в УКГБ ЛО, в конце сентября 1983 г.

Повторно Б. Б. был приглашен в Управление КГБ 7.02.84 и ему, опять же подполковником Владимировым, было объявлено официальное предостережение — в связи с изготовлением и хранением негативов с изданий, не подлежащих ввозу в СССР (других претензий не было).

Б. Б. текст этого предостережения подписал, с оговоркой, примерно совпадающей по содержанию с тем, что он говорил позднее на собрании подразделения ИСЭП, где он работает³⁰.

(Записано в декабре 1984 — январе 1985 г.)

[О том, как дальше сложилась судьба моего коллеги Бориса Беликова (увольнение из института, отъезд на Чукотку), говорилось выше. О позднейших событиях его жизни и обстоятельствах кончины (2001) см. в Приложениях к части 2: «Последнее “дело” Бориса Беликова».

Валерий Глухов в 1990 г. был избран депутатом Ленсовета, в настоящее время — работает помощником депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга Н. Л. Евдокимовой. — А. А.]

²⁹ Как уже отмечалось, обыски в моей квартире и в квартире Бориса Беликова происходили одновременно, и по одному и тому же уголовному делу, возбужденному в отношении нашего коллеги В. См. ранее, в главе 7: раздел «И еще один «свидетель по валютному делу»...»

³⁰ См. выше: раздел «ИСЭП-1984...»

9.8.2. «Привет от Незабудкина...»

Из «Записей для памяти» (декабрь 1984)

11.12.84 в наш цех пришли двое работников отдела НОТиУ завода — ст. инженер Б. М. [Б. И. Максимов. — А. А.] и начальник лаборатории НОТ Кроль (это фамилия). Как я узнал потом от Б. М., они занимались поиском объектов для фотографирования на стенд ВДНХ.

Кроль некоторое время постоял у моего станка, наблюдая за работой. Потом поинтересовался назначением станка (как можно было понять, видел его впервые). Уже отойдя, вернулся и сказал, что некто Незабудкин [фамилия здесь изменена. — А. А.] интересовался моей «партийной судьбой».

«А кто это?» — спросил я. — «Вы ведь Алексеев?» — уточнил Кроль. — «Да». — «А Незабудкин — математик, работает в институте Академии наук. Мы с ним соседи по лестничной площадке», — сказал Кроль. «Вы его знаете?» — поинтересовался затем Кроль. — «Фамилию слышал, а лично не знаком», — ответил я.

(В скобках замечу, что впервые услышал эту фамилию уже четыре года спустя после ухода из ИСЭП, где Незабудкин, как я теперь знаю, работает в математическом отделе.)

«Когда же он мною интересовался?» — спросил я. — «Весной или летом, когда Вас обсуждали на парткоме, — сказал Кроль. — «И что же Вы ответили?» — спросил я. — «Я тогда был не в курсе дела». — «А теперь — в курсе?» — «Теперь — да».

Я не стал развивать эту тему дальше. Кроль тоже.

Мое знакомство с Кролем до этого времени исчерпывалось тем, что года три назад я посещал заводские курсы повышения квалификации, где тот провел несколько занятий. Поэтому я знал Кроля в лицо. Он же меня, похоже, нет. Во всяком случае мы с ним никогда не здоровались.

...Вот уже второй раз за последние год с небольшим я получаю своеобразный «привет от Незабудкина», которого не знаю даже в лицо.

Первый раз это было в октябре-ноябре 1983 г. В то самое время, когда моих знакомых и друзей, одного за другим, приглашали в Управление КГБ и сотрудники этой организации искали у них подтверждения в том, что я занимаюсь «антигосударственной деятельностью», один мой старый знакомый и добрый товарищ, сослуживец по ИСЭПу и по предыдущему месту работы, В. рассказал мне, что некий его знакомый (фамилии он тогда не называл) то ли видел сам, то ли разговаривал с человеком, видевшим французский социологический журнал или сборник со статьей Алексеева, под названием «Несколько дней из жизни советского рабочего».

Информация показалась мне тогда фантастической (разве что какой-нибудь другой Алексеев), и я не придавал ей особого значения. Но все же попросил В. узнать точнее. Тот обещал навести дополнительные справки, но ничего больше узнать не смог. Я не настаивал.

Однако полгода спустя, когда уже состоялось исключение меня из партии и я имел возможность убедиться, какую роль в принятии ответственных решений играют **легенды** (пусть другие), я вспомнил об этом эпизоде, разыскал В. и спросил его, кто же все-таки рассказывал ему про французский журнал. В. с готовностью назвал этого человека — Г. П. Незабудкин, математик, работает в ИСЭПе, в здании на Серпуховской ул. (где и В.). Я сказал, что хотел бы разобраться в этой странной истории. В. обещал поинтересоваться у Незабудкина.

Воспроизвожу текст своей **тогдашней** записи для памяти, которую я было счел не заслуживающей включения в свой архив:

5 мая 1984 г. По рассказу В., недавно дополнительно наводившего справки по моей просьбе, Г. П. Незабудкин, сотрудник ИСЭП, математик, примерно осенью 1982 г. (так!) после выставки «Оргатехника» в Москве беседовал со своим знакомым, бывшим ленинградцем, ныне москвичом. Последний, будто бы, в связи с этой выставкой, разговаривал с какими-то французами, которые ему показывали сборник, где этот знакомый увидел статью за подписью Алексеева, посвященную «нескольким дням из жизни советского рабочего». Это заинтересовало того знакомого, поскольку он слышал о социологе Алексееве, ставшем рабочим. Он записал название сборника (журнала?) и сообщил Г. П. Незабудкину, который — уже не сообщая названия — поделился этой информацией с В., а тот — не называя информанта — рассказал мне.

Тогда же, по просьбе В. (которого, в свою очередь, попросил я, узнав об этом), Незабудкин обратился к библиографу в поисках этого сборника. Однако издания под таким названием в ленинградской библиотеке не оказалось. Теперь же, когда В. вновь спросил об этом Незабудкина, у того не сохранилось даже бумажки с названием.

Еще В. рассказал мне, что Незабудкин живет на Большом проспекте Петроградской стороны, рядом с бывшей квартирой В. (откуда они в основном и знакомы). Соседом же Незабудкина по лестничной площадке является начальник лаборатории НОТ Лен. завода полиграфических машин. Кроме того, Незабудкин говорил, что знаком с какой-то женщиной-технологом с этого завода, от которой будто бы слышал обо мне, как о «личности на заводе известной».

Я сказал В., что все это как-то странно, и я хотел бы встретиться со столь «наслышанным» обо мне Незабудкиным, чтобы получить информацию, по крайней мере о французском журнале с публикацией «Алексеева», непосредственно от него (хоть и он — не первоисточник). В. сообщил мне рабочий тел. Незабудкина <...> и обещал его предупредить. А. А. Май 1984

В мае мне было не до Незабудкина и не до расследования этой легенды. Я так и не позвонил до сих пор.

Помню, что В. вначале говорил, что Незабудкин вообще-то человек не легкомысленный, фантазировать не станет. Однако примерно месяц спустя, поинтересовавшись, звонил ли я Незабудкину, В. сказал: «Ну и не звони. Станный он какой-то: сначала говорит одно, потом другое». — «Ты в этом недавно убедился?» — спросил я. — «Да, недавно».

И я вообще выкинул эту историю из головы.

...И вот, в декабре 1984 г. сосед Незабудкина по лестничной клетке Кроль вдруг напоминает мне о существовании этого таинственного, так и оставшегося мне не знакомым Незабудкина, который осенью 1983 г. информировал моего коллегу о французском сборнике со статьей «Алексеева», виденной его (Незабудкина) знакомым еще за год до этого и т. д. (см. выше), а весной 1984 г.

интересовался у моего нынешнего сослуживца (если считать сослуживцами начальника лаборатории НОТ завода и слесаря цеха ¹ 3) моей «судьбой»...

Уж не обиделся ли Г. П. Незабудкин, что я ему в мае не позвонил?
(Записано 11.12.84)

Ремарка: хитроумная комбинация?

Можно предположить, что забрасыванием «дезы» через «Незабудкина» (который, возможно, сам об этом не подозревал; или подозревал?), его информанты рассчитывали: по моим реакциям выяснить — не посылал ли социолог-рабочий, на самом деле, своих сочинений за границу.

Или (что тоже не исключено!) таким оригинальным способом пытались «предостеречь» меня от этого. (Июль 2000).

9.8.3. Дружелюбная беседа в приемной КГБ

Ремарка: новое письмо начальнику УКГБ ЛО.

В январе 1985 г., т. е. год спустя после объявления органами госбезопасности официального предостережения, социолог-испытатель написал новое письмо начальнику УКГБ ЛО Носыреву, где настаивал на том, что утверждение, будто он «хранил и распространял среди своих знакомых копии антисоветских произведений А. Зиновьева», содержащееся в справке Управления КГБ от марта 1984 г. «В отношении Алексева А. Н.» (см. выше), является ошибочным.

В письме высказывались конкретные предложения. Смысл этих предложений будет ясен из нижеследующей «записки для памяти», описывающей состоявшуюся, в связи с данным обращением, беседу. (Декабрь 1999).

Из «Записей для памяти» (март 1985)

<...> 26.02.85. В доме на углу Литейного пр. и ул. Чайковского со стороны ул. Чайковского есть подъезд с двумя досками:

«Приемная ГУВД г. Ленинграда» и «Приемная УКГБ ЛО». Помещение общей приемной, где ожидают посетители (их в этот день и час было много, все, как я понял, в ГУВД), имеет несколько дверей в кабинеты, без надписей. В приемной, за столом дежурного, сидит милиционер. Я сообщил милиционеру, что явился сюда по приглашению тов. Хазанова. Тот было не понял, а потом предположил, что это — в Управление КГБ, и указал на соседнюю с его столом дверь. Не успел я постучаться в эту дверь, как из нее выглянул полный, крупный, чернявый, круглолицый человек лет 35 и, обратившись ко мне по имени и отчеству (знает меня в лицо?), предложил подождать до 17 час (на часах было без 4-х мин. 17).

Ровно в 17 час. я был приглашен им. В кабинете, кроме него, был еще один человек, как я предположил, тот самый Невзоров, который проводил со мной беседу в УКГБ ЛО год назад, 6.01.84. (Непосредственно объявлявший мне предостережение подполковник Владимиров был тогда кем-то вроде ассистента; но нынче я был не уверен, что это тот самый, пока тов. Невзоров сам не дал понять, что мы с ним уже встретились.) <...>

Вторым (пригласившим меня в кабинет и заменившим на этот раз подполковника Владимирову в роли «ассистента») оказался тот самый тов. Хазанов, который звонил мне по телефону, приглашая к этой встрече.

Но вот домой ко мне, как тут же зачем-то было им сообщено, несколько дней назад заходил не он сам, а другой их сотрудник — некто Дмитрий Федорович. То же обстоятельство, что Дм. Фед. сказал моей жене, что зайдет еще на другой день, для уточнения времени встречи в Управлении КГБ, и не зашел, — было здесь, с первых же слов, прояснено, как состоявшееся недоразумение: Дм. Фед., по словам Хазанова, то ли заходил ко мне домой, уже будучи нездоровым, то ли заболел позднее, я не понял.

Тов. Хазанов (он показался мне разговорчивым) сказал еще что-то уже совсем не имеющее отношение к делу: что моя жена, как он знает, должна была встретиться со мной в тот же день, 22 февраля, у ст. метро «Васи-леостровская». (Как мне потом объяснила Нелли, она вначале приняла посетителя за кого-то из моих знакомых и сообщила ему эту «избыточную» информацию.) Но все это, повторяю, не имело отношения к делу, поскольку встреча моей жены со мною (у станции метро) — если и могла быть использована для передачи информации мне, то уж никак не для «обратной связи» с сотрудником УКГБ.

Ну, это так, «преамбула»...

Ремарка: нет несущественных деталей!

Фиксация всех этих «посторонних» моментов и деталей в «записях для памяти» представлялась мне тогда (как, впрочем, и теперь) не лишней, поскольку позже такие детали и нюансы оказывались иногда значимыми и проясняющими всякие «темные» обстоятельства. (Август 2000).

...Когда я снял пальто и сел сбоку Т-образного стола, во главе которого сидел тов. Невзоров, а напротив меня, сбоку же, — тов. Хазанов, первый произнес одну длинную и четкую фразу, которая, собственно, и составляла ответ на мое обращение к начальнику УКГБ ЛО от 13.01.

Он, тов. Невзоров, в ответ на мое письмо, уполномочен руководством Управления сообщить мне, что **все** факты, изложенные в справке УКГБ ЛО «В отношении Алексея А. Н.» от марта 1984 г., являются **достоверными**, в том числе — является правильным утверждение о том, что я **распространял** антисоветскую литературу, в частности, произведения А. А. Зиновьева «Зияющие высоты» и «Светлое будущее». Есть ли у меня вопросы?

Я сказал, что обращался к начальнику УКГБ ЛО с **двумя** просьбами. Первая — произвести дополнительную проверку материалов по данному, конкретному вопросу.

—Правильно ли я понял, что такая проверка произведена?

—Да.

—Вторая просьба — привлечь также и меня к этой проверке. Правильно ли я понял, что в этой второй просьбе мне отказано?

—Да. Есть ли еще вопросы?

— Да нет, — сказал я. — Разве что риторический: что мне с вами делать — судиться, что ли?..

Ремарка: можно ли судиться с правоохранительным органом?

Вопрос не совсем риторический...

В начале 1985 г. социолог-испытатель вполне серьезно рассматривал для себя перспективу обращения в суд с иском о защите чести и достоинства (на основании статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик) к Управлению КГБ ЛЮ и начальнику его подразделения Полозюку, подписавшему справку «В отношении Алексеева А. Н.». (Формулировку этой статьи Основ ГЗ см. ниже.)

В моем архиве сохранился черновик искового заявления, так и не использованный, поскольку был выбран более «мягкий» вариант самообороны.³¹ (Декабрь 1999 — сентябрь 2000).

...—?!

— С кем судиться? Ну, с вашей организацией, с тов. Полозюком, подписавшим справку....

— Мы можем дать Вам один совет, — сказал тов. Невзоров. — Будьте с нами откровенны, и, может быть, все вопросы будут решены. (За дословность воспроизведения этого высказывания не ручаюсь, но смысл именно тот, и термин **откровенность** был употреблен.) На этом беседа была исчерпана. Уже одевая пальто, я сказал примерно следующее:

— Да, есть у меня еще один вопрос: как могло случиться, что в справке партийной комиссии горкома КПСС, опирающейся, очевидно, на ваши материалы, среди перечисленных материалов сентябрьского (1983 г.) обыска в моей квартире фигурирует материал, который у меня на самом деле не изымался.

— Какой?

— Я не располагаю сейчас текстом справки партийной комиссии. Мне сказали, что это — секретный документ. А без этого текста, я не берусь указать на ошибку точно. Наверняка вы сами сможете с ним ознакомиться и удостовериться.

— Этого не может быть!

— Однако есть. Чтобы убедиться, достаточно заглянуть в протокол обыска, которым я располагаю.

Эта побочная тема развития не получила...

Ремарка: разночтения в официальных документах.

Здесь имеется в виду ксерокопия стихов Марины Цветаевой, приложенная к машинописной копии ее писем, действительно изымавшейся при обыске. Однако в протоколе обыска 16.09.83 стихи М. Цветаевой отражены не были, что давало тогда повод думать, что их вовсе не изымали.

³¹ В суд обратился, но «всего лишь» — с иском к секретариату Советской социологической ассоциации. См об этом в главе 10: раздел «Письма Любимым женщинам 1985»

Впоследствии, ознакомившись с ксерокопией, социолог-испытатель предпочел включить эти стихи в «систему» своей самозащиты, а не настаивать на возможном подлоге.³² (Октябрь 2000).

... Не помню, в какой связи тов. Невзоров, в начале или в конце беседы, упомянул официальное предостережение УКГБ ЛО («Если Вы помните...» — «Да, помню») и факт отправки его копии (в свое время) прокурору г. Ленинграда. Еще тов. Невзоров заметил (кажется, в связи с советом об «откровенности»): «Ваша позиция за год не изменилась: я — честный коммунист, меня оклеветали».

В заключение тов. Невзоров пожелал мне, «чтобы все у Вас было в порядке».

—И я того же Вам желаю, — сказал я, без нажима.

—Спасибо, — ответили мне вежливо.

Вся беседа продолжалась 5–7 мин. <...>

(Записано в марте 1985 г.)

9.8.4. Новое в советском законодательстве

[Ниже — сохранившиеся в моем архиве выписки из читанной в 1984 г. книги. Из нее я тогда узнал о новой формулировке ст. 7 Основ гражданского законодательства, актуальной для «моего случая». — А. А.]

Из книги Л. Красавчиковой «Личная жизнь под охраной закона» (1983)

<...> Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1981 г. [см.: *Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, 1 44, с. 1184.* — А. А.] были внесены определенные изменения в Основы [гражданского законодательства. — А. А.].

Так, изменения были внесены в ст. 7 Основ, предусматривающую защиту чести и достоинства граждан и организаций. В новой редакции ст. 7 содержит в себе следующее правило: **«В случае, если не соответствующие действительности, порочащие честь и достоинство гражданина сведения содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене».**

Вводя подобное правило, законодатель воспринял опыт, имевшийся у судебной практики при рассмотрении исков об опровержении сведений, содержащихся в служебных характеристиках. <...>

Внесение подобного дополнения в текст ст. Основ способствует повышению эффективности защиты чести и достоинства граждан. <...>

(Красавчикова Л. О. *Личная жизнь под охраной закона.* М.: Юридическая литература, 1983, с. 37–38)

³² См. ниже: раздел «Джордж Оруэлл, Марина Цветаева и тт. Марков, Смаглиенко и Горячкин»

[Именно на эту статью Основ гражданского законодательства впоследствии довелось не однажды опираться социологу-испытателю в своей самообороне, включая обращения в суд. — А. А.]

9.9. Потерпевший, милиция, прокуратура (Дело о «поврежденной двери»)

[Как рассказывалось выше ³³, вскоре после обыска произошел «таинственный» налет на квартиру социолога-рабочего. Ниже — продолжение этого сюжета. — А. А.]

9.9.1. Милиция. «А был ли мальчик?»

Из «Записей для памяти» (октябрь 1984)

<...> 24.10.84, вернувшись домой поздно вечером, я обнаружил в почтовом ящике повестку с вызовом в следственный отдел 60-го отделения милиции г. Ленинграда (ул. Беринга, 29, 2-й этаж, комн. 16), к следователю М. Ю. Соловьеву, на 25 октября, к 10 час. Цель вызова была обозначена: «в связи с заявлением».

25.10 (четверг), явившись на работу, как обычно, к 7-08, я показал эту повестку мастеру Г. Соколову, сказав, что мне придется отлучиться для «выполнения государственных обязанностей» (так это именуется в кодах видов оплаты на нашем заводе), с 9 час. (с учетом времени на дорогу до места явки). Тот выписал мне увольнительную.

Увольнительную, вместе с повесткой, я показал бригадиру А. Сычевичу, объяснив вкратце, в связи с чем меня вызывают. А. С. сказал, что слышал о том, что у меня в прошлом году взломали квартиру, ничего из нее не взял. (Слышать мог от Сереги 3-ва, которому я тогда рассказывал, а самому А. С. — нет.)

* * * <...> Комната 16 на 2-м этаже 60-го ОМ оказалась не в следственном отделе (которые, кажется, бывают только в районных управлениях внутренних дел), а в отделенной от остальных помещений милиции части этажа с табличкой «Уголовный розыск». На двери были обозначены ¹¹ кабинетов, фамилии сотрудников, и там же — кнопки звонков. Фамилии «Соловьев» не было. Я нажал соответствующую кнопку, но тут же обнаружил, что дверь не заперта и прошел в небольшой коридор.

В нужной мне комнате оказалось два стола и двое сотрудников. Одним из них был вызывавший меня Соловьев. Второй вскоре ушел.

Как я вспоминаю, это тот самый кабинет, где я однажды встречался с инспектором уголовного розыска А. И. Комышаном (и тел., указанный в повестке — 355-27-66 — тот же).

Тов. Соловьев (Михаил Юрьевич) достал из сейфа папку, имеющую надпись «Дело ¹ 556», и стал заполнять бланк под названием «Объяснение» (аналогичный тому, который заполнял десять месяцев назад, 22.12.83,

³³ См ранее, в главе 7: раздел «Малолетний взломщик»

инспектор Комышан). При этом М. С. не спрашивал у меня документа, удостоверяющего личность, и вообще не спрашивал данных, которые включены в преамбулу («паспортичку») объяснения (имя, отчество, год рожд., место работы, кем работает, партийность), а **переписал** все это из прошлогоднего объяснения (полагая, вероятно, что никаких изменений не произошло; а ведь произошло: исключен из партии!).

Затем М. С. стал беседовать со мной, протоколируя ответы (причем, как я потом имел возможность убедиться, записывая их очень грамотно и точно).

Было уточнено, кто проживает в моей квартире (я, жена, теща), о каждом из членов семьи выяснены: ФИО, место работы, должность. По поводу обстоятельств, изложенных в моем первом заявлении в милицию от 11.12.83 (взлом и разгром квартиры), Соловьев подробно не расспрашивал, зато детально интересовался, почему это заявление было подано не сразу, а лишь месяц спустя после описанных в нем событий.

Я рассказал историю своих «взаимодействий» с инспектором Комышаном. <...>

[Здесь опущен фрагмент, кратко воспроизводящий ту «запись для памяти» 1984 г., что приводилась выше, в разделе «Малолетний взломщик». — А. А.]

Далее, кратко рассказал о последовавших за тем событиях:

—объяснение, взятое у меня инспектором Комышаном 22.12.83 (хотя и датированное им, с моего согласия, 11.12);

—мое обращение к Комышану полтора месяца спустя за ответом;

—его, Комышана, устная информация о том, что ответ с отказом в возбуждении уголовного дела давно мне послан по почте;

—моя просьба об ознакомлении с копией не полученного мною почтового отправления;

—его, Комышана, невразумительный отказ сделать это и рекомендация мне — обратиться на почту (хотя содержание ответа тов. Комышан тут же с готовностью изложил, и даже, неофициально, написал своей рукой: что же там было указано);

—мое обращение в канцелярию 60-го ОМ за дубликатом потерянного почтового отправления;

—двухмесячное ожидание, пока дело ¹ КП- 556 вернется из прокуратуры, где оно, оказывается, в то время находилось на проверке;

—мое письмо начальнику 60-го ОМ, от 18.03, с просьбой принять меры к выдаче мне, наконец, дубликата ответа на заявление в милицию от 11.12.83;

—ответ, подписанный зам. нач. 60-го ОМ от 26.04.84 О. В. Гололобовым, о том, что в возбуждении уголовного дела **отказано**, ч. 2, ст. 5 УПК РСФСР (кстати, написан был этот ответ рукой того же Комышана);

—мой запрос от 11.06.84, на имя начальника Василеостровского управления внутр. дел. г. Ленинграда, с недоумением по поводу имеющейся в ответе зам. нач. 60-го ОМ ссылки на отсутствие «состава преступления» (упомянутая ст. 5 УПК, ч. 2) и просьбой ознакомить меня с текстом мотивированного постановления на этот счет;

—повторный запрос туда же, от 11.08.84, ввиду отсутствия ответа на предыдущий;

—наконец, полученный уже **в сентябре** ответ от 7.09.84, подписанный опять же зам. нач. 60-го ОМ, о том, что материал по факту «проникновения» в мою квартиру Василеостровской прокуратурой возвращен в милицию для **дополнительной** проверки. После принятия решения мне будет сообщено дополнительно.

(На этот раз, заметил Соловьев, ответ был написан собственной рукой зам. нач. отделения милиции Гололобова)...

Ремарка: терпение, терпение...

Если человек решил вступить в «бумажную войну» с правоохранительными органами, он должен запастись «звериным» терпением. К тому же призываю и читателя. (Октябрь 2000).

* * *

...Где-то, по ходу этой беседы (ближе к ее началу) Соловьев сообщил мне, что инспектор Комышан отстранен от должности **за допущенные ошибки**. «За эту, в частности», — уточнил М. С., в ответ на мой вопрос. Будет ли Комышан вообще уволен из милиции или только отстранен от должности, — сейчас решается.

Я высказался о проштрафившемся инспекторе с сочувствием («даже жаль человека!»), впрочем, не скрывая сложившегося у меня впечатления о нем, как о фигуре скорее комической в этой роли (он мне показался «детективом из оперетты», кажется, сказал я).

Соловьев вполне со мной согласился. Потом разъяснил суть служебной ошибки инспектора Комышана: если дверь взломал 13-летний подросток («мальчик»), то состава преступления и впрямь нет (за отсутствием дееспособного субъекта); но если «не мальчик», то состав есть, вот только преступник не разыскан. Тов. Комышан, оказывается, по словам Соловьева, мотивировал свой отказ в возбуждении уголовного дела «мальчиком», не установив наверняка, «был» мальчик или его «не было».

(Интересно, разделяет ли с инспектором К. ответственность за эту ошибку также и зам. нач. ОМ тов. Гололобов, подписывавший оба ответа мне?)

Текст «мотивированного постановления» инспектора Комышана от декабря 1983 г. лежал на столе перед Соловьевым. Об ознакомлении с этим текстом я, собственно, на протяжении последних полугода и просил (чтобы затем обратиться в прокуратуру). Но Соловьев объяснил все это на словах, текста не показывал.

Поскольку моим собеседником признавалась «грубая ошибка» работника милиции, а прокуратура дело вернула на дополнительную проверку, я не проявил бестактного желания все же ознакомиться с упомянутым текстом.

Суровость санкций к инспектору К. его преемник (по крайней мере — в данном деле) связал с борьбой за порядок в Управлении внутренних дел, которая сейчас, как можно было понять, активизировалась.

Сам Соловьев высказывался о своем предшественнике довольно пренебрежительно и проявил доброжелательное понимание моих претензий (которые, сказал я, мне не пришлось бы предъявлять, если бы работник милиции с самого начала не дезинформировал меня насчет «мальчика»). Кстати, в то время действительно «взяли» группу подростков, заметил Соловьев. Ну, а теперь деваться некуда: заявление подано, и не одно. С этим мой собеседник тоже согласен.

Тов. Соловьев довольно молод (около 30 лет, как и Комышан) и, в отличие от того, интеллигентен, деликатно ведет беседу, культурно отражает ее содержание в протоколе.

Затем сотрудник милиции Соловьев поинтересовался обыском, который производился в нашей квартире незадолго до ее взлома в ноябре 1983 г. При этом он мотивировал свой интерес упоминанием этого события в постановлении инспектора Комышана от декабря 1983 г.

Вообще говоря, связь между обыском 16 сентября и налетом на квартиру 11 ноября, в столкновении тов. Комышана, оставалась для меня загадкой, но я решил не проявлять любопытства, а просто рассказал Соловьеву, как все это происходило. <...>

[Здесь опущено краткое описание обстоятельств «дела» социолога-рабочего, данное автором в тождественной беседе (равно как и в «записи для памяти») в строго «юридическом» аспекте — не касаясь политических моментов этого «дела». — А. А.]

Соловьев выслушал меня очень сочувственно, точно и тактично отразил в протоколе объяснения (например: формула «невозврата» мне некоторых изъятых предметов записана им деликатнее, чем я сказал; о содержании конфискованных документов он не спрашивал, и я не говорил; мои последующие «взаимоотношения» с УКГБ ЛЮ мною в разговоре не упоминались, как не имеющие отношения к делу).

(Можно, конечно, пожалеть, что я не переспросил, почему же моего собеседника это интересует, но в конце концов он уже сослался на постановление инспектора Комышана, которое, в известном смысле, «перепроверял». Вообще, некоторые свои вопросы он мотивировал необходимостью «служебного расследования» в отношении действий своего предшественника в деле КП-556. Я отнесся к этому с пониманием.)

Интересно, что в протоколе объяснения Соловьев не забыл отразить (в соответствии с моим ответом), что обыск работников ОБХСС в сентябре 1983 г. произведен «вежливо» и никакого «беспорядка» в квартиру не внес (может быть, инспектор Комышан в своем постановлении предположил, что разгром квартиры сохранился еще с сентября?).

* * * Соловьев предложил мне

ознакомиться с его записью нашей беседы.

Я сказал, что доверяю ему прочитать протокол вслух. Текст моего объяснения, записанного им, сотрудник милиции зачитал без преамбулы (год рожд., кем работаю, партийность и т. д.), которую, как я уже отметил, он переписал из декабрьского (1983 г.) объяснения.

Я написал под зачитанным мне текстом: «С моих слов записано верно. Мне прочитано. 25.10.84. А. Алексеев»...

Ремарка: «...записано верно...»

Перечитывая теперь эту «запись для памяти» 1984 г., замечаю, что социолог-испытатель как-то очень настойчиво — трижды! — подчеркивает правильность («корректность» и даже «деликатность») отражения содержания беседы в милицейском протоколе. Так оно, вероятно, тогда и было. Но чем вызвана такая акцентировка? Или — это случайные повторы?

Вот, не все в собственных «протоколах» могу сегодня истолковать... С другой стороны, на некоторые значимые детали беседы я тогда не обратил внимания. Что станет ясным из дальнейшего изложения. (Октябрь 2000).

...До самого конца нашей беседы мне был не вполне ясен статус: в качестве кого я вызван по повестке? Поинтересовался этим статусом.

«Потерпевший», — ответил Соловьев. В таком же качестве выступают в этой ситуации и члены моей семьи, как он мне разъяснил.

Несмотря на мое, ныне уже довольно обстоятельное, знакомство с Уголовно-процессуальным кодексом, я так и не знаю, в каких случаях полагается «допрашивать» потерпевшего, свидетеля и т. д., а в каких случаях «брать объяснение». Последняя процедура не кодифицирована в УПК, хотя, как я вижу, широко применяется и даже оснащена официальным протокольным бланком.

При **допросе** потерпевшего, как и свидетеля, его под расписку предупреждают об уголовной ответственности за дачу ложных показаний или за уклонение от показаний. (Так было, когда меня вызывала следователь Сорокина, в октябре прошлого года.) При взятии же объяснения этого не делается. Во всем остальном — процедурной разницы никакой.

Может быть «допрашивают» на этапах дознания и следствия, а берут объяснение на этапе оперативно-розыскной работы, когда уголовное дело еще не возбуждено?

(Статьи 53, 75 и 161 УПК РСФСР, касающиеся «потерпевшего», и другие, касающиеся «свидетеля», — не содержат на этот счет однозначных указаний.)

Я поинтересовался, возбуждено ли уголовное дело в связи с моим заявлением от 11.12.83 по поводу взлома квартиры и т. д. Соловьев сказал, что нет, и сейчас ведется предписанная прокуратурой дополнительная проверка.

* * * Тов. Соловьев выразил

желание встретиться с моей женой (очевидно, в аналогичном качестве — «потерпевшей»). Не может ли она ему позвонить? <...>. Я предупредил, что без повестки моя жена сможет встретиться с ним только по окончании своего рабочего дня.

Соловьев сказал, что он работает с 10 до 19. Так что можно встретиться вечером, а если это почему-либо неудобно, то можно вызвать повесткой. Я обещал все это передать жене.

Мой собеседник спросил, нужно ли мне отмечать в повестке время, проведенное в милиции. Я сказал: обязательно, и сообщил, что отсутствую на работе с 9-00, сейчас — уже 11, а смогу вернуться на работу уже не раньше 12-00.

Как оказывается, 3 часа — **предельный** срок для выполнения «государственных обязанностей», в течение одного вызова, по существующим правилам. (Интересно: а что было бы, если бы наша беседа затянулась?)

В повестке была сделана отметка о моем местонахождении с 9 до 12 час. в 60-м ОМ, с учетом времени на дорогу.

Я не поинтересовался служебным статусом самого тов. Соловьева. [А зря! — А. А.] Судя по тому, что уголовное дело еще не возбуждено, беседа наша происходила <...> за бывшим столом инспектора уголовного розыска Комышана и т. д., — Соловьев, как и Комышан, является оперуполномоченным милиции, а вовсе не следователем, как указано в повестке.

Но скорее всего работники уголовного розыска пользуются формой ¹ 2, предусмотренной для следователей. Вопрос только, располагают ли они правом **вызова** гражданина по повестке <...>, если уголовное дело еще не возбуждено, т. е. нет ни дознания, ни следствия (то и другое, кстати, жестко ограничивается процессуальным сроком), а ведется лишь оперативно-розыскная работа, проверка или «перепроверка», что, судя по моему случаю, во времени не ограничено. <...>

(Записано в октябре 1984 г.)

9.9.2. Милиция. Допрос потерпевшей Н. Крюковой Из

«Записей для памяти» (октябрь 1984)

<...> 29.10.84 (понедельник) между 11 и 12 час. я, как было условлено, позвонил сотруднику партийной комиссии Ленинградского горкома КПСС А. Я. Грачевой. Была достигнута договоренность о том, что наша следующая встреча состоится в первый послепраздничный день — 10.11 (суббота), после 17 час. При этом я принесу письменное объяснение-комментарий к своим письмам-дневникам начала 80-х гг.³⁴

В тот же день (29.10) утром звонил по телефону, указанному мне сотрудником 60-го отделения милиции Соловьевым. Я спросил: «Это следственный отдел?» Снявший трубку не ответил на мой вопрос, а стал выяснять: кто звонит и кого нужно? «Мне нужен Михаил Юрьевич Соловьев». — «Его сейчас нет».

Когда я позвонил по тому же телефону вечером того же дня (между 18 и 19 час.), трубку снял сам Соловьев.

Я сказал, что звоню по просьбе своей жены Н. А. Крюковой, чтобы передать, что она нынче каждый день после работы ездит на дачу, поэтому **вечер**³⁴ Эта «посторонняя» — для милицейского сюжета — запись, не опущенная мною здесь, демонстрирует читателю синхронность двух «дел»: партийно-политического (см. ранее, в главе 8: раздел «Беседы в Смольном Четвертый подъезд») и дела о «поврежденной двери»

няя встреча ей неудобна. Она просит, если тов. Соловьеву необходимо с ней встретиться, прислать ей официальную повестку с вызовом на любое время.

Соловьев предложил, чтобы Н. К. пришла в удобное ей время, по договоренности, а он выпишет ей повестку (и отметит пребывание в милиции) сразу на месте. Но я попросил все же прислать повестку, чтобы жена могла уйти с работы, предварительно показав повестку своему начальнику.

Соловьев согласился с этим предложением.

(Записано 30.10.84)

* * *

Повестка на почтовой карточке (ноябрь 1984)

(Форма ¹ 2)

Ленинград, ул. Наличная, д. 40, корп. 1, кв. 132. Крюковой Н.А.
(Обратный адрес: штамп — 60-е отделение милиции, В.О., г. Ленинград, ¹ 39160-60)

Следственное управление ГУВД Леноблгорисполкомов

Прошу явиться к **10 часам 5 ноября 1984 г.** в следственный отдел **Василеостровского РУВД** по адресу: **Беринга, 29, 60 о/м, 2 этаж, комн. 16** к следователю **Соловьеву М.Ю.**, тел. **356-27-66**, в связи с **материалом** (цель вызова).

При себе иметь паспорт или документ удостоверяющий личность.

Следователь **М. Соловьев**

[Выделено то, что в повестку вписано от руки. Все остальное — типографская форма. — А. А.]

Ремарка: милицейский блеф.

Все повестки, попадавшие тогда в руки социологу-испытателю, он изучал буквально «на просвет».

В частности, эта — была чистейшим блефом. Сотрудник милиции (если только Ю. Соловьев был таковым, в чем еще будут поводы усомниться) приглашает гражданина (гражданку) якобы в следственный отдел РУВД, а указывает совсем другой адрес — уголовного розыска 60-го отделения милиции. (Откуда гражданину знать, где что находится!)

Приглашает — «в связи с материалом» (?), как «потерпевшую», по уголовному делу, которое еще не возбуждено.

Вышеприведенная «форма 2» имеет вариант: «форму 2а»: «повторный вызов; в случае неявки, будете подвергнуты приводу». (С этой последней формой мне пришлось познакомиться еще за год до этого, при вызове к следователю Кировского РУВД Сорокиной, в качестве «свидетеля по делу гр-на В.»)

*Таким образом, гражданину, якобы законно, предписывается являться туда и делать то, куда являться и чего делать он **вовсе не обязан**. (Октябрь 2000).*

* * *

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984)

<...> Обнаружив повестку из милиции в почтовом ящике 6 ноября вечером, Нелли, естественно, не могла явиться туда 5 ноября, в 10 час.

Она воспользовалась тем, что утром 11 ноября ей надо было посетить районную поликлинику, и зашла в 60-е отделение милиции, благо рядом. Сосед тов. Соловьева по милицейскому кабинету, увидев повестку, поинтересовался, почему гражданка не пришла в назначенное время, но штамп на повестке (5 ноября, 12 час.) снял поводы для вопросов. Соловьева не было, и его коллега предложил Нелли прийти завтра, к 10 часам.

Назавтра (12.11) Нелли, проходя по коридору уголовного розыска 60-го ОМ, первым встретила... инспектора Комышана. Видимо, не только она узнала его, но и он ее, хоть оба и не подали виду.

Отчет Нелли о дальнейших обстоятельствах своего визита в милицию вызывает у меня восхищение ее пронизательностью. Хотя иногда трудно провести грань между собственно наблюдательностью моей жены и ее экстрасенситивными способностями.

Тов. Соловьев произвел на нее впечатление скорее отрицательное: «Его обходительность искусственна. Вкрадчив, «хлыщеват»...».

Внешне порядок беседы не отличался от беседы со мной. При каких обстоятельствах узнали о взломе квартиры? Что застали, когда пришли? Почему не сразу подали заявление? А что за обыск был до этого? Кто его производил? Выслушав Нелли, Соловьев заглядывал то в протокол осмотра места происшествия инспектором Комышаном 11.11.83, то в протокол моего недавнего объяснения, и каждый раз вслух констатировал отсутствие расхождений ее ответов с этими документами.

Так же, как и мне, он сообщил Нелли, что уголовное дело пока не возбуждено: ведется дополнительная проверка, предписанная прокуратурой.

Были некоторые совпадения в двух беседах, которые заставляют вспомнить о таких деталях моего разговора с Соловьевым две недели назад, которые я в своей прежней записи не отразил, а стоило бы. А именно: так же, как и со мной, тов. Соловьев особо интересовался: **кто** производил обыск? Нелли сказала: «ОБХСС». «А Вы знаете, что это такое?» — спросил Соловьев. Нелли объяснила.

Так же, как и со мной, Соловьев **инициативно** записал в протоколе: «обыск по уголовному делу, возбужденному в отношении **нашего знакомого В.**» [*выделено мною сегодня; в оригинале — фамилия. — А. А.*] Нелли (как и я, двумя неделями раньше) обратила на это внимание, и Соловьев (как и в моем случае) с готовностью переправил на «сослуживца» («сослуживца мужа» — у Нелли; уж она-то не знала В. даже в лицо!).

Так же, как и со мной, тов. Соловьев дважды оставлял Нелли одну в кабинете, один раз — надолго, минут на 10. Причем на столе оставалось лежать раскрытое дело КП-556. Когда он вышел во второй раз, Нелли даже показалось, что он придвинул к ней эту папку поближе. Однако та (как и я, в свое время) к ней не прикоснулась.

Так же, как и в моем случае, Соловьев записал в протоколе Нелиного объяснения, что обыск был произведен «вежливо» и т. п. (с той только разницей, что он у нее об этом не спрашивал!). Ознакомившись с прото-

колом беседы, Нелли не стала возражать, поскольку так оно действительно и было. (Только зачем же ей это утверждение приписывать, если она не говорила?)

Но вот одну фразу он вписал в протокол такую (не задав соответствующего вопроса!), что Нелли возразила: «С тех пор (т.е. после взлома квартиры 11.11.83), ни обыска, **ни проникновения** [выделено мною сегодня. — А. А.] в нашу квартиру не было». «Насчет обыска, я знаю, что не было, — сказала Нелли. — А уж не проникал ли кто в нашу квартиру с тех пор, особенно пока дверь не починили, я сказать не могу». Тов. Соловьев вычеркнул конец фразы из протокола...

Ремарка: «...проникал ли кто в квартиру...»

Надо заметить, что когда чинил сломанную дверь (собственными силами), я не стал менять замок. Во время налета на квартиру действительно ничего не пропало. И даже, на удивление, разгром не коснулся моих личных бумаг: «громили» в основном комнаты жены и тещи.

Но вот через несколько месяцев после этих событий вдруг обнаружилось бесследное исчезновение одного экземпляра сделанной мною подборки документов «Выжимки из дела А. » (эти листки я оставил накануне прямо на пишущей машинке).

Ну, тут заявлять в милицию было уже бессмысленно... (Октябрь 2000).

...Вообще, повышенный интерес сотрудников 60-го ОМ (будь то Комышан, будь то Соловьев), которым надо найти взломщика нашей квартиры, к обстоятельствам санкционированного прокурором обыска, предшествовавшего этому взлому (и даже не столько к самим обстоятельствам, сколько к моему и Нелли **отношению** к ним!), трудно поддается объяснению.

Нелли казалось, что от нее словно ждут, что она как-то поставит эти события в связь одно с другим или, наоборот, заявит, что никакой связи между ними нет. Но она никаких инициативных высказываний не делала. А что касается вопросов, то их «про обыск» было, пожалуй, побольше, чем «про взлом».

Отличием беседы с Нелли от беседы со мной было, между прочим, то, что никаких критических замечаний в адрес инспектора уголовного розыска Комышана его преемник (?) Соловьев не высказывал.

Из этой беседы Нелли вынесла убеждение, что тов. Комышан «в полном порядке». И не только потому, что встретила его в милицком коридоре. Через несколько минут, после того как она зашла к Соловьеву, ему кто-то позвонил, и Соловьев ответил по телефону: «Да, она у меня». Нелли уверена, что звонил Комышан.

В начале беседы между Соловьевым и его соседом по кабинету (который, кстати, как и в моем случае, вскоре ушел) возник разговор о предстоящей в отделении милиции, в этот день, около 15 час., какой-то проверке. «Будет Комышан», — сказал Соловьев коллеге. Сам же он, как заметила Нелли (ох, женская наблюдательность!), некоторое время спустя разговаривал по телефону с какой-то женщиной и сказал, что к 15 час. освободится.

По ходу разговора Нелли вспомнила про глазок в двери квартиры напротив нашей, который в день взлома нашей квартиры оказался заклеен автобусным или троллейбусным билетом. Инспектор Комышан тогда вынул и унес весь глазок, как «улику», да так и не вернул его. Так вот, соседи интересуются, сказала Нелли, куда делся глазок. Соловьев: «Сейчас узнаем», — и снова вышел (как раз тогда он придвинул папку с делом к Нелли поближе). Вернувшись, сказал твердо: «Нет глазка». Нелли не переспрашивала.

Наконец (но тут уж воображение, пожалуй, довлеет над наблюдательностью) Нелли показалось, что, выходя во второй раз, Соловьев что-то нажал в ящике своего стола, так что раздался тихий шелчок, и затем этот ящик (ранее приоткрытый) задвинул.

Следователь (?) Соловьев зачитывал Нелли свою запись ее ответов вслух, а Нелли, как и я, написала: «С моих слов записано верно, мне прочитано». Но при этом она обратила внимание, что в протоколе указана дата объяснения — 12 октября. Нелли поправила: «Сегодня 12 ноября», и Соловьев это исправление, с извинением, внес. <...>

(Записано в ноябре 1984 г.)

* * *

[Прошло еще несколько месяцев. Работники 60-го отделения милиции продолжали уклоняться от возбуждения уголовного дела по этому инциденту. Пришлось обратиться в прокуратуру. — А. А.]

9.9.3. Прокуратура. Закон — на страже неприкосновенности жилища

Из «Записей для памяти» (март 1985)

<...> Старший помощник прокурора Василеостровского района тов. Панкевич Т. Д. принимает по средам, с 16 до 18 час. Явившись 13.03.85, примерно в 16-30, я очереди не застал.

Меня приняла относительно молодая женщина, в прокурорской форме, внешне — очень похожая на следователя Сорокину из Кировского РУВД, с которой я имел дело полтора года назад, в связи с уголовным делом В. и обыском в моей квартире. Такая же белокурая, с приятными чертами и жестким выражением лица. Однако, в отличие от той, этот работник юстиции держалась как-то открыто и дружелюбно.

Я объяснил мотивы своего нынешнего обращения в прокуратуру (отсутствие ответа на предыдущее обращение к прокурору Василеостровского района тов. Григорьеву), и почему именно к ней (замечание прокурора который, когда я был у него на приеме два месяца назад, упомянул ее фамилию). <...>

Ремарка: а были «следователь»?

Стоит заметить, что после описанных выше объяснений, взятых у автора и его жены сотрудником 60-го ОМ Ю.Соловьевым в октябре-ноябре 1984 г., тот стал совершенно неуловим.

Вообще, его поведение, по некоторым наблюдениям потерпевших (см. предшествующие записи), в совокупности с внезапным исчезновением, давало повод для предположения, что следователь Соловьев — «не из этого отделения милиции». (Октябрь 2000).

...Оказалось, что я попал точно по адресу. Именно тов. Панкевич занималась моим заявлением, и первое, что она сообщила мне, едва взглянув на его копию, что еще в январе, своевременно давала мне ответ. Я повторил, что ответа не получал, и попросил ознакомить меня с его содержанием (копией).

Т. Д. Панкевич стала искать соответствующие материалы, сразу же нашла и попросила подождать в коридоре. После пятиминутного ожидания я был приглашен ею вновь и ознакомлен с копией ответа, датированного 21.01.85:

...В порядке надзора прокуратурой проверялся материал о взломе двери в Вашей квартире. За допущенные нарушения соцзаконности работники 60-го ОМ привлечены к дисциплинарной ответственности, в адрес начальника Василеостровского РУВД 24.08.84 внесено представление... (Подпись — моей собеседницы).

Показывая эту копию, старший помощник прокурора еще раз переспросила, неужели я не получил ответа, заметив, впрочем, что с почтой это не первый случай.

Тов. Панкевич сочла необходимым прокомментировать этот документ. Оказывается, еще до моего январского обращения в прокуратуру, материалы дела КП-556, проверявшиеся там в порядке надзора, вызвали у ст. помощника прокурора серьезные нарекания в адрес работников милиции.

В августе 1984 г. прокуратура Василеостровского района внесла **инициативное**, т. е. не связанное с какими-либо моими шагами (хотя этому и предшествовала целая серия безуспешных обращений в милицию, но именно в милицию, а не в прокуратуру!) представление, где не только предлагалось привлечь к дисциплинарной ответственности инспектора уголовного розыска тов. Комышана, но и **строго указывалось** зам. нач. 60-го отделения милиции тов. Гололобову; предлагалось, далее, обсудить этот случай на собрании работников 60-го ОМ (!).

В чем же состояли «нарушения соцзаконности» работниками милиции? Тов. Панкевич, без моей на то просьбы, зачитала вслух свое представление.

Оказывается, что инспектор уголовного розыска Комышан, по составлении протокола осмотра места происшествия 11.11.83, не зарегистрировал его, что обязан был сделать. Получив заявление с просьбой о возбуждении уголовного дела, он вынес путаное и **необоснованное** постановление, где мотивировал отказ в возбуждении дела не фактами, а своими предположениями: что взлом двери в нашу квартиру мог быть связан со скандалом между супругами, а также с обыском в квартире, производившемся за два месяца до этого.

Когда ст. помощник прокурора дошла до места о «скандале», я выразил стремление к протесту, а об обыске — выразил желание проинформировать ее о его обстоятельствах. Но Т. Д. Панкевич пояснила, что вовсе не она, а тов. Комышан в своем постановлении от декабря 1983 г. на это легкомысленно ссылается; что же касается обыска как такового, то он, **очевидным образом**, никакого отношения к делу не имеет («зачем тратить время?»).

Чуть покрывив душой, я сказал, что и я «не вижу никакой связи», а у инспектора уголовного розыска, по-видимому, «слишком богатая фантазия».

Комментируя свое представление, тов. Панкевич отметила, что к ошибкам инспектора Комышана относится, в частности, использование устных свидетельств кого-то из соседей (о когда-то слышанном из нашей квартиры «шуме»), не подкрепленных письменным «объяснением», которое милиция, оказывается, обязана брать (как сказала моя собеседница, чтобы потом человек не мог отказаться от своих слов!).

В общем, незадачливый инспектор 60-го отделения милиции был привлечен к «строгой дисциплинарной ответственности» (что, кстати, совпадает с тем, что говорил мне другой сотрудник этого ОМ Соловьев, в нашу с ним встречу в октябре 1984 г.).

(Вообще говоря, тут не все стыкуется по срокам и логически: прокуратура истребовала материал на проверку еще в январе-феврале 1984 г.; суровое представление вынесено ею — полгода спустя; я узнаю об этом, чуть ли не случайно, — через год; а уголовное дело, несмотря на «строгие указания», — и через полтора года после инцидента так и не возбуждено. Ну, да ладно...)

Тов. Панкевич, тем временем, высказала предположение, что я буду удовлетворен этим ответом на свое обращение в прокуратуру. Я сказал, что да, действительно удовлетворен, и даже испытываю жалость к инспектору 60-го ОМ, который пострадал на этом деле. Но теперь, когда все процессуальные вопросы разрешены, я хочу посоветоваться со ст. помощником прокурора **по существу** вопроса.

Как прокуратуре известно, сказал я, год назад (в апреле 1984 г.) мне было отказано в возбуждении уголовного дела (письмо за подписью того самого инспектора Комышана), мотивируя ч. 2 ст. 5 УПК РСФСР (за «отсутствием состава преступления»). А вот недавно (в январе 1985 г.), буквально через несколько дней после своего первого обращения в прокуратуру, я получил очередное (уже третье!) письмо от того самого зам. начальника ОМ Гололобова — вроде бы уже не ответ (я в милицию больше не обращался), а информацию о результатах «дополнительной проверки», производившейся в сентябре-октябре 1984 г. Из которого (письма) явствует, что «по факту повреждения двери» в возбуждении уголовного дела все-таки **отказано**, «на основании ч. 2 ст. 7 УК РСФСР».

Заглянув в Уголовный кодекс, я выяснил, что ч. 2 ст. 7 УК гласит: «Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и со-

держашее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Что, понятно, вызвало недоумение у меня и членов моей семьи.

Что же касается даты этого письма (7.01.85), то она настолько близка к моменту моего обращения в прокуратуру (2 января), что я даже подумал о прямой зависимости одного события от другого...

Выслушав меня, ст. помощник прокурора ознакомилась с этим последним письмом из милиции и сказала, что зависимость тут и впрямь есть, только вовсе не от моего обращения в прокуратуру в январе, а от августовского представления прокуратуры, на которое милиция, вот с таким опозданием, отреагировала (!). Так что — придется 60-му отделению милиции сделать еще одно внушение (представление?)...

—Если же говорить по существу, то у Вас, кажется, ничего не пропало?

—Ничего, — сказал я.

—Как Вы оцениваете материальный ущерб?

—Ну, установить новую дверь стоит рублей 50, — сказал я. — Эту сумму я намеревался взыскать с родителей 13-летнего подростка, который, по первоначальной версии инспектора Комышана, взломал дверь...

—Вероятно, этот ущерб сочтен милицией малозначительным, — заметила моя собеседница.

—Дело, как Вы понимаете, не в 50 рублях, а в принципе, — сказал я.

Тут работник прокуратуры со мной согласилась.

—Но ведь им теперь не найти виновника происшествия, — сказала она убежденно.

—Через полтора года найти, действительно, мудрено, — сказал я. — Но пусть тогда так и напишут, я отнесусь с полным пониманием.

—Так ведь закон!..

—Вот именно, нехорошо, когда спекулируют на законе, как это сделал зам. начальника отделения милиции, ссылаясь на ст. 7 УК РСФСР.

И с этим ст. помощник прокурора, уже молчаливо, согласилась.

Что касается разумного совета мне, **как быть дальше**, то она выразила готовность дать его, но лишь еще раз внимательно ознакомившись с материалами дела, для чего придется вновь затребовать его из милиции.

—Может, мне зайти через пару недель, когда Вы ознакомитесь? — спросил я.

Тов. Панкевич предложила мне сначала позвонить ей. Я записал телефон <...> и ее имя отчество: Татьяна Дмитриевна.

После этого Т. Д. распорядилась о перепечатке для меня копии ее ответа от 21.01.85 (по-видимому, утерянного почтой). Что было выполнено немедленно работником канцелярии.

Похоже, что к работе Василеостровской прокуратуры г. Ленинграда у меня не может быть претензий. <...>

(Записано 14.03.85)

Ремарка: пропадающие грамоты.

Итак, дважды в переписке по одному и тому же делу (КП-556) почта «теряет» официальные ответы (из милиции, из прокуратуры). Версий две: либо почтовые работники в своей небрежности избирательны, либо эти ответы просто не посылались. (Октябрь 2000).

* * *

Из «Записей для памяти» (апрель 1985)

<... > Как уговорились, я позвонил ст. помощнику прокурора Василеостровского района Т. Д. Панкевич пару недель спустя после нашей встречи 13 марта, а именно 28 марта (четверг). Она предложила встретиться в пятницу, 29-го, но это оказалось для меня невозможным. (В этот день происходила встреча выпускников филологического факультета ЛГУ 1955 г., и я намеревался принять в ней участие.) Так что мы договорились на вторник, 2 апреля. Т. Д. сказала по телефону, что получила дело из отделения милиции и «мы вместе его посмотрим».

Когда я явился в прокуратуру (2.04, около 17 час.), то, не будучи вызван по повестке, вынужден был пропустить вперед тех, кто явился по вызову в назначенное время. Но ждать пришлось недолго.

Т. Д. Панкевич при мне молча прочитала несколько документов из дела КП-556, но меня к просмотру уже не приглашала. Потом попросила уточнить или напомнить мой вопрос или просьбу. Я повторил то же самое, что сказал две недели назад, — пришел за советом, как поступить с последним ответом из милиции (отказ в возбуждении уголовного дела на основании ч. 2 ст. 7 УК РСФСР).

Тут тов. Панкевич повторила примерно те же соображения, что и в прошлый раз, с той лишь разницей, что называла она известное происшествие 11.11.83 теперь уже не «взломом», а «повреждением двери» (как и в ответе из милиции). Соображений два: 1) ничего не попало; 2) виновника не найти (так!).

Когда работник прокуратуры отметила незначительность материального ущерба («Вы, кажется, говорили, 50 руб. стоило починить дверь?»), я указал на ущерб моральный. Как-то так получилось, что Т. Д. со мной вдруг согласилась, как бы примерив ситуацию к себе самой («Вот если бы ко мне так вломились...», — произнесла задумчиво). **И сама...** упомянула о конституционном праве неприкосновенности жилища.

«Ну, вот видите, даже в Конституции записано, — сказал я, — а мне говорят — не представляет общественной опасности»... «А что виновника не найти, так пусть бы так и написали, — добавил я, — и ст. 7 Уголовного кодекса тут вовсе не при чем».

Я не был настойчив, ведь пришел «за советом», а только заметил, что, не получив его здесь, могу поискать и в другой инстанции.

По-видимому, ст. помощник прокурора испытала затруднения в выдаче мне удовлетворительного совета и, может быть, решив сама сначала

посоветоваться, предложила мне написать **заявление в прокуратуру**, указав, в какой части меня не удовлетворяет ответ из милиции от 7.01.85. Дала мне лист чистой бумаги. Я вышел в коридор, чтобы написать заявление.

Через 15-20 мин., проходя по коридору, Т. Д. увидела меня пишущим черновик заявления в собственной тетрадке. На столике, за которым я писал, были веером разложены все ответы из милиции.

Работник прокуратуры отметила мое трудолюбие (черновик!) короткой репликой. Я сказал, что всегда пишу сначала начерно, и спросил, не задерживаю ли ее (дело было уже к 18 часам). — «Нет». Тогда я все же предложил, чтобы закончить это сочинение дома, а заявление я отправлю по почте, только на чье имя? Тов. Панкевич сказала, что лучше на имя прокурора. На том расстались.

Заявление районному прокурору, без ссылки на мое двукратное общение с его старшим помощником (зачем связывать Татьяне Дмитриевне руки?) и с приложением копий всей предшествующей переписки с милицией, было отправлено по почте на следующий день.
<...>

(Записано в апреле 1985 г.)

* * *

А. Алексеев — прокурору Василеостровского района г. Ленинграда (апрель 1985)

<...> Я не могу согласиться, что взлом и разгром, в сущности — налет на квартиру, не представляет общественной опасности. Дело вовсе не только в «повреждении двери», как пишется в ответе из милиции, а в моральном ущербе, понесенном мною и членами моей семьи.

Кто-то проник в квартиру в отсутствие хозяев, находился в ней достаточно долго (успел перевернуть все вверх дном), может, что-то искал, может преследовал иную цель, во всяком случае — действовал вполне сознательно. По меньшей мере это — хулиганство, не говоря уж о нарушении неприкосновенности жилища.

Думаю, что в своих ответах, как от 28.04.84, так и от 7.01.85, работники милиции руководствовались скорее ведомственными интересами, чем интересами закона. Прошу прокуратуру принять необходимые меры по существу моего заявления от 11.12.83. <...>

А. Н. Алексеев, 7.04.85

* * *

Из «Записей для памяти» (май 1985)

<...> В пятницу 24.05.85, в 17-40, я позвонил по телефону ст. помощнику прокурора Василеостровского района Т. Д. Панкевич. (Предпринимая этот звонок, я опробовал только что установленный в нашей квартире дом. телефон: 350-71-69.)

Дело в том, что, согласно почтовому извещению, мое заявление прокурору Василеостровского района от 7.04.85 было получено там 10 апреля и

уже в течение полутора месяцев я не имел никакого ответа. Т. Д. вспомнила меня по фамилии, без моего напоминания о содержании заявления.

Она сообщила, что задержка с ответом вызвана «трудностями», которые возникли у прокуратуры при рассмотрении моей жалобы. Есть определенные «нюансы» (ее выражение). «Вы не забыты» (тоже ее выражение). На следующей неделе я должен получить ответ.

Я дружелюбно заметил, что положенный законом срок ответа на заявление истек две недели назад. Тогда тов. Панкевич еще раз попросила меня не беспокоиться: она получила «продление срока» у прокурора (повидимому, есть такая процедура). Я сказал, что буду ждать ответа из прокуратуры. <...>

(Записано в конце мая 1985 г.)

* * *

Прокуратура Василеостровского района — А. Алексеву (май 1985)

Сообщаю, что прокуратурой Василеостровского района Ваше заявление рассмотрено.

По факту проникновения неизвестных лиц в Вашу квартиру возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 136 УК РСФСР.

Ст. помощник прокурора Василеостровского района Т. Д. Панкевич
27.05.85

* * *

Из Уголовного кодекса РСФСР (1984)

<...> Статья 136. Нарушение неприкосновенности жилища граждан.

Незаконный обыск, незаконное выселение или иные незаконные действия, нарушающие неприкосновенность жилища граждан, —

наказываются лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до пятидесяти рублей, или увольнением от должности» (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г. — Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1982, ¹ 49, ст. 1821)

(Цит. по: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М.: Юридическая литература, 1984).

Ремарка 1: «параллельное» дело: вопрос остается открытым.

Строго говоря, эта статья УК относилась скорее к незаконным действиям административных лиц (незаконный обыск и т. п.), чем к иным видам «вторжения в жилище вопреки воле хозяина» (формулировка Комментария к кодексу). Само по себе применение прокуратурой Василеостровского района этой статьи к данному случаю — нетривиально, и даже двусмысленно.

Вся история расследования дела о «поврежденной двери» выглядит довольно странно и скорее подтверждает, чем опровергает гипотезу, высказанную ранее, — о связи обыска в сентябре и налета на квартиру в ноябре 1983 г. (Сентябрь-октябрь 2000).

Ремарка 2: два «равноценных» преступления.

Интересно, что современная формулировка соответствующей статьи УК РФ (ст. 139: «Нарушение неприкосновенности жилища») имеет более широкий, чем в УК РСФСР, обобщенный смысл: «незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица».

А вот санкции за это преступление — **те же самые**, что и для «отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний» (ст. 308 УК РФ). А именно:

«...наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев».³⁵

(Октябрь 2000).

Ремарка 3: разнообразие форм «проникновения в жилище».

Недавно, знакомясь с рукописью этой книги, мой друг, социолог Владимир Павленко (кстати: автор того самого пропавшего экспертного листа «Ожидаете ли Вы перемен?» — ¹ 10, «Тройка») вспомнил, что в **тот же самый день**, когда у меня и у Бориса Беликова производились обыски (т.е. 16 сентября 1983 г.), по возвращении домой, он обнаружил, что наружная дверь его квартиры взломана.

(Кстати, В. П. и Б. Б. проживают в разных подъездах одного дома, в районе бывшего Комендантского аэродрома.)

Похоже, что взломщика (взломщиков?) остановила самодеятельная автоматика в квартире: когда открываешь наружную дверь, в коридоре загорается свет. И вторую (внутреннюю) дверь не тронули.

Обращение по этому поводу в милицию результатов не возымело: «Ведь у Вас ничего не пропало!..».

В. Павленко тогда, давно, рассказывал мне об этом эпизоде, да я забыл. (Ноябрь 2000).

9.10. Конец 1984-го. Мозаика жизни**Из «Записей для памяти» (декабрь 1984 — январь 1985)**

<...> Согласно какому-то из календарей, 1984 г. был годом Мыши (Крысы?). Наступающий 1985 г. — **год Быка**.

* * * <...> 25 декабря, имея в кармане уже закрытый бюллетень (на работу — с 26-го), я смог посетить лекцию, которую читал в Ленинградском доме актера (Невский, 70) Н. Я. Эйдельман. Лекция называлась «Беседа Пушкина с царем» и была посвящена событию 150-летней давности.

Как известно, в сентябре 1826 г., через полтора месяца после казни пятерых декабристов и осуждения остальных, Пушкин был «свободно, но с фельдфебелем» препровожден из Михайловского в Москву, где с ним беседовал император (8.09.1826).

³⁵ См ранее, в главе 7: раздел «Куда ни кинь, всюду дыра...»

По крайней мере полуторачасовая беседа происходила без свидетелей. Ни один из участников этой беседы не отражал ее потом в дневниковых или мемуарных записях, однако насчет содержания беседы сохранилось около 30 документированных свидетельств (дневники и мемуары разных людей, которым об этом рассказывали либо Пушкин, либо Николай I).

Около 25 свидетельств — со слов Пушкина (или, так или иначе, с его стороны исходящие) и около 5 — со слов Николая. Некоторые свидетельства — по горячим следам события, бльшая часть — ретроспективные (записи разных людей по поводу этой беседы особенно часто датированы годом смерти Пушкина, десять лет спустя, либо годом смерти Николая, тридцать лет спустя после беседы).

Свидетельства иногда противоречивы, иногда — взаимодополнительны. Н. Эйдельман провел анализ, позволивший ему во многом реконструировать не только детали, но и общий смысл этой беседы (что как раз — самое трудное).

Особенно достоверной и точно воспроизводящей живую пушкинскую речь (от первого лица) представляется дневниковая запись фрейлины А. Г. Хомутовой. Н. Эйдельман взял эту запись за отправной пункт.

По этой и другим записям идентифицируются также широко известные реплики Пушкина и царя: — Доволен ли ты своим возвращением (из Михайловской ссылки)? — Я отвечал как следовало (Пушкин). — А где бы ты был 14 декабря? — На площади. Я бы не мог отстать от друзей. И наконец Николай — Пушкину: — Пиши, я буду твоим цензором...

Введя теперь эти «опорные точки» в контекст других документальных свидетельств о беседе и в общий исторический контекст, Н. Я. Эйдельман строит свою версию беседы, которая представляется убедительной.

Не Пушкин «обманул» царя и не царь «обманул» Пушкина. Оба говорили то, что думали, и при этом «понравились» друг другу. Это был «диалог». Царь и Пушкин «сошлись» на том, что России нужно «просвещение» и каждый должен просветить Россию в соответствии со своим, если можно так выразиться, «призванием» и «положением».

Пушкин за последующие 10 лет успел просветить Россию. Николай за последующие 30 лет потерпел полное личное и государственное фиаско (им самим, как можно судить из разных источников, сознаваемое).

Глубоко недоброжелательный отзыв Николая о Пушкине 10 лет спустя после гибели поэта резко расходится с его же собственным отзывом по горячим следам этой встречи. Царь не мог простить Пушкину прежде всего своей собственной (царя) несостоятельности.

Разумеется, мой пересказ версии Н. Я. Эйдельмана — довольно груб и примитивен. (См. работы Н. Э., где этот исторический факт наверняка обсуждается.)

* * * <...> 25 декабря (вторник)

состоялось предновогоднее заседание исследовательской группы «Социология и театр» (700-какое-то по счету от основания группы). Присутствовали все нынешние члены группы и — случайно — один бывший.

Высказывались в форме новогодних тостов.

Председательствовавший Б. Ф. произнес первые три тоста: за «ангел-хранителя» (единственную женщину, участвовавшую в заседании, референта ВТО Ц. А.), за «справедливость» (в определенном смысле это был тост в мою честь) и тост «самовосхваления» (разумеется, не личного, а коллективного, т. е. самовосхваления исследовательской группы).

Предложенный мною тост выражал личное ощущение, что мой уход из группы полгода назад вовсе не оказался невосполнимой потерей.³⁶ Этот тост «утвержден» не был. Он получил название «тоста без слов», и мне было предложено еще подумать.

А. А. произнес тост синтетический, Л. К. — аналитический, О. Б. — лирический, Б. К. — биографический, Б. Д. — непритязательный. Ю. Б. как-то умудрился не высказываться, поскольку играл на пианино.

Подумав, я предложил еще два тоста — за В. Д. (первого руководителя нашей группы) и за Б. Ф. (ее нынешнего руководителя).

Мой второй тост был, кажется, последним и произносился с музыкальным сопровождением по мотивам популярной песенки 40-х гг.: «Бак пробит, хвост горит, / Но машина летит / На честном слове и на одном крыле...».

По окончании заседания мы позвонили в Москву, и каждый произнес слова предновогоднего привета основателю группы «Социология и театр» — В. Д.³⁷

Примечание. К моменту этого заседания уже вышел в свет ¹ 12 журнала «Знание-сила», со статьей И. Прусс «Театр: время перемен?» Однако никто из нас этого еще не знал.³⁸

Статья содержит обзор деятельности исследовательской группы «Социология и театр» при Ленинградском отделении ВТО за 10 лет. В ней ссылка на наши коллективные монографии: «Театр и молодежь» (1976) и «Зритель в театре» (1980). Обсуждаются результаты последних исследований.

Один из трех разделов статьи — «Адаптироваться или адаптировать?» построен по мотивам моих отчетов и публикаций о структуре и динамике репертуара драматических театров Ленинграда.

Еще одно примечание. Если не ошибаюсь, в тот же самый день, 25 декабря, состоялось заседание бюро Ленинградского обкома КПСС, на котором обсужден вопрос о деятельности Куйбышевского райкома партии по выполнению постановления ЦК КПСС «О работе Белорусского государственного академического театра имени Янки Купалы» (см. «Ленинградскую правду» от 26.12.84).

³⁶ См ранее, в главе 8: раздел «Всероссийское театральное общество: разрыв отношений»

³⁷ «А А» — Анатолий Яковлевич Альтшуллер (ныне покойный); «Ц А» — Цецилия Семёновна Андреева (ныне покойная); «Ю Б» — Юрий Михайлович Барбой; «О Б» — Олег Борисович Божков; «В Д» — Виталий Николаевич Дмитриевский; «Б Д» — Борис Зусланович Докторов; «Л К» — Леонид Евсеевич Кесельман; «Б К» — Борис Николаевич Кудрявцев; «Б Ф» — Борис Максимович Фирсов

³⁸ Об Ирине Владимировне Прусс, кстати, одной из адресатов «Писем...» социолога-работчика начала 80-х, см ранее, в главе 2: раздел «Формула разгильдяйства» и вынужденная инициатива...» И П и по сей день работает в названном журнале

Судя по изложенному в газете постановлению бюро обкома партии по данному вопросу, косвенное отражение в нем нашли материалы исследования репертуарной политики ленинградских драматических театров, проводившегося группой «Социология и театр» на протяжении ряда лет.

* * * <...> Утром 26 декабря (среда), сразу по выходе с бюллетеня, я позвонил по внутризаводскому телефону заместителю секретаря парткома завода Зуеву.

Сказал, что первый день сегодня на работе, после болезни. Спрашивал, нет ли для меня информации.

Тов. Зуев ответил, что информации для меня пока нет. Когда будет — он мне сообщит. До Нового года рассмотрение моей апелляции на заседании партийной комиссии ЛГК КПСС наверняка не состоится.

* * * <...> 6 декабря состоялось партийное собрание цеха, посвященное итогам года и перспективам на будущее. Выяснив предварительно у секретаря партбюро цеха Червякова, что это собрание — **открытое**, я на нем беспрепятственно присутствовал.

Докладчиком был новый начальник цеха А. А. Косачев. Его доклад был сугубо деловым и лишен общих фраз.

Активность коммунистов на собрании была высокой. Много деловой критики, конкретных предложений. Собрание продолжалось около 1 час.

* * * <...> 26 декабря ко мне подошел бригадир А. С. [А. В. Сыцевич. — А. А.] и предложил написать заметку в стенную газету цеха. Я выразил было сомнение в целесообразности такого шага, но согласился, когда понял, что имеется в виду не моя личная заметка, а от имени бригады.

Я спросил, какие факты должны получить отражение в заметке. А. С. предупредил, что не надо писать о переходе на бригадный хозрасчет, поскольку он (А. С.) вынужден был отказаться от условий, на которых этот эксперимент предлагался администрацией (еще бывшим начальником А. И. Данилушкиным).

Мы обсудили разнообразные моменты, которые следует указать. На мой вопрос, кого персонально из членов бригады отметить, А. С. сказал: Крылову, Алексеева, Реутова. Я переспросил относительно себя. А. С. уверенно подтвердил, что не оговорился.

Я собирался написать заметку вечером, дома, но А. С. предложил мне заняться этим немедленно (сейчас работа — не срочная, а заметка — «аварийно»).

Меньше получаса ушло на выполнение этого «производственного» задания бригадира (включая переписывание заметки набело). Ознакомившись с текстом, А. С. его одобрил. Не хватало только прямого поздравления «С новым годом!», которое я, по его указанию, приписал в конце.

Вместо подписи я поставил: «совет бригады 003» (у нас действительно есть такой совет, избранный год назад, состоящий из самого бригадира,

Е. Рыжова и С. Русинова, однако никто не помнит о его существовании, во всяком случае отдельно этот совет никогда не «заседает»).

Стенгазета была вывешена 28 декабря. Заметка от имени бригады была помещена в левом верхнем углу («на открытии») и оказалась самой крупной по объему.

* * *

На пороге завершающего года пятилетки (заметка в стенгазете цеха¹ 3 «Ленполиграфмаша»)

Наша бригада 003, как и многие бригады цеха, досрочно завершила задание четвертого года пятилетки и сейчас работает уже в счет апреля 1985 г. Год был напряженный, были и трудности, но к настоящему времени они в основном преодолены.

По сравнению с прошлым годом бригада увеличилась. Пополнение — хорошее. Успешно трудится гравер Т. Крылова, хорошо влился в коллектив и признан лучшим молодым рабочим цеха Н. Реутов. Надежно работает на ПКР перешедший в бригаду 003 в конце прошлого года А. Алексеев.

Наряду с другими членами слесарной профгруппы 1-го участка, бригада выступила с почином в честь вахты Памяти — каждому внести и по возможности самому внедрить предложение по совершенствованию производства на своем рабочем месте, на участке, в цехе. Этот почин поддержан уже более чем тысячей рабочих завода.

Успешно осуществляется договор о творческом содружестве с инженерно-техническими работниками: поданы и приняты в этом году 6 рационализаторских предложений.

Член бригады, комсорг цеха С. Самойлов освоил работу на новом станке КО-126 с программным управлением.

В общем, к Новому году настроение у бригады — хорошее, рабочее. Желаем всем трудящимся цеха такого же настроения на пороге завершающего года пятилетки.

С Новым Годом!

Бригада 003

* * *

<...> 27 декабря я имел случай впервые ознакомиться со статьей под названием «Активная позиция коммуниста. К итогам отчетов в партийных организациях», опубликованной в газете «Вечерний Ленинград» за 17 дек. 1984 г.

Это — беседа журналиста с заведующим отделом организационно-партийной работы Ленинградского горкома КПСС А. И. Кирсановым.

В этой беседе тов. Кирсанов критически отзываясь от стиле работы в партийной организации Ленинградского завода полиграфических машин. Смысл использованного им негативного примера — формализм в партийной работе, невнимание к критическим замечаниям и предложениям коммунистов, **отсутствие поддержки активной позиции коммуниста.**

По утверждению человека, обратившего мое внимание на эту статью (и, как правило, следящего за ленинградской периодикой), это — **первое**

за много лет не позитивное, а негативное упоминание нашего завода (в частности, его партийной организации) на страницах ленинградской печати.

Этот номер газеты вышел в понедельник 17.12.84, вечером («Вечерний Ленинград»). 18 декабря утром я звонил А. Грачевой в горком КПСС, и она сообщила мне, что заседание партийной комиссии по моему вопросу состоится 20 декабря. Чуть позже аналогичная информация поступила от зам. секретаря парткома Зуева.

Еще и из прежних бесед с Грачевой я знал, что на заседание комиссии приглашаются также секретарь парткома Щекин и др. товарищи с завода.

19 декабря, в первой половине дня, при повторном вызове в партком, я узнал, что заседание партийной комиссии переносится с 20-го на другой срок, пока неизвестный.

Таким образом, перенос рассмотрения моего дела состоялся (такое решение состоялось...) именно 18 декабря, т. е. на следующий день после выхода упомянутой газеты. По-видимому, это является **случайным совпадением**.

Ремарка: критика снизу и критика сверху.

Описывая эти события, социолог-испытатель намекает:

а) что нарушения «внутрипартийной демократии» на «Ленполиграфмаше», высеченные им в ходе рассмотрения апелляции в горкоме КПСС, могли дать повод для «критики сверху»;

б) что обсуждение «дела» социолога-рабочего в Смольном сразу вслед за этой критикой было сочтено неуместным. (Октябрь 2000).

* * * <...> В газете «Труд» за 15 декабря опубликована статья фрезеровщика стеклозавода им. Калинина (пос. Анопино, Владимирской обл.) Н. Леженина, под названием «Стал неугоден директору...», с подзаголовком «дневник рабочего».

В статье в резко критическом ключе обсуждаются проблемы освоения и использования нового оборудования на промышленном предприятии. Проблемы — аналогичные тем, которые поднимались, например, в моем выступлении на партийном собрании цеха ¹ 3 ЛЗПМ 14.12.81.³⁹

Поражают фактические, а иногда даже текстуальные переключки и совпадения в двух дневниках: **опубликованном** — Леженина, и **конфискованном** — Алексеева.

* * * <...> Прямые и опосредованные контакты с 60-м отделением милиции г. Ленинграда (см. отдельную запись).⁴⁰

* * * <...> 25 декабря (суббота) по всей стране объявлено рабочим днем, вместо 31 декабря (понедельник). Таким образом, новогодний праздник нынче объединит три выходных дня (30 и 31 дек. и 1 янв.).

* См ранее, в главе 2: раздел «Я вот уже два года здесь работаю...»

* См выше: раздел «Потерпевший, милиция, прокуратура...»

Однако в середине этой недели на цеховом стенде появилось объявление о том, что 30 декабря у нас на заводе рабочий день, в соответствии с приказом директора.

Первоначально рабочим было предложено каждому выбрать для себя: или отгул 2 января (за работу 30 декабря), или лишний день к отпуску. Почти все предпочли отгулять 2 января (чтобы не портить себе новогодний праздник). Тогда поступило «разъяснение»: отгул за работу 30 декабря может быть только приплюсован к отпуску. 2 января обязательно выходить на работу.

Надо сказать, что распоряжение о дополнительном рабочем дне 30 декабря приходит в некоторое противоречие с реальной производственной ситуацией (по крайней мере в таких цехах, как наш, который не выпускает конечной продукции завода).

Фактически был **дефицит работы**, начиная с 28 декабря, и мастера и бригадиры выдумывали, чем бы занять людей — впрок (не для программы этого года).

Работа впрок в конце концов всегда найдется. Но делать ее в новогодний праздник — обидно.

Отчасти поэтому произошло резкое (за эти 3 дня) ослабление дисциплины, с которым не могла справиться администрация (а общественность и не пыталась справляться). «Расслабились» даже те, за кем такие нарушения обычно не водятся. Этому еще способствовала выдача аванса не 28 числа, как обычно, а 27-го.

Двумя «пиками» указанной расслабленности были: вторая половина дня 28 декабря и первая половина дня 30 декабря.

Не будучи вынужден необходимостью выпуска готовой продукции, этот выход на работу 30 декабря парадоксально обусловлен существенным перевыполнением бригадных заданий на декабрь, особенно у слесарей (токарей на нашем участке в этот день на работу не выводили). Дело в том, что при плане на декабрь произвести работ на сумму 1625 руб. — по нашей бригаде, и на сумму 1950 руб. — по бригаде И. Виноградова, фактически (согласно экрану ежедневно накапливающейся выработки за месяц) было произведено работ: нашей бригадой — на 2400 руб, и бригадой И. В. — на 2500.

(Точнее сказать: не произведено, а «закрыто» по нарядам из выполненного задолго раньше; причем отложить закрытие нарядов было уже нельзя, так как эти детали входят в сборку машин, которые действительно выпускаются в этом году.)

Еще раньше на партийных собраниях цеха отмечалась какая-то рассогласованность между месячными планами по валу и годовым планом (месячные — все время выполняются, а за год накопилась недостача выработанных нормо-часов). Так что, похоже, в декабре это отставание следовало погасить.

Наконец, как отмечалось на последнем партийном собрании (26 декабря), в цехе — дефицит слесарей. Но плановый объем слесарных работ

выполнен. Стало быть, он выполнен меньшей численностью работающих. Тут обнаруживается столь резкое перевыполнение заданий, что становятся очевидными недостатки планирования. А загушевать их можно только увеличением количества рабочих часов: более или менее добровольные сверхурочные в течение месяца плюс уже не добровольный, а обязательный массовый выход на работу 30 декабря.

Вся эта совокупность обстоятельств характеризует те производственно-экономические «ножницы», которые раскрылись к последнему рабочему дню года и «размах» которых администрация хоть отчасти старается уменьшить этим дополнительным рабочим днем.

Обычно, выходя на сверхурочные в субботу, работают с 8 до 12. Эти 4 часа оплачиваются и никакими отгулами не компенсируются (за редкими исключениями). Таким же является режим работы на субботниках (которых в этом году было три: Ленинский, комсомольский и в честь «вахты Памяти»).

Тут же — идет еще компенсация днем к отпуску. Поэтому надежды рабочих «закруглиться» к 12 часам не оправдались. Обеденный перерыв был перенесен с 12 час. на 11. После обеда еще «работали» до 14-30 (тогда получается выход с завода около 15 час., т. е. как и положено в предпраздничный день).

Загрузки на ПКР тоже не было (я всю возможную работу «впрок» закончил еще 27 декабря). Бригадир вынужден был загрузить меня черновой слесарной работой: зачистка углов, снятие окалины после сварки. 30 декабря я был чуть ли не самым трудолюбивым на фоне массовой «расслабленности». И оказался вдвойне «не прав», т. к. усердно орудовал личнПм напильником, вместо драчевого, которым только и можно такую окалину снимать.

Бригадир А. С. в конце концов обратил внимание на мое трудолюбие и... забраковал работу. («Слов нет!» — выразился он, чтобы не сказать покрепче.) Пришлось после личнЛго напильника перейти на драчевый (согласно известной поговорке: «после скобеля топором», а «скобель» тут, оказывается, и ни к чему).

Такие «детские» ошибки до сих пор случаются со мной при ручной слесарной работе, которой я за весь год занимался от силы пару недель (во многом благодаря «партизанщине» — полноценная загрузка на ПКР обеспечивалась в основном ею). По выражению моего товарища по бригаде В. Н. (слесарь, дневное производственное задание чуть меньше моего), **мне** такие ошибки «простительны». Ведь на моем станке — любой из бригады «наломал бы и не таких дров». (Не очень ладилось и у самого бригадира, пару дней заменявшего меня на ПКР, когда я был на бюллетене в декабре.)

В. Н. показал мне, как правильно снимать окалину, заподлицо, и т. п.

Так или иначе, остаток дня 30 декабря я переделывал то, что «напорол» до обеда. Это, конечно, не способствовало праздничному настроению...

* * * <...>

Уже в январе появился на стенде декабрьский (1984 г.) приказ директора завода о реорганизации в высшем руководстве завода. Учреждена должность заместителя главного инженера — главного технолога завода. Им назначен Макаров, ранее выполнявший обязанности зам. главного технолога. Что касается Смирнова, который до этого был главным технологом, то тот назначен заместителем главного технолога. То есть фактически они поменялись местами.

Новому главному технологу предписано в месячный срок представить предложения по реорганизации технологической службы завода.⁴¹

* * *

<...> На В. Н. (старшего, есть еще один В. Н., помоложе) пришла бумага о «нарушении общественного порядка» (дело было в октябре 1984 г., но стало известно в конце декабря). Бригадир А. С. этим очень раздосадован. Резко высказался и на бригадном собрании, и после. По мнению А. С., В. Н. «подвел бригаду» больше, чем М. Г. (на которого раньше частенько приходили «телеги» из выпрезвителя).

Дело в том, что от В. Н. никто не ожидал, для него это **«нетипично»**. А тут — нате, пожалуйте.

Нарушения дисциплины (прогул, появление на работе в нетрезвом виде) довольно характерны для С. И., с которым А. С. (бригадир) дружен. Но вот и С. И. вышел за пределы своей «нормы». Он женился, кажется, в прошлом году. Недавно молодая жена, не обнаружив какой-то вещицы дома, пожаловалась администрации цеха: «пропивает!». Вещица, по словам заподозренного супругой, потом нашлась. С. И. огрызается бригадирю: «Да у нее з-еб вышел!». А. С. в сердцах: «А у тебя з-еба не было? Зря не придет!».

Действительно, нехорошо, когда уж жена пришла жаловаться, пусть даже у нее «з-еб вышел»...

Ремарка: возрождение «производственной летописи».

В течение 1984 г. социологу-испытателю не удавалось вести регулярную «производственную летопись». Иногда эти сюжеты выплескивались в «записи для памяти», посвященные в основном перипетиям «дела» социолога-рабочего.

Однако с конца 1984 г. протоколы наблюдающего участия в конкретной социально-производственной ситуации возобновились.⁴² (Ноябрь 2000).

* * *

<...> В ¹ 18 журнала «Коммунист» опубликована статья тов. К.У.Черненко «На уровень требований развитого социализма. Некоторые актуальные проблемы теории, стратегии и тактики КПСС».

(Записано в конце декабря 1984 — начале января 1985 г.)

⁴¹ Автор не пишет здесь, но «намекает», что именно технологическая служба подвергалась особенно резким «нападкам» в его «письмах-дневниках», объявленных «статьями политически вредного содержания»

⁴² Фрагменты авторского цикла, впоследствии названного «Производственные дневники 1984–1986 гг.», см. ранее, в главе 3: раздел «Бешеная халтура, красивая деталь...»

* * *

Из личного письма (январь 1985)

<...> А обратила ли Ты внимание на последние выступления К. У. Черненко (особенно: Коммунист, 1984, ¹ 18)? Например, о высших ценностях социализма, которые должны «войти в правило»? (Читай: нормы-стереотипы расходятся с нормами-требованиями.)

Ох, опять поспешил Алексеев... Что б ему было — **после** Черненко об этом написать, да еще на него **сослаться!** <...>

Твой Андр. Ал., январь 1985

Линия жизни

Я эту линию веду
 Почти впотымах, напропалую, —
 Связуя землю и звезду,
 Ищу кратчайшую прямую. Но
 почему же вьется нить,
 Узлы и петли завивая? —
 Ее вовек не распрямить:
 Такая сложная кривая.
 Здесь все — и срывы на пути,
 И неожиданность открытий!
 Да можно ль логику внести
 В живую музыку событий?
 Далекий от привычных схем, Наш путь
 идет глубинным лесом, — Его не
 выровнять ничем: Ни ватерпасом, ни
 отвесом.
 Но в том и прелесть бытия,
 Что нету просеки на плане,
 Что радость новая твоя
 Не предсказуема заране.
 Все рассчитав, все расчертив,
 Ты позабыл в запале рвенья,
 Что может жизненный порыв
 Снести любые построенья.

Ю. Линник

* * * Эй вы, задние,
 делай как я! Это значит — не надо
 за мной, Колея эта — только моя,
 Выберите своей колеей!

В. Высоцкий («Чужая колея»)

Глава 10. Перемен не надо ждать. Их надо делать!

10.1. Начало 1985-го. Новая формула исключения

От автора — сегодня

16.01.85 состоялось заседание бюро Ленинградского горкома КПСС. Оно было подробно запротоколировано социологом-испытателем. Но здесь этот протокол приводить не стану, во избежание повторений с предыдущими и последующими.

Тональность обсуждения, продолжавшегося чуть больше 10 мин., была мягче («теплее»), чем полгода назад на парткоме завода. Однако вывод был однозначным: **апелляцию отклонить**.

В докладе сотрудника партийной комиссии горкома А. Грачевой были воспроизведены практически **все** обвинительные пункты справки УКГБ ЛО «В отношении Алексеева А. Н.», использовались также некоторые формулы справки эксперта СЖ СССР В. Комарова, без ссылки на источник.

В выступлении первого секретаря горкома А. П. Думачева был сделан акцент на двух моментах:

1) хранение и распространение «запрещенной литературы» (имея в виду упоминавшиеся в докладе Грачевой А. Зиновьева; реально изъятые «компроматы», вроде фрагментов М. Цветаевой или Ф. Искандера, — ею не упоминались);

2) «возня с антисоветчиками», их «укрывательство» (имея в виду участников опроса «Ожидаете ли Вы перемен?», о содержании высказываний которых, впрочем, можно было судить лишь из обработки их ответов коллегой NN.¹

«Письма...» социолога-рабочего начала 80-х гг. на заседании бюро горкома были упомянуты лишь вскользь (по-видимому, сыграла роль предшествующая самоацита на этот счет).

Однако первые два пункта — «бесспорны»... «В партии Алексееву — не место!» — заявил первый секретарь горкома.

Неделю спустя я был ознакомлен с постановлением Ленинградского горкома КПСС:

«...Изменить формулировку постановления парткома и записать в следующей редакции:

Исключить т. Алексеева Андрея Николаевича из членов КПСС за хранение и распространение политически вредных произведений, написание и распространение материалов, содержащих идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности, грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования и проведение тенденциозно экспертного [так! — А. А.] исследования советского общества.»

¹ См ранее, в главе 9: раздел «Опасные игры »

Социолог-испытатель отразил это событие в своем очередном «открытом письме», адресованном «друзьям-коллегам из ИСЭПа и из исследовательской группы «Социология и театр».

В этом письме новая формулировка сравнивалась с прошлогодней:

«...за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания».

Отмечалось, что это изменение «не является для меня не значимым». Сообщалось о намерении апеллировать в вышестоящую партийную инстанцию (обком КПСС). А. А., октябрь 2000

10.2. Эпистолярный эксперимент (из дружеской поддержки)

10.2.1. 34 письма в один день

Из «Записей для памяти» (январь-март 1985)

<...> Всего — 34 письма, датированных одним днем — 26 января 1985 г. Всем корреспондентам сообщено о факте отклонения моей апелляции Ленинградским ГК КПСС 16.01.85.

Просьба ко всем — сообщить дату получения письма — вызвана как будто участвовавшими в последнее время фактами задержки или пропажи почты. <...> (Записано в марте 1985 г.)

[Ниже — тексты только трех из упомянутых 34 писем. — А. А.]

* * *

Из личной переписки (январь 1985)

Дорогая <...>!

Считаю своим дружеским и партийным долгом сообщить Тебе о моих последних событиях.

16.01.85 состоялось заседание бюро Ленинградского горкома КПСС. Бюро «не нашло оснований» для восстановления меня в партии. При этом была изменена формулировка парткома «Ленполиграфмаша» от мая 1984 г. Ныне я считаю исключенным из партии за <...>.

[Здесь опущена формулировка, приведенная выше. — А. А.]

...**Не «антисоветчик»!** И на том спасибо. В соответствии с существующим порядком, я информировал горком, что буду апеллировать в вышестоящую партийную инстанцию, т. е. в обком КПСС.

В тот же день, 16 января, вышел номер заводской газеты, посвященный внедрению новой техники и использованию основных фондов... чуть ли не со скрытыми цитатами из моих «Писем...». Только за подписью... директора, секретаря парткома и др. Тоже, видать, начали бороться с недостатками...

25 января должно было состояться заседание бюро Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации с моим «персональным делом». Пришлось этот пункт повестки дня отменить **из-за отсутствия кворума**.

Пока все. <...> Будешь писать, сообщи дату получения этого письма.

Андр. Ал., 26.01.85

* * *

Здравствуй, <...>!

Получил и письмо, и открытку (новогоднюю). Кажется, они были в одном конверте. Буду рад Тебя видеть в Ленинграде. На подробное письмо сейчас нет времени (завал не ответенных за несколько месяцев писем!). Ограничусь минимумом новой информации.

В августе 1984 г. исключен из Союза журналистов. В группе «Социология и театр» не работаю с июля. На апелляцию в секретариат правления СЖ СССР ответа пока не имею (уже три месяца прошло). Бюро Ленинградского ГК КПСС рассматривало мою партийную апелляцию 16.01.85. Оснований для восстановления в партии не найдено. Правда, существенно изменена формулировка.

Теперь это звучит дословно так: <...>. [См. выше. — А. А.] Должен заметить, что первоначальная (парткомовская, прошлогодняя) формулировка буквально записывала меня в антисоветчики. Так что изменение — значимо.

В соответствии с существующим порядком, я информировал горком, что буду апеллировать в вышестоящую партийную инстанцию.

Работаю — по-прежнему на заводе. Благополучен.

Будешь писать — сообщи дату получения этого письма.

Тв. Андр. Ал., 26.01.85

* * *

Уважаемый <...>!

Простите, что в свое время не откликнулся на бандероль с Вашей книжкой, которой порадовался. Спасибо и за нынешний новогодний привет. Причина моего молчания почти уважительная.

В апреле-мае 1984 г. постановлением парткома «Ленполиграфмаша» я был исключен из партии по обвинениям, которые можно назвать политическими. В августе, соответственно, был исключен из Союза журналистов СССР, членом которого был (как и в партии) с 1961 г.

Я апеллировал в Ленинградский горком КПСС, утверждая, что обвинения **не соответствуют действительности**; аналогично — и в секретариат правления СЖ. Из последнего — ответа пока не имею. А бюро Ленинградского горкома, рассмотрев на днях мою апелляцию, не нашло оснований для восстановления в партии, хотя и существенно «смягчило» формулировку (это было 16.01).

Было: <...>. Стало: <...>. Я буду апеллировать в Ленинградский обком КПСС.

Жизнь идет своим чередом. Я — продолжаю работать на заводе.

Много изменений и в ИСЭПе. Может быть, Вы знаете, что уже больше года, как оттуда был вынужден уйти В. А. [Ядов. — А. А.]

Ограничусь сейчас этим минимумом информации. Думаю, побывав в Ленинграде, Вы узнали бы больше. Если захотите, могу и я написать подробнее. Но сейчас не берусь, т. к. разбираю «завал» нескольких десятков не ответенных за полгода писем.

С доброй памятью о нашем недолгом, но приятном сотрудничестве.
Ваш Андр. Ал., 26.01.85
P. S. Если будете писать, сообщите **дату** получения этого письма.

* * *

Из «Записей для памяти» (март 1985)

<...> 30.01.85 я отправил 34 иногородних письма разным людям, примерно одного и того же содержания. Как правило, это были письма к тем, от кого я получил новогодний, а то и более давний привет, на который раньше не нашлось времени откликнуться.

Ответы на эти письма поступали в течение февраля и частично марта 1985 г. Всего их оказалось 25. С некоторыми из адресатов я за это время имел случай повидаться, так что ответ был устным. До настоящего времени не имею никакого отклика от 7 адресатов из 34-х. (Может мое письмо их не разыскало, может ответ затерялся, а может — полученное письмо осталось пока не отвеченным; у меня — и подольше лежали.)

Из поступивших 25 писем я извлек и перепечатал только то, что имеет прямое отношение ко мне и может рассматриваться как товарищеская и дружеская реакция на мое сообщение о решении Ленинградского ГК КПСС от 16.01.85. Из 25 корреспондентов 3 или 4 впервые узнали о факте исключения А. из партии. Для большинства же — новой была информация именно об отклонении апелляции горкомом.

Содержание писем, как правило, не сводилось к обсуждению моих событий. Все, что касается собственных новостей и жизненных обстоятельств моих корреспондентов, при перепечатке опущено.

Между прочим, оказалось, что встречная информация о жизни (семейных обстоятельствах, состоянии здоровья, служебных проблемах и т. д.) иногда куда драматичнее моей. Во всяком случае, этот «моментный снимок» эпистолярного общения дал основания почувствовать себя сегодня скорее «в долгу» перед друзьями, чем наоборот.

К собственному стыду, я собрался ответить на эти письма только в конце марта 1985 г. <...>

(Записано в марте 1985 г.)

10.2.2. 25 писем отовсюду Из

личной переписки (февраль-март 1985)

Дорогой Андрей!

Сегодня утром получил твое письмо.

<...> Новости твои весьма содержательны и, на мой взгляд, повод для поздравления с Новым годом содержат. Снятие двух формулировок — факт бесспорно отрадней. Глядишь, может быть, дальнейшие твои усилия увенчаются определенным успехом? Будем жить и надеяться.
<...> Пиши. Обнимаю.

Твой ХХ, 2.02.85

* * *

Дорогой Андрей!

Твое письмо от 26.01 пришло вместе с почтой за 1 февраля, которую я сегодня утром достал из ящика. И очень кстати, поскольку уже собрался писать тебе. <...>

По поводу очередного «витка спирали». Нельзя ли как-нибудь «переступить» предстоящую ступень? Ведь она мало чем будет отличаться от предшествующей, тогда как в Центре ситуация, на мой провинциальный взгляд, совсем иная. <...>

И на какой ступени, по твоему мнению, уместны бы стали «разносторонние» (включая и выходящие за границы инкриминируемого) «свидетельства о личности»? Поскольку ведь и «свидетели» имеют некоторые права?

[Мой корреспондент, очевидно, имеет в виду акты гражданской защиты. — А. А.] <...>

ФФ, 2.02.85

* * *

Милый Андрей!

Твое письмо получила 1 февраля.

<...> От «комментариев» воздерживаюсь. Вернее даже сказать — от возмущения возмутительной «эпопеей», которая тянется так долго и так недоброжелательно пристрастно. Беспokoюсь, выдержат ли твои нервы, не «сломаешься» ли ты. В то же время преклоняюсь перед твоей выдержкой и терпением. <...>

УУ, 3.02.85

* * *

Здравствуй, Андрей!

Твое письмо достигло меня в максимально короткие сроки.

<...> Конечно, теперь ты располагаешь счастливой возможностью реструктурирования и обновления деятельности... Но разве о таком реструктурировании люди мечтают? И все же, когда человек чрезмерно идентифицирован, когда он уже не в силах и на час оторваться от любимой деятельности, кто знает, когда приходит пора остановиться, оглянуться. <...>

Мне кажется, что тебе, конечно же, следует протестовать, но еще и время — твой помощник и лекарь. Меня порадовала и статья в ¹ 18 «Коммуниста», и статья Афанасьева в «Правде». Отношение к увлеченной, **акцентуированной** личности постепенно будет меняться. Развитие личности не может по масштабам и темпам синхронизироваться с масштабами и темпами общесоциальными. В этом сложность общественного развития.

Может, я и не то пишу, но известие — ошеломляющее, беспощадное, и не отозваться на него невозможно. <...>

Кто знает, пройдет немного времени, все привыкнут к «наблюдающему участию» и будут молодым социологам заповедывать: пока не отработаете на производстве год-полтора, к научным трудам и не приступайте. А терпению и научной добросовестности учиться у А. Правда, порой ему не хватало беспристрастности. <...>

Не отчаивайся, держись!

ТТ, 3.02.85. [*Предположительно* — Светлана Минакова (г. Кировск, Мурманской обл.). — А. А.]

* * *

Дорогой Андрей!

Спасибо тебе за письмо. Оно дошло, что называется, мгновенно. <...> Понимаю, что тебе в трудный этот год было не до переписки, и потому ни в чем тебя не упрекаю. Молчишь, значит были дела поважнее.

Тебе, очевидно, придется идти вплоть до ЦК, поскольку подобные дела тянутся иногда годами, а иногда растягиваются на десятилетия (см. «Марию Вилор»). Как бы там ни было, ты с пути не сойдешь. В этом я уверен. <...>

Обнимаю. Передай привет Нелли.

Твой СС, 6.02.85

* * *

Здравствуй, Андрей!

Письмо, которое ты отправил 30.01, я получила 2.02. <...> Считаю важным изменения в формулировке, о которых ты пишешь.

Во всяком случае, они дают основание надеяться на пересмотр вопроса, естественно, если к делу отнесутся внимательно. Это, конечно, потребует дополнительных усилий и, скорее всего, будет недостаточно только письменной апелляции, отправленной по почте. Думаю, что придется тебе для сопутствующего разговора ехать в Москву. Ведь этот этап будет, насколько я понимаю, решающим.

<...> Мужества и удачи тебе, Андрей! Хочется верить в справедливость. Главное, не теряя выдержки и уверенности в своей правоте. Привет тебе и Неле от всех моих домочадцев. Обнимаю Вас обоих.

РР, 7.02.85

* * *

Дорогой Андрей!

Твое письмо получил на следующий день. То есть почта работает неплохо.

<...> Ты правильно написал, что в определенном смысле достиг успеха — многие вынуждены прочесть, подумать. Если так, то сейчас необходимо бы привлечь именно под таким углом зрения всяких <...>.

Не горюй! Основной долг ученого — сочинять неприятности. У Тебя это получается лучше, чем у многих других, и из моих знакомых — лучше всех.

Поздравляю с новыми исследованиями.

Твой ПП, 8.02.85. [*Предположительно* — Юлю Вооглайд (г. Таллин). — А. А.]

* * *

Андрей, здравствуйте!

<...> Ваша жизненная ситуация, как ни странно, сродни моей. Именно с осени 1983 г. пошли передрыги: у меня личные, у Вас — общественные, такие, что затронули ценности наиболее значимые. И стрессы... Сбои всегда ведут к разрушению всей структуры, и спасти может только «перестройка», а это так трудно «на ходу».

Чаще получается, что настолько вовлекаешься в сам процесс, что уже и в себе открываются «сбой».

<...> Я глубоко верю в то, что все испытания даются нам по мере наших сил. Вопрос в том — что после?

«Правильно пережитое» испытание всегда **укрупняет** силы (я себя сейчас чувствую спокойнее и бодрее, хотя внешние обстоятельства не изменились, а «раньше» сломалась бы в два дня). А если пережитый опыт ничего не дает душе, если остается только тяжелый груз безысходности и весь набор негативных эмоций, значит, он повторится еще и еще, пока человек его правильно не «усвоит».

В жизни истинно так: **опыт переходит в знание**. И конечно же, «неожиданные, злосчастные» обстоятельства всегда закономерны, вопрос только в том, подготовлен ли к ним человек.

Я про себя скажу, что до последнего времени не знала действительных трудностей, всегда до этого горести «разрушали» меня, а их задача — как раз в обратном. Если после пережитого не чувствуешь в своей душе ни злости, ни досады, ни гнева, ни прочего, с частицей «не», значит — опыт перешел в знание.

Я все это неосознанно чувствовала, а Вам попыталась открыть. И мое состояние, когда я пишу эти строки, говорит мне, что это верно.

<...> Этот год должен быть спокойным и благоприятным для тех, кто имеет настойчивость идти до конца в задуманном. <...>

Так что решайте для себя с вопросом о реабилитации, а больше того — подумайте еще раз, с внутренним напряжением, так ли уж это для Вас первоначально? И если да, идите до конца, и это должно быть твердо. <...> Нежнейший привет.

ОО, 8.02.85

* * *

Андрей, старина, салют!

Сегодня получил твое письмо, отправленное 30.01. Нескучно ты живешь!

<...> Знаешь, на меня все это производит грустное, весьма грустное впечатление. Я все же надеюсь, что где-то, может быть, на самом верхнем уровне, все, наконец, разрешится. Пока все это нечто вроде фарса. А причем тут Союз журналистов? Чего-то я не понимаю.

<...> Хорошо, мне кажется, что изменились формулировки. Это дает основания надеяться, что вообще со временем все обвинения рассеются. Все же какая-то чушь. <...>

НН, 8.02.85

* * *

Уважаемый Андрей Николаевич!

Надеюсь, что тяжелое для Вас время переживете стойко. Что бы ни случилось с восстановлением в партии, у Вас остается еще главное звание — гражданина Великой страны. Пусть же оно, это самое простое звание, даст Вам мужество и терпение.

Письмо Ваше я получил 15 февраля (если правильно разобрал печать на конверте).

Мужайтесь! Испытания на нашу долю для того и выпадают, чтобы проверить нашу стойкость. С сочувствием к Вам. <...>

ММ, 20.02.85

* * *

Андрей Николаевич!

Очень виновата перед Вами за долгое молчание. Все собиралась захватить, увидеть Вас и Нелли Алексеевну.

<...> А написать Вам нужные слова — это так непросто. Утешать Вас нечем, да Вы в этом и не нуждаетесь. Внутренне я давно жду от Вас весточки, что справедливость восторжествовала, все стало на свои места. Как ускорить это — не знаю.

<...> Конечно, наша — мелочь по сравнению с Вашей борьбой за правду. Недавно я включила телевизор, когда заканчивалась беседа писателей. Афанасьев говорил о двух типах современных героев, а другой писатель (его я не знаю) назвал третий тип героя — умеющего сегодня сказать правду, выстоять за нее. Вы уж простите меня, А. Н., за наивность, но у меня мысли обратились к Вам. Только бы физически выдержать, не сломаться...

Обнимаю Вас обоих.

Ваша ЛЛ, февраль 1985

* * *

Дорогой, дорогой Андрей!

Письмо пришло 4 февраля.

<...> Если ты прав даже наполовину, то этого должно было бы хватить для реабилитации тебя. Но как сделать так, чтобы это было **услышано, увидено, понято** — тем же Ленинградским ГК?

<...> Как ты думаешь действовать дальше: обычным порядком или каким-либо более сильным способом? Это надо тщательно продумать.

Надо, может быть, обратиться лично к секретарю. А не просто по общим каналам. Ибо случай ведь не стандартный: ты — борец за НТП [*научно-технический прогресс*. — А. А.], партийный социолог, и вдруг — такое!

<...> Страшно за еще одну над тобой экзекуцию, которая возможна в социологической ассоциации. Может быть, там-то и дадут бой? Ведь ты, слава богу, немало сделал: одна социология театра чего стоит.

<...> Как здоровье? А может быть приехал бы просто в гости, походить по лесу — здесь роскошная погода, яркое солнце, белейший снег, тепло (зима была жуткая!). <...> Пиши! Привет Неле.

КК, февраль 1985. [*Предположительно — Людмила Дудченко (г. Тарту)*. — А. А.]

* * *

Здравствуй, Андрей!

Рады твоему отпуску. Тебе надо хорошенько отдохнуть. У нас режим жизни на ближайшее время такой: <...>

Во все остальное время — мы твои. Ждем. ИИ
и 33, февраль 1985

* * *

Здравствуй, Андрей!

Письмо твое, написанное 26-го и отправленное, если верить штемпелю, 30-го, я получил 3-го февраля. Вполне пристойные сроки продвижения корреспонденции.

<...> Краткое изложение твоих мытарств огорчило меня чрезвычайно. Не так давно мне довелось побывать в стрессовой ситуации, отдаленно похожей на твою, — это, конечно, перетряхивает человека основательно. Но если выберешься из этой тряски, то, как ни странно, ощущаешь и некую радость от потерь. Не от всех, разумеется, многое невосполнимо, но от чего-то ведь **следовало избавиться**. И потом, именно в передрыгах понимаешь, на что ты способен. Впрочем, это все из моего опыта.

Конечно, мне было бы интересно узнать, как и отчего все это началось, но едва ли детали изложишь в письме, а тут ведь, как я понимаю, в деталях суть. Может быть, действительно, подождем до встречи.

<...> Будь здоров. Изучай себя как объект. Привет!
ЖЖ, 4.03.85

* * *

Уважаемый Андрей Николаевич!

Извините, ради бога, за такое бессовестное молчание с моей стороны. Ваше письмо я получила 4.02, то есть в нормальные сроки.

<...> Да, меня потрясло очередное «продвижение» Вашего вопроса, хотя вроде бы все так и должно быть. Жаль, что инстанции так долго тянут с принятием решения, это отчасти и у Вас выбивает почву из-под ног. Когда же Вы доберетесь до ЦК? Ведь партийный съезд уже не за горами. Надо успеть до него!

Ленинградские ГК и ОК — дело известное, от них ничего хорошего ждать нельзя. <...>

Ваша ЕЕ, 6.03.85

* * *

Здравствуй, дорогой Андрей!

<...> Чертовски трудное дело говорить в такой ситуации. Мою позицию по этому поводу ты знаешь, так что сообщать ее еще раз вряд ли есть смысл. Сожаления искренние и глубокие шлю тебе, хотя не уверен, уместны ли они в том смысле, что, может быть, ты в них не испытываешь потребности. Навязываться с советами тоже, пожалуй, не только неуместно, но и глупо, ибо информации у тебя больше и понимания сути дела вдвое больше, чем у меня. Вот и не знаю, что и как писать.

Единственное, что хочу зафиксировать с предельной четкостью, что если нужна моя помощь, то ты можешь на нее рассчитывать вполне. <...> Пиши, буду ждать.

Любящий тебя ДД, 12.03.85

* * *

Дорогой Андрей!

Огромное спасибо за письмо. Честно говоря, я здорово волновался, что от тебя нет вестей. И хотя в письме новости совсем не радостные, но все же отлегло от сердца: пока живы — надемся. Может быть, только это и важно, остальное — дело случая.

Твое письмо долго меня дождалось, почти месяц. Обработано оно 13 февраля.

<...> Хочу попросить тебя, о чем никогда, кажется, не просил: будь внимательнее к самому себе, береги и уважай отпущенные природой силы и здоровье. Ведь это важнейшая предпосылка всего остального: труда, отношения к людям и их отношения к тебе.

Мне кажется, что, в твоём положении, общие изменения климата, если они произойдут, могут сыграть благоприятную роль. Нужно спокойно двигать вверх по инстанциям, вежливо и толково объясняя суть дела.

Все это ты прекрасно понимаешь и, уверен, сумеешь сделать: ведь **эксперимент продолжается**. <...>

ГГ, 20.03.85

* * *

Здравствуй, Андрей!

Твое письмо получил. Возмущен до глубины души. В голове не укладывается вся эта идиотская история. Ощущение такое, будто вернулись в 37-й год! Или я чего-нибудь не понимаю, или у Вас в Ленинграде творится чертовщина какая-то. Полагаю, что тебе следует обратиться в ЦК.

<...> Привет Неле. Крепко жму руку.

Твой ВВ, март 1985

* * *

Уважаемый Андрей Николаевич!

Как я Вам уже писал, в издательстве «Мысль» планируется на 1986 г. выход книги <...>. Сейчас мы работаем над замечаниями рецензента и редакции. Однако нас смущает, что в роли рецензента выступил не социолог.

Не могли бы Вы оказать любезность — хотя бы бегло просмотреть в течение 2–3 недель рукопись и дать замечания? Если да, то сообщите о своем решении по телефону моей сестре в Ленинграде <...>, я немедленно вышлю рукопись.

Заранее извините за беспокойство в трудное для Вас время. Может, что-либо есть утешительное? С уважением,

ББ, 12.04.85. [*Предположительно — Алексей Алексеевич Дрегалю, социолог, канд. филос. наук (г. Архангельск).* — А. А.]

* * *

Дорогой Андрей!

<...> Тяжело мне думать о твоих всех этих делах. Тяжело ощущать полную неспособность, невозможность помочь. Ты, конечно, мудр: твое пись-

мо, будучи каким-то отрешенным, как-то успокаивает и снимает с адресата тяжесть вины. Но все равно — никуда не девается, остается внутри, сидит и время от времени дает о себе знать.

Правда, я уже к этому червяку в душе привыкла, свыклась с ним. <...>
АА, апрель 1985

Ремарка 1: кто узнает себя в письме?

Тепло этих старых писем берегу. Интересно еще, насколько они все — разные.

За два года до этого социолог-испытатель затеял было собрать автобиографии друзей, чтобы «себя увидеть в них». Реализация этого замысла была прервана событиями осени 1983 г. Зато в 1985-м сам собой сложился другой «эксперимент»: автор «собрал» от своих друзей личные письма «на заданную тему», причем письма оказались «автопортретами».

Не исключено, что кто-нибудь из читателей узнает свое собственное письмо в этой подборке, образованной по материалам моего архива, где вышеприведенные тексты сохранились лишь в перепечатке и без указания имен.

В таком случае прошу мне сообщить. (Сентябрь 1999).

Ремарка 2: другие — не виноваты!

В последнем из писем говорится о чувстве вины... Такое чувство обычно возникает у людей с обостренной совестью, при невозможности помочь. Однако само по себе письмо — уже помощь. И уж твоя забота — сделать так, чтобы другой не чувствовал себя виноватым.

А как? Только «помогая самому себе». Вот выкарабкаешься — и снимаешь камень с «чужой» души. (Ноябрь 2000).

10.3. Новые разговоры в Смольном

[После отклонения апелляции в Ленинградском горкоме КПСС (январь 1985) социолог-испытатель апеллировал в следующую партийную инстанцию — обком КПСС, где все процедуры повторились: беседы с сотрудником партийной комиссии; заседание партийной комиссии; бюро обкома КПСС. — А. А.]

Из апелляции в Ленинградский обком КПСС (март 1985)

<...> Считаю необходимым обратить внимание Областного комитета партии на следующие два принципиальных обстоятельства:

1. Ни одно из моих действий, ни один из поставленных мне как коммунисту в вину поступков не имел противоречащих Программе, Уставу КПСС или партийной морали **мотивов**. Действительные мотивы — партийные, гражданственные, научные. Других не было и нет.

2. Убежден, что ни одно из моих действий не имело наносящих ущерб делу Коммунистической партии, политически вредных **последствий**. Ни на одно такое последствие никто мне не указал и, думаю, указать не сможет.

За создание определенной (пусть малой!) вероятности такого рода последствий в своей работе с первичными социологическими материалами и научными документами для служебного пользования — я, разумеется, готов нести партийную ответственность. <...>

А. Алексеев, 3.03.85

Ремарка: мотивы — действия — последствия.

Любопытна произвольно выстроенная в процессе самообороны социолога-испытателя понятийная цепочка: мотивы — поступки (действия) — последствия.

Автор аргументировал свою невиновность отсутствием «политически вредных» — как мотивов, так и последствий своих поступков. Иначе говоря, опровергал как свою «субъективную», так и «объективную» виновность.

В таких случаях обвинителям, при отсутствии бесспорных доказательств вины, оставалось аргументировать ad hoc, но не логическими средствами. См. ниже. (Октябрь 2000).

* * *

Из «Записей для памяти» (апрель 1985)²

Александр Питиримович и Иван Яковлевич

<...> 16.04.85 я позвонил по тел. 278-14-43 тов. Горячкину и получил подтверждение, что меня ждут в среду 17.04, в 17 час., кабинет 423.

Сотрудники партийной комиссии ленинградского ОК КПСС размещаются в том же крыле Смольного (со стороны Смольнинского собора), подъезд ¹ 4, что и сотрудники партийной комиссии горкома, только не на 2-м, а на 3-м этаже.

Я достиг назначенного места чуть позже 17 час., т. к. на этот раз почему-то дольше, чем в прошлые разы, постовой в военной форме записывал в регистрационную книгу мои паспортные данные.

(При входе спрашивают, к кому идешь. Ты предъявляешь паспорт. Постовой сверяется со спущенным ему заранее «пропуском», т. е. с записью в журнале фамилии, имени и отчества вызванного, к чему он добавляет домашний адрес и, может быть, еще что-то переписывает из паспорта. Твой документ тут же возвращается. Какого-либо пропуска, в котором надо потом отмечать время ухода, на руки не выдается.)

В кабинете, на дверях которого была бирочка [стеклянная табличка. — А. А.] «А. П. Горячкин», меня ожидали двое: сам Александр Питиримович Горячкин, оказавшийся заместителем председателя партийной комиссии обкома, и сотрудник партийной комиссии Иван Яковлевич (названную мне фамилию я не успел запомнить). Первый — моих лет, второй значительно старше. <...>

Как выяснилось, заместителю председателя партийной комиссии (А. Г.) поручено **лично** заниматься моим делом. Он и направлял беседу, руководствуясь заранее подготовленным планом, иногда делая короткие

за⁻² Фрагменты «записей» озаглавлены мною сегодня

писи. Но и второй (И. Я.) не менее часто задавал вопросы, подавал реплики и иногда даже определял переход от одной темы разговора к другой.

<...> Материалы моего дела, состоящего теперь уже из двух не тонких папок, лежали на столе А. Г. К ним то один, то другой мой собеседник время от времени обращались за справкой. Как было сказано, оба ознакомились с моим личным и научным архивом 1980–1981 гг., изъятым при обыске 1983 г., причем — **полностью**, т. е. со всеми его 700 стр.

Самого архива [*«Письма Любимым женщинам»*. — А. А.] под руками у них не было (по-видимому, тот был возвращен из горкома КПСС в УКГБ ЛО, по завершении рассмотрения апелляции в горкоме). Но А. Г., например, пользовался обширными выписками из «Писем...», сделанными, как я понял, собственноручно. И его коллега тоже обнаружил в беседе действительное знакомство с моим архивом.

Из «подсобных материалов» — на столе А. Г. лежали две книги Ф. Искандера: «Сандро из Чегема» (Советский писатель, 1977) и «Защита Чика» (Советский писатель, 1983). <...>

В целом, по содержанию состоявшейся беседы видно, что А. Г. и И. Я. затратили немало времени на подготовку к этому разговору.

Общая тональность беседы

При всей резкости отдельных критических замечаний в мой адрес, беседу характеризовал подчеркнуто уважительный тон. В речи моих собеседников не было какой-либо «безапелляционности», слушали внимательно, говорили взвешенно. Мои самокритичные высказывания получали одобрение. В случае же расхождения наших точек зрения, — предпринималась попытка меня переубедить.

Вообще-то, такой тональностью характеризовались и прежние беседы в Смольном (горком КПСС). Однако сейчас эта черта получила как бы дальнейшее развитие.

Порядок постановки вопросов на обсуждение в основном совпадал с последовательностью освещения их в справке Ленинградского ГК КПСС. <...>

Вкратце

Последовательно выдвигавшиеся темы:

- 1) *изъятие во время обыска произведения или фрагменты произведений других авторов: Дж. Оруэлл (на англ. яз), Мао Цзэ-дун, М. Цветаева, Ф. Искандер;*
- 2) *работа с документами «для служебного пользования»;*
- 3) *экспертный опрос «Ожидаете ли Вы перемен?»;*
- 4) *собственные сочинения социолога-рабочего («Письма...» и проч.); некоторые другие.*

Ниже представлены только некоторые из сюжетов беседы.

Об А. А. Зиновьеве

<...> В горкомовской справке произведения А. А. Зиновьева [*«Зияющие высоты»* и *«Светлое будущее»*. — А. А.], якобы распространявшиеся

мною, фигурировали в одном ряду с Мао Цзе-дуном, М. Цветаевой и т. д., так что складывалось впечатление, что и они были изъяты у меня при обыске. Мне, в очередной раз, пришлось подчеркнуть, что это не так.

(И не напрасно! Ибо мои собеседники, судя по их репликам, полагали также и произведения Зиновьева у меня изымавшимися.)

Я кратко повторил все изложенное в письме на имя начальника УКГБ ЛО тов. Носырева от 13.01.85 (копия которого, кстати, была приложена мною к апелляции в обком и, стало быть, имелась в деле).³

Мне предложили подробнее рассказать, какой именно ответ я получил из Управления КГБ (в апелляции об этом сказано кратко). Поинтересовались: **кто такой Зиновьев?** Я сказал: бывший советский ученый-философ; у меня дома на полке и по сей день стоят его труды по логике, издававшиеся у нас в начале 70-х гг. Еще я знаю, что он потом покинул СССР и стал известен своими антисоветскими выступлениями.

Лично с Зиновьевым я не знаком, но мог бы и быть знакомым, поскольку в начале 70-х мы с ним работали в одном научном учреждении — Институт философии АН СССР, только он — в Москве, а я — в Ленинградских секторах этого института. <...>

Документы ДСП

<...> Следующим предметом разговора стали допущенные мною нарушения порядка работы со служебными документами. Тут я сказал, что вовсе не собираюсь оправдываться: вполне признаю свою вину, о чем сказано и в апелляции. Коль скоро так, то нужны ли еще объяснения? Все же их захотели выслушать.

Тогда я рассказал об обстоятельствах получения и мотивах перепечатки мною текста доклада академика Заславской, изданного ДСП (1983). Этот доклад произносился на научном семинаре в Новосибирске, куда я был приглашен, но поехать не смог.

Рассказал, далее, об обстоятельствах подготовки (в рамках плановой научной работы) собственного доклада о социально-экономических проблемах строительства БАМ (1977), с использованием изданий, находящихся в спецхране Публичной библиотеки.

Заметил, что изъятые у меня экземпляры научных сборников «для служебного пользования» включают мои собственные статьи или изданы под моей редакцией. В свое время я официально получил их в личное распоряжение.

В связи с этой темой, И. Я. зачитал вслух находящийся в моем партийном деле документ, о котором я узнал впервые. Это справка, подписанная, как я понял, директором ИСЭП АН СССР И. И. Сиговым и выданная, по-видимому, по запросу еще партийной комиссии горкома. В ней утверждается, что бывший сотрудник ИСЭП А. в свое время был ознакомлен с правилами работы с документами ДСП и с перечнем сведений,

³ См ранее, в главе 9: раздел «Управление КГБ за работой 1984–1985»

запрещенных к опубликованию в открытой печати. В справке сообщается также, что «допуска» (к закрытым и секретным материалам) А. не имеет.

Последнее утверждение справедливо. Что же касается ознакомления с «Правилами...» и «Перечнем...», то я хорошо знаю, что это не так (в бытность мою в ИСЭПе даже процедура такого ознакомления не предусматривалась). Я сказал об этом А. Г. и И. Я., но кто-то из них возразил, что нет оснований сомневаться в точности справки, подписанной директором института.

Еще, у меня был повод заметить, что в работе с документами ДСП (и не только в этом институте!) до самого последнего времени было немало «головотяпства»: например, они рассылались открытой почтой. Не случайно у какой-то «сволочи» [*похоже, что так я тогда и выразился.* — А. А.] возникла возможность переправить упомянутый доклад Заславской (ДСП) за рубеж, где он стал предметом политических спекуляций.

Если бы в этом деле, в том же ИСЭПе, был порядок, — не понадобилось бы октябрьское (1984 г.) постановление бюро Ленинградского обкома партии по вопросам соблюдения режима в институте.⁴

Вообще же, как заметил И. Я., моя позиция на этот счет является действительно самокритичной, что партийная комиссия отмечает с **удовлетворением**.

«Ваша апелляция в обком КПСС отличается от предшествующих», — поощрительно сказал он. Я сказал, что рассмотрение моей апелляции в горкоме было для меня весьма полезным. <...>

«Исследование советского общества»

<...> В том же ключе происходило обсуждение вопроса о так называемом **«тенденциозно экспертном исследовании советского общества»** (опробование мною методики «Ожидаете ли Вы перемен?» в 1979–1980 гг.)...

Ремарка: формулируют как умеют...

Формулировка, стоит заметить, малограмотная. «Изобретена» — Ленинградским горкомом КПСС. Вообще, партийно-бюрократическое творчество изобиловало такими «перлами». (Август 2000).

...Мое самокритичное высказывание на эту тему, в духе своей апелляции, отчасти обезоружило оппонентов. Они в основном согласились с моей самооценкой: вся эта работа — профессиональная неудача, а передавать материалы для обработки другому лицу — было, пожалуй, и «политическим недомыслием».

Сотрудники партийной комиссии осуждали скорее не мою социологическую пробу, как таковую, сколько выбор мною для опроса людей, «способных давать неправильные, демагогические ответы» (А. Г.). Тот же Го-рячкин отметил, что и предпринятое упомянутым «другим лицом» обозрение результатов опроса⁵ оказалось **аполитичным** (это — слышу впервые!).

См ранее, в главе 9: раздел «ИСЭП-1984...»

⁵ См ранее, в главе 9: «Опасные игры »

Еще тов. Горячкин заметил, что «мы» (партийная комиссия) могли бы пригласить тех 45 моих знакомых («вероятно, Ваших коллег?», полувопросительно), которые отвечали на вопросы анкеты, — «для разговора» (в Смольный, что ли?). Но Вы же — **отказались** их называть, в беседе с сотрудниками государственной организации!.. Да, отказался.

Прямой попытки узнать имена на этот раз не было. И мне не пришлось, как прежде, ссылаться на принципы профессиональной этики, требующие анонимности опроса...

Ремарка: к вопросу об анонимности опрашиваемых.

Вообще-то, обязательно анонимными являются только массовые, а не экспертные опросы. Но эта «тонкость» социологом-испытателем, естественно, замалчивалась. (Октябрь 2000).

...И. Я. заметил: уж если видите, что «идет не туда», то зачем было хранить эти материалы (они давно уничтожены, заметил я), зачем было передавать их постороннему лицу и т. д.? Это был как раз один из пунктов самокритики в апелляции, и я тут полностью согласился с моим собеседником. <...>

«Игрушки» социолога

<...> По ходу разговора тот же И. Я. вдруг напомнил еще об одном исследовании — 1983 года. Я не сразу сообразил, о чем речь. Оказалось, он имеет в виду изъятый при обыске и оставшийся не возвращенным мне текст — «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как объект социологических измерений» (с подзаголовком, кажется, «опыт любительского исследования»).⁶

Этот текст, по существу — фрагмент дневника, где я опробовал оригинальную социолого-математическую методику на несколько непривычном для социологических опытов материале (хронология персональных перемещений, движения кадрового состава Политбюро нашей партии, начиная с 20-х гг. до последнего времени), — до сих пор **ни разу не упоминался** в партийных разборах. (Могу даже предположить, что комиссии горкома он оставался неизвестным.)

А. Г. и И. Я. обнаружили знакомство с этим текстом, но не обсуждали со мной его содержание, не давали ему политической оценки, а только выслушали мой рассказ об обстоятельствах его возникновения: неспособность профессионального ума оставаться бездеятельным, даже купаясь в Карибском море; знакомство в советской туристской группе на Кубе с человеком, обладающим феноменальной памятью на статистику и хронологию; тот и сообщил мне, по памяти, исходную фактографию; а я произвел там же, на пляже, расчеты и обработку. (Разумеется, не для того, чтобы распространять — в Западном ли, в Восточном ли полушариях.)

⁶ См ранее, в приложениях к главе 7: раздел «Случай в Варадеро »

Дневниковый характер этого сочинения, написанного уже по возвращении домой (где, кстати, описывается также и драматическое происшествие, случившееся со мной во время купания в штормовую погоду), был, пожалуй, настолько очевидным, что меня даже не спросили, не показывал ли я кому-либо данный текст. А лишь выразили недоумение, что у социолога могут быть такие «игрушки» (слово это, кажется, употребил я сам).

Диалоги и монологи

<...> Как уже сказано, беседа, в том числе в ее остро полемичных моментах, протекала дружелюбно. Отдельные повышения тона со стороны моих собеседников носили не оскорбительный (как год назад, на парткоме «Ленполиграфмаш»), а скорее экспрессивный характер (например, И. Я. — о том, что коммунист обязан быть «бойцом партии»).

Один раз повысил голос и я, когда прозвучала формула «оскорбление рабочему классу». Не помню дословно своей реплики, но смысл сводился к тому, что я сам — «в этом кабинете» — представляю не кого-нибудь, а «рабочий класс», и «не позволю никому» — ни оскорблять его, ни приписывать мне его оскорбление.

Эта моя запальчивость, на фоне общего делового тона, была принята благосклонно.

В отличие от Горячкина, производившего впечатление человека флегматичного и державшегося как бы «в корсете», И. Я. был довольно импульсивен и держался скорее раскованно. Наш обмен репликами с последним можно расценивать как некий диалог, в отличие от обмена монологами с А. Г.

<...> Где-то в конце беседы И. Я. спросил: как я думаю, почему коммунисты столь резко осудили меня? Я сказал, что могу высказать только свои предположения. «Пожалуйста!» — интерес И. Я. не был показным.

Дело в том, сказал я, что отношение партбюро цеха, которое я незамедлительно информировал о таких чрезвычайных событиях своей жизни, как обыск (в сентябре 1983 г.) и официальное предостережение органов госбезопасности (в январе 1984 г.), было поначалу совсем иным, чем после поступления в партийную организацию соответствующей справки УКГБ ЛО (в марте 1984 г.). «Сочувственным?» — спросил И. Я. — «Можно сказать и так», — согласился я.

В сущности, большинство сообщавшихся в той справке фактов были уже известны коммунистам (партийному бюро) — от меня самого. «Изменилась оценка?», — спросил А. Г. — «Да, — сказал я. — А дальше, как я считаю, сработал авторитет государственной организации. Тут уже оценки стали однозначно отрицательными и безапелляционными».

<...> Еще один вопрос (И. Я.) — о семейном положении. — Женат. Взрослая дочь. Имею внука. Дочь живет отдельно. Где работает жена? Ответил. Есть ли коммунисты в семье? — Нет. Дальше эта тема не развивалась.

В ответ на вопрос, смысл которого сводился к тому, как мне сейчас работается, я сказал, что «все нормально, работаю в бригаде, отношения в коллективе хорошие, хожу на открытые партийные собрания».

Было какое-то замечание И. Я. о том, что в моих писаниях и действиях наблюдается склонность к негативным оценкам и т. п. Я ответил примерно в том смысле, что, в свою очередь, сам наблюдаю своего рода склонность других людей к изысканию в моих «писаниях и действиях» таких оценок, и т. п. Партийная комиссия, может быть, в силу обстоятельств, сосредоточена лишь на том, что подкрепляет эту версию.

Еще где-то в середине беседы Горячкин сказал, что эта встреча — не последняя и что я до заседания партийной комиссии имею возможность **дополнить** свою апелляцию, если пожелаю... Но тут же и оговорка, что меня к этому, разумеется, «не принуждают». (Вообще, беседа изобиловала такими оговорками, именно со стороны А. Г.)

Я сказал, что моя апелляция в ОК КПСС глубоко продумана, писалась не сгоряча, добавить нечего. Я надеюсь, что обком партии примет справедливое решение. <...>

Две просьбы. Обращаюсь «за советом»

<...> Со своей стороны, у меня две просьбы к партийной комиссии.

Одна была высказана еще по ходу беседы: дать мне возможность ознакомиться с изъятыми у меня текстами Фазиля Искандера и Марины Цветаевой (и И. Я. уже тогда взял это на заметку). Думаю, что если горком КПСС позволил мне «подержать в руках» 700 стр. моих собственных дневников и писем (для чего специально запросил их из УКГБ ЛО), то обкому естественно поступить так же с тремя десятками страниц изъятых у меня текстов названных писателей.

Эту мою просьбу обещали удовлетворить.

Другая просьба. Испрашиваю совета: как мне дальше быть с обвинением в хранении и распространении неких произведений А. А. Зиновьева, т. е. в действиях, которых я на самом деле **не совершал**? Горячкин в ответ сказал что-то общее, вроде необходимости «еще раз продумать свои ошибки» и т. п. Но И. Я. понял конкретный характер вопроса и обратил на это внимание коллеги.

Первая реакция моих собеседников была та, что они **не могут** ничего мне здесь посоветовать.

«Но у кого же мне спрашивать совета, как не у партийной комиссии?» — возразил я. Пауза. Я повторил вопрос:

— Судиться мне, что ли, с ними?

— С кем? — не понял И. Я.

— Ну, с тов. Полозюком, который подписал справку УКГБ ЛО...

— Это Ваше право, — был ответ (не помню чей именно).

Я дал понять, что мне очень хотелось бы избежать подобных, пусть вынужденных демаршей.

Тут И. Я. согласился, что вопрос не праздный, а принципиальный, и моя просьба — о совете, как быть в данном конкретном случае, — не лишена смысла. Но мне ответят при следующей встрече.

А. Г. и И. Я., посоветовавшись, решили, что недели им хватит для выполнения двух моих просьб, и я должен буду в следующую среду-четверг (24–25 апреля) позвонить А. Г. для достижения договоренности о второй встрече.

Я покинул кабинет заместителя председателя партийной комиссии ОК КПСС в 19 час.

(Записано 21.04.85)

* * *

Из «Записей для памяти» (продолжение)

Неделю спустя. Обсуждаем «Чегемский миф о Ленине»

[24.04.85. Смольный. 4-й подъезд. Кабинет 423. — А. А.]

<...> В ответ на мое пожелание, высказанное в беседе 17.04, тов. Горячкин предоставил мне возможность ознакомиться с **ксерокопией** 9-страничного машинописного текста, озаглавленного: «Ф. Искандер. Сандро. Новые главы», — того самого, который был изъят у меня при обыске в 1983 г. Я читал медленно, внимательно. Текст имел подзаголовки, из которых я запомнил: «Холоп и хам», «Интеллигенция», «Чегемский миф о Ленине», «Пизанская башня». Еще там было несколько притч из повести «Джамхух — сын Оленя».

Содержание этого литературного фрагмента здесь не пересказываю. Однако внимательное ознакомление с ним позволяет с уверенностью утверждать, что, пусть даже эти отрывки не включены в «канонические» издания названного романа и повести, для отнесения их к разряду «политически вредных произведений» нет никаких оснований.

После того, как я ознакомился с текстом, тов. Горячкин попросил высказать к нему свое отношение. Я поинтересовался, в чем именно состоят политические претензии к автору текста или же ко мне как читателю (хранителю?). Горячкин определенного ответа не дал, заметив, что я сам «должен понимать».

Тогда я сказал... что отдельные мысли из этого фрагмента мне кажутся перекликающимися с идеями, высказанными в последнем романе советского писателя, Героя Социалистического Труда Ю. Бондарева («Игра», опубл. в «Новом мире», 1985); есть также перекличка с идеями романа другого советского писателя, лауреата Ленинской премии Ч. Айтматова «И дольше века длится день...»; а вот этот абзац — чем-то напоминает мысли, высказывавшиеся третьим советским писателем, лауреатом Государственной премии И. Васильевым, в его повестях и очерках последних лет (говорилось с ударением **не на именах, а на званиях**).

Но, конечно же, больше всего мне этот фрагмент напоминает **самого** Ф. Искандера, который, по-видимому, и является его автором.

Утверждения о «клеветнических выпадах в адрес основателей нашей партии» (см. справку партийной комиссии горкома КПСС) — содержанием отрывка «Чегемский миф о Ленине» вовсе не подкрепляются, ска-

зал я. Предметом добродушно-иронического отношения автора здесь выступает вовсе не сам В. И. Ленин, а мифологическое преломление его образа в памяти «чегемцев» и т. п. Еще могли бы сами чегемцы (абхазы?) обидеться, но за Ленина обижаться тут не приходится. [См. ниже. — А. А.]

Мое заявление, как я понял, не удовлетворило зам. председателя партийной комиссии, но сформулировать контраргументы он не пытался.

Судя по абзацам и подзаголовкам, отмеченным в ксерокопии птичками, красным карандашом (по-видимому, самим Горячкиным), восприятие этого литературного фрагмента моим собеседником во многом дублировало казусы прочтения моих собственных дневников и писем (вроде усмотрения в них «измышлений» о генеральной линии нашей партии, в связи с рассуждениями о «генеральной линейке» координатно-револьверного пресса). <...>

Еще в процессе обсуждения, и отчасти резюмируя его, я спросил: правильно ли я понимаю, что, в частности, за чтение и «хранение» вот этих отрывков из романа советского писателя я исключен из партии (не только за это, разумеется, но среди прочего — и за это тоже)?..

Тов. Горячкин ответил довольно неопределенно, но в целом утвердительно. <...>

(Записано 27.04.84)

* * *

Из романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема» (80-е гг.)

<...> — Что случилось с русскими? — с каким-то недоумением и горечью время от времени спрашивали чегемцы, сколько я их помню.

Я думаю, вопрос этот впервые прозвучал, когда чегемцы узнали, что Ленин не похоронен, а выставлен в гробу в особом помещении под названием «Амавролей».

Предание покойника земле для чегемцев настолько важный и неукоснительный акт, что нравственное чувство чегемцев никогда не могло примириться с тем, что мертвый Ленин годами лежит в помещении над землей, вместо того, чтобы лежать в земле и слиться с землей.

Вообще чегемцы к Ленину относились с загадочной нежностью. Отчасти, может быть, это чувство вызвано тем, что они о жизни великого человека узнали впервые тогда, когда услышали о его смерти и о несправедливом непредании его праха земле. До этого о существовании Ленина, кроме дяди Сандро и еще, может быть, двух-трех чегемцев, никто не знал.

Я думаю, так возник чегемский миф о Ленине. Чегемцы про него говорили, что он хотел хорошего, но не успел. Чего именно хорошего, они не уточняли. Иногда, стыдясь суесловного употребления его имени и отчасти кодируя его от злого любопытства злых сил природы, они не называли его, а говорили: Тот, кто Хотел Хорошего, но не Успел.

<...> Смерть Сталина и водворение его в Мавзолей были восприняты чегемцами как начало возмездия. И они сразу же стали говорить, что теперь имя его и слава его долго не продержатся.

Поэтому, узнав о знаменитом докладе Хрущева на Двадцатом съезде, они нисколько не удивились. В целом одоббив содержание доклада, они говорили:

— Хрушит молодец! Но надо было покрепче сказать о вурдалачестве Большеусого.

И опять чегемцы удивлялись русским.

— Что с русскими, — говорили они, — мы здесь, в Чегеме, и про бумагу, написанную Лениным [*перед смертью*. — А. А.], знали, и про все вурдалачества Большеусого. Как же они об этом не знали?

Вопреки либеральному ликованию в стране, когда гроб с телом Сталина убрали из Мавзолея, чегемцы приуныли.

— Надо же было все наоборот сделать, — говорили они в отчаянии, надо было Ленина похоронить, а этого оставить, написав на Амавзолее: **«Здесь лежит вурдалак, выпивший нашу кровь»**. Неужели им некому было подсказать?

И, несмотря на все превратности жизни, чегемцы упорно продолжали ждать, когда же наконец предадут земле Того, кто Хотел Хорошего, но не Успел. <...>

(Цит. по: Ф. Искандер. Собр. соч. в 6 томах. Том 3. Харьков: Фолио, 1997, с. 184–190)

Ремарка: «...Тот, кто Хотел Хорошего, но не Успел...»

Примерно этот отрывок из романа Ф. Искандера ходил, в начале 80-х, в «самиздате» и был изъят при обыске у социолога-рабочего в 1983 г., а потом стал предметом партийных разбирательств.

Интересно, как бы его откомментировал тогда сам Фазиль Искандер? (Август 2000).

* * *

Из «Записей для памяти» (окончание)

Авторитетное разъяснение

[24.04.85. Смольный. Кабинет 423. — А. А.]

<...> Обсудив «Чегемский миф о Ленине», мы с тов. Горячкиным перешли к рассмотрению творческого наследия Марины Цветаевой. <...>

Вкратце

Здесь опущены перипетии ознакомления социолога-испытателя с изъятými у него во время обыска машинописными копиями стихов и писем М. Цветаевой.

Мне удалось тогда переписать названия и датировки этих текстов, что потом сыграло немаловажную роль в построении плана самозащиты.⁷

...Насчет запрошенного мною неделю назад совета по особо волнующему меня вопросу (мифические копии произведений А. Зиновьева, будто бы распространявшиеся мною) тов. Горячкин <...> заявил, что «мы» (партийная комиссия) **не проверяем** сведений, поступивших из органов госбезопасности.

⁷ См ниже: раздел «Высокий партийный суд»

Последующее обсуждение этой темы привело к тому умозаключению, что всякая местная организация имеет над собой вышестоящую (центральную), куда человек имеет право обратиться.

«Вы советуете мне обратиться по этому вопросу к члену Политбюро ЦК КПСС, председателю Комитета государственной безопасности СССР В. М. Чебрикову?» — спросил я.

(В этот самый день, 24 апреля 1985 г., было опубликовано Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС, где, в частности, состоялся перевод тов. Чебрикова из кандидатов в члены Политбюро ЦК.)

Нет, нет, я только **разъясняю** Вам общий порядок, примерно так заявил мой собеседник.

Я сказал, что благодарю тов. Горячкина за сделанное разъяснение и что принял его к сведению. <...>

(Записано 27.04.85)

* * *

Из доклада М. Седуновой на конференции «Общество и тоталитаризм: первая половина 80-х гг.» (1998)

<...> Несмотря на обвинения в эклектизме идейных установок и в ревизионизме А. Н. не был противником коммунистической идеологии, тем более — диссидентом. Он был — за реформирование социалистической системы, а не за ее замену. Будучи коммунистом, он <...> в отстаивании своей позиции апеллировал не к кому-нибудь, а к партийным инстанциям. <...>

Может быть, в глазах партийных функционеров А. Н. представал правдолюбом-идеалистом, «белой вороной», но «своей». Может быть, поэтому так долго тянулась история с исключениями [из партии и т. д. — А. А.] — не знали, как относиться к этому «не легкому» случаю. <...>

(М. В. Седунова. Независимые исследования социолога-рабочего. Рукопись. Ноябрь 1998).

Ремарка: «инакомыслящий» или «инакодействующий»?

Историку, научному сотруднику Музея политической истории России Марине Викторовне Седуновой не довелось читать вышеприведенные «самоотчеты» социолога-рабочего о беседах в Смольном. Цитированные здесь «записи для памяти» (1984–1985) как будто не противоречат ее гипотезе. Но и не являются прямым ее (этой гипотезы) подтверждением.

Здесь следует заметить, что, в отличие от «партийных судей», сотрудники госбезопасности, например, никаких сомнений (насчет определения принадлежности автора этих строк к категории «своих» или «не своих») наверняка не испытывали.

Те и другие, при всей их «системной» общности, имели свою «специализацию» в делах такого рода. Сотрудникам партийной комиссии нужны были от субъекта прежде всего «согласие» и «самокритика» (сфера, так сказать, «мысли»); работники же ГБ добивались только «откровенности» и «сотрудничества» (сфера, так сказать, «действия»).

Постольку и «свой» («не свой») для одних — не обязательно представлялся таковым для других.

Что касается самого субъекта «драматической социологии», то тут стоит различать «инакомыслие» и «инакодействие». Последнее социологу-испытателю было свойственно больше, чем первое. (Июль-сентябрь 2000).

10.4. Высокий партийный суд

10.4.1. «Изобразить меня антисоветчиком, конечно, можно. А сделать таковым не удастся даже вам, товарищи члены бюро обкома!..»

Из «Записей для памяти» (июнь 1985)

<...> Настоящий текст записан мною сразу после заседания бюро обкома КПСС 4.06.85, почти дословно, как я сам его помню, не исключая повторов, шероховатостей и неловких речевых оборотов. <...> (Записано в начале июня 1985 г.)

* * *

Автостенограмма выступления на бюро Ленинградского ОК КПСС (июнь 1985)

Я займу у членов бюро не более пяти минут.

Согласно постановлению бюро Ленинградского городского комитета КПСС, я исключен из партии «за хранение и распространение политически вредных произведений, написание и распространение материалов, содержащих идеологически невыдержанные оценки некоторых сторон советской действительности, грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования и проведение тенденциозно экспертного исследования советского общества».

Рассмотрение моей апелляции горкомом партии в августе-декабре прошлого года, а также октябрьское (1984 г.) постановление бюро Ленинградского обкома КПСС о серьезных недостатках в работе Института социально-экономических проблем АН СССР (сотрудником которого был и я несколько лет назад) помогли мне понять, осознать допущенные мною ошибки.

В свое время я действительно нарушил ныне установившийся порядок работы с изданиями для служебного пользования (пусть не имеющими грифа «секретности»!). Допустил и своего рода социологическую самодеятельность, чреватую общественно вредными, по счастью, не имевшими места последствиями (упоминавшаяся здесь методика «Ожидаете ли Вы перемен?»).

За эти ошибки я, безусловно, заслуживаю партийного наказания.

Но я хочу сказать и о том, в чем вовсе не виноват, вопреки тому, что обо мне утверждается. Этот пункт обвинения имеет для меня принципиальное значение.

Меня исключили из партии, в частности, за хранение и распространение литературы, которую называют то «политически вредной», то «запрещенной», то «не подлежащей ввозу и распространению на территории

СССР», а то и «антисоветской». Складывается впечатление, что кому-то очень важно изобразить меня в качестве антисоветчика или «сделать» меня таковым. Изобразить, конечно, можно, а вот сделать — не удастся!

В справке партийной комиссии обкома партии, которая здесь полностью не зачитывалась (но которая зачитывалась при мне на заседании партийной комиссии две недели назад), называются те «политически вредные» произведения, которые были у меня изъяты при обыске. (Даже там не утверждается, что я их распространял, и я их, разумеется, не распространял.)

Но что же это за произведения, что за авторы, которых сегодня почему-то не сочли нужным упомянуть вслух?

Советский писатель Фазиль Искандер. Выдающийся русский и советский [мак! — А. А.] поэт Марина Цветаева. Дж.Оруэлл, автор известного романа-антиутопии «1984» (эта книга имела у меня на английском языке). Мао Цзедун...

Думаю, Управление по охране государственных тайн в печати, выступавшее рецензентом на материалы обыска в моей квартире, оказало медвежью услугу как органам государственной безопасности, так и партийным органам, представляя произведения этих авторов как запрещенные и т. п.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что хранившиеся у меня в машинописной копии письма М. Цветаевой 1940 г. опубликованы в сентябрьской книжке журнала «Октябрь» за 1982 г. (т. е. — за год до того, как их у меня отобрали).

Стихи М. Цветаевой 1917–1920 гг., предъявленные мне в партийной комиссии обкома партии (если только их действительно у меня изымали, чего не помню; но пусть даже так), тоже не за семью печатями. Недавно я пошел в Публичную библиотеку и переписал там целую тетрадку этих самых (инкриминируемых мне как хранителю) стихов — те же названия, представленные в изданиях М. Цветаевой 1960–1980-х гг. либо в изданиях 20-х гг., в том числе и зарубежных, но — **свободно** выдающихся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Не меньший конфуз и с Оруэллом. Вот я принес с собой книгу, выпущенную в 1984 г., в издательстве «Молодая гвардия», массовым тиражом (50 тыс. экз.). Там написано следующее:

«Кстати, в советской печати и исследовательской литературе в последние годы пересмотрен и отвергнут прежний, чисто негативный подход к Оруэллу, показано, что Оруэлла не следует превращать в противника, что это скорее наш союзник в борьбе с империализмом. «Молодая гвардия», «Литературная газета», «Иностранная литература» и многие другие органы нашей прессы, равным образом, как и ряд наших исследователей, убедительным образом показали, что картины страшного мира, рисуемого Оруэллом, могут и должны быть использованы в идеологической борьбе с силами реакции, в целях контрпропаганды, что эти картины, независимо от субъективных намерений автора, не имеют отношения к социалистическому обществу, а выявляют реальность и тенденции общества позднебуржуазного.

Конечно, нужно принимать во внимание все неизбежные минусы критики, ведущейся с либеральных и социал-демократических позиций, равно как и антикоммунистические предрассудки автора, но главное в том, что объективно в антиутопии Оруэлла речь идет именно об экстремизме **фашистского** и **левацкого** толка». (С.А. Эфиров. *Покушение на будущее. Логика и футурология «левого» экстремизма. М., 1984, с. 187*).

Поистине медвежьей оказывается услуга Управления по охране государственных тайн в печати при Леноблгорисполкомах, когда оно утверждает (а в справке партийной комиссии воспроизводится), что роман Ору-элла «1984» — это клевета на социалистический образ жизни.

Ограничусь этими примерами.

В чем виноват — виноват, наказывайте, товарищи, как считаете нужным. Но не нужно приписывать того, в чем я **не виноват**, ни помыслом, ни действием. Не все равно, за что наказывают.

Еще раз повторю, сделать из меня антисоветчика не удастся **даже вам**, товарищи члены бюро обкома!

Я не касаюсь сейчас остальных моментов партийного обвинения, по которым мог бы возразить тов. Горячкину, докладывавшему о моем деле.

В частности, о материалах моего личного и научного архива начала 1980-х гг. — надо говорить либо слишком много, либо ничего. В моих прежних объяснениях (еще для партийной комиссии горкома партии) сказано, полагаю, достаточно. Моя точка зрения на этот счет выражена в апелляции вполне определенно. И она за эти несколько месяцев не изменилась.

<...> Почему останавливаюсь только на одном пункте? Потому что он для меня принципиально важен. Когда строят из меня распространителя антисоветской литературы и т. п. — это глубоко уязвляет, об этом невозможно промолчать человеку, искренне считающему себя коммунистом.

А. Алексеев, 4.06.85

Ремарка: необходимая самооборона.

...Текст, во многих отношениях, примечательный!

Во-первых, социолог-испытатель впервые идет на компромисс: признает свою «вину» по тем пунктам, где спорить в данной ситуации ему представляется бессмысленным.

Во-вторых, он находит действительно самое уязвимое место в предъявленных ему обвинениях (очевидные передержки тогдашних оппонентов).

В-третьих, кто же он, произносящий эту речь, на самом деле: ловкий адвокат самому себе, «слишком правоверный» коммунист или что-то третье (не поддающееся пока самоопределению)?

Пожалуй, и первое, и второе, и... вот это, пока не ясное себе самому, третье.

Во всяком случае, надо признать, что «ситуационно-ролевая» мораль (см. ранее, в главе 6: раздел «Образ жизни и жизненный процесс...») оказывается самому социологу-испытателю вовсе не чуждой.

«Ради красного словца», даже Марину Цветаеву в «советские поэты» записал: раз повесилась в Елабуге — значит советская... (Декабрь 1999).

P.S. *Эти строки написаны почти год назад. Сегодня ко всему сказанному добавилась приведенная ранее интерпретация Романа Ленчовского.⁸ Анализ моего друга представляется достаточно убедительным. (Ноябрь 2000).*

⁸ См. ранее, в главе 9: раздел «На что мы надеялись, или о нравственном смысле анализа превращенных форм Интермедия» и др. комментарии Р Л к тексту моей рукописи

10.4.2. Репортаж с заседания бюро обкома КПСС

Из «Записей для памяти» (июнь 1985)

[4.06.85. Смольный. — А. А.]

<...> Я был предупрежден, что следующий вопрос — мой. Около 18-30 (на 2 часа позже назначенного срока) мы с тов. Горячкиным [*напомню: зам. председателя партийной комиссии Ленинградского обкома КПСС. — А. А.*] вошли в зал заседаний бюро областного комитета партии.

Интерьер — аналогичный залу заседаний бюро горкома КПСС и тому, где происходило заседание партийной комиссии обкома: обращенный внутренностью дуги к залу стол президиума для членов бюро, расставленные в шахматном порядке столики для приглашенных — в зале. Только этот был больше всех предшествующих.

За столом президиума (на возвышении) сидели 12 чел. В середине, как я понял, первый секретарь Ленинградского ОК КПСС Л. Н. Зайков. Знакомых мне лиц не было. Вероятно, там был и первый секретарь ЛГК КПСС, председательствовавший при рассмотрении апелляции на бюро горкома в январе 1985 г. А. П. Думачев, но я его не узнал или не разглядел. Один из членов бюро был в военной (генеральской) форме.

За столами, лицом к президиуму, сидели чел. 4–5. Как мне объяснили потом осведомленные люди, это — кандидаты в члены бюро. Среди них, по-видимому, был председатель партийной комиссии обкома (который вел заседание партийной комиссии 20.05), но я не очень помнил его в лицо. Среди кандидатов в члены бюро должен был быть и редактор «Ленинградской правды» А. К. Варсобин. Его я бы, разумеется, узнал, но с моего места лица сидевших за столиками не были видны.

Уже зная порядок, я занял место за столиком в первом ряду, ближайшем к трибуне. За трибуну (лицом к столу президиума) встал вошедший вместе со мной А. П. Горячкин. Председательствующий (Зайков) предоставил ему слово.

Докладывая о моем деле, Горячкин заглядывал в текст справки партийной комиссии (которая в свое время мне так и не была показана, а только зачитывалась однажды вслух). Однако он не цитировал справку. Мало того, композиция его доклада не имела ничего общего с ее структурой. В отличие от справки, являвшей собой своего рода «комментарий» к материалам обыска 16.09.83, тов. Горячкин излагал мои поступки (проступки) **в биографическом порядке.**

В известном смысле это было логически выстроенная «концепция» моей жизни и деятельности за последние 5–7 лет.

Сначала речь шла о «несанкционированном исследовании советского общества» (почти без сокращений относительно слышанного мною ранее текста справки парткомиссии). Затем — о **не санкционированном же (!)** исследовании производственной жизни «глазами рабочего». (Был ли такой акцент уже в справке или он был привнесен только в этом докладе, затрудняюсь сказать.)

По этому второму пункту давалась оценка моих «Писем...» (довольно подробно, правда, без цитат, фигурировавших в справке).

И уже только после этого (как хронологический и логический итог) упоминался обыск 1983 г. и изъятые при обыске материалы: документы ДСП, доклад академика Заславской, «литература, не подлежащая ввозу и распространению на территории СССР». Причем последняя вообще — **без имен и названий**. (Не только Зиновьев, кстати, отсутствовавший в справке партийной комиссии, но и Цветаева, Искандер, Оруэлл, там — широко комментированные, не упоминались.)

Такая «регушь», с одной стороны, могла иметь смысл избегания излишней детализации, а с другой стороны — открывала простор для воображения: **что же там у него хранилось и было изъято?!**

Еще я обратил внимание, что в информации тов. Горячкина отсутствовали какие бы то ни было формулировки (как известно, неоднократно изменявшиеся) исключения из партии. Не приводилась даже самая последняя (из постановления Ленинградского ГК КПСС от 16.01.85).

Это умолчание могло иметь смысл и простого сокращения времени на доклад по моему вопросу, т. е. опущено — как нечто **не имеющее принципиального значения** (с чем я согласиться никак не могу).

(Правда, формулировка исключения меня из Союза журналистов от августа 1984 г. в информации, например, присутствовала. Думаю, что присутствовала бы и формулировка исключения меня из Советской социологической ассоциации, если бы такое успело состояться до заседания бюро обкома КПСС.)

Надо сказать, что каждый член бюро обкома, насколько я могу судить, слушал Горячкина, имея перед глазами какой-то относящийся ко мне документ (по-видимому, ту же справку партийной комиссии), подобно тому, как это было и на заседании бюро горкома, полгода назад.

По окончании доклада тов. Горячкина, председательствующий (тов. Зайков) спросил меня, **согласен ли я** с изложенным.

Я сказал: — Нет.

— С чем именно Вы не согласны? (Зайков).

Я сказал, что готов ответить, если мне будет предоставлено слово, которое займет не больше пяти минут, но при этом я хотел бы указать и на то, с чем я **согласен**.

— А Вы скажите только — с чем Вы не согласны (Зайков).

— Я так не могу, — сказал я.

После короткого совещания председательствующего с членами бюро, слово мне было предоставлено.

Я говорил стоя (хотя было сказано, что можно сидя). Никакого текста в руках не держал (и написанного заранее не имел!), без очков. Мне пришлось их надеть только под конец, для зачитывания одной цитаты.

Начиналось мое выступление словами: «Согласно постановлению бюро Ленинградского горкома КПСС я исключен из партии **за...**», и стал цити-

ровать формулировку. Тов. Зайков прервал меня: «Вы исключены из партии не горкомом партии, а первичной партийной организацией». Я сказал: «Я выразился абсолютно точно: «**согласно** постановлению бюро городского комитета партии...». А о том, когда и кем я исключен из партии здесь уже докладывалось».

Л. Н. Зайков счел мое замечание справедливым и на протяжении всех последующих 5 мин. выступления я не был прерван ни разу.

Конечно, мне трудно судить, но кажется, я был выслушан со вниманием (см. текст выступления). Возможно, это внимание было вызвано тем, что я сосредоточился только на **одном** пункте обвинения. Возможно — тем, что сообщал заведомо **новую** для всех присутствующих информацию. Наконец, не исключена роль и естественной в ответственной ситуации **экспрессии** (что, вообще говоря, мало мне свойственно).

По окончании выступления нервную, как мне показалось, реплику подал председатель партийной комиссии тов. Смаглиенко (сидел он, как кандидат в члены бюро, за столиком лицом к президиуму; столик — рядом с моим):

— Тов. Алексеев уводит в сторону от сути дела. Речь идет прежде всего о его собственной **писанине** (так!), которую он хранил и распространял...

Однако Л. Н. Зайков прервал эту реплику и высказался сам. Смысл его высказывания сводился к необходимости учесть соображения и факты, сообщенные в моем выступлении (которые не учесть, вообще говоря, было затруднительно). Резюме: восстановить в партии нельзя (нет оснований!), а изменить формулировку бюро горкома КПСС следует. Из этой формулировки — исключить «хранение и распространение политически вредных произведений».

Первый секретарь обкома говорил несколько пространнее, чем я здесь передаю, но в основном за счет повторений, варьирования одной и той же мысли, как бы кристаллизующейся по ходу речи. При этом выступающий обратил внимание, что по остальным пунктам обвинения тов. Алексеев «не возражает». (Как именно было сказано мною — см. текст выступления.) Что служило для оратора как бы дополнительным аргументом.

«Нет возражений у членов бюро?» — спросил Зайков. Возражений первому секретарю обкома не последовало (в том числе и со стороны члена бюро, начальника УКГБ ЛЮ Д. П. Носырева, если тот присутствовал; можно предположить, что присутствовал, т. к. в бюро — 13 чел., а за столом президиума сидели 12).

Тов. Зайков повторил свой вывод — как бы для меня и для сидевшей в углу зала, позади стола президиума, женщины-секретаря, которая вела протокол, и сказал, что я свободен.

Попрощавшись, я покинул зал заседаний бюро Ленинградского ОК КПСС. Думаю, что рассмотрение моей апелляции заняло минут 20. <...>
(Записано 9.06.85)

[Похоже, этот «раунд» своего единоборства с партийными органами социолог-испытатель, «по очкам», выиграл.

Однако не следует думать, что это достигнуто только им самим. Существенны и «ситуационные» факторы... См. ниже. — А. А.]

* * *

**Из выступления первого секретаря Ленинградского ОК КПСС
Л. Н. Зайкова на совещании в ЦК КПСС по вопросам
ускорения научно-технического прогресса (июнь 1985)**

<...> Нужно свежим взглядом, отмечал Михаил Сергеевич Горбачев во время своего пребывания в Ленинграде, — посмотреть на те негативные явления, всякого рода промахи, тормозящие движение нашего локомотива, нашего общества.

Хочу подчеркнуть, товарищи, что три дня обстоятельного и делового знакомства Генерального секретаря ЦК КПСС с жизнью нашего города, его яркая речь в актовом зале Смольного буквально всколыхнули всю Областную партийную организацию, всех ленинградцев.

И в том, что Михаил Сергеевич нашел в Ленинграде много убедительных аргументов в пользу правильности тех подходов, которые Центральный Комитет партии закладывает в основу экономической стратегии на перспективу, в том, что при этом был поддержан опыт ленинградцев по решению многих новых задач, стоящих перед нашей экономикой, заключается огромный мобилизующий стимул для каждого из нас.

Но это одновременно и огромная ответственность, большой аванс на будущее. Тем более, как было подчеркнуто Михаилом Сергеевичем, при всей масштабности разворачиваемой работы по переводу экономики на новые рельсы мы находимся еще в начале этого важного пути. В наш адрес прозвучала доброжелательная, но очень серьезная, требовательная и конструктивная критика. <...>

(Цит. по: Ленинградская правда, 13.06.85)

* * *

Из «Советского энциклопедического словаря» (1983)

Зайков Лев Ник. (р. 1923), сов. гос. деятель, Герой Соц. Труда (1971). Чл. КПСС с 1957 г. С 1971 г. ген. дир. произв., науч.-произв. объединения. С 1976 пред. Ленгорсовета. Чл. ЦК КПСС с 1981. Деп. ВС СССР с 1979. (Советский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 445)

* * *

«Верховный суд» (речь идет об одноименной пьесе А. Ваксберга, опубликованной в журнале «Советская драматургия», 1984, 12. — А. А.) — социологическая драма (термин в критике уже почти укоренившийся). Впервые зрителю предлагается заглянуть в святая святых нашей юридической власти. Точно так же, как в известной пьесе А. Мишарина «Равняется четырем Франциям» впервые перед зрителями предстал столь высокий партийный орган, как Бюро Крайкома. Убежден, здесь сценическое эхо сложнейшего исторического процесса — демократизации нашей государственной системы, неуклонного распространения гласности на все ее сферы.

Социологическая пьеса — драма, сюжет которой не художественная концентрация поступков и обстоятельств, но вынутая из действительности и представленная на подмостках как бы «калька» той или иной реальной структуры, в сфере действия которой мы с вами постоянно, изо дня в день, оказываемся, будь то учреждение, завод или даже суд...

А. Свободин. *Как рождается истина // Современная драматургия*, 1984, 12, с. 2. (@)

10.5. Джордж Оруэлл, Марина Цветаева и т. Марков, Смаглиенко и Горячкин

10.5.1. «Я эту книгу, как бутылку в волны...» (М. Цветаева)

Ремарка: библиографические разыскания.

Ниже представим читателю некоторые стихи Марины Цветаевой, из той ксерокопии, которая была изъята (уверенности в этом нет; см. выше: раздел «Управление КГБ за работой. 1984–1985») у социолога-рабочего при обыске в сентябре 1983 г., а затем, в качестве «политически вредной» литературы, предъявлялась ему в партийной комиссии Ленинградского обкома КПСС в апреле 1985 г.

Всего там было несколько десятков стихотворений. Некоторые из них я сам обнаружил в общеизвестных изданиях М. Цветаевой. Другие помогла мне тогда найти в давних и редких, однако доступных (в Гос. публичной библиотеке) изданиях канд. филол. наук, специалист по творчеству Цветаевой Ирма Викторовна Кудрова.

Спасибо, Ирма! (Сентябрь 1999 — октябрь 2000).

И. Кудрова — А. Алексеву (май 1985)

Дорогой Андрей!

Хочу тебе сообщить результаты моих библиографических работ, а ты не звонишь.

1. «Над церковкой...» и «Чуть светает...» — сб. «13 поэтов», Петроград, 1918.

2. Цикл «Москва» — сб. «Весенний салон поэтов», М., 1918.

3. «Надобно смело признаться, Лира...» — Б. Сарнов. Рифмуется с правдой. М., 1967, с. 256.

4. «Дорожкой простонародною...» — М. Цветаева. сб. «Психея». Берлин, изд. Гржебина, 1923.

5. «Ох, грибочек...» — сб. «Современный декламатор. М.-Л., 1926.

И в сб. «Поэзия революционной Москвы», под. ред. И. Эренбурга (Берлин, изд. «Мысль», 1922) стихи:

1. Царю — на Пасху. 2. А. Шенье. 3. «Я эту книгу поручаю ветру...».

4. «Ох, грибочек...».

Привет! <...>

И., май 1985

* * *

Из стихов Марины Цветаевой (1918–1920)

Стихи о Москве

1

Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил, — ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгиношка? Румянец,
Красавица? — Разумница, где речь?
Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою, —
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.
Не позабыли огненного пойма
Буонапарта холодные уста.
Не в первый раз в твоих соборах — стояла.
— Все вынесут кремлевские бока!

2

Жидкий звон, постный звон. На
все стороны поклон. Крик
младенца, рев коровы, Слово
дерзкое царевы. Плеток свист,
да снег в крови. Слово темное
Любви. Голубиный рокот тихий.
Черные глаза Стрельчихи.

3

Гришка-вор тебя не ополячил, Петр-царь
тебя не онемечил. Что же делаешь,
голубка? — Плачу. Где же спесь твоя,
Москва? — Далече. Голубочки где твои?
— Нет корму. Кто унес его? — Да ворон
черный. Где кресты твои святые? —
Сбиты. Где сыны твои, Москва? —
Убиты.

Декабрь 1917 [Весенний салон поэтов. М., 1918, с. 160–161. Шифр

ГПБ 129/3767а. — А. А.]

* * *

Андрей Шенье

Андрей Шенье взошел на эшафот, А я
живу — и это страшный грех. Есть
времена — железные — для всех И не
певец, — кто в порохе — поет. И не отец,
кто с сына у ворот Дрожа срывает
воинский доспех.

Есть времена, где солнце — смертный грех.
Не человек — кто в наши дни живет.

29 марта 1918 [Поэзия революционной Москвы. Берлин, 1922. Шифр

ГПБ 77-1/161. — А. А.]

* * *

Если душа родилась крылатой — Что
ей хоромы — и что ей хаты! Что
Чингис-Хан ей и что — Орда! Два на
миру у меня врага, Два близнеца
неразрывно слитых: Голод голодных
— и сытость сытых!

18 августа 1918

[В отличие от остальных приведенных здесь, это стихотворение входило в состав почти всех советских изданий М. Цветаевой. — А. А.]

* * *

Я эту книгу поручаю ветру
И встречным журавлям,
Давным давно перекричать разлуку
Я голос сорвала.
Я эту книгу, как бутылку в волны,
Кидаю в вихрь войн.
Пусть странствует она — свечой под праздник.
Вот так: из длани в длань.
О ветер, ветер, верный мой свидетель,
До милых донеси,
Что еженощно я во сне свершаю
Путь — с Севера на Юг.

Москва, февраль 1920

[Поэзия революционной Москвы. Берлин, 1922. — А. А.]

* * *

Из статьи А. В. Блюма «Поэтик белый, Сирин...» Набоков о цензуре и цензура о Набокове» (1999)

<...> Полнее всего выразил писатель [В. В. Набоков. — А. А.] свое отношение к цензуре в блистательном докладе «Писатели, цензура и читатели в России», прочитанном 17 апреля 1958 г. в Корнельском университете, где выявляет принципиальную разницу между прежней и большевистской цензурами:

...В России до советской власти существовали, конечно, ограничения, но художниками никто не командовал. Живописцы, писатели и композиторы были совершенно уверены, что живут в стране, где господствуют деспотизм и рабство, но они обладали огромным преимуществом, которое до конца можно оценить лишь сегодня, преимуществом перед своими внуками, живущими в современной России: их не заставляли говорить, что деспотизма и рабства нет.

Другими словами, в прошлом цензура имела лишь запретительные функции, в советское время — помимо того, и предписывающие: все запрещено, а то, что разрешено, то обязательно. [Выделено мною. — А. А.] <...>

(Звезда, 1999, ¹ 4, с. 199–200).

10.5.2. Как я «помогал» партийной комиссии обкома КПСС Из

«Записей для памяти» (июнь 1985)

<...> Утром в понедельник, 10.06.85, мне по внутривзаводскому телефону позвонил председатель заводской партийной комиссии Севастьянов и сообщил, что сегодня, в 17 час., мне «необходимо быть» у тов. Горячкина в ОК КПСС. Я не спрашивал о цели вызова, полагая, что это для ознакомления с текстом постановления бюро обкома от 4.06. Но я ошибался.

* * * <...> В 17-15 (если покинуть цех ровно в 16, то раньше добраться до Смольного не удастся) я вошел в кабинет зам. председателя партийной комиссии ОК КПСС А. П. Горячкина. Тот сказал, что нас с ним ожидает председатель партийной комиссии обкома Г. Д. Смаглиенко. <...>

— Вы взяли с собой книгу, которую цитировали на заседании бюро? — спросил Горячкин.

— Разумеется, нет, — сказал я. — Я же только сегодня утром узнал о Вашем приглашении. И цели мне не сообщали.

Мы прошли внутренними коридорами из бокового крыла Смольного (4-й подъезд) в главное здание.

<...> Председатель партийной комиссии (седой, молодежавый) поднялся нам навстречу, чтобы поздороваться со мной за руку. Мы сели с Горяч-киным по обе стороны длинного стола, приставленного торцом к столу хозяина кабинета.

Тов. Смаглиенко сказал, что у партийной комиссии есть ко мне **вопросы** — насчет моего заявления на заседании бюро обкома [см. выше. — А. А.]. Беседа продолжалась минут 40, не имела четкой структуры, и мне проще передать ее общий смысл.

...Итак, партийная комиссия ОК КПСС в лице гг. Смаглиенко и Горячкина находится в определенном **затруднении**, в связи с информацией, сообщенной мною на бюро обкома. Они хотели бы **уточнить**, проверить эту информацию. Партийная комиссия, мол, не заинтересована в том, чтобы в ее справке по моему поводу была допущена ошибка, и рассчитывает... на мою помощь.

(Где-то в разговоре даже промелькнул, у Смаглиенко, призыв к «человеческому отношению» к ним, т. е. к партийной комиссии, поскольку я держался подчеркнуто официально и отчужденно.)

Моя «помощь» работникам партийной комиссии ОК КПСС состоялась, в том смысле, что я, на конкретный вопрос о книге, из которой я цитировал современную оценку романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984», сообщил сведения достаточные, чтобы эту книгу разыскать: автор — Эфи-ров; название — «Покушение на будущее»; вышла в 1984 г.

Меня попросили рассказать, о чем говорится в этой книге. Я порекомендовал тт. Смаглиенко и Горячкину ознакомиться с работой, недавно вышедшей в издательстве «Молодая гвардия», самостоятельно.

— У Вас ведь есть эта книга?

— Да. А у Вас есть библиотека!.

Горячкин записал название книги и выходные данные.

Все же какой-то минимум информации о том, кто такой Оруэлл и в чем смысл его романа «1984» (в оценке С. Эфинова и в моей собственной) мои собеседники от меня получили. <...>

Помнится, я заметил, что Оруэлл как бы предвосхитил в своем фантастическом романе ужасы полпотовского режима в Кампучии. В известном смысле, предметом его антиутопии было то, что классики марксизма-ленинизма называли «казарменным коммунизмом».

— Вам знакомо это выражение Энгельса? — спросил я у Смаглиенко. Тот дал понять, что слышал, но не берется объяснить, «не будучи специалистом».

Однако, можно понять затруднения тт. Смаглиенко и Горячкина... Оказывается, партийная комиссия ОК КПСС сделала запрос в Управление по охране государственных тайн в печати — насчет данного романа Оруэлла. Смаглиенко пытался пересказать мне ответ Горлита, но я настоял, чтобы прочитав его своими глазами.

Документ датирован 29.05.85 (т. е. еще до заседания бюро обкома). Подписан начальником Леноблгорлита Б. А. Марковым. Там два пункта (очевидно, по обоим был запрос).

Первый: Роман Дж. Оруэлла «1984» в СССР не издавался. Постановлением Главлита от 15.01.65 он запрещен к ввозу и распространению на территории СССР как политически ущербный. (Передаю почти дословно. Не уверен только в слове «запрещен», возможно — «не подлежит ввозу» и т. п.).

Резюме этого пункта справки (насколько я запомнил): «Перечисленные в Вашем письме книги в своем большинстве представляют собой подстрекательское антисоветское чтиво, проникнутое духом ненависти, злобы и бессильной ярости к нашей стране»...

Ремарка: «...антисоветское чтиво...»

Похоже, что в запросе партийной комиссии обкома и в ответе Облгорлита фигурировал не только роман Оруэлла, коль скоро говорится о «перечисленных» книгах. Но их названия тогда социолог-испытатель, судя по тому, что они не приводятся в «записи для памяти», отпечатать в памяти не успел.

Что касается Оруэлла, то в опубликованном недавно сборнике документов «Цензура в СССР» приводится справка Облгорлита, выданная для следственного отдела УКГБ ЛО, в связи с аналогичным запросом 1978 г. (по одному из тогдашних уголовных дел) со следующей характеристикой романа:

«...Книга Джорджа Орвелла “1984”; фантастический роман на политическую тему. В мрачных тонах рисуется будущее мира, разделение его на три великих сверхдержавы, одна из которых “Евразия” представляет собой по-

глоценную Россией Европу. Описывает противоречия, раздирающие эти три сверхдержавы в погоне за территориями, богатыми полезными ископаемыми. Рисуется картина зверского и безжалостного уничтожения женщин и детей во время войн. Книга в СССР не издавалась, распространению не подлежит...» (Цит. по: Цензура в СССР. Документы 1917–1991. Сост. — А. В. Блюм. Бохум: Proekt-Verlag, 1999, с. 498)

Возможно, и в предъявленном мне тогда документе было что-то похожее. (Декабрь 1999 — сентябрь 2000).

...Второй пункт справки не имел прямого отношения к предмету нашего разговора с гг. Смаглиенко и Горячкиным. Но я прочел его с интересом. Там утверждалось, что моя собственная работа «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как предмет социологического измерения» является «...грязным пасквилом... под видом «социологического» исследования»...⁹

Тов. Смаглиенко сказал, что в решении вопросов, подобных тому, который мы сейчас обсуждаем, партийная комиссия вынуждена опираться на **специалистов** (имея в виду, в частности, тов. Маркова). Я заметил, что автор цитированной мною работы (Эфиров) тоже является специалистом, и, по-видимому, не менее квалифицированным. Впрочем, Оруэллу в последние годы посвящена богатая литература, сказал я, и перечислил некоторые издания.

Когда я упомянул газету «Известия», Горячкин (как бы с облегчением) открыл папку с моим делом, где, оказывается, хранится специально заказанная еще партийной комиссией горкома ксерокопия статьи М. Стуруа «“1984” и 1984» в «Известиях» от 15.01.84. (Помню, выдержки из этой статьи зачитывались вслух на заседании той комиссии в январе 1985 г.) Зачитал теперь и Горячкин эти же самые, отчеркнутые кем-то раньше строки. <...>

— Ну, антикоммунистических предрассудков и ренегатства Оруэлла по отношению к социализму не замалчивает и Эфиров, — заметил я. — Что ж, еще одна точка зрения... У Эфинова — одна, у Стуруа — несколько иная, у Маркова — третья.

Не было произнесено вслух, но смысл реплики Смаглиенко: «Как же **нам** быть?» — «Дело ваше, — сказал я. — Изучите разные точки зрения, выработайте свою». (Тоже — не дословное мое высказывание, но смысл именно таков.) <...>

Еще тов. Смаглиенко поговорил о том, что мне следовало бы, приобретя книгу Оруэлла (на английском языке, уточнил я; да, на английском, это отражено в деле, согласился Смаглиенко), — подумать, **посоветоваться**, стоит ли ее хранить.

(Между прочим, книга — 1964 г. издания. Постановление же Главлита насчет романа Оруэлла — от 1965 г. А обладателем этой книги я стал, насколько помню, именно в 1964 г.)¹⁰

⁹ См ранее, среди приложений к главе 6: «Случай в Варадеро »

¹⁰ Здесь — характерное для подобных моментов «записей для памяти» того времени лукавство: обладателем этой книги, на самом деле, я стал позже, и читал Оруэлла, признаться, в русском переводе

Серия моих встречных вопросов к председателю партийной комиссии: «Как выбрать из сотен томов литературы на иностранных языках, владельцем которых я являюсь, именно те, по поводу которых надо «думать» или «советоваться»? С кем советоваться?».

Смаглиенко: С товарищами.

Я: Какими товарищами?

Смаглиенко: Пойти в библиотеку...

Я: Зачем?

Смаглиенко: Чтобы спросить...

Я: О чем?

Смаглиенко: Можно ли хранить.¹¹

Отчасти почувствовав нелепость своих рекомендаций, председатель партийной комиссии заметил, что человек моей подготовки, к тому же коммунист, мог бы найти способ, как поступить в этом затруднительном случае.

<...> Заодно я спросил, где напечатано «постановление», относящее, в частности, названный роман Оруэлла к литературе, «не подлежащей ввозу и т. д.». Тов. Смаглиенко высказал довольно уверенное предположение, что это постановление — документ **для служебного пользования**.

Не было произнесено мною, но смысл моих вопросов и реплик был: «Вы должны сами понимать, что Ваша «логика» ниже всякой критики!». Тт. Смаглиенко и Горячкин, видимо, уловили это мое отношение, однако обострения разговор вовсе не получил. <...>

Ремарка: еще об Оруэлле.

1984 год был, в известном смысле, «годом Оруэлла», ввиду названия его знаменитой книги. Тогда наблюдалось оживление интереса к этому писателю — и на Западе, и у нас (как вынужденная реакция). И цитировавшаяся мною книга С. Эфирова, и статья М. Стуруа в «Известиях», и другие публикации так или иначе расшатывали горлитовский стереотип «антисоветского читива» — в применении к автору «1984».

Вот еще одно характерное суждение об Оруэлле из печати того времени: «...С момента выхода романа в свет в 1949 году и по сей день он с разной степенью интенсивности используется в антисоветской и антикоммунистической пропаганде. Читателям «1984» постоянно указывали на страны социализма как якобы источник опасности, о которой предупреждал автор. В действительности Оруэлл, писавший на заброшенной ферме острова Юра у западного побережья Шотландии, никогда не знавший и не видавший социализма, питал свою фантазию (как и все авторы социальных утопий и антиутопий начиная с Томаса Мора и Джонатана Свифта) современной ему английской действительностью. По многим причинам он ошибочно отождествлял ее с социализмом, в частности, и потому, что развитие послевоенного капитализма наблюдал при английском правительстве, называвшем себя социалистическим. Об Оруэлле можно сказать, словами известного английского политика

¹¹ Ср с аналогичными «разъяснениями» и «рекомендациями», полученными Борисом Беликовым в Управлении КГБ (См выше: раздел «ИСЭП-1984...»)

Эвьюрина Бивена: “Человек пятающийся назад, с лицом, обращенным в будущее”». (С. Воловец. Гост за прошлое? (По следам Оруэлла) // Литературная газета, 1984, ¹ 3).

Эта своеобразная «реабилитация» Дж.Оруэлла в советской печати облегчала самооборону социолога-испытателя от обвинений в «хранении и распространении» его романа. (Октябрь 2000).

* * *

...Но хватит вокруг Оруэлла. Второй сюжет — **Марина Цветаева**. «Ну, здесь тов. Марков и вовсе оконфузился, — заметил я. — Уж кому как не Управлению по охране государственных тайн в печати знать: где что **уже** в советской печати напечатано». Смаглиенко не полемизировал, разве что сказал, мол, некоторые «периоды» (творчества) у Цветаевой «не публикуются».

— Какие именно периоды? — поинтересовался я.

Тов. Смаглиенко не может ответить.

— Периодов таких у Цветаевой нет, — сказал я. — А что не все опубликовано, так это у любого писателя... Впрочем тут-то речь идет об **опубликованных** письмах Марины Цветаевой 1940 года.

Смаглиенко и Горячкин (чуть не хором):

— Где? Когда?!

— Я же говорил об этом на бюро — журнал «Октябрь», 1982...

Ремарка: не без блефа...

Строго говоря, в журнале «Октябрь» (1982, ¹ 9) публиковались не сами письма М. Цветаевой, а воспоминания Т. Кваниной о Цветаевой, с обширными цитатами из этих писем. Об этой «тонкости» социолог-испытатель умалчивал. (Октябрь 2000).

...Горячкин записывает (как раньше записывал название книги С. Эффинова) и не спрашивает, **в каком из номеров** журнала за указанный год это напечатано.

— Если так, то конечно, — говорит Смаглиенко, как бы про себя, — это надо исключить.

(Откуда исключить, из вашей справки обо мне? Так ведь поздно уже исключать... Задним числом — **нельзя исключать!** Но ведь вы же не спрашивали раньше... Справку партийной комиссии отказались показать. Если бы показали, было бы все это сообщено мною, тому же Горячкину, еще до бюро. Могли бы подготовить вопрос «без проколов»...).

— Ну, а вообще, — говорит председатель партийной комиссии, пере листывая все ту же пресловутую справку, которую мне нельзя было дать прочитать, — как Вы относитесь...

(Он не договаривает, но понятно: «ко всему остальному».) Тут я посчитал свою миссию «помощи» сотрудникам партийной комиссии исчерпанной. Библиографическая помощь оказана, а это — уже «из другой оперы».

— Все, что я хотел сказать, сказано мною в апелляции и на заседании бюро обкома, — отвечаю жестко. — После состоявшегося решения бюро я вообще не обязан отвечать на Ваши вопросы.

— Но Вы же пришли!..

— Пришел и разговариваю с Вами, как человек вежливый. Я полагал, кстати, что меня ознакомят с постановлением бюро обкома на мой счет...

— Это будет сделано через партком.

— Ах, значит не сегодня... Есть у Вас еще ко мне вопросы? Заготовленных вопросов не оказалось, хотя налицо — готовность продолжать беседу:

— Может, Вы сами хотите что-нибудь нам сказать?

— Нет, ни заявлений, ни вопросов к партийной комиссии после состоявшегося решения бюро — у меня нет. Могу я быть свободным?

Пришлось меня «освободить».

Я поднялся со стула довольно стремительно и уже боковым зрением увидел поднимавшегося из-за стола Г. Д. Смаглиенко. Лишь за дверью сообразил, что тот, видимо, собирался не только поздороваться, но и попрощаться со мной рукопожатием. <...>

* * * Два частных эпизода беседы,

свидетельствующих, между прочим, что иногда я не выдерживал предписанного себе официального тона:

а) — Вот у меня дома немало книг Жюль Верна, Дюма, Доде, Мопасана, Лоти — на французском языке. Некоторые из них, возможно, у нас не издавались. Насчет них тоже следует посоветоваться?

Смаглиенко: — А бывает, на обложке Жюль Верн, а внутри — антисоветчина!

— Ну, это издания еще XIX века, — заметил я.

б) — Тов. Марков, вероятно, коммунист. Он состоит на учете в Ленинградской партийной организации?

Смаглиенко: — Да, конечно.

— Значит, как коммунист, он подчиняется обкому партии?

(Я имел в виду, что обком может и «поправить» тов. Маркова. Но Смаглиенко истолковал мой вопрос иначе).

— Вы хотите сказать, что тов. Марков стремился угодить обкому?

Даже и в мыслях у меня, признаться, такого не было...

(Записано в середине июня 1985 г.)

Ремарка 1: за кулисами «министерства правды».

В цитированной выше статье о «взаимоотношениях» В. Набокова и цензуры А. В. Блюм рассказывает такой эпизод:

«...В июне 1978 г. в самый разгар «застоя»... следственный отдел ленинградского КГБ обнаружил одно из зарубежных изданий первого его [В. Набокова. — А. А.] романа «Машенька» (1926) во время обыска по одному из политических дел («уголовное дело¹ 86»), — наряду с книгами Пастернака («Доктор Живаго»), Солженицына, Бродского и других «антисоветских» авторов.

Согласно введенным тогда правилам, отдел обратился к цензорам Леноблгорлита за «экспертизой», которая гласила: «...Все указанные книги изданы за рубежом, рассчитаны на подрыв и ослабление установленных в нашей стране порядков и их распространение в Советском Союзе следует расценивать как идеологическую диверсию...». (Цит. по: Звезда, 1999, ¹ 4, с. 201–202).

...Вдруг моему другу, профессору Санкт-Петербургского университета культуры и искусства Арлену Викторовичу Блюму, уникальному специалисту по истории советской цензуры, в его очередных разысканиях за кулисами «министерства правды», попадутся на глаза и копии тех справок Леноблгорлита, которые были выданы этим учреждением для УКГБ ЛО и ленинградских партийных органов — по поводу изъятых у социолога-рабочего материалов: будь то Оруэлл, Искандер или Цветаева, будь то его собственные «Письма...» — «содержащие идеологически невыдержанные оценки некоторых сторон советской действительности», следуя формуле справки «В отношении Алексеева А. Н.» (А «клеветнические материалы» — не хотите? Еще будет!)

Ведь мне так и не удалось тогда снять копии с этих документов, а приходилось знакомиться с ними «на слух» или же — «из вторых рук» (в переложении менее «компетентных» исследователей).

Встретившись недавно с Арленом Блюмом и Анри Кетегатом, в очередной приезд последнего из Вильноса (А. Б. и А. К. — давние друзья)¹², мы, среди прочих, обсуждали и эту тему.

Арлен заинтересовался, сказал, что можно поискать...

P.S. Эти строки были написаны в прошлом году. А в июле 2000 Арлен позвонил мне: «Знаешь, интересующие тебя материалы вновь закрыты в архиве (речь идет о Центральном государственном архиве историко-партийных документов — бывшем Ленинградском партийном архиве. — А. А.)». — «?!» — «Читай мою статью в журнале «Посев» на эту тему...».

Статья моего друга называется: «Какое милое у нас тысячелетие на дворе, или «Митька, крути кино обратно»: что объявлено снова государственной тайной» (Посев, 2000, ¹ 8).¹³

Оказывается, приоткрывшись было дела партийного архива, касающиеся деятельности Облгорлита, снова перестали быть доступными для специалистов. Причем мотивируется это теперь даже не наличием «гостайны», а присутствием там «персонафицированных конфиденциальных сведений» (о служебной деятельности, в частности, цензоров), «доступ к которым ограничен на 75 лет». Об этом письменно известил А. Блюма, в ответ на его запрос, начальник Санкт-Петербургского архивного управления Н. В. Пономарев (исх. ¹ 326-т, 10.07.2000).

Хорошо, что в начале 90-х Арлен успел с этими делами поработать, написать и издать свои книги по истории советской цензуры. (Сентябрь 1999 — сентябрь 2000).

¹² Об Анри Кетегате см в главе 3: раздел «Все мы, Серега, лошади Стреноженные Но ржем по-разному»

¹³ Сильно и неудачно урезанный текст этой статьи появился также в «Общей газете» — 28 07–4 08 2000

Ремарка 2: о преимуществах личного архива перед государственным.

Сколько же «персонифицированных конфиденциальных сведений», следуя логике г-на Пономарева, уже разглашено мною в этой книге: о служебной деятельности тт. Маркова (Леноблгорлит), Смаглиенко, Горячкина, Грачевой (ОК и ГК КПСС); Щекина, Герасимовой, Новикова («Ленполиграфмаш»); Сигова, Лобанова, Парыгина (ИСЭП); Варсобиная, Комарова (СЖ); Поло-зюка, Владимирова, Невзорова (УКГБ); Сорокиной, Комышиана, Соловьева (правоохранительные органы) и т. д.

Вот — преимущество личного архива перед государственным! К последнему всегда можно «ограничить доступ», а первый... разве что опять конфисковать или разгромить. (Октябрь 2000).

10.5.3. Партийная комиссия «обиделась»

Из инициативной аналитической записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (апрель 1986)

<...> В Ленинградском ОК КПСС, куда поступила очередная апелляция, моим делом занимался лично заместитель председателя партийной комиссии обкома тов. Горячкин. Перед заседанием бюро обкома меня отказались ознакомить со справкой партийной комиссии по моему вопросу. <...>

(Надо сказать, что такая же линия проводилась партийными работниками «Ленполиграфмаша». Все документы — акты, справки парткомиссии, партийную характеристику — предлагалось воспринимать на слух, в лучшем случае — путем беглого просматривания. Никаких выписок, чтобы хотя бы подготовиться к ответу. Формально это мотивировалось «секретностью», а по существу — исключало возможность полноценного участия в разборе собственного дела.) <...>

Мне пришлось указать на <...> передержки в попытках подкрепить обвинение в «хранении и распространении политически вредных произведений» — уже непосредственно на заседании бюро Ленинградского ОК КПСС 4.06.85. Первый секретарь обкома Л. Н. Зайков в своем выступлении заметил, что данное обвинение следует снять. Оно и было снято, хотя решение об исключении из партии оставлено в силе.

По-видимому, моим выступлением на заседании бюро обкома были очень задеты зам. председателя партийной комиссии ОК КПСС А. П. Горячкин и председатель этой комиссии Г. Д. Смаглиенко. Неделью спустя после заседания бюро я был приглашен этими товарищами... «для консультации». Мне было сказано, что ошибки в справке партийной комиссии обкома КПСС, конечно, нежелательны, и меня просят «помочь» их исправить, по существу — задним числом.

Может быть, я был не прав, однако тут я вспылел. В самом деле, до заседания бюро не хотели даже показать эту справку, а теперь ищут, как замазать свою ошибку! Судя по всему, какие-то исправления в справку

партийной комиссии (с учетом моего выступления на бюро ОК КПСС) задним числом все же были внесены. Однако этим не ограничились. <...> Через неделю после описанной беседы в заводской парткомиссии я был ознакомлен с совершенно новой формулировкой, включающей «...написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность!» [Выделено мною сегодня. — А. А.] Уверен, что эта одиозная формулировка не обсуждалась на бюро обкома, а спровоцирована «обиженными» работниками партийной комиссии. <...>

А. Алексеев, апрель 1986

* * *

Из «Советского энциклопедического словаря» (М., 1983)

«...Клевета. Распространение заведомо ложных, позорящих кого-либо измышлений. В СССР карается в уголовном порядке».

* * *

Из «Комментария к УК РСФСР» (М., Юридическая литература, 1984)

Комментарий к ст. 70 (Анτισоветская агитация и пропаганда): <...> Необходимо установить, что сведения, распространявшиеся виновным являются **клеветническими**, т. е. заведомо для него ложными, чтобы они относились к советскому строю <...>, а не к отдельному мероприятию <...>, не к отдельному органу государства.

<...> Распространяемые сведения должны порочить социалистический строй. <...>

[Как видно, «обиженные» работники партийной комиссии Ленинградского обкома КПСС горяча заложили в формулировку исключения... формулу Уголовного кодекса. — А. А.]

...В том и состоит психическое здоровье ... чтобы на Систему не обижаться. Ее можно **изучать**, ее можно **передельвать** (иногда — уничтожать), с ней можно **играть**! Состязание Тореадора и Быка — прекрасная метафора жизни...

(Из «Писем Любимым женщинам». 1981.)

10.6. К вопросу о «неприкосновенности исторических свидетельств»

Несколько вступительных слов

Здесь пора предоставить слово моему внутреннему рецензенту — Виктору Петровичу Дудченко.

В. Д. является синхронным с написанием этой рукописи ее читателем. А поскольку он еще взял на себя труд изготовления оригинал-макета нескольких глав,¹⁴ то «на его глазах» происходила вся авторская корректура, и в частности — техническая (стилистическая?) правка «записей для памяти» 15-летней давности, которую я себе позволил.

И вот, возник было у моего со-беседника и со-трудника протест против «чистки» автором старых текстов: «Ведь сам же говорил: “Архив отредактированный — все равно что фальсифицированный”!».

Я принял это замечание близко к сердцу и затеял «эксперимент»: совместную сверку первичных записей и «книжной версии», в частности, вышеприведенных репортажей с заседаний и бесед в Смольном. На проверку оказалось, что предлагаемые ныне читательскому вниманию «причесанные» тексты отличаются от торопливых записей «по горячим следам» всего лишь изъятием лишних местоимений («мой», «этот» и т. п.), расшифровкой некоторых аббревиатур, расстановкой знаков препинания и абзацев, редко когда — изменением конструкции фразы для обеспечения ее прозрачности.

В. Д. вынужден был признать, что тревога — ложная: первоизданность жизненных свидетельств сохранена.

Однако размышление моего друга на эту тему представляется выходящим за рамки проблемы «неприкосновенности документов» (в частности, таких документов, как приведенные здесь «протоколы жизни»).

См. ниже заметку Виктора Дудченко «на полях» этой главы. (Сентябрь 2000 — февраль 2002).

В. Дудченко — специально для этой книги (октябрь 2000)

Так из какого сора растут стихи? (о сбережении в неизменности некоторых исторических свидетельств)

Меня раньше как-то обескураживала эта фраза насчет сора и стихов. Можно было подумать, что непутевые поэты сознательно собирают и культивируют всякую грязь и мусор, совершенно необходимые (по технологии!) для выращивания стихов. Как будто они, втайне от всех, что-то делают потом с этой постыдной грязью, и вот перед нами являются прекрасные, с глубоким смыслом, стихи, мусор с которых уже отряхнули.

И вот снова, по ходу чтения текстов, опять передо мною замелькала собственная редакторская правка и чистка старых записей автора, в свое время совсем не предназначавшихся для печати, — только для самого себя, для своих товарищей и того, кто может прийти без спроса. Верно, смысл написанного не меняется никак, все оттенки сохранены — просто читается легче, меньше мусорных фразеологических штампов. Верно, это было бы издевательством над читателем — заставлять его глотать дрянь замордованной в смольнинских кабинетах речи. Выставленная на позор, распяленная на ниточках официальных повесток в органы и вызовов в парткомис-сии (которых уже сам добиваешься), с чернильным клеймом: «при досмотре понятна, новых нарушений общественной морали и скрытых намеков не обнаружено».

И мне жаль, что иной, оказавшийся неискушенным, читатель не почувствует спинным мозгом своим, что приходится чувствовать и как говорить

¹⁴ Имеется в виду «пилотажное», автономное издание части 2 настоящей книги: *Алексеев А. Н.* Год Оруэлла (из опыта драматической социологии) СПб : Ступени, 2001

«засвеченному» персонажу, уже много месяцев безуспешно ищущему восстановления своего социально-политического статуса, причем обращения его адресованы людям, которых он на дух не переваривает и с чьей позицией не согласен! Речь его стала их общим делом — досматриваемого и досматривающих. Исправлять ее — значит подчищать историческое свидетельство их отношений, но ведь понять, зачем автор безличными предложениями с избытком кавычек (предполагающих иной смысл) оспаривает «исключение меня из партии»¹⁵ у всех этих по три раза на абзац именуемых официальными титулами партийных инстанций, — из этой речи трудно. Получившийся «новояз» такой информации не дает: надо за «восстановлением» обращаться по инстанциям — вот и обращается!

[А ведь верно: отчасти сознательно, отчасти бессознательно, писаны протоколы наблюдающего участия автора в собственном «деле» — на «новоязе» (по Оруэллу), с отдельными «иноязычными» вкраплениями... — А. А.]

Тут, пожалуй, может проясниться отношение между сором и стихами. В отличие от, как бы это сказать, «сакрализованного» новояза обыденный естественный язык богат и, кроме явного смысла фразы, несет на себе отпечаток всех отношений говорящего и слушающего. Поэтами у нас называли тех, кто извлекает на свет скрытый в неясной мешанине слов несомненный смысл, ясность которого помогает жить последовательно, но там же, в глубине языка и рядом со стихами бесстыдно мигает липкий бред сумасшедшего, предназначенный и способный заменить в твоём сознании стихи и заставить делать бог весть что. Бред, контакта с которым следует избегать по гигиеническим соображениям.

[А может — не надо «избегать контакта»? Прикосновение к «бреду» — как прививка от безумия. И эту «профилактическую» задачу, среди прочих, ставил перед собой автор настоящей книги. — А. А.]

Шестая глава как раз о вынимающем душу, суверенном и освященном публичными стереотипами мусоре. О наказании невиновных, которых «не за что взять».

Степень неясности вопроса о связи качественных и количественных методов в социологии, возможно, не просто указывает на недоработку наших социологов, пока не одолевших эту трудную задачу, а является индикатором некоего объективного параметра «последовательности/фрагментарности» общественного сознания и сознания составляющих это общество индивидуумов. Я подозреваю, что эффект «рваного сознания» (если угодно — сорного) имеет прикладное значение для устойчивости многих общественных систем. При высоком уровне фрагментированности (непоследовательности) удобно и просто «пресечь зло в зародыше» — в карательные сети (или, как пишут, в положение эксклюзии или депривации) легко попадают люди, пока еще не шагнувшие дальше своих чувств и качественного стремления повысить осмысленность своей жизни. Они расплачиваются именно за свою невиновность!

¹⁵ «Исключение меня из партии» — вот такое косноязычие я из своих «записей для памяти» при подготовке их к печати иногда (не всегда!) убирал

У Николая Аржака (Ю. Даниэль) герой повести «Искушение» (1963 год) констатирует: «За что ты сидел в тюрьме? Ты и девяносто девять процентов всей 58-й? Вы же сидели **ни за что**.»¹⁶ Потенциальный противник попался и остановлен еще до того, как он перешел к последовательным, просчитанно-рациональным подрывным действиям, реально угрожающим благополучию групп, поддерживающих эту самую разорванность и непоследовательность сознания из утилитарных соображений.

Теперь от него требуют откровенности, а ради каких-то идеалов он еще и не отказывается от совместного разбирательства. Откровенность означает отказ даже от тайных намерений, а разбирательство — это ритуальное нарушение тех самых правил умственной гигиены при контактах с сором. Примерно так же церковники пытались ковырять в мозгах своих прихожан, но тогда было плохо с учетом, и каждый десятый православный российский подданный (по некоторым непроверенным данным) благополучно избегал исповеди, что в общем-то каралось в уголовном порядке — в империи везде требовали свежую (по сезону: великопостную, например) справку о такой «прививке».

Теоретически есть выбор: весь бред убрать и забыть начисто, и не вспоминать о нем, рискуя прозевать запах его новых и свежих ростков [*вот-вот!* — А. А.], или вглядываться и вчитываться в него, рискуя потерять чувствительность, и в один прекрасный момент перепутать ясную мысль с привычным словесным мусором. Результат контакта с заразой или отказа от него неясен. Есть еще один вариант: автор сказал мне, что еще неизвестно, кто кому больше крови попортил, парткомиссии — ему, или он — партко-миссиям. Это говорит об определенном задоре в борьбе с носителями бреда, но, я думаю, все равно не объясняет, что же делать с самим бредом...

[Насчет «крови попортил» — точнее было бы сказать: не «парткомиссиям», а их сотрудникам. Учреждения, в отличие от людей, — «бескровны». — А. А.]

Или, может быть, принять радикальное решение: не бороться так или иначе со всей этой подмигивающей чушью, а последовательно игнорировать ее бессвязные фантомы? Относиться к ней, как к бреду?! Накопив такой личный (и общественный) опыт отношений с дребеденью, с которой лучше отношения не иметь, может быть, все-таки перестать ее учитывать и оспаривать? Своей рукой почистить уж самые корявые места в своих старых текстах (как это все же сделал автор), в новых писать хорошо и только то, что хочешь, а всякую будущую ерунду (паче чаяния будет попадаться), независимо от ее морального, идеологического, экономического, научного, культурного, политического, общечеловеческого и какого угодно еще другого значения, — впредь и неукоснительно считать бредом?

Ей богу, в этом что-то есть!

В. Д., 25.09 — 2.10.2000

¹⁶Цит по: Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля М : СП «Юнона», 1990, с 130

Ремарка: «...относиться как к бреду?..»

Пожалуй, авторские «записи для памяти» тех лет (не говоря уж об официальных обращениях) являют собой пример «свободы» в смысле «осознанной необходимости». Эта известная марксистская формула благополучно игнорирует вопрос: какой необходимости — внутренней или внешней?

Думается, здесь соединялись та и другая. То есть автор писал «что хотел» — сообразуясь с ситуацией, или, если угодно, «применительно к подлости» (которую сам все же не вполне осознавал, иначе бы, наверное, и писать не смог).

От «брёда» (в смысле В. Д.) и впрямь надо освобождаться — не в текстах, а в жизни. Что же касается издержек «скорописи», то их изъятие скорее обнажит суть «брёда», чем закамуфлирует ее. (Октябрь 2000).

10.7. «Исключить из рядов КПСС за...» (эволюция формулировок)

[Ниже — «открытое письмо» социолога-испытателя. Оно имело многозначительную приписку: «только для коммунистов». Так что гласность — ограниченная... — А. А.]

«Открытое письмо» (июнь 1985)

***Коллегам из ИСЭП
и исследовательской группы «Социология и театр»***

Во избежание каких-либо неясностей и дезинформации на мой счет, считаю необходимым сообщить о том, что 4 июня с.г. состоялось рассмотрение моей апелляции исключенного из партии на бюро Ленинградского обкома КПСС.

Вчера, 17 июня, я был ознакомлен с постановлением бюро обкома по своему поводу.

Бюро ОК КПСС подтвердило постановление парткома Ленинградского завода полиграфических машин от 23.05.84 об исключении меня из рядов КПСС. При этом вновь изменена формулировка. Из нее теперь изъято: «хранение и распространение антисоветской литературы» (партком завода) или «хранение и распространение политически вредных произведений» (Лен. горком КПСС).

Остальные моменты прежних формулировок получили новую редакцию. Ныне, согласно постановлению Лен. обкома КПСС, я считаюсь исключенным из партии за:

«... проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования».

Ошибочность такой квалификации моей научной работы и партийной позиции представляется для меня очевидной.

Я информировал первичную партийную организацию, что буду апеллировать в ЦК КПСС.

А. Алексеев, 18.06.85

* * *

Из «Записей для памяти» (июнь 1985)

<...> На протяжении года с лишним (с марта 1984 по июнь 1985 г.) формулировки решений разных партийных инстанций в отношении меня **эволюционировали** следующим образом:

Исключить Алексеева А. Н. из рядов КПСС...

... за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания. (Решение партийного собрания цеха ¹ 3 Ленинградского завода полиграфических машин, 16.04.84).

... за нарушение Устава КПСС, его уставных обязанностей *[так! — А. А.]*, выразившихся *[так! — А. А.]* в распространении антисоветской литературы и написании статей политически вредного содержания. (Постановление парткома «Ленполиграфмаша», 23.05.84).

... за хранение и распространение политически вредных произведений, написание и распространение материалов, содержащих идеологически невыдержанные оценки некоторых сторон советской действительности, грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования и проведение тенденциозно экспертного *[так! — А. А.]* исследования советского общества. (Постановление бюро Ленинградского ГК КПСС, 16.01.85).

... за проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов *[так! — А. А.]* на советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования. (Постановление бюро Ленинградского ОК КПСС, 4.06.85).

Что теперь решит Комитет партийного контроля при ЦК КПСС? <...>

(Записано в июне 1985 г.)

Ремарка: «...читайте мои письма...»

В июле 1985 г. была подана апелляция социолога-испытателя в КПК при ЦК КПСС.

Поскольку изъятая при обыске папка с «Письмами Любимым женщинам», вопреки настояниям автора, так и не была приобщена к партийному делу (оставалась в сейфах Управления КГБ), апеллирующий решил сделать это сам. И в Москву ушел пакет с 650 стр. дневников и писем, заново отпечатанных на машинке.

Из сопроводительной записки к отправленным материалам:

«Это... дает реальное представление о том, что же именно... было расценено как «клеветнические материалы на советскую действительность».

Надо заметить, отправленный в Москву комплект «Писем...» не был исчерпывающе полным. Однако все инкриминируемые автору пассажи там фигурировали. (Сентябрь 1999).

10.8. Государственные тайны и дружеская поддержка

10.8.1. Из переписки с друзьями А. Алексеев

— В. Шейнису и А. Назимовой (июнь 1985)

Дорогие Виктор, Алла!

<...> Пишу почти деловое письмо, поскольку возникла просьба к Виктору. Все же, сначала, два слова о своих последних новостях, возможно, Вам неизвестных.

<...> 17.06 я был ознакомлен с постановлением бюро ОК. Новая формулировка исключения из партии: «...за проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность (*так и написано!* — А. А.) и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования».

Думаю, что «усугубление» первых двух пунктов обвинения (компенсирующее устранение «нулевого» — распространение чужих политически вредных произведений, т. е. антисоветской литературы) вряд ли укрепляет позицию моих оппонентов. <...>

Одно замечание вскользь. Как вам известно, судьбе было угодно способствовать моим углубленным исследованиям биографии, библиографии и творческого наследия М. Цветаевой. Даже Ирма [И. В. Кудрова. — А. А.] признала во мне теперь «цветаевода» (разумеется, любителя). Не оставлен моим вниманием и Дж. Оруэлл (как Вы можете судить из текста выступления на бюро обкома).

А вот Мао Цзэ-дун — как-то «не подшивается» к делу... Непонятно, зачем ему (т. е. мне) понадобилось хранить дома цитатник Мао Цзэ-дуна!

И вдруг... раскрываю книжку В. Скурлатова (Молодежь и прогресс. Философские размышления о драме свободы, любви и измены в истории. М., «Молодая гвардия», 1980) и читаю, на стр. 150:

...Правда, западные леваки, преимущественно студенты-гуманитарии, с мазохистским наслаждением (! — А. А.) «идут в народ», сами сливаются с массами, учатся у масс и т. д.

Например, Ж. П. Сартр с энтузиазмом отзывается о своем молодом друге, который отверг блестящую академическую карьеру и предпочел ей работу скромного электрика на заводе. «Он больше не тратит свои знания на себя самого, — говорит Сартр, — но занят своей пролетарской жизнью и своим делом. Я думаю, он представляет новый тип интеллектуала, который стремится преодолеть таким же способом, как это делается в Китае (! — А.), разделение труда, навязанное капитализмом...»

Ай да Скурлатов! (Ай да Сартр, замечу в скобках!).

Ах, как жаль, что не читал этого тов. Горячкин из партийной комиссии: какие можно было бы «мосты» проложить — между социологом-рабочим и... не только Сартром (про которого он вряд ли слыхивал), но и Мао Цзэ-дуном. <...>

Теперь — **моя просьба к Виктору**. В справке партийной комиссии обкома фигурируют, среди прочего, «Тетради по БАМу» (это — конспект моего многочасового доклада в ИСЭПе еще 1977 г.).

В этих «Тетрадах...», как отмечается в справке,

...содержатся сведения, подпадающие под ограничения... нормативно-правовых актов Главного управления по охране государственных тайн в печати при СМ СССР. Это относится к данным о структуре и объеме капиталовложений в строительство всей магистрали и ее отдельных участков, **о предполагаемом экспорте нефти в Японию и его объеме**. Содержались выписки из непубликуемых постановлений ЦК КПСС и СМ СССР.

Не мог бы Виктор провести небольшое изыскание — по **открытым** источникам — насчет выделенного мною в этой цитате предмета? <...> Ваш Андр. Ал., 26.06.85

P.S. У меня появился домашний телефон: <...>. Может, теперь реже станут пропадать письма? [*Здесь — намек на открывшуюся с установкой телефона возможность прослушивания разговоров. — А. А.*]

[Друзья, и в особенности — из «ближнего круга», были очень активны и обязательны в ситуации «дела» социолога-рабочего. Попытки гражданской защиты¹⁷ были пока эпизодическими, и сам я эти попытки отчасти сдерживал. Зато в консультациях и «теневой» помощи недостатка не было.

Не замедлил откликнуться на вышеприведенную просьбу (о консультации по вопросу о внешнеэкономических отношениях СССР и Японии) и Виктор Леонидович Шейнис, кстати, один из моих соавторов по разработке методики «Ожидаете ли Вы перемен?»¹⁸ — А. А.]

Из «Записей для памяти» (июль 1985)

<...> Насколько я припоминаю, в моих «Тетрадах по БАМу» [*изымавшихся при обыске 1983 г. — А. А.*], среди общественных потребностей, вызвавших строительство «нового Транссиба», указывалась потребность в расширении внешнеэкономических связей со странами Тихоокеанского региона (Япония и др.). В частности, отмечалось (со ссылкой на источники ДСП, которыми мне довелось пользоваться), что с началом эксплуатации БАМа возможно увеличение экспорта нефти в Японию — до 25 млн т в год (ныне объем экспорта — на порядок ниже).

Но, как явствует из **открытого** литературного источника (см.: Экономические связи Восток-Запад: проблемы и возможности. М., Мысль, 1976; книга вышла тиражом 10 тыс. экз.), с которым я имел случай недавно ознакомиться, проконсультировавшись у специалиста [*В. Л. Шейнис. — А. А.*], советская сторона еще в 1966 г., задолго до начала строительства БАМа, предлагала японской стороне поставки сырой тюменской нефти в объеме **до 25 млн тонн ежегодно**, на условиях банковского кредита для закупки средств для транспортировки нефти, с оплатой долга нефтяными поставками.

¹⁷ Их полное обозрение см в приложениях к части 2: раздел «Гражданская защита 1984–1987»

¹⁸ См главу 1

То есть закрытый источник не расходится с открытым, и перспектива столь резкого увеличения советского экспорта нефти в Японию, сама по себе, **вовсе не составляет государственной тайны**, требующей охраны. <...> (Записано в июле 1985 г.)

Ремарка: «Тетради по БАМу».

Так, с дружеской помощью, был приобретен аргумент для опровержения очередного «частного» обвинения. Но вообще-то, объективности ради, заметим, что «Тетради по БАМу» содержали и ряд других, и впрямь «не публикуемых» сведений из источников, с которыми автор работал в 70-х гг. в спецхране Государственной публичной библиотеки. (Октябрь 2000).

10.8.2. «Человек на БАМе» в свете партийного «дела»

[В ходе рассмотрения «дела» социолога-рабочего внимание партийной комиссии горкома КПСС привлёк эпизод его работы по изучению социально-экономических проблем строительства БАМа во второй половине 70-х гг.

Ниже — некоторые материалы, относящиеся к этому предмету «партийного расследования». — А. А.]

Из «Записей для памяти» (январь 1985)

<...> 15.01.85, накануне заседания бюро Ленинградского ГК КПСС, я был приглашен председателем партийной комиссии завода Ефремовым — для выяснения двух вопросов:

- 1) Кто командировал меня на БАМ в 1977 году?
- 2) Как была организована моя работа по изучению соц.-эк. проблем строительства БАМа?

Ответить на эти вопросы письменно не составило для меня труда, и я сделал это в тот же день.

<...> Уже позднее я узнал, что аналогичный запрос был сделан из комиссии руководству ИСЭП АН СССР.

Как мне рассказывали коллеги по институту, этот запрос там вызвал затруднения — за давностью времени и утратой, при реорганизации структуры института, некоторых документов, по крайней мере — в том секторе, в плане которого эта работа стояла в 1977–1979 гг. <...>

(Записано в январе 1985 г.)

* * *

Оглавление «Тетрадей по БАМу» (структура доклада «БАМ как комплексная проблема социального и экономического развития»)

- <...> 1. Стройка века (предыстория современного БАМа).
2. Постановление ¹ 561 (конкретно-исторические предпосылки и стимулы нового приступа к строительству Северного Транссиба).
3. Где и как строят БАМ (техничко-экономические характеристики и условия строительства).

4. БАМ как комплексная народно-хозяйственная программа («дерево целей», структура затрат, будущие территориально-промышленные комплексы).

5. Альтернативы социально-экономического развития (директивы XXV съезда и перспективы до 1990 г.).

6. Человек на БАМе (социальные проблемы строительства и хозяйственного освоения зоны БАМ).

7. Испытание на зрелость (уроки строительства БАМ). <...>

А. Алексеев, 1977

* * *

Из доклада «БАМ как комплексная проблема социального и экономического развития» (1977)

Испытание на зрелость (Уроки строительства БАМ)

<...> Испытание на зрелость социально-экономических механизмов, системы планирования и управления, развитого социализма в целом.

—Низка степень подготовленности государственного решения (см., в частности, «Правда», 13.06.77: «Длинные километры»).

—Несбалансированность социально-экономического развития зоны БАМ в структуре капиталовложений на 10-ю пятилетку.

—Расогласованность ведомственных действий, решение текущих вопросов «под влиянием стихийного наплыва событий», при недостатке «точных научно обоснованных представлений о перспективах комплексного развития» (Л. И. Брежнев).

—Недоценка значения производственных «тылов», в частности, производственной инфраструктуры (пример: злключения автомобильного БАМа),

—Низкая обеспеченность строительства БАМ и хозяйственного освоения зоны природоохранными мероприятиями, экологическая «ущербность» программы БАМ.

—Кризис отраслевой системы управления социально-экономическим развитием региона, особенно в условиях освоения новых районов. (Пример: соображения Мильнера о новой системе планирования и финансирования социальной инфраструктуры.)

—Компрометация трудосберегающей политики при нерациональном использовании трудовых ресурсов в условиях их возрастающего общегосударственного дефицита (включая проблемы «оборота» кадров).

—Воспроизведение ситуации «великих строек» [коммунизма. — А. А.], на новом уровне, в современных условиях НТР и развитого социализма.

Перспективы, в конечном счете, оптимистичны. В принципе возможно открытие рабочего движения по трассе БАМа в 11-й пятилетке, даже при условии минимального варианта развития хоз. освоения зоны БАМ. <...> Вообще, в транспортном строительстве существуют два смысла и два срока введения объекта в эксплуатацию: рабочее движение и регулярное движение. Второе может быть отделено от первого многими годами.

Существенное значение здесь имеют также социально-политические факторы, которые обычно не берутся в расчет в социально-экономических анализах.

Вместе с тем, если ситуация Весьегонского уезда, описанная Тодорским в 1918 г., оказалась для В. И. Ленина «маленькой картинкой для выяснения больших вопросов», то современное строительство БАМ — это «большая картина для выяснения фундаментальных вопросов».

А. Алексеев, декабрь 1977

* * *

Из статьи академика А. Г. Аганбегяна, председателя Научного совета АН СССР по проблемам БАМ, в журнале «Коммунист» (1985)

Прошло немногим более 10 лет со времени принятия постановления ЦК КПСС и Совета Министров о строительстве Байкало-Амурской магистрали. Завершен самый трудный, самый ответственный этап строительства магистрали — осуществлена «золотая» стыковка, на год раньше планового срока обеспечено сквозное движение поездов [*только рабочих поездов, но вовсе не регулярное движение!* — А. А.] по всей 3100-километровой трассе БАМа — от Усть-Кута до Комсомольска-на-Амуре.

<...> Рельсы уложены на всем протяжении магистрали. Но дорога еще не закончена — пока освоено не более 60 процентов сметной стоимости БАМа. Чтобы сдать в постоянную эксплуатацию весь БАМ, предстоит еще выполнить большой объем работ по строительству развязок, станций, укреплению путей, ввести в действие разнообразные производственные объекты, необходимые для эксплуатации дороги. Одна из трудных задач — завершить строительство Северо-Муйского туннеля, условия сооружения которого оказались намного сложнее, чем предполагали проектировщики. Чтобы повысить надежность работы этого самого трудного участка Байкало-Амурской магистрали, будет сооружаться глубокий обход Северо-Муйского туннеля. <...>

(А. Аганбегян. БАМ — масштаб экономики социализма // Коммунист, 1985, ¹ 15, с. 34–36)

10.8.3. Дружеские хлопоты. «Выполняя поручение...»

[*Другой пример участия друзей в «деле» социолога-рабочего. Обеспокоенный отсутствием какого-либо ответа из правления Союза журналистов СССР на свою апелляцию исключенного из СЖ, социолог-испытатель, в конце июня 1985 г., попросил своего московского друга и коллегу Виталия Николаевича Дмитриевского навести справки. Ответ В. Д. см. ниже. — А. А.]*

В. Дмитриевский — А. Алексееву (июль 1985)

Дорогой Андрей!

Я решил пренебречь условностями и пошел сегодня к Цареву (зав. отделом оргинструкторской работы Союза журналистов) сам.

Он сказал: 1) Письмо из СЖ тебе послано своевременно, и он сожалеет, что оно утерялось [! — А. А.]. 2) Показать копию не может, т. к. она в делах у тов. Холиной, которая курирует Ленинград и которая сейчас в командировке. 3) В письме было сказано, что СЖ может вернуться к пересмотру и рассмотрению апелляции только **после** рассмотрения твоего партийного дела на всех уровнях и после окончательного решения там. 4) Апелляция подана тобою своевременно, и сроки ее рассмотрения автоматически **продлеваются** — на срок рассмотрения дела в партийных инстанциях.

Письмо твое, переданное мною, он взял и обещал приобщить к делу.
Твой Виталий, 10.07.85

Ремарка: «приводные ремни».

Воспроизводимый в письме В. Дмитриевского разговор, кстати, хорошая иллюстрация к вопросу об общественных организациях, как «приводных ремнях»: уставной срок рассмотрения апелляции в Союзе журналистов «автоматически продлевается»... пока вопрос не будет решен в партийных инстанциях. (Январь 2000).

10.9. Соумышленники, со-участники, со-авторы...

От автора — сегодня

В ходе своей самообороны от политических обвинений социологу-испытателю довелось обратиться за помощью и советом ко многим людям. Особое значение имели «внутренние рецензии» на всевозможные заявления и апелляции в официальные инстанции.

Многие из приведенных выше документов настолько тщательно обсуждались в дружеском кругу, что, в сущности, являются продуктами коллективного творчества.¹⁹

В архиве сохранилась иутливая «расписка», которая заслуживает быть приведенной здесь:

«А. Н. Алексеев выражает свою признательность за участие в его работе над текстом от 28.07.85 [судя по дате, речь идет об апелляции в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. — А. А.] следующим лицам, ниже обозначенным как “специалисты”:

- а) по Достоинству;*
- б) по Стратегическому подходу;*
- в) по Органике;*
- г) по Методологии и Технике;*
- д) по Нравственной корректности;*
- е) по Наступательным операциям;*
- ж) по Структурным и Тактическим вопросам;*
- з) по Жизненной целесообразности;*
- е) по Разумности.*

Поди собери — такой букет! А. А. Июль 1985.»

¹⁹ См., например, письмо начальнику УКГБ ЛО, от 4 12 83, в главе 7: раздел «В поисках выхода из “мертвой зоны”»

В каждом из этих определений автор в свое время закодировал конкретное лицо (не желая тогда разглашать имена своих добровольных помощников). К сожалению, по прошествии 15 лет уверенная идентификация (раскрытие всех «псевдонимов») оказалась невозможной.

По крайней мере троих «доверенных лиц» хочется упомянуть особо. Это — **Леонид Кесельман, Геннадий Климентов и Александр Юценко**. Без предварительной критики и «цензуры» каждого из них, в 1983–1986 гг. в официальные органы не ушел ни один документ (от письма начальнику УКГБ ЛО Носыреву до записки для ЦК КПСС об эксперименте социолога-рабочего и его общественно-политических уроках).

Замечания, советы друзей и коллег иногда совпадали, а иногда и противоречили друг другу... Окончательное решение, понятно, оставалось за автором этих строк.

Как видно, **Со-умышленников, Со-участников, Со-ратников** и, если угодно, **Со-авторов** — у социолога-испытателя было тогда побольше, чем могли себе представить или «вычислить» его явные и негласные оппоненты.

А. А., январь 1997

P.S. Затрудняясь сегодня соотнести каждый из «псевдонимов» с конкретным лицом, все же назову «списком» тех, кого, вероятно, имел в виду в своей шутливой расписке 1985 г.:

— **Рэм Георгиевич Баранцев; Валерий Дмитриевич Глухов; Леонид Евсеевич Кесельман; Геннадий Александрович Климентов; Владимир Никифорович Павленко; Сергей Михайлович Розет; Юрий Анатольевич Щеголев; Александр Николаевич Юценко; кто-то еще один.**

(Из восьми перечисленных трое в ту пору были членами КПСС; все — ленинградцы-петербуржцы.)

Со всеми названными здесь лицами читатель уже встречался на страницах настоящей книги.

А. А., апрель 2000

10.10. От камня, брошенного в воду, расходятся круги...

10.10.1. Летопись — «не только ПКР»...

Несколько вступительных слов

В 1980–1981 гг. «случай» освоения нового оборудования (координатно-револьверный пресс) на «Лентолиграфмаше» оказался предметом специального социологического исследования и был отражен в письмах-дневниках социолога-рабочего.²⁰

В декабре 1981 г. ситуация с «ожившим памятником» и т. д. была доложена автором этих строк на цеховом партийном собрании.²¹

В сентябре 1982 г. история запуска станка и освоения новой технологии была, в довольно приглаженном виде, представлена в корреспонденции, опубликованной в заводской газете «Трибуна машиностроителя».²²

²⁰ См ранее, в главе 2: «Оживший памятник » и др разделы

²¹ См ранее, в главе 3: раздел «Я вот уже два года здесь работаю »

²² См ранее, в главе 4: раздел «Исключить “мертвую зону” на ПКР и вокруг него»

В марте-апреле 1984 г., благодаря «делу» социолога-рабочего, произошло парадоксальное **внедрение** «статей политически вредного содержания» (они же — письма-дневники, где этот «частный» случай крамольно возводился в ранг «закономерности» социалистического производства) — в сознание общественности «Ленполиграфмаша».²³

И вот, еще через год, в июне 1985-го (страсти вокруг упомянутого «дела» на заводе еще не остыли) в «Трибуне машиностроителя» появляются материалы рейда народного контроля, организованного редакцией заводской газеты, из которых (материалов) явствует, что с целой **серией** новых станков (с ЧПУ) на данном заводе положение ничуть не лучше, чем с «этим ПКР».

Вот только пресловутый координатно-револьверный пресс («экспериментально» налаженный), вопреки всему, исправно работает. А те — систематически простаивают. И вообще — уже не «случай», а и впрямь **закономерность**...

Социолог-испытатель к рейду народного контроля и указанной публикации прямого отношения тогда иметь, понятно, никак не мог. А просто... если камень бросить в воду, то от него расходятся круги, а если зерно в землю, то — прорастет.

Ниже — картина освоения станков с ЧПУ на «Ленполиграфмаше», по состоянию на июнь 1985 г., по итогам упомянутого рейда. (Декабрь 1999).

Из публикаций заводской газеты (июнь 1985)

Почему станок простаивает?

На Полиграфмаше за последние четыре года парк станков с числовым программным управлением увеличился на 29 единиц, среди них — 9 многооперационных типа «обрабатывающий центр» <...>. В цехе ¹ 6 введен в эксплуатацию комплексно-роботизированный участок холодной штамповки.

Как же работает все это прогрессивное оборудование? В полную ли силу загружено? Этой теме и посвящен очередной рейд, проведенный комитетом народного контроля совместно с редакцией газеты.

Если бы станок заговорил...

Вспоминаю, как радовались в первом цехе на первом участке, когда один за одним устанавливали моих собратьев — станки с ЧПУ. Рабочие только и говорили:

— Подмога хорошая. Производство тяжелое, детали габаритные, а на таких станках только знай программу задавай, они сами все сделают.

Но, наверное, так уж устроен рабочий человек, что не любит попусту время терять. Пришел на завод, так будьте любезны его всем необходимым обеспечить, чтобы работа у него ладилась, да горела в руках все восемь часов. Поэтому, когда стали мы, станки, из строя выходить, а ремонтная служба ОГМ из-за нехватки кадров не всегда могла нас своевременно исправить, когда задерживались заготовки, все это операторов станков с ЧПУ настораживать стало.

²³ См ранее, в главе 4: раздел «Изытое при обыске пущено в обращение»; в главе 8: «Вредитель», «саботажник», «шпион» и др разделы

Завели журнал учета нашей эксплуатации. Но если полистаете его, так узнаете, что с января по 21 мая 1985 года мы бездействовали 2488,2 часа. Только в первом квартале этого года оборудование из семи единиц простояло 177 смен. При двухсменном обслуживании это составляет 88,5 дня.

— Не хватает оправок на ивановские станки. Бегаешь по всему пролету, время драгоценное теряешь. А вечерняя смена — сплошное наказание. Если нужен специальный инструмент — не получишь. Старший кладовщик работает только днем, а вечером другой и не выдаст, — говорит А. И. Панфилов.

— А у меня гидравлика на станке из строя вышла, масло потекло. С ремонтной же службой во вторую смену одно мучение. Слесаря нет, — делится с коллегами своими огорчениями В. И. Каменский.

Хмурятся рабочие. Да где уж тут улыбаться! Посудите сами: в первом квартале мы простояли на ремонте 1044,9 часа. Хотя и издан приказ директора о вызове электросварщика из дома в случае необходимости в вечернюю смену, но пока дозвонятся до него, пока он доедет, время-то идет.

Вторая причина нашего простоя — необеспеченность деталями из-за плохого внутрицехового планирования. Плюс ко всему бракованное литье идет с раковинами, от которого мы нередко портимся.

И так в первом квартале мы простояли в ожидании заготовок 322,1 часа.

Каково суждение людей?

Обратимся к статистике. В цехе ¹ 5 на металлообработку используется шесть станков с ЧПУ. Около трехсот часов в первом квартале они простояли на ремонте, около 4000 — из-за отсутствия заготовок, рабочих.

— Что делается со стороны цеха по улучшению использования оборудования? — с этим вопросом мы обратились к заместителю начальника подразделения М. К. Михайлову.

— У нас составлен график загрузки станков с ЧПУ. Создана бригада из числа операторов станков с ЧПУ. Хочется пожелать, чтобы ремонтная группа была укомплектована, усилена, чтобы технический отдел КБ работал более оперативно.

Если в первом и пятом цехах люди как-то болеют за то, что простаивает дорогостоящее оборудование, выясняют причины, стараются их ликвидировать, бригадир цеха ¹ 1 Н. В. Шипилов неоднократно выходил со своими предложениями к директору завода (в первом цехе простои станков с ЧПУ по сравнению с прошлым годом сократились на 30 процентов), то в цехе ¹ 4 совсем противоположная картина.

Расчетных данных по загрузке нет. В настоящее время в рабочем состоянии находятся пять станков из шести, освоено на них только восемь деталей. В цехе не ведется журнал учета эксплуатации прогрессивного оборудования. К станкам ВЕН-400 не хватает инструмента, нет кадров.

Здесь немалая доля вины и ОГТ. Заказывая оборудование и зная его возможности, технологи могут заблаговременно подготовить техпроцессы, продумать вопросы эксплуатации и обслуживания станков.

Цех ¹ 6. Роботизированный участок холодной штамповки. Не всегда здесь можно видеть, чтобы все роботы, способные заменить монотонный труд штамповщиц, были постоянно загружены.

— Необходимо разработать более гибкую систему перенастройки роботов

ОКБ-2, а ОГТ подумать о расширении номенклатуры деталей, изготавливаемых на роботизированных комплексах, — считает бригадир В. Г. Рыжков.

На пороге двенадцатая пятилетка. Именно в ней по заводской программе «Интенсификация-90» предусмотрено увеличение парка станков с ЧПУ на 50 единиц, в том числе на 13 станков типа «обрабатывающие центры».

Готовы ли мы к этому?

А. Данилушкин, начальник цеха ¹ 8, В. Афанасьев, начальник лаборатории ОНОТиУ, члены комитета НК завода, П. Фадеев, рабочий, председатель группы НК цеха ¹ 1, Н. Поречная (Цит. по: Трибуна машиностроителя, 5.06.85)

Ремарка: Памяти Натальи Поречной.

Автор этого материала — корреспондент заводской газеты **Наталья Киримовна Поречная**.

Выпускница факультета журналистики Дальневосточного университета, Н. Поречная с 1981 по 1989 г. работала в газете «Трибуна машиностроителя» (ПО «Ленполиграфмаш»), потом — в информационно-аналитическом еженедельнике «Рейтинг» и в других петербургских газетах.

Наталья Поречная трагически погибла в 1994 г. Она была одной из тех, кого автор этой книги считает своими «со-умышленниками, со-участниками, со-авторами». (Декабрь 1999).

10.10.2. Прожективная ситуация

Из «Записей для памяти» (июнь 1985)

<...> Недели две назад у меня происходил разговор с одним из друзей, хорошо включенным в ситуацию А. Зашла речь о «подводных камнях» и опасностях моего положения. Мой друг вдруг высказал довольно неожиданное для меня предположение:

—Ты не опасешься, что твоя борьба за справедливость может быть использована за рубежом в компрометирующих нашу страну целях?

—Ну, я не та фигура, которая могла бы оказаться удобной для враждебной пропаганды.

—Не скажи. Именно то обстоятельство, что ты занимаешь последовательно партийную, коммунистическую позицию и встречаешь такое противодействие, может быть козырем против нашего строя.

—Парадоксальный поворот мысли. А ведь возможна и такая логика... Ну, остается надеяться, что моя нынешняя ситуация — слишком частный эпизод, и персона — не на виду.

—Откуда ты знаешь?

— Да откуда же взяться обо мне информации? Я ни с одним диссидентом не знаком, не говоря уж об отсутствии зарубежных контактов.

— Информацию можно получить и опосредованно.

— Ты хочешь сказать, что я, к примеру, общаюсь с человеком порядочным, а тот — с непорядочным, а тот, в свою очередь, — с каким-нибудь резидентом...

— И даже не так просто. Заинтересованные лица могут использовать твоих друзей в своих целях, имея тебя конечной целью.

— Но ведь никаких провокаций в отношении меня, слава богу, пока не предпринималось.

— А время еще не пришло. Может, к 70-летию Советской власти накапливают.

— Ты это всерьез?

— Конечно.

— Ну, даешь! Что ж, если возникнут обстоятельства, подкрепляющие твою гипотезу, придется с органами госбезопасности посоветоваться. Хотя тт. Полозюк и Владимиров — мне не друзья, но куда денешься...

— Может и это не помочь.

— Почему же?

— Ты станешь делать заявления, а это истолкуют, как будто тебя **заставили**.

— Но я же не давал повода предполагать, что меня можно «заставить».

— Это верно. Но поди докажи, что не так. Тут единственное средство...

— Ну?

— Добиться, чтобы виновники этой травли были **наказаны**. Только тогда для враждебной пропаганды ты не сможешь представить интереса, и вообще из этой овчины шубы не сошьешь.

Я согласился со своим другом.

Восстанавливая в памяти этот разговор, я все же поражаюсь игре воображения моего собеседника. Безупречная логика всегда была ему свойственна. Но придумать такую прожективную ситуацию! <...>

(Записано 23.06.85)

[Разговор воспроизведен точно. Но, как и весь цикл «Записи для памяти (1983–1986)», представленный в данной главе, эта запись выдержана в строго «протокольном» стиле и манере, обеспечивающей неувязимость автора, на случай повторного обыска или негласного досмотра его архива. — А. А.]

10.11. Контрнаступление — на «производственном фронте»

[Как уже отмечалось²⁴, начиная с 1985 г. социолог-испытатель, возобновил ведение «производственных хроник» и активизировался как «наблюдающий участник» производственного процесса. — А. А.]

²⁴ См ранее, в главе 8: раздел «Конец 1984-го Мозаика жизни»

А. Алексеев — в партийное бюро цеха (июль 1985)

Секретарю партбюро цеха¹ 3 Лен. завода
полиграфических машин В. Курсову
от Алексеева А., слесаря м/с работ 1-го участка, члена бригады 003

Заявление

На партийном собрании цеха 16 июля с. г. со всей остротой встал вопрос об угрозе срыва повышенного обязательства цеха к XXVII съезду КПСС. Фактически уже несколько месяцев цеховая программа если и выполняется, то с большим напряжением, с использованием сверхурочных и помощи со стороны.

Из доклада и заключительного слова начальника цеха А. Косачева можно было понять, что главная причина затруднений — в низком уровне трудовой отдачи рабочих-сдельщиков, в недостатке трудовой дисциплины, а единственный перспективный выход из создавшегося положения — опять же — сверхурочные. Думаю, что то и другое — неверно.

Конечно, 41 день прогулов за первое полугодие 1985 г. (из которых 9, к сожалению, приходится на бригаду 003) не украшают коллектив цеха, насчитывающего 100 чел. основного производственного персонала. Однако сам тов. Косачев, указав, что в штатном расписании цеха всего 3 единицы этого персонала не заполнены, справедливо заметил, что 100 чел. всегда «обрабатывают» троих.²⁵

А ведь три не заполненные единицы — это «дефицит» за полгода не в десятки, а минимум в три сотни человеко-смен. То есть списывать отставание цеха на счет отдельных прогульщиков нет оснований.

О причинах сложившегося положения так или иначе говорили выступающие на собрании. Не слышно было только самокритики со стороны докладчика (начальника цеха) и информировавшей о ходе выполнения плана социального и экономического развития цеха за 1-е полугодие начальника БТП [*бюро технической подготовки*. — А. А.] Л. Кутыриной.

Главные причины усугубившегося тревожного положения с программой сегодня — в низком уровне экономической, организационной и технической подготовки производства. Это имело место и раньше, но, видимо, сейчас накопился эффект влияния неблагоприятных факторов. Поэтому беспокойство за выполнение повышенного обязательства к партийному съезду должно выразиться прежде всего в энергичных мерах по сокращению скрытых внутрисменных простоев, вызываемых упомянутыми недостатками подготовки производства.

Львиная доля непроизводительных затрат времени рабочих-сдельщиков приходится вовсе не на «перекуры» и прогулы (хоть первых может быть и поменьше, а вторых не должно быть совсем), а на поиски недостающей или доведение «до ума» — некондиционной оснастки, на лишние

²⁵ «Обрабатывают» — производственный жаргон: это значит, что выполняют работу отсутствующих или «недорабатывающих» тружеников

переналадки не вполне исправного оборудования, на ожидание, пока технологи прояснят неувязки в технической документации и т. д., и т. п. Необходимость в работе сверхурочно возникает в первую очередь из-за потерь рабочего времени такого рода плюс недостатки планирования.

Наше производство, будучи в основном серийным, остается во многом не отлаженным. В этих вопросах администрация, как правило, занимает пассивную позицию. А недостаток собранности и ответственности «наверху» обходится куда дороже, чем отдельные факты недисциплинированности «внизу».

Обсуждавшееся на собрании тревожное положение усугубляется, а отчасти, наверное, и вызвано совершенно оторванной от реального производственного процесса практикой нормирования. Систематические «плановые» пересмотры норм, как правило, не связаны ни с какими техническими усовершенствованиями, а весь расчет на то, что рабочий «выкрутится», бригада найдет выход, как не остаться без зарплаты.

В условиях, когда оборудование ремонтируется не вовремя, а иногда — некачественно, с оснасткой — постоянные дефициты, а технологические неувязки накапливаются, такая практика пересмотра норм не только не способствует действительному росту производительности труда, а ставит под угрозу выполнение производственных заданий.

Скажу о себе. Вчера мною получено очередное, ставшее уже «аварийным» производственное задание штамповки на ПКР семи обозначений для машины ФКУ. <...> [*Здесь опущено перечисление обозначений конкретных производственных изделий. — А. А.*] Произведенный мною примерный расчет по нормативам показывает, что на выполнение соответствующих операций по этим 7 обозначениям я «имею право» затратить в общей сложности 36,7 час (в том числе суммарное подготовительное время — 8,6 час.). [*«Подготовительное время» — время на наладку станка. — А. А.*] То есть порядка 4,5 рабочих смен. А чтобы справиться с установленным мне дневным производственным заданием (оно у меня — 9 руб.), я должен уложиться не в 36,7, а в 22 часа, т. е. меньше, чем в 3 рабочие смены.

Более опытного, чем я, оператора и наладчика станка КО-120 в цехе нет. И могу заверить, что при нынешней организации труда, состоянии оборудования, технологической оснащенности — даже норматив, не говоря уж о задании, для данной группы обозначений является нереалистичным...

Ремарка: за счет чего фактически выполняется производственная программа.

Вышеприведенный расчет относится к фактически полученному тогда оперативному производственному заданию, включавшему («как на подбор») исключительно «невыгодные» для рабочего-сдельщика изделия.

В целом, производственные задания социологом-рабочим, как и большинством рабочих цеха, систематически выполнялись и перевыполнялись, за счет отдель-

ных «выгодных» изделий и — особенно — за счет так называемой «партизаничины», т. е. выпуска продукции при помощи «тайных раций» и по самостоятельной рабочей технологии, например — на том же координатно-револьверном прессе, вместо трудоемкой сверловки или фрезеровки, и т. п.²⁶ (Ноябрь 2000).

... Можно ожидать, что задание будет выполнено за 3 дня только при **двухсменной** загрузке оборудования. А это значит, что двое рабочих будут выполнять задание, предназначенное для одного.

[Стоит заметить, что это — в данном, конкретном случае. В других — один рабочий может в срок выполнить задание за двоих и более. — А. А.]

Как показывают выступления коммунистов на собрании 16 июля, в таком положении сегодня оказываюсь не я один.

Чтобы не быть голословным, я обратился к администрации с просьбой произвести сегодня и в последующие несколько дней хронометраж работы моей и моего сменщика *[сменщиком в то время был один из членов бригады, обученных автором работе на ПКР. — А. А.]* — по подготовке, настройке и выполнению штампочной операции **для всей данной группы обозначений** деталей машины ФКУ. Если почему-либо нормировщик не сможет этим заняться, я произведу хронометраж сам и о результатах информирую руководство.

Что касается этого заявления, то прошу рассматривать его как предложение, постановку вопроса перед партийным бюро, имеющим, как известно, право контроля деятельности администрации. Партийному бюро, конечно, виднее, но, по моим понятиям, это тот случай, когда надо «поправить» хозяйственных руководителей, довольно произвольно трактующих современные партийные установки на мобилизацию внутренних резервов повышения производительности труда.

Пересматривать сейчас слишком большой массив норм в обратную сторону (приводя их в соответствие с реальными затратами труда) было бы, очевидно, неправильно. Значит надо, пусть с опозданием, заняться созданием таких производственных, организационных и технических условий, при которых «авансом» пересмотренные нормы стали бы реально выполнимыми.

Иначе мы никогда не выберемся из «аварийного» режима производственной деятельности.

Если партийное бюро сочтет нужным дать мне какое-либо общественное поручение в связи с вопросами, поставленными в настоящем заявлении, я приложу все усилия, чтобы это поручение выполнить.

А. Алексеев, 18.07.85

Вместо заключения (контрзаявление...)

Документ этот, разысканный в архиве и вставленный мною в книгу «в последнюю минуту», лишь по видимости не касается «дела» социолога-рабочего.

²⁶ См. об этом подробно в главах 2 и 3

Дело в том, что социолог-испытатель, параллельно с политической самообороной, начинает контр наступление — на «производственном фронте». При этом он выражает полную готовность к «сотрудничеству» с партийной организацией, которая его — «по недоразумению»! — из своих рядов изгнала...

В сущности, он не делает «ничего нового», по сравнению с периодом до исключения.

Однако после исключения он ставит тем самым цеховую администрацию и партийную организацию в затруднительное положение: ведь тут он прав уже не только по его личному убеждению, а и по понятиям его товарищей-рабочих (для которых все «разборки» с партией пока малоинтересны, а вот это — уже «наше» дело!).

Что касается данного случая, то хронометраж рабочего времени и т. д. был-таки произведен слесарем механосборочных работ и наладчиком ПКР самостоятельно, и его результаты и выводы «внедрены» в организацию производственного процесса. (Ноябрь-декабрь 2000).

10.12. Письма Любимым женщинам. 1985

10.12.1. Жизненные и общественные будни

А. Алексеев — Р. Рывкиной (март 1985)

Дорогая Инна!

<...> Медсанчасть завода им. Калинина, а затем отпуск привели меня в полный физический порядок. Ну, а душевный — вроде не нарушался. Еще, конечно, осталась кое-какая социальная неупорядоченность — но это состояние перманентно-временное.

Ну, апелляцию в ОК я подал своевременно (4 марта). Посылаю Тебе ее текст. В нем, как видишь, есть плоды диалога с ГК КПСС. Как говорится, и мы не истуканы, кое-чего понимаем, на ошибках учимся... Во всяком случае — старых ошибок не повторяем.

Вообще, тут много чего можно комментировать... Ограничусь замечанием, что я не собираюсь полемизировать с директивным органом о правилах работы с документами для служебного пользования и первичными социологическими материалами. Но и не согласен принять на себя **политические** обвинения, не говоря уж об одном фактически ложном.

Апелляцию эту надо воспринимать в контексте всех остальных моих документов, хранящихся в партийном деле.²⁷

...Не без перемен и в цехе. Уж и начальника цеха Данилушкина переместили, и секретарь партбюро цеха теперь другой (тяжела оказалась эта ноша Червякову). Мое дневное производственное задание повысилось до 9 руб. (с прогрессивкой получается около 12). В итоге, при среднемесячном заработке 257 руб. в прошлом году (когда задание было 8,5 руб.), я уже в 1985 г. достигну уровня зарплаты старшего научного со-²⁷ См ранее, в главе 9: раздел «Высокий партийный суд»

трудника со степенью в академическом институте (только что — без десятилетнего стажа; но ведь и у меня на заводе пока только 5, а не 10 лет).

...О Советской социологической ассоциации, в связи со мной.

Мне кажется, Ты слишком всерьез берешь эту уважаемую общественную организацию. Не далее как вчера я вместе с членскими взносами за 1985 г. передал ее ученому секретарю Г. Румянцевой записку, что вот, мол, вышел из отпуска и готов к контактам с «комиссией по изучению моей социологической работы», как деликатно была определена задача этой комиссии в письме уч. секретаря на мое имя.

По возвращении из Н-ска О. [О. Б. Божков. — А. А.] затеял просветить одного из членов комиссии — Николая М. на мой счет. Он мне о своих замыслах не говорил, я узнал случайно, и О. только подтвердил. (Похоже, он предполагал, что я воспрепятствую.)

Ну, не дорого яденье, а дорого раденье, пусть яденье и несъедобно.

Максимум, чего О. достигнет, это усугубит неловкость положения этого члена комиссии (с которым, кстати, мы знакомы, хоть и не близко). Но ожидать от него **поступков**, тем более — требовать их от него, нелепо.

Для меня одним из внутренних моральных условий собственной явки на разбирательство моего «дела» на бюро ЛЮ ССА является как раз **невявка** на него членов бюро, куда более мне близких, чем этот Н. М.

Не думаю, что В. А., или Ф., или Х. будут **заставлять** явиться на бюро, чтобы обеспечить в нем кворум, которого там не бывало за 2 года ни разу. Ну, а если все-таки заставят, то уж придется бюро исключить меня из ССА заочно.

Впрочем, осталось уже меньше месяца до отчетно-выборного собрания ассоциации. Хотя вряд ли там произойдет существенное обновление состава бюро.

Так или иначе, суесться по этому поводу я не собираюсь...

Ремарка: «...условие моей явки на разбирательство...»

«В. А.» — В. А. Ядов; «Ф.» — Б. М. Фирсов; «Х.» — Г. А. Хмара (ныне покойная). Все трое тогда входили в состав бюро ЛЮ ССА. Автор отдавал себе отчет в том, что встреча с ними на заседании, где планировалось исключение социолога-рабочего из Советской социологической ассоциации, неминуемо поставит как его самого, так и их в затруднительное положение.

Исключение состоялось лишь год спустя — без участия названных лиц. (Октябрь 2000).

...Может, хватит пока «моих сюжетов»?

<...> Картина ИСЭПа, действительно, безрадостна. В известном смысле мне можно позавидовать [тому, что автор там больше не работает. — А. А.].

10–12 апреля, между прочим, исэповская «мафия» будет самоутверждаться всесоюзной конференцией про социалистический город как объект исследования и управления, умудрившись заполучить в свою программу (по крайней мере — на бумаге) добрый десяток академиков. Слава богу, хоть З. [Т. И. Заславской. — А. А.] среди них нет.

Разумеется, нет в этой программе <...> [перечислены известные специалисты по социологии города. — А. А.]; нет и «засидевшихся» в ИСЭПе <...> [Здесь опущены инициалы, расшифровать которые сейчас затруднительно. — А. А.] А доклад о сущности, тенденциях и перспективах урбанизации делает... Сигов.

В общем, такое всесоюзное шоу, что не поверишь тем, кто говорит о деградации ИСЭПа. <...>

Андр. Ал., 26.03.85

* * *

А. Алексеев — Р. Рывкиной (апрель 1985)

<...> Начались беседы в обкоме, отнимающие время и силы (на осмысление). В парт. комиссии ГК было больше деловитости. Здесь чувствуется какая-то неуверенность, опасения, как бы им не совершить какой-нибудь ошибки в проведении прежнего решения, но вовсе не сомнение в том, надо ли его пересматривать вообще. Раньше середины-конца мая итогов, пожалуй, не будет.²⁸

Насчет Николая М. и т. п. — чего же непонятного? <...> Вот посылаю Тебе своеобразный отчет о своих взаимоотношениях с ССА («Объяснение» от 7.04.85).

На следующий день после получения этого объяснения было принято решение о переносе срока отчетно-выборного собрания ЛО ССА на месяц (совпадение, думаю, случайное; хоть и лучше бы для них было, чтобы я в этом собрании уже не имел права полноценно участвовать).

Интересна реакция членов бюро той секции ЛО ССА, в которой я состою. Логика их такова: почему он (т. е. я) не написал в своем объяснении, какой он хороший, что он «гражданский научный подвиг» совершил и т. п. А то — как же нам его защищать? Очень своеобразный инфантилизм, кстати, предполагающий у «подвижника» отсутствие чувства собственного достоинства.

Впрочем, недостатка объективной информации о моей работе на заводе и т. п. (включая известную Тебе статью про «человека в системе реальных производственных отношений») у социологической ассоциации нет.

Особенно Н.М. (он еще и член бюро секции) обижен: мы хотели как лучше (его исключить), а он...

Ну, а по тексту моего «Объяснения» для ССА Ты можешь судить, является ли мое настроение «сниженным».

...О чем пишу и над чем работаю? Как видишь, «исследую» социальные институты, ну, и личность (собственную), конечно.

Личность и общество, как видно, моя последняя и «коронная» тема... Мне кажется, что мы с Тобой живем равно интересно и эффективно, но в **разных** жанрах работаем. Так и надо. <...>

А. А., 28.04.85

²⁸ См выше: раздел «Высокий партийный суд»

* * *

А. Алексеев — Р. Рывкиной (июнь 1985)

<...> Как обычно, благополучен.

Социологической ассоциации все еще не удалось исключить меня из своих рядов.

Заседание партийной комиссии состоялось (20 мая). Пока предварительно, на 4 июня назначено рассмотрение апелляции на бюро обкома.

Есть одно симптоматичное обстоятельство: из справки парт. комиссии ОК, в принципе куда более обстоятельной, чем горкомовская, **исчезло** упоминание А. Зиновьева. Весь упор теперь на М. Цветаевой и проч. Но вот с письмами ее получился конфуз (о котором комиссия еще не знает). Оказалось, что они напечатаны в журнале «Октябрь», в прошлом году... Да и с Оруэллом — не все однозначно.²⁹ <...>

Впрочем, в отношении 4 июня — я **радикальных** перемен не жду.

...Полчаса назад пришел по почте ответ из прокуратуры Василеостровского района о том, что по инциденту с «таинственным» налетом на мою квартиру 1983 г. возбуждено уголовное дело по статье... о «неприкосновенности жилища».³⁰

На этот счет — уж только руками развести: что бы это значило? <...>

А., 1.06.85

* * *

А. Алексеев — Р. Рывкиной (июнь 1985)

<...> 4 июня состоялось рассмотрение апелляции на бюро Лен. обкома КПСС. <...>³¹

Так или иначе, в ключевом (отвечающем аж статье Уголовного кодекса) пункте обвинения бюро обкома инициаторов обвинения [*т.е. УКГБ ЛО. — А. А.*] не поддержало. Зато... к «политически вредным социологическим исследованиям» — в выступлении зам. председателя партийной комиссии на бюро — отнесено также и «наблюдающее участие» (5 лет работы на заводе); к «клеветническим материалам» — архивы моего исследования.

Как видишь, защитник противостоящей мне команды мощным ударом направил мяч... в собственные ворота. (Откуда, разумеется, еще не следует, что гол будет засчитан судьей.) <...>

Отрадность формулировки решения бюро ОК КПСС, несмотря на всю ее грозность («исследования политически вредного характера»; «написание клеветнических материалов на советскую действительность»; это уж помощники тов. Зайкова постарались: не «вошел я в их положение»...), состоит в том, что с моего «дела» ныне как бы снята скандальная, «антигосударственная» шелуха.

²⁹ См выше: раздел «Высокий партийный суд»

³⁰ См ранее, в главе 9: раздел «Потерпевший, милиция, прокуратура...»

³¹ Здесь опущено описание этого события. См выше: раздел «Высокий партийный суд»

Обнажилась суть — научная, гражданственная, жизненная позиция, которую теперь «легко и просто» по-партийному защищать.

Что я и собираюсь делать. <...>

Андр. Ал., 18.06.85

* * *

А. Алексеев — Р. Рывкиной (август 1985)

Дорогая Инна!

<...> Твое самообвинение насчет задержки с ответом на мое письмо очень трогательно. Единственное слабое место в нем — это возведение его в квадрат или в куб, поскольку **именно мне** не отвечено. Меня надо «беречь», и уж во всяком случае не позволить мне и мысли, будто я «забыл»... Этот акцент — дает мне повод для доброй «снисходительной» улыбки на твой счет.

Да не журишь Ты, пожалуйста! Лично я сейчас гораздо больше нравственно страдаю из-за собственных задержек с ответами на письма, чем из-за задержек с ответами на мои. (Это, конечно, вовсе не исключает того факта, что некоторые из моих прежних корреспондентов как-то «стушевались» за последние год-полтора.)

Итак, я Тебе **не прощаю**, поскольку прощать не в чем — **не виновна** (приговор!).

О себе. Опускаю подробности жизни, хоть и немало чрезвычайно интересного. Ограничусь вложением в этот конверт того «резюме», которое содержится в тексте апелляции в Комитет партийного контроля. Как мне на днях было сообщено письменно инструктором КПК при ЦК КПСС тов. Шадриним, апелляция получена и о времени рассмотрения меня известят позже.

Как я сегодня подтвердил в ответ на телефонный запрос из обкома, апеллирующий намерен лично участвовать в рассмотрении своего дела, т. е. прошу у КПК вызова в Москву. <...>

Ты меня называешь то Скалой, то Идеалистом... Моя «Скала» стоит на вполне материалистических основаниях. Свои прогнозы я уже Тебе высказывал. Когда Ты мне объясняешь, что об эпохе надо судить по ее делам, а не по ее словам, это мне кажется трюизмом.

Не банальным является соотнесение того и другого — в «жестких» ситуациях. <...>

Вообще же — не преувеличивай, ради бога, мой исследовательский мотив. Вслед за одним из героев любимого мною Грэма Грина, я могу сказать, что просто... **«Хотел жить достойно»**.³²

Когда понятие достоинства у человека достаточно развито и критерии достоинства не слишком размыты — выполнение этой «жизненной задачи» может оказаться довольно хлопотливым. <...>

Тв. Андр. Ал., 26.08.85

³² «Кажется, я в каком-то смысле просто хотел достойно жить» Грин Г. Ведомство страха / Английский детектив М, 1983, с 362

10.12.2. Что такое достоинство?

[Пререзуцитирование писем 1985 г. ради более ранней заметки моего друга. — А. А.]

Тезисы Р. Баранцева (август 1983)***О достоинстве***

Чувство чистой совести достаточно для смерти, чувство нравственного достоинства необходимо для жизни.

Н. И. Тургенев

1. Традиционное понимание

Понятие достоинства достаточно старинное, сложившееся. В словаре Даля (1956) оно разъясняется через стоимость, ценность, добротность, степень годности; а достойный значит стоящий, заслуживающий, надлежащий, должный, приличный, сообразный с требованиями правды, чести. Философская энциклопедия (1962) определяет достоинство личности как осознание личностью своего общественного значения, права на общественное уважение, основанное на признании обществом социальной ценности человека, и дает краткое представление о трактовке этого понятия в эпоху Возрождения, у Гоббса, Руссо, Канта, Шиллера, Фихте и др. Современный словарь по этике, связывая достоинство с представлением о ценности человеческой личности, подчеркивает его регулирующую роль как в процессе самосознания, так и в нормах отношения общества к личности.

Выражения «чувство собственного достоинства», «сохраняя достоинство», «оценить по достоинству» понимаются всеми примерно одинаково. Емкость и устойчивость этого понятия способствуют его употреблению в заголовках, например, «Об искусстве жить достойно» — название философских очерков Монтеня, изданных в 1973 г. Почти так же названа статья М.Строевой в «Правде» за 30.06.83 о московских гастролях БДТ.

Можно говорить о периодическом ослаблении поля достоинства, о неравномерности его распределения (вспоминая, скажем, слова Достоевского о том, что отсутствие уважения к себе — беда русского человека), о дефиците нравственных ценностей в эпоху НТР и т. п., — но традиционное содержание этого понятия несомненно существует.

2. Ложная альтернатива

Нередко бывает, что человека, отстаивающего свое достоинство, спешат обвинить в гордыне. Со стороны в этом видится элементарный акт огрубления, снижения, редукции. Однако фактически совершаемая здесь подмена не столь тривиальна. Как гордость, так и достоинство могут проявляться в разной мере, но даже преувеличенное достоинство не есть чрезмерная гордость. Количество тут не обязано переходить в качество, ибо это количества очень разных свойств. Если достоинство — категория аксиологическая, то гордость — скорее онтологическая. Смешение их на единой оси может приводить к очень тяжким последствиям.

Одно из них выражается в следующей концепции. Достоинство — якобы не обязательное понятие, ибо оно представляет собой облагороженную модификацию гордыни. Поэтому человек оказывается в гордыне всякий раз как только заговорит о собственном достоинстве. И стремление к достоинству не может быть добродетелью, ибо это только способ реализовать свою гордыню (т. е. достоинство = гордыня + лицемерие).

Этот пример показывает, что аксиологию и онтологию, качество и субстанцию, эмоции и интуицию, душу и дух необходимо различать фундаментально. Трудность состоит в том, что в диадной парадигме мы слишком привыкли все это валить в одну иррациональную кучу.

3. Попытка структуры

Достоинство и гордыня несравнимы количественно уже потому, что находятся в разных аспектах фундаментальной триады «рацио-эмоцио-интуи-цио». Более того, они принадлежат разным триадам. Если гордыня — соблазн духа, то до системной триады ее можно дополнить властью и страстью, как рациональным и эмоциональным соблазнами. Достоинство же дополняется такими регуляторами, как честь и совесть. Эти две триады, очевидно, тоже не составляют антитезы. В оппозиции к соблазну находится воздержание, трихотомия которого дает: «нестяжательство-целомудрие-послушание». Таким образом, достоинство и гордыня оказываются в

следующей триадной структуре:

Следовательно, честь регулирует диаду «власть-нестяжательство», достоинство — диаду «страсть-целомудрие», совесть — диаду «гордыня-послушание».

По отношению к рассматриваемым понятиям эта структура — внешняя. Внутренняя структура, по-видимому, очень индивидуальна. Замыкание диады «внешнее-внутреннее» происходит в бесструктурной области.

Р. Г. Баранцев, 06.08.83

Ремарка: достоинство и гордыня.

Это — одна из давних работ Р. Г. Баранцева, посвященных проблемам тринитарной методологии и триадного синтеза. Выбор Рэмом Баранцевым именно этих понятий (достоинство, гордыня...) для обсуждения был тогда (1983) не случаен.³³

³³ См ранее, в главе 8: раздел «“Дело Баранцева” Интермедия»

...Интересно, что, разыскав этот текст в своем архиве (и получив разрешение на его публикацию от Рэма), я тем самым «напомнил» о нем самому автору.

Думал, что опубликую первым. Но Рэм меня «опередил»: в 2001 г. эссе «О достоинстве» появилось в петербургском журнале «Реальность и субъект» (том 5, ¹ 3, с. 21). (Январь 2000 — декабрь 2001)

10.12.3. И снова — письма Любимым женщинам

А. Алексеев — Р. Рывкиной (октябрь 1985)

Дорогая Инна!

Только что получил твое письмо «красными чернилами». Спасибо за хлопоты насчет моей работы.³⁴

Новой и более краткой (возможно!) статьей я займусь года через два, не раньше. Так что на сегодня других «визитных карточек» не имею. И вообще — не тот случай, чтобы работать без официального заказа.

Свободу использования имеющегося у Тебя текста я даю полную (разумеется, под твоим контролем).

Как ни странно, дефицита возможностей для публикации у меня сейчас нет. Я не печатаюсь там, где не печатался и не стремился печататься и раньше. И заказы поступают, и публикации идут помаленьку (из старого). Как ни удивительно — даже «обо мне» (Знание-сила, 1985, ¹ 9. Статья Альфреда Сарно).

Если в журнале «ЭКО» возникнет действительный интерес к моему сочинению, то из него можно выбрать любые куски. Но сам я сейчас перегружен текущим «полевым этапом»...

Ремарка: «ЭКО» — «Юность».

Редакция журнала «ЭКО» в ту пору предприняла довольно дерзкий демарш: в «гостевой» подборке своих материалов на страницах журнала «Юность», навстречу XXVII съезду КПСС («опыт рассмотрения хозяйственных, экономических, управленческих проблем, накопленных журналом «ЭКО» за пятнадцать лет его существования») состоялась повторная публикация беседы журналиста М. Левина с ленинградскими социологами В. Ядовым, А. Алексеевым и Н. Щербаковым, на темы отношения молодежи к труду и т. п. (ЭКО, 1983, ¹ 8).

При этом редакция сделала вид, что не знает об исключении одного из участников этой беседы из партии, год назад.

См.: Главное — дело // Юность, 1985, ¹ 11. (Январь-август 2000).

...Вот с кем я с удовольствием поделился бы самыми последними производственными наблюдениями, так это с автором «Бригад на распутьи» (ЭКО, 1985, ¹ 8). Может, Нина М. возьмет ленинградскую командировку? В «герои» ее очерков не напрашиваюсь, а в «ассистенты режиссера» — с радостью!³⁵

³⁴ Имеется в виду рукопись: «Человек в системе реальных производственных отношений» (1983) Опубликована, в сокращении, пять лет спустя в сборнике: Новое политическое мышление и процесс демократизации М: Наука, 1990

³⁵ Сложилось так, что именно Нина Константиновна Максимова, несколько месяцев спустя, стала первым редактором «Писем Любимым женщинам» См об этом ранее, в главе 4: раздел «Я вспоминаю»

<...> Ожидая вызова в Москву, на заседание Комитета партийного контроля. <...>

Твой Андр. Ал., 3.10.85

* * *

[11 октября 1985 г. апелляция исключенного из партии рассматривалась в Москве. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС «не нашел оснований» для пересмотра предыдущих партийных решений.

Не возымело действия и приложение к апелляции заново перепечатанного, «для ЦК», 650-страничного комплекта инкриминируемых автору «клеветнических материалов» (см. выше).

Ниже — фрагмент личного письма, где сообщается об этом событии. — А. А.]

А. Алексеев — Л. Гурьевой (октябрь 1985)

Дорогая Людмила!

<...> В июле был занят составлением апелляции в ЦК. Три дня назад состоялось ее рассмотрение в Москве (выезжал туда). **Отказ!**

Похоже, даже не изменили формулировку (официально с формулировкой КПК при ЦК КПСС я пока не знаком). Факт отказа — достаточно многозначительный. **Апеллировать к Съезду — буду!** Позже. <...>

Множество всяких событий «помельче»... Но описывать их сейчас не стану. Ограничусь заверением в своем полном внутреннем и внешнем благополучии. Что, разумеется, не равно «покою». <...>

К сожалению, не успеваю подготовить давно обещанную Тебе статью: «Зачем нужны «отдельные случаи» социологу?». Отнимает время другое — текущая жизнь («партийная», «социологическая», «производственная»...). Поэтому высылаю старую, но добротную работу на темы социологии искусства.

Этой работе в свое время не повезло: обе конференции, на которые я ее посылал, не состоялись. Объем — всего 4 стр. <...>

Твой Андр. Ал., 2.10.85

Ремарка: главный публикатор социолога-рабочего (Людмила Гурьева).

Адресат этого письма — руководитель социологической лаборатории Томского государственного университета и редактор серии научных сборников ТГУ «Социальные проблемы познания и управления» канд. филос. наук Людмила Семеновна Гурьева.

Людмила Гурьева была, пожалуй, главным публикатором работ социолога-рабочего в 80-х гг.: как до 1984 г., так и после — независимо от того, как складывались обстоятельства его «дела».

Ныне Л. Г. — профессор Московского авиационного университета, директор Центра независимых социологических исследований Томского гос. университета.

В 2000 г., под ее редакцией, вышло первое русское издание книги Э.Гидденса «Социология». (Сентябрь 1999 — сентябрь 2000).

* * *

А. Алексеев — Г. Ж. (октябрь 1985)

Здравствуй <...>!

<...> Из моих последних событий.

Пришло (через обком — партком) решение из ЦК. Как и можно было ожидать, оно **не отличается** от предыдущих. Состав моих преступлений теперь таков: <...>

[Здесь опущена формулировка решения КПК при ЦК КПСС, дословно совпадающая с постановлением Ленинградского обкома КПСС от 4.06.85. См. выше: раздел «Исключить из рядов КПСС за...». — А. А.]

Итак, партийная мера — **высшая**. Писать Съезду — буду.

А теперь — развлеку Тебя новостями помельче...

<...> Случился тут на заводе еще и такой казус: на недавнем отчетно-выборном профсоюзном собрании цеха неосторожно прозвучал призыв к «критическим замечаниям». Ну, я и брякнул, что цехком работал, может быть, и удовлетворительно, но есть такой «участок работы», к которому он (цехком) «близко не лежал»: это защита прав и интересов трудящихся. И привел несколько примеров...

После чего, по итогам тайного голосования, против председателя цехкома оказалось 38 голосов из 103; а исключенного из партии члена профсоюза, твоего корреспондента, взяли, да и вписали в бюллетень «доброхоты» — 17 раз. Такой вот конфуз вышел...

Есть и более серьезные *[конфузы. — А. А.]*. На сей раз — с президентом Советской социологической ассоциации Х. Н. Момджяном, копию ответа которого на запрос из АН СССР по поводу моего майского письма в отдел науки ЦК КПСС я недавно получил. Оказывается, согласно подписанному им (полагаю, с подачи нынешнего «вождя» ленинградских социологов Парыгина) ответу, я **«сознательно искажал»** факты — насчет неправомочности собрания ЛО ССА 22.05.85 и т. д.

Что, вообще говоря, равносильно... обвинению в **клевете!**..Ремарка: **второй раз — на те же грабли...**

Выборы нового бюро Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации в мае 1985 г. (председателем бюро вновь стал Б. Д. Парыгин) происходили при отсутствии кворума, т. е. фактически были не законными, о чем социолог-испытатель и написал в ЦК КПСС.

*При этом в письме было подчеркнуто, что это — **повторный** случай: так было и в 1983 году (когда Б. Парыгин сменил В. Ядова на посту председателя). В ответ последовало новое обвинение в адрес «неудобного» члена ССА. (Сентябрь 2000).*

...Ну, я сообщил профессору Момджяну, что **вынужден буду обратиться в суд**, с гражданским иском в защиту своей чести и достоинства (статья 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик),

если этот документ не будет им **отозван**. Посылаю Тебе копию своего письма президенту ССА на эту тему. С интересом жду ответа на это письмо.

Забавно, что проф. Момджян является, кажется, главным советским специалистом по французским энциклопедистам. А они — стояли у истоков тех самых норм гражданского права, которые этот профессор так неосторожно нарушил...

А тем временем, на 25 октября назначено очередное заседание бюро Ленинградского отделения ССА — для обсуждения «персонального дела» социолога-рабочего.³⁶

<...> Итак: «про здоровье» я написал; «про работу» — тоже; про «реакции на жизнь» — не забыл. Очень даже «реагирую»...

Еще раз: я очень благодарен Тебе за эти два письмеца. Я почему-то воспринял их как «отпущение грехов», совершенных в «Письмах Любимым женщинам» (разумеется, вовсе не тех грехов, которые инкриминировались в высоких и авторитетных инстанциях!).

Жду твоих дальнейших указаний, как жить дальше. <...>

Твой Андр. Ал., 14.10.85.

* * *

Из письма президенту ССА, проф. Х. Н. Момджяну (октябрь 1985)

<...> Испытывая к Вам, Хачик Нишанович, безусловное уважение, как к специалисту и видному ученому, я надеюсь, что Ваше личное участие в этом ответе Управлению кадров АН СССР [*с обвинениями в адрес социолога-испытателя относительно «сознательных искажений» и прочими порочающими его утверждениями.* — А. А.] свелось к подписи.

Предполагаю, что Вы, в качестве официального лица, опирались на информацию, исходящую от какого-то конкретного сотрудника аппарата ССА. И я полагал бы справедливым адресовать гражданский иск органу или лицу, являющемуся не номинальным, а **фактическим** распространителем ложной обо мне информации.

Желая избежать того, чтобы предъявлять свой иск лично Вам, президенту ССА, прошу Вас, уточнив источник информации, сообщить, **на кого мне следует возлагать ответственность** за вышеприведенные утверждения из подписанного Вами письма.

С уважением

член ССА, к.ф.н. А. Алексеев, 8.10.85

Ремарка: судебный иск гражданина к организации.

*Социолог-испытатель предлагал президенту Советской социологической ассоциации **отозвать** официальный документ, при составлении которого его подчиненные, как сказали бы теперь, президента «подставили».*

³⁶ Решение об исключении социолога-рабочего из Советской социологической ассоциации было принято бюро Ленинградского отделения этой ассоциации лишь в январе 1986 г. См ниже: раздел «Социологическая ассоциация очищает свои ряды»

Проф. Момджян этого не сделал, по-видимому, полагая, что его корреспондент блефует. Тогда этим последним, в июне 1986 г., был выставлен, «по всем правилам», судебный иск в защиту чести и достоинства к Секретариату ССА.

Дело было выиграно социологом-рабочим в Севастопольском районном суде г. Москвы, в ноябре 1986 г. (Сентябрь 2000).

* * *

Из личного письма (октябрь 1985)

<...> Вот и стала Жизнь — Письмом, а Письмо — Жизнью. Опускаю (за недостатком времени) комментарии к этому утверждению. **Жизнью — пишу письмо Тебе.** Этаким новый эпистолярный жанр! Пока не канонизированный, не санкционированный, но и не пресеченный. <...>

А. А., октябрь 1985

Ремарка: «линии» жизни.

Письма — пожалуй, единственный жанр, где все «линии» тогдашней жизни социолога-испытателя представлены «комплексно», нераздельно. (Вообще, в настоящей книге автор все же пытается как-то отделить их одну от другой.)

Дело в том, что в ту пору синхронно, и иногда взаимозависимо, развивались разные «жизненные сюжеты»: партийно-политический; собственно-производственный; отношения с общественными организациями (Союз журналистов, Советская социологическая ассоциация); «отношения» с органами госбезопасности; дело о «поврежденной двери»; отношения с коллегами и друзьями.

По крайней мере две из этих «линий»: производственная и отношения с ССА, — здесь представлены лишь эскизно. (Октябрь 2000).

10.12.4. «Рано или поздно я в партии восстановлен буду!»

[Жанр «открытого письма», с информацией для друзей и коллег о прохождении «дела» социолога-рабочего в партийных инстанциях, уже знаком читателю.³⁷ Ниже — очередное такое письмо. — А. А.]

«Открытое письмо» (октябрь 1985)

Коллегам из ИСЭП и товарищам по партии Считаю своим долгом сообщить всем тем, с кем связан дружескими и товарищескими отношениями, что 11.09.85 в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС рассматривалась моя апелляция исключенного из партии, а вчера, 8.10, я был ознакомлен с решением КПК по этому вопросу.

Комитет партийного контроля согласился с решением Ленинградского ОК КПСС от 4.06.85 — отказать в пересмотре постановления парткома «Ленполиграфмаша» от 23.05.84. Сохранена и формулировка решения Ленинградского ОК:

³⁷ См выше: раздел «Исключить из рядов КПСС за » и др разделы

...исключить Алексеева А. Н. из рядов КПСС за проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность, грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования.

Настоящее решение, прошедшее все инстанции, кроме высшего органа КПСС, каковым является Съезд партии, не должно дать повода для сомнений в том, продолжаю ли я считать себя коммунистом. Безусловно да! И уверен, что рано или поздно я в партии восстановлен буду.

Заранее благодарен тем, кто вместе со мной разделяет эту мою глубокую уверенность.

А. Алексеев, 9.10.85

Ремарка: предвидел, но не все...

Заявляя, что «рано или поздно» будет восстановлен в партии, социолог-испытатель не ошибся. Вот только не предвидел, что несколько лет спустя сам не захочет в этой партии оставаться...

Пока же... См. ниже. (Сентябрь-ноябрь 2000).

* * *

Из обращения-апелляции к XXVII съезду КПСС (февраль 1986)

<...> Решение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 11.10.85 принято на основе справки по моему вопросу, подготовленной сотрудником КПК А. П. Шадриним. Эта справка игнорировала **все** аргументы моей апелляции в КПК при ЦК КПСС от 28.07.85 г.

Мой партийный стаж — 23 года. По образованию — журналист, основная профессия — социолог. В минувшей пятилетке мною был предпринят научно-практический эксперимент наблюдающего участия в конкретной социально-производственной ситуации в качестве рабочего. До этого работал в Институте социально-экономических проблем АН СССР. В 1975–76 гг. был секретарем партбюро этого института. В 1964–1965 гг. — заведовал отделом промышленности «Ленинградской правды». Как умел, всю жизнь старался быть полезным делу коммунистического строительства.

Вовсе не осаривая допущенных мною действительных ошибок, которые ныне мною хорошо осознаны, я считаю часть выдвинутых против меня обвинений ошибочными, а решение об исключении меня из партии — несправедливым.

Реализуя свое право коммуниста, исключенного из партии, апеллирую к Съезду КПСС — прошу о восстановлении меня в рядах КПСС.

Считаю дело партии — делом своей жизни. Хочу с максимальной отдачей способствовать претворению в жизнь решений, выработанных коллективным разумом КПСС.

А. Алексеев. 21.02.86

Ремарка: слушайте, слушайте! Не забываете!

Этот «новоязовский» текст заслуживает лингвосоциопсихологического анализа (пользуясь термином Т. Дридзе):

- «...как умел, всю жизнь старался быть полезным делу коммунистического строительства...». (а ведь — и правда: старался!..);
- «...право коммуниста, исключенного из партии...» (подразумевается: «из партии исключен, но остаюсь коммунистом...»);
- «...считаю дело партии — делом своей жизни...» («дело партии» — то ли идеал, то ли «превращенная форма»)³⁸;
- «...хочу с максимальной отдачей...» (ср. со стандартной формулировкой заявлений о вступлении в партию 60–70-х гг.: «Хочу быть в передовых рядах строителей коммунизма...»);
- «...коллективный разум КПСС...» (почти — «Высший разум...»). (Ноябрь 2000).

10.13. Социологическая ассоциация очищает свои ряды

Несколько вступительных слов

Как уже говорилось (в одном из писем), на протяжении всего 1985 года предпринимались попытки исключить социолога-рабочего из Советской социологической ассоциации.

Попытки не удавались: то — не собрать кворум бюро ЛО ССА, то я сам находил повод не явиться на заседание. В конце концов было сочтено возможным и необходимым рассмотреть персональное дело в отсутствие «героя».

Ниже — несколько документов, относящихся к этим событиям. (Октябрь 2000).

10.13.1. Попытка диалога

Объяснение члена ССА (апрель 1985)

В бюро Северо-Западного (Ленинградского) отделения ССА

Копия: в бюро секции заводских социологов ССА от Алексеева А. Н., слесаря Ленинградского завода полиграфических машин, кандидата философских наук, члена ССА с 1969 г.

Я являюсь членом Советской социологической ассоциации на протяжении 15 лет. Будучи профессиональным социологом, все это время принимал активное участие в работе этой добровольной общественной организации.

В январе 1985 г. я получил от председателя бюро ЛО ССА проф. Б. Д. Парыгина экстренное и без объяснения цели приглашение явиться на заседание бюро. За несколько часов до начала заседания это приглашение было отменено. А в феврале 1985 г. секретарь бюро Г. А. Румянцева известила меня, что в ЛО ССА создана комиссия по изучению моей социологической работы.

1 апреля 1985 г. состоялась встреча с членами этой комиссии — Ю.И. Гревцовым (он же — председатель ревизионной комиссии ЛО ССА) и Н. С. Мирошниченко (он же — зам. председателя бюро ЛО ССА). Названные товарищи информировали меня о действительной цели работы комиссии.

³⁸ См ранее, в главе 9: раздел «На что мы надеялись, или о нравственном смысле анализа превращенных форм »

Как выяснилось из беседы, еще в январе с.г. председателем бюро отделения проф. Парыгиным инициативно был поставлен вопрос о «выведении» (исключении) меня из состава Советской социологической ассоциации. Для подготовки этого вопроса на заседании бюро, как оказалось, и создана эта комиссия, которая вовсе не предполагает изучать мою работу в целом.

Постановка вопроса о дальнейшем членстве в ССА связывается, как мне было сказано, с серьезными нарушениями порядка и условий научной деятельности, в частности — порядка обращения с материалами, имеющими гриф «для служебного пользования». Мне было предложено написать объяснение; комиссия обещала до обсуждения вопроса на заседании бюро ознакомить меня со своей справкой.

Должен сообщить бюро ЛЮ ССА, что беседа с тт. Гревцовым и Мирошниченко, происходившая в присутствии т. Румянцевой, оставила у меня чувство глубокого недоумения.

Как бюро наверняка известно, еще год назад (весной 1984 г.) мне были предъявлены государственной, а вслед за тем и партийной организацией, — серьезные обвинения, которые в целом можно определить как политические. По этим обвинениям я был в мае 1984 г. исключен из партии. После полугодичного рассмотрения моей апелляции, бюро Ленинградского горкома КПСС не нашло возможным восстановить меня в партии, хотя и существенно пересмотрело первоначальную формулировку исключения (решение бюро ЛГК КПСС от 16.01.85).

Месяц назад (4 марта с.г.) мною была подана апелляция в вышестоящую партийную инстанцию (Ленинградский обком КПСС). Ответа на нее я пока что не имею.

Из беседы с тт. Гревцовым и Мирошниченко явствует, что комиссия ЛЮ ССА знакомилась с материалами партийного дела, хранившегося до последнего времени в Ленинградском горкоме КПСС. Знакомство это, судя по отдельным замечаниям членов комиссии, является беглым, по-видимому, выборочным, однако сам факт знакомства не вызывает сомнений.

В чем же увидела свою задачу комиссия ЛЮ ССА в этой ситуации? По меньшей мере удивительно, что руководство Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации (оба члена комиссии являются ответственными представителями этого руководства) умудрилось «пройти мимо» упомянутых серьезных политических обвинений, выдвинутых против члена ССА. Или, по крайней мере, сделало вид, что оно их не заметило.

Вот, что член ССА допустил, как утверждает, нарушение порядка работы с документами «для служебного пользования», — это «по нашей части», тут есть повод для постановки вопроса об исключении. А все остальное Советской социологической ассоциации вроде бы и не касается. Это — «не наше дело».

По тому, как узко очерчивают эти товарищи компетенцию возглавляемой ими организации и свою собственную позицию, можно подумать,

что со мной беседовали деятели общества филателистов или спасения на водах, а не научно-идеологической общественной организации [! — А. А.], ставящей своими основными задачами «всемерное содействие творческой деятельности ученых в области марксистской социологии в тесной связи с практикой коммунистического строительства и развитием научных знаний, более широкое привлечение и пропаганду марксистской социологии в нашей стране и за рубежом, борьбу с буржуазными социологическими теориями» [цитата из тогдашнего Устава ССА. — А. А.].

По-моему, коль скоро против члена ССА выдвинуты **политические** обвинения (справедливые или несправедливые — другой вопрос!), первой обязанностью руководящего органа, занявшегося этим делом, является самоопределение по данному, ключевому вопросу, а не только по относительно частному (хотя бы и немаловажному) пункту, каковым является, например, обращение с научными документами «для служебного пользования».

Тот подход к делу, который продемонстрировали руководители ЛО ССА в нашей беседе 1 апреля с г., представляется мне недопустимо **аполитичным** [! — А. А.], уклончивым, смазывающим острые углы, не отвечающим высоким требованиям к общественной научной организации, имеющей содержанием своей деятельности развитие исследований в области общественной науки.

Думаю, что такая «беспартийная» позиция не к лицу ассоциации, являющейся **партийной** [! — А. А.] по самому своему определению. Партийная организация исключила Алексеева из своих рядов за политические ошибки, которые, как предполагается, он допустил, хотя и оспаривает это. Не уклонился от этого острого вопроса и Секретариат правления Ленинградской организации Союза журналистов СССР, также рассматривавший его (август 1984 г.). А руководство ЛО ССА считает достаточным исключить Алексеева из Социологической ассоциации «за нарушение порядка и условий научной деятельности» (дословно цитирую тов. Гревцова).

Создается впечатление, что комиссия больше озабочена «благополучным» осуществлением процедуры исключения, чем разбором дела по существу...

Ремарка: «...нарушил порядок и условия...»

Если полгода назад, в самообороне против чиновников Союза журналистов СССР, социолог-испытатель уклонялся от идеологической дискуссии, то теперь он ее «провоцирует»: он, похоже, готов «вести бой» на этой территории, набравшись опыта в «разговорах в Смольном» и т. п. (см. выше).

Его нынешним оппонентам нужно одно: отрапортовать, по инстанциям, что А. «выведен» из рядов социологической ассоциации. Не важно как и за что. А им, видите ли, предлагается... «занять позицию»! Пришлось-таки в конце концов позицию занять (см. ниже). (Ноябрь 2000).

...Некоторая «опасливость» руководства ЛО ССА проявляется и в безоговорочном отказе от обсуждения моего вопроса на секции заводских социологов, членом которой я являюсь. Вместе с тем, налицо откровенное

стремление «предрешить» результат обсуждения (еще до выслушивания объяснений постулируется крайняя мера воздействия к члену ассоциации).

Тем не менее, комиссия заинтересована в соблюдении хотя бы минимума формальных моментов (объяснение обвиняемого, подготовка справки, обсуждение на бюро).

Но, в конце концов, главное не в этом. Из того, как поставлен вопрос комиссией, видно, что руководство отказывается, как уже было сказано, от принципиального и партийного [! — А. А.] разговора.

Было бы нелепо в этой ситуации давать объяснения по вопросам, которые тебе прямо не заданы. Поэтому в настоящем объяснении мне остается лишь констатировать, что все, что я имел сказать по существу предъявленных мне обвинений (включая и те, которые можно, хотя бы с натяжкой, подвести под понятие «нарушение порядка и условий научной деятельности»), со всей определенностью и самокритичностью высказано мною в партийной апелляции от 3.03.³⁹ С этим документом я ознакомил коммунистов, членов комиссии ЛО ССА тт. Гревцова и Мирошниченко.

Разумеется, я не могу предугадывать результаты рассмотрения моей партийной апелляции. Но думаю, что эти результаты будут не безразличны и для бюро ЛО ССА.

Члены комиссии ЛО ССА тт. Гревцов и Мирошниченко были информированы мною также, вкратце, о содержании и параметрах моей научной деятельности за период 1980–1984 гг. и о моей работе в качестве члена ССА.

В заключение хочу обратить внимание бюро ЛО ССА на одно специфическое побочное обстоятельство предполагаемого разбора моего дела.

Сама постановка вопроса об исключении из ССА в Ленинградском отделении является беспрецедентной (за 15 лет такого случая, насколько мне известно, не было). Причем запланировано обсуждение этого вопроса на заседании бюро 19 апреля с.г., т. е. за пять дней до очередного отчетно-выборного собрания ЛО ССА, назначенного на 24 апреля.

Некоторая двусмысленность ситуации состоит в том, что руководство ЛО ССА намерено провести это обсуждение (и, по-видимому, решение) именно в своем **нынешнем** составе, определившемся на собрании Отделения 17 января 1983 г. Между тем члены бюро ЛО ССА, вероятно, помнят, что именно А. Алексеев был тем самым членом ССА, который на собрании 1983 г. публично обратил внимание на его [собрания. — А. А.] неправомочность (в выборах нынешнего бюро тогда принимала участие едва треть всего состава организации).

Этот проблемный вопрос в свое время был поднят мною в письме на имя секретаря Ленинградского ОК КПСС тов. Захарова от 28.01.83. Не найдя поначалу поддержки в отделе науки ОК КПСС, я тогда обратился с письмом в отдел науки ЦК КПСС (от 29.03.83) и в общей постановке вопроса был поддержан.

³⁹ См ранее, в главе 9: раздел «Высокий партийный суд»

Тем не менее, нынешнее руководство ЛО ССА продолжало осуществлять свои функции, за 2 года так и не озаботившись тем, чтобы провести повторное собрание — для подтверждения своего «мандата» от действительного большинства членов Ленинградского отделения ССА.

Строго говоря, нынешний состав бюро ЛО ССА, не будучи «законно» избран на отчетно-выборном собрании, **неправомочен** решать вопрос об исключении члена ассоциации из ее рядов.

Избежать еще и этого нарушения норм демократического централизма (не говоря уж об отмеченной двусмысленности ситуации) нетрудно, отодвинув предполагаемое обсуждение всего на несколько дней и предоставив решение персонального вопроса новому составу бюро Отделения, который будет избран в апреле 1985 г. на отчетно-выборном собрании, где, надеюсь, казус 1983 г. не повторится.⁴⁰

(Сказанным я, конечно, не хочу бросить тень или поставить под сомнение авторитет конкретных лиц, входящих в нынешний состав бюро.)

Это последнее соображение, разумеется, является частным, по сравнению со сказанным мною выше — насчет занятой нынешним руководством ЛО ССА далеко не принципиальной, уклончивой позиции. Но и оно заслуживает учета при подготовке разбора моего дела руководящим органом Отделения ССА.

А. Алексеев, 7.04.85

[Читая этот текст, можно подумать, что социолог-испытатель «знает» судьбу, которая постигнет тогдашнее руководство ЛО ССА два года спустя, когда оно будет «сметено» — «волной» перестройки (март 1987). Но нет, не знал... — А. А.]

10.13.2. Монологи на заседании бюро ЛО ССА

Из протокола ¹ 1 заседания бюро ЛО ССА (10 января 1986 г.)

Присутствовали: <...> *[Список присутствующих здесь не приводится, поскольку, как выяснилось позднее, не все указанные в протоколе лица действительно присутствовали на этом заседании. — А. А.]*

Повестка дня:

1) Итоги Пленума правления ССА «Октябрьский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС и задачи социологической науки в решении проблем ускорения социально-экономического развития советского общества» (д. ф. н., проф. Парыгин Б. Д.).

2) План мероприятий по реализации критических замечаний, высказанных на заседании Президиума ССА 11 октября 1985 г. (д. ф. н., проф. Парыгин Б. Д.).

⁴⁰ «Казус» — так повторился; см выше: раздел «Письма Любимым женщинам 1985» Подробнее об истории нелегитимных выборов руководства Ленинградского отделения ССА в первой половине 80-х гг и о действиях социолога-испытателя в этой связи см в: *Алексеев А. Н.* Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего) М : СПбФ ИС РАН, 1997, гл 8

3) Информация о работе социологической службы НПО «Уран» (рук. социологической службы Синов В.В.).

4) Обзор планов работы исследовательских секций на 1986 г. (Румянцева Г. А.).

5) Персональное дело члена ССА к.ф.н. Алексеева А. Н.

6) Прием в члены ССА.

* * *

<...> 5. Персональное дело.

Парыгин Б. Д. [*председатель бюро ЛО ССА. — А. А.*] Сегодня мы рассматриваем персональное дело члена ССА А.⁴¹ Докладит председатель комиссии Гревцов Ю.И.

Гревцов Ю. И. Зачитывает справку комиссии.

Парыгин Б. Д. Хотелось бы послушать членов комиссии.

Воронцов А. В. Когда я знакомился с делом в ОК КПСС, то у всех членов комиссии было единодушное мнение — исключить А. из членов ССА. Чего он добивается? Все его высказывания — с позиций антикоммунизма. К примеру, он приводит в дневниках высказывания Бжезинского и нет ни слова о социализме. Руководителей подразделений он называет генеральными марионетками. [*Интересно, что ни цитат из Бжезинского, ни выражения «генеральные марионетки» в «Письмах...» социолога-рабочего нет. — А. А.*] Он использовал данные социологического исследования, которое он проводил один, без экспертов, использовал данные с одной стороны — найти отрицательный ответ. Анкета — 45 экспертов — в формулировке «кризис» нашего общества, а также его выводы, основанные на этих 45 интервью — «общество утратило идеал и перспективы развития», «коррупция на всех уровнях», «рост бесхозяйственности».

Меня удивляет поток писем А. в свою защиту. Это в какой-то степени человек бессовестный, нам надо было пригласить корреспондента из «Ленинградской правды» и осветить его деятельность.

Федосеев А. А. А материалы исследований были представлены А. куда-либо? На Запад его материалы не попали?

Гревцов Ю. И. Нет, его материалы распределялись в кругу его друзей и сочувствующих. На Запад материалы его исследований не попали. Распространялись только среди знакомых разных городов.

Мирошниченко Н. С. Не знаю, что добавить. Все это верно. Я думал в начале работы комиссии, что какие-то материалы есть, а когда стали смотреть материалы, то увидели, что его никак нельзя понять. К нам в процессе работы подходили многие товарищи, которые говорили, что А. много сделано, у него много монографий, но никто нам ничего не дал в письменном виде. По материалам дела — у него 500 страниц, особенно дневник «Писем», материал не предназначался для работы, но все это распечатывалось и рассылалось. Подход действительно его тенденциозный.

⁴¹ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия

Тов. А. все это понял и свои ошибки признал в апелляции в партийные органы [? — А. А.]. Мне казалось, что на нашем бюро он что-то скажет в свое оправдание. Но этого не случилось.

Парыгин Б. Д. Кто желает еще высказаться?

Ельмеев В. Я. Мы слышим, что бывают такие выступления и за рубежом. Чем объяснить этот факт? Видимо, низким научным уровнем. Деятельность А. вредная тем, что он решил социологию использовать не для целей укрепления социалистического общества.

Лисовский В. Т. Ведь он не ребенок и должен знать, с каких позиций он выступает. А., видимо, извлек только плохое из общения с рабочим классом. Решение наше должно быть однозначным — исключить его из членов ССА. [*Комментарий см. ниже.* — А. А.]

Максимов Б. И. Я не член бюро. Хочу призвать членов бюро к повышенной внимательности ввиду уникальности рассматриваемого дела, незаурядности личности А. Им допущены серьезные ошибки. Вместе с тем ему присущи большие достоинства. Это человек чрезвычайной работоспособности, им опубликовано более 100 научных работ. Результаты, полученные А. во время работы на заводе и отраженные в научных отчетах, в большой статье для журнала «Системные исследования», имеют важное значение с точки зрения совершенствования хозяйственного механизма. При поступлении на завод А. руководило стремление глубже понять природу социально-экономических отношений в производственном коллективе, с целью разработки предложений по совершенствованию хозяйственного механизма. А. сознательно шел на ухудшение своего положения, связанного с проведением включенного наблюдения, надо отдать должное его гражданскому и научному мужеству. Выражаю мнение, что ошибки А. есть именно ошибки, но не злоумышленные действия. При сопоставлении их с заслугами А. можно ставить вопрос об оставлении его в составе ССА, при вынесении соответствующего взыскания.

Пашков А. С. [*директор НИИКСИ при ЛГУ.* — А. А.] Лично не знаю, но как юрист считаю, что есть основания для квалифицирования уголовного преступления. Что это — заблуждение или сознательный источник? Почему распространял письма антисоветского содержания? С ним поступили очень гуманно. Будучи специалистом, он злоупотреблял правами члена ССА. В ходе исследования мы можем получать разную информацию, вопрос в том, как к ней относиться.

Сигов И. И. [*директор ИСЭП АН СССР.* — А. А.] Пришлось некоторое время работать с А. Считаю, что комиссия проделала очень тщательную работу и все это верно отражено в справке комиссии. Основное в материалах А. — цинизм. Это человек, который действует не с позиции что-либо дать, а только критиковать. Комиссия объективно оценила его дело.

Парыгин Б. Д. Складывается ясная картина. Налицо факт политического цинизма и негативизма. Вывод ясен — сформулированный

комиссией. Я убедился в его наклонности к сепаратизму еще 10 лет назад. Прошу председателя комиссии зачитать проект постановления.⁴²

Гревцов Ю. И. [*зав. лабораторией НИИКСИ при ЛГУ. — А. А.*] Зачитывает проект постановления:

Заслушав и обсудив справку комиссии по рассмотрению персонального дела члена ССА, к.ф.н. Алексеева А. Н., бюро ЛО ССА **постановляет**:

— За серьезные нарушения принципов Устава Советской социологической ассоциации (ст. 4 и 15-в), этики советского ученого, выразившиеся в проведении политически не выдержанного, тенденциозного исследования, грубых нарушениях правил использования и хранения документов служебного характера, распространении среди знакомых материалов политически вредного характера, а также материалов, имеющих гриф «для служебного пользования» — исключить Алексеева А. Н. из членов Советской социологической ассоциации (в соответствии со ст. 16 и 17 Устава).

— Решение бюро направить на утверждение в Президиум правления ССА.

— Просить Президиум правления ССА опубликовать информацию о принятом решении в журнале «Социологические исследования».

Парыгин Б. Д. Голосуем за формулировку предложенного комиссией проекта.

Постановили: Исключить Алексеева А. Н. из членов ССА с предложенной комиссией формулировкой.

Председатель бюро, д. ф. н., проф. Б. Д. Парыгин

Ученый секретарь Г. А. Румянцева

Ремарка: «Пусть уж будет все как было...» (Владимир Лисовский).

Не далее, как сегодня (31.10.2000), на защите докторской диссертации А. В. Тихонова, на Ученом совете социологического факультета Санкт-Петербургского университета, я встретил одного из своих тогдашних оппонентов — докт. филос. наук, профессора факультета социологии СПбГУ, главного научного сотрудника НИИКСИ СПбГУ — Владимира Тимофеевича Лисовского.

В. Л. сам завел речь об этом эпизоде 15-летней давности. Он сказал, что глубоко сожалеет о случившемся и приносит мне извинения.

Я эти извинения принял, а потом заметил, что поставлен нашим разговором в затруднение: в мою книгу уже включен протокол того самого заседания, где... и т. д. Следует ли мне теперь сделать кутюру в публикации документа или...

Владимир Лисовский сказал, что кутюру делать не надо, и разрешил мне обнародовать его извинения. (Октябрь 2000).

10.13.3. «Полностью отсутствует позитивный опыт...»

Ремарка: из опыта профессиональных экспертиз.

...Этот профессиональный отзыв возник в итоге своего рода «провокации» социолога-испытателя.

*В ту пору всякая обществоведческая работа могла быть опубликована лишь при условии прохождения ею специальной экспертизы — на предмет установ-*⁴²

Б. Д. Парыгин тогда — зав. сектором Института социально-экономических проблем АН СССР, ныне — профессор Гуманитарного университета профсоюзов

ления, что в работе не содержатся сведения, запрещенные к публикации соответствующими ведомственными инструкциями, «и другие сведения, открытое опубликование которых может принести вред Советскому государству» (цитирую стандартную формулу актов экспертизы того времени).

Такая экспертиза обычно производилась по месту работы авторов. Готовившаяся социологом-рабочим статья об исследовании производственной жизни изнутри, «глазами рабочего» («Человек в системе реальных производственных отношений») была, после долгих обсуждений в заводской экспертной комиссии (обычно имеющей дело лишь с научно-техническими текстами), сочтена неприемлемой к опубликованию.

Это произошло в июле 1984 г. — вскоре после исключения из КПСС.

Тогда социолог-испытатель выстроил своего рода моделирующую ситуацию: стал последовательно представлять в экспертную комиссию завода, одну за другой, свои уже опубликованные работы, будто бы требующие экспертизы.

(Понятно, что о факте их ранее состоявшейся публикации в комиссию не сообщалось.)

Но, поскольку представляемые тексты были заведомо вне компетенции научно-технических экспертов (например: «Искусство и образ жизни»), заводская комиссия «взвыла»...

В частности, ознакомившись с рукописью статьи «Развитие общественной активности трудящихся: проблемы и противоречия», председатель экспертной комиссии, начальник ОКБ завода, докт. техн. наук, проф. Г. С. Ериов (ныне покойный) предложил автору — в официальном ответе — «обратиться в организацию, компетентную в социологических вопросах».

Здесь заметим, что тогда профессионально-идеологический контроль за деятельностью социологов на местах возлагался на так называемые «районные социологические службы», развертыванием которых занимались, в соответствии с партийными указаниями, бюро Северо-Западного отделения ССА и «головной» (в Ленинграде) социально-экономический институт (см. ранее, в главе 9: раздел «ИСЭП-1984...»).

Ладно. Пусть будет компетентная...

Рукопись статьи, опубликованной в сборнике, вышедшем в 1982 в г. Иваново (а в более раннем варианте — еще в 1981 г., в Москве), в соавторстве с А. К. Назимовой (что на рукописи намеренно обозначено не было), попала в руки тогдашнего председателя социологической службы Петроградского района, докт. филос. наук, проф. Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова-Ленина И. П. Яковлева.

Ниже — текст профессионального отзыва, данного И. Я. в феврале 1986 г., т. е. месяц спустя после описанного выше заседания бюро ЛО ССА. (Ноябрь 2000).

Отзыв на работу А. Алексева «Развитие общественной активности трудящихся: проблемы и перспективы» (февраль 1986)

Статья <...> посвящена важной проблеме повышения путей общественной активности трудящихся. Представляет интерес выявление позитивной ориентации большинства рабочих на участие в решении важнейших

вопросов производственной жизни. В то же время обращает на себя внимание то, что ориентация на участие в общественной работе выражена значительно слабее (с. 8).

Автор на основе данных опроса сравнивает два отряда рабочих: [рабочих. — А. А.] машиностроения и легкой промышленности, устанавливая более высокий уровень общественной активности у первых по сравнению со вторыми (с. 9). Вместе с тем, рабочие легкой промышленности более позитивно оценивают эффективность общественной работы (с. 11). Представляет интерес противоречие между сознанием и реальным поведением трудящихся и др. (с. 13).

Однако в целом статья носит очень общий характер. В ней не сформулированы практические рекомендации. Эмпирические данные касаются ситуации десятилетней давности. Они выделены из массива социологических данных исследовательского проекта «Человек и его работа. 1976», осуществленного под руководством д. ф. н. Ядова В. А. В шкале показателей отрицательные позиции поставлены на первый план, хотя методически правильнее их поставить в конце.

[Интересная оговорка: действительно, методически правильно — избегать постановки отрицательных позиций в начало списка «подсказок», т. е. возможных ответов на вопрос анкеты; но И. Я. предпочел бы, чтобы и в анализе результатов отрицательные позиции отодвигались в «тень». — А. А.]

Научная литература, привлекаемая автором, относится к 70-м годам. В статье не нашли отражения последние партийные документы, что отрывает ее содержание от конкретной социальной практики [! — А. А.]. Полностью отсутствует в статье позитивный опыт предприятия, работником которого является автор статьи.

[Читай так: уж если ты работаешь на предприятии, то отражай опыт этого предприятия, причем — позитивный опыт. Эх, не пришлось И. Я. рецензировать «Письма...» социолога-рабочего! Ср.: другую профессиональную рецензию, канд. филос. наук В. Г. Коमारов, выше (в разделе «Союз журналистов очищает свои ряды»). — А. А.]

Все это приводит к выводу, что статья А. Н. Алексеева нуждается в существенной доработке.

[Читай так: публиковать — не следует! — А. А.]

Председатель районной социологической службы, д. ф. н., проф. И. П. Яковлев, 28.02.86

Ремарка: устаревшая статья.

...А ведь и впрямь, как отмечает Игорь Петрович, к 1986 году статья, опубликованная в начале 80-х по материалам опроса середины 70-х, успела несколько «устареть»!

Вообще, рецензия сделана профессионально...

И. П. Яковлев — впоследствии сопредседатель Санкт-Петербургской ассоциации социологов, ныне — зав. кафедрой общей социологии социологического факультета Санкт-Петербургского университета. (Ноябрь 2000).

10.14. «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки»

10.14.1. «Человеческий фактор» перемен: за и против. «Экспериментальная» ситуация противодействия переменам

[Последующие обращения социолога-испытателя в высшие партийные инстанции (1986–1987) постепенно переросли в «проблемные записки», где критическая постановка общих вопросов партийной и общественной жизни превалирует, а иногда и вытесняет тему личной «партийной судьбы».

Ниже — письмо М. С. Горбачеву (март 1986). Публикуется с небольшими сокращениями. — А. А.]

**А. Алексеев — Генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву
(март 1986)**

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Ждал Вашего доклада на Съезде КПСС, чтобы окончательно решить для себя вопрос о целесообразности обращения к Вам с этим письмом. Вижу, что не только целесообразно, но и должен это сделать. <...>

Вкратце

Автор приветствует доклад М. С. Горбачева на XXVII съезде КПСС как «отвечающий чаяниям массы советских людей — таким чаяниям, которые до недавнего времени не было принято высказывать вслух, по крайней мере — во всеулышание».

Приводит в качестве примера попытку разработки опросной методики «Ожидаете ли Вы перемен?», которая, «оказавшись неудачной», может служить примером того «предошущения перемен», которое «давало импульс этой работе», и т. д.

«...Теперь читаю Политический доклад ЦК КПСС — как ответ коллективного разума партии на эти давно волновавшие меня (и, конечно же, не только меня) вопросы...».

<...> Но остается серьезная опасность сопротивления начавшимся переменам. Ведь в них не заинтересованы не только подпольные миллионеры или закоренелые алкаши. Существенно важно правильно оценить, **кто, каким образом и в какой мере** может оказать, да, по существу, уже и оказывает им противодействие. Тут каждому следует задуматься, **что** он лично может сделать, чем способствовать предстоящей очистительной и мобилизующей работе. Думаю, что могу быть полезен и я.

Противодействовать современным переменам в экономической, социальной, политической жизни можно, одобряя на словах новые партийные установки. Носителей такого **приспосабливающегося противодействия** будет, насколько я могу судить, относительно немного среди рядовых тружеников (рабочих, крестьян, народной интеллигенции), зато не так уж

мало на разных, в том числе средних и низших уровнях хозяйственного, ведомственного, государственного управления и партийного руководства.

Бюрократизм, показуха, безответственность, личные амбиции мелких и крупных начальников, разнообразные формы ущемления творческой инициативы, привычка к администрированию, с одной стороны, и к бездумному исполнению, с другой, демагогически искусственное «разгильдяйство» и «прохиндейство» — все это явления, успевшие пустить глубокие корни. Выкорчевывание этих корней — в известном смысле потруднее осуществляемого ныне обновления кадров на высших руководящих постах или разоблачения очевидных перерожденцев. Это — работа не на месяцы, а на годы.

Разумеется, Генеральному секретарю эта опасность видна. Но чтобы успешно преодолеть сопротивление накопленной инерции, не существующей иначе, как во взглядах и поступках конкретных людей, необходимо исчерпывающее, достоверное знание о ее, этой инерции, источниках, формах и силе. Свою скромную лепту в это знание хотел бы внести и я, полагая, что всякий личный, а тем более профессионально-исследовательский опыт здесь может быть полезен.

<...> Трудно сказать, какая из профессий является ныне для меня основной. Я — социолог (кандидат философских наук, имею ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «прикладная социология») и одновременно рабочий (слесарь механосборочных работ Ленинградского завода полиграфических машин). Шесть лет назад (в 1980 г.) мною было начато экспериментальное социологическое исследование социальных и социально-психологических предпосылок повышения трудовой и общественной активности работника на производстве. В соответствии с исследовательским замыслом я при этом сам стал рабочим.

Мой научно-практический эксперимент, исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», начался при поддержке ленинградских партийных органов, был частью плана НИР Института социально-экономических проблем АН СССР. Основными объектами изучения при этом были «инновационные» процессы — внедрение новой техники и технологии и развитие бригадной формы организации и стимулирования труда. В тот и другой социальные процессы я был непосредственно включен, будучи наладчиком нового, в ту пору уникального на заводе оборудования, а затем и членом комплексной бригады, работающей на единый наряд.

Экспериментальный характер проводимого исследования и моя личная убежденность в необходимости ряда существенных перемен диктовали мне достаточно нестандартную линию поведения, нарушающую многие сложившиеся стереотипы. В качестве рабочего я энергично лично вмешивался в процессы, которые изучал как социолог, и одновременно искал новые формы их научного отображения и социологического осмысления.

Со временем мои индивидуальные усилия преодолеть «известную отдаленность» нашей общественной науки от запросов жизни стали раздражать определенную категорию людей из кругов научного, хозяйственного, партийного руководства. Потом оно показалось им «угрозой». Кто-то был, возможно, искривлен, а кто-то преследовал и свою корыстную цель. Во всяком случае многое было сделано, чтобы скомпрометировать мои действия, жизненные и исследовательские шаги, и это отчасти удалось.

Особенность моего случая в том, что мне были предъявлены политические обвинения. В 1984 году я был исключен из партии, далее — из некоторых профессиональных общественных организаций (Союз журналистов СССР, Советская социологическая ассоциация), чему предшествовали, с моей точки зрения, сомнительные действия правоохранительных органов (1983 г.).

Некоторые обвинения со временем отпали, не получив подтверждения, некоторые же, являющиеся результатом предвзятого истолкования ряда моих исследовательских шагов, удержались вплоть до рассмотрения в высших партийных инстанциях.

Я опровергал политические обвинения, не оспаривая нескольких действительно совершенных профессиональных ошибок. Однако реабилитации добиться пока не удалось.

В какой-то момент я понял, что силою обстоятельств (среди которых и моя роль, пожалуй, не пассивна) рамки эксперимента социолога-рабочего расширились. «Экспериментальной» стала сама ситуация противодействия тем попыткам откровенного, реалистического анализа, критической постановки общественных вопросов, которые мною предпринимались и в качестве рабочего, и в качестве ученого, и в качестве журналиста.

В настоящем письме не место пересказывать все подробности и даже основные результаты этого социального эксперимента, поставленного «на самом себе». Это сделано в отдельной записке, условно названной мною «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки». Она обобщает результаты разработки научного направления, в рамках которого оказалось возможным проанализировать переплетение технологических, экономических и социальных проблем производства с позиций рабочего, участвующего во внедрении новой техники и бригадного подряда. Она, далее, позволяет на примере моей личной судьбы, как ученого и коммуниста, увидеть позиции отдельных представителей разных общественных групп по отношению к попыткам изменить ситуацию, сложившуюся на производстве и в общественной науке. Эта записка, как мне кажется, может служить **наглядной иллюстрацией** того, какие силы и в каких формах могут и, наверняка, еще будут противодействовать переменам и «укрощать» тех людей, которые готовы их осуществлять не на словах, а на деле.

Упомянутую записку я хотел бы представить в ЦК КПСС и готов сделать это по первому требованию. (Мне не хотелось бы передавать ее в местные партийные органы, поскольку критический анализ в ней во многом затрагивает отдельных работников ОК КПСС.)

В заключение несколько слов о своей личной партийной судьбе. Я считаю, что в отношении меня допущена ошибка, которая в конце концов, как я верю, будет исправлена. XXVII съезду КПСС отправлено мое письмо с просьбой о пересмотре решения об исключении меня из рядов КПСС. Цель настоящего письма — другая. Я считаю, что проделанная мною работа представляет общественный интерес, и хочу, чтобы ее результаты послужили тому благотворному процессу, который начался в партии и в стране.

С уважением

А. Н. Алексеев, 2.03.86

10.14.2. Перемен не надо ждать. Их надо делать!

[Ниже — два фрагмента (вступление и заключение) инициативной аналитической записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (1986).

Отдельные разделы этой записки цитировались выше, по ходу описания «дела» социолога-рабочего.

Записка была передана в партийные органы лишь несколько месяцев спустя. — А. А.]

Из записки для ЦК КПСС (апрель 1986)

<...> Одним из узловых вопросов современной перестройки экономической, социальной, политической жизни общества является вопрос о содержании и формах действия человеческого фактора общественных перемен.

Важно разобраться, кто действительно желает сегодня перемен, так или иначе способствует им, а кто способен только мешать оздоровлению общественной атмосферы, вовсе не будучи заинтересован в таком оздоровлении, но, разумеется, приспособившись к новой ситуации. Какая жизненная позиция действительно отвечает требованиям того исторического периода, в который вступило наше общество. Наконец, как именно предстоит интенсифицироваться человеческому фактору, каковы пути его оптимальной организации и эффективной реализации личностного потенциала.

Я буду говорить об этом не вообще, а на собственном жизненном примере, являющемся, как мне кажется, и уникальным, и типичным одновременно. Моя профессия — социолог. И эта записка может рассматриваться как своего рода отчет о социологическом эксперименте, поставленном «на самом себе». В чем состоит эксперимент, как он начинался и какое продолжение получил — будет видно из последующего изложения.

Записка обильно документирована (Приложения: 0; А.1–12; Б.1–36; В.1–2). Собственное содержание прилагаемых документов, как правило, пересказываться здесь не будет. В известном смысле сама записка оказывается комментарием или «путеводителем» по этим документам. Поэтому знакомиться с соответствующими приложениями целесообразно по ходу чтения настоящей записки.

Следует оговорить, что основной текст составлялся в январе-феврале 1986 г., т. е. до открытия XXVII съезда КПСС.

Предложение представить эту записку в центральные партийные органы содержится в моем обращении к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, от 2.03.86. <...>

* * * <...> **Перемен не надо ждать,**

перемены надо делать. Таким видится главный общественно-политический урок из моего личного опыта социологического экспериментирования, не сводимого к отдельно взятой производственной сфере.

Вопреки обывательскому «здоровому смыслу» я вовсе не считаю этот опыт отрицательным.

А. Алексеев, январь-апрель 1986 г.

Ремарка 1: эскиз для «Драматической социологии».

Инициативная аналитическая записка для ЦК КПСС, под указанным названием, объемом около 2 печ. листов, имела следующую структуру:

1. «Ожидаете ли Вы перемен?»
2. Социолог-рабочий
3. Начало противодействия
4. Работа правоохранительных органов
5. Партийное дело
6. Реакции общественных организаций
7. Из наблюдений социолога-рабочего последнего времени
8. Надо ли беречь «неудобных»?

К записке прилагалась композиция из 50 документов, относящихся к эксперименту и к «делу» социолога-рабочего.

В сущности, эта работа 1986 г. была первым наброском настоящей книги. (Сентябрь 1999 — октябрь 2000).

Ремарка 2: «данное» или «наше» общество?

Среди 50 документов, прилагавшихся к упомянутой аналитической записке для ЦК КПСС, был и такой: «Вопросы из пробного варианта социологического интервью “Ожидаете ли Вы перемен?” (составитель — А. Н. Алексеев, 1978 г.).»

Социолог-испытатель отмечает в своей записке:

«...Оригинал вопросника у меня к настоящему времени не сохранился. Однако в прошлом, 1985 году обстоятельства заставили напрячь память и восстановить по крайней мере ключевые вопросы...»

(Ну, это утверждалось — «на всякий случай»: одним из экземпляров вопросника автор тогда все же располагал.)

Интересно следующее обстоятельство: в оригинале вопросника фигурировало словосочетание «данное общество». («Исходя из Вашего опыта, с учетом Ваших жизненных наблюдений и размышлений, как бы Вы охарактеризовали общую тенденцию развития данного общества за последние 10–15 лет?» И т. д.). В тексте же, отправленном тогда в ЦК, автор написал: не «данное», а «наше общество».

Вряд ли это было aberrацией памяти... (Ноябрь 2000).

* * *

От автора — сегодня

Дальнейшее развитие «дела» социолога-рабочего существенно обусловлено эскалацией общественных перемен. Уже через несколько месяцев после вышеприведенного обращения к М. С. Горбачеву социолог-испытатель писал в своем заявлении в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС (август 1986):

«...Обвинения, выдвинутые в 1984 г., сегодня, после XXVII съезда КПСС, трещат по швам, настаивать на них остается лишь тем, кому неуютен ветер перемен и кого он, вероятно, вот-вот сметет... Вообще говоря, вопрос о моей партийности теперь уже не только моя личная проблема...».

Что было потом — выходит за хронологические рамки событий, описанных в этой книге.⁴³

Завершим эту главу краткой биографической справкой, отражающей взаимоотношения социолога-испытателя с коммунистической партией.

Автор этих строк вступил в КПСС в июне 1961 г. Был исключен из партии в апреле 1984 г. Восстановлен в партии, без перерыва в стаже, в апреле 1988 г. Добровольно вышел из рядов КПСС в июле 1990 г.

С тех пор и по сей день — беспартийный.

А. А., апрель 2001

* * *

«Чаша жизни» (стихотворение М. Ю. Лермонтова; 1831)

[Благодарю Ирину Владимировну Баландину, напомнившую мне об этих стихах Лермонтова, кстати сказать, написанных им в возрасте 17 лет. — А. А. 19.11.2000.]

1

Мы пьем из чаши бытия С
закрытыми очами. Златые
омочив края Своими же
слезами;

2

Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадет И все, что
обольщало нас, С завязкой
исчезает;

⁴³ Возможно, со временем удастся издать третий том, отражающий заключительную часть эксперимента социолога-рабочего. Предполагаемое название этого тома — «Полигон»

3

**Тогда мы видим, что пуста Была
златая чаша, Что ней напиток был
— мечта, И что она — не наша!**

(Цит. по: М. Ю. Лермонтов. Собр. соч. в трех томах. Том 1. М.: РИПОЛ, 1993, с. 142)

* * *

... Скорее по своему темпераменту и в силу приобретенного опыта, а отнюдь не из принципа я безразличен к тому, что не находится в моей власти. Не в первый раз я попадаю в положение, из которого не вижу выхода, но это было бы впервые, если бы я его не нашел. **Любозытие к тому, что будет дальше, вот главное, что я чувствую в таких случаях.** (Выделено мною. — А. А.) Я просто использую те средства, которые мне представляются лучшими, и спокойно жду результата...

*Из письма Фихте — Канту, 1791
(цит. по: А. Гулыга. Кант, М., ЖЗЛ, 1977, с. 223). (@)*

...Поход в Мордор кажется безрассудным. Так пусть безрассудство послужит нам маскировкой, пеленой, застилающей глаза Врагу. Ему не откажешь в лихой мудрости, он умеет предугадывать поступки противника, но его сжигает жажда всевластия, и лишь по себе он судит о других. Ему наверняка не придет в голову, что можно пренебречь властью над миром, и наше решение уничтожить Кольцо — поход в Мордор — собьет его с толку...

Д. Р. Толкиен («Властелин колец»). (@)

...Таких, которые делают свое дело, а оно оказывается полезным для всех, на этом свете пока мало. Зато тех, что делают свое дело, а оно приносит всем зло, — такими людьми мир забит... Если их всех мнить своими врагами, тогда по одну сторону останешься ты один-одинешенек, а по другую сторону они — все вместе. И они тебя одолеют... За какое бы дело ты ни брался, если не пойдешь к нему с любовью в душе, тебе его не одолеть. Раз ты решил, что этот человек твой враг, ты его возненавидел, а чтобы зло, им принесенное, обратить в добро, в этом ненависть тебе — не товарищ и не советчик. Оттого **ты и не должен в дурном человеке видеть врага.** (Выделено мною. — А. А.) Пусть он считает тебя врагом и бьется с тобой, пусть он гонитель, а ты гонимый, — тогда люди возьмут твою сторону. Ни врагом, ни другом дурного человека не считай. Ты должен видеть порчу, идущую от него, зло, им творимое, — и все. Вот эту порчу и это зло ты должен преследовать, чтобы превратить их в добро. Люди же увидят, что хорошее победило дурное, и станут подражать тебе, сами сделаются лучше, чем были, больше их станет, таких людей, и тогда дурным словам и мыслям все труднее будет находить себе поле...

Ч. Амирэджуби («Дата Туташхиа»). (@)

* * *

Продолжение следует...

...С незапамятных времен люди рассказывали друг другу какие-то истории. Задолго до того, как человечество научилось читать и писать и постепенно выработало алфавит, кто-то что-то кому-то рассказывал и кто-то кого-то слушал. И вскоре среди не знающих грамоты рассказчиков нашлись такие, кто рассказывал больше и лучше других и выдумывал правдоподобней. А иным удавалось искусно построить запруду мирному течению своего повествования, дабы оно разлилось и вышло из берегов, а потом направить его дальше разветвленными потоками, которые, не иссякая, внезапно обретают широкое русло и, устремляясь вперед, несут с собой множество обломков и мелочей — материал для бесчисленных отступлений и описаний. И так как первобытные рассказчики, которые не зависели ни от наличия, ни от отсутствия дневного света или светильников, могли с успехом вести свой рассказ в темноте, они быстро усвоили все выгоды полумрака и темноты, когда легче нагнетается ужас; их не пугали ни безводные пространства, ни ревущие водопады; но заметив усталость и невнимание аудитории, они прерывали рассказ обещанием «Продолжение следует...», и тогда обнаруживалось немало слушателей, которые оказывались способными, хоть и не столь неумоимо, продолжить рассказ (выделено мною. — А. А.)...

Гюнтер Грасс. Из Нобелевской лекции. 1999. (Цит. по: Г. Грасс. «Продолжение следует...» // Звезда, 2000, 13, с. 79)

Приложения к части 2 (главы 7–10)

П.7–10.1. Гражданская защита. 1984–1987

Из сценария телевизионной передачи «Интерпретация» (1988)

... — А иные голоса были?

—О да! Только до 1986 г. они были разрознены и приглушены. Но постепенно началась целая кампания гражданской защиты, в которой приняли участие и ученые, и журналисты, и рабочие. Как коммунисты, так и беспартийные. Из разных городов страны. Без этой товарищеской, гражданственной поддержки я бы, наверное, и до сих пор числился бы по разряду «отщепенцев».

—Тут, конечно, решающую роль сыграли общественные преобразования, ход исторического времени...

—И да, и нет. Не только время определяет человеческие поступки, но и человеческие поступки определяют время. Если бы я согласился с предъявленными обвинениями, вряд ли бы получил общественную поддержку. Сама эта поддержка явилась приметой времени, но также и фактором изменений, не только моей личной судьбы...

(«Интерпретация». Авт. и ведущий передачи — Сергей Дегтярев. 1988)

* * *

[Ниже — композиция из двух писем 1987 г., адресованных Р. И. Ленчовскому. — А. А.]

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (июнь–сентябрь 1987)

Дорогой Роман!

Мне захотелось написать Тебе тематическое письмо. Оно будет содержать обзор фактов и событий **гражданской защиты конкретного субъекта** (твой корреспондент), предпринятой в разное время, разными людьми, в разных формах, в период с 1984 г. по настоящее время.

Большинство этих фактов Тебе известно. Но, думаю, все же **не все**, и не в полном объеме. А я хотел бы, чтобы здесь не было пробелов.

Задам себе два ограничения. Я коснусь здесь фактов и событий защиты только **инициативной** и только **публичной**.

С учетом первого критерия, в настоящий обзор не войдут заявления, сделанные «поневоле» (в порядке ответа на вопросы, исходящие от официальных органов)¹. Согласно второму критерию, мой обзор не отразит шагов, которые сводятся к межличностным отношениям, т. е. таких, которые не претендовали на общественный резонанс или официальную реакцию.

Особенно последних за минувшие годы было очень много.

¹ Например, «объяснения» для Управления КГБ (См ранее, в главе 7: соответствующий раздел)

Так вот, факты **дружеской поддержки** здесь не обзираю. А только — акты **гражданской защиты** (инициативной и публичной, как было сказано).

Разумеется, мое определение «гражданской защиты» не является безусловно строгим, однозначным. Но не будем педантами!

Ты, вероятно, помнишь о скептической позиции, занятой мною по отношению к намерениям защитных действий в мою пользу — сразу после официального предостережения КГБ, исключения из партии и т. д. Запрета не накладывал, но и не «разрешал», когда меня спрашивали. Мало способствовала гражданственным проявлениям и общественная ситуация 1983–1984 годов.

Лишь в прошлом [1986-м. — А. А.] году я сообщил всем, кто ранее спрашивал моего согласия на те или иные формы защитных действий или гражданской поддержки, что «общественных или личных противопоказаний для таких шагов больше не вижу».

Итак, читай мой хронологически упорядоченный обзор:²

= В апреле 1984 г. решением партийного собрания цеха ¹ 3 «Ленполиграфмаша» А. исключен из партии, по обвинениям, носящим политический характер.

Голосование — не единогласное! Двое воздержавшихся: рабочие-бригадир, члены КПСС **И. Виноградов** и **А. Сыщевич**.

= В мае 1984 г. фрезеровщик «Ленполиграфмаша», член КПСС **Г. Богомолов**, будучи членом заводской партийной комиссии по персональному делу А., высказывает свое «особое мнение». После чего от участия в комиссии отстранен.

= В мае 1984 г. инженер отдела НОТ и управления «Ленполиграфмаша», социолог, беспартийный **Б. Максимов** обращается в партийный комитет завода с просьбой пригласить его на заседание парткома, где будет рассматриваться персональное дело А., для изложения своего мнения по обсуждаемому вопросу. (Ему в этом отказано.)

= В мае 1985 г. на цеховом партийном собрании утверждается характеристика на А., составленная для представления в Ленинградский обком КПСС. Есть один воздержавшийся: рабочий-бригадир **А. Сыщевич**.

= В сентябре 1985 г. в журнале «Знание-сила» (1985, ¹ 9) опубликована статья «Случай на заводе», в которой дается высокая оценка «социологическому методу наблюдающего участия, разрабатываемому в Ленинграде». Автор статьи — ленинградский социолог **А. Сарно**. Редактор социально-экономического отдела журнала — **И. Прусс**.

= В ноябре 1985 г. журнал «Юность» (1985, ¹ 11) перепечатал беседу журналиста М. Левина с ленинградскими социологами В. Ядовым, Н. Щербаковым и А. Алексеевым, ранее опубликованную в журнале «ЭКО» (1983, ¹ 8).

² Некоторые из нижеперечисленных актов гражданской защиты (в частности, 1984–1985 гг.) уже отражены в предшествующих главах

= В течение 1984–1986 гг. в ежегоднике Томского государственного университета «Социальные проблемы познания и управления» продолжали публиковаться работы А., при полной осведомленности ответственного редактора, социолога **Л. Гурьевой** в обстоятельствах «дела Алексеева».

= В 1984–1986 гг. выходили статьи А. в различных научных сборниках. Среди редакторов, публиковавших работы «опального социолога»:

А. Альтшуллер, О. Маслова, Б. Тукумцев, В. Дмитриевский, Б. Докторов, В. Жидков.

= В январе 1986 г. социолог **Б. Максимов** выступает на заседании бюро Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации с возражениями против предложения соответствующей комиссии об исключении А. из членов ССА.

= В мае 1986 г. новосибирский социолог, член КПСС **Р. Рывкина** обращается с письмом в Ленинградский ОК КПСС, где излагает свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В мае-июне 1986 г. сотрудником журнала «ЭКО» **Н. Максимовой** подготовлены к публикации производственные дневники социолога-рабочего (извлечение из так называемых «Писем Любимым женщинам»), с которыми ее познакомил **Р. Рывкина**.

В июле 1986 г. **Н. Максимова**, приехав в командировку в Ленинград, обращается в Ленинградский обком КПСС, где, в беседе с зав. организационным отделом ОК КПСС **Розиным**, высказывает свое мнение по вопросу о «деле Алексеева».

= В сентябре 1986 г. ленинградский социолог, член КПСС **А. Ющенко** выезжает в г. Москву с целью попасть на прием к председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС **М. Соломенцеву**. Был принят дежурным сотрудником в приемной ЦК КПСС, которому изложил свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В октябре 1986 г. социологи, участвовавшие в отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации в мае 1985 г., **Н. Белова, О. Божков, М. Илле, Л. Кесельман, Г. Са-ганенко, И. Травин, А. Ющенко** заявляют о своей готовности выступить в качестве свидетелей в Севастопольском районном народном суде г. Москвы, где рассматривался иск А. о защите чести и достоинства к секретариату ССА. Ими представлены соответствующие «свидетельские справки», которые суд приобщил к делу. Суд принимает решение в пользу истца.

= Осенью 1986 г. киевский социолог **Р. Ленчовский** обращается в редакции газет «Правда» (Д. Новолянский) и «Литературная газета» (Л. Гра-фова), с целью обратить их внимание на «дело Алексеева». Контакт с «ЛГ» потом получил продолжение.

= На пленуме Советской социологической ассоциации в ноябре 1986 г. московский социолог **А. Назимова** доводит до сведения присутствующих информацию о решении суда по иску А. к секретариату ССА и излагает свою позицию по вопросу о «деле Алексеева».

= На отчетно-выборной конференции Ленинградской организации Союза журналистов СССР в январе 1987 г. ленинградский журналист **Г. Зяблова** отправляет записку в президиум с предложением вернуться к вопросу о членстве А. в СЖ, из которого он был исключен в августе 1984 г.

= В январе 1987 г. киевский социолог **В. Хмелько** обращается с письмом в Центральную ревизионную комиссию Советской социологической ассоциации с письмом, в котором излагает свою точку зрения на «дело Алексеева». Аналогично — киевский социолог **В. Паниотто**. Аналогично — московский социолог **М. Борщевский**.

= В феврале 1987 г. ленинградский журналист **Т. Дурасова** отправляет в редакцию журнала «Огонек» письмо, имеющее целью привлечь внимание журнала к «делу Алексеева».

= В начале 1987 г. член Центральной ревизионной комиссии КПСС, 2-й секретарь Ленинградского обкома КПСС **А. Фатеев** проявляет интерес к аналитической записке А. для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки», от января-апреля 1986 г., ранее оставленной без внимания партийными органами. В мае 1987 г. он приезжает на завод, специально для того, чтобы вернуть записку, и подает А. совет еще раз обратиться в обком КПСС за пересмотром своего дела, несмотря на все предшествующие отклонения его апелляций (включая апелляцию съезду партии).

= На отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. социолог **А. Ющенко** выступает с изложением своей точки зрения по вопросу о «деле Алексеева». О своей позиции в данном вопросе публично заявляют там также социологи **Б. Максимов** и **П. Шелищ**. **А. Ющенко** предлагает кандидатуру А. в состав бюро Ленинградского отделения ССА. На этом отчетно-выборном собрании А. избран членом бюро ЛО ССА и делегатом на VI Всесоюзную отчетно-выборную конференцию ССА.

= На состоявшемся вслед за тем собрании ЛО ССА (март 1987), посвященном принятию окончательного текста решения предыдущего собрания, социологи **О. Божков**, **А. Вейхер**, **Б. Максимов**, **Г. Саганенко**, **И. Травин** в своих выступлениях настаивают на включении в резолюцию пункта об отмене январского (1986 г.) решения ЛО ССА об исключении А. из рядов ССА. (Такой пункт в резолюцию был внесен.)

= На VI Всесоюзной отчетно-выборной конференции Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. **Р. Ленчовский** зачитывает текст выступления А. (который сам приехать на конференцию не смог). Московские социологи **Н. Валентинова**, **Л. Гордон**, **Б. Ракитский**, **С. Чесноков**, а также **В. Хмелько** (Киев) в своих выступлениях публично заявляют о своей позиции по вопросу о «деле Алексеева». **В. Хмелько** предлагает его кандидатуру в состав Центральной ревизионной комиссии. (А. избран членом этого органа ССА.)

= В марте 1987 г. **Р. Ленчовский** встречается в Москве с корреспондентом «Литературной газеты» Л. Графовой и передает ей составленный им комплект из документов, освещающих «дело Алексеева».

= В апреле-мае 1987 г. корреспондент «Литературной газеты» **Л. Графова** приезжает в Ленинград в командировку и проводит серию бесед с разными людьми на ПО «Ленполиграфмаш» и в ИСЭП АН СССР по этому вопросу.³

= В апреле 1987 г. рабочие ПО «Ленполиграфмаш» **В. Земсков, Е. Рыжов** и **А. Сыцевич** представляют в Ленинградский городской народный суд «свидетельские справки», в которых излагают известное им по вопросу о трудовом споре А. с цеховой администрацией («дело о 10-минутном опоздании с обеда»). Редактор многотиражной газеты завода **Н. Харькова** представляет в Ленгорсуд справку о рабкоровской деятельности А. и характере реакций администрации на его критику.

= В апреле-мае 1987 г., по письму **Т. Дурасовой**, в Ленинград приезжает корреспондент журнала «Огонек» **В. Белецкая**. Она проводит ряд бесед на ПО «Ленполиграфмаш» и в партийных органах по вопросу о «деле Алексеева».

= На цеховом партийном собрании в мае 1987 г. рабочий ПО «Ленполиграфмаш», член КПСС **А. Сыцевич** голосует против проекта характеристики на Алексеева, предложенного партийным бюро.

= В мае 1987 г. тартуские социологи, члены КПСС **Р. Блюм, Е. Голиков, П. Вихалемм, М. Лауристин** обращаются с письмом к секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву, в котором излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В мае 1987 г. зам. главного редактора журнала «ЭКО» **В. Быков** обращается к А. с официальным предложением о подготовке серии статей для журнала.

= В июле 1987 г. редакция журнала «Знание-сила», в лице сотрудника журнала **И. Прусс**, обращается к А. с просьбой дать журналу интервью.

= В июле 1987 г. ленинградские социологи, члены КПСС — **А. Баранов, А. Вейхер, В. Вишаренко, Г. Галкина, В. Голофаст, Б. Докторов, Л. Кесельман, В. Костюшев, Т. Протасенко, А. Сарно, А. Седов, И. Травин, С. Файбушевич, П. Шелищ, А. Ющенко** обращаются в Ленинградский обком КПСС, где заявляют о своей позиции по вопросу о партийном деле А.

= В июле 1987 г. собкор газеты «Известия» в Ленинграде **А. Ежелев** предлагает А. выступить в этой газете с ответами на вопросы анкеты «Октябрь. Перестройка. Мы». Он же в августе 1987 г. инициативно выражает свою точку зрения по вопросу о «деле Алексеева» в беседах с различными официальными лицами.

= В августе 1987 г. редактор многотиражной газеты ПО «Ленполиграфмаш», член КПСС **Н. Харькова** публично заявляет о своем несогласии с проектом характеристики на А., подготовленным комиссией парткома объединения.

³ Очерк Лидии Ивановны Графовой, под названием «Преодоление пределов», был опубликован в «Литературной газете» 23 09 87

= В августе 1987 г. рабочие ПО «Ленполиграфмаш» **Бельмак, А. Брикач, М. Гуцин, В. Ильин, Р. Мартиросян** (член КПСС), **И. Михайлов, В. Николаев, В. Носов, Рыбаков, Е. Рыжов, С. Русинов, С. Самойлов** (член КПСС), **Стрельцов, А. Сычевич** (член КПСС), **А. Сергеев, А. Шапкин** обращаются в Ленинградский обком КПСС с письмом, в котором заявляют о своем несогласии с характеристикой на А., утвержденной на парткоме объединения.

= В августе 1987 г. киевские социологи, члены КПСС **В. Хмелько** и **Р. Ленчовский** обращаются в Ленинградский обком КПСС с письмом, где излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А. и настаивают на пересмотре его персонального дела. (Вспоминаю одну из «формул» этого письма: «Просим рассматривать выраженное выше как своего рода «свидетельские показания» Ленинградскому обкому партии, за правдивость которых мы несем партийную ответственность...».)

= В сентябре 1987 г. московские социологи и историки, члены КПСС **Л. Гордон, Э. Клопов, А. Назимова, Ю. Мархашов** обращаются с письмом к члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК А. Яковлеву, где излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А. и высказывают озабоченность его научной судьбой.

= В сентябре 1987 г. **В. Ядов** пишет для журнала «Огонек» отзыв на эксперимент социолога-рабочего, в котором дает работе А. высокую научную оценку.

= В августе московский историк **Ю. Мархашов** знакомит первого заместителя редактора журнала «Огонек» Л. Гущина с материалами, относящимися к делу А.

В сентябре 1987 г. специальный корреспондент журнала «Огонек» **А. Головков**, приехав в командировку в Ленинград, проводит серию бесед с разными людьми на ПО «Ленполиграфмаш», в ИСЭП АН СССР и в ленинградских партийных органах по вопросу о «деле Алексева».⁴

Вряд ли этот обзор является исчерпывающим. (Некоторые гражданственные шаги могли остаться мне неизвестными!)

Повторяю, здесь — факты и события **только гражданской защиты** (публичной, как было сказано), с апреля 1984 г. по настоящее время [сентябрь 1987 г. — А. А.]

Эта открытая защита вместе с дружеской поддержкой составляет тот ближайший контекст, в котором разворачивалась моя собственная **самооборона** (Тебе хорошо известная). Понятно, что эта последняя была опережающей — относительно гражданской защиты «со стороны». Однако она была вполне синхронной с дружеской поддержкой.⁵

Очерк Анатолия Эммануиловича Головкова на эту тему, под названием «мир погибнет, если я остановлюсь», был опубликован в журнале «Огонек» в мае 1988 г.,¹ 19

⁵ Как читатель мог заметить, освещение эксперимента социолога-рабочего («и вокруг него») в главе 10 обрывается на апреле 1986 г. Последующие события отражены в данной книге лишь обзорно. Подробнее см. в: *Алексеев А. Н.* Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего) М : СПбФ ИС РАН, 1997, части 7–10

В более широком (историческом) контексте, как мы знаем, чего только не было! Но это обозреть сейчас у меня нет возможности.

В отличие от своего обыкновения, пишу это письмо Тебе не от руки, а сразу печатаю на машинке. Чем отчасти демонстрирую его (письма) не сугубо личный, а общественный и, если угодно, **гражданский** характер.

Андрей Алексеев, июнь-сентябрь 1987

[В известном смысле, это — открытое письмо социолога-испытателя ко всем названным здесь, возможно, и другим лицам (об участии которых в гражданской защите я не располагаю точными сведениями). — А. А.]

П.7–10.2. Тюремные стихи, жизнь и личность Сергея Поршнякова

Несколько вступительных слов

Сергей Николаевич Поршняков (1889–1982) — участник революционного движения начала прошлого века, естествоиспытатель, краевед. Почетный гражданин г. Боровичи, Новгородской области. Его имя присвоено Боровичскому краеведческому музею.

Благодарю внука С. Н. Поршнякова — Юрия Анатольевича Щеголева за предоставленную возможность воспользоваться материалами из его семейного архива. (Декабрь 1999).

П.7–10.2.1. Стихи, писанные в «Крестах» в 1912–1914 гг. (с автокомментариями 50 лет спустя)

В редакцию журнала «Аврора» (1976)

<...> Направляю в журнал стихотворения и особенно интересные комментарии к ним Сергея Николаевича Поршнякова. Стихотворения писались в тюрьме «Кресты» и передавались товарищам по заключению по нелегальной почте или просто перестукиванием через стены...

Автор — марксист, осужденный за работу в нелегальной типографии. Адрес С. Н. Поршнякова: <...>.

В. Алексеева, март 1976

[Журнал «Аврора» тогда предложением В. Алексеевой не заинтересовался. Про рекомендателя (В. А.) ничего не известно.

Ниже — некоторые из стихотворений, написанных С. Поршняковым в 1910-х гг. и откомментированных им самим полвека спустя. — А. А.]

Вдоль рельс

Торопливо прощались, как братья и сестры.
Где-то вспыхнул и замер ликующий смех...
Были взгляды во мраке бездонны и остры, — И
бездонны и остры были думы у всех. Мы по
насыпи шли. Мы счастливо устали, Окрыленный
восторг друг от друга тая...

Уходили во мрак — и кроваво блистали
 Отшлифованной стали голубые края. Мы прощались с
 зарей. Мы клялись в постоянстве... По росистым
 опушкам расстился туман. Вот и город уснувший:
 тупое мещанство, Лицемерный, трусливый и
 бездушный обман, Скука, мелкая злоба, и сплетни и
 чванство... Нам не страшно болото. Мы идем в океан.
 Тюрьма «Кресты», 1912–1913

Примечание. Окрыленный восторгом, возвращался я по шпалам Боровичской железной дороги с первой (в жизни моей) нелегальной массовки, на которой мне пришлось быть и докладчиком, и лектором. Было такое дело в июне 1907 года. На лесной лужайке километрах в трех от станции, пройдя по паролю, мы с Федоровым (Ровенским) застали человек сорок «Вахтеровских» и других заводов рабочих, мелкого служилого городского люда, женщин и пр. Ярко выделялись среди нейтральных тонов одежды 12–15 белоснежных солдатских гимнастеров.

Тема моего неумело построенного доклада была: «От утопии к научной теории» (по Энгельсу). Но слушали все, затая дыхание, как «Слово Революции». До Боровичей пятый год докатился в малой мере и с запозданием года на два. Зато и «отлив» этой волны задерживался. Отпали только от рядовых людей гегемонствовавшие лидеры эсеровской масти.

Так возвращались мы с Федоровым (Ровенским) «вдоль рельс» — «по насыпи», поздней вечерней зарей. Строчили планы дальнейших действий, коим и суждено было осуществиться в последующие годы с некоторым превышением. С. П.

[Стихотворение «Вдоль рельс» (1912–1913) было опубликовано в связи с 100-летием со дня рождения С.Н.Поринякова в боровичской городской газете «Красная искра» (8.02.89). — А. А.]

Бодрствующим

Путь продолжайте вперед к лучезарному новому городу!
 Мрак и туман не страшат Вас, упорных и твердых душой.
 Компас бесстрастных не знает ни мрака, ни бури, ни холода,
 Страшна болотная зыбь. Точно в сказочных снах — сновидениях,
 В мертвом зловонье рождаются, колыхаются, бродят огни.
 Отсветы города тонут в болотных гнилых испарениях,
 Едкий туман нагоняет счастливые пьяные сны.
 Сны золотыми обманами в душу усталую просятся,
 Клонят усталую грудь на пушистый ковер моховой.
 С криком зловещим сова над трясиною зыбкою носится...
 Многие пали. Другие назад возвратились толпой.
 — Вы, не упавшие духом пред властною силой гниения,
 Дерзкими рвите огнями царящую мглу и туман.
 Будет гроза. По тропе вашей скорбной могучим течением
 К стенам великого города новый пойдет ураган.
 1909

Примечание. Стихотворение «Бодрствующим» я написал, помнится, в конце осени 1909 года [т. е. еще до ареста и заключения в «Крестах». — А. А.]. А. В. Федоров (Ровенский) пустил его по рукам, продвинул в редакцию регулярно конфискуемого по выходе журнала «Металлист», переименованного в «Наш путь» (изд. в Петербурге профсоюзом металлистов), и было оно помещено в первом новогоднем номере этого журнала с псевдонимной подписью «С. Кошечный».

Заголовок изменили. Поставили «Новогоднее» или «На новый год», ибо к «Бодрствующим» прокуратура приставила бы «с 1905 года» и применила бы тяжелую статью. <...> С. П.

*[Все нижеследующие стихотворения С. Н. Поршнякова публикуются впервые.
— А. А.]*

Бумага

Я мечтал увидеть солнце, многоцветные алмазы,
 Что рассыпаны по снегу в блеске солнечного дня.
 Свод лазурный, под которым снег так бел, что больно глазу.
 Пролететь на скользких лыжах через реки и поля;
 Отдохнуть у старой ели в тишине седого бора
 (Там пугливый белый заяц хитрых петель набросал).
 И опять умчаться дальше — через реки, через горы.
 На морозе жгучем, ярком я бы долго не устал.
 Жил бы я зарей румяной, шел бы ночью тихой, звездной,
 Одинокий, смелый, вольный, позабыл бы про ночлег.
 Хорошо лететь стрелою в чистом воздухе морозном
 И певучей длинной лыжей резать плотный, звонкий снег!
 С нетерпеньем и тревогой постучал бы под окном...
 Ты лети, моя бумага, по палатам скучным, нудным:
 Пусть раскроет мне ворота наш огромный мертвый дом.
 Мне бумагу показали и сказали: — Распишитесь!
 Я прочел ее с усмешкой, расписался: «Поршняков»...
 Эх, наивные мечтанья, расточайтесь и крушитесь
 Под казенный мертвый шелест пыльных, чинных, важных слов!..
 — Недостаточны причины и... значительны улики...
 Желто-серый и безликий подписался «секретарь».
 Сожаленья, страхи, думы — бесполезны, глупы, дики,
 Что со мною дальше будет, знают только бог и царь.
 — Что судьба, боюсь тебя я? Врешь, шалишь, не запугаешь!
 Стронись, стоптать недолго расскакавшимся конем!... На
 стене у самой крыши луч полуденный играет, Ключья дыма
 золотого рвутся в небе голубом.
 Сквозь рифленое оконце золотое блещет солнце, И сквозь
 дым смеется звонко в свете ярком, молодым. Как на празднике
 разгульном с звоном сыплются червонцы, Так смеется над
 судьбою сердце в блеске золотом.

Дом предварит. заключения, 1912

Примечание 1. Термин «рифленое стекло» заимствован из печатной описи казенного имущества, находившегося в камере. Выписка из таблицы, висевшей на стене. Это стекло полупрозрачное с волнистой поверхностью.

Примечание 2. Приходившие на пяти- или десятиминутные свидания родители уговорили меня хлопотать о временном освобождении до суда по болезни. (Летом у меня было острое заболевание глазодвигательного нерва) Адресованная мною в «СПб судебную палату» бумага вернулась ко мне, конечно, с отказом, мотивированным «недостаточностью причин» для такого ходатайства и «значительностью улик» против меня. В прочтении этой резолюции мне пришлось расписаться.

Но при содействии тюремного врача я был переведен из темной, мозголой 65-й камеры в 221-ю, на пятый этаж. Шире показалось небо за не открывающимся откидным окном. В нарушение устава (с небольшим риском) возможно стало наблюдать урывками «гуляющих» в ящиках-отсеках на дворе заключенных-одиночников. Замечательнее всего было то, что в камере надо мною оказался «старый» студент-естественник, большевик Александр Михайлович Игнатъев, в дальнейшем мой близкий друг (позже известный изобретатель самооттачивающегося лезвия). Звонкая вертикальная труба водяного отопления стала для нас как бы телеграфным проводом при перестукивании. С.П.

Обвал. Посвящается товарищу Романенко

Чище воздух. Шире дали.
 Кружит голову простор.
 Наконец, и мы узнали
 Радость скал, уступов гор.
 Радость бодрого подъема,
 Радость свищущих ветров.
 Дальним странам незнакомо
 Это счастье. Там покров
 Серых сумерек без света
 Создал ноющих калек:
 Там за мелкую монету
 Разменялся человек.
 Цепки, стойки и проворны,
 Перейдя гремящий вал,
 Мы опять змеею черной
 Обовьем громаду скал...
 Выше, выше! Мы — как боги,
 К светлой радости своей.
 Мы сегодня на пороге,
 На заре желанных дней.
 В нашем сердце яркий пламень.
 Вдруг обвал!
 Пошатнулся серый камень,
 С белых гребней дальних скал
 Обезумевшую птицей
 Нам навстречу смерть стремится.
 Смерть идет —
 С воем, грохотом и стоном,
 Погребальным страшным звоном
 Сердце рвет.
 И, прощаясь с ясным днем,
 Стонет сердце: — Неужели
 Мы в преддверьи жданной цели
 Здесь умрем?
Кресты, лето 1912

Примечание 1. Именно об этом слышалась страшная тоска в письмах Романенко.

Примечание 2. Активное участие мое в деле с типографией осталось на суде не доказанным, в силу чего приговорен я был не к ссылке на поселение, а к трем годам «заключения в крепости», фактически же переведен в середине мая 1912 года из «предварилочки» в одиночную камеру «Крестов». Здесь дышалось много легче, ибо изоляция прекрасно нарушалась нелегальной «почтой» через уголовников-служителей, разносивших по камерам еду, наводивших чистоту на «галереях» (заменявших коридоры). При строгом запрете всяких свежих периодических изданий, один из надзирателей по фамилии Прожорин, славный человек, доставлял нам регулярно недавно начавшуюся издаваться газету «Правда», переходившую из камеры в камеру (за что и пострадал потом жестоко, когда начальству удалось как-то раскрыть его секрет).

Летом 1912 года основным контингентом политических подсудимых были матросы-балтфлотцы, привлеченные по делу о подготовке вооруженного восстания на ряде линейных кораблей и крейсеров — «Петропавловск», «Павел I», «Двина», «Андрей Первозванный» и др. Процесс был массовый. Выдавал всех некий эсер, военно-морской фельдшер, как видно, кадровый провокатор. Матросы тяжело переживали свое довременное поражение, были наивны, поддавались на хитрости следователей при допросах. Приходилось в переписке бодрить, консультировать по части тактики на допросах.

Чахоточный матрос, украинец Романенко, получив четыре года каторги, писал с горечью:

— Осталось мне сидеть недолго:
Пройдет четыре раза Волга... С. П.

Белая ночь

Дремлет город в мягкой тени.
Воздух свеж, прозрачен, чист.
Чахлы бледные сирени, Четко
виден каждый лист. Точно звезды
чисты, ясны Пароходов огоньки,
Изумрудны, желты, красны В серых
сумерках реки. ...Вот кружа меж
темных окон Над кустами ниже
крыш Вдруг мелькнет тревожно,
боком, В трех шагах летучья мышь.
Проплывет — и в миг растает В
серых каменных стенах: Что-то
знает и скрывает, Чтоб поведать в
вещих снах Тем, кто месяцы и годы
Дышит пылью серых стен, Кто
клянет немые своды Сталь
решеток, мглу и плен... А листва
чуть слышно дышит: Пряный,
свежий аромат Льется в окна...
Призрак мыши Вдруг упал изломом
в сад, И опять, опять сплетает
Черной сетью облака, С тихим
звоном пролетает... Ночь тиха и
глубока. Город дремлет в мягкой
тени. Там, за каменной стеной
Чахнут бледные сирени, Грезят
сказкой неземной.

Кресты, июнь 1912

Примечание. Неумелое (и подчас абсолютно бесталанное) стихотворчество было среди одиночников — политических заключенных чем-то вроде эпидемии. Редко кто не писал стихов. С тоски почти у каждого «пела душа». Мастерски писал стихи только самоучка — железнодорожник, телеграфист Константин Фадеевич Матрин (осиливший в тюрьме и иностранные языки, переводивший английских и немецких поэтов, находясь в Крестах).

Охваченный жаждой слагать стихи и ошибочно думая, что классика устарела почти так же, как машина Уатта «Ракета», я углубился в изучение современной поэзии, ища в ней «последнего слова техники», излияния души и воздействия на современников. Если кое-что положительное дал мне Верхарн, читанный в подлиннике, так Брюсов, а в особенности Блок и Бальмонт в какой-то мере внушили мне, что «если ты поэт и хочешь быть мозучим, хочешь быть бессмертным в памяти людей», углубляйся в глубокие ходы лабиринта своей души, ройся в ней, откапывай желания... Казалось подчас, что выразительнее, сильнее можно высказать что-либо, перевоплощаясь, влезая по-брюсовски в чужую шкуру суеверного человека-дикаря, в сказочный мир или в капризный мир своих «настроений». (Это не мешало мне писать резко и грубо пародии на этих поэтов-модернистов.)

Из окна моей 505-й камеры виделось огромное крыло 2-го корпуса «Крестов», прогалок с Невой, за тюремной стеной, и дом тюремной администрации с чахлыми кустами сирени, верхинки которых едва выглядывали из-за высокой кирпичной ограда и никакого аромата в наши камеры, конечно, не лили. Однажды замелькала перед окнами летучая мышь, которой мне и вздумалось вернуть некоторые демонические качества, присваивавшиеся ей в средневековье. С. П.

Ночью. Посвящается К. Ф. Матрину

Темной тропой дремучего леса Шел я один
под ветвистым навесом. Ветер в верхушках
дерев бушевал, Звезды мерцали в просветах
меж сосен, Веяла холодом поздняя осень,
Филин зловеще и страшно кричал. Сбился!
Уж нет путеводных просек. Черные ветви
сплелись надо мною. Вдруг закачалась
косматая хвоя: Вышел из чащи ко мне
человек. ...Шелестом странным, чужим,
безголосым К встречному я обратился с
вопросом: — Кто ты, о странник? Зачем и
куда Темной тропой идешь одиноко? Верить
ли свято, что в полночь с востока Ярко
взойдет золотая звезда? Счастья ты ищешь,
бродяга лесов? Подвига, бури, тревоги,
страданья? Жаждешь ли света холодного
знанья, Или отрады обманчивых снов?
Вздохом глубоким вопрос мой встречая, Он
мне ответил: — Не знаю!

Кресты, 1912

Примечание. Матрин К. Ф., как и Романенко, сидел в камере окном на прогулочный двор. (Двор, данный Е. Тарасовым в стихотворении «Тише», 1903). Попытался я иллюстрировать наше заочное знакомство, прося их показаться мне в окне (в нарушение правил), когда на прогулке будет моя очередь. Однако, по условиям освещения, увидеть мне пришлось лица, подобные бледным и расплывчатым призракам.

У меня знакомство с Матриным завязалось так. Один из уголовников-«служителей», поддерживающий тайную переписку между одиночками, сообщил мне, что в камере ¹ такой-то давно сидит некий политический, ни с кем не переписывающийся. Мне посчастливилось нарушить схимническое одиночество этого отшельника... Оказался он «оторвавшимся от ветки родимой» «дубовым листком». Как известно, «родимая ветка» общественного бытия железнодорожнического, всплывшая довольно ярко в конце 1905 года, потом проявила большое предрасположение к листопаду и загниванию. (Вспомним ужасный рассказ М. Горького 90-х гг. «Скуки ради» о энцефалитных бактериях в быту железнодорожной станции среди глухой степи). Матрин проявил себя в 1905-м каким-то выступлением, потом умолк, оторвался от движения, будучи беспартийным. Пять лет спустя был оговорен каким-то услужливым доносчиком и осужден на четыре года крепости.

Переписка у нас завязалась жаркая, дружеская, и вместе с тем ярко-полевическая.

Марксист спорил с искателем-агностицистом, пессимистом, человеком, усталым от каторжной жизни и разбитым. Но марксист был почти вдвое моложе, и потому многое воспринимал в своем противнике, друге не по-марксистски, по Дон-Кихотски. В письмах моих была логика, но в стихах на сей раз оказалась только поэтическая эманация. Не столько «подвига» хотел тогда К. Ф. Матрин, сколько покоя и отдыха. Любви, которая ускользала и ускользнула за эти годы (четыре). Пожалуй, и житейского благополучия, которое весь век выкачивалось у злогополучного телеграфиста — на пресы-

щение акционеров и больших чиновников железных дорог. Марксист победил искателя в Матрине только в жестокие дни 1919 года, когда он стал опять горячим общественником и партийным коммунистом, каким остался до гроба (до 1942 года). С. П.

Из разговоров с собой

Снова тревога, тоска, колебания, Дымные проблески, горький налет Копоти черной — в бездонном молчании Душу усталую жжет.

— Полно, товарищ! По сердцу ли смелому

Спорить и мучиться из-за грошей!..

Белым по черному, черным по белому

Шей!

Разве тупик, безысходность отчаянья

Хуже сомнений и страха раскаянья?

— Так лишь весной обесцвеченный лед

Тает не тает, живет не живет.

Знай, что и в горькое море сомнения Ринется с неба

безудержный гром... Прочь же тревогу: такие

мгновения Ставят вопросы ребром. Прочь

колебания! Прелое — прелому, Солнечным брызгам

— просторы полей. Белым по черному, черным по

белому Шей!

1912

Примечание. Строй чувств и психологическая тактика в отношении к самому себе, отраженные в этом «разговоре с собой», сложились у меня при первом допросе в жандармском управлении и в последующих размышлениях, в условиях вынужденного досуга.

Как при исследовании уравнений перебираешь все мыслимые «случаи» и возможные исходы из данного положения. Берешь худшее из возможного для тебя лично, миришься с этим худшим, как с фактом (как с данными в задаче), и сразу все становится на место: является устойчивость, отпадают ненужные страхи и колебания, возникают, строятся планы, как у Робинзона после кораблекрушения... Жандармский допрос? Угрозы? — Режь, «шей белым по черному», отказывайся говорить, отрицай, где это целесообразно, без колебания или думы о «смягчении». Не будучи скородумом (скорей «крепкий задним умом»), я все же не плошал — интуиция выручала, что ли?.. Протоколы моих показаний вышли чистые и последовательные. (Защитники одобряли их). «Разговоры с собой» были одной из предпосылок к этому.

«Горькое море сомнений» в действительности и не было, спорить с собой не приходилось. Введен такой момент в стихотворение, чтобы диалог получился, ради контрастности и ясности, по-сократовски.

Вспомнилось мне в этих раздумьях, как однажды на охоте попал я под начинающийся дождь, и все к деревьям поближе держался. А ввалился при переходе по лавинкам в болотную речку по плечи, и перестал быть страшным дождь...

Преломлялось все это в другой сфере. В эти самые годы я влюбился в замечательную девушку. Не обладая в этой ситуации абсолютно никаким опытом и никаким апломбом, не сомневаясь при том в наличии на этом пути многих соперников, я и здесь мысленно «ввалился в холодную речку», отбросил какие-либо радужные надежды, а стало быть и домогательства. Возникла у меня даже теорийка самоустранения, самоотвода, как формы отбора в «обществе будущего»... «Солнечным брызгам — просторы полей» — это звучало для меня как радостный простор выбора чего-либо лучшего, чем я, для той, которая стала в дальнейшем моим ближайшим другом и женой. Отбрасываемые перспективы и мечты о «личном счастье» заставляли чувствовать себя мартовским льдом на реке.

Были, возможно, и следы «печоринства» со «свинцом в груди», коим я увлекался в четырнадцатилетнем возрасте. С. П.

Среди пожаров

Побеги пламени порывисты и яры, Ползет,
вздывается смолистый, едкий чад. С лазурью
нежною смешался дымный яд: Идут и
множатся в глухой тайге пожары... Огню
наперекор идем! Лесные чары Нам
преграждают путь. Мы падаем, встаем... Заря
сменяется паляще-знойным днем, А ночь
беззвездная рождает лишь кошмары. И
знаем мы — как воплощенье грезы,
Прекрасные, меж обгорелых пней, Весной
цветущею, на зорях новых дней Здесь
клейкой зеленью распустятся березы. Но ночь
кошмарная средь яростных огней Под
дымным пологом угарней и темней.

Кресты, 1913

Примечание. Видывал я лесные пожарища, на которых нескоро начинает возрождаться жизнь. В параллель таким зрелищам становилось восклицание, заканчивающее одно стихотворение Е. Тарасова: «Сколько жизней нерасцветших будет смято в эту ночь!». Сознание постоянной гибели не раскрывшихся, не расцветших девичьих жизней под копытами капитализма остро хватало за сердце. С. П.

Судьба

Под черным покрывалом в трещине скалы
Ты встала предо мной и манишь страшной тайной:
Озолотит ли солнце путь улыбкою случайной,
Иль в падь глубокую слетят ко мне орлы
Свершить свой мрачный пир? В стране холодных рек
Над головой моей застынешь снежной тучей,
Иль бешеным конем взовьешься вдруг над кручей?
Во льдах полуночи застыну ли навек?
Не любопытствую. Неси свои загадки
Другим. В туманной мгле исчезну без оглядки,
В просторах волн твоих, сверкающих как сталь.
Пущусь в безвестную чарующую даль.
Веслом дробя твой лик, исчезну в поворотах...
Ведь истина веков в твоих водоворотах!

1912

Примечание. Судьба представлялась мрачной пифией в расселине береговой кручи, а также весенней Мстой [река в Новгородской области. — А. А.] в белесом утреннем тумане.

Конь (не бешеный, а просто упрямый) однажды взвился подо мной на дыбы над высокой кручей на Камчатке, и полсекунды я чувствовал себя между жизнью и смертью.

«Страна холодных рек» — перспектива ожидания ссылки на поселение. Остальные ужасы — экстраполяция в порядке «исследования уравнения». Могло до многого дойти, особенно если бы не «озолотило солнце путь улыбкою случайной», как оно вышло. С. П.

Жизнь

Во мгле безвременья, как символ неизменный
Бессмертных, творческих, извечно юных сил,
В душе тоскующей твой образ я носил, —
В обличи девушки — гармония Вселенной!
Пусть скажут мне глупцы, что ты — лишь цвет мгновенный,

Взращенный летним днем над сумраком могил, — Нет
в мире призрака, который бы затмил Огонь твоей
красы — извечный и нетленный! В туманной бездне
лет — зовешь на смертный бой, И меч сломив, к
полям обратно гонишь войско... В дыму заводских
труб, в морях палеозойских Ты споришь, властвуешь
и жертвуешь собой. К тебе простерто все: огонь
любви, желанья, Упорный труд веков и гордые
страдания.

Примечание. Это последнее мое стихотворение, написано, помнится, осенью 1914 г. (в начале первой мировой войны). Завершило оно «соловьиный» период в моей жизни. Это ни в какой мере не означало перестройки жизни на прозаичный лад. (Ведь и соловьи не перестают быть соловьями, переставая петь в июне).

Позже, лет 20 спустя, я написал еще одно стихотворение — басно «Волки-вегетарианцы». Вышло уже не то, что в 1912–1914 гг. С.П. 23.04.1956.

Ремарка: стихи как «человеческие документы»...

Последнее из представленных здесь стихотворений («Жизнь») отсутствовало в подборке, переданной в 70-х гг. в журнал «Аврора», и перепечатывается по рукописной тетради 50-х гг., хранящейся в семейном архиве Щеголевых.

На обложке тетради рукой С. Поршнякова написано:

«Мои стихи, как автобиографический документальный материал (“человеческие документы”»).

Ниже — пояснение:

«Здесь собрано все сохранившееся, включая и вопиющий брак и ходули».

Более развернутое авторское пояснение:

«В тетради этой записаны восстановленные по памяти, когда-то мною писанные, стихи. Слово выгравированы они у меня в памяти: без малого полвека прошло, а стихи воскресают — почти до единого слова».

Отрывки воспоминаний, которые даются на промежуточных страницах, проливают некоторый свет на «эмбриологию» каждого стихотворения: знакомят с обстоятельствами, ходом жизни и обстановкой, в которой оно сложилось.

“Минувшее встает передо мною...”.

С. Поршняков. Урицк, Ленингр. обл. Март-апрель 1956 г.».

Итог. На мой взгляд, «примечания», сделанные спустя полвека, не менее значимы, чем сами стихи. Сопоставление же того и другого позволяет почувствовать психологию, биографию и историю в их соединении. (Декабрь 1999).

П.7-10.2.2. Краткое жизнеописание

Кто же такой Сергей Николаевич Поршняков, кроме того, что читатель уже знает из его «тюремных стихов» и автокомментария к ним? Обратимся к источникам, имеющимся в нашем распоряжении.

Из очерка директора Боровичского краеведческого музея Л.Подобед, опубликованного в городской газете (1998):

...Внук генерала, сын профессора медицины, воспитанный достаточно демократически настроенной средой, окончив гимназию в Петербурге и поступив в С.-Петербургский университет, он примкнул к революционному движению в годы первой русской революции, точнее после ее поражения. Как один из организаторов подпольной типографии РСДРП (членом этой партии он, кстати, никогда не состоял) был арестован, три года провел в знаменитых «Крестах».

После освобождения экстерном закончил естественное отделение физико-математического факультета, какое-то время был на фронте. А с 1918 г. оказался в Боровичах, уже семейным человеком, волной революции выброшенный из Петрограда. С Боровичами его связывало многое. В усадьбу своей матери Ольги Михайловны Линденбаум-Поршняковой — Ровное-Михайловское он приезжал еще ребенком, затем студентом университета (подпольная типография РСДРП, вывезенная из Петербурга, некоторое время хранилась в Ровное в 1910 году)... (Л. Подобед. *Его личность притягивала...* // *Красная искра, г. Боровичи, 1998, 135*).

После революции С. Поршняков полностью посвятил свою жизнь краеведению. Начиная с 1927 г. он четверть века заведовал Боровичским краеведческим музеем.

В разносторонней краеведческой деятельности С. П. сочетались просветительская, научная, педагогическая работа. Едва ли не все местные краеведы «второго» поколения и многие ученые вышли из организованного им в 20-е гг. кружка «Юные Колумбы». От экспедиций С. П. с юными краеведами по Новгородчине пошли геологические, палеонтологические, археологические, этнографические коллекции музея. С. Поршняков был действительным членом Географического общества.

Геолог и природовед Ю. Шарков в своих воспоминаниях о С. Поршнякове, опубликованных в боровичской городской газете, сравнивает его со знаменитым исследователем Дальнего Востока В. Арсеньевым, которого он тоже лично близко знал:

...Примечательно, что между Поршняковым и Арсеньевым я находил много сходства. Это касалось и внешности (те же крупные индейские черты лица и спортивная фигура), но и — это в первую очередь — их обоюдное поразительное не только знание, но и чувство природы в ее тончайших оттенках...

Сергей Николаевич Поршняков, как и Владимир Клавдиевич Арсеньев на Востоке — создатель краеведческого музея. Это стало важнейшим итогом увлекательной жизни каждого из них. Замечательным культурным событием в Боровичах в 1989 году был день, когда в городе, по инициативе городской администрации и краеведческого музея, мы отметили 100-летие со дня рождения С. Н. Поршнякова. В числе прочитанных при этом докладов был и интересный доклад сына Сергея Николаевича — Юрия Сергеевича Поршнякова — доктора наук, геолога, профессора Санкт-Петербургского университета. Нет сомнения, что выбор специальности был сделан под влиянием отца. Краеведческий музей в Хабаровске давно носит имя его создателя — В. К. Арсеньева.

Совершенно справедливо, что, хотя и не сразу, Боровичскому музею присвоено имя Сергея Николаевича. (Ю. Шарков. *Два кумира* // *Красная искра, 15.10.92*).

Круг профессиональных и человеческих контактов С. Поршнякова был чрезвычайно широк:

...Переписку вел огромнейшую, судя по количеству ответных писем, их десятки сотен только в музее хранится... Его корреспонденты — ученые, писатели, учителя, агрономы, геологи, гидрологи и т. д., среди которых Р. Геккер, известный палеонтолог, академик Д. Л. Арманд, писатель В. Бианки...» (Л. Подобед. *Указ. соч.*).

С. Поршняков был борцом за сохранение природы родного края, за чистоту реки Мсты. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях его внучка Ольга Анатольевна Линник. Из этих же воспоминаний мы узнаем, как судьба уберегла С. Поршнякова от репрессий: от арестованного в конце 40-х гг. знакомого Сергея Николаевича — агронома П. Н. Мурника выбивали показания, что С. П. служил в царской армии генералом, но тот таких показаний не дал. (На самом деле С. Поршняков в первую мировую войну служил солдатом.)

Как сложились последние 30 лет жизни?

...Уйдя на пенсию в 1952 году, он [С. Поршняков. — А. А.] до конца своих дней был связан с музеем... Отношения со своими преемниками — Л. А. Коноваловой (до 1971 г.), потом со мной, были довольно ревностными, хотя, как человек воспитанный, никогда никакого явного недовольства не высказывал. Очень требователен был к публикациям краеведческого толка. Может быть отчасти поэтому сам не систематизировал свое разбросанное по дневникам и письмам, отдельным заметкам наследие... (Л. Подобед. Указ. соч.).

О. А. Линник рассказывает, что ее дед и на пороге своего 80-летия водил экскурсии в окрестностях Боровичей.

Скончался Сергей Николаевич Поршняков в возрасте 92 лет, в 1982 г.

...Разумеется, в этой биографической справке слишком многое остается «за кадром». Поэтому предоставим слово еще и другим людям, близко знавшим С. Н. Поршнякова, а также ему самому.

А. Алексеев, декабрь 1999

П.7-10.2.3. Слово о краеведе (В. В. Бианки о С. Н. Поршнякове)

[Ниже — извлечение из речи писателя-натуралиста Виталия Бианки «Слово о краеведении», с которой он выступил 28.07.46 на учительской конференции в г. Боровичи, Новгородской области.

Текст вошел в 4-томное собрание сочинений В. В. Бианки (Л.: Детгиз, 1975). — А. А.]

<...> Краеведение есть кладоискательство, только клады, конечно, часто не материальные, так сказать, «духовные клады».

Среди вас живет один человек — краевед, высоко чтимый и ценимый всеми учеными и просто людьми, интересующимися вашим Новгородским краем, Боровичским и соседними районами, городом Боровичи, — человек, всю жизнь посвятивший всестороннему изучению этого уголка огромной нашей Родины: организатор и директор Боровичского краеведческого музея Сергей Николаевич Поршняков — «знатный краевед», которым может гордиться Новгородская область.

Спросите Сергея Николаевича, знает ли он, что такое «скука», встречал ли он в жизни своей этого лютого зверя? И он — голову даю на отсечение — ответит, что этот зверь ни в Боровичском, ни в Мошенском, ни в Опеченском, да и вообще ни в одном из районов области не водится в натуре, так сказать, «в диком состоянии». Живет только в домах — вроде постельного клопа, — да и то лишь в очень запущенных, похожих на клетку, на тюрьму домах.

Нельзя себе даже представить, что Сергей Николаевич может не знать, «куда себя деть», от него можно разве услышать жалобы только на то, что в сутках всего лишь 24 часа, в году 365 дней.

Обладая огромными богатствами знаний, Сергей Николаевич раздает их всем желающим направо и налево по первому требованию, а часто и без всяких требований — сам старается всунуть их людям малым и старым. И от этого он становится только еще богаче — прямо миллионером.

Сергею Николаевичу все интересно, все: каждая «мелочь» кругом, случайно оброненное вами деревенское словечко, камень под ногой, травинка, песчинка, соринка, — то, что для нас — слепых и глухих — кажется чепушинкой, недостойной внимания. Мимолетность!

Сергей Николаевич может сказать о себе словами поэта:

В каждой мимолетности
Вижу я миры, Полные
изменчивой Радужной
игры.

Ведь это нам с вами только кажется, что у нас перед носом все такое неинтересное, давно известное, а вот там где-то — в **солнечной Бразилии** — там действительно...

А ведь мы с вами живем в волшебной стране — в Стране Див.

<...> Утверждаю в трезвом уме и памяти: здесь, в Боровичском районе Новгородской области — **Страна див.** <...>

(В. Бианки. Слово о краеведении. Боровичи: Окуловская типография, 1992, с. 11–12)

П.7–10.2.4. Духовное завещание

[Текст, датированный 1942 г., отпечатан на машинке. На этом экземпляре — надпись от руки: «Другу-сыну Юрику». Хранится в семейном архиве Щеголевых. — А. А.]

Родным — Юре, Злате, Зое, друзьям моим,
молодым краоведам-боровичанам

Завещание

(То, чего желаю я в жизни Вам — из достигнутого и не достигнутого мною за 55 лет моей жизни)

1. **Пушкинская любовь к жизни.** Голодный аппетит, жадность до восприятий. Чувства экскурсанта, умеющего взять по маршруту максимум того, что маршрут ему может дать, — сочетаемые с переживаниями эстетического порядка и порождающие выраженную радость жизни. Стремление к совершенному качеству восприятий. Не скользить взглядом по видимому ландшафту и пр. Всматриваться, обнимать взглядом предметы — так, чтобы вполне чувствовать их рельефность, перспективу и красочность.

2. **Петровский практицизм.** Горячая погоня за всем, что нужно для процветания края, страны, человечества, — хотя бы и путем заимсткова-

ния примера передового района, центра (как, по Петровски, примера передовой страны). Практицизм, исключаящий, однако, слепую копировку чужой рецептуры и механическое претворение ее в жизнь.

3. **Ломоносовская-Менделеевская-Марксовская-Ленинская органическая увязка теории и практики.**

4. **Принципиальность и честность.** Осознанная, последовательная — и порождаемая чувством — в отношении к делу, к людям, к себе. Принципиальный, сознательно определяемый тон отношения к старшему, сверстнику, младшему — по работе, организации, квалификации, общему развитию или возрасту. (Возраст определяется не столько годами, сколько тем, что сделано и пережито человеком.) Без вельможества, спеси, цуканья — руководить, без унижения и заискивания — следовать руководству.

5. **Историко-диалектическая концепция** явлений окружающего мира, не только в принципе и в широком масштабе, но и в деталях, на каждом шагу, в отношении каждого объекта.

6. **Географизм** — умение улавливать взаимосвязь в ландшафте.

7. **Тимирязевское правило:** знать о чем-то все и обо всем что-то.

8. **Творческая инициативность** во всем, чувство нови, критическое отношение к традиционному, обычному, к «букве», к авторитету. Критическое, но чуждое мертвящему скепсису и агностицизму, не допускающее пренебрежительно-хамского отношения к классическим произведениям человеческого гения. (В такой редакции этот тезис смотрит в будущее, вероятно — не близкое. В нашу эпоху абсолютное единство — условие жизни нашей страны, а жизнь нашей страны — условие человеческой жизни человечества. Единство требует несокрушимого цемента. Простейшим и прочнейшим цементом является твердый авторитет.)

9. **Не подавляемая духом агностицизма смелость суждения** — «дооценка» [*по-видимому, антитеза «недооценки».* — А. А.] гипотезы (понимание значения предположения, организующего дальнейшее исследование).

10. Твердая, соответствующая силам **уверенность в себе**, уравновешиваемая **скромностью** человека, для которого дело дороже вывески и рекламы.

11. Отрешение от всех видов **наркотики** [*архаичное словоупотребление.* — А. А.] — физиологической (алкоголь, никотин) и психологической (религиозное чувство, отчасти — романтика). Стремление **воспринимать явления внешнего мира** (действительности) наивозможно четко и ясно, без искажения.

12. Действительный (не только созерцательный) интерес к окружающему, близкому, районному: **краеведение** — **краестроительство.**

13. Краевой **патриотизм**, сотканный из **интернационального чувства.** (Край — органическая часть страны; страна, нация — колонна трудящегося и борющегося за лучший мир человечества.)

14. Проистекающее отсюда братское отношение к **людям**, к общественной среде, **отрешение эгоцентризма** — свойство людей, привыкших жить как перед зеркалом.

Этим обуславливаются такие правила:

15. **Быть педагогом в быту** — в отношении младших, сверстников, а иногда и старших. Человек человеку — не волк, а педагог.

16. **Быть экономистом края**, в котором живешь и работаешь: хозяйским, ревизиующим взглядом смотреть на неучтенные или неиспользованные возможности, коренящиеся в природе, людях, хозяйстве и истории края. Гореть желанием поднимать жизненный уровень населения края.

17. **Быть здравоохранителем**, поднимать физическую культуренность людей, строить новый быт, укрепляющий и улучшающий род человеческий.

18. Развивать в себе «**чувство природы**» и «**чувство вещи**», обуславливающие внимательное, культурное, любовное и бережное отношение к природе и произведениям человеческих рук и сознания.

19. Дорожить и пользоваться **возможностью встреч** (или письменного общения) с **замечательными и лучшими людьми своего края, страны и эпохи**.

20. Развивать в себе способность видеть в человеке лучшее, что в нем есть (чтобы раздуть в нем искру этого лучшего для подъема общего нравственного уровня его). Отрешиться от **мизантропии** и тени ее. Основываясь на том же лучшем, присущем человеку и на всей сумме проработанного, совершенного и пережитого им, **уважать человека** — не только в культурном и взрослом человеке. По Дарвински, по Маклаевски — возвыситься до понимания того, что дикари и дети «не глупы».⁶

21. Строить в жизни **дружбу**, открывающую возможность и радость глубокой искренности и интимной поддержки. (Высший род дружбы связан с общностью дела жизни близких товарищей, известна и дружба, основанная на общности культурных интересов.)

22. Знать и непримиримую принципиальную **вражду** к людям, сознательно вредящим делу нашей жизни, к людям, разложившимся и разлагающим других. Без этой вражды нет настоящей борьбы со злом жизни.

23. Верность делу, верность **своему слову**, ревнивое отношение к своей репутации — ничего общего не имеющее со стремлением «угождать» всем людям без изъятия или людям высокого общественного положения.

24. **Комаровская настойчивость в работе и уважение к труду**. Способность воздействовать на себя. Способность культивировать в себе это свойство.⁷

25. **Суворовская решительность**, смелость и быстрота, сочетающаяся с отрицанием лихачества.

26. **Самоопределение в отношении мировоззрения и призвания** (дела жизни). Профессиональное самоопределение и специализация с возмож-

⁶ Вряд ли Сергей Поршняков читал к тому времени Альберта Швейцера, Николая Рериха и некоторых других своих великих современников, хотя мог и слышать о них. Общественные условия — иные, общественное влияние — скромнее, судьба — другая, а напряжение ума и сердца — такое же.⁷ Известный ученый-ботаник, академик и президент АН СССР (1936–1944) В. Л. Комаров был старшим двоюродным братом С. Н. Поршнякова. Они были дружны, часто встречались, совместно участвовали в экспедиции на Камчатку.

но юного возраста. Профессиональная работа, быт, школа, собственно — самообразование, общение с людьми, способными помочь в этом, — звенья единой цепи «образовательного процесса». Важнейшая задача — уметь учиться в жизни и особенно на работе (конечно, — без превращения работы в упражнение, и жизни — в легкие эксперименты). Служение делу, **исключающее «хозрасчетную психологию»** в общественном труде и личных отношениях (психологию тех, кто работает только пропорционально оплате и личной материальной заинтересованности). **По Павловски, по Энгельски — засыпать и просыпаться с мыслями по основному делу своей жизни. Выдержка и сдержанность** везде, где надо. Не вскипай, не будь бессилён перед вспышкой своей раздражительности, особенно, с людьми невыдержанными и детьми. Подавляй в себе бессмысленные страхи. Не съедай сразу дневной запас пищи. Не пей сомнительного качества воду оттого, что пить сейчас очень захотелось.

27. Способность к **планированию** и «**стратегии**» в работе. Умение поленински учитывать требования момента и очередность задач.

28. Записная книжка. Дневник. **Именно писать, «фиксировать»** наблюдаемое, улавливать основное и **специфическое**, умение формулировать выводы. Любовь и привычка к этому делу. (Каждый человек должен быть писателем.)

29. То же — в отношении **книги**. Извлечения, цитаты, подчеркивания, резюмирование, рецензирование.

30. Работа над совершенствованием своей **дикции, почерка и стиля**. Стремление быть **понятым** — говорить и писать доходчиво, просто, точно, ясно и художественно. Строгость и настойчивость в отношении внешней **чистоты, порядка и аккуратности**, отнюдь не **фетишизирующая**, однако, **внешние формы**, не позволяющая игнорировать содержание, сущность дела ради формы.

31. Умение **итожить опыт своей жизни** — по периодам или этапам (говоря языком исследователей, умение «**камеральничать**»).

32. **Любовь сексуальная**, влюбленность — как одно из самых светлых и глубоких чувств, поднимающих человека (отрицание пошлого флирта и легких «увлечений») — **предельная** дружба и искренность, отмечающая унижительную ревность. Недопущение ошибки в этой области.

33. **Любовь к детям** — также сильнейшая дружба. Воспитание (нормально) — вне авторитетного тона.

34. Абсолютно справедливая, **чуждая «семейного фетишизма»** оценка характера и поступков родных и близких людей (родителей, детей, жены, мужа).

35. Возможно **спокойное отношение к естественно-преходящему и неизбежному**, в частности, к смерти, прожившего свой век, хотя бы и весьма близкого человека. Способность подавить в себе чувство горя, если оно политически или биологически бесполезно.

Сергей Поршняков

г. Боровичи, 15 декабря 1942 г.

Ремарка: заветы Поршнякова.

Сергей Николаевич Поршняков был «человеком своего времени» и некоторых его предрассудков, разумеется, не был лишен...

*Но созданное (как и все им!), на пределе искренности и ответственности, в 53 года, в 1942 г., это **духовное завещание** «ближним» и «дальним», а также и «наказ» самому себе (вперед — еще 40 лет жизни!), этот «человеческий документ» (пользуясь собственным выражением С.П.) заслуживает пристального изучения, понимания и... исполнения. (Декабрь 1999)*

П.7-10.2.5. Дон Кихот, Гамлет, Загадка (взгляд внука на деда)

[Ниже приводится, с небольшими сокращениями, уже современный текст, написанный Юрием Щеголевым, «по заказу» Боровичского краеведческого музея им. С. Н. Поршнякова. — А. А.]

<...> Сергей Поршняков видится мне Дон Кихотом познания природы родного края, сраженьем для которого было наблюдение и запись фактов, копьем — ручка и записная книжка. Он видится мне Рыцарем Печального Образа, энергия познания в нем сталкивалась с действием «машины разочарования». Собрав факты, он разочаровывался в собранном материале, тот казался ему неполным и недостаточным для обобщения. И мой дед вновь брал в руки свое «копье» и вновь шел «сражаться».

Как Дон Кихот он был странен и отдален от своего времени. Его время было кризисом культуры: временем рева машин, кующих день и ночь моторы для танков и самолетов, для битв этих моторов, для гибели людей. Его время было временем поиска и создания врагов.

Как Дон Кихот он верил, что познание и просвещение могут отделить свет от тьмы, что тьму можно изгнать, что можно изгнать тревогу и колебания, что можно не допустить бешенства инстинктов, что можно быстро подавить сопротивление свергнутых классов. <...>

Выбор специальности для него был выбором деятельности, в которой соединяются любовь и смысл и которая становится высшей ценностью жизни. Краеведение было такой специальностью для него, а работа по этой специальности была его служением культуре. В служении культуре он видел назначение человека на земле.

Условием работы по специальности была для него свобода выбора — свобода выбора того, что наблюдать в природе и что показывать в музее. И здесь он, как ученый и поэт природы, сталкивался с указаниями сверху — из министерства культуры. Эти указания нередко были для него отрывом смысла и любви от деятельности, бессмысленной жестокостью, которая заставляет страдать.

Как ученый и поэт природы, как рыцарь познания родного края, он наиболее полно проявил себя в устном рассказе, в лекции, в докладе, в беседе с коллегами и письмах к коллегам и друзьям.

...Прежде чем стать Дон Кихотом, Сергей Поршняков видится мне Гамлетом, решающим вопрос «быть или не быть».

В тюрьме, в знаменитых «Крестах», у моего деда, в его стихах, отчетливо звучат два голоса. Первый — голос «восторга, окрыленного бездонными думами», обличения «лицемерного, трусливого и бездушного обмана», готовности исчезнуть в социальных водоворотах как в «истине веков». Его можно назвать голосом, призывающим «не быть», голосом «установки на смерть».

Второй — голос желания «быть», голос «установки на жизнь» — робок, это слабая надежда на «случайную улыбку солнца», которая «озолотит путь». Противоборство голоса смерти и голоса жизни длится долгие три года пребывания в тюрьме.

...Сергей Поршняков видится мне как загадка. Дар жизни для моего деда был не только даром любви к природе, но и даром острых противоречий. Что привело его в революцию? Что побудило принять бедность, любовь к дальним, страдания, как более высокие ценности, чем богатство, близость родных и возможность наслаждений? Что в его детстве и отрочестве обусловило такое решение?

Что, далее, позволило ему сделать выбор между двумя установками: «на смерть» и «на жизнь»? В 1914 году, когда весь мир обратился к смерти, Сергей Поршняков обратился к жизни. Что сделало его выбор устойчивым — в стране, где смерть за революцию на долгие годы стала высшей ценностью жизни?

Что стало источником энергии для рыцаря краеведения, когда культура почти не финансировалась, а работа в ней жестко ограничивалась указаниями сверху? Как работала в моем деде «машина разочарований», как он выстрадал и перенес ее действие?

Что побудило его относительно рано уйти на пенсию, оставить руководство музеем? Что позволяло ему постоянно находить свет во тьме? Перед нездешней встречей он обратился к здешним впечатлениям: «Все, по-видимому, конец... Спасибо за отрадные впечатления последних дней». (Эти слова он сказал мне за несколько часов до смерти.)

Сергей Поршняков видится мне как растение, корни которого уходят во тьму, а листья тянутся к свету и сами являются маленькими подобиями солнца, и дают свет нам.

Юрий Щеголев

Санкт-Петербург, 21.11.98

Ремарка: след остается и оказывается востребован.

Я вполне отдаю себе отчет в том, что как бы вышел из берегов — в этом разделе, который мог бы вырасти в отдельную книгу.

И источники для такой книги имеются. Кроме семейных материалов, есть еще богатейший архив в Боровичском краеведческом музее, собранный его заведующей Людмилой Владимировной Подобед и ее коллегами.

Но когда еще ее (книгу о Сергее Николаевиче Поршнякове) напишут? И когда издадут?! Лучшие «синица в руках», чем «журавль в небе»...

Вместе с тем, как я убежден, в этом документированном — увы, все же далеко не полном! — рассказе о старшем современнике нет ни строчки, которая не имела бы отношения к предмету моей книги. В своем лишенном всякой

амбиции, «камеральном» подходе к собственному творчеству начала XX века как к «человеческим документам» (жизненным свидетельствам), в своем призыве «итожить опыт своей жизни — по периодам и этапам» С. Пориняков во многом превосходит и мою постановку вопроса.

Впрочем, и у него были свои предшественники, в том числе — в собственном роду. Выше уже приходилось цитировать (см. приложения к части I: раздел «Составляющие жизни») дневник собственного деда С. Поринякова — Михаила Карловича Линденбаума (1813–1894).

Действительный тайный советник, генерал, ставший после выхода в отставку помещиком в Боровичском уезде (село Ровное-Михайловское), М. Линденбаум на протяжении 30 лет вел дневник. Публикация по страницам этого дневника в боровичской городской газете, подготовленная Л. Подобед, заканчивается следующими словами:

«...Будут ли после меня мои домашние жить здесь? Хотя бы мне этого и хотелось, чтобы могилки наши не оказались безродными... А впрочем — все равно. Рано или поздно они будут забыты — это неизбежно...

Лески эти, пригорки и лоцинки — все останется, но восхищаться ими когда-нибудь будет кто-то другой и тоже непродолжительное время... а придет время — и вся эта местность изменится, от нас же не останется никакого следа...». (Цит. по: Красная искра, 1998, ¹ 21).

Но в том же дневнике находим и противоположное утверждение:

«...Мне кажется, что найдется после меня кто-нибудь, кто будет читать мои записи...» (Там же).

Как видно, след остался. И оказался востребован. (Декабрь 1999 — декабрь 2000).

* * *

[А теперь — рассказ о другом нашем замечательном старшем современнике. — А. А.]

П.7–10.3. 100 семейств села Викулово 20 лет назад (о самостоятельном социологическом исследовании и гражданском подвиге сельского учителя А. В. Давыдова)

[Ниже — мой отзыв на сохранившиеся в семейном архиве Давыдовых материалы социологического исследования, проведенного учителем А. В. Давыдовым в начале 70-х.

Опубликован, под этим названием, в районной газете села Викулово, Тюменской области (Красная звезда, 27.09.95).

Перепечатан оттуда газетой «Тюменские известия» (1996). Здесь публикуется с небольшими сокращениями. — А. А.]

Отзыв на работу А. В. Давыдова 1973 г. (1995)

<...> Ко мне в руки попал замечательный документ: «Социологическая характеристика 100 семей райцентра Викулово». Пять страничек убористого (без интервалов) машинописного текста, с приложением большой рукописной матрицы, где по строкам — 311 членов обследованных

автором семей, а по столбцам — 20 признаков, по которым эти люди характеризуются. Текст датирован: 12 мая 1973 года. И подписан: учитель А. Давыдов.

Зачин текста немудрящ, а, впрочем, точен:

Для более полного представления о населении райцентра — с. Викулово Тюменской области — автором настоящего исследования были учтены 100 семей, из них 80 соседских, хорошо известных автору, в старой части села. 10 семей были учтены по одной центральной улице (Чапаева) и еще 10 — по новой, окраинной (ул. 8 Марта). Все семьи учитывались сплошь, с пропуском всего 1-2 недавно поселившихся семей, незнакомых автору.

Затем следует добротное описание того, что в социологии принято называть «общими распределениями» социально-демографических характеристик: по полу, возрасту, образованию, социальному положению и профессиональным занятиям, а также по «происхождению» (коренные жители данного села, мигранты из сельской глубинки, из города и т. п.). Привычный к социологическим опусам того времени читатель ждет такого же распределения ответов опрошенных на вопросы анкеты, вроде: удовлетворены ли Вы своим трудом или каковы Ваши жизненные планы? Но нет этого, как нет и самой анкеты. Зачем спрашивать, когда то, что нужно для анализа, и так известно автору о каждом из трехсот человек.

К «социологической характеристике» у А. В. Давыдова относятся: «семейное хозяйство» и «состояние здоровья», «партийность» и «судимость», а также «отношение к алкоголю»... Но и не только эти так называемые «объективные» характеристики, а и «субъективные». Только это вовсе не их, обследованных, мнения, позиции, субъективное отношение к тем или иным предметам. А — тут уж на традиционный социологический опрос совсем не похоже! — собственная экспертная оценка исследователем «умственного развития», «нравственности» и даже «государственной лояльности» каждого из вошедших в его выборку.

Наверное, можно доверять такой экспертной оценке, ведь каждого из своих односельчан автор наблюдает в повседневной жизни, и, по-видимому, много лет. Вероятно также, он опирается и на групповое мнение, на рассказы каждого о себе и соседях (не «под протокол», не «для анкеты»). И вот фрагмент из середины этого неординарного, как уже понятно, социологического отчета:

...Будучи довольно хорошо знаком с рассматриваемыми семьями, автор стремился беспристрастно учесть особенно отчетливые черты морали, поведения. Относительно честных, хотя бы в отношении госимущества, но все же способных лицемерить, говорить не то, что думают, а что выгодно, отмечено среди граждан старше 18 лет (*таковых в выборке А. В. Давыдова 223 чел., или 78%.* — А. А.) только 41 человек. Из взрослых трудолюбивых учтено 90, но трудолюбивых в основном для себя, а в учреждениях работающих «абы день прошел»... Ленивых, беззаботных, довольствующихся «чем бог послал» нашлось 15 человек, отчасти из-за слабого здоровья, алкоголизма... Аккуратных, также преимущественно для себя, но на общество работающих зачастую «тяпяп», учтено 132 чел., неаккуратных везде — 44. Явно грубых взрослых учтено 94 чел., вежливых же, даже с большой «натяжкой», только 36...

Я привел здесь пока «сугубо описательный» фрагмент. Сами по себе количественные соотношения полярных групп достаточно красноречивы. Но автор не останавливается на констатации фактов. Он интерпретирует, объясняет, пытается экстраполировать на будущее. Продолжаю цитирование с оборванного места:

...При этом растущая смена будет, пожалуй, еще грубее. Воспитываемая государством ненависть к идейным «врагам» проявляется в ненависти односельчан, как и всех советских граждан (*добавляет автор, словно напрашиваясь на обвинение в антисоветской пропаганде!* — А. А.), в первую очередь друг к другу... О советских людях многие говорят и пишут как о смелых, но их смелость с грубостью проявляется обычно против тех, на кого их направляет начальство, и против слабых «сопленников», когда они «шерстят» друг друга так, что только «перья летят», выступления же односельчан против «сильных мира сего» в защиту обиженных, слабых — явление редкое, объясняемое еще и привычкой «помалкивать», разобщенностью людей. Учитывая это, автор только 15 взрослых отнес к смелым, зато трусливых насчитал 99, имея в виду именно «боязнь начальства». Большое число трусливых, боязливых объясняется еще, конечно, и возрастом, и знаниями, и строгостью законов...

И последняя цитата:

Большинство взрослого населения — «бездумные» обыватели; те из них, какие особенно сильно одурманены идеями тоталитарного режима, получают от государства больше благ равных себе, защищают существующий строй и свое положение особенно рьяно. Все же их насчиталось не так уж много (21), преимущественно старые члены КПСС, недалекие люди. Среди <...> членов КПСС и <...> комсомольцев далеко не все убежденные коммунисты, многие носят партийный билет как «щит-броню» от нападков, недоверия, как «всесоюзный пропуск» к лучшим местам и благам, к «паске» государства. Все же явно преобладают и среди выкуловцев пресловутые безответственные приспособленцы — 170–180 лиц старше 16 лет, политически темный народ. Недовольство жизнью наблюдается у многих, по крайней мере, у 46 учтенных, из-за бедности, рабского труда в прошлом в колхозах, из-за раскулачивания, репрессий сталинцев, недостатка товаров в магазинах, плохой морали населения, поведения молодежи, своих детей, из-за бесхозяйственности, притеснений верующих, общей несправедливости.

В заключающих работу выводах автор столь же деловит, сколько и бескомпромиссно откровенен. Картина жизни сибирского райцентра, с точки зрения его промежуточного (между сельской глубинкой и городом) положения в миграционных процессах, неблагоприятной демографической ситуации и массового ухудшения здоровья, убогости повседневного быта, узости духовных запросов, развития «нравственных пороков» («нечестность, неаккуратность, грубость, ненависть, зависть, разобщенность, эгоизм»), общественной пассивности, «с мировоззрением по государственному шаблону, хоть и недовольны многими изъянами экономики и культуры»...

Картина абсолютно реалистичная, и даже может показаться это банальным, глядя с высоты сегодняшнего нашего миропредставления, но ведь делалось и писалось это **в 1973 году!** Здесь важно выделить три момента: интеллектуальный, гражданственный и профессиональный.

Интеллектуальный. А. Давыдов вводит в свое обследование экспертную оценку «интеллектуальной одаренности». Его критерий достаточно строг, по крайней мере автор только одного человека в 100 семьях посчи-

тал «оказавшимся с сильным аналитическим умом и исключительной памятью». Понятно, что он имел в виду не себя самого. Однако сам он, по-видимому, был достаточно одинок в кругу односельчан. Я имею в виду не меру коммуникабельности (без чего вряд ли можно так досконально узнать односельчан, хотя профессия учителя этому явно способствовала). А ясность понимания того, что же происходит в нашем обществе, и поиск новых способов дальше углубить и конкретизировать это понимание. Среди профессиональных социологов того времени такой способностью «**додумывать до конца**» обладали немногие. И еще у меньшего числа это находило отражение в их трудах.

Гражданственный момент. Кому адресован этот текст? Односельчанам? Очевидно, нет. Насколько я могу предположить, не относился А. Давыдов и к кругу «профессиональных» диссидентов. В селе Викулово не выйдешь «на площадь», как в Москве (хотя были, конечно, и мало кому сегодня известные «провинциальные» диссиденты). Скорее всего, не адресовался этот текст и западным радиостанциям (не тот жанр!). Политический, экономический, литературный «самиздат» в ту пору был, но социологического не было (свидетельствую как профессионал). Значит, «в стол»? Скорее всего, так. Но само по себе хранение такой рукописи в столе — до первого обыска... Возможно, не ждал обыска. Все же, Викулово — не Москва. Значит, тайлся?

Не выдумываю мотивов. Предлагаю версию, которая мне кажется естественной: **«Делай то, что никто, кроме тебя, не сделает»**. Не сделал (и не мог сделать никто в райцентре Викулово, Тюменской обл.), кроме А. Давыдова!

Момент **профессиональный**. А. Давыдов в социологии — любитель. Возможно, он был начитан в социологических трудах и даже знаком с исследованиями сибирской деревни, проводившимися под руководством акад. Заславской. Уж в вопросах социологической «методологии» и «методики» — явно не сведущ. Однако слово «социология» он употребляет не всуе (как это водится среди любителей). Может, и хорошо, что не искушен в профессиональных премудростях. Ибо интуитивно, как просто человек со здравым смыслом и высоким уровнем культуры, он смело нарушает каноны, которых, пожалуй, и не знает. Он действует, как «умственно одаренный человек» (выражение А. В. Давыдова). И действует лучше иных профессионалов!

В ту пору увлечения математически «надежно обоснованными» общесоюзными и т. п. выборками, автору этих строк, например, непросто было доказывать, что сплошное обследование пусть даже произвольно выбранной небольшой территориальной общности или, скажем, производственного коллектива — может оказаться куда информативнее для познания «универсальных» общественных процессов, чем эти выборки.

Или: ни одному профессиональному социологу не приходило в голову так оригинально совместить методы «включенного наблюдения», «со-

циальной статистики» и «экспертной оценки» в «монографическом исследовании» (я заговорил профессиональным социологическим языком). Может быть, потому, что для этого нужно было «планировать» свое исследование не из академического или отраслевого кабинета...

Есть, конечно, в тексте А. В. Давыдова некоторые (с профессиональной точки зрения) «наивности», на которых не хочется акцентировать внимание. <...> Но, кстати, то, что у А. Давыдова — «наивность», то у немалого количества «профессиональных» социологов — недостаток профессиональной культуры (не столь уж редкое явление!), так что не хочется придираться.

Разумеется, работа с «общими распределениями» (проценты относительно всей совокупности обследованных) — это еще только «прихожая» в эмпирическую социологию, которая, строго говоря, начинается с анализа связей между признаками (как зависит, скажем, «честность» или «государственная лояльность» от объективных социальных характеристик и т. п.). Автор не ставил перед собой такой задачи. Но примечательно, что возможность для ее решения он создал — приложенной к тексту «отчета» исходной матрицей, которая легко профессионально переводится в двумерные статистические таблицы, и даже (разумеется, с учетом ограничений, накладываемых относительно небольшим объемом выборки) возможен расчет коэффициентов корреляции, проведение факторного анализа и т. п. (о чем социологу-любителю знать совершенно не обязательно).

Подводя итог, хочется определить текст (эссе, опыт социального анализа, отчет — но перед кем?) А. В. Давыдова 1973 года как **самодетальное** (в лучшем смысле этого слова!) социологическое исследование, выполненное провинциальным учителем, в силу культурного, нравственного или гражданственного императива. Это — некий образец «интеллигентного поведения», не столь уж отличного от «рыцарского кодекса»: «делай, как должно (и как я могу), а там — будь, что будет!».

Вот все, что я могу сказать, ознакомившись с документом нашей истории и, позволю себе утверждать, андерграундной социологии, каковым является текст «Социологическая характеристика 100 семей райцентра Викулово».

...Мне говорили, что А. В. Давыдов — потомок легендарного героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. Но это и все, что я о нем знаю! Как жилось ему среди его «обследованных», жителей села Викулово, в 1973 году? Как дальше сложилась его судьба? Впрочем, для моей профессиональной и нравственной оценки его труда это не имеет значения.

Ведущий научный сотрудник СПбФ ИС РАН, к. ф. н. А. Н. Алексеев
Июнь 1995

Ремарка: жизнь не по лжи.

Лишь год спустя автор имел случай побольше узнать о герое своих заметок. Анатолий Васильевич Давыдов (1925–1983), педагог-новатор, краевед, правозащитник, здесь предстает лишь одним из частных эпизодов своей подвижнической жизни, одной из сторон своей универсальной личности.

Надо сказать, что представленная выше версия жизненной ситуации «простого» сельского учителя во время написания им своей «Социологической характеристики жителей райцентра Викулово» требует существенной корректировки.

Как автору стало известно от Нины Анатольевны Давыдовой, дочери А. В. Давыдова, ее отец в 1963–1964 годах привлекался к уголовной ответственности по ст. 70 («антисоветская агитация и пропаганда») УК РСФСР. Год он провел в тюремном заключении (какое-то время — даже в «психушке»), но в конце концов — путем последовательных кассационных жалоб! — сумел добиться отмены приговора (что может показаться даже невероятным).

Разумеется, органы государственной безопасности не оставляли «реабилитированного» своим вниманием и после освобождения из мест заключения. То есть — обсуждаемую здесь работу в 1973 г. А. В. создавал, хорошо понимая, чем это опять ему грозит!

У родственников сохранилась также рукопись автобиографического романа Анатолия Васильевича Давыдова (его название — «Андрей Орлов»), охватывающего события жизни автора вплоть до середины 60-х. Этот роман по праву может быть определен как своего рода учебник «жизни не по лжи». Очень надеюсь, что он еще найдет своего издателя, равно как и читателя...

Память об А. В. Давыдове сегодня чтят его односельчане. В июне 1996 г. администрация Викуловского района Тюменской области приняла следующее постановление:

«Учитывая ходатайства группы граждан с. Викулово и отдела культуры администрации района, присвоить Викуловскому районному краеведческому народному музею имя его создателя и многолетнего руководителя Давыдова Анатолия Васильевича».

(Апрель 1999).

П.7–10.4. Памяти друга (Анатолий Базникин)

Несколько вступительных слов

Анатолий Кузьмич Базникин (1928–1990), по образованию — филолог, учительствовал в средней школе под Ленинградом, а последние 12 лет своей жизни отдал делу охраны и защиты природы.

Работал лесником в Кавказском государственном биосферном заповеднике (кордоны Лаура, Пслух), потом — помощником лесничего в Северном лесничестве (кордон Гужерипль) этого же заповедника. (Сентябрь 1999).

П.7-10.4.1. «Драку я затеял... Надеюсь выиграть!»

[Это письмо я получил от А. К. Базникина 15 лет назад, вскоре после его переезда с кордона Пслух (район Красной Поляны) на кордон Гужерипль (Адыгея). — А. А.]

А. Базникин — А. Алексееву (июнь 1985)

Здравствуйте, дорогой Андрей Николаевич!

Письма от Вас я, к сожалению, до сих пор не получил, но не обижаюсь, т. к. чуть-чуть представляю Ваше состояние. Поскольку о Вас ничего не знаю, пишу только о себе и своих проблемах.

Итак, я в Гузерипле. Встретили меня в штыки, причем еще до того, как я начал действовать. Это было даже к лучшему, т. к. мне не пришлось испытывать угрызенной совести даже по мелочам.

Изложил я им [*своим подчиненным, лесникам-браконьерам. — А. А.*] свое кредо. Был бурный разговор: они отстаивали свое право ничего не делать, ссылаясь на объективные трудности, нехватку того, другого. Я повернул вопрос по-иному: во-первых, никто их удерживать не будет: хотите уходить — уходите; во-вторых, почему вы так держитесь за такую «плохую» работу; в-третьих, почему Вы так несерьезно относитесь к своему хозяйству: не держите птицу, свиней; в-четвертых, почему вы не делаете то, что в силах: грязь, все рушится.

Разговор был очень дипломатичным, т. к. присутствовал пред. профкома и зам. секр. парт. орг-ции — две местные <...>, чье поведение мне не нравилось. Т. к. леснички горячились и вели себя не очень воспитанно, то они проиграли по всем статьям. Я еще ничего им не сделал, обвинить меня в предвзятости или придирчивости они не смогли. Короче, я выиграл первый раунд. А потом просто не давал им опомниться. Распоряжения короткие, простые, обсуждать не даю, проверяю. Они сникли, но я-то понимаю, что все это «затишье перед бурей».

Троим поставил ультиматум: двое должны уйти, третий — в трактористы. Когда они взъерепенились, я одного услав в обход, другой ушел в отпуск, а третьему я предъявил доказательства о возможности возбуждения уголовного дела. И он написал заявление. Это лидер. С 8 июня он уже не работает, хотя уедет только 3-4 июля. Второго, посланного в обход, встретил в горах, проверил суммы и составил акт на браконьерский лов 250 форелей, кроме того — сфотографировал медведя в петле, поставленной им, и изъял еще у одного (на него у меня не было «компромата») 35 патронов калибра 7,62. Сегодня это дело будет разбираться. Мною вызваны представители.

Так что драку я затеял. Надеюсь выиграть. Но стоит она мне нервишек. Хозяйство только на Зине [*З. Г. Вахарловская. — А. А.*], огорода нет, коровы тоже. Но настроение бодрое.

Люди, люди нужны... Я же разогнал (надеюсь!) почти всех. Сейчас у меня по 2 человека на кордоне, а здесь, в Гузерипле, только один. Я даже работы ему не могу придумать, т. к. некому придержать бревнышко, пока он будет прибывать, а он к тому же старый сачок! Конечно, я утрирую, но самую малость.

Андрей Николаевич! Бросайте все и давайте ко мне. А? Жду писем.

Привет Вашей жене и всем знакомым.

А. Кузьмич, 11.06.85

* * *

А. Алексеев — А. Базнику и З. Вахарловской (июль 1985)

<...> Мне, конечно, нет прощения за мое безмолвие на такие любезные мне Ваши письма. Кузьмичом — восхищен. Мне бы такую «лихость»! Мне уже неловко расспрашивать Кузьмича — что же дальше было? У меня — «городской», у Вас — «лесной» детектив...

А вот «бросить все» — не могу. Пока не разберусь со своими «браконьерами». Этого — за меня — никто не сделает. <...> Андр. Ал., июль 1985

П.7-10.4.2. «Заговоренная» тема

[В газете «Советская Кубань» (1988) это письмо-заметка было опубликовано под названием «Заговоренная» тема. — А. А.]

Проблемы экологии все чаще и чаще становятся предметом обсуждения на самых разных уровнях. Как ни парадоксально, но меня тревожит именно частота появления таких публикаций. Ведь это свидетельствует о неизменности ситуации. Все привычнее и обычнее становятся статьи, стирается острота вопроса, перестают пугать новые факты и... ничто не меняется. Мы начинаем «заговаривать» тему, привыкать к тревожной ситуации.

Вот конкретный пример. В «Советской Кубани» была опубликована статья «След на голой земле», в которой упоминается Гузерипльский леспромхоз. Его работа — пример того, как нельзя обращаться с нашими лесами. Но ведь, наверное, мало констатировать факты. Надо принимать и какие-то меры. А этого, главного-то, и нет! Ведь леспромхоз не просто рубит лес сверх всякой меры, губит наш климат, наши реки, наши ресурсы. Он подрывает основы нашего будущего. Я пишу о Гузерипльском леспромхозе не потому, что он хуже Хадыженского, Адлерского или другого леспромхоза края, а потому, что знаю его работу.

В 1986 году леспромхоз в нарушение «Положения об охранной зоне Кавказского заповедника» начал вести рубки в охранной зоне. В 1987 году мы составили акты о нарушениях в квартале ¹ 90. В этом году под видом санрубок уничтожаются семенные буки в охранной зоне (квартал ¹ 85). В чем же причина? Ведь не является же вредителем директор леспромхоза А. Комок? Не злодеи же лесорубы? Надо разобраться в причинах. Они типичны для нашего времени, нашего мышления. В первую очередь, конечно, виновен «знаменитый» ведомственный подход. Леспромхоз получает деньги за «кубики». Вот он их и берет: поближе, побольше, подешевле. А завтра придет еще не скоро. Рабочие тоже должны взять побольше и побыстрее, от этого зависят их заработок и премии. Вот и получается, что сама организация работы не стимулирует ни руководство леспромхоза, ни коллектив на заботу о «зеленом друге», на размышления о нашем будущем.

Никаких открытий я не делаю. Басня «Кот и повар» знакома нам с детства, пора бы и научиться. Не пора ли провести всенародный опрос: как нам жить дальше? А на очередной сессии краевого Совета народных депутатов принять решительные меры? Честное слово, надоела полугласность. Говорят, что наконец-то закроют для вольного выпаса Лагонаки. Говорят! Но сколько лет? А почему Бамбаки не закрывают? А что будет потом? В Кавказский государственный заповедник никаких официальных сведений об этом не поступало.

Мы никак не можем поверить, что экологический кризис уже наступил. Более того, началась экологическая катастрофа, и нам уже не отпущено два-три года на раскачку. Есть группа ученых, которые считают, что уже вообще бесполезно что-либо делать. Так это или нет, ясно, что начинать надо. Сегодня, ибо завтра может оказаться поздно.

А. Базникин, помощник лесничего Северного лесничества Кавказского государственного биосферного заповедника п. Гузерипль (Советская Кубань, 26.07.88)

П.7-10.4.3. «Да, это эмоции... Но можно и без них!»

[А это — письмо А. Базникина в партийные органы Краснодарского края (1989). — А. А.]

Председателю КПК при Краснодарском крайкоме КПСС
от Базникина А. К., члена КПСС с 1961 г., проживающего:
352797, Майкопский р-н, п. Гузерипль,
Кавказский биосферный заповедник

<...> Кто меня защитит, если одни из товарищей по партии меня предали, а другие не дали возможности меня выслушать? Да, это эмоции. Но без них нет жизни, нет добра, нет справедливости. Но можно и без эмоций! Пожалуйста!

Я работаю в Кавказском государственно биосферном заповеднике с 1978 г., все это время состоял в парторганизации при управлении КГБЗ; вторая наша партийная организация, находящаяся в Майкопе, играет малую роль в жизни заповедника.

С момента прихода в заповедник я пошел «против течения», против насаждавшегося тогда казнокрадства, взяточничества, холуйства. Трижды мне пришлось обращаться в КПК при ЦК КПСС, мне давали выговоры, увольняли, «шили» уголовные дела. В то же время я занимал 1-е место, был лучшим лесником. И всегда я знал, что найду поддержку, пусть немногих, в своей парторганизации.

В 1984 г. удалось изгнать прежнего директора (об этом писала «ЛП» от 20.05.85, статья «Кордон»), пришел новый, Тимухин Н. Т., на собраниях зазвучали критические и даже оппозиционные речи. Казалось, что перестройка пришла и к нам. Я был избран председателем комиссии по контролю за действиями администрации, заместителем председателя группы народного контроля, по рекомендации партийной организации переведен из лесников в помощники лесничего Северного лесничества, награжден медалью «Ветеран труда», но... На самом деле все стало хуже.

Просто действия Тимухина Н. Т. изощреннее, тоньше. Убирая скомпрометированных, он постепенно подбирал покорных, но незапятнанных, а затем начал наступление. Когда в нашем лесничестве это поняли, последовал протест. Мы выступили против нарушений при выборе в совет трудового коллектива, в котором из-за манипуляций не оказалось ни од-

ного лесника; против бесправия нашего лесничества как в административной, так и в общественной сфере. Предложили поновому проводить соц. соревнование, расширить на деле, а не на словах, права коллектива, стали привлекать в помощь общественность.

К этому времени в лесничестве уже сложился коллектив, мы уже имели общественный авторитет: в 1987 г. заняли 1-е место и завоевали «Переходящее знамя». Я тоже занял 1-е место и был награжден грамотами и ценными подарками.

28.04.88 на партийном собрании я предложил выступить с докладом «Негативные тенденции в руководстве КГБЗ». Собрание единогласно меня поддержало, поскольку Тимухина Н. Т. на собрании не было. И он воспринял это как «объявление войны». Санкции последовали незамедлительно. В мае комиссия, созданная директором, проверяла у нас наличие приписок — нашла; в июне и в июле комиссии народного контроля и ОБХСС приписок не нашли. С июня нам стали срывать хозяйственную работу и т. д. Но надо было изолировать меня от парторганизации. Путем махинаций мне не дали выступить с моим докладом ни в мае, ни в июне. А 29.07.88 мне сообщили, что я и Салтыков В. Г. сняты с партучета при управлении КГБЗ и переведены в Майкоп. Ни я, ни Салтыков не просили об этом, и мы послали протест. Казалось, что, поскольку нарушены наши права членов КПСС и грубо нарушены инструкции ЦК, то все разъяснится быстро. Но... методы стали тоньше, а безразличие к людям осталось прежним.

И тут я перестал что-либо понимать. Если я понимал секретаря парторганизации при Майкопском отделении Немцова А. С., который, желая угодить Тимухину, солгал в Майкопском горкоме КПСС, что я и Салтыков просят перевести нас в Майкопскую организацию, то я не понимаю тов. Машковского В. В., зав. организационным отделом ГК КПСС. Мало того, что он послал письмо в Хостинский РК КПСС, чтобы оформить наш перевод, не имея права это делать без наших заявлений, так он, в разговоре со мной, защищал действия Немцова. Лживость не является для него порочащей чертой. На два моих письма он не ответил, уверяя меня, что имеет право не отвечать письменно. Но ведь это подло, т. к. он лишает меня права подтвердить факт беседы, сохраняя за собой возможность в любой момент изменить свою точку зрения.

Я не понимаю действия Хостинского РК КПСС, зав. орг. отделом тов. Якушева С., который выслал наши документы, опять-таки не имея права это делать без наших заявлений. Но более всего меня удивили действия т. Голубева С. Г. из орготдела Краснодарского крайкома КПСС, который вместо того, чтобы сразу решить мое дело, имея на руках все документы, показывающие нарушения, до сих пор не нашел возможности мне ответить. Неужели мне опять придется обращаться в ЦК КПСС?

Надо сказать, что тов. Тимухин Н. Т. оперативно использовал бюрократическую неповоротливость партийного аппарата. За это время он успел «убрать» меня на пенсию по сфальсифицированным основаниям, от-

казать в приеме на работу людям, поддерживающим нашу линию, довести лесничего Салтыкова до депрессии, в результате чего тот уволился, быстро назначить вместо нас человека, не имеющего опыта охраны, но имеющего другой, «более важный» опыт.

Очень важный опыт приобрел и коллектив заповедника. Он получил урок «не высовываться». Ведь моя история происходит у всех на глазах. А парторгом у нас сейчас Солнцева М.И. Это она в разговоре с корреспондентом «ЛГ» Подгородниковым М.И. уверяла его, что я сам «снял» свое выступление. Это она вместе с директором «приняла решение» перевести меня на партучет в Майкоп, а затем в справке для ГК КПСС фактически подделала протокол собрания от 28.04.88, забыв, что председателем собрания был я, а моей подписи на протоколе нет. Это она же, тогда еще председатель месткома, мне, и.о. председателя группы народного контроля КГБЗ, отказала в праве выступить на профконференции.

И вот 12.10.88 на профсоюзной конференции серьезных критических выступлений уже не было. А что будет дальше?

Кто поможет тем, кто хочет работать по-новому, искать новые пути, не соглашаться с общепринятым? Кто, если не партия большевиков? Кто защитит меня, если я не хочу быть винтиком... И наконец, последнее: с каких пор членам КПСС разрешено применять для борьбы с негодными методы иезуитов? С каких пор членам КПСС разрешено лгать?

Прошу разобраться в сложившейся ситуации. Требую наказать людей, запятнавших честь моей партии или наказать меня, если мои обвинения не подтвердятся.

С уважением, Базникин А. К., 24.01.89.

Приложения на 5 листах <...>

[Тогдашнее руководство Кавказского заповедника в 1989 г. «спроводило» А. Базникина на пенсию и не дало ему возможности продолжать лесоохрану даже на общественных началах, как он хотел.

В июле 1990 г. Анатолий Кузьмич безвременно скончался. — А. А.]

П.7-10.4.4. «Дальше — зона покоя...»

[Ниже — извлечения из воспоминаний Зинаиды Глебовны Вахарловской «О моей матери, о моих родственниках и о себе самой» (1998). — А. А.]

<...> Проработав инженером в судостроении около пятнадцати лет, я, неожиданно для себя, рассталась с этой работой. Вот как это случилось.

В 1980 г. Владимир и Ирина⁸, путешествуя на мопедах по Кавказу, побывали на кордоне Пслух Кавказского биосферного заповедника. Это — высоко в горах, на южном склоне Главного Кавказского хребта, в 20 км от Красной Поляны. Там они познакомились с семьей Салтыковых.

⁸ В В Абрашкевич, мой двоюродный брат, физик, инженер (см о нем ранее, в главе 2: раздел «Притча о Генеральной линейке»; И М Яковлева, его жена, в прошлом — культпросветработник и зав детским садом; оба — друзья З Г Вахарловской, со школьных лет

Виктор Салтыков, по образованию физик (позднее закончивший высшие экологические курсы), работал на этом кордоне лесником. С ним была его жена Наталья (в прошлом — культпросветработник и киноактриса). До переезда на Кавказ они жили в Одессе. А еще там работал лесником Анатолий Кузьмич Базникин, в прошлом — учитель литературы, из Ленинграда. <...> Вообще, это был необыкновенный кордон, с необычными лесниками.

Владимир и Ирина, подружившись с тогдашними обитателями кордона Пслух, посоветовали мне съездить туда. И я отправилась на Кавказ в зимний отпуск. По возвращении из отпуска в Ленинград, я сразу уволилась из ЦКБ «Малахит» и уехала на кордон к «Кузьмичу» (как все там звали А. К. Базникина). В 1981 г. мы с Анатолием Кузьмичом образовали семью. Мне тогда было 36, ему — 52 года.

<...> Анатолий Кузьмич — родом с Кавказа (его родительская семья жила в Тбилиси). После окончания педагогического института в Ленинграде (примерно в 1950 г.) он больше 25 лет учительствовал (в Кронштадте, какое-то время в Тбилиси, потом в г. Сосновый Бор, Ленинградской обл., потом в Ленинграде, где стал директором вечерней школы, и, наконец, в Берлине, где преподавал русский язык в немецкой школе). В середине 70-х гг. он обменял свою квартиру в Ленинграде на квартиру в Сочи.

<...> Анатолий Кузьмич хотел работать в Кавказском биосферном заповеднике и, не без труда, добился того, чтобы его приняли лесником (в 1978 г.). Сначала он трудился на кордоне Лаура, где в 1979 г. перенес инфаркт. Однако продолжал работать лесником. На кордон Пслух А. К. переехал в 1980 г.

Вскоре после моего переселения на Пслух туда же переехали из Ленинграда и Владимир с Ириной (1981 г.). Владимир Абрашкевич устроился работать лесником, как и Виктор Салтыков и мой супруг Анатолий Кузьмич.

<...> Когда я уехала на Кавказ, моей дочери Любе было 16 лет. Люба заканчивала школу в Ленинграде, живя у деда с бабушкой, т. е. у моих родителей Ольги Константиновны и Глеба Анатольевича.⁹

У моего супруга Анатолия Кузьмича Базникина на кордоне Пслух была однокомнатная ведомственная квартира. Мы с ним жили в этой квартире сначала вдвоем. Потом А. К. перевез к себе из Тбилиси своего престарелого отца. Кузьма Григорьевич тяжело болел и требовал постоянного ухода. Он скончался в 1983 г.

Мой муж Анатолий Кузьмич ходил в обходы по горам, был грозой браконьеров. Я — вела хозяйство. Держали домашнюю скотину: корову, свиней, птицу. Еще — собаки, кошки. Одно время на кордоне жил даже медвежонок, оставшийся от застреленной браконьерами медведицы (потом его отдали в цирк).

⁹ О К Вахарловская скончалась в 1991 г; Г А Вахарловский, выдающийся инженер-кораблестроитель (см Доценко В. Д. Морской биографический словарь СПб: Logos, 1995), скончался в 1998 г

<...> Зимой добраться на кордон Пслух можно было только верхом на лошади или пешком — 20 км в гору, от Красной Поляны. Пришлось и мне овладеть «искусством верховой езды». Правда, были и неудачи. В 1984 г. лошадь подо мной споткнулась, я упала, лошадь — на меня. Пришлось лежать два месяца. По счастью, окончилось благополучно.

<...> Жизнь на кордоне была трудной, но она была мне интересна. Как явствует из уже сказанного, на Пслухе почти все лесники (и их жены) были с высшим образованием, выходцами из города. Круто сменив свой образ жизни, они целиком посвятили себя делу защиты природы.

Мой супруг Анатолий Кузьмич Базникин, по выражению одного из наших друзей, был «горнистом экологического движения». Это было небезопасно. Однажды я обнаружила на чердаке нашего дома подброшенную винтовку с глушителем рядом с давно пропавшим у Кузьмича охотничьим ножом, а в квартире — подброшенный комплект патронов. То была провокация против А. К. Базникина.

<...> О легендарном кордоне Пслух, с его командой лесников-интеллигентов, экологистов, в свое время писалось в «Литературной газете», в журнале «Знание-сила». В 1984 г. на нашем кордоне побывал знаменитый зоолог и писатель Дж. Даррэл, снимавший там фильм.

<...> В 1985 г. Анатолий Кузьмич Базникин получил должность помощника лесничего в Северном лесничестве Кавказского заповедника, и мы переехали на кордон Гузерипль, расположенный по другую сторону Главного Кавказского хребта, на территории Республики Адыгея (в 100 км от Майкопа). Поселились там в отдельном ведомственном доме.

Вслед за Анатолием Кузьмичом на кордон Гузерипль переехала и семья Салтыковых. Семья Абрашкевичей осталась на Пслухе.

<...> Жизнь на кордоне Гузерипль была не легкой, но иначе, чем на Пслухе. Команды лесников-экологистов здесь не было. Анатолию Кузьмичу пришлось начинать с «отлова» собственных подчиненных, лесников-браконьеров. Те, в свою очередь, пытались ему всячески отомстить. Постепенно, зачастую при противодействии начальства, Анатолию Кузьмичу Базникину удалось набрать молодых лесников, которые разделяли его экологические убеждения.

Еще когда мы жили на Пслухе, возникла проблема с моей пропиской. До регистрации нашего брака с Анатолием Кузьмичом (в 1984 г.) я формально не могла там прописаться. Приезжала милиция, штрафовали. Чтобы прописаться, надо было (в ту пору) сначала съездить в Ленинград, за штампом о выписке. Только в 1987 г. состоялась моя прописка в Гузерипле.

<...> Скотину, как на Пслухе, мы с мужем здесь уже не держали. Но был огород. Анатолий Кузьмич иногда брал меня с собой в дальние обходы, в горы. Я много фотографировала, вела фотолетопись кордона.

<...> Анатолий Кузьмич помог мне найти работу. Около года я заведовала местным музеем природы на кордоне Гузерипль. Потом стала работать в заповеднике фенонаблюдателем (регистрация сезонных изменений

в природе). Надо было еженедельно, в любую погоду, подниматься от лесных подножий гор в альпику, чтобы снимать показания метеоприборов и вести фенонаблюдения. Эта работа мне очень нравилась.

Моему супругу приходилось (еще на Пслухе, а здесь — особенно) много конфликтовать с главными в заповеднике браконьерами — директором заповедника и другим начальством. В 1988 г. они уволили его, в связи с достижением пенсионного возраста, и воспрепятствовали даже тому, чтобы он продолжал заниматься охраной природы на общественных началах. Анатолий Кузьмич глубоко переживал эту «отставку».

В 1990 г. Анатолий Кузьмич тяжело заболел. В Майкопской больнице не смогли поставить правильный диагноз. После выписки из больницы, уже в Гузерипле, ему стало совсем плохо. На вертолете его доставили в Краснодар. Там 12 июня 1990 г., в возрасте 61 года, Анатолий Кузьмич скончался. (Оказалось — позднее последствие инфаркта, перенесенного им на кордоне Лаура.) Он похоронен на кладбище в пос. Гузерипль (на берегу реки Белой).

Анатолий Кузьмич Базникин был самоотверженным и неукротимым защитником природы.

Вокруг Анатолия Кузьмича группировалась молодежь, любители и самодеятельные защитники природы. На кордон к «Кузьмичу» приезжали студенческие экологические отряды. А. К. Базникин был одним из учредителей Социально-экологического союза России. (Само учредительное собрание Социально-экологического союза осенью 1987 г. происходило на кордоне Гузерипль Кавказского биосферного заповедника.)¹⁰

В газетах «Труд», «Комсомолец Кубани», «Адыгейская правда» печатались статьи о Кузьмиче и его собственные публикации по проблемам охраны природы. На Ростовской студии кинохроники был снят фильм «Дальше — зона покоя...» (кинорежиссер В. Тимощенко), который посвящен Базникину.¹¹ Соратники Анатолия Кузьмича сегодня продолжают борьбу за спасение природы Западного Кавказа.

<...> После смерти супруга я осталась жить на кордоне Гузерипль одна. Продолжала работать в заповеднике. Друзья и сподвижники Кузьмича всячески помогали мне. <...>

З. Вахарловская, январь 1998

П.7-10.4.5. Дон Кузьмич Ламанчский

[Ниже — извлечения из очерка краснодарского журналиста и кинорежиссера Валерия Тимощенко «Заповедник», опубликованного в газете «Комсомолец Кубани» (1989). — А. А.]

⁰ «История Социально-экологического союза начинается 6 августа 1987 года, когда на 3-м совещании выпускников студенческих дружин по охране природы, состоявшемся в Кавказском государственном биосферном заповеднике, было объявлено о создании Социально-экологического союза и была образована инициативная группа по его учреждению» (Социально-экологический союз: история и реальность Сборник материалов М., 1994, с 1)

¹ К сожалению, этот фильм не сохранился, даже на студии

<...> Таким он и остался в памяти: шустрый, с трехдюймовыми седьмыми усами, с живыми глазами, мальчишеской фигурой и лысиной, блестящей в лучах закатного солнца. Такой, знаете ли, Дон Кузьмич Ламанчес-кий. Отнюдь не печального образа, с боевым пистолетом, разясняющий двадцатилетним балбесам благородную миссию заповедника.

Я не удивился, узнав, что он бывший директор школы, в которой к тому же еще и преподавал литературу. Там он оставил спокойствие, налаженную работу, признание. Но гребенской казак по рождению, он, видно, с кровью воспринял не только бойцовские качества, но и потребность жить «на краю», в атмосфере конфликтов. Всю жизнь он искал главную линию фронта. И тогда, десять лет назад понял, что она проходит по границе заповедника.

В те годы на кордоне Пслух их было трое. Он [*Анатолий Кузьмич Базникин. — А. А.*], Виктор Салтыков, физик по образованию, философ по складу души, и бывший физик-электронщик Владимир Абрашкевич. Они пришли в монастырь со своим уставом. Делали все, что могли, держали глухую оборону, сами ни в какую не охотились, хотя интеллигентам пришлось туго, без крестьянских навыков. Лишь хранили чистоту рук, идеи и отчаянную надежду переломить ситуацию заповедника. Виктор Салтыков был более мягок, более склонен к разумному компромиссу. Он обладал исключительной способностью притягивать людей. Ведущие архитекторы страны проникались его идеей «экокордона», гармоничного, экологически чистого дома. Внушительного роста, самый молодой и самый сильный физически Салтыков — в самых дальних обходах, на самых тяжелых работах. Идеи Владимира Абрашкевича о комплексном исследовании заповедника получили признание многих высоких ученых нашей страны.

Ну, а что Кузьмич?

— Ты знаешь, — как-то сказал мне в сокровенном разговоре Салтыков, — долгие годы я как бы паразитировал на Кузьмиче. Мы с ним были как манежная пара. Я — большой и добродушный, бежал я быстрее, но если с моей помощью он дотягивался до лацкана браконьерского пиджака, то уж снимал его, как говорится вместе с трусами. Быть до конца принципиальным очень трудно так что, случалось, я ловил на чем-то знакомого по поселку браконьера и на его просьбы говорил, дескать я хороший, я бы тебя отпустил, но Кузьмич знаешь, какой вредный... Так что извини, приятель.

Бывает, что излишняя строгость вредна и глупа. Но есть граница, за которую в уступках нельзя переходить. Эту самую границу все для себя и метили Кузьмичом. А он тащил на себе этот груз, все эти десять лет продолжал «читать лекции, как вести себя в заповеднике». Читал ее браконьерам, постреливая при этом для убедительности. И очень часто — руководству заповедника, выступая на партийных, профсоюзных собраниях. Причем свои права, нормы внутрипартийной демократии, методы убеждения он знал не хуже, чем устройство своего «ТТ». И пользовался ими не менее уверенно.

<...> Но перестройка победила пока лишь «на отдельно взятом кордоне». Он, кстати, стал центром, где собирались ученые, деятели культуры. Не случайно о нем писал «Огонек», «Литературная газета». Как раз в это время уж совсем нетерпим был развал в Северном лесничестве, одном из трех в заповеднике и самом крупном. Коммунистов Салтыкова и Базни-кина направили туда.

Очень скоро оказалось, что в районе много браконьеров. На самом деле их просто начали активнее и профессиональнее ловить, невзирая на лица и чины. Те же лесники, что ориентировались на благословенные времена «царской охоты», с появлением Кузьмича начали почесывать затылки. Не зря, потому что вскоре он задержал двоих из них с мешком форели, они заплатили довольно крупную сумму и были уволены. Если остались подобные, то они сочли благоразумным затаиться. <...> В лесничество стала приходиться на работу совсем другая молодежь. Кроме того, оно стало центром общественного движения. Помощь в охране и благоустройстве заповедника начали оказывать студенческие дружины охраны природы со всей страны.

Только бы и радоваться...

<...> Стало ли ему легче теперь, когда молодежь помогает не только в погонях, но и в строительстве, расчистке троп?

— Сейчас намного труднее, — сказал он. — Мы стали больше значить в этом мире, больше пытаемся сделать, а значит, и сопротивление нам возросло.

<...> Представители Северного лесничества все чаще стали выходить на общие вопросы жизни заповедника в целом, и очень многое их в этой жизни не устраивало. Как всегда, Базникин заявлял об этом, не взирая на лица, на партийных и профсоюзных собраниях. Всем, в том числе и директору заповедника. А такому, как Кузьмич, уже нельзя было сказать, что это не ваше дело, нам сверху видней. Да и присутствие на кордоне Гузерипль молодежных дружин вызвало немало хлопот. Студенты ведь с юношеским максимализмом (в чем-то похожим на ортодоксальность Кузьмича) задерживали всех подряд. Они по молодости лет не вникали в тонкости заповедной политики, им все равно, кто ловит здесь форель: милиционер ли, зубной техник или заслуженный работник заповедника, который, по мнению директора, заслужил право делать то, что другим запрещено законом. Это, сами понимаете, лишь укрепляет обывательское мнение, что лесник — браконьер в законе. Силясь понять, почему же все-таки это происходит, я не нашел другого предположения, кроме того, что лесниками, которые постреливают в заповеднике, куда как легче руководить, чем не в меру активными и принципиальными энтузиастами. Они-то никого не станут критиковать, у самих рыльце в пушку.

<...> Ну что ж, всякое революционное действие вызывает соответствующую реакцию. Кузьмич понимал это и продолжал работать и бороться, умея не только действовать, но еще и не подставляться при этом. Это

очень важно — ведь у этого отчетливого человека были такими же и друзья, и враги. И все же однажды он подставился. И дал своим «доброжелателям шанс», о котором они и не мечтали.

... Не стоит гадать, все очень просто — ему исполнилось 60 лет. Это был единственный изъян в его служебной деятельности. Если бы вы знали, какие страсти разыгрались вокруг этого события! Потеряв надежду отправить Кузьмича на пенсию с почетом, дирекция развернулась на 360 градусов, заявив, что он не справляется со своими служебными обязанностями.

В горячке как-то забылось, что за неделю до этого ему вручили грамоту за первое место в соцсоревновании. Это же самое произошло и в прошлом году. Я помню год, когда Кузьмич поймал больше браконьеров, конфисковал ружей, составил актов, чем все лесники соседнего лесничества вместе взятые.

Появилась и трогательная забота о здоровье ветерана. Даже запросы в столичные клиники посылали. Вдруг да найдется у Базникина какой-нибудь серьезный недуг, не позволяющий ему работать в заповеднике. Никакой производственной необходимости в его увольнении не было — наоборот, были вакансии. <...>. И все же приказ о его увольнении появился на свет. Понимая, что спорить бессмысленно, Кузьмич сделал единственное, что было возможно.

За два дня до увольнения вдвоем с безоружным (милиция никак не могла оформить разрешение на карабин) лесником Дарвиным, он отправился в обход на самый дальний край лесничества. Вновь два всадника выехали скрытно и ночью. Зная примерно, где возможен проход «гостей», они оставили лошадей в долине и еще до рассвета поднялись пешком на господствующую горку. Часа четыре тихо и старательно прислушивались, вглядывались в склон, по которому шла конная тропа. Пока, наконец, чуть заметные точки не мелькнули на горизонте. Еще через час ветер донес почти неразличимое ржание уже с другой стороны, снизу. И лишь много позже услышали то, что ждали — хлопок выстрела.

Прикинув, откуда он донесся, как огибает гору долина, насколько она проходима, каким образом могут загонять зверя браконьеры, они определили главное: где привязаны браконьерские лошади. По крутому склону, цепляясь за ветки, они спустились вниз и в просвет между деревьями увидели, наконец, то, что искали. Лошади с вьюками мирно помахивали хвостами в укромном месте за скалой. Тут же было и мясо убитой серны.

Теперь главное было не спугнуть браконьеров. С Дарвиным, напоминая, безоружным, они разошлись в разные стороны. Судьба распорядилась так, что трое вооруженных мужчин вышли на Кузьмича. У него был единственный способ их задержать: дождавшись, когда они приблизились вплотную, он прыгнул из укрытия с пистолетом у бедра, ну прямо как в старых добрых вестернах.

— Бросить оружие и руки за голову! Охрана заповедника.

Способ, скажем, прямо не самый безопасный. Расчет был на шок. Но, к сожалению, у всех он проявляется по-разному. Двое бросили ружья. А один, что-то промышав непонятное, крепко сжимая ружье, отступал назад.

Базникин, честно сказать, тоже несколько струхнувший, сделал опять единственно правильное:

— Да бросай ружье, дурак! Я — Кузьмич!

Дескать, неужели не знаешь, тот самый. Как ни странно, сработало — бросил.

<...> Разумеется, несмотря на все эти ковбойские эпизоды, Кузьмича не замедлили уволить и как можно скорее отобрать пистолет, а то, не дай господь, еще кого-нибудь поймают. Хотя лесотехник Сергеев, временно назначенный лесничим, в радиogramмах слезно просил директора оставить пистолет Базни-кину и разрешить ему хотя бы на общественных началах заниматься лесной охраной в очень тяжелый для лесничества момент. Но тот был непреклонен.

<...> Вот, пожалуй, и все, что я хотел рассказать о человеке, который живет и воюет на границе заповедного. Я, конечно, надеюсь, что и четвертая погоня состоится, а вместе с ней и пятая, и десятая. Кузьмич против увольнения протестует. Но юристам решать, законно оно или нет.

Главная грусть моя не в этом, а в том, что единственному полностью состоятельному политическому бойцу оказалось шестьдесят лет. Я не вижу никого помоложе, кто мог бы его заменить. После его увольнения перемены в лесничестве были разительными. Как ни крути, получается, что он был единственным гарантом заповедной демократии.

<...> Но, знаете, некоторая грусть, которая неизбежно приходит вместе с подобными размышлениями, полностью исчезла во время моей последней встречи с Кузьмичом. Не оставляя попыток вернуться на работу, он тем не менее был в прекрасном расположении духа. В ответ на мой удивленный взгляд усмехнулся:

— Я не вчера родился, кое-что за это время удалось сделать. Но горечи поражения было, пожалуй, больше. Только она никогда не мешала мне радоваться жизни, бороться. Не переходя при этом на позиции крайнего экстремизма и злобствования. Надо быть взрослее, уметь жить с горечью и надеждой одновременно. Вот только жаль, что время идет. Если вы, молодые, можете подождать еще двадцать-тридцать лет, то мне этого не дано. Мы слишком долго ждали эту перестройку. Если она не удастся, тогда, как говорится, только в партизаны. А если без шуток, я всегда на деюсь на то, что я все-таки не одинок.

Надеюсь на это и я. В.

Тимощенко

Кордон Пслух — Хоста — Гузерипль — Краснодар. 1979–1989
(Комсомолец Кубани, 3.03.89)

П.7-10.4.6. Беречь бумаги тех, кто ушел (архив Кузьмича)

[Ниже — аннотация к собранию документов, составляющих архив А. К. Базникина (1991). Публикуется в сокращении. — А. А.]

Год спустя после безвременной кончины Анатолия Кузьмича Базникина, последовавшей 12 июня 1990 г., мною совместно с его вдовой З. Г. Вахар-

ловской, была предпринята первая попытка упорядочить сохранившиеся документы его жизни и борьбы в защиту природы. Ценность этих документов (не только для близких и дальних, знавших этого замечательного человека, но и в качестве историко-культурных свидетельств) — представляется несомненной. Мы постарались облегчить положение тех, кто когда-либо заинтересованно возьмет в руки эти уже сейчас пожелтевшие листки.

По счастью, средства массовой информации не только «перестроечных», но даже и «застойных» 80-х гг. — не совсем обошли вниманием А. К. Базникина. Его собственные (не частые) выступления в прессе, ряд газетных публикаций о нем в местной и центральной печати, документальная кинолента (законченная производством уже после его смерти) — позволяют судить о масштабе личности этого человека.

Кузьмич (как его привыкли называть друзья и даже незнакомые люди) сам о своем личном архиве не очень заботился. Но, слава Богу, не забывал подложить копию при написании деловых бумаг, а иногда даже обеспечивал перепечатку наиболее важных из рукописных текстов. Кроме того, А. К. Базнин на протяжении всех лет работы в Кавказском заповеднике вел «дневник лесника».

<...> При первичном упорядочении и организации архива Кузьмича нами соблюдались следующие правила:

1) Все документы, независимо от их содержания и жанра (типа) разложены в хронологическом порядке (за исключениями, которые будут оговорены ниже).

2) Выделены папки, имеющие названия типа: «Архив Кузьмича. 1985 (1986, 1987 и т. д.) год».

3) Внутри всякой данной папки сначала лежат документы, время возникновения которых не удалось определить точнее, чем просто годом. Далее — документы, относящиеся к январю соответствующего года (без числа). Далее — в последовательности хронологии — точно датированные январские документы. Затем — февральские документы. И так далее.

4) В тех случаях, когда документ не имеет точной датировки, запись о предполагаемом времени его возникновения сделана карандашом, в квадратных скобках, рукой З. Вахарловской или моей.

5) Копии одного и того же документа лежат вместе, независимо от их количества. Рукописный оригинал или черновик (если есть) предпослан пачке копий.

6) В случаях, когда казалось важным сохранить тематические подборки, сделанные самим Кузьмичом, документы в них разложены в хронологическом порядке. Сама же подборка размещена в архиве в соответствии с датой, стоящей на первом из материалов на эту тему.

7) Наряду с документами, историко-культурная ценность которых очевидна, в нашей систематизации нашли свое место также случайные и, как будто, незначимые. Не исключено, что в общем контексте архива некоторые из них окажутся весьма информативными.

При невозможности оперативно сделать полное описание архива А. К. Базникина, следует бережно относиться к тому порядку, в котором ныне разложены документы внутри папок. Извлекая любой из материалов, для каких бы то ни было нужд, необходимо отмечать место, где он лежал, и возвращать его на то же место, строго руководствуясь изложенными выше правилами.

На данный момент комплектования архива мы располагаем только теми документами, которые хранились в доме Кузьмича, на кордоне Гузерипль Северного лесничества Кавказского заповедника. Не исключено, что этот архив удастся пополнить за счет документов, сохранившихся у его коллег, друзей, единомышленников.

Работа по собирательству архива А. К. Базникина может продолжаться неограниченное время. Есть основания рассчитывать на помощь людей, желающих сохранить память об этом человеке.

Надеемся, что уже в недалеком будущем найдется и доброволец-энтузиаст, который откажется на труд обозрения и осмысления нравственного и гражданственного урока, который (сам на то нисколько не претендуя) преподавал нам экологист, правозащитник, учитель — Анатолий Кузьмич Базникин.

Андрей Алексеев, 31.07.91

Гузерипль, Адыгея

[Архив Анатолия Кузьмича Базникина в настоящее время помещен в Санкт-Петербургский архив-коллекцию «Россия на изломе». Кроме того, материалы, связанные с историей борьбы общественности за сохранение природы на территории Кавказского биосферного заповедника, сосредотачиваются ныне в информационном центре Социально-экологического союза Западного Кавказа (г. Майкоп).

Перечислю здесь известные мне газетные публикации А. К. Базникина:

— *Луг без хозяина // Черноморская здравница, 25.11.84; Вступи в дружку ну, комсомолец // Адыгейская правда, 22.01.86; Дальний обход // Советская Россия, 9.07.86; Сохранить эталон чистоты // Комсомолец Кубани, 5.11.86; «Заговорная» тема // Советская Кубань, 22.07.89.*

Публикации об А. К. Базникине и его сподвижниках:

— *М. Подгородников. Кордон: природа и мы // Литературная газета, 20.03.85; А. Арманд. Земля заповедная // Знание-сила, 1985, ¹ 12; И. Авраменко. На пороге заповедного // Советская Кубань, 31.12.85; Н. Шпак. Не примиримость // Адыгейская правда, 26, 29, 30.04.86; Н. Шпак. Заповедник: год спустя // Адыгейская правда, 16.05.87; В. Тимощенко. Заповедник // Комсомолец Кубани, 3.03.89.; П. Пэнэжко. Охота... на лесничего // Труд, 24.09.89.*

В последующие годы продолжались и даже усугубились злоупотребления и преступления против природы на территории Кавказского биосферного заповедника. (См., например: Ю. Львов. Стрельба по мишени «безущий лесник». — Новая ежедневная газета, 13.07.94; Н. Семененко. Пикник на обочине. — Сочи, 14.10.94; О. Галицких. «Царская» охота. — Сочи, 29.09-5.10.95.) Не прекращается и борьба общественности за спасение Кавказского заповедника.

В первых рядах спасателей — друзья и единомышленники Анатолия Кузьмича Базникина, лидеры Социально-экологического союза Западного Кавказа Андрей Рудобаха и Владимир Каратаев. — А. А.]

П.7–10.5. Бунтарь. «Одиссея» Вилен Очаковского

Несколько вступительных слов

Вилен Яковлевич Очаковский — шахтер, журналист, правозащитник, человек неукротимого духа и большого мужества, узник карательной психиатрии, поставивший едва ли не самый жесткий эксперимент «на самом себе» из тех людей, с кем меня свела судьба.

В 1987–1988 гг. (после серии выступлений СМИ, посвященных эксперименту социолога-рабочего («и вокруг него»)¹², на меня обрушилась лавина корреспонденции. Едва ли не первым тогда поступило на «Ленполиграфмаш» письмо с Украины:

*«Дорогой Андрей! Я твой ровесник и **брат по счастью**, которое нормальные люди, в отличие от нас, чудаков (а иногда и «дураков»!) называют несчастьем. Кроме возраста нас с тобой роднит и один фронт на тихой Второй гражданской войне, длящейся с 1924 года... Как и ты, я — “народник” и даже слесарь-наладчик (бывший грузчик, шофер, шахтер и проч.)... “Одиссея” моя по экзотике (прости за нескромность) покраше твоей — преобладают сюрреалистические синие, белые, красные и серые нюансы. Мог бы тебе ее поведать, да не знаю, в чьи руки она попадет, кроме твоих, и вообще — попадет ли к тебе... Если после этого письмишка Тебе **захочется** со мной поговорить по нашей общей больной теме, я буду счастлив. В этом случае напиши мне свой адрес и номер телефона... Обнимаю с надеждой на близкое знакомство. Твой брат Вилен».*

*Я ответил по указанному на конверте обратному адресу в г. Александрию, Кировоградской области: «Здравствуй, уважаемый **Побратим!**...».*

Вскоре состоялась наша встреча и завязалась дружба.

...Чтобы познакомить читателя с моим побратимом Виленом Очаковским, воспользуюсь извлечениями из очерка еще одного его друга (тоже человека трудной и беспоконной судьбы, ныне — председателя комиссии по правам человека при губернаторе Иркутской области) — Геннадия Хороших, опубликованного в первой половине 90-х в журнале «Журналист». Очерк называется: «Виленса». См. ниже. (Декабрь 1999 — декабрь 2000).

П.7-10.5.1. Виленса Из

очерка Г. Хороших (1993)

*<...> **Философия, контрразведка, «губа»***

Ах, Виля, Вилька... Не только имя и фамилия определили твою судьбу, но и год рождения — 37-й — стучал пеплом замученных, невинно расстрелянных и сожженных в твоём сердце. Нареченный Виленом должен

¹² Выступления СМИ на эту тему начались очерком Л. И. Графовой «Преодоление пределов» (Литературная газета, 23 09 87)

был с детства оправдывать свое имя. Из книг, учебников, с плакатов смотрели на мальчика прищуренные глаза «самого человеческого человека», самого справедливого и любимого... В пять лет Виля начеркал печатными буквами заявление «Прошу взять меня подносчиком снарядов» и отнес в военкомат, а после Победы сочинил «Падение Берлина». Мальчика хвалили, ставили в пример, но он оказался упрямым, своевольным. Так, в пятом классе Виля получил единицу за отказ читать стихи П. Тычины. «Я не люблю плохие стихи», — сказал он оторопевшей учительнице.

Послевоенное детство — это калейдоскоп чистых помыслов и уголовной романтики, чтение Дюма и грабежи сараев, жестокие драки... Но улица не притянула Вилю. Научившись в секции фехтования мастерски владеть эспадромом, он получил «индальгенцию» от местных «авторитетов», вечера проводил за чтением книг и, закончив школу, поехал поступать на философский факультет в ЛГУ. Волновала юношу загадка жизни, ее смысл. На экзаменах Виле не повезло. Но он не расстроился. Кроме философии его манила контрразведка. И когда Очаковский закончил с отличием Херсонское техническое училище, ему улыбнулась солдатская судьба: он был направлен в радиоразведывательный полк связи особого назначения.

На начальство Вилену не везло всю жизнь. В армии особенно. Когда рядовой Очаковский, не выдержав агитзанудства полкового пропагандиста, предложил ему разговаривать с солдатами «великим и могучим русским языком», а не занудными штампами передовиц и затем в импровизированной дискуссии доказал полную некомпетентность пропагандиста в вопросах марксизма-ленинизма, — место службы рядового Очаковского переместилось на «губу»... Нет худа без добра: на «губе» у Вилена появилась возможность углублять знания в английском и турецком языках, читать политическую литературу и даже издавать полковую стенгазету со своими стихами, эпиграммами и баснями.

Философия никуда не денется, решает уволенный в запас Очаковский и поступает в Одесскую школу милиции. Он член комитета ВЛКСМ, чемпион облсовета «Динамо» по фехтованию, его фотография на доске почета. Но тошнит от наущничества курсантов, цинизма начальства, казарменных порядков. Как и в армии, он редактор стенгазеты, но у ее цензора высокий чин. И тогда Вилен пишет в журнал «Советская милиция» фельетон «Школа держиморд», а затем, подобный, в «Комсомолку».

<...> Итоги собрания по «делу» курсанта Очаковского подвел парторг школы: «Нет наказания, которое бы тебя исправило. Ты наш враг, враг милиции и партии!». Отчисленный из школы милиции, Вилен завербовался на Лену и определился грузчиком в речной порт поселка Мухтуя (ныне Ленск).

«С партией не судятся»

Конец 50-х — начало 60-х — время короткого ренессанса идей революции. Ложные изначально, они многих тогда сбили с толку внешней

своей привлекательностью. Вилен тоже верил в «светлое будущее идей Октября», в «чистоту ленинизма», а все зло, ему казалось, шло от Сталина, от его камарильи. И выход был ясен: объединить бескорыстных, боеспособных парней, заменить ими приспособленцев и карьеристов, а новые кадры, конечно, решат все. Если раньше «комсомольцев-добровольцев» загоняли на собрания из-под палки, то теперь молодежь не опаздывала. «Как увеличить нашу зарплату», «Марксизм и сталинизм» и т. п. — вот темы, которые предлагал Вилен, избранный комсоргом речного порта, своим комсомольцам. Для каждого собрания — спецвыпуск стенгазеты.

Начальство забеспокоилось: слишком быстро рос авторитет новенького. Решили приручить, назначив инструктором райкома ВЛКСМ. А Ви-лен, за короткое время объехав первички, выявил истинных лидеров и всю деятельность новоизбранных комсоргов направил на защиту интересов молодежи: «Забудьте, чем занимались раньше. Когда везде будут наши люди, мы изменим ситуацию, и не только в районе».

Хорошо говорил Очаковский, да в совдепии и у стен уши. Едва он заменил последнего комсорга, как его самого перевели из райкома в редакцию газеты «на укрепление». Но и в «районке» Очаковский не задержался. Забастовали грузчики, требуя улучшения условий труда и быта, и Вилен написал об этом статью (подчеркиваю, это было еще в 1961 году). Редактор сказал: «Если напечатаю, меня снимут, а тебя — сам знаешь... Грузчикам же не поможем в любом случае». «А XX съезд? Ленинские нормы? Пролетарии всех стран?!» — «Не будь, Виля, столь наивен».

В тот же день в порту произошло ЧП. Когда парторг попытался матом выгнать грузчиков на работу, лично оскорбленный им подслеповатый Г. Вешкин влепил ему пощечину. «За злостное хулиганство» рабочий получил три года. Где только не побывал Вилен, защищая бедового грузчика, но везде одно: «С партией не судятся». Итог правозащитной деятельности Очаковского подвел секретарь райкома КПСС Аргунов: «Снять с работы по несоответствию, за защиту уголовного».

Потом — Якутская областная комсомольская конференция, где делегаты толпами покидали зал, чтобы прочитать экстренные выпуски стенгазеты Вилена с едкими эпиграммами на функционеров и карьеристов. Через несколько дней инструктор райкома партии Слава Красовский шепнул: «Тикай, Вилен. Тобой интересуется КГБ».

«Голос Америки» для Ильи Муромца

Иллюзии, связанные с «дворцовым переворотом» в якутском комсомоле, окончательно развеялись у Вилена после нескольких откровенных разговоров с его уже бывшими единомышленниками и протеже. <...> Понимая, что он остался в одиночестве, Очаковский собирает рюкзак и уезжает в Мирный. Работал там лесорубом, грузчиком, женился, организовал секцию фехтования.

<...> В конце 70-го Вилен заехал на несколько дней в Иркутск. Наш долгий разговор на кухне закончился традиционным вопросом «что делать?». Хрущевская оттепель кончилась «ухрушением строптивых». <...> Брежнев круто заворачивал вправо. Посланные им танки раздавили «пражскую весну».

Отчисленный еще в 1966 году из Иркутского университета за попытку несанкционированного диспута, а затем за публичное выступление «с клеветническими и демагогическими выпадами в адрес Советского правительства и КПСС», я отработывал, казалось, бессрочный срок рабочим завода тяжелого машиностроения и пребывал в пессимизме. КПСС и КГБ казались незыблемыми, и мнилось пушкинское: «На всех стихиях человек — тиран, предатель или узник».

А Вилен был полон энергии. «Слушай, старина, — радужно улыбнулся он, — я новые записи Высоцкого привез. Магнитофон — великая вещь. Ты вот посылаешь Мэри [*дочь репрессированных в 1937 г., журналистка и поэтесса, жившая в Якутске, с которой дружили автор и герой этого очерка. — А. А.*] кассеты с записями «Голоса Америки». А если это поставить на поток? Записывать спецвыпуски, сопровождать их песенной публицистикой. И правду в народ, только правду! Надо будить Илью Муромца, призывать к революции!» «Мы сделаем такую смуту, что все поедет с основ», — горько сыронизировал я словами великого смутьяна Петра Верховенского.

«Перестань, — возразил Вилен, — а как бороться? Выходит для жлобов революцию делали? Верхушка рабочего класса куплена, низы спиваются... Нужна пропаганда, подпольная типография, радиостанция!» <...>

Ремарка: «Правда — вот что Русь излечит...»

Прерву здесь рассказ Геннадия Хороших ради того, чтобы процитировать «подпольные» стихи Вилена Очаковского начала 70-х:

...Ископаемого вроде
Наряженный не по моде Я из
тех, кто на свободе, Потому что
как артист Исполняю роль
дебила (Не «влезая в зад без
мыла» Коммунистам-
заправилам), в пахоте до звона
в жилах, Беспартийный
коммунист. Не кулацкий, не
дворянский, Я потомок
пролетарский, С темпераментом
бунтарским, Не лобзающий икон.
Не терплю икон-портретов,
Агитпропа трафаретов Во стенах
парткомитетов, Где трибуна —
за амвон. В мире пота и мазута
Я без ромба института, Без уюта
проститута, Вечный грузчик и
шофер.

Пусть горит спина от соли!
 Пусть мозоли в солидоле!
 Но... не мрет душа в неволе,
 Как орел без выси гор.
 словно Батыево иго
 СтаХруБрежневская лига
 Политгнетом давит Русь.
 Не наймусь коллаборантом,
 В штаты неоокупантов.
 В партлакеи не наймусь.
 Я катаю эти строки
 Не в пропагандистском шоке.
 Я повстанец одинокий.
 Мой годок — тридцать-седьмой.
 И души моей стенанья —
 Это строки из посланья
 Обреченных на закланье
 Воркутой и Колымой.
 <...>
 На «Что делать?» я отвечу,
 Отвергая бомбы, сечу —
 К микрофону Русь зову!
 Чтобы шла не преломленно
 Правда не из Вашингтона.
 Не во сне, а наяву.
 <...>
 Пусть же Правда «Самиздата»
 И «Самрадиоаппарата»
 Разнесется над страной.
 Кривда — вот что Русь калечит!
 Правда — вот что Русь излечит!
 От заразы жлобовой.
 Ноябрь 1973 — март 1974
 Мирный, Якутия.

*Эти строки взяты ныне В. Очаковским в качестве эпиграфа к своей книге «Выродок», или антигерой нашего времени. 1955–1992 (хроникальные путевые заметки или опыт социально-психологического исследования на собственной шкуре)».*¹³

Но вернемся к очерку Геннадия Хороших. (Декабрь 2000).

Протест под копирку

1973 год меня доканал. Я остался совершенно один. Население страны, адаптированное к перманентной брежневщине, ни о каком освобождении, казалось, не помышляло. Мной «овладело беспокойство, охота к перемене мест». Я разослал сотню писем знакомым, приятелям, в какие-то управления, леспромхозы, геологопартии и получал отказы, пока не вспомнил о Вилене. Через несколько дней мы обнимались в его квартире.

¹³ Экземпляр рукописи этой (к сожалению, до сих пор не дописанной) книги Вилен мне подарил в начале 90-х. Автор снабдил вышеприведенные стихи следующим примечанием: « из поэмы «Что делать?», из старых тетрадей-арестанток, пролежавших 7 лет в архиве Кировоградского областного суда»

Я устроился помбуром в экспедицию, а когда радиостанции мира сообщили об изгнании А. Солженицына, на нарах геологического барака тут же написал письмо протеста.

<...>. Потом я приехал из тайги на отгулы, и Вилен меня «застукал» за переписыванием. Прочитав письмо, он сделал «беспокойными» глаза и сказал: «У тебя здесь одна страшная ошибка!» — «???» — «Ты везде пишешь «Я», а надо «мы». — «Но, старик, твоя жена рождает через три месяца». — «Я хочу, чтобы мои дети знали: у них честный отец, а не молчун. И передать письмо надо не в наши продажные газеты, а на Запад».

Мы пошли к Мэри: у нее была пишмашинка. Отпечатав несколько копий, она сказала: «Мальчики, вы с ума сошли. Посадят». «Не посадят, а переведут на другой режим», — поправил ее Вилен.

В конце марта он повез письмо в Москву и после неудачи передать письмо в редакцию «Юманите» и «Унита» показал его Е. Евтушенко. Тот, прочитав, отрезал у письма подписи, и в таком виде оно ушло за границу.

Операция «Мангуст»

Из Якутии я переехал на Чукотку, и следующая встреча с Виленом случилась через три года в Москве. Ему тоже пришлось расстаться с Мирным. Организовав там первый в республике кооператив (самокупаемую фут-больно-хоккейную секцию) «Республика ПИФ» (пацаны, играющие в футбол), он несколько лет вел неравную борьбу с партчиновниками, увидевшими в «ПИФе» «подрыв социалистической системы». В защиту ПИФа подготовил статью П. Гутионтов, но она не прошла цензуру в «Комсомолке». И Вилен понимает, чтобы спасти «ПИФ», ему надо уехать из Мирного.

В Горьком Вилен устроился шофером-перегонщиком. Пишет несколько циклов стихов и поэм — они ложатся в стол. Читателей единицы, ибо гонорар за подобное творчество оплачивается по статье 190/1 УК РСФСР. Написав еще несколько листовок, сделал более пятисот копий на фотобумаге, подписав их вымышленной политорганизацией «Спартак», Вилен разбросал все это в канун Московской Олимпиады по Москве и Донецку.

— Я назвал эту операцию «Мангуст» и решил проводить ее регулярно. Потом понял, что листовки лишь отпугивают народ. Он пьет водку, заедая ее колбасой, и к сопротивлению режиму не готов, — рассказывал мне Вилен. — Сейчас я пишу поэму. Ее герой не может жить во лжи и создает подпольную радиостанцию. Кульминация поэмы — партизанская война в эфире.

Я с интересом прослушал отрывки, но сказал: «Пиши, старина, документальную прозу: твоя жизнь — приговор социализму». — «Ты уверен, что социализм — утопия?» — «Нет. Он уже построен для ЦК. Социализм — это тотальная власть над личностью». «Что ты городишь, старик? Ты просто пессимист!» — воскликнул Вилен.

<...> Последний раз в коммунистическую эпоху мы встретились с Виленом в Москве летом 1981 года. Вилен говорил: «То, чем мы с тобой занимаемся — война с мельницами. Брежнев выжил из ума. Но общество

под андроскопом... Я хочу сесть в психушку, чтобы потом рассказать о самом страшном преступлении «коммуняк». - «Доставь им удовольствие поиздеваться над тобой еще и шприцем. Совсем необязательно попадать туда Штирлицем. Продолжай жить честно, и ты туда попадешь».

Идеал - стенгазета

«Ни одна профессия так не запачкана у нас, как журналистика, - сказал однажды Вилен, - но мне себя упрекнуть не в чем. Правда, я в основном писал о спорте. Ты вот иронизируешь над моим увлечением стенгазетами, но именно в них можно высказаться честно и правдиво. Во всяком случае, мне это удается».

Переехав из Горького в Александрию, Кировоградской области, Очаковский пошел работать в шахту. Вскоре он выпустил первый номер стенгазеты «Звезда углекопа». Шахтеры зашпешили к стендам, чтобы успевать прочитать критику в адрес руководства, прокомментировать написанное крепким рабочим словом. Один из читателей как-то сходу срифмовал: «за такие вот статейки сидеть Вилену на «скамейке».

События развивались по накатанному сценарию. Некогда безучастные к своим нуждам рабочие кучкуются, обсуждают производственные проблемы, готовят пакет предложений для колдоговора. Накануне профсоюзной конференции ими создается временная избирательная комиссия, сформирован теневой состав цехкома, председатель - Очаковский. Вилену вызывают на заседание парткома, где пытаются его урезонить, шантажируя его тем, что содержание его стенгазет является антисоветским, грозят обратиться в КГБ. После этого Вилен выпускает очередной номер стенгазеты, гвоздем которой была карикатура и злая эпиграмма на парторга с символической фамилией Пустяк.

Борьба шла за создание свободного профсоюза по типу польской «Солидарности».

Политзек палаты ¹ 13 спецпсихушки

11 октября 1982 года Вилену вызвали из забоя к начальнику шахты «Медвежьярская», но на выходе его ожидал... прокурор следственного отдела В. Комендяк. Песенка медвежьярского «Валенсы» была спета: уходя на работу он оставил на столе рукопись поэмы «Лёниниана».

Чекисты перешерстили всю квартиру, каждую страницу каждой книги, перетыкали шампурами стены и всю землю на даче, где искали подпольную типографию и радиостанцию. Арестованы были все рукописи, записные книжки, магнитофонные кассеты с «вражьими голосами», негативы листовок. Взяли даже телеграмму, текст которой чекисты приняли за шифровку: «Гол забил я. = Лимон». При обыске семилетняя Жанна испуганно спросила: «Пап, что здесь дяди потеряли?». «Мою свободу», - ответил отец.

Первый допрос: «Цели, задачи, состав организации «Спартак»?»

«Спартак — вождь рабов, футбольная команда и организация, в которой состоял герой моей поэмы. Если вы хотите судить меня за моего героя, так судите Ю. Семенова за его фашистов, Шолохова за Гришку, который до седла рубил шашкой красных комиссаров», — ответил Вилен, а затем отказался от дачи показаний. Тогда чекисты отправили его на псих-экспертизу в Кировоград. Там психом Вилен не признали. Поручения гебистов выполнял в Одессе председатель экспертной комиссии профессор Д. Майер. Вилену он сказал: «Я внимательно ознакомился с вашими сочинениями. Это прямой подкуп под основы коммунизма».

Дождаясь суда в тюремной камере, Очаковский помогает заключенным писать жалобы, готовится к процессу. Но на свой собственный суд, состоявшийся в мае 1983 года, его не допустили. Ему было определено принудительное лечение. Затем этап в спецпсихушку Днепропетровска, шмон, бритве и таблетка аминазина, от которой Вилен упал в обморок.

1095 дней провел Вилен в дурдоме. «В палате нас было 15 человек. Примерно 6–8 убийц, дегенераты, олигофрены. Политических в палаты селили только по одному, мы общались в основном на прогулках. Те, кто не был в психушках подобного типа, нас никогда не поймут до конца. Вы для нас инопланетяне. Мир карательной психиатрии вы можете представить только по фильму «Полет над кукушкиным гнездом», но «Кукушка...» по сравнению со спецбольницей санаторий. А тут тебя окружают бандиты, убийцы, получившие отсрочку от «вышки» купленным диагнозом, на твоих глазах спариваются гомосексуалисты, минетчики... Нужно Данте поднять, чтобы он описал все это», — рассказывает Вилен. Зеки-санитары до полусмерти избивали больных, а врачи-палачи терроризировали политических трифтазином, галоперидолом, инсулиновыми шо-ками. «Если бы Камю ввели эти штучки, — писал мне Вилен, — он с ходу бы забыл про мировую революцию. От инъекций скрючиваются конечности, глаза лезут на лоб, язык сворачивается в трубочку, текут сопля, трясет как в лихорадке... И никакой пощады: политический — значит враг».

Из этого ада Вилену удалось передать на волю пачку стихотворений. Одно из них начиналось: «Я болен правдой, как чахоткой...». А заканчивалось цитатой: «Не дай мне Бог сойти с ума...».

Реабилитация

Вторым днем своего рождения Вилен считает 28 ноября 1986 года: он вышел из дурдома. В стране начиналась горбачевская перестройка.

<...> В декабре 1990 года я встречал Вилену в иркутском аэропорту. В расстегнутой старенькой меховой куртке, в разношенных войлочных ботинках, с рюкзаком за плечами, он легко выпрыгнул из дверей автобуса...

«Я не пеняю на свою судьбу», — говорил мне Вилен. «Ты напишешь обещанную книгу?» — спросил я. «Обязательно. Если сегодняшнее поколение не узнает о нашей жизни, оно повторит нашу историю».

(Г. Хороших. Виленса // Журналист, 1993, ¹ 9)

* * *

Из письма В. Очаковского в редакцию «Комсомольской правды» (1989)

<...> Если свершится чудо и моя одиссея будет напечатана, я хочу, чтобы меня правильно поняли. Я не диссидент. Я никогда не думал и тем более не говорил, что во всем нашем безобразии виноват социализм. Нет, то, что было, — это не социализм, не Советская власть. Трагизм нашего положения — в том, что носители добра всегда были в абсолютном меньшинстве, а должно быть наоборот. Именно это активное меньшинство сейчас помогает Горбачеву в том, что он начал. Когда ребята начинают плакаться, что «того нет, этого нет», я им говорю: «Вы посмотрите, что он получил в наследство! Ему же помогать надо!» И еще я точно знаю одно: если он проиграет — мне крышка, завтра же опять увезут в психушку. Да и не в одном мне дело. Если победят те, кто тянет нас назад, мы все погибнем. <...>

В. Очаковский, 1989

(Цит. по: А. Новиков. Неизлечимый марксист // Комсомольская правда, 1.01.90)

Ремарка: «крутой маршрут...»

Как видно, жизненный маршрут (эксперимент?) моего друга был куда «круче» моего. Его кульминация (в Днепропетровской спецпсихушке) приходится как раз на тот период, который описан в главах 7–10 настоящей книги (1983–1985).

...В конце 1987 г., когда мы впервые встретились с Виленом Очаковским, он добивался как правовой реабилитации, так и снятия психиатрического диагноза. За три года сумел достичь и того, и другого: снятия диагноза — в июне 1988-го, а правовой реабилитации (постановлением Верховного суда УССР) — в мае 1990-го.

В конце 80-х, работая проходчиком на шахте в г. Александрия, Кировоградской обл., Вилен Очаковский стал рабочим лидером, активистом демократического движения. Был выдвинут своим трудовым коллективом кандидатом в народные депутаты СССР, возглавлял стачком шахты. С тех пор и по сей день он является членом Правления Всеукраинского «Мемориала» имени В. Стуса.

Ныне (формально — пенсионер) В. О. активно занимается журналистикой и общественной деятельностью. (Декабрь 2000).

П.7-10.5.2. «Откровения о троих Леонидах...»

[Ниже — фрагменты иронической поэмы Вилен Очаковского «Письмо Брежневу или Лёниниана III».

Подзаголовок поэмы: «Эпистолярное эссе по мотивам трех откровений о трех Леонидах — Брежневе, Кравчуке и Кучме, от пенсионеров — пассажиров «рабочего» поезда «Пятихатки — Знаменка».

Публикуется по тексту рукописи, подаренной мне Виленом в один из его последних приездов в Петербург.

На титуле рукописи: «Библиотечка СЭДБ (самиздат эпохи демократического беспредела). Село Алевка, 1998». — А. А.]

Из поэмы В. Очаковского (1998)

<...>

Простите, Леонид Ильич,
Меня за прежние писанья,
В которых Вы и «старый хрыч»,
И «сатанинское созданье»,
И деспот a la Pinochet,
И литератор — плагиатор,
Перепугавший целый свет
Как жуткий ядерный диктатор.
Простите, я же не пророк,
Не Нострадамус и не Глоба, —
Вообразить себе не мог
Власть Рынокбеса- Бизнесглоба.

<...>

Вообразить себе не мог
Такую мерзкую свободу.
Где мистер Доллар — царь и бог,
Где тлеют шахты и заводы.
Где тлеют новые рабы
Беспенсионно, беззарплатно...
Крутые баловни судьбы
Живут прихваточно — прихватно.
Вообразить себе не мог
Такую мрачную картину:
Верховный шут дает урок,
Как грабить неньку — Украину.
Учит модерно воровать...
Вору в законе не под силу
Так за бугром кредиты брать,
Ведя страну свою в могилу.
Ведет он рыночным путем.
Путем реформо-геноцида.
Покорно мы за ним идем,
Духовной жизни инвалиды...

<...>

Вообразить тогда не мог
Все эти «прелести» реформы...
Мне видится ее итог —
Протестов социальных штормы...
Поход на Киев из Днепра
Отчаявшихся углекопов...
Это — сегодня и вчера...
А завтра — взрыв на всю Европу.
Грядет! Грядет всеобщий взрыв...
Шахтерский бунт пока цветочки...
Созреет ягодка — нарыв,
Взорвется и расставит точки...
Над всеми «і», над всеми «ё»,
Сметая властное жулье.
Шахтерский бунт — не бунт жулья,
Обиженного строгой властью.
«Так жить нельзя! Так жить нельзя!» —
Звучит набатом в стуке касок.

Когда сольется этот стук
 С сердцебиением народа,
 Исчезнет Власть Нечистых Рук,
 Как сатанинская порода.
 <...>
 СМИ? Независимо... молчат.
 Никто не тиснет компромат.
 Трепещут все редактора:
 Нет КГБ — есть... киллера.
 Новоукраинец-барон
 Наймет, коль будет гневен он.
 И все ж одно предугадал:
 Я демокраДами не признан.
 Демокредактор мне сказал:
 «На кой твои стихобомбизмы!
 На кой мне твой гротескный лай,
 Сарказм, приправленный маразмом?!
 Ты мне рекламу лучше дай,
 Пусть будет даже унитазной.
 «Я ж не рекламный писарчук
 и не дворцовый имиджмейкер
 Противен мне Крачумарчук
 И Кучмурная «шайка-лейка!».
 <...>
 Не видел двадцать лет назад,
 Когда был антибрежневистом,
 Жизнь превратившуюся в ад
 В сравненья с властью коммунистов...
 Насколько ж гнилы и мерзки
 Ваши последыши лихие,
 Коль вспоминаем дерьмодни,
 Как несказанно золотые.
 А если бы вообразил
 Кравчу-кучма-марчукиану,
 Тогда б молчально, мирно жил
 И не писал «Лёниниану»
 И, разумеется, не сел
 За антисАветизм матерый...
 И сладко пил и смачно ел,
 И отдыхал на Черном море.
 А так... антисоветский крест
 Несу смиренно, по-голгофски
 С тех не столь отдаленных мест...
 Несу его по-философски.
 <...>
 Я не тоскую, в целом, нет!
 О годах боли и печали,
 Когда в «раю» застойных лет
 Меня чекисты истязали...
 Но... микро-ностальгия есть
 О сером времени застоя...
Тогда в надежде жил я весь,
Теперь от безнадёги вою.
 Увы! Мертва надежда в нас,
 Пожить безбедно и красиво:

Ведь нынче в кучмудачный час
 Нам не до жиру — быть бы живу.
 <...>
 О благодетельный генсек,
 Проклятый чехом и афганцем,
 Вы архидобрый человек
 В воспоминаньях голодранцев,
 Живущих ныне как в кино
 С суперсценарием ужасным —
Мрачно... Дрянно... СНГовно...
 В клоаке дурреформ злосчастных.
 Теперь лишь только буржуин
 Жирует от рыноковаций.
 Сей ловкий бизнесучий сын
 Руки нагрел от реформаций.
 Я как Гайдаров Кибалчиш
 Во зле на новых буржуинов,
 Чей грязный, воровской барыш —
 Раствор крови и керосина.
 А по сему, спасибо Вам,
 Творец двадцатной колбаски,
 За Ваш зэкомсомольский БАМ,
 За жизнь, посмешнее сказки.
 Да, жизнь была при Вас не мед...
 Если по баллам, то на «тройку».
 А нынче? СНГ живет
 На дурнопахнущую «двойку».
 На сем заканчиваю я
 Свое посланье в царство теней
 В адрес застойного вождя —
 Вопль досадных откровений
 <...>
 Подпись:
 Ваш бывший критик-хулиган
 На поприще политсатиры,
 Он же — экс-зэк-политикан
 И антибюрократ-задира.

15.05-8.06.1998

с. Алевка — г. Александрия, рабочий поезд «Пятихатки-Знаменка»¹⁴

Вместо заключения («Бунтарь...»)

*Вилен говорит о себе: «Я — **БОМЗ** (Бунтарь-Одиночка Местного Значения)». Английский политолог Мэри Маколи, в одной из своих работ, определила Вилену Очаковского словом **rebell** (бунтарь, мятежник, повстанец).*

Таким он остается и по сей день. Но Украину пришлось покинуть. Недавно Вилен сменил место жительства — переехал из г. Александрия в Якутию, где прошла его бурная комсомольская молодость. (Февраль 2002).

¹⁴ Еще одна современная поэма В Очаковского (октябрь-декабрь 1999) — уже не ироническая, а политический памфлет — называется: «Кучмилиада-99, или сюрреалистичные импровизации на тему: кто и как выбирал хохоблаши на второй срок» Не цитирую ее здесь, поскольку написана на украинском и многое теряет в переводе

П.7–10.6. Последнее «дело» Бориса Беликова

[В нынешнем, 2002 году, в ожидании издания этой книги, я не дополнял рукопись новыми текстами, даже если хотелось. Но одно из последних событий не могу не отразить здесь. — А. А.]

Памяти Бориса Беликова

29 декабря 2001 г. скоропостижно скончался **Борис Дмитриевич Беликов**.¹⁵

Жена потеряла Мужа, дочь потеряла Отца, внук потерял Деда, мать (96 лет) потеряла Сына. Многие, знавшие и любившие Бориса, потеряли Друга.

Для меня Борис Беликов был коллегой, другом, соавтором, а еще и — «подельником», как иногда говорят. Об обстоятельствах нашего общего, давно минувшего «дела» уже приходилось рассказывать. Но было еще и другое, его индивидуальное (уже совсем недавнее!) «дело», имевшее трагический исход...

Ремарка: «...за неявкой истца».

Как уже говорилось, после объявления ему официального предостережения органами госбезопасности в 1984 г. Б. Д. Беликов вынужден был расстаться с Институтом социально-экономических проблем и завербовался начальником сейсмостанции на Крайний Север.

По возвращении с Чукотки в 1989 г., Беликов вернулся к своей основной научной работе и около 10 лет проработал в должности научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

В июне 1998 г. состоялось его увольнение из СПбФ ИС РАН, «по несоответствию должности». Несправедливое (а, как есть основания полагать, и незаконное) увольнение было оспорено Беликовым в суде. Решением Ленинского Федерального районного суда г. Санкт-Петербурга от июня 2001 г. в удовлетворении иска к институту ему было отказано.

Рассмотрение дела в кассационной инстанции, намечавшееся на февраль 2002 г., не состоялось, «за неявкой истца». (Февраль 2002).

...Борис, как и многие из его поколения, пришел в социологию из не гуманитарных наук. Свыше 40 лет работал в учреждениях Академии наук, в том числе в общей сложности около 15 лет в Институте физики земли АН, и около 25 лет — последовательно — в Институте философии, Институте социально-экономических проблем и Институте социологии АН (РАН).

Борис Беликов целеустремленно и плодотворно занимался методологией социологических исследований, на стыке с философской, эписте-¹⁵См о

нем ранее, в главе 7: раздел «И еще один «свидетель по валютному делу» »; в главе 9: разделы

«ИСЭП-1984...» и «Управление КГБ за работой 1984–1985»

мологической проблематикой. Был участником XV Всемирного философского (1973) и XIII Всемирного социологического (1994) конгрессов, членом Международной социологической ассоциации, членом Санкт-Петербургского Союза ученых и т. д.

Можно, конечно, пожалеть, что за 30 лет Беликов опубликовал лишь несколько десятков, а не сотню научных трудов, что в 70-х гг. он не собрался защитить кандидатскую диссертацию, а в 80-х его профессиональная научная деятельность была круто приостановлена органами политического сыска... Но так сложилась жизнь, прожитая им в полную силу, достойно и с честью.

Борис, каким я его знаю (впервые познакомились еще в 50-х, стаж же нашего сотрудничества и дружбы — около 30 лет), был не только интеллектуалом, но и интеллигентом (что, как известно, категория нравственная). Повышенная, до щепетильности, ответственность в отношении к делу, презумпция порядочности в деловых и личных отношениях, внутренняя независимость и то, что можно назвать «человеческой добротностью» (добросовестность в расхожем смысле — лишь частный случай), — вот его характерные черты.

Борис любил труд (всякий, хоть и отдавал предпочтение научному). И что бы ни делал, он делал это с таким усердием и так основательно, что иной любящий, к примеру, не «науку в себе», а «себя в науке» человек мог сказать: «вот блаженный! (или — если угодно — протак!)».

Пожалуй, достоинства находили продолжение и в недостатках. Бесхитрость и доверчивость к людям грозили обернуться беспечностью, обстоятельность и стремление к совершенству — медлительностью, нравственный максимализм — недостатком терпимости. Борис, как правило, искренне недоумевал и возмущался, сталкиваясь с недостойными человеческими проявлениями.

Не исключено, что именно эти личностные особенности вызывали смутное раздражение у тех людей, которых Бог упомянутыми достоинствами (недостатками?) обделил. (Замечу, что отсутствие таковых черт вовсе не помеха, а иногда даже катализатор научной карьеры и жизненного успеха...)

Будучи принципиальным «неприспособленцем» (при любом режиме), Борис, как мне кажется, избегал искушать Судьбу, т. е. не делал намеренных шагов, которые могли бы поставить под удар его самого (не говоря уж о других людях). Но по крайней мере дважды в его жизни Судьба сделала такие «вызовы», которые потребовали от него чрезвычайной внутренней мобилизации.

Первый раз — в начале 80-х, когда он попал под прицел КГБ. Гонители споткнулись об его «мягкую твердость» (свидетельствую лично!). Требовавшей сделок с совестью попытке удержаться в ИСЭПе он тогда предпочел увольнение «по собственному желанию» и отъезд на Чукотку.

Второй раз — два с лишним года назад, когда заурядный рабочий конфликт с амбициозным молодым начальником вызвал организованную последним травлю, не только ставящую под вопрос профессиональную репутацию Беликова, но и ущемляющую его человеческое достоинство. Морально Борис и тут выстоял. А вот физически — нет: сердце не выдержало.

...Некоторые теперь говорят: «Сам себя сгубил: сцепился с циником и горлохватом, не для него эта борьба!». После первого инфаркта в 1999 г. Борис и сам понимал, что рискует здоровьем. Но никто не предполагал, что он рискует жизнью.

Защищая свою честь и достоинство, Беликов «играл по правилам». Его гонители, как теперь хорошо видно, не гнушались бесчестными приемами. И как будто выиграли... Или им просто «повезло»?..

Ремарка: «недееспособный» ответчик.

Слушание дела в первой судебной инстанции затянулось на два с половиной года (первое заседание состоялось в ноябре 1998 г., последнее — в июне 2001-го). К концу первого года судебных разбирательств сложилась ситуация, когда ответчик (филиал Института социологии РАН, представляемый заместителем директора по науке СПбФ ИС РАН А. В. Дукой), похоже, испытал беспокойство, что это дело он может проиграть. Тогда был найден оригинальный выход из положения: объявить себя, т. е. ответчика, не существующим, а стало быть — и не могуцим «держать ответ».

Поводом послужило постановление Президиума РАН от 11.01.2000, согласно которому Институт социологии РАН реорганизуется «путем выделения из его состава Санкт-Петербургского филиала и создания на базе этого филиала Социологического института (СИ) РАН с правом юридического лица».

Создание нового института, преемственного относительно СПбФ ИС РАН, является процессом, который в данном случае продолжался еще свыше полутора лет (регистрация Устава СИ РАН в Регистрационной палате г. Санкт-Петербурга состоялась лишь в октябре 2001 г.).

Все это время упомянутое научное учреждение продолжало функционировать в своем прежнем качестве (как филиал Института социологии РАН), а поскольку собственного юридического лица у филиала не было, все юридические действия осуществлялись директором СПбФ ИС РАН (в данном случае С. И. Голодом) по доверенности директора Института социологии РАН.¹⁶

Вот согласно этой доверенности (периодически возобновлявшейся, в данном случае — от 21.10.98, выданной сроком на три года, т. е. до 21.10.2001) и действовал директор филиала, увольняя Беликова (напомним, в ноябре 1998 г.), а затем СПбФ ИС РАН оказался в роли ответчика.

И вдруг, в марте 2000 г. представитель ответчика А. Дука предъявляет в судебном заседании «эксклюзивный» документ (поступивший факсом), за подписью директора ИС РАН Ядова, от 3.03.2000, гласящий:

¹⁶ До 2001 г. директором ИС РАН был проф. В. А. Ядов

«В связи с ликвидацией филиала Института социологии РАН в Санкт-Петербурге доверенность на ведение дел директору филиала докт. философских наук, профессору С. И. Голоду не подтверждается».

*Этакий «ход конем»... И — не мат королю, а пам!*¹⁷

Тогда слушание дела откладывается на неопределенный срок, пока... то ли ответчик возродится в новом юридическом качестве (еще придется доказывать, что это «тот самый» ответчик!), то ли истец откажется от своих претензий, запутавшись в бюрократическом (административно-судебном) лабиринте.

Истец и в самом деле «расслабился»... Чтобы прокормить семью, устроился на временную работу в котельную, потом — сторожем...

Чтобы «сохранить научную форму», Борис Беликов занялся, в качестве члена Всемирной социологической ассоциации, организацией одной из сессий международной научной конференции, к участию в которой пригласил и коллег (кстати, из того же «не существующего» научного учреждения; и они в этой сессии, происходившей в 2000 г. в Берлине, наряду с Беликовым, участвовали!).

В суд Борис Беликов больше года не навевался, терпеливо ожидая, когда же у ответчика возникнут «полномочия».

А когда летом 2001 года напомнил-таки о себе, то и судья, и ответчик (надо полагать, посоветовавшись между собой) вдруг «забыли» о якобы недееспособности СПбФ ИС РАН. И ответчик, в лице того же представителя (А. Дука), в очередной раз иска не признал. А суд своим решением от 21.06.2001 (обратим внимание: Устав СИ РАН еще не зарегистрирован, т. е. при «не подтвержденных» полномочиях ответчика!) истцу, т. е. Беликову, в иске отказал.

Вышеописанный нюанс судебного дела является еще одним штрихом, ярко характеризующим всех «актеров» этой социодрамы. (Февраль 2002).

...Борис Беликов успел проиграть дело в суде первой инстанции. Но моральную победу — ценой собственной жизни — он все-таки одержал. Пусть же таким неторжествующим победителем он останется в нашей памяти!

А. Алексеев, 8.01.2002

Ремарка: «Нет человека — нет проблемы?»

Незадолго до своей смерти Борис попросил меня ксерокопировать текст своей предполагавшейся речи в суде, возможности произнести которую при слушании дела 21.06.2001 ему предоставлено не было (а только приобщено к материалам дела). Из этого текста явствует, как именно фабриковалось увольнение Беликова.

По счастью, я тогда сделал резервную копию и для себя, что позволило впоследствии, уже через неделю после похорон, издать «микротиражом» (30 экз.) брошюру под названием “Дело” Беликова и его фигуранты (нет человека — нет проблемы?)».

Фигурирующие в посмертно обнародованной речи Бориса Беликова институтские администраторы, понятно, восприняли данную акцию с раздражением. (Февраль 2002).

¹⁷ Понятно, что документ этот имел лишь одного, не объявленного в нем адресата — районный суд. Ведь все остальные «дела» администрация СПбФ ИС РАН до октября 2001 г с успехом продолжала вести, все по той же «дезавуированной» доверенности

П.7–10.7. Максимы А. (1974–1975)

...Максимы могут... функционировать только в границах сферы личных суждений. Уж если мы вверяем себя воле личностного знания, мы должны также признать тот факт, что существуют правила, осмысленные только в рамках нашего собственного знания и действия, и что эти правила могут оказаться в высшей степени полезными в контексте наших действий...

М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985, с. 58.

Несколько вступительных слов

В 1974 г. автор этих строк оказался в поезде дальнего следования Ленинград — Алма-Ата, с перспективой провести в нем несколько суток. В поисках для себя занятия, стал выдумывать «афоризмы», а точнее — «максимы».

Это можно было бы считать подражанием Ларошфуко или Лихтенбергу. (Правда, первый был тогда автору незнаком...)

Большая часть записей сделана за эти несколько дней. Еще года полтора потом — «баловался» пополнением тетради. После — забросил. И даже забыл.

Сейчас, перечитав, обнаружил, что это имеет достаточно близкое отношение к «драматической социологии и социологической ауторефлексии».

Стоит, пожалуй, напомнить, что год рождения автора — 1934-й.

Последовательность записей в тетради — не изменена. (Декабрь 1999).

Из дневника (70-е гг.)

1974 г.

= Великому множеству людей недостает индивидуального достоинства. Пожалуй, это единственное, что следует прививать людям, даже если они об этом не просят.

= Даже если бы рай был онтологической категорией, не следовало бы загонять в него дубинкой.

<...>¹⁸

= Быть правдивым — значит не говорить неправды. Молчание — не ложь, а реализация человеческого права на собственную независимость.

= Я не знаю, как я поступлю в тех или иных обстоятельствах. Но мне хочется думать, что я знаю, как я не поступлю ни при каких обстоятельствах.

= Не делайте того, чего можете не сделать. Делайте, как правило, только то, чего не можете не сделать.

= Прежде, чем вмешаться в чужую жизнь, спроси себя: будет ли рад этому тот, другой: а) сейчас; б) потом.

= Жесткая доброта: можно не обещать и не сделать; можно сделать, не обещав; нельзя обещать и не сделать.

<...>

¹⁸ Здесь и далее опущены высказывания, использованные в настоящей книге ранее; см в главе 2: раздел «Пляшущие на угольях»

- = Обязательность в мелочах — вежливость интеллигентного человека.
- = Дружба, как и любовь, велика бескорыстностью. Выгодная дружба — сожительство.
- = Не ищите конфликтов. Если вы порядочный человек, вам вполне хватит тех, которые предложит вам сама жизнь.
- = Бойся тех, кто знает как надо поступать другим. Но не бойся тех, кто знает, как не надо поступать ему самому.
- = Стройте жизнь как игру. Правила устанавливает сам игрок. Иногда правила претерпевают изменение. Тогда начинается новая игра. Блажен тот, кто за свою сознательную жизнь сыграл не слишком много партий.
- = Лучше отказаться от цели, чем от принципа. Еще лучше — не ставить целей, которые могут потребовать отказа от принципа.
- = Отказ хотя бы от одного принципа неизбежно ведет к перестройке их системы в сознании субъекта.
- = Хочешь побольше узнать — поменьше спрашивай...
- = Не ищите себе ни друзей, ни подругу. Выбирайте среди тех, кого предлагает вам сама жизнь. У нее хватит фантазии...
- = Самоутверждаться можно в труде, общении, знании. Отвратительно самоутверждение за чужой счет.
- = Нет такой цели, которую нельзя было бы скомпрометировать средством. У крупномасштабных целей, требующих широкого набора средств для их достижения, возрастают шансы быть скомпрометированными.
- = Экономьте движения и мысли! Не делайте того, в необходимости чего не уверены. Не думайте над тем, что прояснится потом само, независимо от ваших размышлений.
- = Не одоляйтесь (ни в прямом, ни в переносном смысле)!
- = Умение не совать нос в чужие дела — приятнейшая из добродетелей.
- = Не делай того, о чем можешь пожалеть. Сделавши — никогда не жалеи.
- = Мягкая твердость: уступай до той точки, за которую — заранее знаешь — не переступишь. Но за нее ни шагу. Поскольку об этой точке знаешь только ты — тем эффективнее отпор.
- = Обязательность, ответственность, верность. Узловые точки малопопулярной нравственности.
- = Терпимость — это не готовность принять чужую точку зрения, а способность ее рассмотреть.
- = Не говорите «Ты» тому, кто не ответит вам так же. Не говорите «Вы» тому, кто обращается к вам на «Ты».
- = Не суетитесь ни в движениях, ни в мыслях, ни в чувствах.
- <...>
- = Лучше один раз написать, чем десять раз сказать.
- = Пожалуйста, конструируйте идеальные объекты, но не спешите переустраивать реальные.
- = Говори про себя все, что хочешь, но думай и отбирай, что сказать про других.

= Быть самим собой — значит вести себя в разных ситуациях по-разному, но адекватно собственной личности.

= «Человек, совершающий добрые поступки без заранее обдуманного намерения, пожинает куда более богатые плоды, нежели человек, подражающий ему и совершающий добрые поступки с заранее обдуманными намерениями» (Г. Белль)

= Самая страшная ложь — ложь о будущем, т. е. утверждение о том, что оно состоится, без достаточных к тому оснований.

= Можно забывать факты, но не собственные обещания.

= Избегайте «половинок»: полуобразованности, полутруда, полуобщения.

= Ставь перед собой цели, реализация которых зависит только от тебя. Их достигай, чего бы это ни стоило (уж если поставил). Достижение цели, реализация которой зависит не только от тебя, — не твоя цель. Ее осуществление — случай, удача.

= Не делайте лишних движений, не останется энергии на нужные.

= Не думай за других больше, чем они сами за себя думают.

= Вся жизнь — игра. Наука — тоже.

= Взял — плати. Дал — не жди платы.

= Живи как хочется. Воспроизводи культуру. Береги друзей. Люби Женщину. Уважай людей. Не отступай от собственных принципов. Смейся над собой.

= В игре важен не любой результат, а результат (успех), достигнутый по правилам данной игры.

= Если твои недостатки не приносят вреда другим, а только тебе, не мучайся над тем, что они есть. Ведь это **твои** недостатки.

= Во всяком деспоте сидит подхалим, во всяком угоднике — тиран.

= Красивый проигрыш дороже некрасивого выигрыша. (Альтернатива: «Победителей не судят».)

= Социальные институты не заслуживают ни любви, ни ненависти. Этого заслуживают только люди.

= В столкновении с подлецом действуй согласно своим, а не его моральным критериям.

= Соразмеряй усилия и цели. Стоит ли цель усилий?

= Не желайте невозможного. Но пожелав чего-либо — достигайте.

= Ты отвечаешь за все, к чему прикоснулся. Поэтому избегай соприкосновений, без которых можешь обойтись.

<...>

= Полезно высказываться многозначно, но при этом отдавая себе отчет во **всех** значениях (контролируемая двусмысленность).

= Не вступай в конфликт с чиновником, если он точно выполняет свои функции, как бы нелепа ни была эта функция.

= Лучший способ борьбы с бюрократами — поставить его перед необходимостью последовательного проведения его же бюрократической нормы.

= Если ваши послышки верны и ход рассуждения правилен, выводы не подлежат опровержению. Пусть оппонент ищет ошибку в послышках или в рассуждениях. (Перефраз Ф. Энгельса.)

= Пусть обо мне не пожалеет страна, но заплачут товарищи.

= Беседа — это искусство понимать, что же на самом деле интересно собеседнику.

= Лучшая из радостей — это радость, доставленная другому, без насилия над собой.

<...>

= Не приноси блага человечеству. Лучше позаботься о том, чтобы не принести вреда своей деятельностью.

= Самовозвеличение, как и самоуничужение, — от недостатка достоинства.

= Бог — отчужденная совесть. Носите же «бога» в себе!

= Человек потому не может произвольно распоряжаться собственной жизнью, что она принадлежит не только ему.

= Подарок должен быть приятен не только одариваемому, но и дарителю. Иначе он безнравственен.

= Не лезьте людям в душу, не лезьте в душу, не лезьте в душу. Ни грязными, ни чистыми руками!

= Дружба, равно как и любовь, не имеет прав, но имеет обязанности.

= Не будь иным, чем ты есть!

= Благо умеющему слушать.

= Держите друзей «на длинном поводке». То есть — не стесняйте их мыслей, чувств и действий своей дружбой. То же, в известном смысле, относится и к гостям.

= Прежде, чем обращаться к друзьям с просьбой при свидетелях, выясни без свидетелей, согласны ли они (друзья) на такое обращение.

= Антиболельщик: не тревожься о том, в чем ты бессилён изменить ход событий. Прибереги энергию!

= Очень хорошая форма вступления в общение: «Можно ли к вам обратиться (спросить, рассказать, попросить, предложить, сообщить?)». (А вдруг — «нельзя»?)

= Самый красивый поступок — это незаметный поступок.

= Если Вы сознаете свое превосходство, предоставьте другим осознать это самостоятельно.

= Не делайте из собственной жизни мелодрамы!

= Минимизируйте количество друзей и врагов. Пусть это будут большие друзья и большие враги. Остальные — просто Люди.

= Слово «друг», по-видимому, занято обыденным сознанием. Для собственного смысла этого слова стоит придумать другой термин.

= Не берите на себя инициативу знакомства с людьми, которых Вы не хотели бы иметь: а) в друзьях; б) во врагах.

= Не обременяйте друзей и близких не нужной им информацией о собственной персоне.

= Избегай обращаться к другим с обременительными просьбами. Избегай выполнять просьбы, обременяющие тебя.

= Нелегкая просьба — вовсе не обязательно является обременительной. «Бремя» — субъективная оценка усилий.

= Не «нарушай» вне пределов дозволенного. Но — «нарушай» в пределах формально не предусмотренного! Пусть в другой раз предусматривают.

= Желательно не задавать окружающим риторических вопросов.

= Не стой в очереди больше 15 мин. за тем, без чего можешь обойтись.

= На бесчестный удар отвечай ударом честным.

= Неспособность додумать до конца — социальный инфантилизм.

= Либо не работай, либо работай «на больших оборотах». Середина — вредна.

= Работоспособность, талант, дерзость (синдром).

= Будь сдержанным в чувствах, четким в мыслях, ответственным в словах, дерзким в поступках.

= Знай себе цену. Ни ниже, ни выше.

= Угодничество, ханжество, хамство (синдром).

= Нежность, страсть, восхищение (синдром).

= Любить — значит радоваться и радовать.

= Во всякой деятельности необходимо оценивать **вероятность** успеха. Чем меньше влияние посторонних факторов, тем ближе должна быть вероятность к 1.

= Невозможно все предусмотреть. Но надо уметь предусматривать собственные поступки.

= Пожалуйста, ограничьте сферу своего самоутверждения.

= Не спешите выполнять просьбы. Подумайте, не беспардонна ли просьба.

= Просьба — дело ответственное. Не спешите обращаться с просьбой. Вдруг она беспардонна.

= Обмануть человека безнравственно. Обмануть социальный институт не безнравственно: он — механизм.

= Завоевывайте женщину только если ей хочется быть завоеванной.

= Если информация слишком неопределенна, лучше считать ее несуществующей.

= Неопределенная информация ценна лишь постольку, поскольку известна мера (степень) ее неопределенности.

= Инстинкт «что такое?» (инстинкт любознательности) — самый благородный из инстинктов.

= Слово — активная самооборона. Но и здесь есть предел допустимой самообороны.

= Неинтеллигентность прощительна неинтеллигенту и непрощительна интеллигенту.

= Не обременяйте других своими заботами, если эти другие в них: а) не заинтересованы; б) бессильны.

- = Бей редко, но сильно. Ударив, не жалея разбитого кулака.
- = Молчание золото, если: а) нечего сказать; б) незачем говорить.
- = Не учи людей жить. Живи сам. Они научатся.
- = По возможности, исключай ситуации, когда нужно просить. Проси тогда, когда это приятно тому, у кого просишь.
- = Надежные неудобства лучше ненадежных удобств.
- = Не заглядывайте «в окна». Но не отворачивайтесь от происходящего «на улице».
- = Не сообщай интимного друзьям о друзьях. (Вдруг, они между собой - не друзья!)
- = Не сотвори себе идола!
- = Больше знаешь - меньше спишь. Итак, да здравствует бессонница!
- = Не исповедуйся и не проповедуй. **Живи!**
- = Не обременяйте свою память ненужными мелочами.
- = Высшее гуманитарное образование - ликбез интеллигента.
- = Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал (песня-аллегория).
- = «Уважение к чужому мнению - признак своего» (Ключевский).
- = Если тебе говорят про Фому, отвечай про Фому. Про Ерему - в другой раз.
- = Оправдание - это обоснование некоторых действий *post factum*.
- = Бойтесь полуинтеллигентности!

- = Не подавай непрошенных советов.
- = Не путай дело с бездельем. Строго отграничивай одно от другого.

- = Вовсе незачем знать и уметь «все». Важно определить сферу своих интересов и быть уверенным в своей способности быстро овладеть любым необходимым элементом этой сферы.
- = Не ври по мелочам!
- = Не предпринимайте усилий быть замеченным. Если есть, что заметить, заметят «без вас».
- = Нарушать формально установленные правила - хлопотно; нарушать правила, которых не догадались формально установить, - интересно.
- = Делай только такое дело, о котором знаешь - лучше тебя его не сделает никто.

1975 ā.:

К самому себе

Будь тверд без черствости, приветлив без жеманства, Стань выше зависти, довольствуйся собой! От счастья не беги и не считай бедой Коварство времени и сумрачность пространства. Ни радость, ни печаль не знают постоянства: Чередование их предрешено судьбой.

Не сожалею о том, что сделано тобой, А исполняя
свой долг, чураясь окаянства. Что славить, что
хулить? И счастье, и несчастье Лежат в тебе
самом!.. Свои поступки взвесь! Стремясь вперед,
взгляни, куда ты шел поднесь. Тому лишь, кто,
презрев губительную спесь, У самого себя
находится во власти, Подвластна будет жизнь,
мир покорится весь.

Пауль Флеминг. XVII век.

Что значит в наши дни быть бесконечно смелым?
Звать черным черное, а белое звать белым...

Фридрих Логау. XVIII век.

= Нет ничего страшнее дурака-ученого. Это гораздо страшнее, чем простой дурак. (Е. Анисимова).

= Либо не делай совсем, либо делай образцово. (Русский царь Александр I).

= Не рассыпай идеи, которых не можешь реализовать. А если хочешь рассыпать — не претендуй на авторство.

= Предметом самоуважения должно быть достижение совершенства в избранной (или выпавшей на долю) сфере профессиональной деятельности, а не сама эта сфера и своя принадлежность к ней. В таком случае самоуважение становится возможным предметом «обладания» **каждой** личности.

= Общественная наука должна приносить обществу очевидные свидетельства неочевидного и неочевидные свидетельства очевидного. Последнее иногда важнее...

= Бойся «Альки — Голубые глазки»!

= Всякий имеет право на глупости, кроме таких, от которых страдают другие.

= Свобода — это не тогда, когда каждый делает, что хочет. Свобода — тогда, когда нельзя заставить человека делать то, чего он не хочет.

= Если на тебя давят сверху — дави обратно. Если же чувствуешь, что не в силах противодействовать, а лишь — передавать это давление вниз или вбок, уходи сам — вниз или вбок.

= Хочу, чтобы на моих похоронах оркестр играл Вальс!

= Пушкин — выразитель таких человеческих ценностей, которые наш согражданин разучился формулировать, к которым, однако, он тянется как к Прекрасному, Далекому, Великому, не своему.

= Гордость и Достоинство ныне получили половую [*сейчас сказали бы — гендерную.* — А. А.] атрибуцию. Гордость — только женская, достоинство — лишь мужское. Стало быть — нет ни Гордости, ни Достоинства... «вообще»?

= Принципиальность — всего лишь Игра по правилам. Играющий без правил — безнравственен.

= Не задавай себе правил, которые не Твои. Но по своим — играй!

= Будьте само-достаточны!

= Никогда не проси людей о том, что тебе не очень нужно. Ведь они могут отнестись к твоей просьбе **серьезно...**

= Сделай все, чтобы выиграть. Но не бойся проиграть. Честный красивый проигрыш ценнее некрасивой победы.

= Рискуй всем, кроме чужого. Проигравший Свое сохраняет Честь. Проигравший Чужое обязан застрелиться. (Плати по счету.)

= Лучше быть добрым, хуже быть злым, но отвратительно быть добрым за чужой счет.

= Если к тебе обратились по-эстонски, скажи: «Извините, не понимаю». Если обращаешься сам, скажи сначала по-русски: «Здравствуйте!». Тогда тебя поймут.

= Добрая жестокость лучше жестокой доброты.

= Слово — аргумент для слабых. Поступок — аргумент для сильных.

= Хочешь убедить — убеждай поступком. Поступком является также слово, обязывающее к поступку.

= Что позволено Юпитеру, не позволено Быку. Но что простительно Быку, не простительно Юпитеру.

= Человек, способный унижить другого, — низок. Человек, не способный унижаться сам, — высок. Человек, не способный унижить другого, — высок. Человек, способный унижаться, — низок. Низость и «высота» несовместимы.

= «Свой» не должен вынуждать. Иначе он — «не свой».

= Друзей не ищут, их выбирают.

= Бескорыстен лишь тот, кто не боится **обнаружить** свою корысть.

= Завел рыбок — корми. Развел цветы — поливай. Или не заводи. Или не разводи.

= Лучший способ «подвести» начальство — последовательно выполнять все его распоряжения.

= Что бы ни делал — делай так, как если бы после тебя — никто, и как если бы ты — никогда больше!

= «Наибольшая из всех безнравственностей — это братья за дело, которое не умеешь делать». (Наполеон).

= «Смеясь, изменяю мир» (Фигаро-Бомарше. Цит. по: Л. Фейхтвангер. Лисы в винограднике).

...Писанные правила умелого действия могут быть полезными, но в целом они не определяют успешность деятельности; это максимы, которые могут служить путеводной нитью только в том случае, если они вписываются в практическое умение или владение искусством. Они не способны заменить личностное знание...

М. Полани («Личностное знание»)

П.7–10.8. Что сказать мне удалось — не удалось (из авторских заметок по поводу книги «Год Оруэлла»)

[Как уже отмечалось, главы 7–10 настоящей книги ранее публиковались в: А. Н. Алексеев. Год Оруэлла (из опыта драматической социологии). СПб: Ступени, 2001, тираж 250 экз.

Ниже — авторские заметки по поводу этой публикации, первоначально не предназначавшиеся для печати (своего рода внутренняя автоаннотация), однако, пожалуй, уместные здесь, в качестве приложения. — А. А.]

<...> Чего автор хотел и что, по его мнению, ему удалось (не удалось...) сделать в этой книге, а также — чем данная работа, с авторской точки зрения, отличается от некоторых других.

Могу сообщить тезисно:

1. Автор надеется, что сделал определенный вклад в развитие кристаллизующейся ныне парадигмы «субъект-субъектной» социологии, в отличие от «субъект-объектной». Разные исследователи используют разные термины: «субъективная», «интерактивная», «интерпретационная», «рефлексивная», «антропоцентричная», «гуманистическая», «диалогическая» социология и т. п. Перспектива сближения субъекта и объекта в социально-гуманитарных исследованиях, вплоть до их отождествления, опережающе усматривалась некоторыми мыслителями XX века (например, А. Швейцер, А. Ухтомский), в том числе классиками мировой социологии (например, П. Сорокин).

Автор этой книги является одним из пионеров ныне бурно растущего применения качественных методов в отечественной социологии.

2. Придуманная автором «драматическая» социология является собой, по его мысли, одно из исследовательских направлений в рамках указанной новой парадигмы. В ней (драматической социологии) постулируется соединение элементов практической деятельности, рефлексии и игры. «Погруженный» в определенную социальную среду, исследователь (автор называет его «социологом-испытателем») наблюдает и анализирует последствия собственных действий в ней. Тем самым субъект исследования сам становится инструментом и контролируемым фактором исследовательского процесса («познание через действие»).

3. Разработанный и опробованный автором метод «наблюдающего участия», активное использование стихийно складывающихся в процессе «жизни-исследования» и намеренное (иногда говорят — «провокативное») построение «моделирующих ситуаций» были ранее освещены в монографии: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997. Ныне этот исследовательский подход представлен на новом материале: не только производственная, но и общественно-политическая, научная и прочая жизнь определенного исторического времени.

Непосредственным объектом исследования при этом выступает политическое «дело» социолога-рабочего, развернувшееся в середине 80-х гг.

4. В отличие от большинства современных социологических работ, case study (исследование случая) является здесь не подсобным, а основным методом исследования. Причем (и тут, пожалуй, принципиальная новизна) в центре рассмотрения — «жизненный случай» **самого автора**, который (случай) вовсе не планировался заранее, а рационально и достаточно эффективно использован субъектом жизни для исследовательских нужд.

В описанной на страницах данной книги социальной коллизии автор экспериментировал как над собой, так и над социальными институтами. (Эксперимент над «другими людьми» социологу запрещен по моральным соображениям; так что непосредственными объектами экспериментального воздействия здесь выступали не люди как таковые, а «носители социальных ролей», представители социальных институтов, в частности, институтов власти, вплоть до вершин партийной и государственной иерархии, не исключая «тайной полиции».)

5. Автор производил «социологические испытания» как над социальными институтами, так и над собой. С легкой руки журналистов «перестроечного» времени это стали называть «экспериментом на себе». Существенным здесь является пристальное внимание субъекта исследования к собственным действиям и поступкам в предлагаемых социальных обстоятельствах, а также к мотивации этих поступков, вырисовывающейся не столько из прямых авторских рассуждений, сколько из контекста — содержания и форм взаимодействия личности и ее социального окружения в конкретных жизненных ситуациях.

6. Книга, составленная в основном из документов разных лет, построена как некое социолого-драматургическое произведение, где действующие лица вступают в отношения между собой, ведут диалог, обмениваются репликами, совершают индивидуальные поступки и групповые акции, реагируют на действия других людей. Здесь научное содержание соединяется с почти детективным сюжетом; в отличие от обычных академических трудов, это — «фабульное» сочинение; причем здесь представлены не только «жизненные приключения», но и, как хотелось бы думать автору (а уж судить — читателю!), — **приключения духа**.

Если в «протоколах жизни» («записях для памяти», своего рода репортажах о значимых событиях и поворотах «дела» социолога-рабочего) преобладает «фактура», то, например, в личной переписке с друзьями и коллегами преобладает ауторефлексия — попытки экспликации определенной жизненной стратегии и тактики; причем показана эволюция той и другой на протяжении рассматриваемого периода (1983–1986).

7. Хотя сюжеты case study, представленного в книге, относятся к середине 80-х, «Год Оруэлла» вовсе не является только «жизненной историей в документах». В отличие от упомянутой выше работы 1997 г.¹⁹ (где «театр жизни на заводских подмостках» почти не комментировался «из се-

¹⁹ Имеется в виду: *Алексеев А. Н.* Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего) М : СПбФ ИС РАН, 1997

годня»), данная монография очень густо насыщена современными **ремарками**, из которых явствует нынешнее (часто — весьма критическое) отношение автора к собственным «экспериментальным» и не экспериментальным действиям и, особенно, к своему тогдашнему образу мыслей, сформированному в основном «господствующими мыслями эпохи». (Автор замечает о себе, что был не столько «инакомыслящим», сколько «инакодействующим», в тех пределах, в каких диктовали ему инстинкт самосохранения, с одной стороны, и внутренняя убежденность в своей правоте или нравственное чувство, с другой.)

8. В итоге автор истолковывает сегодня всю свою «одиссею социолога-испытателя», и в частности — хитроумное единоборство с партийно-государственной машиной, как своего рода вынужденную инициативу и необходимую оборону личности против тоталитарных или авторитарных посягательств на свободу мысли и действия, а также на ее (личности) достоинство.

Необходимая оборона — обычно в рамках социальных норм, официально декларированных в данной общественной системе. Официальные оппоненты социолога-испытателя порой вынуждены были отступать, сталкиваясь со скрупулезным соблюдением системных правил, какое демонстрировал «неудобный» субъект в интеракции с социальными институтами.

9. Указанный в пункте 7 композиционный прием — соединение раз вернутых документальных свидетельств минувшего времени и современных интерпретаций (те и другие строго датированы), своего рода хронологические контрапункты индивидуального и социального сознания и поведения — почти не имеют прецедентов в нашей научной и философской литературе.²⁰ Вообще, автор претендовал быть (и, по-видимому, оказался) инноватором — не только в способе проведения исследования, но и в способе представления его процесса и результатов.

10. «Год Оруэлла» заявлен автором как автономная публикация нескольких глав некоего *opus magnum* — трилогии «Драматическая социология, социология жизненного пути и социологическая ауторефлексия». Но, будучи монотематической по своему содержанию (анализ «анатомии и физиологии» политического «дела» социолога-рабочего середины 80-х), эта отдельно взятая часть книги может рассматриваться и как самостоятельное, законченное, целостное произведение. Тут есть свои «завязка», «кульминация» и «развязка» — по всем законам сюжетно выстроенного повествования.²¹

11. Стоит обратить внимание на «многоголосие» или «полифонию» данного сочинения. Автор редко перелагает точки зрения других людей

²⁰ Можно указать только на творчество Георгия Гачева; например, его книга «Семейная ко-media Лета в Щитово»

²¹ Здесь следует заметить, что и настоящая публикация — «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия (эксперимент социолога-рабочего и вокруг него)» — также является лишь сокращенным вариантом («выжимками из») первого тома упомянутой трилогии Структура пока не изданной трилогии: том 1 — «Выход из мертвой зоны» (в основном соответствует двум томам данной публикации); том 2 — «Полигон»; том 3 — «Суди себя сам»

(будь то единомышленники или оппоненты), предоставляя высказаться им самим. В известном смысле это коллективная монография, в которой много как со-актеров, так и со-беседников.

Таковыми для автора выступают прежде всего коллеги и друзья: Р. Ленчовский, С. Розет (ныне покойный), Ю. Щеголев, А. Кетегат, А. Базник (ныне покойный), Р. Баранцев, В. Дудченко и др.²²

В книгу включены также обширные «цитаты»: извлечения из работ А. Кони, А. Любищева, Я. Гордина и некоторых других авторов, имеющие прямое или косвенное отношение к предмету исследования или сюжету книги.

12. Особое место в работе «Год Оруэлла» занимают приложения, составленные как из текстов прошлых лет (самого автора и его коллег), так и из работ последнего времени (теоретических по преимуществу): «Российское общество: «наследственность и изменчивость», «К вопросу о «парадигмах» в социологическом знании», «Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации», «Социологическое воображение, драматическая социология и социология жизни», «Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования».

Уже одно перечисление названий этих работ дает представление о круге современных научных интересов социолога-экспериментатора. Некоторые — могут служить ключом к пониманию того, чего автор хотел и что, в той или иной мере, сумел сделать в основной части своей книги.

13. Пожалуй, автор настоящей книги претендует не только на научно-социологическую, но и на философско-мироотношенческую интерпретацию предпринятого им в 80-х гг. социального эксперимента, а затем — политического «дела» социолога-рабочего. Сделав инициативный, поначалу скромный вызов системе, человек получает ответные вызовы от судьбы (или общества?), на которые уже обязан отвечать, коль скоро «эту кашу заварил». Что бы с ним дальше не случилось, он продолжает оставаться «наблюдающим участником» собственной жизни и социальных процессов, в которые вовлечен.

14. С учетом сказанного в пункте 13, анализируемый в книге опыт социолога-испытателя сегодня может быть осмыслен как одно из ранних и частичных предвосхищений современных «моделирующих ситуаций», а также образцов «наблюдающего участия».²³ Можно сказать, что актуальность «драматической социологии» сегодня не убывает, а **возрастает**.

А. Алексеев, ноябрь 2001

²² Большинство текстов названных лиц публикуется впервые; тексты Ленчовского и Дудченко написаны специально для этой книги

²³ В качестве яркого примера укажем на опыт дальневосточного военного журналиста и эколога Григория Пасько, «работающего» обвиняемым и подсудимым и регулярно публикующего свои «репортажи с петлей на шее» в прессе (см «Новую газету») Таких примеров (менее широко известных) — множество

Вместо заключения

ВЗ.1. Староладожская декларация

[Ниже — текст проекта Староладожской декларации участников Петербургского неополитического форума «Невостребованная Россия» (май-июнь 1996 г.).

Составители этого проекта (редакционная комиссия форума): А. Н. Алексеев, А. Г. Аракелян, Н. В. Беляк, Г. С. Лебедев, О. В. Старовойтова, А. Ю. Чернов. — А. А.]

Мы, собравшиеся в с. Старая Ладога, Волховского района Ленинградской области Российской Федерации, на земле заповедного древнерусского города — первой столицы Руси — объединены общей тревогой за будущее нашей культуры, а следовательно, и нашей страны, нерасторжимо связанной с судьбами мира.

І. Наше кредо

На пороге третьего тысячелетия человечество остается перед фундаментальным вопросом: «Быть или не быть, и если быть — то как?». Может быть, особенно остро этот вопрос стоит сегодня перед нашим, российским обществом.

В разгар политических бурь, экономических невзгод и экологических бедствий мы хотим напомнить себе и своим согражданам о тех ценностях, которые во всей мировой истории, равно как и в более чем тысячелетней истории нашей Родины, предстают «сквозными», непреходящими, общечеловеческими. И которые — по нашему глубокому убеждению — останутся таковыми, пока пребудет род людской.

Это — такие ценности, как Добро, Достоинство, Жизнь, Истина, Красота, Любовь, Мир, Свобода, Творчество... Мы намеренно расставили эти слова в алфавитном порядке и заведомо не исчерпали списка. На языках разного знания эта совокупность ценностей называется или Нравственным законом, или Богом, или ритмами Космоса.

Мы считаем, что ни «сиюминутная выгода» индивида, ни «светлое будущее» человечества не могут оправдать пренебрежения ни совокупностью этих ценностей, ни любой из них, отдельно взятой. Как бы ни сложились наши личные судьбы или исторические судьбы страны, мы готовы безусловно подчиняться этим «вечным» императивам. Таков наш «символ веры», наше кредо — то, на чем стоим.

ІІ. Невостребованная Россия

В июне 1996 года память и надежда привели нас в первую столицу Древней Руси — Старую Ладогу. Тот синтез культур «Балтийского дома», который сложился здесь еще в доправославную эпоху, дал мощный импульс российской

истории. С невысокого, насыпанного больше тысячи лет назад холма на берегу седого Волхова — «Олеговой могилы» (именно там, по преданию, нашел успокоение первый собиратель и объединитель Руси Олег Вещий), можно «внутренним взором» хорошо увидеть и лавры, и тернии нашего прошлого. А «внутренний голос» там внятно говорит об ответственности перед будущим.

Эту Староладожскую декларацию составили и подписываются под ней участники Петербургского неполитического форума «Невостребованная Россия». Он проходил в конце мая 1996 года. Почему «невостребованная»? Имеется в виду потенциал индивидуальной созидательной деятельности и общественной самоорганизации. Этот творческий потенциал остается в значительной мере не востребованным государством и обществом.

Среди участников Форума были люди, успевшие «состояться» и не очень, активно включенные в общественную жизнь и держащиеся от нее «в стороне», знающие друг друга давно и познакомившиеся только на Форуме... Но они единодушны в том, что творческий потенциал, к какой бы сфере деятельности он ни относился, должен быть востребован: если не государством, то обществом; если не «дальними», то «ближними»; если не современниками, то потомками; если не другими, то... самим собой. В последнем случае уместно вспомнить требование, гениально сформулированное Пушкиным: «Ты сам свой высший суд!».

Невостребованная Россия — это складывающееся сообщество независимых организаций и инициативных людей, ощущающих необходимость неполитической консолидации и взаимной поддержки.

III. Наш призыв

—Вспоминая удивительную фреску Староладожского храма XII века, с изображением Георгия, где тот силой слова (а не силой оружия!) смиряет Змея, а спасенная Святым Воином Дева ведет Змея на «опояске»;

—обратив на «Олеговой могиле» свой взор как «внутрь себя», так и «вовне»: в даль веков, в смутное настоящее и неясное будущее;

—следуя велению своих чувств, разума и воли, а если сказать одним словом, то — Совести,

призываем всех и каждого:

—для кого упомянутые в начале этой Декларации общечеловеческие ценности действительно являются приоритетными;

—кто готов строить (а не рушить!), бороться (а не воевать!), молиться (а не заклинать!);

—кто сознает, что есть нечто такое, чего никто за него — здесь и сегодня — не сделает,

всех таких людей **мы призываем:**

—будьте тверды и спокойны, не «вешайте голову» и не «опускайте рук» (что бы ни случилось и как бы ни складывалось!); пусть ваша цель «невозможна», поступайте так, чтобы о вас могли сказать: «Он делает все, на что способен, и сделал все, что хоть сколько-нибудь от него зависело!»

—помните: то, чего вы не можете добиться в одиночку, может быть достигнуто за счет согласования усилий, самоорганизации и сплочения!

—всякая творческая деятельность есть вклад в культуру; не востребованный сегодня, он может очень понадобиться людям завтра; берегите культурные вклады других и содержите плоды собственных трудов в таком состоянии, чтобы другие могли ими воспользоваться!

IV. За принятие Декларации прав культуры

Мы видим своей первостепенной задачей отстаивание принятия, в дополнение ко Всеобщей декларации прав человека, международной Декларации прав культуры. Проект этой Декларации разработан по инициативе акад. Д. С. Лихачева.

В проекте Декларации провозглашаются: участие в культурной жизни как неотъемлемое право каждого гражданина; право культуры на поддержку со стороны государства, которое имеет юридические и моральные обязательства перед прошлым, настоящим и будущим за сохранение и развитие культурного наследия всех народов и этносов, проживающих на его территории; государство как субъект власти обязано стимулировать инициативу и участие различных групп населения в создании, сохранении, распространении и потреблении ценностей культуры. Одна из статей Декларации гласит:

Культура является определяющим условием реализации созидательного потенциала личности и общества, формой утверждения самобытности народа и основой душевного здоровья нации, гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизации. Вне культуры настоящее и будущее народов, этносов и государств лишается смысла.

* * * Мы — за обмен

информацией, координацию и сотрудничество уже существующих и еще только зарождающихся элементов гражданского общества. Мы — за самоорганизацию. Каждый, кто сочтет нужным, может присоединиться к этой Староладожской декларации. Старая Ладога, июнь 1996

В3.2. Российская антиутопия. «Что делать — мне?..»

Несколько вступительных слов

Я попросил своего друга Валерия Ефимовича Ронкина просмотреть рукопись этой книги. Созваниваемся:

—Знаешь, я вообще-то люблю придираться, а тут увлекся, просто читал... (Это было для меня комплиментом.)

—А я прочитал твою «Антиутопию». Знаешь, мне как раз такого текста не хватает в конце. Даришь — «вместо заключения»?

—Дарю.

Дело в том, что В. Р., с его культурной эрудицией, а главное — с обостренным чувством социального и исторического, выразил в этом тексте то, что мне хотелось, да не получалось пока сказать.

Кое-что еще добавлю — «от себя» — в конце. Но сначала — текст моего друга.

Оговорю, что эта работа («Российская антиутопия. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин и другие». 1999) продолжает собой статью Валерия Ронкина «Город-сад».

Эта последняя была опубликована в журнале «Звезда» (1994, ¹ 11). (Декабрь 1999).

ВЗ.2.1. Российская антиутопия

Утопия — это мечта о прекрасном, чаще всего идеальном, будущем. Нельзя отрицать, что наличие идеалов — условие абсолютно необходимое для прогресса. Но при этом нужно помнить, что попытки реализовать идеал немедленно и в полной мере, да еще по сомнительным рецептам, приводят к неожиданным для идеалистов и весьма печальным, мягко говоря, для всех остальных последствиям.

Иногда какие-то мечты, какие-то элементы утопий сбывались. Вспомним Пушкина:

«Самовластительный злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостью вижу».

Это не только и, кажется, не столько про Наполеона. Через год: «Россия вспрыгнет ото сна, и на обломках самовластья...». Сбылось. Внуки и правнуки Чернышевского в лагерях, в армии, в рабочих столовых хлебали баланду из той самой алюминиевой посуды, которая виделась во снах Веры Павловны.

Илья Ильф в записных книжках размышлял: «С изобретением радио мыслилось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет».

* * *

Антиутопия предупреждает о тех неожиданных результатах, к которым может привести осуществление утопии. Это жанр более рассудочный нежели утопия. Возникшая гораздо позже, антиутопия тоже имеет изрядную историю, достаточно указать на комедию Аристофана «Женщины в народном собрании».

Поначалу она выступает в виде мрачных пророчеств. Таково пушкинское (зрелого Пушкина!): «Не приведи Бог видеть русский бунт бессмысленный и беспощадный!».

Действительно, французская революция тоже была беспощадной, но не бессмысленной. Вообще европейские народные движения, даже те, которые терпели поражения, приводили к некоторым сдвигам в направлении Свободы, Равенства и Братства. Европейская мысль могла всякий раз находить все более плодотворный компромисс между элементами этой триады, противоречащими друг другу и, одновременно, невозможными один без другого.

В России же каждая победа над бунтовщиками означала дальнейшее усиление бесправия населения и расширение власти бюрократии (исключение составила революция 1905 г.). Что касается победы бунтовщиков в 1917 г., то беспощадность ее меркнет перед бессмысленностью, откинувшей Россию назад на целую эпоху.

Вернемся, однако, к прогнозам: «Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет /... / В тот день явится мощный человек /... / И горе для тебя! — твой плач, твой стон / Ему тогда покажется смешон; / И будет все ужасно мрачно в нем, / Как плащ его с возвышенным челом» (Лермонтов). Это в 1830 г., а в 1907 г. другой русский поэт, А. Блок, продолжит эту же тему:

«Все ли спокойно в народе? / Нет. Император убит. / Кто-то о новой свободе / На площадях говорит. / — Все ли готовы подняться? / — Нет. Каменеют и ждут. / Кто-то велел дожидаться; / Бродят и песни поют. / — Кто же поставлен у власти? / — Власти не хочет народ. / Дремлют гражданские страсти: / Слышно, что кто-то идет. / — Кто ж он, народный смиритель? / — Темен, и зол, и свиреп; / Инок у входа в обитель / Видел его и ослеп. / Он к неизведанным безднам / Гонит людей, как стада... / Посохом гонит железным... / — Боже! Бежим от суда».

Через семь лет после «Предсказания» Лермонтов напишет иное: «Вы, жадною толпой стоящие у трона... и вы не смоее всей вашей черной кровью...». Да и Блок, спустя некоторое время, напишет знаменитую поэму «Двенадцать», в которой двенадцать апостолов, двенадцать солдатиков с уголовными замашками шествуют по Питеру под невидимым предводительством Христа: «Кипит в груди черная злоба, святая злоба...» (*Выделено мною. — В. Р.*). <...>

Впрочем, пророчество Блока не так просто: «Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками. И будет пасти их жезлом железным». Это из Апокалипсиса (2; 26-27), и все сказанное — от имени Христа.

Не обошел тему ненависти и Некрасов («Песня Еремушке»):

«Необузданную, дикую / К угнетателям вражду / И доверенность великую / К бескорыстному труду. / С этой ненавистью правою, / С этой верою святой / Над неправдою лукавою / Грянешь Божию грозой». И тогда-то: «Вдруг проснулося / И заплакало дитя». Устами младенца глаголет истина... Некрасов-поэт оказался сильнее Некрасова-публициста.

Либеральная интеллигенция металась между неприятием царизма и страхом перед народом — справедливо утверждали советские историки. Интеллигенцию не устраивала некрасовская дилемма: либо — «ниже тоненькой былиночки надо голову клонить», либо — необузданная, дикая ненависть. Будущее показало, что страх этот был не лишен оснований.

* * *

У Салтыкова-Щедрина «народный смиритель», он же по совместительству и народный вождь, лишен романтических атрибутов: «Он был ужасен; но сверх того он был краток и с изумительной ограниченностью соединял непреклонность почти граничащую с идиотством» — это Уг-рюм-Бурчеев, градоначальник города Глупова, «простой, изнуренный шпицрутенами прохвост», сделавший замечательную карьеру. «Обыкновенно противу идиотов принимают известные меры... Но меры эти почти

всегда касаются простых идиотов; когда же придатком к идиотству является властность, то дело ограждения общества значительно усложняется».

Идиот этот появляется в Глупове вне исторического времени, мы узнаем только, что «тогда еще ничего не было достоверно известно ни о коммунистах, ни о социалистах, ни о так называемых нивелляторах. Тем не менее нивелляторство существовало, и притом в самых обширных размерах. Были нивелляторы «хождения в струне», нивелляторы «бараньего рога», нивелляторы «ежевых рукавиц».

«Историю одного города» можно цитировать всю. Замечу, что маршал Тухачевский, лейтенант Солженицын или герой его, колхозник Иван Денисович не были равны ни в чем, равенство было им обеспечено только системой «бараньего рога» и «ежевых рукавиц».

Поразительны некоторые детали: «Праздников два: один весной, немедленно после таяния снегов, называется «Праздником Неуклонности» и служит приготовлением к предстоящим бедствиям; другой — осенью, называется «Праздником Предержащих Властей» и посвящается воспоминаниям о бедствиях, уже испытанных. От будней эти праздники отличаются только усиленным упражнением в маршировке».

После работы и краткого отдыха, состоящего в маршировке, люди отправляются спать. «Ночью над Непреклонском (так переименован Глу-пов) витает дух Угрюм-Бурчеева и зорко стережет обывательский сон... Ни Бога, ни идолов — ничего...».

Угрюм-Бурчеев был не первый преобразователь Глупова. Ранее городом правил Бородавкин, который вел войны за просвещение. «Бородав-кин был утопист, и что если б он пожил подольше, то наверное бы кончил тем, что или был бы сослан за вольномыслие в Сибирь или выстроил бы в Глупове фаланстер».

Это замечание Щедрина наводит на размышления о том, что автор, говоря его же словами, не только скорбел о бедствиях уже испытанных Россией, но и готовился к бедствиям будущим. Очевидно, что к этому времени Михаил Евграфович успел познакомиться с нечаевскими теориями, которые Маркс и Энгельс называли казарменным коммунизмом.

К слову сказать, в своих воспоминаниях о Ленине Бонч-Бруевич (Берлин, 1927 г.) рассказывает: «Ильич говорил, что буржуазия оклеветала Нечаева. У него есть много дельного». В полном собрании сочинений Нечаев вообще не упомянут, хотя он был знаковой фигурой российского революционного движения, причем люди самых различных политических убеждений относились к нему одинаково отрицательно. Похвалу Нечаеву Ленин мог позволить себе только в частном разговоре, а говорить о нем плохое, очевидно, не хотел.

После 1870 года размышления о фаланстерах не сходят со страниц Щедрина. Вот чиновник Феденька Козелков провозглашает: «Социализм наша национальная подоплека... На днях я разговорился с каким-то «волосатым» насчет этого... самоуправления... такие мысли, что со временем

я их непременно в какую-нибудь бумагу помещу» («Итоги»). «Самоуправление и самоуправство по его (станового) мнению одно и то же», — но это уже Н. С. Лесков («Житие одной бабы»).

Другой щедринский персонаж, служащий в департаменте «любознательных производств... будучи рассматриваем отдельно от вицмундира, — радикал, который в свободное от исполнения возлагаемых на него поручений время пишет обширное сочинение под названием «Похвала Робеспьеру» («Итоги»). «Вчерашний охранитель делается сегодняшним потрясате-лем» («Пошехонские рассказы»).

Щедрин любил издеваться над проектами ретроградов: «Главная задача Академии наук есть научение, каким образом в исполнении начальственных предписаний быть исправным. Некоторые науки временно прекращать, а если не заметит раскаяния, то отменять навсегда» («Дневник провинциала»). Откуда это Щедрин мог знать о судьбе генетики, кибернетики, социологии?

«Можно при некотором умении таким образом устроить, что другие-то будут на самом деле облизываться, глядя как ты куски заглываешь, а между тем будут думать, что и они куски глотают» («Дневник провинциала»). Добавлю — и еще петь при этом: «За столом никто у нас не лишний!».

Позволю себе прервать цитирование Щедрина и вспомнить «Проект о введении единомыслия в России», написанный Козьмой Прутковым (Вл. Жемчужниковым):

«Целесообразнейшим для сего средством было бы утверждение такого официального повременного издания, которое давало бы руководительные взгляды на каждый предмет. Этот правительственный орган, будучи поддержан достаточным полицейским и административным содействием властей, был бы для общественного мнения необходимою и надежною звездою, маяком, вежою... Установилось бы одно **господствующее** мнение по всем событиям и вопросам... Можно даже ручаться, что каждый, желая спокойствия своим детям и родственникам, будет и им внушать уважение к «господствующему» мнению, и, таким образом, благодетельные последствия предлагаемой меры отразятся не только на современниках, но даже на самом отдаленном потомстве».

Возвращаюсь к Щедрину. Проект чиновника Толстолобова: «Членам комиссий для исследования благонадежности предоставить: а) определять степень благонадежности обывателей; б) делать обыски, выемки и облавы и вообще испытывать; в) удалять вредных и неблагонадежных людей, преимущественно избирая для поселения места необитаемые и ближайšie к Ледовитому Океану. В вознаграждение трудов положить сим лицам приличное и вполне обеспечивающее их содержание» («Дневник провинциала»).

Об этом же персонаже Щедрин сообщает: «Да, он ни перед чем не остановится, этот жестоковыйный человек! Он покроет мир фаланстерами, он разрежет грош на миллион равных частей, он засеет все поля персидской ромашкой! И при этом будет, как вихрь, летать из края в край,

возглашая: га-га-га! го-го-го! Сколько он перековеркает, сколько людей перекалечит, сколько добра погадит, покамест сам, наконец, попадет под суд! А вместо него другой придет и начнет перековерканное расковеркивать и опять возглашать: га-га-га! го-го-го! Ведь были же картофельные войны, были попытки фаланстеров в форме военных поселений, были импровизированные, декорационные селения, дороги, города?» («Помпадуры и помпадурши»).

Император Александр I, споря с противниками военных поселений (были же тогда противники!), заявил: «Военные поселения будут устроены, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Чудова до Санкт-Петербурга».

Любопытные могут подробнее узнать о судьбе российских фаланстеров в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Я же вернусь к Щедрину: «Аракчеев был в том отношении незабвенен, что подготовлял народ к восприятию коммунизма; шпицрутены же предполагались не как окончательный *modus vivendi*, а как благовременное и целесообразное подспорье» («Письма к тетеньке»). Те, кто помнит сталинскую пропаганду, узнают так называемую «диктатуру пролетариата».

Что император! Умный, либеральный Петрашевский начал строить своим крепостным, не спросив их желания, фаланстер. Недостроенное здание фаланстера крестьяне однажды ночью подожгли.

«Чего стоит мысль, что обыватель есть не что иное, как административный объект, все притязания которого могут быть разом рассечены тремя словами: не твоё дело!» («Помпадуры и помпадурши»). <...> «Обывателя сначала надо скрутить, — говорили тогдашние генералы, — потом в бараний рог согнуть, а наконец, в отделку ежовой рукавицей пригладить. И когда он вышколится, тогда уж само собой постепенно отдышится и процветет». Таким образом и стал действовать ретивый начальник из одноименной сказки. Мечтал он, как вверенный ему край остепенится до того, что превратится в каторгу!

«Каторга, то есть общежитие, в котором обыватели не в свое дело не суются, пороку не выдумывают, передовых статей не пишут, а живут и степенно блаженствуют. В будни работу работают, в праздники — за начальство Богу молят. И оттого у них все как по маслу идет... А он, ретивый начальник, только смотрит да радуется; бабам по платку дарит, мужикам — по красному кушаку». «Вот какова **моя** каторга! — говорит, — вот зачем я науки истреблял, людей калечил, город огнем палил! Теперь понимаете?» — «Как не понимать — понимаем».

В щедринской антиутопии слова «фаланстер», «коммунизм» и «каторга» становятся синонимами. Для того, чтобы устроить настоящую каторгу, — не обойтись без «мерзавцев».

«И ответили «мерзавцы» единогласно: «Дотоле по нашему мнению настоящего вреда не будет, доколе наша программа вся, во всех частях выполнена не будет. А программа наша вот какова. Чтобы мы мерзавцы говорили, а прочие, чтобы молчали. Чтобы наши, мерзавцев, затеи и предложе-

ния принимались немедленно, а прочих желания, чтобы оставались без рассмотрения. Чтобы нам, мерзавцам, жить было повадно, а прочим всем, чтобы ни дна, ни покрывки не было. Чтобы нас, мерзавцев, содержали в неженях, а прочим всех — в кандалах. Чтобы нами, мерзавцами, сделанный вред за пользу считался, а прочими всеми, если и польза была принесена, то таковая за вред бы считалась. Чтобы о нас, о мерзавцах, никто слова сказать не смел, а мы, мерзавцы, о ком вздумаем, что хотим, то и лаем».

Как мог писатель загодя предсказать принципы, согласно которым коммунисты 70 лет управляли гигантской страной и от которых не отказываются до сих пор?!

* * *

Салтыков-Щедрин не был ни экстрасенсом, ни астрологом. Он был человеком хорошо знавшим Россию.

«Нас страшат именами Кабе и Фурье, нам представляют пугало в виде фаланстера, а мы спокон веку живем в фаланстере и даже не чувствуем этого! Не чувствуем потому, что к фаланстеру Фурье надо пройти через множество разнообразных общественных комбинаций, составляющих принадлежность периода цивилизации (капитализма по Марксу), а наш фаланстер сам подкрался к нам помимо всяких комбинаций и, следовательно, достался, так сказать, даром без всякой цивилизации» («Итоги»).

«Многие восстают на принцип чистой творческой администрации за то, что она стремится проникнуть все жизненные силы государства, — говорит один из персонажей. — Оглянитесь кругом себя — все, что вы видите, все это плоды администрации: областные учреждения — плод администрации, община — плод администрации, торговля — плод администрации, фабричная промышленность — плод администрации» («Губернские очерки. Озорники»). Это написано в 1857 г., когда С. Г. Нечаеву еще не было и десяти лет.

«Озорниками», «шалунами» Щедрин называл тех, в ком «есть завидная способность жить шутя, администрировать забавляя, делать хорошие гадости и как можно меньше думать о том, что из этого выйдет».

Шалунов он делил на естественных и искусственных: «Естественный шалун всегда сын известных родителей, всегда достаточно обеспечен или, по крайней мере, имеет возможность делать долги, не заботясь об уплате их... Искусственный шалун... не знает своих родителей или стыдится их; средства к жизни имеет ограниченные и всю надежду полагает на самого себя, на свои способности. В применении к ним даже название шалунов не точно; гораздо приличнее называть их мерзавцами (*это название и всплывает в «Сказке о ретивом начальнике» — В. Р.*)... Эти шалуны, как естественные, так и искусственные, — народ покладистый, скажи им: «Пойди и напиши доклад о высылке отца твоего в Туруханский край» — они пойдут и напишут; скажите: «делайся публицистом» — сделаются публицистами. Это целая проклятая система, целая каста, в которой трепещет и бьется один принцип — это неимение никаких принципов...» («Наша общественная жизнь»).

Один такой «выходец из народа» описан А. И. Герценом в «Былом и думах», это вятский губернатор Тюфяев. «Тюфяев родился в Тобольске. Отец его чуть ли не был сослан и принадлежал к беднейшим мещанам. Лет тринадцати молодой Тюфяев пристал к ватаге бродячих комедиантов, которые слоняются с ярмарки на ярмарку. Он с ними дошел от Тобольска до польских губерний. Там его арестовали, как бродягу, отправили пешком при партии арестантов в Тобольск».

Мальчику далась грамотность и он стал заниматься писцом. Проезжему ревизору кто-то рекомендовал Тюфяева. Ревизор был им доволен и предложил ему ехать с ним в Петербург. Через 11 лет он уже заведует экспедицией в канцелярии Аракчеева, который и дал ему пост губернатора.

«Тюфяев был восточный сатрап, но только деятельный, беспокойный, во все мешавшийся, вечно занятый. Тюфяев был бы свирепым комиссаром Конвента в 94 году. Развратный по жизни, грубый по натуре, не терпящий никакого возражения... Он не брал взяток, хотя состояние себе-таки составил... Отправляя чиновника на следствие... говорил ему: откроется то-то и то-то, и горе было бы чиновнику, если бы открылось что-нибудь другое». Одного бедного чиновника, рискнувшего жаловаться, Тюфяев усадил в сумасшедший дом. Домашний врач чиновника потребовал его переосвидетельствования, но тот умер не дождавшись назначенного дня.

Другой «выходец» изображен Щедриным в «Губернских очерках». Порфирий Петрович, сын сельского пономаря. «Известно, что в древние времена по селам и весям нашего обширного отечества разъезжали благородные гении, которые замечали природные способности мальчиков и, по влечению своих добрых сердец, усердно занимались устройством судеб их. На этот раз благодетель обратил внимание не столько на острого мальчика, сколько на его маменьку».

Шантажом и предательством этот «искусственный шалун» обеспечил себе карьеру, состояние и место в обществе, как «человек, казенных денег не расточающий, свои берегущий, чужих не желающий».

Надо сказать, что литературный персонаж все-таки меркнет перед лицом историческим.

Через десять лет после «Губернских очерков» имя «Порфирий Петрович» появится в романе Достоевского «Преступление и наказание». Не уверен, что у Щедрина, но у Достоевского имя это несомненно значащее. Порфирий (красный) Петрович (Петр, с одной стороны, основатель Римской церкви, с другой, первый император России — обоих Федор Михайлович не любил) противостоит в романе Родиону (розовому) Романовичу (римскому) Раскольникову. Очевидно, чиновник казался писателю страшнее преступника!

* * * «Ликующие холопы, осознавшие себя силою» («В среде умеренности») являются как бы прослойкой между властью и массами. И, надо сказать, они достаточно репрезентативно представляют породившие их низы. Этого Щедрин не скрывал ни от себя, ни от нас.

«Глуповец имел совесть покладистую и готов был на всякий подвиг, лишь бы инициатива подвига исходила от лица, могущего дать на водку... Он подлец и поэтому убежден, что всякий, кто имеет силу, имеет ее для того, чтобы бить. Сплетнею и клеветой занимался Глупов еще до ошпаривания» («Сатира в прозе. Клевета»). Под «ошпариванием» Щедрин имел в виду крах крепостного права, мы с одинаковым успехом можем указывать на октябрь 1917 года или сегодняшний день.

«Мы простые? Мы, у которых сложилась поговорка «простота хуже воровства»? Не верю!.. Поступить с выгодой для себя и в ущерб другому, самый факт неиспользования этой возможностью считается у нас глупостью... Вас надули при покупке, вы дались в обман не потому, что были глупы, а потому, что вам в ум не приходило, чтобы в стране, снабженной полицией, мошенничество было одною из форм общежития... Им мало отнять у «разины», им нужно сократить «разиню». Ненависть к «дураку» возводится почти на степень политического и государственного принципа» («Благонамеренные речи»). Когда это писано? О чем? Не о денежных ли пирамидах?

Так поступают обыватели друг с другом при наличии полиции. «Анархия началась с того, что глуповцы собрались вокруг колокольни и сбросили с раската двух граждан: Степку да Ивашку. Потом пошли к модному заведению француженки, девицы де-Сан-Кюлот и, перебив там стекла, последовали к реке. Тут утопили еще двух граждан: Порфишку да другого Ивашку, и, ничего не доспев, разошлись по домам». На следующий день «пятый Ивашка стоял ни жив, ни мертв перед раскатом» — его собирались топить: «Зачем галдит? Галдеть разве велено?».

Появление воинской силы кардинально меняет ситуацию. Ходока по крестьянским нуждам одевают в кандалы: «Небось, Евсеич, небось! — раздавалось кругом, — с правдой тебе везде будет жить хорошо!»... «Стрельцы помялись; неладно им показалось выдавать того, кто в горькие минуты жизни был их утешителем; однако, после минутного колебания, решились исполнить и это требование начальства. «Выходи, Федька! небось! выходи!» — раздавалось в толпе» («История одного города»).

Щедрин, конечно, утрирует, но, очевидно, не слишком. Иначе откуда такое недоверие граждан друг к другу?

«О всяких коллективных оборонах против всевозможных современных зол, идущих на деревню, не могло быть и речи. «Захотели с нашим народом! Неужто наш народ присогласишь? Неужто он понимает?». Это уже не Щедрин, это Г. Успенский («Иван Ермолаевич»). Такую же аргументацию я слышал через сто с лишним лет, когда во время перестройки предлагал рабочим организовать на заводе независимый профсоюз: «Разве с нашим народом...».

Вспомним чеховского «злоумышленника», снимавшего гайки, крепящие рельсы, для грузил. Когда в 60-х годах XX века возникла мода на цветомузыку, более образованные, чем чеховский мужик, добры молодцы

начали воровать светофильтры железнодорожной сигнализации. Это не простота, а полное равнодушие к судьбам и жизням других и ко всему на свете, кроме сиюминутного своего интереса.

Отсюда страх перед всякой личной инициативой и самостоятельностью. Поэтому «одни смешивают государство с отечеством, другие — с законом, третьи — с казною, четвертые — громадное большинство — с начальством» («Благонамеренные речи»).

«Почему, однако, уничтожить, вычеркнуть, воспретить, а не расширить, создать, разрешить? Тайна этого обстоятельства опять-таки заключается в страстном желании «жить», в представлении, которое с этим словом соединено, и неимении других средств удовлетворить этому представлению, кроме тех, которые завещаны нам преданием» («Дневник провинциала»).

«Мы, русские, всегда оказываемся бессильными, когда нужно будет указать на действительно больное место. Но зато никто лучше нас не плавал в океане, так называемых, общих мероприятий... плыви куда хочешь — нигде пути не заказаны, бей направо, бей налево — авось и подвернется виноватый — мозгов не утруждаешь, а между тем, воотлично видишь, как в сердцах водворяется спасительный страх» («Круглый год»).

«Неужели русская культура не выработала в себе никакого жизненного факта, кроме бесшабашного гвалта, на дне которого лежат три целковых, никакого жизненного требования, кроме дикой потребности, пользуясь всяким удобным случаем, чтобы кому-нибудь зажать рот, перервать горло, согнуть в бараний рог?.. Почему у нас всякое бедствие словно шабаш какой-то в российских сердцах производит? Вся мразь, все отпетое вдруг оживает и принимается старые счеты сводить. О здравом смысле, о свободе суждения — нет и в помине. На всех языках угроза, во всех взглядах — намерение горло перекусить» («В среде умеренности и аккуратности»).

«Я бы его, каналью, в бараний рог согнул! — говорит один. Этого человека четвертовать мало! — восклицает другой. На необитаемый остров — пускай там морошку собирает! — вопиет третий. Не думайте, что это были приговоры какого-то жестокого, но всеми признанного судилища; это приговоры простых охочих русских людей. Они себе гуляючи по улицам и мимоходом ввертывают в свою беззабучную речь словечко о четвертовании» («Господа ташкентцы»).

* * *

«Однажды маленький глупый кротенок вылез из сырой, тесной и темной норы и узнал, что наверху греет солнышко, дуют теплые ветерочки, поют птички. Однако мать велела ему возвращаться в нору. — «Но почему же, маменька?» — «А потому, что это твое отечество!»

Узнаете анекдот 70-х годов, да не прошлого, а нашего века? Оказывается у сей притчи столетняя борода — это из очерка Щедрина «Испорченные дети».¹

¹ Этот анекдот (именно как анекдот, а не литературная цитата) фигурировал в дневниках социолога-рабочего начала 80-х (см ранее, в главе I: раздел «Индивидуальная жизненная перемена Социолог-рабочий »)

Щедрин хотел жить не в затхлой норе, а там, где светит солнце и поют птицы. Не покидать Россию, а сделать ее другой: «Господа, я действительно русский, но я из тех русских, которые очень хорошо понимают, что русские — кадеты европейской цивилизации» («Культурные люди»).

Был он не одинок. Ал. К. Толстой писал примерно в это же время:

«И землю единый из вас соберет / Но сам же над ней станет ханом! / И в тереме будет сидеть он своим, / Подобен кумиру средь храма, / И будет он спины вам бить батожем, / А вы ему стукать да стукать челом — / Ой, срама, ой, горькая срама! / ... / И с честной поссоритесь вы стариной. / И предкам великим на сором. / Не слушая голоса крови родной, / Вы скажете: «Станем к варягам спиной, / Лицом повернемся к обдорам!» («Змей Тугарин»).

А еще раньше на эту же тему писал Пушкин: «Что надо было сказать и что Вы сказали, это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью, правом и истиной, ко всему, что не является необходимостью. Это циничное презрение к мысли и к достоинству человека. Надо бы прибавить (не в качестве уступки, но как правду), что правительство все еще единственный европеец в России. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело бы стать во сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания» (Черновик письма к Чаадаеву. Октябрь 1836 г.).

Правительство хотя бы было воспитано в европейской культуре, у «мерзавцев» и этого не было. То, что в России правительство было «единственным европейцем», показала сталинская диктатура — мало кто заметил, что она была в тысячу раз хуже николаевского самодержавия. Снятие Хрущева, через сорок лет приоткрывшего форточку в Европу и поставившего памятник Марксу, а не Аракчееву и не Нечаеву, «широкие слои населения» встретили с радостным улюлюканьем.

Основная масса народа предпочла жить в норе или в «Загоне», как назвал свою статью Н. С. Лесков. Эпиграфом он взял несколько перефразированные слова из апостола Павла (2 Фес.11; 10-11): «За слушание истине будет верить лжи и заблуждениям». Начинается «Загон» так: «В конце сентября 1893 г. на заседании содействия русской промышленности и торговли один оратор прямо заявил, что Россия должна обособиться, забыть существование других западноевропейских государств, отделиться от них китайскою стеной». Приведа многочисленные примеры антиевропеизма от государя до крестьян, Лесков итожит: «С внешней стороны разные беспокойные люди старались проламывать к нам ходы и щелочки и образовывали трещины, в которые в загон скользили лучи света. Лучи кое-что освещали и то, что можно было рассмотреть, было ужасным. Явилась забота о том, чтобы забить трещины, через которые к нам проникал свет. Оттуда пробивали, а отсюда затыкали хламом». Великий вождь и учитель решил вопрос кардинально — хлам заменил железным занавесом.

«Кадетам европейской цивилизации» противостояли и противопоставят «ташкентцы». «Что такое ташкентцы? Всякий, кто в физиономии своего ближнего видит не образ Божий, а ток, на котором можно все время молотить кулаками, есть ташкентец; всякий, кто, не стесняясь, швыряется своим ближним, как неодушевленной вещью, кто видит в нем лишь материал, на котором можно удовлетворять всевозможным проказливым движениям, есть ташкентец» («Господа ташкентцы»).

* * *

Есть у А. Твардовского стихотворение «Ленин и печник»: ночью ворвались в избу печника люди в кожаных куртках и увезли неизвестно куда. Оказалось — печь у Ильича дымила. Починил печку, попил чаю с вождем печник и вернулся домой. Либеральнейший Твардовский написал это в укор Сталину.

А вот как описывает подобную ситуацию Щедрин: «Поэты много пишут об орлах и всегда с похвалой... Так что ежели, например, хотя воспеть в стихах городского, то непременно сравнивают его с орлом. Подобно орлу, говорят, городской бляха N такой-то высмотрел, выхватил и, выслушав, — простил... Я сам долго этим панегерикам верил. Выхватил... простил! Кого простил? — мышь!! Но однажды меня осенила мысль: с чего, однако, орел простил мышь? Бежала она по своему делу через дорогу, а он увидел, налетел, скомкал и... простил! Почему он «простил» мышь, а не она «простила» его? Дальше больше... Вижу тут что-то неблагополучно. Во-первых, не затем орел мышшей ловит, чтобы их прощать. Во-вторых, ежели и допустить, что орел «простил» мышь, то право было бы лучше, если бы он вообще ею не интересовался» («Орел-меченат»).

Один из щедринских «героев», проповедовавший «ненависть к сильным и презрение к слабым», именовался Беркутов («Пошехонские рассказы»). Для неосведомленных замечу, что излюбленным эпитетом Сталина было — «горный орел». Вот ведь до чего мы дожили — поэт XX века восхищался тем, что возмущало писателя века XIX!

Вспомните «Сон Попова» Ал. К. Толстого и сравните с историей, рассказанной Солженицыным: женщине приснился эротический сон, в котором фигурировал Буденный. Утром она рассказала его соседям по коммуналке, а вечером была арестована и получила 10 лет за «неприличные сны о членах правительства»!

Щедрин, Жемчужников изгалялись, гиперболизировали. Не пройдет и полвека, как «Проект о введении единомыслия в России» или «Сказка о ретивом начальнике» стали реальностью. А «Проект о расстрелянии», в котором говорилось: «А потому полагается небесполезным подвергнуть расстрелянию нижеследующих лиц. Первое, всех несогласно мыслящих. Второе, всех, в поведении коих замечается скрытность и отсутствие чистосердечия. Третье, всех, кто угрюмым очертанием лица огорчают сердца благонамеренных обывателей. Четвертое, зубоскалов и газетчиков» («Дневник провинциала»), — будет осуществлен буквально.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!

«Нигде не боятся так натурально, свободно, почти художественно. Но всего хуже, свойственный нам, русским, страх вовсе не принадлежит к числу так называемых спасительных. Если видишь себя на краю пропасти, то остановись и жди, пока ведомство путей сообщения не устроит здесь безопасного спуска, если нужно тебе переправиться через реку, уведомя о своей нужде земскую управу и ожидай пока она устроит мост. Ежели встретишь человека, который будет приглашать тебя в страну утопий, то жди покуда не будет выдана подорожная. К сожалению, не таков общеупотребительный русский страх. Увы! Под гнетом его мы порем горячку и мечемся. И вследствие этого не только не останавливаемся на краю пропасти, но чаще всего стремглав летим на дно оной» («Круглый год»).

Вот так, по дороге в страну утопий, мы однажды и сорвались в пропасть.

* * *

Наше время «мерзавцы», несколько потесненные от власти, сравнивают со смутным временем лжедимитриев. На мой взгляд, удачнее сравнить его с эпохой, наступившей после отмены крепостного права. Тогда надежды сороковых годов сменились восторгом начала шестидесятых, после чего наступили разочарование и растерянность.

Оказывается, Щедрин довольно близко описал и эту ситуацию:

«Какой вопрос прежде всего занял умы сеятелей? Вопрос о снабжении друг друга фондами. Мне тысячу, тебе тысячу — вот первый вопль, первое движение. Спрашивается: когда и какой бюрократ имел что-нибудь сказать против этого? Когда и какой бюрократ не изнывал при мысли о лишней тысяче? Когда и какой бюрократ не был убежден, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать? Никакой и никогда» («Новый нарцисс». 1868 г.).

Соответственно рассуждает и купечество: «Видно, у вас и насчет отечества-то... не шибко-таки любят!» — «Как не любить! Любят, коли другого не предвидится... Только, вот ежели сапоги или полушубки ставить... это уж шабаш!» («Благонамеренные речи». 1873 г.).

Разговор о том, что «рушится» сапожный промысел (там же): «Всему виной аршавский сапог!» — «Почему же варшавский сапог вашему дорогу перебил, а не ваш варшавскому?» — «Известно, от начальства поддержки нет». — «А вы бы не фальшивили. По чести бы делали». — «У нас колесо не нами заведено. А надо аршавский сапог запретить!». Там же: «Изречение: не пойман — не вор, как замена гражданского кодекса».

1879 г. («Убежище Монрепо»): «Это совсем не тот буржуа, которому удалось неслыханным трудолюбием и пристальным изучением профессии (хотя и не без участия кровопивства) завоевать себе положение в обществе; это просто праздный, невежественный и притом ленивейший забулдыга, которому благодаря слепой случайности, удалось уйти от каторги и затем слопать кишашие вокруг него массы «рохлей», «ротозеев» и «дураков».

Через 6 лет те же размышления: «Русский «чумазый» перенял от своего западного собрата его алчность и жалкую страсть к внешним отличиям, но не усвоил себе ни его подготовки, ни его трудолюбия («Мелочи жизни»).

1883 г. («Пошехонские рассказы»): «Во всех странах железные дороги для передвижения служат, а у нас сверх того и для воровства. Во всех странах банки для оплодотворения основываются, а у нас сверх того и для воровства».

Прошло почти полвека, пока внуки Деруновых и Разуваевых приобрели европейское образование и начали вести дело так, что «аршавский» сапог перестал их пугать. И все-таки Россия сорвалась в пропасть...

...Неужели ветер возвращается на круги своя? Неужели нам снова предстоит «Народная воля», возможно на этот раз — под колченогой свастикой? Октябрьский переворот? Очередной Угрюм-Бурчеев?

* * *

Что делать мне? Что делать каждому из нас? Что делать всем нам, «кадетам европейской цивилизации»?

...Не путать отечество с начальством. Не обольщаться очередным «мерзавцем», который обещает мочить врагов в сортире. Не подавать руки проходимцам.

Видеть в физиономии своего ближнего лик Божий, а не ток, для молочения кулаками, даже если это физиономия «кавказской национальности». Твердо считать воровство хуже простоты.

А там поднять военно-морской сигнал: «делай, как я!»... Спасем ли мы таким образом себя и других? Делай, как должен, и будь, что будет.

В.Ронкин, 24.10.99

ВЗ.2.2. «Что делать — мне?..»

От автора — сегодня

Здесь не комментирую концепцию Валерия Ронкина, которая представляется мне довольно убедительной (памятуя, что речь здесь все-таки об «обществе», а не о «народе»). Откликнусь лишь на заключительную часть его эссе: что делать — мне, тебе, нам?..

Когда-то моему другу (как, впрочем, и мне) казалось, что он знает, каким должен быть мир и как его переустроить. Для начала, его, этот мир, надо «разрушить», а там «построить» новый...

Тогдашнего «вольнодумства» и «инакодействия» моего друга оказалось достаточно для того, чтобы получить семь лет лагерей строгого режима (с 1965 по 1972 г.) плюс три года ссылки. Он гораздо раньше и больше меня понял что-то про общество, в котором живет. Правда, он сегодня уверен, что был не менее наивен, чем я, разве что по-другому. (Пожалуй, так и есть!) И еще одно между нами различие: в нем гораздо меньше, чем во мне, был развит инстинкт самосохранения.

*Теперь мы вроде «сравнялись»... И понято нами обоими в итоге стало как будто одно: **мир не надо переустраивать, в нем надо жить.***

А вот как жить — мне, тебе, нам? Это вопрос проблемный. И каждый должен решать его для себя только сам.

И если ты внутренне убежден, что живешь осмысленно и достойно, вот тогда, пожалуй, можно рискнуть и поднять «военно-морской флаг»: «Делай как я!».

Я бы переформулировал (и надеюсь, что мой друг с этим согласится): «Если хочешь — делай как я! А не хочешь — не делай...».

И если кому-то так хочется, то:

— пусть он путает отечество с начальством;

— пусть обольщается очередным «мерзавцем» (напомню, это не оскорбление, а цедринское обозначение определенного социального типа), который... и т. д.;

— пусть видит в физиономии ближнего не лик Божий, а ток, для молочения кулаками, особенно — если эта физиономия определенной национальности;

— пусть ворует, чтобы не быть или не прослыть «простаком»...

И так далее.

Но уж на то, чтобы я ему руку подал, — пусть не рассчитывает.

...Что же касается насилия, в прямом ли, в переносном ли смысле, и даже во благо (отдельному ли человеку, человечеству ли...), то, как замечено моим другом в разговоре, оно «всегда не конструктивно». (Хотя оно и оправдано для защиты — себя или, других ли — разумеется, при условии невыхода за пределы «необходимой обороны».)

Как-нибудь проживем — сколько успеем! — и с такими, кому руки не подадим, — рядом, но не заодно.

...Мир не пропал, пока хоть один человек в нем поступает как ему велит совесть, т.е. свободно, а не «по лжи». А их ведь, таких людей, и не так уж мало.

*И еще: у меня — свои, у каждого — свои, а часто — и **общие** (есть люди, которые — даже «флага» не выбрасывали, но хотелось и хочется «делать как они!») — недостижимые «эталоны», источники Света. Например, мои: Гефтер, Любичев, Сахаров... (Одного — лично знал; свет другого — в глазах тех, кого знаю, а они знали его; третьего — видел однажды издали...)*

Мир переустроится сам, и не в соответствии с нашим его образом желательного (идеального), а в результате реального взаимоналожения и взаимопереплетения (синтеза?) мыслей, воли и чувств.

*В конечном счете, он (мир) переустроится в результате действий и поступков **всех** актеров социального театра, часто обходящихся без «режиссеров» (которые претендуют быть таковыми).*

Твоя персональная роль в этой мировой пьесе (не нами сочиненной!) может быть значимой или малой, «эпизодической» или одной из «заглавных» (у кого-то...). Лишь бы эта роль не была тебе надиктованной! И лишь бы ты сам не диктовал другим, как им играть!

Вот и жизненный эксперимент... Вольному воля — «экспериментировать» над собою, но не над другими людьми. (Как же это иногда бывает трудно развести!)

Немного же мне, наконец, стало ясным...

*Пожалуй, это даже банальный вывод. Но, по крайней мере, — мой. **Твой? Ваши?***

А. Алексеев, ноябрь 1999

ВЗ.3. К вопросу о «парадигмах» в социологическом знании

[Наконец, мой собственный текст — «вместо заключения». Он — о логике развития социального познания, как она видится сегодня автору.

Ниже — тезисы одноименного доклада для научной конференции (СПб., июнь 1999). — А. А.]

1. Общую логику развития научного знания можно усмотреть в движении от синкретизма через дифференциацию к интеграции или синтезу. Эта логика универсальна, однако она специфицируется в каждой из ветвей «древа познания», будь то естественно-научное, формально-абстрактное или социально-гуманитарное знание и отношения между ними, будь то отдельные научные отрасли и частные дисциплины.

2. По-видимому, схоластичны споры о точке «начала» всякой новой парадигмы, ибо внутренние предпосылки для таковой могут оказаться заложены не только в трудах непосредственных предшественников ее «родоначальника», но и глубоко «запрятаны» в толще человеческой культуры. «Зерно» прорастает, когда ему приходит «время» (которое, в отличие от потенции прорастания, в самом зерне вовсе не заложено).

3. В истории развития социологического знания мы как будто переживаем сегодня период смены парадигмы от «объектной» социологии к социологии «субъектсодержащей» [1]. «Другую» социологию называют также качественной (в отличие от количественной), «индивидуоцентричной» или «антропоцентричной» (в отличие от «социоцентричной»), использующей «мягкие» или гибкие методы (в отличие от «жестких» и строгих), «нестандартной» (в отличие от «стандартной»), гуманитарной или гуманистической — некоторые из наименований уже приобрели терминологический статус.

4. Наступление этой «новой» парадигмы сопровождается активной самообороной приверженцев «старой», иногда даже отказывающих качественной, гуманитарной социологии в праве называться наукой [2].

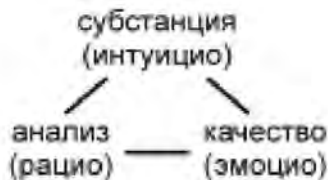
5. Автора этих строк, по совокупности его личных профессиональных усилий, вероятно, следует отнести к труженикам именно «нестандартной» социологии [3]. Однако мы вовсе не считаем, что неклассическим подходам суждено «победить», вытеснить те, которые давно успели стать классическими.

6. Социальное знание не может быть сведено ни к рациональному, ни к сенситивному, ни (добавим третий!) к интуитивному аспекту. В синкретизме исторических начал (генезиса) этого знания различимы все три «корня», причем третий, в качестве «социальной философии», получил, пожалуй, самое раннее развитие. Другие, позднее, соприкасались или резонировали либо с естествознанием, либо с искусством (как формой постижения «человеческой природы»). Но ни один из них не может претендовать на приоритет перед другими.

7. Опираясь на идеи тринитарной методологии, разрабатываемой Р. Г. Баранцевым, нами было предложено следующее представление о тринитарной структуре «социального знания» [3]:

Такая структура отвечает фундаментальному семантическому архетипу [4; 5]:

(Оговорим, что в этом «плоскостном» изображении нет «верха» и «низа», «левого» и «правого»: «вершины» треугольника можно менять местами.)

8. Историческое развитие знания об обществе, происходившее, начиная с середины XIX века, под мощным влиянием естественных наук (физика, биология), выдвинуло «объективную» (рациональную) компоненту на первый план. А поскольку это совпало с дифференционным процессом — становлением социологии как особой научной дисциплины, именно этот аспект и стал отождествляться с социологическим знанием, как его атрибутивный признак.

9. Примечательно, однако, что уже в трудах основателей современной социологии (в частности, М. Вебера, еще ярче — у Г. Зиммеля) обнаруживаются предпосылки для последующей гуманистической критики структурно-функционального и позитивистского подхода, занявшего главенствующее положение в мировой социологии к середине XX века. Поначалу не столь интенсивно развивалась альтернативная этому подходу «интерпретативная» социология, истоки которой возводят к «символическому интеракционизму» Дж. Мида. Тем не менее, идеи этого направления во многом реализовались и получили развитие в работах «чикагской школы» (20–30-е гг.), а окончательно теоретически конституировалось оно уже во второй половине XX века, в «феноменологической школе» (А. Шюц, Г. Гарфинкель и др.).

10. Последние десятилетия ознаменованы небывалым развитием качественных методов, претендующих сегодня стать ведущими в социологии. Что это — смена парадигмы? Мы полагаем — нет. Скорее — установление (восстановление?) баланса, преодоление известной «однобокости» прежнего этапа развития...

11. Разумеется, и социальная философия, соотносимая, как нам представляется, с субстанциальным (интуитивистским) аспектом вышеуказанного тринитарного архетипа, получила в наше время отнюдь не замедленное развитие. Только она, в отличие от двух социологических «парадигм», пока не вмешивается в их спор (занимаясь «своими» мировоззренческими и смысложизненными вопросами, а не «общественным устройством» или «человеческим взаимодействием»). Между тем, именно социальной философии (философской социологии?), «не опознанной» в качестве элемента системной триады социологического знания, скорее всего и предстоит этот спор разрешить.

12. «В системной триаде каждая пара находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задает меру со-единения» ([6], с. 64). Это общеметодологическое положение заслуживает применения в анализе логики развития социологии.

13. По-видимому, неравномерное, так сказать, «поочередно» интенсивное или «опережающее» (в пределах конкретного исторического периода) развитие разных научных подходов и направлений (эмпирически воспринимаемое как «смена парадигм») является и закономерным, и, вместе с тем, «счастливым» обстоятельством развития мировой социологии (существенно обусловленным, как отмечалось выше, социокультурным и общенаучным контекстом). Ибо этим обеспечивается **нелинейность** развития, происходит **самоорганизация** системы социального знания.

14. Вернемся к началу нашего рассуждения. С точки зрения автора этих строк, налицо — очередной этап движения от синкретизма через дифференциацию (а теперь, добавим: и плюрализм, и диалог!) к синтезу. А вовсе не поступательное движение в «единственно правильном» направлении, и не «научная революция» (смена парадигм, когда новая отрицает старую, включая ее в себя как «частный случай»).

15. Здесь уместно обратиться к интегралистской концепции знания о социальной реальности Питирима Сорокина. Согласно Сорокину, «коронная дорога» психосоциального знания состоит в интеграции трех основных «каналов» или методов познания: сенсорного восприятия-наблюдения, рассудочной логико-математической мысли и сверхчувственно-сверхрациональной интуиции.

Согласованное использование всех трех каналов «дает нам знание о всех трех аспектах нашей реальности, тогда как пользование только одним из них обеспечивает знание лишь об одном аспекте. При интегрированном использовании всех трех каналов знание, получаемое через один из них, дополняется и проверяется знанием из других двух каналов», — писал П. Сорокин в своей, пока не изданной у нас, книге «Причуды и слабости современной социологии и родственных наук» (1956) ([7], с. 122).

Понимаемое таким образом интегральное изучение психосоциального мира охватывает все главные методы исследования и постижения психосоциальной реальности: эмпирический, логико-математический и интуитивный. Каждый из этих методов предназначен

для соответствующего ему аспекта интегральной реальности. Для интегрального познания целостной «трехмерной» психосоциальной реальности должна использоваться объединенная система всех трех главных методов ([7], с. 123).

16. В свете всего сказанного, любая из «парадигм» современной социологии предстает недостаточной для постижения социальной реальности как **целого**. Но и без любой из них такое постижение невозможно. Между разными подходами может и должно быть установлено не только «разделение труда» (сфер интересов, предметных областей), но и отношение **взаимодополнительности**. Это было бы значимым шагом на пути к синтезу. Другим важным шагом к синтезу, на наш взгляд, могло бы стать специальное рассмотрение как синкретических, так и дифференцированных подходов — в плане поиска прообразов, «предвосхищений» интеграционного процесса.

17. Подчеркнем, что синтеза здесь следует ожидать вовсе не в форме некой всеобъемлющей социальной теории, объясняющей «все и вся», тем более — не в форме нового учения-проекта переустройства мира. Интегральное социологическое познание предполагает единство целого при свободе частей, каждая из которых отражает также и целое.

18. Если вспомнить еще одну из фундаментальных триад, сложившихся в истории человечества, то можно сказать: «тело», «душа» и «дух» знания о социальном и человеческом мире в перспективе должны составить систему, **открытую** — как для взаимопроникновения (взаимообогащения) своих составных частей, так и для всего универсума человеческого знания.

Литература

1. Ильин В. В. Теоретическое и эмпирическое в социологии: смена парадигмы? // Социс, 1996, ¹ 10.
2. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал, 1994, ¹ 2.
3. Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997.
4. Баранцев Р. Г. Системная триада — структурная ячейка синтеза / Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989.
5. Баранцев Р. Г. Динамика как путь к синтезу / Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994.
6. Баранцев Р. Г. Тринитарный смысл культуры / Культура XXI века: Человек, Общество, Космос. Владивосток, 1996.
7. Сорокин П. Интегральная теория познания социальной реальности // Реальность и субъект, 1998, ¹ 2/3.

(А. Н. Алексеев. К вопросу о «парадигмах» в социологическом знании // Роль фундаментальных социологических исследований в преподавании гуманитарных дисциплин и становлении гражданского общества. Ч. 2. СПб., 1999).²

² Автор признателен коллеге и другу, докт социол наук Самуилу Ароновичу Кугелю за приглашение к участию в вышеупомянутой научной конференции, давшее повод к написанию этих тезисов

В3.4. Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования

Verba volant, scripta manent. (лат.: Слова улетают, написанное остается).

[Ниже — тезисы одноименного доклада на семинаре «Жизненные повествования: методы и социокультурные реальности», происходившем в г. Киеве 30.11–1.12.2000. — А. А.]

Целью настоящих заметок является общая постановка вопроса о таком специфическом моменте повседневной жизни современного человека, который можно метафорически определить как **эстафета памяти**.

* * *

1. Порождение автобиографических повествований (нарративов), со здание и накопление «историй жизни» и «семейных хроник», по нашему убеждению, есть задача не только гуманитарно-научная, но и общекультурная. В конечном счете, это задача продления **памяти** человечества — ее сохранения не «на скрижалях истории», а в мельчайших «капиллярах» и «клеточках», в самой толще социальной жизни.

Названная задача, в качестве таковой, далеко не вполне общественно осознана, во всяком случае — эта работа пока не вошла в повседневный быт и культурный обиход семей и граждан.

Люди привыкли жить «сегодняшним днем», иногда они «планируют будущее», однако редко «оглядываются назад» и сплошь и рядом не осознают свой собственный **жизненный путь** как некую культурную, духовную, социальную ценность.

2. Общая постановка вопроса: «человек — это прежде всего его собственная жизнь», в терминах еще «донаучных», содержится в одном из наших текстов 1983 г. [1]. Попытка концептуализации и обоснования категорий **фамильная ценность** и **семейная память** см. в работе 1998 г. [2].

За последнее десятилетие научная работа по сбору и анализу «историй жизни» и «биографий семей» получила плодотворное развитие в ряде исследовательских центров Москвы, Киева, Санкт-Петербурга. (Здесь эти центры и их труды не перечисляем.)

3. Автобиографическое повествование (АП) выступает одной из естественных форм презентации жизненного пути и «объективации» памяти, прежде всего — индивидуальной памяти, без которой не может быть и «памяти коллективной». К названному типу текстов примыкает жанр самодеятельных **семейных хроник** (СХ), где, с большей или меньшей степенью подробности, представлены жизненные пути всех членов многопоколенной семьи, в их переплетении. В дальнейшем будем говорить в основном об **автобиографическом повествовании**, хотя все сказанное может быть отнесено и к семейной хронике (биографии семьи).

4. Рассмотрим сначала вопрос о ресурсах, или источниках АП. Здесь можно выделить три основные группы ресурсов «истории жизни»:

а) **личный** (соответственно — семейный) **архив**, в широком смысле, — включая всю совокупность документальных материалов, «жизненных свидетельств», как личностных, интимных, так и официально-публичных, относящихся к данному индивиду (семье); б) **живая память** ныне здравствующего человека («память о своей жизни, о своей семье»); в) **память других** — о данном человеке или людях (ныне здравствующих или покойных); она может быть как «живой», так и документированной.

5. К разряду личностных документов относятся любые тексты, отражающие факты поведения и сознания данного, конкретного человека, причем отражающие их — иногда «специально», иногда (чаще) «попутно», т.е. без сознательной установки на фиксацию таковых фактов. К ценнейшим документам такого рода относятся: **дневники** (ныне — едва ли не культурный реликт!); **письма** (как собственные письма данного индивида, так и, пожалуй, в не меньшей мере, адресованные ему); **фотографии** и другие изобразительные материалы, а в последнее время также — любительские **аудио- и видеозаписи**.

Весьма информативным источником или ресурсом АП (СХ) являются также «официальные» документы, особенно — такие, где сам субъект жизни выступает автором (копии листов по учету кадров, «служебные» автобиографии, обращения в официальные органы и т.п.), но также и адресованные данному человеку или посвященные ему (от метрического свидетельства до профсоюзного билета или пенсионной книжки).

6. К сожалению, «рядовой человек», не сознающий историю собственной жизни и жизни тех, с кем он повседневно общается, как культурную ценность, плохо сберегает эти «жизненные свидетельства». А отношение его потомков, наследников к этим «следам» прожитой жизни порой является просто варварским. В итоге, документированная память (личный архив) нередко оказывается еще менее долговечной, чем «живая».

7. Вообще, ресурсы АП — конечны. «Живая память» субъекта, разумеется, хранит впечатления, «воспоминания» (часто избыточные абберациями, связанными с последующими «напластованиями» жизненного опыта). Однако чем дальше во времени — тем меньше точность и достоверность биографической информации (если она не может быть подкреплена документами).

8. Здесь возникает проблема как личной ответственности человека за сохранение «себя» (в случае СХ — всех членов семьи) во времени, так и — особенно — **ответственности младших поколений** за сбережение памяти о старших. Дети еще кое-что помнят о своих родителях, а уж о родителях родителей (если не застали их в живых), а тем более о прадедах — не больше того, что написано на кладбищенском кресте (если хоть он цел).

Процесс «истирания» памяти в конечном счете неизбежен, но как правило (в частности, в нашем обществе, пережившем трагедию ее уничтожения) довольно слабо развита общекультурная установка на «торможение» этого энтропийного процесса.

Можно понять тех наших старших современников, которые в суете буден не оставили детям писаной истории своей жизни. (Или — намеренно «оберегли» своих детей от «опасной» информации из семейного прошлого, как это часто случалось у наших отцов и дедов.) Однако сегодня становится уже непростительным, если человек не рассказал, не записал, не зафиксировал (для своих детей, внуков) хотя бы минимума биографической информации **о своих родителях**: ведь после их смерти он зачастую оказывается единственным живым носителем этой информации. И когда он сам уйдет, взять ее будет почти неоткуда.

Как видно, проблема автобиографического нарратива и семейной хроники является также и **моральной** проблемой.

9. Конечно, работа ученых, записывающих «истории жизни», журна листов, проводящих «конкурсы биографий», вообще — всякие институциональные усилия запечатлеть уходящее время (эпоху) «в точке пересечения биографии и истории общества» [3] имеют общекультурное значение. Однако остается проблема сохранения «памяти о жизни» **каждого человека**. А это уже не может быть решено накоплением АП и СХ в исследовательских архивах и т.п., а только — развитием и распространением **культуры** создания таких «историй» и «хроник» в каждой семье.

Автобиографическое повествование (писаное самим субъектом жизни или записанное с его слов), равно как и семейная хроника, в принципе должны стать элементом нашего жизненного обихода, что, по-видимому, потребует специальной просветительной работы. Необходимо воспитание в людях — и культуры жизнеописания, как такового, и культуры сбережения личных архивов (прежде всего в семьях), и «культуры памяти» вообще как неотъемлемого элемента цивилизованного общества и личности.

Понятно, что такая социокультурная программа реализуется не скоро, но надо хотя бы ее сформулировать.

10. Обозначим некоторые **нормы** автобиографического повествования. Здесь выдвинем три «постулата», равно относящихся как к письменному, так и к устному АП:

а) Постулат **фиксации семейных корней**. Всякая «история жизни», для какой бы цели она ни создавалась, должна включать генеалогическую информацию — столь подробную, насколько это под силу автору данной истории. При том, что о предках рассказать больше некому, субъект повествования должен сделать это — в силу культурно-нравственного императива, отмеченного выше.

(Для семейных хроник указанный аспект выдвигается на передний план.)

б) Постулат **внятности биографического текста**. «История жизни» может быть: краткой или развернутой; «объективной» или эмоционально окрашенной (насыщенной); выстроенной хронологически или тематически, или еще как-либо иначе. Но субъект должен позаботиться о тех, кто его услы-

шит или читает. В АП должны быть по возможности четко обозначены узловые точки «жизненной траектории» (что, где, когда...), хотя бы приблизительно датированы жизненные события. Важно, чтобы у воспринимającego этот текст не возникло неясностей (разве что сам повествующий намеренно опускает нечто важное, чего-то не хочет сообщать).

(Семейные хроники требуют внимания к четкому определению степеней родства; желательно построение генеалогического дерева, что требует минимального обучения.)

в) Постулат **ценности «истории жизни»**. Конечно, хорошо, если инициатором фиксации «воспоминаний о жизни» выступает близкий носителю биографической информации человек, младшие члены семьи или профессионал-исследователь. Однако пусть даже человека (обычно это человек пожилой) никто к этому особенно не побуждал — он должен «убедить себя» или принять а priori, что его жизненная история (семейная хроника) нужна, что она может быть **востребована** не сегодня, так завтра, близкими или далекими, знакомыми или не знакомыми ему людьми.

Допустим, «заказчика» на АП (СХ) сегодня нет. Можно в таком случае посоветовать всякому, особенно — человеку в преклонном возрасте, поискать и своевременно назначить своего «душеприказчика» — такого, которому он может «оставить» писаную историю своей жизни (а тот — сохранит) или рассказать (а тот — запишет и т.д.). Также желателен выбор конкретного «душеприказчика» и для личного архива, даже — совсем небольшого. (И это вовсе не обязательно должен быть наследник имущества, материальных ценностей.)

Вообще, АП и СХ являются интеллектуальной собственностью, заслуживающей «наследования». Пусть для этого нет юридических, но вполне возможны культурные, нравственные регламенты.

11. Нашу постановку вопроса о сбережении памяти можно было бы иллюстрировать множеством примеров, имея в виду прежде всего деятелей науки и культуры. Архивы некоторых из них (включая дневниковое, эпистолярное наследие), в силу разных исторических и личных обстоятельств, порой бывали безвозвратно утеряны. Но немало и счастливых примеров, когда личный архив (а не только опубликованные мемуары!) сохранился и сберегается в полном объеме и порядке.

Последнее чаще имеет место, когда сам человек, хоть как-то, позаботился (имел возможность позаботиться) об этом, а его родственники, друзья, ученики, реже — государство, в свою очередь, приложили к тому старания. Здесь стоит заметить, что иногда усилия частных лиц по сохранению конкретных личных архивов оказываются поистине героическими.

Подчеркнем, однако, еще раз, что сбережения заслуживает память о **любом** человеке, а не только об «исторических личностях»! И простейшим и универсальным способом сохранения памяти оказывается написанное самим человеком **жизнеописание** (или — зафиксированный техническими средствами биографический рассказ, или хотя бы конс-

пективная запись, вручную, с его слов). Хорошо, если кроме «живой памяти» при этом использовались также и иные источники.

12. Для того, чтобы сами по себе АП и СХ стали **нормой** нашего культурного обихода, нужна работа по научению и пропаганде «биографической деятельности». Ныне в популярной литературе наблюдается бум «учебников жизни»: как строить отношения в семье, на работе и т.д., как «достичь успеха» в жизни, и т.п. Но отсутствует практика наставлений, как сделать память о себе (и других людях) культурным достоянием (не обязательно — всеобщим, пусть ограниченным рамками семьи в нескольких поколениях; чтобы осталось от человека не только посаженное дерево или надпись на могильной плите).

13. Обратимся к вопросу об **эффектах** автобиографического повествования (семейной хроники).

Одна группа эффектов уже была обозначена выше, назовем их **культурными**: сбережение памяти о конкретном человеке (людях, роде), прежде всего — в семье, как той клеточке общественного организма, где эта память в принципе имеет наибольший шанс сохраниться (а биографический или хроникальный документ стать семейной реликвией, наряду с обычно сберегаемыми, но редко датируемыми фотографиями).

Другая группа эффектов — **воспитательные**. «Истории жизни» и «биографии семей» — не дидактический материал. Но «доподлинное», воплощенное в них знание о жизненных путях старших (включая тех, кого младшие «не застали») несет в себе мощный воспитательный заряд. И это «педагогическое» воздействие может оказаться куда более эффективным, чем навязчивые попытки со стороны старших научить молодых — «как жить» (от которых те зачастую — и порой справедливо! — отмахиваются).

И третья группа. Это — такие эффекты АП (СХ), которые не всегда замечаются, но почти всегда присутствуют: эффекты **ауторефлексивные**. Всякий человек рано или поздно (и не однажды на протяжении жизненного пути!) задумывается о собственной жизни. Один — с горечью или тревогой, другой — с «сознанием исполненного долга», третий — для того, чтобы «себя понять» или решить «как жить дальше», четвертый — сравнивая свой жизненный путь с судьбами других членов рода.

14. О последней (третьей) группе эффектов — чуть подробнее. Жизненная ауторефлексия может быть не спонтанной, не ситуационной, не подспудной, а — систематической, универсальной и осознанной. И «история собственной жизни» есть повод, или основание, или стимул — для «размышления о жизни».

При этом у автобиографического нарратива часто возникает особый, **психотерапевтический** эффект. Ибо в итоге «воспоминаний о жизни» человек, как правило, имеет возможность убедиться, что все же «не зря жил» (или «не зря живет»); а если не все в жизни «удалось» («удаётся»), то, оказывается, он сделал (делает), «что мог» («что может»)… Сожаление же об утраченных возможностях, будучи «выговорено», меньше берedit душу.

(Конечно, возможна и обратная ситуация: «... и с отвращением читая жизнь мою...»). Поэтому, при отсутствии живого собеседника, может быть, лучше ограничиться «сухим» изложением фактов.)

Так или иначе, особенно в пожилом возрасте, особенно при побуждении со стороны — не к импульсивному (и обычно истирающемуся из памяти слушателей) воспоминанию, — автобиографическое повествование (семейная хроника), тем более при уверенности в том, что оно будет востребовано, может стать смысложизненным занятием, поддерживающим жизненные силы и даже «целительным» лучше иных лекарств.

15. Как видно, наша постановка вопроса выводит субъекта биографического нарратива или семейной хроники из положения объекта или — «всего лишь»! — источника информации, для культурно-исторических, социологических и т.д. штудий. Последняя цель, конечно, существенна. Но не следует забывать о **самоценности** АП (СХ) как одного из способов самовыражения, самопознания и самоутверждения личности.

16. Итак, не для того лишь нужны «истории жизни» и «биографии семей», чтобы их потом анализировать и обобщать («реконструировать эпоху», познавать ее «в человеческом измерении» и т.п.). Жизнеописание (иногда вырастающее в «размышление о жизни») есть шанс для всякого человека продлить «себя» (или «себя и других» — для случая СХ) — если не в веках, то в десятилетиях — в памяти индивидуальной, семейной, коллективной.

Это — простейшая, самая доступная (доступная практически каждому, хотя иным людям — нужна помощь, причем не обязательно профессиональная) форма кристаллизации жизненного опыта и жизненного самоотчета (имея в виду АП).

17. Естествоиспытатель и краевед С. Н. Поршняков (1889–1982), именем которого назван краеведческий музей в г. Боровичи (Новгородская обл.), формулировал в своем «духовном завещании», писанном в 1942 г., такую заповедь: «Умение **итожить опыт своей жизни** — по периодам и этапам (говоря языком исследователей — умение **«камеральничать»**)...» [4].

Если жизнь человека сравнить с исследованием (каковым она в ряде отношений и является), то автобиографическое повествование может рассматриваться как способ подведения «промежуточных» или «предварительных» жизненных итогов. А это необходимо и самому человеку, и тем, кто «придет на смену». И ценность таких повествований не уменьшается, а прирастает с ходом времени.

18. В заключение повторим однажды сказанное: «человек — это прежде всего его собственная жизнь...». **А история жизни** (автобиографическое повествование, семейная хроника) есть не просто ее (жизни) конспективное отображение, но и особый способ отложенной во времени коммуникации поколений и духовного преодоления природных границ индивидуального человеческого бытия.

* * * Автор этих строк убежден, что письменная «эстафета памяти» («память до востребования») нуждается в осмыслении: и как культурная задача общества, и как нравственный императив личности.

Литература

1. *Алексеев А. Н.* Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 292–294.

2. *Алексеев А. Н.* Семейная ценность и семейная память (к постановке вопроса) / Дом человека (экология социально-антропологических процессов). СПб., 1998, с. 55–57.

3. *Миллс Ч.* Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998, с. 16.

4. *Поршняков С. Н.* Завещание (то, чего желаю в жизни вам — из достигнутого и недостигнутого мною за 55 лет моей жизни). 1942. (Рукопись; хранится в архиве Ю.А. Щеголева).

А. Алексеев, ноябрь 2000 — февраль 2001
(Опубликовано в Интернете: <http://www.socio.ru/public/alekseev/Biogr.doc>)³

ВЗ.5. Возвращаясь к эпиграфам: далекий «желаний край»

[Вообще-то, эпиграфы принято ставить в начале. Они там и стоят.⁴ Но почему не дать каждому из этих авторов продолжить свою мысль, перед тем, как поставить последнюю точку? Так и сделаем. — А. А.]

...Расширению сферы свободы человеческого духа противостоят стереотипы мышления и поведения, предрассудки, унаследованные от прошлого и создаваемые сейчас, инертный конформизм. Общеизвестно, каким запасом прочности они обладают и какого труда стоит их преодоление. В наше время эта альтернатива становится все более острой — в силу неимоверно возросшего объема информации. С одной стороны, нам стали доступны политические, культурные, научные сведения, раздвигающие горизонты познания, и по горизонтали и по вертикали — в глубь веков. И это великое благо. С другой стороны, все больше мы попадаем под воздействие заранее истолкованных фактов — фактов, упакованных в концепции, и можем легко стать жертвой новых стереотипов, если не выработаем в себе самостоятельное, личностное отношение к миру с его сложными проблемами.

...Человеческое «я» включает в себя всю вселенную. Никто не может представить себе вселенную вне себя, тем более вселенную людей. Чем больше человек познает, преодолевая трудности непонимания, тем больше на своем веку удается ему реализовать себя...

Ч. Айтматов (Из предисловия к публикации повести Ананта Мурти «Самскара»; Иностранная литература, 1984, N 12) (@)

³ См также: *Алексеев А. Н.* Письменная эстафета памяти (о ресурсах, нормах и эффектах автобиографического повествования) / XIII Люблинские чтения Ульяновск: Ульяновский гос педагогический университет, 2001; *Алексеев А. Н.* Эстафета памяти // Телескоп Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2001, ¹ 4

См эпиграфы к тому 1 настоящей книги

* * *

...Просвещенные философы наших дней поняли, что самая общая и коренная проблема мысли в так называемой **«коррелятивности субъект-объекта», в соотносительности субъект-объекта**. Более мужественные из философов говорят даже о **«тождестве субъект-объекта»**. Что значит эта, такая отвлеченная формула? Что это: нечто уже данное или только далекая, далекая задача жизни?

Спокойные заместители философских кафедр хотят как будто сказать, что это данное «Я» (субъект) и «мир» (объект) всегда и неизбежно, будто бы, соотносительны и равны! Нет и не может быть «объективного» без «субъективного», а субъект не может сказать ничего содержательного, кроме того, как он представляет себе объекта и мир! Говорить только об объективном, полагая, что удалось освободить его от своего субъективного, это такая же фикция и самообман, как и полагать свой «субъект» независимым и обособленным от объекта и мира.

Так говорят философы, захолодевшие на своих профессорских кафедрах! Философский язык — кознязык! Суконен!

Более горячие и более горячо чувствующие жизнь говорят, что тождество субъекта-объекта это **лишь предел стремлений!** Это правда, что для человека нет ничего дороже, чем согласие его внутренних желаний и окружающего внешнего мира; и счастлив человек лишь там, где он со своими желаниями и мир со своей фактической настоятельностью — одно... И поэт, и ученый, и техник, и политик, и пророк, и подвижник приходят к своей радости лишь там, где им удастся так неразрывно согласить свое внутреннее с действительностью, что **уже нельзя бывает сказать: он ли подчинился действительности, или действительность подчинилась ему** (здесь — выделено мною. — А. А.). В счастливый час действительного творчества поэт, ученый и пророк одно неразрывное бытие с тем миром, который они учуяли.

Но это не одно и то же — **учуять** красоту и правду, и действительно **выявить** их, — между тем и другим такая же разница, как между **желанием** и **осуществлением!** Ну, а если так, то соединение и согласие между субъектом и объектом есть далеко не тотчас данное, а далекий **«желаний край»**...

А. А. Ухтомский (Из писем к Е. И. Бронштейн-Шур. 1928; цит. по: Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М., 1973) (@)

* * *

...Каждая человеческая «истина», каждая «теория» есть только временная доминанта, направленная на свой «разрешающий акт», на проверку в ближайшей будущей реальности. Она оказывается ложной, если это окажется в дальнейшей непосредственной проверке, и уж во всяком случае, она ложь, поскольку утверждает себя, как окончательная и последняя, ибо тем самым она исключает дальнейший ход действительности и истории, всегда самоцветный и новый, как драгоценный камень. **В погоне за истиной, как за своей возлюбленной, человек подобен плывцу с Делоса, описанному в древней легенде** (здесь и далее выделено мною. — А. А.): вот он плывет изо всех сил к острову, который виднеется издалека, наконец как будто доплывает, уже чувствует песок под ногами; и в тот момент, когда он готов уже выйти на воделенный берег, остров опять уходит от него на прежнее расстояние, опять требует труда,

опять влечет за собою. Опять труд, опять движение вперед! И дорого то, что так дорого дается, — пускай возлюбленная будет все время впереди, — **пловец не заметит, если и утонет в своем движении вперед!**

А. А. Ухтомский (Из писем к Е. И. Бронштейн-Шур. 1927; цит. по: Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М., 1973) (@)

[...и не заметил, как утонул. — А. А.]

* * *

От автора — сегодня (заключительная ремарка)

Завершая эту публикацию, автор хотел бы обратить внимание читателя на возросшую, в самое последнее время, актуальность описанного здесь жизненного случая и опыта «драматической социологии» середины 80-х.

Наше «переходное общество», вроде бы успевшее с тех пор сменить свои устои, ныне опять — на пороге перемен. И — пока — скорее «к худшему», чем «к лучшему» (если воспользоваться формулами экспертной методики 20-летней давности).

А «человеку выживающему» в этом обществе, если наделен он способностью уважать себя как других и других как себя, вновь приходится задаваться роковым вопросом: как же все-таки жить «не по лжи»? (Пусть «другая», но всякая ложь — это ложь!)

Новые, массовые и личные, социодрамы разыгрываются на наших глазах и с нашим участием. Как всегда — лучше бы обойтись без этих «вызовов» судьбы или судьбе. Но коль скоро они возникают, губительно от них уклоняться.

(Февраль 2001 — апрель 2002).

Конец тома 2

Алексеев Андрей Николаевич
Драматическая социология и
социологическая ауторефлексия
Том 2

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Технический редактор - Н. М. Фофанова Художник - Ю. Н.
Куршева Компьютерная верстка - Т. Е. Коськова Корректор - Н.
И. Калинина

ЛР ¹ 063113 от 15.12.98.

Сдано в набор 1.09.2002 г. Подписано в печать Формат
60x90/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура Tense.
Усл. п. л. 30. Тираж 400 экз. Заказ ¹

Издательство «Норма» 192102, Санкт-
Петербург, ул. Салова, 37 **И** 199406,
Санкт-Петербург, а/я 182 E-mail:
nor@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии газеты «На страже Родины»
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая пл., 10